111
HC-15024
1913-1-6

III
Эн13188
9/6 15.024
1913-16
9р

07 23027

УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ

№ 1.
ЯНВАРЬ 1913 г.

Москва. Годъ изданія второй.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.
Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Портретъ Б. С. Познанскаго.

I. **О переоцѣнкѣ.** *С. В. Петлюры* 5

II. **Объ украинскомъ національномъ возрожденіи** (Отвѣтъ на анкету „Украинской Жизни“). *Проф. Ѳ. Е. Корша* 14

III. **Воспоминанія.** *Б. С. Познанскаго* 25

IV. **Русское землевладѣніе въ Правобережной Украинѣ.** *В. В. Садовскаго.* 45

V. **Край скорби** (Новеллы и разсказы В. Стефаника). *М. Данька.* 59

VI. **Къ вопросу объ изученіи украинскаго права.** *И. В. Лебединскаго.* 68

VII. **Украинское духовенство въ Галиціи** (Изъ впечатлѣній туриста). *Юр. Стрыжавскаго.* 81

VIII. **На текущія темы.** Къ итогамъ и перспективамъ.—Обычная и сверхсмѣтная порука.—О неисправимомъ оптимизмѣ и объ одномъ доносѣ.—Въ раздумьи.—Хватитъ. *С. А. Ефремова.* 92

IX. **Объ украинскомъ архитектурномъ стилѣ** (По поводу статьи А. Л. „Украинскій архитектурный стиль“). *А. Вар—а* 100

X. **На Украинѣ и внѣ ея.**—За мѣсяцъ.—Украинскій худож.-архитектурный отдѣлъ при Харьк. Лит.-Худ. Кружкѣ.—Украинскіе артисты за границей. І. Соломея Крушельницька.—Къ юбилею Ивана Франка.—Концертъ „Просвіти“ въ Екатеринославлѣ.—Изъ жизни украинской колоніи въ Москвѣ. . . . 108

XI. **Библіографія.**—Венгерскій трудъ по національному вопросу. *Н. А. Бочковскаго.—Б. Гринченко.* На безпросвѣтномъ пути. *О. Б.—Дм. Донцов.* Модерне москвофильство. *А. Ѳ. Саликовскаго.—I. Bartoszewicz.* Polski stan posiadania na Rusi. *В. С.—Чернявський* Богови Невідомому. *Мих. Могилянскаго.* 127

XII. Литературная лѣтопись.—Содержаніе украинскихъ журналовъ. Книги, поступившія въ редакцію. . . 137

XIII. Объявленія.

XIV. Указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Украинской Жизни“ въ 1912 году.

ЭЖ3188

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ

на ежемѣсячный журналъ

„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ".

(Второй годъ изданія).

Журналъ издается на русскомъ языкѣ и ставитъ своею цѣлью ознакомленіе общества съ состояніемъ, ростомъ и задачами украинскаго національнаго движенія и вообще съ жизнью, потребностями и запросами 30-милліоннаго украинскаго народа.

Въ теченіе 1912 года въ „Украинской Жизни" были напечатаны, въ числѣ другихъ, слѣдующія статьи.

Проф. М. С. Грушевскій. Украина и украинство.—**Его же.** Новое знамя націоналистовъ.—**О. Бѣлоусенко.** Гибель „Просвіт".—**Его же.** Украинскіе моменты въ холмскомъ вопросѣ.—**Его же.** Lex Pichniana.—**Старый Украинецъ.** Украинскій книжный языкъ и общерусская культура.—**Ан. Василько.** Къ холмскому вопросу.—**А. Ѳ. Саликовскій.** Судьбы украинскаго слова.—**Его же.** Больной вопросъ.—**Его же.** Одна изъ очередныхъ задачъ.—**Б. А. Кистяковскій.** М. П. Драгомановъ и „Вольное Слово".—**С. В. Петлюра.** Къ драмѣ жизни Шевченка.—**Его же.** Къ вопросу о культурномъ творчествѣ.—**Проф. Ѳ. Е. Коршъ.** Къ спору объ украинской культурѣ.—**Д. Сиромаха.** Соединеніе Украины съ Москвою.—**Проф. А. Л. Погодинъ.** Соединеніе или разложеніе?—**С. Буда.** Памятникъ Т. Г. Шевченку.—**Его же.** Украинскій театръ.—**К. М. Оберучевъ.** Къ вопросу объ экономическихъ отношеніяхъ Украины къ Великороссіи и Польшѣ.—**В. Ладыженко.** Національное искусство и задача искусства на Украинѣ.—**Ник. Василенко.** Декабристъ объ Украинѣ.—**Н. В.** Политическіе взгляды М. П. Драгоманова.—**М. М. Могилянскій.** О культурномъ творчествѣ.—**Его же.** Коцюбинскій и Винниченко.—**Проф. Н. Ф. Сумцовъ.** Украинскій этнографизмъ.—**А. Хатченко.** Герценъ и Украина.—**Его же.** М. П. Драгомановъ и вопросъ о самостоятельности украинской культуры.—**С. Ф. Русова.** Современная украинская лирика.—**Ея же.** Національный вопросъ въ европейскомъ освѣщеніи.—**Дм. Донцовъ.** Русскій либерализмъ и украинское движеніе.—**Его же.** Украина въ новѣйшей европейской литературѣ.—**Его же.** Письма изъ Галиціи.—**В. Садовскій.** Украинскій вопросъ въ третьей Думѣ.—**Е. Олесницкій** (деп. рейхсрата). Борьба за украинскій университетъ.—**Вл. Жаботинскій.** О русскомъ либерализмѣ.—**М. Горькій.** О русской интеллигенціи и національныхъ вопросахъ.—**М. Гордіенко.** Капитализмъ и русская культура на Украинѣ.—**А. Л.** Украинскій архитектурный стиль.—**А. В. Луначарскій.** О національномъ вообще и украинскомъ движеніи въ частности.—**Л. Н. Жебуневъ.** Почему былъ бѣденъ украинскій отдѣлъ на выставкѣ печати.—**Л. Василевскій** (Плохоцкій). Спорные вопросы въ области польско-украинскихъ отношеній.—**С. А. Ефремовъ.** Предъ спущенной завѣсою.—**Его же.** На зарѣ возрожденія.—**А. А. Русовъ.** Н. В. Лисенко.—**А. Л. Масловъ.** Украинская народная музыка.—**П. И. Чижевскій.** Украинцы среди политическихъ ссыльныхъ.—**К. Е. Шероцкій.** Мотивы украинскаго орнамента.—**В. Дорошенко.** Украинская академія наукъ.

Кромѣ того въ вышедшихъ книжкахъ напечатанъ рядъ статей **С. А. Ефремова**—На текущія темы; **В. В. Садовскаго**—Изъ земской жизни на Украинѣ; **С. Б.**—Обзоры украинской жизни; **М. Ж—ка**—Изъ украинской печати; **О. Хоменка**—Изъ русской печати.

Въ каждой книгѣ—отдѣлы: **„На Украинѣ и внѣ ея"** (извѣстія, замѣтки сообщенія и т. д.) и **„Библіографія"**.

Въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ" принимаютъ участіе слѣдующія лица:

С. П. Балабуха, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. А. Бочковскій, И. К. Брусиловскій, С. А. Буда, О. Бѣлоусенко, И. А. Бѣлоусовъ, Н. Ф. Бѣляшевскій, Leon Wasilewski, прив.-доц. Н. П. Василенко, Ан. Василько, В. В. Водовозовъ, проф. Ф. К. Волковъ, Гр. Гетьманецъ, прив.-доц. А. С. Грушевскій, проф. М. С. Грушевскій, М. Данько, Дм. Донцовъ, В. Дорошенко, Д. Дорошенко, С. А. Ефремовъ, В. Е. Жаботинскій, Л. Н. Жебуневъ, М. Зализнякъ, И. В. Ивановъ (Джонсонъ), Б. А. Кистяковскій, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, проф. Ѳ. Е. Коршъ, проф. А. Е. Крымскій, К. Ладыженко, И. В. Лебединскій, М. Ф. Левицкій, Н. В. Левитскій, Ор. Левицкій, В. Липинскій, М. Лозинскій, А. В. Луначарскій, проф. И. В. Лучицкій, Д. Марковичъ, Ф. П. Матушевскій, С. П. Мельгуновъ, Н. Б. Миркинъ, А. Михура, Мих. Могилянскій, В. П. Науменко, А. П. Новицкій, К. М. Оберучевъ, В. П. Обнинскій, деп. австр. парл. д-ръ Е. Олесницкій, И. А. Панкевичъ, С. В. Петлюра, проф. А. Л. Погодинъ, С. Подолянинъ, П. Понятенко, Н. Поршъ, С. Ф. Русова, проф. А. А. Русовъ, В. В. Садовскій, А. Ѳ. Саликовскій, Д. Сиромаха, М. А. Славинскій, П. Смутокъ, Н. Стасюкъ, И. Я. Стеллецкій, И. М. Стешенко, проф. Н. Ф. Сумцовъ, С. Стороленко, Н. Г. Филянскій, С. Чепига, С. Черкасенко, П. И. Чижевскій, проф. М. П. Чубинскій, С. П. Шелухинъ, Л. А. Яновская, А. И. Ярошевичъ и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Съ достав. и перес.	Годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Въ Россіи	6 р.	3 р.—к.	1 р. 50 к.	1 р. 10 к.	—р. 60 к.
За границу	8 р.	4 р.—к.	2 р.—к.	1 р. 50 к.	—р. 75 к.

Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, при непосредственномъ обращеніи въ редакцію, **ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА:** на годъ 5 руб., на 6 мѣс. 2 руб. 50 к. и на 3 мѣс. 1 р. 25 к. съ доставкою и пересылкою.

Цѣна отдѣльнаго номера въ книжныхъ магазинахъ 60 к., на станціяхъ жел. дор. 75 коп.

Подписка принимается въ конторѣ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ"

Москва, Б. Дмитровка, 14.—Телеф. № 308-79.

Такса за объявленія въ „Украинской Жизни“:

На обложкѣ:	за 1 страницу	40 руб.
„	за 1/2 страницы	20 руб.
„ „	за 1/4 страницы	10 руб.
Передъ текстомъ:	за 1 страницу	30 руб.
„ „	за 1/2 страницы	15 руб.
„ „	за 1/4 страницы	8 руб.
Послѣ текста:	за 1 страницу	20 руб.
„ „	за 1/2 страницы	10 руб.
„ „	за 1/4 страницы	5 руб.

Контора открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 12 до 5 час. дня. Редакція для личныхъ объясненій открыта по воскресеньямъ, отъ 1 до 2 час.

Кромѣ редакціи, принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала:

Въ Москвѣ: въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова, Моховая, 24; М. О. Вольфа; „Новаго Времени“; „Наука“.

Въ Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ Т-ва Сытина; „Новаго Времени“; „Українська Книгарня і Базар“ (Вас. О., 3 линія, д. 24).

Въ Кіевѣ—въ книжныхъ магазинахъ „Литературно-Науковаго Вістника“; „Украіинській Книгарні“ (быв. „Кіевской Старины“); „Час“; Е. П. Череповскаго; Я. П. Лапицкаго.

Въ Екатеринославѣ—въ книжномъ магазинѣ М. К. Лозинскаго, Проспектъ, д. Вебера.

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ „Діло“, Конная, 11.

Екатеринодарѣ—въ кн. маг. М. Богуславскаго, Графская, 35.

Въ Харьковѣ—въ „Украіинській Книгарні“, Рыбная, 25.

Въ Полтавѣ—въ кн. маг. Г. Е. Маркевича, Протопоповская, въ „Украіинській Книгарні“, д. Ворожейкина, противъ „Европейской“ гост.

Въ Лубнахъ—въ книжномъ кіоскѣ Л. Медвѣдскаго.

Въ Черкасахъ, Кіевской губ.,—въ кн. м. Л. Медвѣдовскаго.

Въ Каменецъ-Подольскѣ—въ „Просвітѣ“.

Въ Житомирѣ—Соборная, д. 45, у Н. Мельникова.

Кромѣ того продажа отдѣльныхъ книгъ „Украинской Жизни“ производится на желѣзнодорожныхъ станціяхъ Юга Россіи.

На складѣ въ конторѣ редакціи „Украинской Жизни“ продаются слѣдующія изданія.

Б. А. Кистяковскій. „Страницы прошлаго“, Москва, 1912. Ц. 1 р.

Шевченківський Збірник. Видання комітету по упорядкуванню Шевченківських свят у Москві. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

А. Л. Украинскій архитектурный стиль. Изд. „Украинской Жизни“. 1912 г. Ц. 15 к.

Здѣсь же принимается подписка на изданія Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°“: **„Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ“**, подъ редакціей проф. Ѳ. К. Волкова, проф. М. С. Грушевскаго, проф. М. М. Ковалевскаго, акад. Ѳ. Е. Корша, проф. А. Е. Крымскаго, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго и акад. А. А. Шахматова (см. объявленіе въ концѣ книги).

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

Желательно, чтобы размѣръ предлагаемыхъ для напечатанія въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ статей по взможности согласовался съ объемомъ журнала и не превышалъ 1—$1^1/_2$ печатныхъ листовъ.

Въ случаѣ надобности статьи подлежатъ сокращеніямъ и измѣненіямъ редакціоннаго характера. При неуказаніи размѣра гонорара уплата за напечатанныя статьи производится по усмотрѣнію редакціи.

Рукописи непринятыхъ статей хранятся въ редакціи въ теченіе 6 мѣс. и возвращаются лишь по полученіи марокъ на пересылку ихъ заказною бандеролью.

По поводу непринятыхъ статей редакція въ переписку не входитъ.

Мелкія замѣтки и сообщенія, не принятыя для напечатанія, уничтожаются.

Э113188

Украинская Жизнь

Ежемѣсячный научно-литературный и общественно-политическій журналъ.

№ 1.

33027

Годъ изданія второй.

Бібліотека наукового товариства імени ШЕВЧЕНКА.

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА АН УРСР № Ж 3360 П

Москва.—1913 г.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульваръ, собств. домъ.
1913.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.
Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Портретъ Б. С. Познанскаго.

I. **О переоцѣнкѣ.** *С. В. Петлюры* 5

II. **Объ украинскомъ національномъ возрожденіи** (Отвѣтъ на анкету „Украинской Жизни“). *Проф. Ѳ. Е. Корша* 14

III. **Воспоминанія.** *Б. С. Познанскаго* 25

IV. **Русское землевладѣніе въ Правобережной Украинѣ.** *В. В. Садовскаго.* 45

V. **Край скорби** (Новеллы и разсказы В. Стефаника). *М. Данька.* 59

VI. **Къ вопросу объ изученіи украинскаго права.** *И. В. Лебединскаго.* 68

VII. **Украинское духовенство въ Галиціи** (Изъ впечатлѣній туриста). *Юр. Стрыжавскаго.* 81

VIII. **На текущія темы.** Къ итогамъ и перспективамъ.—Обычная и сверхсмѣтная порука.—О неисправимомъ оптимизмѣ и объ одномъ доносѣ.—Въ раздумьи.—Хватитъ. *С. А. Ефремова.* 92

IX. **Объ украинскомъ архитектурномъ стилѣ** (По поводу статьи А. Л. „Украинскій архитектурный стиль“). *А. Вар—а* 100

X. **На Украинѣ и внѣ ея.**—За мѣсяцъ.—Украинскій худож.-архитектурный отдѣлъ при Харьк. Лит.-Худ. Кружкѣ.—Украинскіе артисты за границей. І. Соломея Крушельницька.—Къ юбилею Ивана Франка.—Концертъ „Просвіти“ въ Екатеринославлѣ.—Изъ жизни украинской колоніи въ Москвѣ. . . . 108

XI. **Библіографія.**—Венгерскій трудъ по національному вопросу. *Н. А. Бочковскаго.—Б. Гринченко.* На безпросвѣтномъ пути. *О. Б.—Дм. Донцов.* Модерне москвофильство. *А. Ѳ. Саликовскаго.—I. Bartoszewicz.* Polski stan posiadania na Russi. *В. С.—Чернявський* Богови Невідомому. *Мих. Могилянскаго.* 127

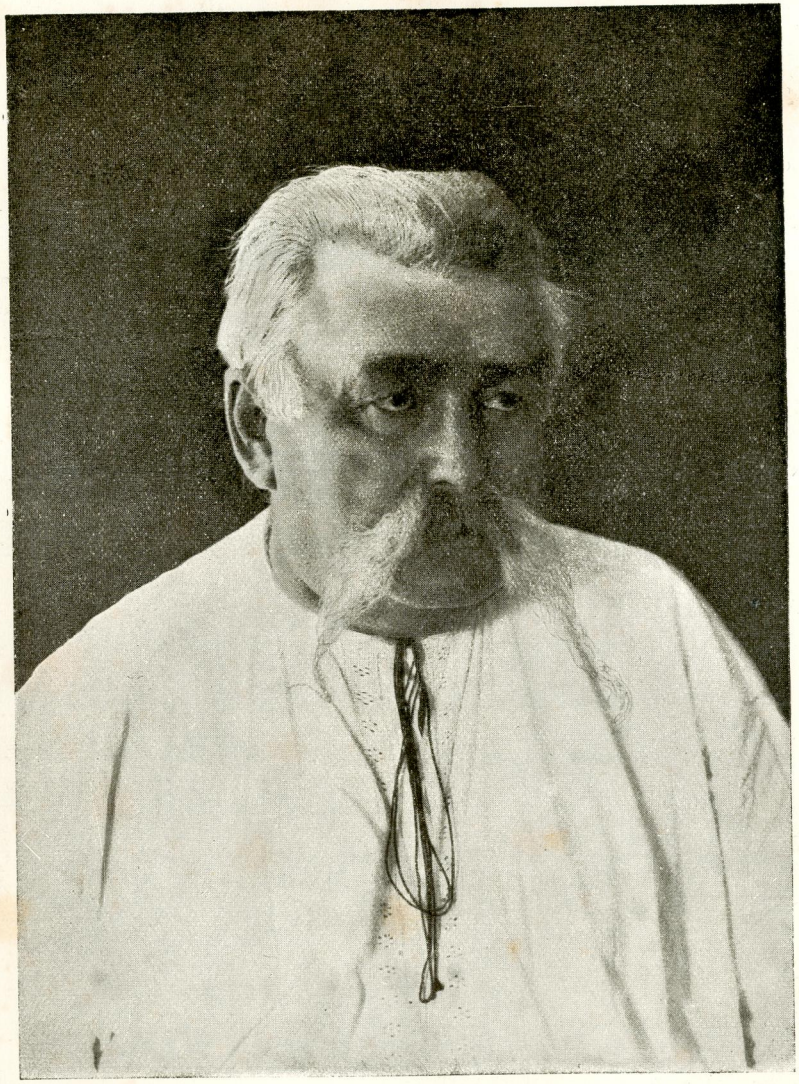
XII. Литературная лѣтопись.—Содержаніе украинскихъ журналовъ. Книги, поступившія въ редакцію. . . 137

XIII. Объявленія.

XIV. Указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Украинской Жизни“ въ 1912 году.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Оставшіеся въ ограниченномъ количествѣ комплекты „Украинской Жизни“ за 1912 годъ (кромѣ январской и февральской книгъ) можно выписывать изъ конторы журнала по слѣдующей цѣнѣ: для подписчиковъ „Украинской Жизни“—2 рубля и для постороннихъ лицъ—3 рубля безъ пересылки. За пересылку уплачивается: въ предѣлахъ Европейской Россіи—50 коп., за предѣлами ея—1 рубль.

Б. С. Познанскій.

О переоцѣнкѣ.

Иго безцеремонныхъ, неоправданныхъ репрессій и „предупредительныхъ“ мѣръ, падающихъ на украинство, нечестныя измышленія, нелѣпыя инсинуаціи и злые доносы со стороны націоналистическихъ круговъ русскаго общества, нашедшіе свое увѣнчаніе въ книгѣ Сергѣя Щеголева и творящіе легенду „мазепинства“ и „сепаратизма“, равнодушіе, полнѣйшее игнорированіе насъ русскими марксистами, наличность оговорокъ и ограниченій въ признаніи за нами правъ русскими народниками, идущая еще дальше въ смыслѣ ограниченія этихъ правъ политика русскихъ конституціонныхъ демократовъ, подорвавшая ихъ престижъ въ глазахъ аналогичныхъ по своей политической программѣ украинскихъ общественныхъ круговъ, испугъ передъ совершающимся фактомъ нашего національнаго возрожденія, породившій со стороны идеолога либеральной части русскаго общества проповѣдь борьбы съ нами якобы въ интересахъ русскаго народа, но въ дѣйствительности въ интересахъ русскаго имперіализма,—вотъ та атмосфера, тотъ живой кругъ фактовъ, съ которыми приходится считаться украинству всякій разъ, когда возникаетъ вопросъ объ отношеніи его къ русскому обществу. Атмосфера, едва ли благопріятная для взаимнаго пониманія и укрѣпленія въ средѣ украинцевъ довѣрія къ русскому обществу. Можно и должно отмѣчать тѣ факты, когда отдѣльные представители послѣдняго (см. отвѣты на анкету „Укр. Ж.“) или органы, отражающіе извѣстныя теченія русской общественной мысли (напр., „Завѣты“), обнаруживаютъ пониманіе нашихъ нуждъ, нашихъ интересовъ, выступаютъ съ признаніемъ нашихъ правъ и манифестаціей симпатій къ дѣлу нашего возрожденія. Редакція „Украинской Жизни“, болѣе чѣмъ какой-либо другой органъ украинской общественной мысли, склонна придавать значеніе подобнымъ заявленіямъ, видя въ нихъ симптомы пробуждающагося интереса къ украинству, развитіе котораго лежитъ въ интересахъ также и самого русскаго общества, которое должно же когда-нибудь сдвинуться съ той

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ П- 95683

„мертвой точки", на какой оно въ этомъ отношеніи стояло до сихъ поръ. Но было бы ошибочнымъ переоцѣнивать эти заявленія: не говоря уже о томъ, что въ данное время эти заявленія количественно незначительны, а потому незначительна и та реальная сила, которая могла бы быть использована нами,—подобная переоцѣнка была бы явно вредной и опасной для насъ самихъ.

Вся совокупность условій, окружающихъ русско-украинскія отношенія, приводитъ украинцевъ къ единственному выводу: „Насъ поймутъ", насъ будутъ дарить вниманіемъ, „съ нами считаться станутъ" лишь тогда, когда мы сами поймемъ, что главная задача украинства не въ оправданіи своихъ цѣлей передъ русскимъ обществомъ или собираніи доказательствъ и аргументовъ, достаточныхъ для того, чтобы оно убѣдилось въ правѣ нашемъ на самоопредѣленіе, какъ этого требуетъ проф. А. Погодинъ. Эта работа имѣетъ второстепенное значеніе, да и притомъ, какъ бы совершенно и безукоризненно въ смыслѣ предъявляемыхъ къ ней научныхъ, литературныхъ или государственно-общественныхъ требованій она ни была выполнена, все равно непосредственныхъ, реальныхъ, мѣняющихъ положеніе дѣла результатовъ она въ данное время не можетъ имѣть.

Русское общество, даже въ его наиболѣе демократическихъ слояхъ, благодаря историческимъ условіямъ развитія, создало въ себѣ нѣсколько странную и при нормальныхъ условіяхъ исторической жизни совершенно немыслимую способность какого-то тяготѣнія и своеобразной догматической, если такъ можно выразиться, „любви" къ общимъ формуламъ и тезисамъ, мало склонной проявлять себя въ дѣйствіи, а потому похожей на ту холодную вѣру, лишенную духа активности, которая всегда „безъ дѣлъ мертва есть".

Таковыми именно чертами характеризуется отношеніе различныхъ демократическихъ партій Россіи къ украшающей ихъ политическія программы формулѣ о правѣ каждой націи на самоопредѣленіе. Наличность этой формулы въ программахъ партій какъ-будто обязываетъ ихъ къ честному проведенію ее въ жизнь, въ дѣйствіе, къ готовности содѣйствовать каждой недержавной націи въ ея стремленіи къ возрожденію и развитію. Дѣйствительность же даетъ намъ много убѣждающаго насъ въ чемъ угодно, но только не въ томъ, что взятое на себя обязательство послѣдовательно проводится въ жизнь. Вся практика проведенія въ жизнь признаннаго программой принципа скорѣе говоритъ за то,

что соотвѣтствующій параграфъ внесенъ въ программу ради „декораціи“ или за то, что сами внесшіе его неясно представляютъ всю важность его для развитія разноплеменнаго государства и ту отвѣтственность, которую беретъ на себя партія, внося эту формулу въ свою программу. Приведемъ для иллюстраціи два—три примѣра хотя бы изъ послѣдняго времени.

Въ XI кн. нашего журнала былъ приведенъ отвѣтъ на „Укр. Ж.“ анкету виднаго члена конституціонно-демократической партіи г. Юриста. Эта партія, какъ извѣстно, имѣетъ въ своей программѣ параграфъ о правѣ каждой націи на самоопредѣленіе. Каково реальное содержаніе понятія самоопредѣленія, каждому тже извѣстно и понятно. Въ частности совершенно ясно, что безъ народнаго языка, какъ орудія образованія, нація не можетъ успшно расти и развиваться и что государство, облагающее членовъ этой націи налогами, обязано изъ государственныхъ средствъ обезпечить учрежденія, преслѣдующія цѣли образованія и просвѣщенія. Г. Юристъ, признающій, какъ членъ к.-дем. партіи, право украинцевъ на самоопредѣленіе, высказывается лишь за народную школу съ украинскимъ языкомъ преподаванія на счетъ государства, не признавая этого права за средней и высшей, каковыя украинцы, если хотятъ, должны содержать на свой счетъ. Здѣсь непослѣдовательность, недоговоренность, характеризующая, къ сожалѣнію, практику отношеній к.-д. партіи къ національнымъ вопросамъ вообще. Другой примѣръ. Членъ той же партіи и 2-й Государственной Думы г. П. Струве, признавая „право каждой націи на самоопредѣленіе“, считаетъ совмѣстимымъ поднимать вопросъ о борьбѣ съ украинствомъ, какъ съ явленіемъ вреднымъ и опаснымъ. Этимъ онъ питаетъ зачастую неосознанную вражду ко всѣмъ проявленіямъ національныхъ стремленій недержавныхъ націй въ тѣхъ слояхъ русскаго общества, которые еще не доросли до пониманія великаго принципа равноправія національностей, возбуждаетъ недовѣріе, предубѣжденіе къ требованіямъ братскаго народа. К.-д. партія до сихъ поръ не реагировала на выступленіе г. Струве. Казалось бы, партія, уважающая себя и свои программныя формулы, заинтересованная въ добромъ имени, не должна хранить ледяное молчаніе послѣ выступленій своего члена, идущихъ вразрѣзъ съ основными требованіями партійной программы. Такая позиція партіи даетъ достаточно матеріала для недо-

вѣрчиваго отношенія къ ней со стороны украинскаго общества, порождаетъ естественное сомнѣніе въ искренности признанія партіей правъ недержавныхъ націй на самоопредѣленіе.

Такія же чувства вызываетъ среди украинцевъ и позиція тѣхъ русскихъ общественныхъ организацій, которыя цѣлью своей дѣятельности ставятъ объединеніе славянскихъ націй на почвѣ культурнаго сближенія и взаимнаго признанія національныхъ правъ, но, несмотря на это, также хранятъ ледяное молчаніе, когда ихъ отдѣльные члены въ своихъ выступленіяхъ на общественныхъ собраніяхъ или въ печати идутъ вразрѣзъ съ основными положеніями тѣхъ организацій, членами коихъ они состоятъ. У всѣхъ еще въ памяти „жестъ“ члена о-ва „Славянской культуры“ г. Кашкарова по отношенію къ украинскому движенію, извращенному и оболганному на страницахъ „Утра Россіи“ этимъ палладиномъ славянскаго единенія. И, несмотря на тотъ единодушный протестъ, которымъ были встрѣчены въ украинскомъ обществѣ и прессѣ недостойныя выступленія г. Кашкарова, о-во „Славянской культуры“ не сочло нужнымъ обѣлить себя, отмежеваться отъ г. Кашкарова и этимъ значительно подорвало свое доброе имя и моральное значеніе въ глазахъ украинцевъ.

Мы привели всего лишь нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ недоговоренность, половинчатость, а то и явную враждебность по отношенію къ нашимъ запросамъ со стороны вліятельной партіи русскаго прогрессивнаго общества и культурной организаціи, ставящей спеціальной цѣлью сближеніе всѣхъ славянскихъ народностей, населяющихъ Россію. Можно было бы эти примѣры умножить, позаимствовавъ ихъ изъ практики другихъ, болѣе демократическихъ политическихъ группировокъ и организацій, но такое умноженіе ничего новаго не прибавитъ къ сдѣланнымъ нами выводамъ. Въ неясныхъ, запутанныхъ, а порою и недоброжелательныхъ чертахъ той позиціи, которую заняло по отношенію къ намъ русское прогрессивное общество, мерцнутъ отдѣльныя, единичныя проявленія пониманія нашихъ нуждъ, признанія нашихъ правъ и содѣйствія въ достиженіи послѣднихъ. И, естественно, не эти единичныя манифестаціи доброжелательности и симпатій должны приниматься украинцами за основу ихъ отношеній къ русскому обществу. Въ суровыхъ условіяхъ настоящаго національная политика, базирующаяся на традиціонной вѣрѣ, считаю-

щаяся только лишь съ программными формулами, какъ бы далеко онѣ въ смыслѣ демократичности ни шли, и игнорирующая конкретныя приложенія этихъ формулъ въ жизни, т. е. тѣ факты, на которыхъ испытуется искренность взятыхъ на себя обязательствъ данной партіей,—такая политика никакихъ реальныхъ результатовъ дать не можетъ и служила бы только лишь доказательствомъ политической наивности, всегда приводящей къ банкротству. Возрождающейся націи, не окрѣпшей культурно, не сорганизовавшей въ себѣ достаточной отпорной силы и переживающей процессъ внутренняго роста съ его колеблящейся, капризной амплитудой пониженій и повышеній въ напряженіи творческихъ силъ, поставленной въ зависимость сильнаго культурой и государственной мощью народа, недостаточно незначительной коллекціи благородства и высокой культурности отдѣльныхъ лицъ, возвысившихся до пониманія, казалось бы, такого элементарнаго факта, какъ признаніе за многомилліоннымъ народомъ его права на національное самоопредѣленіе. Въ условіяхъ переживаемаго момента украинцамъ надо быть осторожными въ оцѣнкѣ такихъ явленій, какъ выраженіе имъ сочувствія и симпатіи. Отдавая должное этимъ заявленіямъ, украинцы не должны преувеличивать ихъ значенія, переоцѣнивать ихъ, дабы на чашку вѣсовъ нашего національнаго актива не положить воображаемаго груза, что отрицательно отразится на способности оріентаціи, основанной на точномъ учетѣ содѣйствующихъ и враждебныхъ намъ факторовъ. Въ этомъ отношеніи имѣемъ мы поучительные уроки въ практикѣ польско-украинскихъ отношеній.

Все это представляется намъ необходимымъ высказать именно въ данный моментъ, когда въ нѣкоторыхъ кругахъ украинскаго общества можно встрѣтиться съ преувеличенной оцѣнкой той возможной поддержки со стороны русскаго общества, на которую они въ данный моментъ разсчитываютъ, а съ другой стороны—и въ виду неправильнаго пониманія нѣкоторыми органами украинской печати („Діло“) позиціи „Украинской Жизни“ въ вопросахъ объ отношеніи къ русскому обществу. Нельзя, конечно, думать, что вокругъ насъ только „враги“, какъ въ этомъ увѣрено „Діло“. Вниманіе къ украинству понемногу пробиваетъ себѣ дорогу въ средѣ русской интеллигенціи, вкрапляется въ ея сознаніе необходимость болѣе глубокаго интереса къ нему, хотя бы вытекающаго изъ тѣхъ расчетовъ, которые

подсказываются правильнымъ пониманіемъ интересовъ разноплеменнаго государства. А разъ пробудившееся вниманіе дастъ намъ не только союзниковъ „по расчету“, но и доподлинныхъ друзей нашего дѣла, руководящихся въ отношеніяхъ къ намъ не только лишь мотивами „реальной политики“, но и высшими этическими побужденіями. И съ этой стороны напечатанные на страницахъ „Укр. Жизни“ отвѣты на анкету имѣютъ опредѣленное значеніе, которое лично мы не склонны преувеличивать, но и сводить каковое къ нолю едва ли было бы правильнымъ. Пусть это пока отдѣльные голоса, незначительные по своему числу, не смѣлые въ размѣрахъ признаваемыхъ за нами правъ, пусть въ нихъ зачастую проглядываетъ незнаніе или не совсѣмъ правильное пониманіе нашихъ нуждъ, пусть въ нихъ слышатся иногда нотки какого-то недовѣрія къ намъ, объясняемаго мутными источниками, откуда они черпаютъ всякіе небылицы и наклепы на насъ, не-то боязни передъ нашими, „далеко идущими цѣлями,—при оцѣнкѣ ихъ мы не должны упускать изъ виду исторической перспективы и совокупности условій, при которыхъ приходится украинству завоевывать себѣ признаніе и уваженіе. При свѣтѣ исторической перспективы эти голоса, хотя они являются небольшимъ островкомъ среди топкаго болота неискренности и недоброжелательства упомянутыхъ выше политическихъ и культурныхъ организацій, предстанутъ нѣсколько въ иномъ освѣщеніи, чѣмъ они представляются „Ділу“, и пріобрѣтутъ значеніе нарождающагося поворота по отношенію къ намъ въ сознаніи лучшихъ представителей россійской интеллигенціи, проявляющихъ интересъ къ новой создающейся культурѣ, отъ которой они ждутъ „самыхъ отрадныхъ результатовъ“ (Луначарскій) въ смыслѣ цѣнныхъ вкладовъ въ сокровищницу общечеловѣческой культуры.

Мы не ставимъ прогноза будущему, но въ логикѣ вещей лежитъ возрастаніе этого интереса и повышеніе чуткости къ той культурной и общественно-политической силѣ, какой начинаютъ становиться въ государственномъ отношеніи украинцы. Украинство пережило ту стадію своего развитія, когда оно оцѣнивалось россійскимъ обществомъ и притомъ самыми разнообразными кругами его какъ quantité negligeable. Правда, и теперь еще это общество въ своемъ большинствѣ не знаетъ, „на какую ногу ступить“ ему по отношенію къ украинству. Потенціальная сила его безпокоитъ, волнуетъ тѣхъ русскихъ людей, которые не безразличны къ

нарождающимся національнымъ проблемамъ возрожденной Россіи и, пожалуй, не прочь поработать уже и теперь надъ созданіемъ благопріятной почвы для справедливаго разрѣшенія этихъ проблемъ; но сложная цѣпь всякихъ слуховъ, вздора и лжи, изобрѣтаемыхъ въ „лабораторіяхъ“ русскаго и польскаго націонализмовъ, окутываетъ украинство пеленой невѣдомаго, нераскрытаго, а за этой пеленой пугливому воображенію рисуются опасныя возможности и грозныя неожиданности.

„Ваши цѣли и точныя границы, дальше которыхъ вы не переступите?“ Вотъ вопросъ или запросъ, предъявляемый къ намъ, а его психологическая подоснова: оправдайтесь въ возводимыхъ на васъ инсинуаціяхъ „Утра Россіи“, „Kurjer'a Warszawskiego“ и мн. др. спеціальныхъ „поэтовъ“ въ области доносовъ, а заодно уже и въ „творимой легендѣ политическаго сепаратизма“ и „мазепинства“, переставшей быть темой газетъ и правыхъ собраній, а успѣвшей вызвать цѣлыя „монографіи“.

И все-же при наличности подобнаго рода опасеній, недовѣрія и незнанія украинства, широко распространеннаго въ россійскомъ обществѣ, въ чемъ оно и въ лицѣ отдѣльныхъ представителей и органовъ печати само признается, мы все-же имѣемъ фактическія основанія говорить о начинающемся сдвигѣ въ данной области. И не обходить надо ироническими замѣчаніями, какъ это дѣлаетъ „Діло“, первые просвѣты въ русско-украинскихъ отношеніяхъ, а, наоборотъ, отмѣчать ихъ, приближать русское общество къ правильному пониманію украинскаго вопроса.

Для этой цѣли намъ совершенно излишне въ чемъ-то оправдываться и идти навстрѣчу предъявляемымъ къ намъ запросамъ о конечныхъ цѣляхъ нашего движенія. Послѣднія, поскольку выясненію ихъ могла служить хотя бы „Укр. Жизнь“ или такія изданія, какъ „Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ“ проф. М. Грушевскаго, не говоря уже о платформѣ украинской фракціи 1-й Государственной Думы, хорошо извѣстны тѣмъ, кого интересовали или интересуютъ цѣли украинства. И если постулаты, выраженные въ указанныхъ источникахъ, совпадаютъ съ интересами разноплеменной Россіи,—а это такъ,—то въ чемъ же намъ обѣлять себя и для чего оправдываться?

Неужели же надо серьезно опровергать легенды о „мазепинствѣ“, сепаратизмѣ, австрофильствѣ? Вѣдь всякому непредубѣжденному, добросовѣстному человѣку ясно,

кѣмъ муссируется эта легенда, кому она нужна въ цѣляхъ проповѣди человѣконенавистничества среди русскаго народа. Всякимъ украинцемъ вопросъ объ осуществимости этой легенды будетъ квалифицированъ какъ политическая чушь, какъ res nullius, культивированіе которой является занятіемъ совершенно безполезнымъ и безсмысленнымъ.

Украинству надо работать надъ реальными, а не фантастическими цѣлями. И въ плоскости именно этого реальнаго и сосредоточены его усилія.

Оцѣнивая всю сумму нашихъ пріобрѣтеній, наблюдая расширеніе границъ нашего движенія, углубленіе, содержаніе его, мы можемъ констатировать, что бы ни говорили враги наши или скептики изъ среды самихъ же украинцевъ, успѣшность и возрастающую силу культурно-національнаго движенія. Украинство крѣпнетъ въ себѣ самомъ, таящіяся въ немъ творческія силы находятъ себѣ выраженіе въ формѣ созданія все новыхъ путей національнаго творчества и попытокъ выясненія и критической оцѣнки тѣхъ, которыми оно шло или идетъ въ настоящее время. Зачастую,—и это психологически понятно, — неудовлетворенность этими путями вызываетъ излишнюю неумѣренность въ отрицаніи значенія за уже созданнымъ или создающимся, зачастую здѣсь сказывается непониманіе задачъ дня и нездоровый, своеобразный „максимализмъ“, которымъ, какъ корью, въ извѣстномъ періодѣ болѣетъ рвущееся къ возрожденію общество, и этимъ лично мы склонны объяснять ту позицію, на которой стоятъ въ отношеніи оцѣнки культурныхъ украинскихъ цѣнностей тѣ общественныя теченія украинской мысли, выраженіемъ которыхъ является „Українська Хата“.

Во всякомъ случаѣ всѣ эти теченія говорятъ о творческомъ броженіи націи, объ ея растущей силѣ.

Показателемъ растущаго напряженія культурныхъ силъ націи являются новые пути выявленія національной мысли. Какъ ни искусственна новогодняя граница при установленіи приблизительнаго saldo послѣ подсчета нашихъ пораженій и пріобрѣтеній, все-же мы можемъ сказать, что съ наступленіемъ новаго года украинство обогащается новыми источниками для осуществленія своихъ назрѣвшихъ нуждъ.

Курсъ дѣйствующей политики сузилъ до minimum'а, свелъ почти на нѣтъ дѣятельность нашихъ общественныхъ учрежденій и тѣмъ парализовалъ одинъ изъ главнѣйшихъ способовъ выявленія національной воли и творчества. На-

копленная энергія находитъ свое выраженіе въ созданіи новыхъ органовъ печати, ставящихъ различныя цѣли, преслѣдующихъ неодинаковыя программныя задачи, предлагающихъ своимъ читателямъ различный матеріалъ, но въ конечномъ итогѣ творящихъ, каждое въ своей отмежеванной области великое дѣло національнаго строительства. Явленіе это, разумѣется, крайне желательное, отвѣчаетъ назрѣвающимъ нуждамъ украинства, дифференцированію его внутреннихъ интересовъ, требующихъ спеціальнаго обслуживанія и освѣщенія.

Внѣшнимъ показателемъ растущей силы украинства является идущая crescendo травля его націоналистическими кругами Россіи. На немъ начинаютъ дѣлать карьеру, его извращаютъ, возводятъ на него нелѣпости, народилась уже цѣлая группа „украиноборцевъ“, мечтающихъ объ ореолѣ „спасителей отечества“. Эта муть всегда сопутствовала великимъ историческимъ движеніямъ, обдавая ихъ своими грязными брызгами, но безсильная окончательно запятнать ихъ чистыя цѣли, идущія изъ глубинъ жизни.

Такимъ образомъ, украинство съ одной стороны дѣлается силой, долженствующей заинтересовать собою широкіе круги россійскихъ гражданъ, съ другой—оно на пути къ обладанію достаточно полнымъ аппаратомъ выявленія своихъ національныхъ цѣлей. И каждый посторонній человѣкъ, внимательно прислушивающійся къ зовамъ общественной жизни, чуткій къ нарождающимся проблемамъ, имѣющимъ тенденцію въ непродолжительномъ времени стать на порядокъ дня общественно-политической жизни цѣлой страны, имѣетъ полную возможность ознакомиться съ одной изъ такихъ проблемъ.

Однако этой возможностью воспользовались пока единицы. И психологически понятно, что украинцамъ порой русское прогрессивное общество представляется глухой стѣной, отъ которой безрезультатно отскакиваютъ судорожныя усилія многомилліоннаго братскаго народа жить и развиваться.

Мы же съ своей стороны, отмѣтивъ ту, правда, незначительную брешь въ этой стѣнѣ непониманія и недовѣрія, которую пробила въ послѣднее время жизнь, пожелаемъ дѣятелямъ на нивѣ украинскаго возрожденія талантливаго выполненія взятой на себя работы, а однимъ изъ ея побочныхъ результатовъ будетъ и тотъ, что къ намъ обернутся лицомъ, какъ къ силѣ, не только единицы, но группы и партіи россійскаго общества.

С. Петлюра.

14

Объ украинскомъ національномъ возрожденіи

(Отвѣтъ на анкету „Украинской Жизни“ *).

1. Интересовались ли вы украинскимъ вопросомъ? Въ чемъ выражался и выражается вашъ интересъ къ нему и что послужило толчкомъ къ его возникновенію?

Украинскимъ вопросомъ я интересовался издавна и продолжаю неуклонно интересоваться не только потому, что украинцы составляютъ многочисленнѣйшее, послѣ великоруссовъ, славянское племя, изъ котораго въ Россійскомъ государствѣ живетъ до 25.000,000, но и по той причинѣ, что, такъ какъ 1) они одного происхожденія съ великоруссами, къ которымъ я самъ принадлежу, 2) ихъ древнѣйшая исторія совпадаетъ съ древнѣйшей исторіей великоруссовъ и 3) они одинаково съ великоруссами и бѣлоруссами называются русскими, понятіе „русскій“ не исчерпывается понятіемъ „великоруссъ“, а для своей полноты требуетъ присоединенія понятія „малоруссъ“ или „украинецъ“ (какъ и понятія „бѣлоруссъ“). Мой интересъ къ украинскому вопросу выражался и выражается въ стремленіи къ познанію украинскаго племени и его историческихъ судебъ, а толчкомъ къ возникновенію этого интереса послужило мое довольно раннее знакомство съ украинскимъ языкомъ и произведеніями украинской народной словесности, которое сразу показало мнѣ отличія украинскаго племени отъ великорусскаго, не оставляющія ни тѣни сомнѣнія въ томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ мѣстнымъ варіантомъ одного и того же племени, а съ двумя разными, хотя и близко родственными другъ съ другомъ племенами.

---

*) Среди отвѣтовъ на нашу анкету, полученныхъ до сихъ поръ, настоящій отвѣтъ, принадлежащій профессору и академику Ѳ. Е. Коршу, представляетъ, несомнѣнно, особую цѣнность, такъ какъ является не только мнѣніемъ выдающагося представителя великорусской интеллигенціи, но и голосомъ крупнаго ученаго, спеціально изучавшаго ту область, къ которой относятся высказываемыя имъ сужденія. *Ред.*

2. Признаете ли вы наличность отличительныхъ особенностей, которыя выдѣляютъ украинцевъ изъ среды другихъ славянскихъ народовъ и, въ частности, отличаютъ ихъ отъ державной народности—великороссовъ; въ чемъ вы эти особенности усматриваете, и являются ли онѣ, по вашему мнѣнію, существенными?

Отличія украинцевъ отъ прочихъ славянскихъ народовъ такъ очевидны, что о нихъ не стоитъ и говорить. Что же касается ихъ отличій отъ „державной народности", то они обнаруживаются: 1) въ языкѣ, который относится къ великорусскому приблизительно такъ же, какъ кашубскій къ польскому или какъ славянскій къ сербо-хорватскому, и распадается на нарѣчія и говоры независимо отъ развѣтвленій великорусскаго языка; 2) физическимъ складомъ, точнѣйшее опредѣленіе котораго есть дѣло антропологовъ, но достаточно типичнаго для того, чтобы можно было отличить украинца отъ великорусса съ перваго взгляда; 3) особенностями духовными: своеобразнымъ юморомъ, впечатлительностью, чувствительностью, живымъ воображеніемъ, предпочтеніемъ образовъ умозрѣнію; 4) бытовыми чертами, настолько рѣзкими и устойчивыми, что онѣ сохраняются и тамъ, гдѣ украинцы живутъ среди великорусскаго населенія. Всѣ эти отличія нельзя не признать существенными, потому что выработаться они могутъ только въ теченіе многихъ вѣковъ отдѣльной отъ великороссовъ жизни и потому выдержатъ, конечно, и еще много вѣковъ, измѣняясь лишь кое въ чемъ подъ вліяніемъ общечеловѣческой культуры.

3. Какъ относитесь вы къ вопросу объ ассимиляціи украинскаго народа: признаете ли вы желательнымъ поглощеніе и исчезновеніе его какъ національнаго коллектива, или, напротивъ, являетесь сторонникомъ дальнѣйшаго развитія его національныхъ чертъ? Если вы сторонникъ такого развитія, то почему и какимъ, по вашему мнѣнію, путемъ должно это развитіе итти? Если—противникъ, то почему? Какой и для кого въ этомъ развитіи усматриваете вы вредъ?

Украинская народность несомнѣнно доказала свою жизнеспособность тѣмъ, что въ теченіе почти семи вѣковъ своего отдѣльнаго существованія, ознаменованныхъ кровавыми насиліями со стороны сосѣдей и внутренними раздорами, не только удержалась, но и окончательно опредѣлилась, развивъ заложенныя въ нее начала племенной индвидуальности до степени яснаго и прочнаго этническаго ти-

па. А такъ какъ всякая жизнеспособная народность привноситъ нѣчто свое въ общечеловѣческую культуру, исчезновеніе такой народности подъ напоромъ внѣшнихъ силъ есть прямой ущербъ для человѣчества. Потому такая народность заслуживаетъ поощренія своему развитію въ направленіи ея національныхъ особенностей посредствомъ свободнаго пріобщенія къ общечеловѣческой культурѣ.

4. Отдѣляете ли вы національно-политическое развитіе украинскаго народа отъ его культурнаго развитія; считаете ли вы возможнымъ для украинскихъ народныхъ массъ достиженіе высокаго культурнаго уровня при ихъ полной денаціонализаціи?

Для полнаго развитія всѣхъ способностей и дарованій всякаго историческаго народа, а слѣдовательно и украинскаго, необходима безусловная культурная свобода, т.-е. возможность пріобрѣтенія общечеловѣческихъ знаній тѣми путями и въ томъ видѣ, которые этотъ народъ признаетъ для себя ниболѣе удобными и цѣлесообразными. А въ томъ, что средства для достиженія этой цѣли должны быть согласованы съ наклонностями, привычками и условіями жизни даннаго народа, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Конечно, если онъ доведенъ до полной денаціонализаціи, т.-е. усвоилъ себѣ чужую національность, объ его племенныхъ особенностяхъ не приходится и говорить; но вѣдь украинскій народъ, какъ былъ, по малой мѣрѣ, съ XIV в., такъ и остается украинскимъ народомъ, безспорно отличнымъ отъ народа великорусскаго, несмотря на всѣ мѣры къ его денаціонализаціи.

5. Какъ вы относитесь къ вопросу объ украинской школѣ; признаете ли вы украинскую народную школу необходимой; видите ли вы нужду въ созданіи другихъ типовъ національной школы вплотъ до университетовъ?

Признавать допустимымъ ученье на малопонятномъ ученикамъ языкѣ можетъ лишь тотъ, кто имѣетъ въ виду цѣли не педагогическія, а какія-нибудь иныя,—напр., политическія. Но такой тенденціозный лже-педагогъ не достигаетъ и того, къ чему въ тайнѣ стремится, такъ какъ трудно себѣ представить, чтобы кто-нибудь поставилъ себѣ задачей одичаніе и озлобленіе цѣлаго народа; а изъ обученія на непонятномъ языкѣ ничего вѣдь не можетъ выйти, кромѣ поголовнаго невѣжества и общей ненависти къ тѣмъ, кто подъ видомъ хлѣба подаетъ камень. Все это—такія безспорныя истины, къ тому же подтвержденныя опытомъ

и на Кавказѣ, и на Украинѣ, что невозможно отрицать необходимость преподаванія въ низшихъ украинскихъ школахъ на украинскомъ языкѣ. Что касается введенія украинскаго языка въ среднія и высшія учебныя заведенія Украины въ качествѣ языка преподаванія, то въ принципѣ нельзя ничего возразить и противъ этой мѣры, но прежде всего слѣдуетъ стараться о введеніи преподаванія на украинскомъ языкѣ въ низшія школы всѣхъ мѣстностей съ украинскимъ населеніемъ, не упреждая естественнаго хода событій изъ подражанія Галиціи, гдѣ національныя отношенія складываются иначе, нежели въ Россіи, потому что тамъ: 1) нѣтъ иного русскаго племени, кромѣ украинскаго, и 2) національные вопросы своеобразно осложнены и до крайности обострены послѣдствіями неодинаковаго и неустойчиваго положенія отдѣльныхъ народностей въ разноплеменномъ австро-венгерскомъ государствѣ.

6. Каковъ вашъ взглядъ на употребленіе родного языка въ судѣ, въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ и въ церкви?

Объ употребленіи родного языка въ судѣ, въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ и въ церкви слѣдуетъ думать то же, что объ употребленіи его въ школѣ: дѣятельность этихъ учрежденій не можетъ быть плодотворна тамъ, гдѣ населеніе не понимаетъ ихъ рѣчи. При этомъ надобно имѣть въ виду, что дѣловыя обращенія и бесѣды на языкѣ, не вполнѣ доступномъ заинтересованнымъ лицамъ, легко ведутъ къ недоразумѣніямъ, то печальнымъ, то смѣшнымъ, но въ обоихъ случаяхъ подрывающимъ то уваженіе и довѣріе, которымъ должны пользоваться представители власти и религіи.

7. Знакомы ли вы съ современною украинскою литературой и, въ частности, съ періодическою печатью, и если знакомы, то какое значеніе вы имъ придаете?

8. Извѣстна ли вамъ дѣятельность украинскихъ научныхъ и культурно-просвѣтительныхъ обществъ (какихъ именно?) и какое значеніе придаете вы этой дѣятельности?

Съ современной украинской литературой я болѣе или менѣе знакомъ, имѣю понятіе, хотя лишь заглазно, о культурныхъ учрежденіяхъ современной Украины, и обоимъ этимъ проявленіямъ украинской духовной жизни придаю важное значеніе въ смыслѣ приведенія національнаго чувства украинцевъ къ ясному и отчетливому сознанію и въ

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ К- 85688

качествѣ путей къ созданію научно-литературнаго языка, такъ какъ украинскій языкъ галичанъ, будучи основанъ на западныхъ говорахъ и подвергшись довольно сильному вліянію польскаго и отчасти нѣмецкаго письменныхъ языковъ, не можетъ быть признанъ словеснымъ орудіемъ всего украинскаго народа. При этомъ, въ виду великорусскихъ націоналистическихъ предразсудковъ, спѣшу заявить, что въ литературныхъ и просвѣтительныхъ предпріятіяхъ россійско-украинской интеллигенціи я вижу не политическую агитацію, поставившую себѣ цѣлью искусственное созданіе доселѣ несуществовавшаго національнаго чувства въ относительно темной массѣ украинскаго простого народа, а лишь посильную помощь ей въ осмысленіи того смутнаго полусознанія своей племенной особности отъ великоруссовъ, наличность котораго не подлежитъ сомнѣнію, и которое, какъ показываетъ исторія Украины со времени присоединенія ея къ Россійскому государству, не можетъ быть искоренено никакими насильственными мѣрами, и въ простомъ народѣ еще менѣе, чѣмъ въ интеллигенціи, которая сама вернулась къ національному сознанію только потому, что чѣмъ дальше, тѣмъ въ большемъ количествѣ набирается изъ простого народа. Сознаніе своей народности, опирающееся не на одно чувство своихъ отличій отъ инородныхъ сосѣдей и сожителей, которое при извѣстныхъ условіяхъ можетъ болѣзненно и даже безсмысленно обостряться, а поддержанное знакомствомъ, хотя бы поверхностнымъ, но связнымъ и по возможности научнымъ, со своей исторіей и положеніемъ не въ одной данной мѣстности, содержитъ въ себѣ задатки не государственнаго сепаратизма, а такого государственнаго устройства, которое обезпечитъ государству искреннюю и непоколебимую привязанность всѣхъ входящихъ въ его составъ народовъ.

9. Какое значеніе въ дальнѣйшихъ судьбахъ украинскаго національнаго движенія въ Россіи можетъ имѣть ходъ этого движенія въ австрійской Украинѣ и относительно свободныя условія, въ какихъ оно тамъ находится?

Сравнительно свободное положеніе австрійскихъ украинцевъ въ настоящее время должно, несомнѣнно, вліять на стремленія и чаянія украинцевъ россійскихъ, но послѣднимъ надлежитъ остерегаться слѣпого увлеченія этимъ зарубежнымъ примѣромъ, потому что вольности, дарованныя австрійскимъ правительствомъ украинскому населенію Цис-

лейтаніи, обусловлены постоянною борьбою между нѣмцами, къ которымъ принадлежитъ и это правительство, и другими народами двуединой имперіи и между русскими (украинцами) и поляками и потому носятъ характеръ случайный и временный, въ полной зависимости отъ потребности правительства въ привлеченіи подданныхъ той или иной народности на свою сторону. Уступленное украинцамъ въ Галиціи сегодня можетъ быть завтра урѣзано или совсѣмъ отобрано, а украинцы Транслейтаніи и теперь остаются отданными на съѣденіе мадьярамъ. Только при такой ненормальности, неустойчивости и запутанности отношеній и могла возникнуть въ Галичинѣ и въ Буковинѣ необъяснимая съ перваго взгляда партія москвофиловъ, отказывающаяся отъ своей народности въ пользу другой, правда, близкой по происхожденію и языку, но все-же не тождественной съ нею и притомъ живущей въ другомъ государствѣ. Другое обстоятельство, не позволяющее россійскимъ украинцамъ видѣть въ своихъ австрійскихъ собратьяхъ образецъ для неукоснительнаго и точнаго подражанія, заключается въ томъ, что Украина австрійская значительно превосходитъ россійскую въ культурномъ отношеніи. Итакъ, снова и снова: прежде всего—низшая школа съ народнымъ языкомъ преподаванія. Прочая же вся приложатся.

10. Можетъ ли быть достигнута путемъ государственныхъ мѣропріятій денаціонализація украинскаго народа и какое въ этомъ отношеніи значеніе придаете вы внѣшнимъ мѣрамъ воздѣйствія?

Изъ того, что было сказано выше (3, 4, 5 и 7) объ устойчивости украинской народности при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, можно безошибочно заключить, что всякія внѣшнія воздѣйствія на нее въ цѣляхъ ея искорененія я считаю не только безполезными, а и вредными конечнымъ задачамъ виновниковъ этихъ мѣропріятій.

11. Какіе результаты приносили до сихъ поръ и какихъ можно ожидать въ ближайшемъ будутемъ отъ мѣръ воздѣйствія, направленныхъ къ денаціонализаціи украинскаго народа, въ видѣ: а) административныхъ мѣропріятій; б) вліянія общественныхъ организацій націоналистическаго (правильнѣе — панруссистскаго) характера и в) непріязненнаго отношенія къ національному украинскому движенію со стороны русскаго общества вообще (печать, интеллигенція)?

Хотя отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ по существу въ предшествующемъ отвѣтѣ, тѣмъ не менѣе отвѣчу еще въ частности, что а) административныя мѣропріятія, загоняя внутрь то, что имѣло безспорное право на полное обнаруженіе, придаютъ въ глазахъ самихъ дѣйствующихъ лицъ ихъ невиннымъ дѣйствіямъ преступный характеръ и тѣмъ стираютъ въ мысляхъ народа границы между позволительнымъ и недопустимымъ и пріучаютъ его къ сознанію своей преступности, какъ своего нормальнаго состоянія; б) великорусскія націоналистическія организаціи внушаютъ украинцамъ, особенно менѣе интеллигентнымъ, плохо разбирающимся въ своихъ чувствахъ, отчасти презрѣніе, отчасти ненависть къ „державной народности“ или „кацапамъ“; в) непріязненное отношеніе великорусской интеллигенціи къ украинскому движенію отчуждаетъ отъ нея украинскую интеллигенцію и заставляетъ ее обращать свои взоры на Западъ, гдѣ ея мечты въ значительной мѣрѣ осуществлены.

12. Усматриваете ли вы достаточныя основанія для высказываемыхъ иногда въ украинской печати по адресу представителей прогрессивнаго русскаго общества и прогрессивной русской печати обвиненій: а) въ равнодушномъ, б) въ пренебрежительномъ и г) въ непріязненномъ отношеніи къ украинскимъ національнымъ интересамъ? Если такое отношеніе (какое именно?) дѣйствительно существуетъ, то какъ оно значительно, въ какихъ именно кругахъ наблюдается и въ чемъ находитъ свое объясненіе?

Указанныя въ этомъ вопросѣ неправильныя отношенія прогрессивной части великорусскаго общества къ украинскимъ національнымъ интересамъ дѣйствительно существуютъ. Равнодушіе къ нимъ господствуетъ среди большинства великорусскихъ прогрессистовъ вслѣдствіе почти поголовнаго незнанія того, что такое украинцы, да и точно ли они, будучи русскими, представляютъ собою нѣчто болѣе отличное отъ нихъ, русскихъ, чѣмъ, напр., русскій изъ Вологды отличается отъ русскаго изъ Москвы. Пренебрежительное отношеніе къ украинскимъ національнымъ домогательствамъ также нерѣдко среди даже сравнительно прогрессивныхъ великорусскихъ общественныхъ слоевъ, у однихъ—вслѣдствіе того же смѣшенія украинцевъ съ разновидностями великорусскаго племени (вѣдь смѣшенъ былъ бы культурный сепаратизмъ какихъ-нибудь олончанъ или орловцевъ!), у другихъ, имѣющихъ понятіе объ укра-

инской народности,—вслѣдствіе горделиваго сознанія державности своего, великорусскаго племени. Это сознаніе примѣшивается иногда и къ отмѣченной въ вопросѣ враждебности нѣкоторыхъ великорусскихъ прогрессистовъ относительно украинства, основанной по существу на страхѣ за единство того, что они называютъ русской культурой, т.-е. той культуры, которую можно назвать великорусской, по служащему ей орудіемъ языку.

13. Каковы должны быть на вашъ взглядъ ближайшія задачи современной украинской интеллигенціи?

Ближайшія задачи современной украинской интеллигенціи не только въ россійской, но и въ австрійской Украинѣ сводятся къ заботамъ объ истинномъ, т.-е. свободномъ отъ постороннихъ цѣлей, и основанномъ на возможно широкой программѣ просвѣщеніи своего народа снизу. Такъ какъ эта задача исполнима лишь при помощи мѣстнаго языка, мы и съ этой стороны приходимъ снова къ установленію насущной нужды прежде всего въ низшей школѣ съ преподаваніемъ на мѣстномъ языкѣ. Громадное значеніе національной народной школы для украинства доказывается наглядно примѣромъ чеховъ—народа, столь же демократическаго, какъ украинцы, да какъ въ сущности и всѣ славяне за немногими исключеніями, объяснимыми изъ внѣшнихъ вліяній или временныхъ условій. Въ то же время украинская интеллигенція должна усиленно работать и надъ собственнымъ просвѣщеніемъ, не ограничивая себя въ этомъ стремленіи никакими націоналистическими или партійными соображеніями. Можно любить или ненавидѣть кого угодно, что угодно, но нельзя дѣлить источника знанія и умственнаго развитія на чистые и нечистые по ихъ языку или „духу“.

14. Усматриваете ли вы въ существующихъ теченіяхъ общественно-политической мысли на Украинѣ тенденціи сепаратизма, «мазепинства» и т. д.? Если, по вашему мнѣнію, такія теченія существуютъ, то въ чемъ они выражаются и откуда почерпнуты вами свѣдѣнія о нихъ?

„Мазепинство“ есть одно изъ тѣхъ неосмысленныхъ крылатыхъ словечекъ, которыя относятся къ разряду не терминовъ, а брани или ругани. Этимъ сознательно оскорбительнымъ, злостнымъ характеромъ онъ далеко оставляетъ за собою пренебрежительныя клички „хохолъ“ и „кацапъ“, которыя въ просторѣчіи нерѣдко примѣняются

другъ къ другу великоруссами и украинцами. За эти привычныя и, можно сказать, освященныя временемъ прозвища ни та, ни другая сторона по большей части серьезно не сердится. Но совсѣмъ иное дѣло, когда великоруссъ обзоветъ украинца „мазепой“: они оба сознаютъ эту кличку въ качествѣ умышленнаго оскорбленія со всѣми послѣдствіями такого покушенія на чужую честь. Извинительно полудикому мужику выражать свой гнѣвъ на инородца первымъ попавшимся словомъ, которое покажется ему обиднымъ для его недруга; но ни съ какой стороны не простительно людямъ, считающимъ себя образованными, а еще того менѣе — литераторамъ, закрѣпляющимъ свои слова на бумагѣ и въ такомъ видѣ распространяющимъ ихъ въ сравнительно широкихъ кругахъ общества, подхватывать на улицѣ такія словца для того, чтобы изготовлять изъ нихъ публицистическія обозначенія ненравящихся имъ народовъ или партій, даже не затрудняя себя точнымъ опредѣленіемъ того понятія, которое они выражаютъ такимъ неприличнымъ способомъ, и не задумываясь надъ тѣмъ, что замѣна соотвѣтственнаго дѣлу выраженія „украинскій націоналистъ“ завѣдомо браннымъ „мазепинецъ“ равняется обозначенію великорусскихъ націоналистовъ словечкомъ въ родѣ „жидоморы“. Одно изъ неудобствъ употребленія ругательной клички въ смыслѣ термина заключается въ томъ, что такая кличка, подобно кому грязи, запускаемому въ противника, можетъ содержать въ себѣ разнообразныя составныя части и по этой причинѣ всегда болѣе или менѣе неопредѣленна. Въ самомъ дѣлѣ: что такое „мазепинецъ“? Просто ли убѣжденный почитатель своей народности или горячій и дѣятельный поборникъ ея, или, можетъ быть, политическій сепаратистъ, даже измѣнникъ? Судя по этимологіи словъ „мазепинецъ“, „мазепинство“, „мазепинскій“, разумѣется какъ-будто именно послѣднее; однако 1) это названіе распространяется и на австрійскихъ украинцевъ-націоналистовъ, которыхъ безсмысленно попрекать Мазепой или измѣной Россіи, 2) оно примѣняется сплошь да рядомъ къ такимъ украинцамъ, которыхъ весь грѣхъ заключается въ томъ, что украинцевъ они признаютъ украинцами, а не великоруссами. Водились нѣкогда романтики, возросшіе въ фантастическихъ преданіяхъ старыхъ „казакофиловъ“ и „хохломановъ“, которые мечтали (хоть едва ли серьезно) о возстановленіи независимой казачьей Укра-

ины; но эти мечты никогда не распространялись и не углублялись, потому что до полной очевидности опровергались ходомъ всей новѣйшей исторіи. По крайней мѣрѣ, таково несомнѣнное свидѣтельство исторіи относительно казачества (о которомъ я лично слышалъ еще въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка отъ одного полуграмотнаго „интеллигента“ и украинскаго поэта изъ полтавскихъ крестьянъ слѣдующій отзывъ: „Чого нам вертатись до казаччини? Це значило бы раком лізти“). Что же касается выдѣленія особой украинской державы, то объ этомъ говорятъ гораздо больше въ австрійской Украинѣ или просто въ Австріи, чѣмъ въ россійской Украинѣ, гдѣ политическія требованія рѣшительно исчезаютъ за культурными. Стремленіе къ полной политической независимости представляетъ собою уже очевидный сепаратизмъ. Но сепаратизмомъ, и притомъ политическимъ („мазепинство“ то-жъ), у насъ часто называютъ федерализмъ, хотя онъ, какъ показываютъ, напр., Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и отчасти—если не юридически, то фактически—Великобританія за послѣднее время, не противорѣчитъ не только государственному единству, но даже имперіализму. Если вожделѣнія этого рода, можетъ быть, находятъ себѣ доступъ и въ нѣкоторую часть украинской интеллигенціи, то ставить это въ вину украинцамъ, какъ таковымъ, есть вопіющая несправедливость, такъ какъ приверженцы федерализма встрѣчаются и между великоруссами, и притомъ такіе, которые въ разграниченіи отдѣльныхъ федеральныхъ единицъ не останавливаются передъ границами этнографическими. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что федералистическій видъ „измѣны“ можетъ оказаться въ любомъ государствѣ съ различными по мѣстамъ интересами населенія.

15. Какія формы отношеній со стороны государства и русскаго общества къ Украинѣ представляются вамъ наиболѣе нормальными, справедливыми и желательными въ интересахъ Россіи, какъ цѣлаго, и Украины, какъ части?

Устройство всякой части государства, съ точки зрѣнія его собственной выгоды, должно быть таково, чтобы каждая часть дорожила своей связью съ цѣлымъ. Такова общая формула, а ея конкретное содержаніе едва ли можетъ быть установлено однажды на вѣчныя времена.

Я съ своей стороны въ параллель къ № 15 предложилъ бы вопросъ о желательномъ отношеніи украинцевъ, въ ихъ же интересахъ, къ Россійскому государству и обществу и отвѣтилъ бы приблизительно такъ:

„Россійскіе украинцы должны, наравнѣ со всѣми иными гражданами россійскаго государства и членами россійскаго (не только великорусскаго) общества, принимать участіе во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ для того, чтобы вся Россія знала ихъ въ качествѣ особаго, отличнаго отъ великоруссовъ народа и видѣла въ нихъ самостоятельную политическую и культурную величину, которая можетъ не только жаловаться, а и стоять за себя, не только требовать, а и давать. Чѣмъ бы ни объяснялась ихъ настоящая изолированность среди культурныхъ народовъ Россіи, ихъ отсталость отъ несравненно менѣе численныхъ латышей и армянъ не ограничивается областью литературной производительности (см. статьи С. В. Петлюры и А. Ѳ. Саликовскаго въ „Украинской Жизни“ 1912 г., №№ 9 и 10), а проявляется и въ общероссійскихъ союзахъ и учрежденіяхъ, начиная съ Гос. Думы, гдѣ Украина упоминается рѣже, чѣмъ Кавказъ или Прибалтійскій край. Опасеніе, высказанное Д. Донцовымъ („Укр. Ж.“, 1912 г., № 5), что великорусскіе прогрессисты, соединясь съ поляками, пожертвуютъ имъ украинцами,—вѣрно ли оно или нѣтъ,—основывается въ значительной мѣрѣ на темномъ и, можетъ быть, безотчетномъ сознаніи безпомощности украинцевъ, обусловленной ихъ отчужденіемъ отъ общероссійскихъ и общерусскихъ интересовъ и дѣлъ и естественнымъ послѣдствіемъ этого отчужденія—ихъ несоотвѣтственно малой замѣтностью, которая была бы еще меньше, если бы не раздувалась доносами. Для успѣха какой угодно идеи не достаточно поклоненія ей въ томъ кругу, въ которомъ она зародилась: необходимо, чтобы она заинтересовала и постороннихъ; а это возможно лишь подъ условіемъ пріобщенія ея къ интересамъ большинства“.

Ѳ. Е. Коршъ.

Воспоминанія Б. С. Познанскаго.

Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Б. С. Познанскій родился въ Стародубѣ Черниговской губерніи, куда еще студентомъ кіевскаго университета былъ высланъ его отецъ. Окончивъ бѣлоцерковскую гимназію, Борисъ Ст—ичъ въ 1859 г. поступилъ въ кіевскій университетъ, а черезъ полтора года, въ 1861 году, „по независящимъ обстоятельствамъ“ [1]) онъ уже оставляетъ университетъ, и, исполняя свое обѣщаніе, данное на сходкѣ всѣхъ гминъ университета, пойти туда, куда пойдетъ его украинскій народъ, онъ „для посильной помощи народу“ поселяется въ с. Дударяхъ Каневскаго уѣзда Кіевской губерніи.

Въ Дударяхъ Познанскій обучаетъ грамотѣ взрослыхъ, читаетъ крестьянамъ украинскія книги, объясняетъ имъ Положеніе о крестьянахъ и пр. и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживаетъ постоянныя сношенія со своими единомышленниками-друзьями: Антоновичемъ, Рыльскимъ и др., которыя не прерывались до самой его смерти.

Въ 1866 году 5-го іюля (въ это время Познанскій служилъ въ екатеринославской контрольной палатѣ помощникомъ ревизора) онъ былъ арестованъ и послѣ двухъ мѣсяцевъ крѣпости высланъ „за неприкосновенность къ дѣлу польскаго мятежа и за держаніе выписокъ изъ „Колокола“ подъ строгій надзоръ полиціи въ Воронежскую губернію [2]), „впрочемъ безъ лишенія правъ состоянія“ (sic).

Оторванный отъ дорогого ему дѣла, родного края и друзей, терпя большую матеріальную нужду, онъ нѣсколько

---

[1]) Въ свидѣтельствѣ, выданномъ Познанскому изъ канцеляріи кіевскаго университета отъ 9-го октября 1861 г., сказано, что П—ій былъ уволенъ «за невзносъ платы за ученіе во второй половинѣ 1859 г. и первой и второй половинѣ 1860 г.».

[2]) Вашкевичъ въ некрологѣ, помѣщенномъ въ «Воронежскомъ Словѣ» за 1906 г., № 251, говоритъ, что Познанскій былъ высланъ за «украинофильство», но это ошибка, какъ и указаніе, что Пазнанскій былъ по спеціальности филологъ. Изъ того же университетскаго свидѣтельства видно, что П—ій былъ на медицинскомъ факультетѣ. *М. Т.*

лѣтъ служитъ „казеннымъ надсмотрщикомъ“ на винокуренномъ заводѣ въ слободѣ Бутурлиновкѣ Бобровскаго уѣзда, получая 15 руб. жалованья и 8 руб. столовыхъ, а потомъ въ г. Павловскѣ.

Въ 1870 г. 16-го сентября Познанскому было разрѣшено жить „во всѣхъ мѣстахъ имперіи, за исключеніемъ столицъ, столичныхъ губерній и Западнаго края“. Послѣ этого онъ нѣкоторое время жилъ на Кавказѣ, остатокъ же своей жизни прожилъ въ уѣздномъ городѣ Воронежской губерніи Острогожскѣ какъ частный повѣренный.

Впервые со своими замѣтками о 60-хъ годахъ Познанскій выступилъ въ 1884 году въ „Кіевской Старинѣ“, въ которой состоялъ почти постояннымъ безплатнымъ сотрудникомъ. Въ 1886—7 гг. онъ печатаетъ по-украински своихъ „Чумаків“, „Весна в українському селі“ въ галицкой „Зорі“. Писалъ онъ также въ кіевской „Царині“, „Вѣстникѣ Европы“, въ русскомъ журналѣ „По морю и Сушѣ“, въ журналѣ „Природа и Охота“ и пр. Будучи почти единственнымъ этнографомъ въ Воронежской губерніи, Познанскій изучаетъ мѣстное населеніе и его бытъ. Превосходная его работа „Одежда малороссовъ Воронежской губерніи“ помѣщена въ „Трудахъ XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ“.

Его интересный взглядъ на причины и сущность польскаго возстанія въ 1863 г.,—взглядъ, который раздѣляли и Антоновичъ, и Рыльскій,—до сихъ поръ неизвѣстенъ широкой публикѣ благодаря цензурнымъ и др. условіямъ нашей русской дѣйствительности. „У меня,—пишетъ Познанскій 25-го декабря 1903 г. одному изъ кіевскихъ украинскихъ дѣятелей,—на ту эпоху и на самое возстаніе „зовсім окремий погляд, з яким згожувалися“ и покойный Рыльскій, и Владиміръ Бонифатіевичъ и Ѳедоръ Тимоѳеевичъ (Панченко)“... Борисъ Ст—ичъ обстоятельно развилъ свой взглядъ въ статьѣ „Воспоминанія о польскомъ возстаніи на Украинѣ въ 1863 г.“, но „того, что я написалъ,—говоритъ онъ,—только третья часть напечатана въ „Кіевск. Ст.“; и Владиміръ Бон—ичъ, и Ѳедоръ Тимоѳеевичъ, и покойный Рыльскій не признали возможнымъ „выявляты на світ“ все, что я написалъ... Принужденъ былъ все указанное передѣлать. Потомъ покойный Ѳ. Гавр. Лебединцевъ также просилъ разрѣшенія кое-что урѣзать, какъ не совсѣмъ пригодное до направленія журнала, и, наконецъ, правитель-

ственная цензура выбросила нежелательное. „І вийшло, як у того коваля тільки пшик“...

Предлагаемая читателямъ „Украинской Жизни“ статья Б. С. Познанскаго была написана по просьбѣ кіевскихъ украинцевъ.

Когда въ Кіевѣ стало извѣстно содержаніе книги Равиты-Гавронскаго „Rok 1863 na Russi“, кіевскіе украинцы обратились къ В. Б. Антоновичу съ просьбой написать подробный разборъ этой книги, въ которой, по словамъ Антоновича, „...сюжетъ задирающій и направленіе оригинальное—репетиція всѣхъ „чудацьких думок“ и иллюзій инсургентовъ 1863 г.... та и мнѣ тамъ достается и эпитетовъ, и вымышленныхъ фактовъ „чи мало“.

„Очень хотѣлось бы отвѣтить“,—пишетъ Антоновичъ къ Познанскому,—да силъ не хватаетъ; можетъ быть, укрѣпившись, возьмусь за это дѣло, а теперь не могу, я имъ (кіевскимъ украинцамъ) посовѣтовалъ послать книгу (Равиты) тебѣ—ты изъ оставшихся одинъ компетентный дать „прысуд“ на эту книгу (1904 г. 6 апр.) [1]).

Тогда кіевскіе украинцы обратились къ Познанскому со слѣдующимъ письмомъ:

1903 г. 18-го ноября... Недавно вышла въ Галиціи книга Равиты-Гавр. о 1863 г. на Украинѣ. Къ сожалѣнію, эта книга недоступна въ Россіи. Говорятъ, что въ этой книгѣ Равита очернилъ Антоновича, Рыльскаго и отчасти васъ.

Вѣроятно, съ польской стороны еще много будетъ мемуаровъ тѣхъ временъ; конечно, они будутъ односторонни и несправедливы, а для исторіи необходимо имѣть воспоминанія не только изъ того лагеря, чтобы сказать свой справедливый судъ.

Глубокоуважаемаго Рыльскаго уже нѣтъ, нашъ дорогой Владиміръ Бонифатіевичъ чуть живой; очевидно, онъ не сможетъ написать своихъ мемуаровъ.

Остаетесь вы, М. Г., и мы обращаемся къ вамъ «з уклінной» просьбой взяться за писаніе своихъ воспоминаній съ самаго начала 60-хъ годовъ или раньше, какъ вы сами найдете лучшимъ.

Если можно будетъ, то эти воспоминанія будутъ печататься въ «Кіевской Старинѣ», а если нѣтъ, то пусть полежатъ въ редакціи, пока не настанетъ время, когда можно будетъ ихъ печатать.

Помните, что воспоминанія эти будутъ имѣть громадное значеніе, хотя бы и не были широко написаны.

---

[1]) Несмотря на сильный упадокъ силъ, Антоновичъ все-же началъ писать свои воспоминанія. «Владиміръ Бонифатіевичъ написалъ уже нѣсколько листовъ, но доведетъ ли онъ до 60-хъ годовъ, сомнѣваюсь, такъ какъ здоровье не позволяетъ ему работать» (Изъ письма кіевского украинца къ Познанскому, 1903 г.).

Тутъ важно имѣть то, что вы сами видѣли, переживали и слышали въ то время. Если нельзя будетъ печатать, пусть лежатъ, но только ради Бога пишите.

Съ этою просьбою къ вамъ обращаются всѣ земляки ваши кіевскіе «старшого и молодшого віку».

Познанскій просилъ прислать ему для прочтенія книгу Равиты-Гавронскаго и обѣщалъ написать все, что ему извѣстно про то время, но, „не имѣя документальныхъ данныхъ,—пишетъ онъ,—у меня выйдетъ что-то подобное до автобіографіи".

Когда фактически началъ писать Познанскій свои воспоминанія, неизвѣстно. Обязанности его какъ частнаго повѣреннаго и связанные съ ними постоянные разъѣзды и забота о хлѣбѣ насущномъ постоянно отрывали его отъ работы. Смерть единственнаго сына, земскаго врача, убитаго крестьянами-черносотенцами въ 1905 г. 26-го ноября въ с. Старомъ Салтовѣ Харьковской губ., сильно подорвала продуктивность дальнѣйшей работы. Нѣсколько разъ онъ возвращался къ начатой работѣ, но работать уже не могъ. Онъ не могъ перенести смерти своего сына, на котораго смотрѣлъ какъ на свое „я", на продолженіе себя въ жизни, стараясь передать ему все, что было лучшаго въ немъ, что было пріобрѣтено имъ за время его тяжелаго, тернистаго жизненнаго пути. Черезъ одиннадцать мѣсяцевъ послѣ смерти сына онъ умеръ (1906 г. 27-го сентября).

Полная трагизма жизнь Бор. Ст. Познанскаго замѣчательно ярко выражена имъ въ надписи на своей фотографіи, подаренной имъ покойному уже теперь Миколі Вит. Лисенку.

„Колись бажалося другого
Життя і волі, але того
Не дочекався я—і ось
Як мені жити довелось:

На іменю **Борис** з ляхами,
Я був **схизматом** між панами,
По отчеству між москалями я став **поляком**,

А межи вами—той скаже, що я есть і був,
Хто мене знав і не забув.

На этомъ я закончу тѣ замѣчанія, которыя считалъ необходимымъ предпослать „воспоминаніямъ" Б. С. Познанскаго.

Михаилъ Токаревскій.

Нѣкоторыя неудачныя выраженія и шероховатости въ изложеніи „Воспоминаній“ объясняются тѣмъ, что настоящія „Воспоминанія“ моего отца печатаются по черновымъ наброскамъ, причемъ нужно принять во вниманіе время и условія, при которыхъ они писались. Мнѣ хотѣлось сохранить тотъ видъ „Воспоминаній“, въ которомъ они вышли изъ-подъ пера моего покойнаго отца. „Воспоминанія“ написаны крайне нечетко, благодаря чему нѣкоторыя слова не разобраны, и, вообще, за точность воспроизведенія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ трудно поручиться. „Воспоминанія“ имѣютъ форму отвѣтнаго письма, которое, по имѣющимся даннымъ, должно было быть адресовано профессору Владимиру Бонифатьевичу Антоновичу [1]).

Острогожскъ,
1912 года 11 декабря.

Анна Познанская.

Ты обращаешься ко мнѣ, дорогой другъ, съ просьбой помочь Тебѣ возстановить въ памяти то далекое, чуть не полъ столѣтія тому назадъ, прошлое нашей молодой тогда еще жизни и все то, что окружало насъ въ то время нашей юности, что заставляло насъ сдѣлаться на всю дальнѣйшую жизнь людьми той или другой окраски, что утвердило насъ въ нашей вѣрѣ.

Обращаясь ко мнѣ съ такого рода просьбой, Ты, разумѣется, не вправѣ разсчитывать на отчетливость сохранившихся въ моей памяти представленій и потому предлагаю запастись большою долею снисходительности къ неизбѣжнымъ въ такомъ дѣлѣ запамятованіямъ и мимовольнымъ неточностямъ въ разсказѣ о событіяхъ, которыя, можетъ быть, не такъ совершались, а такъ запечатлѣлись въ моей памяти, или сложились въ исторію, созданную въ моемъ пониманіи. Да такъ вѣдь и пишутся исторіи: соблюдается точность въ указаніи основныхъ событій, межевыхъ, такъ сказать, столбовъ и магистральныхъ линій, а въ деталяхъ и окраскѣ все дѣлается если не по произволу, то по тому углу зрѣнія, какой устанавливаетъ себѣ повѣствователь.

---

[1]) Возможно, что форму письма авторъ придалъ своимъ воспоминаніямъ просто въ интересахъ изложенія, не имѣя въ виду вполнѣ опредѣленнаго адресата. По просьбѣ близкихъ покойному лицъ, мы сохраняемъ почти безъ всякаго измѣненія внѣшнюю сторону изложенія до правописанія включительно.

Ред. „Укр. Ж.“.

Оговорившись, такимъ образомъ, я все-таки не сразу приступаю къ прагматическому изложенію интересующихъ Тебя событій, и считаю необходимымъ посильно изобразить историческое поле, на которомъ они произошли.

„Довго, довго Украіна, довго гомоніла,
„Довго, довго кров степами текла, червоніла".

Послѣднее возстаніе на Украинѣ придушено было мощною рукою русскаго правительства. Разогнаны гайдамаки, ватажки ихъ казнены и сосланы, и вся несчастная Украина отдана панамъ полякамъ. Вводъ во владѣніе окончательно совершилъ регименторъ Стемковскій, запечатлѣвъ его лютыми карами и извѣстнымъ своимъ универсаломъ. Разоруженная, растерзанная Украина должна была принять изгнанныхъ недавно изъ нея поляковъ, какъ своихъ владѣльцевъ, узаконенныхъ русскимъ правительствомъ. И запановали снова паны на Подоліи, Волыни и Украинѣ [1]), опять они стали владыками и въ матеріальномъ и въ культурномъ смыслѣ. 1812 и 1831 гг. не особенно подорвали покровительственныя отношенія русскаго правительства къ полякамъ Юго-западнаго края, очень въ незначительной степени проявившаго свое участіе въ волненіяхъ Польши. Зашевелилась было въ 1812 г. шляхта Кіевскаго Полѣсья, примкнувшая къ движенію въ Литвѣ, прошелъ по Волыни Дворницкій въ 1831 году, да еще показался было небольшой отрядъ Ржевускаго, разогнанный подъ Дашевомъ, и только событія конца 40-хъ годовъ въ Европѣ начали было раззадаривать и нашихъ поляковъ, но галиційская рѣзня заставила ихъ присмирѣть и въ то же время рѣзня эта припомнила нашему правительству о томъ, какую сильную узду оно имѣетъ въ рукахъ въ лицѣ украинскаго враждебнаго панамъ населенія для удержанія ихъ отъ такихъ попытокъ къ движенію. Это припоминаніе имѣло своимъ послѣдствіемъ первое вмѣшательство правительства въ отношенія помѣщиковъ къ своимъ подданнымъ, успѣвшимъ уже умателеть въ этомъ подданствѣ съ 80-хъ годовъ XVIII столѣтія—времени, когда Екатерина II въ видахъ упроченія государственности закрѣпостила всѣхъ крестьянъ помѣщикамъ. Вмѣшательство это выразилось въ установленіи инвентарныхъ правилъ, коими регламентировалась повин-

[1]) Такъ называлась Кіевская губ. *М. Т.*

ность (одбуткы) крестьянъ въ пользу своихъ владѣльцевъ. Въ то же самое время грозный Бибиковъ, кіевскій генералъ-губернаторъ, порѣшилъ вмѣшаться въ дѣло нобилитаціи польскаго дворянства, въ разсмотрѣніе сословныхъ правъ его.

Но это вмѣшательство ничуть не задержало какъ матеріальнаго, такъ и культурнаго владычества не особенно многочисленнаго сословія польской шляхты надъ всѣмъ остальнымъ населеніемъ края, какового населенія 89% составляли кровные украинцы, національными интересами коихъ ничуть не интересовалось русское правительство. Да и могло (ли) правительство крѣпостнической Россіи цѣльнаго въ архитектурѣ соціальнаго строя интересоваться національностью подданныхъ этого уголка обширной Имперіи? Не было бы ли это диссонансомъ въ общемъ стремленіи къ ассимиляціи всего конгломерата племенъ и народностей, составляющаго Россійское царство?! Важно было, чтобы на всѣхъ языкахъ все молчало и благоденствовало. Поэтому-то правительство, вмѣшавшись въ отношенія соціальнаго строя края въ видахъ внутренней политики, совершенно игнорировало культурную препондеренцію поляковъ въ краю. Да и что могло правительство противупоставить этой культурной препондеренціи? Въ самомъ сердцѣ Россіи еле зарождалось тогда еще гуманитарное, культурное движеніе въ столичныхъ кружкахъ литераторовъ, личнаго состава каковыхъ далеко не хватало и на центральную Россію. Все россійское, что появлялось въ Юго-западномъ краѣ и что врядъ ли можно было и назвать культурнымъ, представлялось или въ образѣ какихъ-то подъячихъ или въ бурбонскомъ типѣ офицерства. Между тѣмъ, какъ поляки въ 30-хъ годахъ могли уже похвастаться цѣлымъ сонмомъ литераторовъ—Мицкевичъ, Поль, Залѣскій А... С..., цѣлымъ созвѣздіемъ ученыхъ Виленской академіи... Кременецкимъ лицеемъ и творцомъ его Чацкимъ, не говоря уже о Базилянскихъ и Піорскихъ коллегіумахъ, разсыпанныхъ по самымъ глухимъ городамъ и мѣстечкамъ.

Лицомъ къ лицу съ этою польскою культурностью въ юго-западномъ краѣ оставался только крестьянинъ Украинецъ въ его омертвѣломъ историческомъ типѣ, съ затаенной злобой по отношенію къ своимъ господамъ-полякамъ и съ вѣрою въ существованіе правды, олицетворяемой далекимъ отъ него образомъ „бѣлаго царя“.—Правда, еще

межъ украинцемъ и полякомъ стояли представители Царя далекаго, царя земного, и еще дальшаго Царя небеснаго, но они, по своей негодности и стяжательству, мало оказывали помощи въ матеріальномъ отношеніи и ровно никакой въ культурномъ и національномъ.

Полякъ всегда съумѣлъ и подкупить этихъ представителей въ дѣловыхъ столкновеніяхъ и культивизировать, ополячивать, чѣмъ совершенно отодвигалъ ихъ отъ вопросовъ національныхъ. Оно и естественно: и чиновникъ, и попъ, сами увлекшись польской культурностью и, происходя часто изъ того же самаго народа, совершенно индиферентно относились къ національному вопросу на Украинѣ, стараясь скорѣе уподобиться господствующимъ полякамъ и отрѣшиться отъ „мужицкой“ жизни. Думаю, что во время оно ополяченіе и обращеніе въ унію происходило такимъ же путемъ. Жена станового пристава, семья священника усваивали себѣ вмѣстѣ съ польскими пріемами польской обыденной жизни и польскій языкъ.

Панъ полякъ во всѣхъ видахъ, начиная съ величественной фигуры какого-нибудь магната и оканчивая типомъ мелкаго сельско-хозяйственнаго агента-эконома, рэндца— вообще офиціалиста (—) все это „панувало“ на Украинѣ, все это считало себя выше стоящимъ и на самомъ дѣлѣ оно и было культурнѣе мѣщанства и крестьянства на Украинѣ. Все это навязывало окружающей его массѣ народа, населенія свои пріемы жизни и свой языкъ. Какъ теперь „пырятынська, або лохвыцька землевладѣлыця“ или попадя какого-н. Жашкова или Скыбенець, считаютъ себя вправѣ г а в а р и т ь съ прислугою по-русски, такъ тогда и панъ и пани, будь это самые мелкіе поссесоры, заставляли mówić po polsku какую-нибудь служившую у нихъ Меланку или Опанаса... Я помню, у моихъ родычокъ, старыхъ дѣвъ (несомнѣнно старорусскаго происхожденія) Выговскихъ крѣпостной Омелько назывался, когда онъ шелъ въ ливреѣ провожать насъ въ костелъ, Касперомъ.

Украинцы того времени (да и теперь на Волыни) усваивали себѣ манеру цѣлованія панскихъ рукъ, выраженія „прошу пана“ даже, если это требовалось съ присоединеніемъ къ слову „панъ“ титула „ясновельможный“. Извѣстный въ свое время владѣлецъ большого имѣнія „Кошеватскаго ключа“ Молодецкій (ему же принадлежало и мѣстечко Броды въ Галиціи) установилъ, чтобы его под-

данные называли его „Ясный батько“. Положеніе дѣлъ на Украинѣ, властность и, разумѣется, сословная величность поляка на Украинѣ укрѣплялась и отношеніями къ нимъ какъ вообще всего начальства, такъ даже и Царствующихъ Особъ. Изъ всѣхъ прочитанныхъ мною описаній знаменитаго путешествія Екатерины II по Днѣпру нигдѣ не встрѣчалъ я и одного случая обращенія Ея къ простонародью, которое однако же на каждомъ шагу могло видѣть своихъ пановъ-поляковъ включительно до ихъ короля Станислава Понятовскаго, чествуемыми высокою путешественницей и Ея присными. Въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви сохранилась память неоднократныхъ посѣщеній Ея владѣльцевъ графовъ Браницкихъ Александромъ I, Николаемъ Павловичемъ и наконецъ даже Александромъ II въ 1858 году. Въ паркѣ Александріи, вблизи Бѣлой Церкви, вѣроятно, и по сю пору сохранились деревья, посаженныя собственноручно высокими гостями графовъ Браницкихъ.

Да, несомнѣнно, Украина того времени, составляя часть Россійской Имперіи, находилась во владѣніи поляковъ, гораздо крѣпче владѣвшихъ ею, чѣмъ до присоединенія Польши къ Россіи. Тогда нужно было считаться съ этою не разъ проявлявшею свое самосознаніе, національною массою, а подъ мощною рукою россійскаго правительства можно было быть спокойнымъ, что при надобности всегда явятся власти съ войскомъ и съ возами розогъ... Этимъ упоминаніемъ я не хочу, друже мой, бросить упрекъ полякамъ-помѣщикамъ, такъ какъ долженъ по совѣсти сказать, что отношенія крѣпостничества не только въ центральной Россіи, но даже сейчасъ же за Днѣпромъ, на лѣвой сторонѣ его, были гораздо хуже, чѣмъ въ имѣніяхъ польскихъ пановъ, и что въ Кіевской, напр., губерніи самыми несчастными и бѣдными послѣ освобожденія крестьянъ оказались бывшіе штатные крестьяне Кіево-печерской лавры, которыхъ св. отцы отпустили чуть не голыхъ, заставивъ ихъ поснимать все, что было на нихъ изъ бѣлья, платья и обуви и надѣвъ выбранное изъ цѣлой кучи всякой рвани, что нинаесть худшее.

Такъ повторяю, что, говоря о полновластности поляковъ на Украинѣ, я отнюдь не упрекаю ихъ этимъ и напротивъ веду рѣчь совсѣмъ къ другому.

Вся культурная власть вмѣстѣ съ матеріальною была въ рукахъ поляковъ во всей Украинѣ, включительно до

Кіева, гдѣ господствовала въ интеллигентномъ обществѣ польская рѣчь, гдѣ былъ польскій театръ, польскій или по крайней мѣрѣ съ преобладаніемъ польскости университетъ и единственное учебное женское заведеніе, пансіонъ Залѣской, тоже чисто польскій. Уже въ 1860 году проф. Селинъ нѣсколько лекцій посвятилъ разбору Niebesnoj komedij Красицкаго.

Полонезомъ обыкновенно даже царскіе балы открывались и мазуркой заканчивались; причемъ сплошь и рядомъ игрались извѣстные въ то время полонезъ Огинскаго и мазурка Ко—ского. Вообще поляки вполнѣ господствовали на Украинѣ, Подоліи и Волыни, считались только сами съ собою, не имѣя даже особой надобности помнить о всемъ остальномъ. Дворяне поляки даже слоились: были у нихъ высшіе и низшіе слои шляхты—аристократія—богатые магнаты и демократія—вовсе бѣдные или съ небольшимъ достаткомъ люди, при чемъ, разумѣется, неизбѣженъ былъ и взаимный антагонизмъ и геральдическіе счеты. Этого рода отношенія часто бывали основой для талантливо написанныхъ повѣстей извѣстныхъ польскихъ писателей Крашевскаго, Корженевскаго, Крожовского, Ржевускаго и др. Вырабатывались въ литературѣ особые типы добродушнаго шляхтича старой вѣры, надутаго, офранцузившагося магната, презираемый (почему-то) типъ человѣка не дворянскаго даже происхожденія, добившагося (предполагалось — подлыми средствами) достатка и даже богатства. „Dovobkowiez“ назывался такой человѣкъ, что обозначаетъ parvenu, заработавшаго себѣ состояніе. Антагонизмъ этотъ демократіи и аристократіи (шляхетско-польскихъ исключительно) проявлялся какъ въ обыденной жизни, такъ и въ литературѣ. Я помню ходила по рукамъ цѣлая поэма, въ поэмѣ этой героемъ считался русскій гусарскій ротмистръ, который, будучи высѣченъ панами-аристократами, вызвалъ солдатъ и высѣкъ всѣхъ наличныхъ гостей обоего пола. Эта поэма озаглавлена была „Ros u Abramowicza“. Описываемый фактъ случился въ Сквирскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Абрамовича. Когда съ высѣченнымъ ротмистромъ не хотѣли танцовать ни пани, ни панны, отказываясь фразою „Ia z bitym nie tancuje“ — и когда ротмистръ такимъ образомъ узналъ о разглашеніи высѣченія, которому онъ самъ покорился, то во время ужина онъ приказалъ своему денщику выстрѣлить въ честь пред-

водителя дворянства (Strel na wiwat marszalkowi — подлинная фраза поэмы). Это было сигналомъ, по которому явились солдаты и по указанію ротмистра пересѣкли всѣхъ гостей, при чемъ пани маршалковій было дано вдвое розокъ, ради ея общественаго положенія. Въ поэмѣ этой всѣ симпатіи сочинителя-поляка были на сторонѣ гусара-ротмистра русскаго. Это, разумѣется, не составляетъ доказательства рыцарской праведности сочинителя, а только можетъ служить образцемъ существовавшаго между слоями польской шляхты антагонизма. Еще въ Вильнѣ во время существованія тамъ университета, проявлялось это высмѣиваніе шляхетской аристократіи въ сатирахъ издававшагося тамъ юмористическаго листка Brukowe Wiedomosci (Вѣстникъ мостовой). Издатели подписывались такъ: (не разобрано)... т. е. сорвиголова, босовики. Помню тамъ приведенъ былъ цѣлый титулъ какого-то аристократа, пріобрѣтшаго той титулъ за деньги гдѣ-то въ Австріи или даже Испаніи, такъ какъ онъ звучалъ по-испански: „Don Butos, Aytos Swinos, Kabanos, obdery-skuros“ (Butosi--надутость, Obdery—Skuros—отъ шкуру содрать...).

Но я пишу не исторію польской культуры, а все вышесказанное привожу Тебѣ для объясненія положенія, какое занимали поляки въ Западномъ краѣ, живя своею собственною польскою жизнью и относясь ко всему прочему населенію, какъ, вѣроятно, теперь относятся нѣмцы къ туземцамъ занятого ими Камеруна, съ той только разницей, что нѣмцевъ съ туземцами Камеруна не связываетъ ни исторія, ни традиція. Поляки же, какъ ни обособлялись своею жизнью посреди отданной имъ русскими во власть Украины, все же, оглядываясь въ прошлое, должны были считаться съ этою подданною имъ массою и ея національностью. И они по-своему считались съ Украинцами. Они въ своихъ воспоминаніяхъ создавали особый пріятный имъ типъ приверженнаго имъ казака и даже поэтизировали этотъ типъ героя степного. Поэтъ Залѣсскій поэтизировалъ своихъ героевъ, украинцевъ, Гащинскій въ своихъ powiesciach описывалъ время борьбы на пограничьи Запорожья съ польской Украиной. Поль своего героя...[1]) разрисовалъ на фонѣ украинской жизни. Наконецъ слуга-казакъ (а такихъ у магнатовъ были цѣлые полки)—олицетворялъ собою же-

[1]) Пропускъ въ рукописи. *М. Т.*

ланный типъ боевого украинца, преданнаго своему пануполяку. Это было своего рода украинофильство, но только польское украинофильство, доходившее даже до писательства на малорусскомъ языкѣ (Падура) и сочиненія не только на языкѣ пѣсенъ, пѣтыхъ подъ украинскую бандуру придворными бандуристами, по содержанію своему выражающихъ преданность къ Польшѣ и полякамъ. Михаилъ Чайковскій, еще недавно умершій въ Кіевѣ, изображалъ въ своихъ повѣстяхъ такіе типы украинцевъ и даже, если вѣрить его разсказамъ, осуществлялъ свою идею о польскомъ казачествѣ, формируя въ Турціи, на Дунаѣ казацкіе полки. Я помню еще не такъ давно мнѣ пришлось читать какой-то его трактатъ, гдѣ въ туманѣ какого-то мистическаго представленія проводится идея братанья Дуная съ Днѣпромъ подъ покровомъ фельдмаршала небесныхъ силъ Архистратига Михаила.

Вотъ то общественное поле, на которомъ пришлось, мой Друже, родиться, вырости и созрѣвать какъ мнѣ, такъ и моимъ сверстникамъ по Украинѣ.

Хотя я пишу тебѣ не мою автобіографію, а только то, что Тебѣ хотѣлось знать о польскомъ возстаніи въ 1863 году и о предшествующей этому времени жизни кіевскаго студенчества, но для болѣе обстоятельнаго о семъ повѣствованія, какъ видишь, мнѣ пришлось сдѣлать посильный очеркъ соціально-политическаго состоянія всего края и по необходимости приходится коснуться моей собственной жизни, въ ея раннемъ періодѣ по крайней мѣрѣ настолько, насколько я сумѣю сдѣлать это, не развереживая старыхъ, начинающихъ заживать уже ранъ моей души.

Дворянскій родъ мой, какъ это я вижу по семейнымъ документамъ, происходитъ изъ старой Овручской шляхты, несомнѣнно русской, въ свое время ополячившейся. Это явствуетъ изъ нашего прозвища—герба нашего рода. Въ настоящее время я знаю много Познанскихъ, между которыми немногіе могутъ указать въ числѣ своихъ предковъ католиковъ, знаю Познанскихъ евреевъ (чисто географическая фамилія) и даже въ Херсонщинѣ есть священническій родъ Познанскихъ; встрѣчалъ фамилію Апознанскій. Въ числѣ польскихъ дворянскихъ родовъ есть Познанскіе герба Ціолекъ (телокъ)—такой же гербъ имѣютъ и Понятовскіе, изъ числа коихъ одинъ былъ послѣднимъ королемъ Поль-

скимъ. Мой родъ незнатный имѣетъ гербъ, называемый Познякъ, и, какъ я выше сказалъ, происходитъ изъ незнатной Овручской шляхты, давнихъ великокняжескихъ дружинниковъ, утвержденныхъ въ своихъ правахъ дворянства литовскими князьями. При легитимаціи шляхты въ царствованіе Павла Петровича мой пращуръ Францишекъ Познанскій, герба Познякъ, признанъ въ дворянскомъ достоинствѣ Депутатскимъ Дворянскимъ Собраніемъ Волынской губерніи, въ подтвержденіе чего и выданъ ему патентъ, писанный на пергаментѣ съ изображеніемъ нашего родового герба, который по Процкому описывается такъ: въ красномъ полѣ бѣлый рыцарь, пробитый въ лѣвый бокъ стрѣлою. На патентѣ изображенъ въ розовомъ полѣ Мальтійскій рыцарь, пробитый оперенною стрѣлою въ лѣвый бокъ. Когда рисовался этотъ гербъ, существовали только мальтійскіе рыцари, и таковое изображеніе въ высокихъ черныхъ сапогахъ, коричневыхъ штанахъ и въ бѣломъ мундирѣ. Вотъ во что преобразился старый княжескій дружинникъ Познякъ въ лицѣ ополяченныхъ своихъ потомковъ, прибравшихъ фамилію Познанскихъ. Кто-то изъ моихъ пращуровъ владѣлъ даже какимъ-то имѣніемъ — селомъ Пржебиславицы Подольской губ., а уже родной дѣдъ на моей памяти былъ паномъ поссессоромъ одного изъ имѣній графа Мечислава Потоцкаго въ Балтскомъ уѣздѣ Подольской губ. села Каменного Брода. Дѣдъ мой былъ уніатскаго вѣроисповѣданія, и три его сына окрещены уніатскими ксендзами (Sacerdos unitus въ подлинныхъ метрикахъ— греко-уніатскій священникъ въ приложенныхъ переводахъ). Старшій братъ моего отца (мой дядя) и отецъ воспитывались въ Уніатскомъ Базиліанскомъ Коллегіумѣ. Замѣчательно, что изъ пяти сыновей моего дѣда, въ полномъ смыслѣ гречкосѣя, преданнаго исключительно сельскому хозяйству и сопряженными съ тѣмъ хозяйствомъ предпріятіями, какъ-то выкармливаніе воловъ и свиней для продажи ихъ за границу, обширному скотоводству,—четыре сына были въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. По посемейному списку 1833 года дядя Андрей 20 лѣтъ и отецъ мой 18 лѣтъ значатся воспитывающимися въ Харьковскомъ университетѣ, откуда, по разсказамъ, они въ числѣ 4-хъ человѣкъ (2-хъ братьевъ Познанскихъ, Олихновича и помѣщика Харьковской губерніи Иванова) были исключены съ обязательствомъ въ 24 часа оставить Харьковъ. Купивъ на

общія средства какую-то лошадь, эти студенты выѣхали на одной подводѣ изъ Харькова и очутились братья Познанскіе и Олихновичъ въ Вильнѣ, а Ивановъ въ Москвѣ. Ивановъ впослѣдствіи пріѣхалъ къ дядѣ Андрею, когда тотъ былъ уже придворнымъ врачемъ у графовъ Браницкихъ въ Бѣлой Церкви, и у него умеръ. Большая библіотека, оставленная Ивановымъ своему освобожденному отъ подданства лакею и разсказы этого лакея, оставшагося жить у дяди, оставили у меня память о семъ Ивановѣ, какъ о человѣкѣ вполнѣ образованномъ и несомнѣнно участвовавшемъ въ умственномъ движеніи Москвы сороковыхъ годовъ. Если припомнить себѣ тогдашніе пути сообщенія и вообще дальность Харькова отъ Балтской степи, гдѣ жили мой дядя и отецъ, то нужно удивляться этому пребыванію ихъ въ Харьковскомъ университетѣ. Ужъ не играло ли здѣсь какой роли пребываніе въ Харьковѣ графа Потоцкаго (.....) [1]) и его отношенія къ университету. Изъ остальныхъ моихъ дядей Цыпріанъ окончилъ Одесскій лицей по камеральному отдѣлу и Іосифъ окончилъ Дерптскій университетъ по медицинскому факультету, при чемъ совершенно, какъ это я самъ видѣлъ и слышалъ въ семьѣ, онѣмечился. У меня сохранился лѣкарскій дипломъ, выданный дядѣ Андрею изъ Виленской Академіи. Отцу же моему не удалось окончить университетъ; за неудержаніе пробѣжавшаго черезъ его комнату и выскочившаго въ садъ черезъ открытое окно преслѣдуемаго жандармами какого-то политическаго преступника, онъ былъ обвиненъ въ укрывательствѣ, посаженъ на перекладную и отправленъ подъ строгій надзоръ полиціи въ заштатный городъ Погоръ Черниговской губ., гдѣ водворенъ въ должности учителя приходского училища. Послѣ переведенъ въ г. Стародубъ учителемъ уѣзднаго училища. Тамъ онъ женился на русской и, уволенный въ отставку, когда уже имѣлъ сына Бориса 8-ми мѣсяцевъ.

Не распространяясь о времени моего дѣтства, я тѣмъ не менѣе долженъ сказать, что вступленіе въ католическую семью моей матери не составляло, очевидно, ничего чрезвычайнаго; такъ, до женитьбы моего отца еще старшая его сестра вышла замужъ за офицера Лукьянова, а затѣмъ уже послѣ самая младшая ихъ тетка вышла замужъ тоже за офицера Дарагана, помѣщика Лохвицкаго уѣзда, гдѣ, вѣ-

[1]) Пропускъ въ рукописи. *М. Т.*

роятно, и теперь ведется этотъ родъ. Эти отношенія нашей семьи къ православнымъ указываютъ на отсутствіе въ ней католическаго фанатизма.

Мать моя, воспитанница могилевскаго института, была всегда вѣрна привитымъ ей принципамъ крайняго роялизма и въ домѣ вела строй русскій.

Я попалъ въ полтавскую гимназію, гдѣ учился вмѣстѣ съ Александромъ Котляревскимъ, Бекманомъ, Станиславскимъ, Воронымъ, Вельяминомъ Португаловымъ—съ послѣдними двумя я былъ одноклассникомъ. Помню учителей Стеб..., Каминскихъ, Половича, Льва Боровиковскаго, Горлинскаго, Кульчицкаго.

Въ Полтавской гимназіи я пробылъ только три года, до смерти моего отца, послѣ чего я былъ переведенъ въ 4-й классъ Бѣлоцерковской гимназіи и взятъ на попеченіе моего дяди Андрея, служившаго въ Бѣлой Церкви домашнимъ врачемъ у графовъ Браницкихъ.

Бѣлоцерковская гимназія была незадолго до моего въ нее вступленія переведена въ мѣстечко Бѣлую Церковь изъ Винницы. Составъ учащихся былъ польскій. Насъ православныхъ при 250—300 католикахъ не было больше 20—25 учениковъ. Покойный отецъ Петръ Лебединцевъ, бывшій моимъ законоучителемъ, не былъ обремененъ численностію своихъ слушателей. Въ седьмомъ классѣ, помню насъ у него было только двое,—я и Николай Гвоздиковъ. Господствующій языкъ у учащихся былъ польскій. Мнѣ было 14 лѣтъ и до перевода въ Бѣлую Церковь я не говорилъ по-польски, такъ какъ въ семьѣ моего отца говорили на языкѣ моей матери по-русски, какъ равно и въ Полтавской губерніи. Хотя и слышалъ польскую рѣчь въ семьѣ моего дѣда, гдѣ приходилось гащивать, но говорить не научился и, могу сказать, основательнѣе всего до поступленія въ гимназію, зналъ языкъ малорусскій, языкъ прислуги, съ которой по заброшенности воспитательныхъ пріемовъ имѣлъ наиболѣе общенія. Ни моя сестра, ни мой братъ, и теперь еще живые[1]), не умѣютъ говорить по-польски. Я же, очутившись и въ гимназіи и въ семьѣ дяди Андрея среди поляковъ, польской рѣчи и польско-шляхетскаго обихода, какъ-то очень скоро усвоилъ себѣ польскій языкъ и до недавняго еще времени могъ говорить po prawnie, т.-е.

[1]) Писано въ 1905—1906 году.

литературнымъ языкомъ. Изъ напечатаннаго въ „Кіевской Старинѣ“ очерка „Воспоминанія изъ моего прошлаго“ [2]) Ты, если захочешь, можешь видѣть, какъ во мнѣ стали проявляться симпатіи къ украинцамъ, но тѣмъ не менѣе я не пересталъ быть панычемъ, вполнѣ усвоивъ себѣ всѣ пріемы польско-шляхетской жизни, языкъ, взгляды, сталъ думать по-польски. Но какъ-то странно выходило, что я никогда не испытывалъ свойственной полякамъ отчужденности къ украинцамъ мужикамъ. Напротивъ, что-то такое, разумѣется отнюдь не анализируемое тогда, сближало меня съ ними. Очень можетъ быть, что мое православіе дѣлало меня въ глазахъ украинцевъ,—близкими ко мнѣ были они въ лицѣ прислуги,—не такъ уже чужимъ, какъ чужими имъ были паны-католики. Тогда, въ то время, это не обращало моего вниманія, но только теперь, вдумываясь въ это прошлое, вспоминая его, я прихожу къ такимъ выводамъ.

Припоминаю такой случай.

Въ 1855 году были волненія среди крестьянъ Кіевской губерніи. Вышло это очень просто. Объявленъ былъ Высочайшій манифестъ о призывѣ ополченія, полный же призывъ, какъ обыкновенно, долженъ былъ совершиться обычнымъ путемъ цѣлаго ряда распорядительныхъ дѣйствій по губерніямъ въ соотвѣтственныхъ учрежденіяхъ. Въ Кіевской губерніи порѣшено было въ виду обремененія населенія подводною и поставною повинностями по случаю передвиженія войскъ (это была война 1853—4—55 годовъ), а также въ виду поставки Кіевской губерніей погонцевъ—ополченія не собирать. Крестьяне же истолковали это иначе: призывъ ополченія они назвали призывомъ въ казаки, со всѣми послѣдствіями такого казакуванія,—а именно—освобожденіемъ отъ власти пановъ и полученія земли. А такъ какъ послѣ прочтенія манифеста ничего болѣе не было предпринимаемо, то крестьяне и поняли, что попы, подкупленные панами, скрываютъ второй манифестъ. Начались требованія этого второго манифеста и по исторической традиціи записывались въ реестры. „Пысалысь въ козаки“ съ убѣжденіемъ, что запоздавшіе записаться останутся подданными пановъ. Требованіе второго манифеста отъ священниковъ сопровождалось насиліями, „одбутокъ“ панщины, разумѣется, оставленъ; паны и ихъ служащіе по-

[2]) „Кіевская Старина“, 1892 годъ, кн. 1—2—3. (*М. Т.*).

прижукли по своимъ дворамъ, по традиціи опасаясь буйства, а то и чего худшаго со стороны крестьянъ. Правительственыя власти приняли мѣры по усмиренію этихъ волненій; посланы были наличные въ той мѣстности саперы съ присоединеніемъ къ нимъ даже рекрутовъ, вооруженныхъ, за неумѣніемъ обращаться съ оружіемъ, палками. Нашъ законоучитель о. Петръ Лебединцевъ былъ командированъ для увѣщаній.

Въ такомъ большомъ панскомъ гнѣздѣ, какъ Бѣлая Церковь, изъ которой ушли послѣднія войска, разумѣется, всѣ очень полошились, сходились паны, совѣщались, и мы, дѣти-подростки, знали объ этихъ совѣщаніяхъ и о постановленіяхъ. Порѣшено было въ случаѣ чего всѣмъ панамъ собираться съ семьями „до палацу“ (во дворецъ Браницкихъ), гдѣ было заготовлено двѣсти ружей для защиты.

Все это было на страстной недѣлѣ, когда уже насъ распустили въ гимназіи на пасхальныя каникулы. Свободный отъ классныхъ занятій, я занялся лѣпленіемъ разноцвѣтныхъ фонариковъ для свѣчей къ страстямъ. Одинъ изъ фонариковъ назначался кухаркѣ Хотынѣ, всегда оказывавшей мнѣ особыя ласки то подкармливаніемъ меня, вѣчно алчущаго, вслѣдствіе возрастанія, то подчинявшей мнѣ бѣлье, то мывшей щелокомъ голову. Послѣднему я поддавался только послѣ ея настойчивыхъ требованій. За все это я училъ грамотѣ ея сына. Другой фонарикъ предназначался красавицѣ Галькѣ (покоивкѣ) горничной дядыны и третій мнѣ. Но когда тревожное настроеніе Бѣло-Церковскаго панства стало возрастать и когда таковое мимовольно сообщилось и мнѣ, то въ страстной четвергъ я уже было задумался, идти ли къ страстямъ, или не идти. Свой фонарикъ порѣшилъ передать сыну Хотины, вмѣсто неаккуратно сдѣланаго имъ самимъ.

Помню у дяди былъ кто-то изъ знакомыхъ и толковали о томъ, что панъ комиссаръ (главный управляющій имѣніями графовъ Браницкихъ)—послалъ нарочитаго въ Кіевъ къ генералъ-губернатору, прося защиты отъ угрожающаго возстанія крестьянъ. Дядя, увѣрявшій, что ничего быть не можетъ, приказалъ однако же мнѣ достать изъ его конторки его парные дуэльные пистолеты и сталъ ихъ осматривать съ гостемъ. Дядына все охала. Я тутъ же внималъ всему и, какъ помнится, очень былъ возбужденъ всѣмъ этимъ. Но вдругъ я замѣтилъ, что меня пальцемъ манитъ

къ себѣ Галька. Я вышелъ изъ комнаты и пошелъ за ней. На крыльцѣ стояла Хотына съ сыномъ, уже совсѣмъ собравшаяся идти и ожидавшая только меня и Гальку, не надѣвшую еще только верхнюю свитку.

— Щож, ходімте: вже пора, он вже скоро і передзвонять,—сказала Хотына.

— Та выдно паныч бояться,—замѣтила Галька, очевидно изъ подслушанныхъ ею, какъ хорошо понимавшею по-польски, разговоровъ, знающая объ опасеніяхъ пановъ и уже говорившая навѣрное объ этомъ съ Хотыною.

— А їмъ чого бояться—воны ж нашої мужицької віри,—объяснила Хотына.—Ходим, то все глупство, що вони там балакають,—добавила она, видя мою нерѣшимость.

Я пошелъ съ ними.

На площади и въ оградѣ крестьяне стояли группами и вездѣ, видно было, о чемъ-то толковали. Хотына не давала мнѣ останавливаться и даже подталкивала. Въ церкви я потерялъ и Хотыну и Гальку, но зато нашелъ своихъ товарищей, племянника одного священника и сына почтмейстера. Домой съ фонарикомъ я въ массѣ дошелъ до двора дяди и уже около самаго дома нашелъ Хотыну.

Въ комнатѣ дядя, лежа на софѣ, читалъ какую-то книгу и, замѣтивъ меня, окликнулъ. Я сказалъ о томъ, что былъ въ церкви. Онъ оторвался отъ книжки, посмотрѣлъ, поднявъ свои густыя брови, на меня и сказалъ: „Ты хорошо сдѣлалъ. Никогда не слѣдуетъ отстраняться отъ своихъ единовѣрцевъ“ („Nigdy nie trzeba stronić się swoich wspotwyznawców“).

Когда на святкахъ я разсказывалъ одной старой дѣвѣ (starej pannie) о томъ, какъ я ходилъ къ страстямъ и не боялся мужиковъ (это было настроеніе всѣхъ пановъ, и я, собственно говоря, хотѣлъ похвастаться передъ моей собесѣдницей)—то она, поправляя очки и отстраняя ото рта чубукъ,—она курила трубку, — сказала: „Nic dziwnego! Bo ty, mój kochany, taki zé schysmatyk, jak i chtopi“ (Нечему удивляться! Потому что ты, мой милый, такой же схизматикъ, какъ и мужики).

Это была очень умная, начитанная особа, увлекавшаяся въ то время религіозностью и піэтизмомъ, она состояла членомъ какого-то братства при мѣстномъ костелѣ. Помню, что при опредѣленіи моего положенія она произнесла какіе-то термины: Skaplerz ..... Serce Jezusowe, кото-

рыхъ я тогда не понималъ. Окруженная всегда любимою ею молодежью (впослѣдствіи студентами), всегда диспутирующая, много читавшая, эта особа не устояла въ своемъ піэтизмѣ и къ концу довольно долгой своей жизни (умерла чуть не 70 лѣтъ) стала полной раціоналисткой.

Подъ вліяніемъ окружающей меня среды, школьной и семейной обстановки, я скоро совсѣмъ ополячился: научился правильно говорить по-польски, читалъ исключительно польскія книжки и усваивалъ себѣ польскія традиціи. Первые романы и повѣсти, прочитанные мною, были польскіе. Въ Бѣлой Церкви открылась книжная лавка, гдѣ продавались только польскія и французскія книги. Я знакомъ былъ со всѣмъ новымъ, выходившимъ въ печати польскимъ, и все это читалъ съ жадностью, свойственной моему возрасту (15—17 лѣтъ). Русскихъ книгъ, кромѣ учебниковъ, не было. Хрестоматія Галахова и лекціи по риторикѣ и піитикѣ учителя русской словесности Бѣлоброва не могли замѣнить мнѣ той изысканной, полной жизненности, духовной пищи, какую давала мнѣ польская литература. У дяди въ библіотекѣ были „Мертвыя души“ и „Тарантасъ“ Салогуба. Книжки эти я прочиталъ по указанію дяди, и выведенные тамъ типы показались мнѣ крайне грубыми и далеко уступающими типамъ Крашевскаго, Корженьовскаго, Качковскаго и мн. др. польскихъ писателей.

Но вотъ что-то какъ бы новое повѣяло на насъ. Срѣзали намъ хвостики мундировъ, перестали учить маршировкѣ и требовать, чтобы мы за 10 шаговъ при встрѣчѣ съ начальствомъ снимали шапки и становились во фронтъ, ненавистнаго Бѣлоброва смѣнилъ молодой, замѣчательно симпатичный учитель словесности Петровъ (Николай Михайловичъ) и др. молодые учителя (Кедровъ, Трофимовъ). Пріятно замаячилъ въ нашихъ мечтахъ типъ студента. Дядя мой всегда водилъ знакомство съ учителями гимназіи, къ которымъ онъ относился дружелюбно, вѣроятно, еще по старой памяти своего пребыванія въ Харьковскомъ университетѣ; видывалъ я у дяди и саперныхъ офицеровъ квартировавшаго въ Бѣлой Церкви баталіона. Вообще дядя мой не чуждался русскихъ людей, и не только былъ знакомъ съ нѣкоторыми, но даже былъ друженъ. Я помню весьма симпатичную личность младшаго полкового адъютанта коннаго уланскаго полка, почему-то застрявшаго на нѣкоторое время постоемъ въ Бѣлой Церкви, Николая Ивановича Рубца. Образованный,

спортсменъ и джельтментъ во всѣхъ отношеніяхъ, онъ пользовался симпатіями всего мѣстнаго аристократическаго (sic) общества. Я часто бѣгалъ къ нему на квартиру сейчасъ же сзади сада моего дяди и совсѣмъ было заразился отъ него страстью къ собиранію древнихъ монетъ. Николая Ивановича я часто видѣлъ въ компаніи пріѣхавшихъ изъ Дерпта моего дяди Іосифа, окончившаго тогда медицинскій факультетъ, и студента Жолцинскаго, а также уважаемыхъ мною учителей Кедрова и Петрова. Помню проводы, устроенные Николаю Ивановичу Рубцу, уѣзжавшему вмѣстѣ съ Жолцинскимъ въ Тифлисъ. Рубецъ переводился въ какой-то кавказскій драгунскій полкъ и надѣлъ уже какой-то казакинъ съ розовыми кантами и кавказскую папаху на оббритую голову. Бѣдняжка! Вскорѣ мы получили извѣщеніе, что онъ убитъ въ первой экспедиціи въ горы.

Все это я вспомнилъ ради того, чтобы сказать, что въ это время увлеченія всѣмъ польскимъ, эти мои знакомства воскрешали въ моей памяти кое-что и русское, уже было затерявшееся совершенно въ моей душѣ и памяти. Петровъ обновилъ въ моей памяти и заученныя въ дѣтствѣ по наставленію моего дѣдушки со стороны матери оду „Богъ“ и поэмы Пушкина „Кавказъ“, „Цыгане“, „Полтава“ и Рылѣева „Войнаровскій“ и даже Ростопчиной запрещенный тогда „Насильственный бракъ“. Какъ же все это конгломентировалось въ моей душѣ и умѣ со всѣмъ усвоеннымъ мною изъ польской литературы?

И Мазепа и... и „насильно взятая жена“ и ставропольскіе типы повѣстей Качковскаго, и современные образцы героевъ романовъ Крашевскаго и Корженьовскаго, и величавый Могортъ (?) Поля и каррикатурное изображеніе Вилькон-скаго, и Печоринъ, Чичиковъ, и Панъ Тедеушъ, и Конрадъ Валленродъ, вычитанныя мною и обаятельныя фигуры „Грыця и Маруси“, воспѣваемаго дівчатами,—все это всасывалось въ душу и сознаніе.

А душа эта была молодая и сознаніе крайне воспріимчивое.

(Продолженіе въ слѣдующей кн.).

Русское землевладѣніе въ Правобережной Украинѣ.

Развитіе украинскаго національнаго движенія въ Правобережной Украинѣ, несомнѣнно, внесетъ въ мѣстную жизнь значительно больше сложныхъ и трудно разрѣшимыхъ проблемъ, чѣмъ въ Лѣвобережьѣ. Это неизбѣжно въ силу пестроты національнаго состава Юго-западнаго края, въ силу того, что вкрапленныя въ украинское большинство населенія края чужія національныя группы, принадлежа къ экономически сильнымъ классамъ, обладаютъ вліяніемъ, очень значительнымъ сравнительно со своей численностью.

Въ ряду вопросовъ, которые должны бы были стать на очередь съ развитіемъ украинскаго движенія въ краѣ и связаннымъ съ нимъ ростомъ сознательности крестьянства, одинъ уже выдвинулся теперь и требуетъ своего разрѣшенія. Правда, постановка его на порядокъ дня въ настоящее время стоитъ внѣ связи съ ростомъ украинскаго движенія въ краѣ,—ростомъ, относительно мало интенсивнымъ, но разрѣшеніе его внѣ разсмотрѣнія перспективъ украинства въ краѣ не представляется возможнымъ. Рѣчь идетъ о мѣстномъ русскомъ землевладѣніи и его соціально-культурной роли.

Для мѣстной жизни этотъ вопросъ имѣетъ всѣ признаки злободневности. Законъ о западномъ земствѣ съ его національными куріями, въ основѣ котораго лежатъ надежды на творческую культурную роль русскаго землевладѣнія, новыя ограниченія, проектируемыя для защиты русскаго землевладѣнія отъ конкурренціи иностранцевъ и инородцевъ,—все это заставляетъ еще разъ остановиться и пересмотрѣть вопросъ о томъ, что положительнаго получитъ край отъ продолженія дальнѣйшей поощрительной политики по отношенію къ русскому землевладѣнію.

Но имѣется въ этомъ вопросѣ рядъ моментовъ, которые значительно расширяютъ рамки задачи и придаютъ ей болѣе широкое общественное значеніе. Слѣдуетъ принять во вниманіе, что край, надъ которымъ производятся теперь

въ такомъ изобиліи правительственные эксперименты,—это край съ громаднымъ даже для деревенской Россіи перевѣсомъ сельскаго населенія надъ городскимъ. Для 1909 года процентъ городского населенія не достигалъ и 10% для Волынской и Подольской губ.; почти тождественную картину представляетъ и Кіевская губернія, если исключить г. Кіевъ. При такомъ слабомъ развитіи городовъ и при ихъ незначительномъ въ зависимости отъ этого вліяніи на культурный обликъ края русское землевладѣніе является единственной здѣсь группой, которая могла бы привить сельскому par exellence украинскому населенію Правобережья русскую культуру, которая имѣетъ возможность стать ея проводникомъ. Особенно важно подчеркнуть значеніе землевладѣльческой русской группы потому, что и то незначительное вліяніе городовъ, которое имѣетъ мѣсто въ краѣ, для проведенія въ массы русской культуры едва ли даетъ и можетъ давать особенно благопріятные, съ точки зрѣнія гг. руссификаторовъ, результаты. Жалобы мѣстной правой прессы на инородческое засилье въ городахъ Правобережья вполнѣ подтверждаются данными статистики. Значительный процентъ городского населенія составляютъ инородцы: евреи, поляки, украинцы; въ рядѣ городовъ Правобережья русскій элементъ представляетъ меньшинство. Если благодаря привилегированному своему положенію это меньшинство и можетъ быть проводникомъ русской культуры, то, при его слабости и при наличности конкурренціи чужихъ національныхъ группъ, врядъ ли возможно ожидать, что дѣятельность этого меньшинства дастъ плодотворные результаты. Такимъ образомъ, та культурная роль, которая въ силу положенія вещей лежитъ на русскомъ землевладѣніи въ краѣ, находится внѣ сомнѣній. Разрѣшеніе вопроса объ его творческихъ перспективахъ есть въ значительной степени вмѣстѣ съ тѣмъ и разрѣшеніе вопроса о будущности и перспективахъ русской культуры въ краѣ. А отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣетъ не только мѣстный интересъ. Правобережье представляетъ настолько значительную часть территоріи Украины, что его будущее трудно представить отличнымъ отъ будущности цѣлаго.

Отвѣтъ на вопросъ о судьбѣ русской культуры въ Юго-западномъ краѣ необходимо даетъ матеріалъ для разрѣшенія спора, давно разрѣшеннаго для насъ, украинцевъ, но не разрѣшеннаго еще многими и многими русскими интел-

лигентами спора о русской культурѣ и украинскомъ партикуляризмѣ. Анализъ положенія вещей въ части украинской территоріи поможетъ уяснить вопросъ о будущности украинской культуры въ ея конкурренціи на мѣстахъ съ русской.

Настоящая статья не ставитъ своею цѣлью исчерпать вопросъ, дать на него окончательный отвѣтъ. Мы имѣемъ въ виду лишь намѣтить общіе контуры; лишь только въ выясненіи наиболѣе вѣроятныхъ тенденцій и заключается наша задача.

I.

Для выясненія роли русскаго землевладѣнія предварительно необходимо познакомиться съ нѣкоторыми цифровыми данными. Слѣдуетъ отмѣтить, что этихъ данныхъ для Юго-западнаго края, совершенно забытаго статистикой, имѣется очень немного, да и тѣ, которыми можно располагать, во многихъ отношеніяхъ вызываютъ сомнѣнія.

Отмѣтимъ прежде всего ту значительную роль, которую играетъ частное землевладѣніе въ краѣ. Площадь земли, принадлежащая частному землевладѣнію, здѣсь значительно выше общерусской средней, достигая почти половины всѣхъ земель: для 1905 года процентное отношеніе площади частновладѣльческихъ земель къ общей площади представлялось такъ:

Волынская губ. . . . . 45,2%.
Кіевская „ . . . . . 44,4%.
Подольская „ . . . . . 48,9%.

Значеніе частнаго землевладѣнія усугубляется тѣмъ, что приведенныя цифры сохраняютъ свою полную силу и по отношенію къ помѣщичьему землепользованію; районъ Юго-западнаго края принадлежитъ къ области крупной капиталистической аренды, и поэтому площадь земель, находящаяся во владѣніи у частныхъ владѣльцевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ находится и въ ихъ хозяйственномъ пользованіи: мелкая крестьянская аренда помѣщичьихъ земель здѣсь не пользуется распространеніемъ.

Если обратиться теперь къ даннымъ, характеризующимъ роль русскаго землепользованія въ группѣ частныхъ земельныхъ собственниковъ въ краѣ, то мы натолкнемся на цифры, которыя на первый взглядъ могутъ импонировать.

По даннымъ, собраннымъ для выработки Земскаго Положенія въ Западномъ краѣ, на Правобережной Украинѣ част-

ное землевладѣніе по національностямъ распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Площадь земли въ % въ группѣ избират:	Волынск. губ. польск.	Волынск. губ. непольск.	Кіевск. губ. польск.	Кіевск. губ. непольск.	Подольск. губ. польск.	Подольск. губ. непольск.
1 съ полнымъ земскимъ цензомъ . . . (50—250 дес.)	47,8	52,2	41,1	65,9	55,3	44,7
2 съ цензомъ до $^1/_5$ полнаго . . . . . (10—50 дес.).	33,4	66,6	16,2	83,8	24	76
3 съ цензомъ до $^1/_{10}$ полнаго . . . . . (5—25 дес.).	20,2	79,8	8,1	91,9	13	87
Средняя по губ. . .	45,7	54,3	41,1	58,9	53	47

Матеріалы, которыми мы пользовались, называютъ все не польское землевладѣніе русскимъ. Мы дали соотвѣтственнымъ рядамъ таблицы менѣе импонирующій, но болѣе отвѣчающій дѣйствительности заголовокъ [1]).

Но кромѣ этого въ данной таблицѣ необходимо сдѣлать рядъ исправленій, при которыхъ ея цифры, свидѣтельствующія объ успѣхахъ русскаго землевладѣнія, станутъ еще менѣе внушительными. Нужно выдѣлить земли, принадлежащія собственникамъ другихъ національностей, кромѣ русской, такъ какъ въ русскіе зачислены и украинцы, и чехи, и нѣмцы. Къ сожалѣнію, произвести цифровой учетъ земель инородческихъ и русскихъ нѣтъ возможности благодаря свойствамъ самого матеріала. Можно лишь произвести нѣкоторыя косвенныя сопоставленія, да и тѣ въ виду необходимости приводить длинные ряды цифръ мы сдѣлаемъ лишь для украинцевъ, оставивъ въ сторонѣ всѣ прочія національности.

По тѣмъ же даннымъ, на которыя мы ссылались выше, процентное распредѣленіе избирателей-неполяковъ по размѣрамъ ихъ ценза было слѣдующее:

Избирателей:		Вол. губ.		Кіев. губ.		Под. губ.	
съ полнымъ цензомъ		10,2		11,0		16,0	
съ цензомъ до $^1/_5$ полнаго	съ неполн. цензомъ.	29,4	89,8	27,0	89,0	26,0	84,0
съ цензомъ до $^1/_{10}$ полнаго		60,4		62,0		58,0	
Итого:		100%		100%		100%	

[1]) Необходимо отмѣтить, что приводимыя данныя охватываютъ не всю площадь частновладѣльческихъ земель, а лишь ту площадь, которая принадлежитъ лицамъ, имѣющимъ избирательныя права въ земство,—приблизительно 80—90% всѣхъ земель, находящихся въ личномъ владѣніи.

Эти данныя указываютъ на значительную роль, которую занимаютъ въ землевладѣльческой группѣ владѣнія мелкія (избиратели 2-й и 3-й группъ). Между тѣмъ, если полные цензовики въ своей массѣ почти исключительно состоятъ изъ русскихъ землевладѣльцевъ, относительно второй и третьей группы избирателей этого сказать нельзя никоимъ образомъ. Въ этихъ группахъ очень значительно представлено крестьянское и мѣщанское землевладѣніе, а эта категорія собственниковъ въ своемъ громадномъ большинствѣ принадлежитъ къ украинской національности. Приводимый ниже рядъ цифръ иллюстрируетъ это положеніе.

По даннымъ статистики землевладѣнія 1905 года, площадь земель, находящихся въ личномъ частномъ владѣніи у отдѣльныхъ сословій, среди мелкихъ собственниковъ распредѣлялась такъ въ дес.:

Владѣнія до 100 дес.	двор.	мѣщ.	крест.
Волынская губ.	29,576	77,055	111,350
Кіевская „	29,799	20,427	60,903
Подольск. „	24,398	6,886	31,522

Такимъ образомъ, можно утверждать, что группа мелкихъ избирателей въ своемъ большинствѣ состоитъ изъ собственниковъ украинской національности. Съ полной несомнѣнностью, слѣдовательно, къ господствующей національности возможно отнести лишь группу избирателей-полноцензовиковъ. Процентъ ихъ, какъ мы видѣли выше, въ общей массѣ незначителенъ. Точно также невелики и абсолютныя цифры: по Волынской губ. число избирателей полноцензовиковъ равняется 831, въ Кіевской губ. 904 и въ Подольской 779. Въ отдѣльныхъ уѣздахъ число помѣщиковъ русскихъ понижается до 32—40 человѣкъ, переходя за сотню лишь только въ пяти уѣздахъ края изъ общаго числа 36 уѣздовъ.

Но если обратиться къ цифрамъ, указывающимъ, какая площадь принадлежитъ земельнымъ собственникамъ господствующей національности, картина рѣзко мѣняется.

Принадлежатъ земли непольскимъ избирателямъ по отдѣльнымъ губерніямъ:

		Въ томъ числѣ полнымъ цензовикамъ.
Волынск. губ. . . .	1,224,380	1,046,533
Кіевск. губ. . . .	314,653	786,396
Подольск. губ. . .	564,260	500,667

Главная масса земель находится у крупныхъ русскихъ помѣщиковъ, число которыхъ не превышаетъ 2½ тысячъ въ краѣ съ 12-милліоннымъ населеніемъ.

Цифра въ 2½ тысячи является немного преуменьшенной; къ нимъ слѣдуетъ прибавить помѣщиковъ русскихъ изъ группы мелкихъ владѣльцевъ, но не думаемъ, чтобы эта прибавка могла быть особенно значительной.

Для нашихъ же цѣлей, для выясненія культурной роли русскаго землевладѣнія въ краѣ, цифра въ 2½ тысячи является вполнѣ пріемлемой. Мелкіе русскіе собственники, поскольку они имѣются, представляютъ малокультурную и пассивную группу, ихъ участіе въ общественной работѣ, а тѣмъ болѣе роль ихъ, какъ насадителей русской культуры для ближайшаго будущаго, рисуются болѣе нежели проблематическими. Пока единственная общественная дѣятельность, которую проявили отдѣльные представители этой группы, это—участіе въ погромной агитаціи Почаевской лавры. Не думаемъ, чтобы и въ будущемъ положеніе рѣзко измѣнилось.

II.

Когда русскій интеллигентъ, настроенный „объединительно“, высказываетъ свои взгляды на украинскую культуру, отъ него очень часто можно услышать утвержденіе о томъ, что русская культура на Украинѣ теперь есть фактъ, и съ нимъ, какъ такимъ, и нужно считаться, совершенно оставивъ въ сторонѣ тѣ историческія условія, которыя ее создали; не слѣдуетъ, молъ, говорить ни о роли нас·· ія, ни о правительственномъ вмѣшательствѣ, ибо такая ссылка на исторію не убѣдительна.

Возможно, что существуютъ такіе элементы культурнаго творчества, относительно которыхъ аргументировать отъ исторіи и историческихъ традицій не приходится, но въ выясненіи вопроса о культурной роли русскаго землевладѣнія въ краѣ безъ ссылокъ на исторію,—исторію, правда, очень недавнюю,—обойтись невозможно. Безъ знакомства съ той исторической обстановкой, въ которой возникло русское землевладѣніе на Правобережной Украинѣ, не только нельзя намѣтить какія-либо перспективы его дальнѣйшаго развитія, но нельзя даже уразумѣть самого факта существованія его въ настоящее время,—настолько несоотвѣтственнымъ представляется оно всѣмъ окружающимъ его условіямъ.

Исторія русскаго землевладѣнія въ Юго-западномъ краѣ коротка и притомъ очень однообразна. Начало его, какъ болѣе широкаго явленія, относится къ времени польскаго возстанія 1863 года, когда было рѣшено полонизацію, которой до того времени былъ предоставленъ край, замѣнить руссификаціей, насажденіемъ русскаго элемента и русской культуры. Исторія русскаго землевладѣнія въ Юго-западномъ краѣ есть исторія тѣхъ воистину героическихъ средствъ, къ которымъ прибѣгало русское правительство въ борьбѣ съ сильнымъ и дисциплинированнымъ польскимъ владѣльческимъ классомъ.

Первымъ въ этой серіи ограничительныхъ мѣръ является Высочайшій рескриптъ кіевскому генералъ-губернатору отъ 14-го января 1863 года, которымъ генералъ-губернатору предоставлялась власть, въ виду начавшагося возстанія, принимать для охраненія спокойствія всѣ тѣ мѣры, которыя онъ признаетъ нужными. Въ числѣ этихъ мѣръ, разумѣется, былъ секвестръ недвижимыхъ польскихъ имѣній, и для проведенія его были Высочайше утверждены 15-го марта того же года особыя правила. Положеніе о конфискаціи имѣній лицъ, причастныхъ къ возстанію, функціонировало до 3-го февраля 1874 года,—функціонировало, какъ извѣстно, въ достаточной степени дѣятельно и энергично. Слѣдомъ за нимъ появился рядъ правительственныхъ указовъ, имѣющихъ въ виду насажденіе въ краѣ русскаго землевладѣнія и искорененіе польскаго. Въ томъ же направленіи шла и дѣятельность представителей администраціи.

Мы не имѣемъ возможности останавливаться на всѣхъ отдѣльныхъ фазахъ и перепитіяхъ этой политики,—соотвѣтствующихъ узаконеній и распоряженій имѣется такое множество, что изъ нихъ уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ составлялись къ руководству исполнителей объемистые сборники, а административная энергія не оскудѣвала вѣдь вплоть до нашего времени. Мы отмѣтимъ лишь главные этапы.

Указомъ 10-го декабря 1865 года было воспрещено полякамъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія всѣми способами, кромѣ наслѣдованія по закону; одновременно состоялось повелѣніе всѣмъ владѣльцамъ секвестрованныхъ имѣній продать ихъ лицамъ русскаго происхожденія въ двухлѣтній срокъ.

Правилами 27-го декабря 1884 г., сохранившими до сихъ поръ свою силу за нѣкоторыми лишь смягченіями, послѣдо-

вавшими въ 1905 г., лицамъ польскаго происхожденія запрещено было принимать въ залогъ недвижимыя имущества, снимать имѣнія въ долгосрочную аренду и подтверждено запрещеніе покупать землю, причемъ администраціи предоставлено было право оспаривать всѣ сдѣлки, совершенныя съ нарушеніемъ этихъ правилъ.

Въ 1891 году воспрещено передавать недвижимую собственность, внѣ городовъ и мѣстечекъ находящуюся, лицамъ польскаго происхожденія въ пожизненное владѣніе. Ограниченія, существующія для поляковъ, съ нѣкоторыми измѣненіями существуютъ и для иностранцевъ въ Волынской губ. съ 1892 года.

Не упоминаемъ объ общихъ для всего государства ограниченіяхъ, существующихъ для евреевъ.

Рядомъ съ системой мѣръ запретительныхъ по отношенію къ полякамъ проводилась въ продолженіе всего періода система мѣръ поощрительныхъ по отношенію къ лицамъ „русскаго происхожденія". Мѣръ этого рода числомъ больше, чѣмъ мѣръ запретительныхъ, такъ какъ въ ограниченіяхъ административная энергія уже въ указѣ 10-го декабря 1864 года достигла очень высокой степени напряженія, и находить объекты для новыхъ ограниченій было нелегко; въ дѣлѣ же поощренія русскаго элемента политика носила болѣе систематическій характеръ: не было недостатка въ поощреніяхъ различнаго рода всѣ пятьдесятъ лѣтъ. Начало поощреній относится, какъ мы указали, все къ тому же 1863 году. Въ 1864 году правительство въ результатѣ бывшихъ въ предыдущіе два года въ краѣ событій рѣшило призвать туда новыхъ дѣятелей. Съ этой цѣлью было выработано и издано положеніе о льготахъ, преимуществахъ и ссудахъ, предоставляемыхъ покупщикамъ непольскаго происхожденія казенныхъ и частныхъ имѣній. Положеніе это въ началѣ распространялось лишь на имѣнія, продаваемыя съ публичныхъ торговъ, но въ томъ же году было распространено на всѣ случаи покупки.

Въ 1865 году казенныя и конфискованныя имѣнія было рѣшено продавать безъ торговъ и съ разсрочкой платежа; этими правами могли воспользоваться: 1) служащіе въ западныхъ губерніяхъ, военные и гражданскіе чины непольскаго происхожденія и 2) вообще всѣ лица русскаго происхожденія, оказавшія заслуги на поприщѣ государственной службы или общественной дѣятельности и желающія водво-

риться въ краѣ на постоянное жительство. Льготныя условія покупки этого рода въ нѣкоторыхъ случаяхъ доходили до того, что земля отдавалась безъ задатка, первый взносъ отсрочивался на два года, весь платежъ безъ процентовъ растягивался на 22 года.

Въ томъ же году сдѣлки по продажѣ земель русскимъ были освобождены отъ уплаты крѣпостныхъ пошлинъ. Одновременно начались заботы правительства объ организаціи кредита для русскихъ помѣщиковъ. Организованное съ этой цѣлью на льготныхъ условіяхъ товарищество пріобрѣтателей имѣній въ Западномъ краѣ начало ходатайствовать для себя еще о новыхъ льготахъ, которыя даже при соотвѣтственномъ направленіи политики правительства показались правящимъ сферамъ чрезмѣрными; въ виду этого товарищество было присоединено къ Обществу взаимнаго поземельнаго кредита; это Общество на особо льготныхъ условіяхъ оказывало кредитъ русскимъ помѣщикамъ, совершенно закрывъ его полякамъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что эту мѣру Общество осуществило по собственной иниціативѣ изъ желанія итти навстрѣчу видамъ правительства. Это Общество, пользующееся привилегированнымъ положеніемъ, раздавало деньги русскимъ помѣщикамъ очень щедро, и многіе изъ прогорѣвшихъ дворянъ нашли свое спасеніе въ его кредитѣ. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ результатѣ громадныхъ растратъ и кражъ дѣятельность Общества сократилась, но все-таки оно продолжало функціонировать въ томъ же патріотическомъ направленіи до основанія Дворянскаго банка, къ которому было присоединено. Дворянскій банкъ, замѣстившій Общество, по отношенію къ полякамъ продолжалъ и продолжаетъ ту же политику.

Въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ правительственными узаконеніями были выработаны основы той поощрительной системы, которой признано было необходимымъ держаться по отношенію къ русскому землевладѣнію. Проведеніе ея лежало на обязанности генералъ-губернатора. И въ послѣднія тридцать лѣтъ эта политика неуклонно все время проводилась съ большей или меньшей энергіей въ зависимости отъ личныхъ свойствъ высшаго представителя власти въ краѣ.

Упомянемъ объ одномъ особенно важномъ правѣ, предоставленномъ генералъ-губернатору. Указъ 10-го декабря

1865 г. создалъ специфическое понятіе: „лицо русскаго происхожденія". Надъ выясненіемъ этого понятія мѣстные администраторы потрудились немало. Много чернилъ и бумаги было потрачено въ междувѣдомственной перепискѣ по такимъ вопросамъ, какъ вопросъ о томъ, можно ли причислить къ лицамъ русскаго происхожденія уроженцевъ прибалтійскихъ губерній лютеранскаго вѣроисповѣданія; тѣхъ же уроженцевъ того же вѣроисповѣданія, но женатыхъ на полькахъ; татаръ и т. д. Въ выработкѣ этого понятія постепенно пришли къ нормамъ, закрѣпленнымъ правилами 1886 года. Суть ихъ сводится къ тому, что генералъ-губернаторъ выдаетъ свидѣтельство о русскомъ происхожденіи лица,—свидѣтельство, безъ котораго невозможно совершеніе какихъ бы то ни было актовъ о недвижимости,—только тѣмъ, кого онъ считаетъ благонадежнымъ. Необходимо быть по этимъ правиламъ не только лицомъ русскаго происхожденія, но, употребляя современный терминъ, также и русскихъ убѣжденій.

Существованіе однихъ этихъ правилъ до чрезмѣрности расширяло объемъ вліянія генералъ-губернатора на отношенія въ краѣ; между тѣмъ правилъ подобнаго рода имѣлся цѣлый рядъ. Существовалъ, кромѣ этого, въ распоряженіи генералъ-губернатора послѣднія тридцать лѣтъ весь тотъ длинный рядъ полномочій, который предоставлялся ему положеніемъ объ усиленной охранѣ. И направленіе всего этого мощнаго аппарата административнаго воздѣйствія было все время одно и то же—поощреніе русскаго землевладѣнія и искорененіе польскаго. Здоровой атмосферы экономической борьбы и конкурренціи для русскаго землевладѣнія не существовало ни на одинъ мигъ съ самаго момента его возникновенія. Въ этихъ тепличныхъ уловіяхъ находится русское землевладѣніе и въ настоящее время, такъ какъ частичная реформа 1905 года не измѣнила кореннымъ образомъ положенія вещей.

III.

Достигла ли правительственная политика результатовъ, къ которымъ стремилась? Если видѣть цѣль политики въ томъ, чтобы уменьшить площадь земель, принадлежащихъ полякамъ, то эта политика дала то, что отъ нея хотѣли. Какъ мы видѣли, 2½ тысячамъ русскихъ землевладѣльцевъ принадлежитъ очень обширная площадь.

Но едва ли найдутся теперь политики, столь близорукіе,

чтобы до такой степени сузить ту проблему, которая стояла и стоитъ въ Правобережной Украинѣ передъ русской государственностью. Задача ея заключалась въ созданіи на мѣстахъ сплоченнаго культурнаго класса, который могъ бы противоставить свое вліяніе вліянію польской культуры и пріобщать къ своей культурѣ, тождественной съ государственной, крестьянскую массу.

Достигнута и разрѣшена ли эта задача? И если не разрѣшена, то есть ли надежда на то, что она будетъ все-таки рѣшена въ будущемъ.

Задача, поставленная правительствомъ, сводилась къ колонизаціи края крупнымъ владѣльческимъ классомъ русскаго происхожденія. Отдѣльныя попытки колонизаціи русскимъ крестьянствомъ имѣли мѣсто почти исключительно въ Сѣверо-западномъ краѣ, да и тамъ онѣ носили несистематическій характеръ. Систематически и послѣдовательно все время проводилась политика именно колонизаціи края крупными землевладѣльцами. А задача, поставленная такимъ образомъ, не могла и не можетъ привести къ ожидаемымъ результатамъ. Рѣшеніе ея предполагаетъ наличность сильнаго культурнаго владѣльческаго класса у той національности, которая имѣетъ въ виду колонизаціонныя цѣли. Не нужно доказывать, что его не было и нѣтъ. Начало ограничительной политики совпадаетъ со временемъ полнаго упадка дворянскаго землевладѣнія, единственнаго тогда владѣльческаго класса въ коренной Россіи. Второй же ея періодъ, ближайшій къ нашему времени, характеризуется расцвѣтомъ землевладѣльческой культуры въ Юго-западномъ краѣ въ связи съ развитіемъ сахароваренія и послѣдовавшимъ въ результатѣ этого дальнѣйшимъ укрѣпленіемъ и усиленіемъ польскаго владѣльческаго класса; такому усложненію колонизаціонныхъ задачъ отнюдь не соотвѣтствовало положеніе дѣлъ среди землевладѣльцевъ господствующей національности.

Нужныхъ, дѣйствительныхъ русскихъ культуртрегеровъ не было; почти отсутствовали они и среди мѣстнаго украинскаго населенія, которое элементовъ, необходимыхъ для усиленія крупной владѣльческой колонизаціи, выдѣлить не могло. Кромѣ того, и тогда уже хотя русская государственность въ своемъ прогрессивномъ движеніи и не докатилась еще до повременнаго мазепинства, все-таки къ мѣстному элементу недовѣріе было: произнесены уже были знаменитыя

слова: „украинскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ“, и украинство уже было объявлено польской интригой.

Явились вмѣсто дѣйствительныхъ колонизаторовъ тѣ люди, которые поняли, что на патріотизмѣ здѣсь можно дѣлать выгодныя дѣла. Читатель припоминаетъ въ „Пестрыхъ письмахъ“ Щедрина майора Стрѣлова, который съ артелью муромскихъ разбойниковъ въ роли подрядчиковъ Николаевскую желѣзную дорогу строилъ и горы на ровныхъ мѣстахъ срывалъ, за что по несчастной случайности и былъ отставленъ. Онъ, какъ извѣстно, къ обрусенію послѣ польскаго возстанія опоздалъ, что ему и было поставлено на видъ. Другіе майоры Стрѣловы не опоздали,—изъ нихъ и составился русскій владѣльческій классъ въ Юго-западномъ краѣ.

Исторія обрусительной политики еще не написана, но когда она появится, она составитъ одну изъ самыхъ поучительныхъ страницъ въ исторіи русской государственности.

Въ краѣ надѣляли землей самый случайный элементъ: отставныхъ чиновниковъ и военныхъ, просто прогорѣвшихъ дворянъ, оказавшихъ неизвѣстныя заслуги, людей, не имѣющихъ понятія объ условіяхъ жизни края.

Въ результатѣ такой колонизаціи не могъ создаться русскій владѣльческій классъ на мѣстахъ. Имѣнія пріобрѣтались, но владѣльцы въ нихъ не селились; новые собственники отдавали свои помѣстья въ аренду тѣмъ же полякамъ, искоренять которыхъ они были призваны. Русское происхожденіе, которое должно было гарантировать соотвѣтственное правительственной политикѣ настроеніе колонизаторовъ края, создало лишь въ немъ почву для небезвыгодной спекуляціи: русскимъ происхожденіемъ пріѣзжіе колонизаторы торговали оптомъ и въ розницу. Возможность при наличности разъ полученнаго свидѣтельства о русскомъ происхожденіи пріобрѣтать неограниченное число недвижимыхъ имуществъ на свое имя, разумѣется, фиктивно, для тѣхъ, которымъ законъ это запрещалъ, было учтено какъ нельзя лучше. Субсидія, поощренія, льготы, ссуды—все это не создало на мѣстахъ сколько-нибудь значительнаго, осѣвшаго на землю русскаго владѣльческаго класса. Та русская культурная среда, которую имѣли въ виду насадить, и теперь существуетъ больше на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности.

Мы приведемъ характерныя свидѣтельства о положеніи дѣлъ въ краѣ лица, которое въ сгущеніи красокъ заподо-

зрѣть трудно. С. Ю. Витте въ своей извѣстной запискѣ „Самодержавіе и земство“ о положеніи дѣлъ въ краѣ говоритъ слѣдующимъ образомъ:

„Русскіе землевладѣльцы, большинство коихъ владѣетъ землями не болѣе 20—30 лѣтъ, представляютъ разрозненную массу, состоящую изъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ элементовъ и лишенную единства, укрѣпляемаго лишь давнишними отношеніями и привычками совмѣстной жизни... Благодаря этимъ причинамъ польскій помѣщичій классъ хотя и уступаетъ въ общемъ въ численности русскому, но за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ уѣздовъ превосходитъ его по силѣ и общественному значенію. Если къ этимъ даннымъ... добавить еще, что Западный край входитъ въ черту еврейской осѣдлости, и принять во вниманіе сепаративныя мечты украинофиловъ, то получится довольно неутѣшительная картина дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ колыбели русской народности“.

„Отъ землевладѣльца, который, купивъ имѣніе, не живетъ въ немъ, а сдаетъ его въ аренду полякамъ (иногда совершенно фиктивную), отъ спекулянта, который пріобрѣтаетъ земельный участокъ для перепродажи по выгодной цѣнѣ крестьянамъ, наконецъ, отъ тѣхъ земцевъ, которыхъ министерство внутреннихъ дѣлъ надѣется привлечь въ край посредствомъ назначенія на мѣста предсѣдателя и членовъ управы, никакъ нельзя ожидать заботъ о пользахъ и нуждахъ края, ибо ихъ ближайшая цѣль заключалась бы въ томъ, чтобы по возможности въ скорѣйшемъ времени устроить свое матеріальное положеніе не безъ видовъ на служебное повышеніе“.

Таково положеніе въ краѣ той единственной группы, которая могла бы въ немъ насадить русскую культуру. Таковы результаты пятидесятилѣтней обрусительной политики.

При анализѣ общественныхъ отношеній трудно дѣлать относительно будущаго какія-либо категорическія утвержденія. Настоящая безпомощность и пассивность русской землевладѣльческой группы въ общественномъ смыслѣ есть фактъ, который не признавать нельзя. Въ будущемъ возможны измѣненія. Но намъ думается, что сейчасъ имѣются достаточныя данныя для того, чтобы считать возможность этихъ измѣненій вѣроятною развѣ въ самой незначительной степени.

Вѣроятность эта незначительна какъ въ силу малой культурной жизнеспособности русской владѣльческой группы, такъ и вслѣдствіе усложненія и увеличенія тѣхъ культурно-общественныхъ задачъ, которыя ей пришлось бы разрѣшать. Силы, противодѣйствующія ей, увеличиваются въ своей организованности; дисциплина ихъ растетъ. Польскій владѣльческій классъ, сорганизовавшійся наново послѣ разгрома шестидесятыхъ годовъ, ведетъ систематическую и энергическую колонизаторскую работу на „kresach“ къ которымъ причисляется и Юго-западный край. Но,—что самое главное,—та масса, которая должна была служить объектомъ воздѣйствія со стороны покровительствуемыхъ пришлыхъ элементовъ, теперь уже не та: она сдвинулась съ мертвой точки и начинаетъ выдѣлять свою собственную интеллигенцію, которая недвусмысленно становится на точку зрѣнія, совсѣмъ нежелательную и непріемлемую для русскихъ культуртрегеровъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ интенсивнѣе будетъ чувствоваться это противодѣйствіе украинской крестьянской массы сердечному попеченію просвѣтителей господствующей національности.

В. Садовскій.

Край скорби

(Новеллы и разсказы В. Стефаника).

Извѣстная общественная среда можетъ воздѣйствовать на писателя двоякимъ образомъ: совокупностью непосредственныхъ психическихъ вліяній и тѣмъ художественнымъ матеріаломъ, который она предоставляетъ ему.

Первый моментъ признанъ писателемъ, о которомъ мы собираемся говорить, въ его символической новеллѣ „Дорога". Послѣдняя даетъ намъ многое для анализа психологической подосновы его произведеній.

—Я иду, иду, мама!—такъ начинается новелла.

—Не ходи, не ходи, сынъ мой!—отвѣчаетъ мать, предчувствуя, вѣроятно, недоброе.

Сынъ радостно началъ дорогу. „Земля цвѣла и своими цвѣтами усмѣхалась ему. Онъ рвалъ ихъ и втыкалъ въ свои пышные волосы.

Каждый цвѣтокъ бросалъ ему жемчужину подъ ноги.

Глаза его были веселы, а чело ясно какъ источникъ при пыльной дорогѣ.

Но въ произведеніяхъ В. Стефаника мы находимъ лишь слабые отблески свѣтлаго начала жизненнаго пути, смягчающіе иногда мрачныя краски картинъ галицкой дѣйствительности недавняго прошлаго.

На своемъ пути онъ встрѣтилъ людей:

„По колѣни въ землѣ они въ безумномъ множествѣ падали и поднимались.

Черными ладонями смахивали потъ съ чела и большими руками хватались за землю.

Усталость валила ихъ, они давили за собою своихъ дѣтей и ревѣли отъ боли.

Поднимались и падали.

А ночь клала ихъ сонными какъ камни одного около другого.

Страшными лицами они были обращены къ небу, моремъ головъ—противъ моря звѣздъ.

Земля стонала подъ ударами ихъ сердецъ, а вѣтеръ убѣжалъ за горы".

Передъ концомъ своего печальнаго путешествія однажды онъ споткнулся на гробъ своей матери.

Зарыдалъ сухими очами и упалъ".

Для творчества Стефаника характеристическими являются не первый, а послѣдующіе и послѣдній этапъ его

символической „Дороги“; и мрачныя картины его творчества скрашиваются лишь воспоминаніями о нѣжно любимой имъ матери. Отзвуки дѣтства слышатся во многихъ миніатюрахъ Стефаника, а одна изъ наиболѣе хватающихъ за душу его новеллъ, „Кленовые листки“, какъ бы посвящена самимъ содержаніемъ его матери или тысячамъ страдающихъ матерей-украинокъ. Въ этой же вещи, на мой взглядъ, Стефаникъ достигъ вершины трагизма обыденныхъ вещей передъ лицомъ вѣчности и смерти: умирающая мать здѣсь поетъ надъ ребенкомъ послѣднюю пѣсню голосомъ, уже прерываемымъ смертью.

Въ произведеніяхъ Стефаника можно найти еще нѣсколько такихъ отблесковъ далекаго дѣтства: „когда я ребенкомъ смотрѣлъ въ очи матери, по которымъ передвигались тихонько чистыя облачки счастья,—я былъ счастливъ“,—пишетъ Стефаникъ въ разсказѣ „Мое слово“. Любви же и молодости посвященъ лишь одинъ горькій мотивъ, нѣсколько строчекъ въ упомянутой уже „Дорогѣ“.

Трудно сказать, что именно привело Стефаника къ столь острому воспріятію скорби окружающей его дѣйствительности—личная ли печальная жизнь или что-либо иное. Трудно заглянуть въ душу человѣка, а еще труднѣе открыть источникъ художественнаго творчества писателя; несомнѣнно лишь то, что недавнее прошлое забытаго Богомъ края, называемаго Восточной Галиціей, не могло дать много радостныхъ впечатлѣній автору. Фономъ мрачныхъ картинъ Стефаника является безконечная бѣдность, она же является и главнымъ факторомъ жизни героевъ его произведеній. На фонѣ этой бѣдности Стефаникомъ созданъ цѣлый рядъ трагическихъ въ своей простотѣ картинъ: вотъ старый Палій умираетъ, покинутый всѣми въ холодной хатѣ, мучимый ужасными призраками; въ другомъ разсказѣ старуха, измученная холодомъ, съ опухшими ногами, бьется головой объ стѣну, на давно не топленной печи, и сынъ, принесшій ей водки и хлѣба на сочельникъ, не можетъ ее утѣшить... Такихъ картинъ у Стефаника много, очень много; и эта безконечная бѣдность даетъ намъ ключъ къ пониманію психологіи гибнущей галицкой деревни недавняго прошлаго. Матеріальное убожество до такой степени отравило атмосферу села, что и живущіе рядомъ съ сельской бѣднотою богачи-эксплоататоры не могутъ пользоваться спокойно деньгами, выжатыми изъ нея.

Въ упомянутомъ выше разсказѣ „Палій“ обрисованъ такой богачъ, который торопится проглотить обѣдъ, чтобы опять подгонять работающихъ дѣтей и слугъ. Деньги для несчастнаго сельскаго богача давно уже не источникъ наслажденій, а злобный фетишъ, побуждающій его увеличивать размѣры собственнаго богатства. Атмосфера горя и нужды отравляетъ здѣсь и психику тѣхъ, кто не терпитъ отъ нихъ непосредственно: члены богатаго рода Бессарабовъ одинъ за другимъ кончаютъ жизнь самоубійствомъ, и безуспѣшно борются еще живущіе съ непреодолимой мечтой уйти отъ жизни. Въ сферѣ творчества Стефаника просто нѣтъ мѣста для возможности счастья и даже удача должна кончаться здѣсь несчастьемъ: плотника, построившаго немало домовъ, напримѣръ, позвалъ священникъ строить церковь, и плотникъ, потерявшій голову отъ такой удачи, начинаетъ пить, его семья гибнетъ и самъ онъ становится „бывшимъ человѣкомъ“.

Надъ героями произведеній Стефаника постоянно носится какой-то злобный духъ несчастій: бѣдному плотнику онъ посылаетъ конкуррента-гуцула, сводящаго его съ ума; богатые Бессарабы караются за грѣхи ихъ прадѣда, а многіе другіе просто за то, что живутъ на свѣтѣ. Богъ для забитыхъ горемъ и нуждою жителей галицкаго села кажется лишь грознымъ существомъ, требующимъ исполненія повинностей; религія не грѣетъ, не укрѣпляетъ ихъ и не будитъ фантазіи чудной сказкой. Нирвану же забвенія даетъ несчастнымъ опьяненіе, и поэтому водка такъ часто является на сцену въ произведеніяхъ Стефаника: пьетъ и дьякъ Базьо, чтобы прочитанныя книги не бѣгали какъ зайцы у него въ головѣ, пьютъ и голодные батраки, обманутые богачами, и пойманный воръ передъ мучительною смертью, и пропившій все Антонъ, съ „синею книжкою“ пролетарія отправляющійся на заработки. И много-много подобныхъ имъ несчастливцевъ ищутъ забвенія въ винѣ. Опьяненіе позволяетъ этимъ людямъ забыться на нѣкоторое время и не сдерживаясь поговорить о своемъ горѣ. Много художественныхъ и искреннихъ монологовъ записано у Стефаника словами опьянѣвшихъ бѣдняковъ и въ „Паліи“, и въ „Кленовыхъ листкахъ“, и въ „Мастерѣ“, и во многихъ другихъ разсказахъ.

Нужда и горе порождаютъ индивидуализмъ совершенно особаго рода: страдающій и гордый человѣкъ,—а та-

кихъ много въ произведеніяхъ Стефаника, — старается скрыться со своимъ горемъ, какъ раненный звѣрь въ норѣ. Отчасти поэтому, кажется мнѣ, въ предѣлахъ скорби, описанной Стефаникомъ, такъ мало взаимопомощи, такъ слабо развита соціальная кооперація униженныхъ и оскорбленныхъ. Протеста въ средѣ, описанной Стефаникомъ, также почти незамѣтно, а если протестъ, наконецъ, вырывается, то носитъ дикія формы насилія и разрушенія, какъ, напримѣръ, въ разсказахъ „Палій“ или „Судъ“ и въ нѣкоторыхъ другихъ.

Безконечная усталость порождаетъ въ краѣ скорби апатію и лишаетъ психику сильныхъ и яркихъ положительныхъ переживаній; для послѣднихъ необходимъ извѣстный избытокъ психической энергіи, а психика, истощенная отрицательными переживаніями, стремится лишь къ покою.

Горизонтъ „стана погибающихъ“ поэтому крайне ограниченъ, все вниманіе его жителей поглощено тяжелой борьбой за кусокъ хлѣба въ тѣсныхъ предѣлахъ родного села. Великій міръ съ его радостями и скорбями не проникаетъ въ кругъ описаннаго Стефаникомъ села.

Здѣсь—полное отсутствіе радости жизни, и порождаетъ оно нѣчто горьшее, нежели пессимизмъ, такъ какъ пессимизмъ предполагаетъ плохое и въ будущемъ, а въ сферѣ, описанной Стефаникомъ, не чувствуется и самой возможности какого-либо будущаго. Въ этомъ заколдованномъ и проклятомъ кругу скорби нѣтъ ни надежды, ни красоты, смягчающей дѣйствительность у другихъ украинскихъ писателей. Смертный долженъ бросить надежду, оставаясь въ кругу скорби, отраженной творчествомъ Стефаника. Тѣ изъ его персонажей, что имѣютъ еще силы надѣяться, разстаются съ родиной, чтобы искать счастья за моремъ. Обѣтованная земля Канады упоминается не одинъ разъ въ произведеніяхъ Стефаника: въ разсказѣ „Маминъ сынокъ“ отецъ играетъ съ сыномъ, держа его на колѣняхъ, и спрашиваетъ:

„Тебя какъ зовутъ?“
„Андрей Косминка“
„А кто ты?“
„Лускій (украинскій) радикалъ“.
„Хорошо. А куда ты поѣдешь?“
„В Канаду“... и т. д.

Видно, что мечта о Канадѣ крѣпко сидитъ въ головѣ несчастливца, если въ Канаду собирается и его трехлѣтній

сынъ. Трогательная картина прощанія съ селомъ семьи, отправляющейся въ Канаду, описана и въ разсказѣ „Каменный крестъ".

Тѣсно ограниченный горизонтъ села и рѣшительное преобладаніе отрицательныхъ переживаній надъ положительными въ психикѣ героевъ Стефаника дѣлаетъ ихъ душевную жизнь весьма несложною. У нихъ есть сильныя и даже очень сильныя душевныя переживанія, но лишь отрицательнаго характера; это въ большинствѣ случаевъ вспышки отчаянія, разрушающія душевный организмъ и приводящія его къ апатіи. Странной, на первый взглядъ, можетъ показаться приверженность нѣкоторыхъ героевъ Стефаника къ внѣшнимъ обрядамъ религіи и обычаямъ общественной жизни. Впрочемъ, измученному жизнью крестьянину некогда вдумываться въ сущность вещей, и какъ солдатъ онъ на полѣ жизни машинально выполняетъ приказанія своихъ начальниковъ небесныхъ и земныхъ,—фетишизмъ есть одинъ изъ признаковъ неразвитой психики.

Трагизмъ въ разсказахъ Стефаника основывается между прочимъ и на безконечной простотѣ и искренности его героевъ. Они принадлежатъ къ тѣмъ немногимъ, которымъ языкъ служитъ для того, чтобы высказывать ихъ мысли и чувства, а не скрывать ихъ.

Эта искренность и откровенность доходитъ иногда у героевъ Стефаника до наивной жестокости: отецъ везетъ, напримѣръ, безнадежно больную дочь въ городъ къ доктору и горько сѣтуетъ по поводу послѣднихъ истраченныхъ грошей, которые все равно не смогутъ вернуть силъ и здоровья его дочери, а дочь плачетъ и объ уходящей жизни, и объ истраченныхъ грошахъ, за которые невольно укоряетъ ее отецъ („Катруся"). А вотъ маленькій сынъ жалуется умирающей матери, что ушедшій на работу отецъ приказалъ ему дать матери передъ смертью свѣчу въ руки; а какъ онъ можетъ знать, когда будетъ умирать мать? („Кленовые листки"). Сопоставленіе важныхъ вещей съ мелочами служитъ обыкновенно источникомъ смѣшного, а Стефаникъ сдѣлалъ его здѣсь источникомъ глубоко-трагическаго.

Отмѣченныя выше душевныя свойства героевъ Стефаника дали ему возможность создать особый художественный методъ діалога и монолога, доведенный имъ до высокой степени совершенства. Пробы созданія этого ху-

дожественнаго метода мы находимъ и у старыхъ украинскихъ реалистовъ въ Россіи; но монологи и діалоги влагались здѣсь въ уста крестьянамъ самими авторами и теряли благодаря этому очень много въ своей свѣжести и оригинальности, къ тому же часто бывали такими же сантиментальными, какъ и сами народолюбивые писатели. Произведенія старой украинской натуральной школы,—я не говорю, конечно, о произведеніяхъ наиболѣе талантливыхъ,—часто бывали загромождены внѣшними описаніями, отвлекавшими вниманіе читателей отъ психическихъ переживаній героевъ. Совершенно иначе пишетъ Стефаникъ: внѣшнія описанія у него ограничиваются нѣсколькими сильными штрихами, скорѣе намѣчающими, чѣмъ создающими фонъ разсказа; „положилъ грабли подлѣ себя, сѣлъ на межу, закурилъ трубку, и мысль погналась за мыслью“,—двумя строчками въ разсказѣ „Дѣти“ Стефаникъ создаетъ и картину поля съ сидящимъ на межѣ старикомъ, и введеніе къ его монологу. Въ монологѣ нѣтъ положительно ни одного лишняго слова и на протяженіи двухъ страницъ передъ читателемъ рѣзкими штрихами обрисованъ душевный міръ обиженнаго дѣтьми дѣда. Центръ тяжести разсказа Стефаникъ постоянно переноситъ внутрь, въ душевное состояніе описываемаго лица; всѣ его разсказы—это рядъ цѣнныхъ психологическихъ миніатюръ, и всѣ онѣ строго выдержаны въ своеобразномъ художественномъ стилѣ, созданномъ имъ самимъ и доведенномъ до непостижимой для многихъ степени совершенства. Стефаникъ никогда почти не говоритъ отъ своего лица, и такіе разсказы, какъ „Дорога“ и „Мое слово“, являются у него довольно рѣдкими исключеніями. Онъ говоритъ обыкновенно словами описываемыхъ имъ лицъ, и понять тайну силы слова Стефаника позволяетъ намъ отчасти не разъ уже упоминавшійся разсказъ „Дорога“.

„Онъ читалъ тѣ лица и великую пѣснь битвы на нихъ.

Съ ихъ губъ онъ слизалъ слова, съ чела вычиталъ мысли, изъ сердецъ высосалъ чувства. Когда же солнце родилось въ крови и цѣловало ихъ очи между длинными рѣсницами, то въ его сердцѣ родилась пѣсня“.

И художникъ передалъ людямъ и слова, и мысли, и чувства такими, какими онъ ихъ воспринялъ.

Такъ понять и прочувствовать описываемую жизнь украинскаго села въ Галиціи можно было лишь тѣсно слившись съ нею всѣмъ существомъ, и Стефаникъ, быть мо-

жетъ, такъ тѣсно слился съ этой жизнью, что не смогъ уже оторваться отъ почвы, на которой выросъ и развился его талантъ. Ни въ одномъ своемъ произведеніи не вышелъ Стефаникъ за границу „края скорби“. Въ краю же скорби нѣтъ мѣста для развитія жизни, это—станъ погибающихъ и уже погибшихъ. Атмосфера стана погибающихъ не даетъ нужныхъ условій для нормальнаго и длительнаго развитія художественнаго таланта. Талантъ не можетъ питаться однѣми картинами скорби и страданія, художникъ можетъ лишь стремиться освободиться отъ этихъ тяжелыхъ картинъ, передавъ ихъ человѣчеству черезъ свой могучій художественный аппаратъ. Человѣческая психика не можетъ безконечно реагировать лишь на картины страданія,— онѣ или теряютъ свою яркость, утомляя ее повтореніемъ раздраженія, или же разрушаютъ ее, отнимая психическую энергію и не возмѣщая ея положительными переживаніями...

Мнѣ кажется, что проанализированныя выше обстоятельства отчасти могутъ объяснить намъ, почему не пишетъ болѣе Стефаникъ своихъ высокохудожественныхъ миніатюръ.

Писатель правъ, конечно, если онъ обрываетъ свою художественную дѣятельность на вершинѣ развитія своего таланта и не желаетъ спускаться внизъ, какъ это дѣлаютъ многіе другіе. Да художникъ и не имѣетъ надобности оправдываться; высшій критерій правды долженъ быть внутри личности, а не внѣ ея. Художественная же заслуга Стефаника состоитъ въ томъ, что онъ установилъ психическій токъ между дномъ той соціальной пропасти, которая зовется жизнью украинскаго галицкаго крестьянства недавняго прошлаго, а отчасти и настоящаго времени, и верхами культурнаго общества, что онъ психически связалъ и объединилъ эти полюсы, перекинулъ между ними мостъ.

Для того, чтобы почувствовать головокружительную высоту жизни человѣческаго духа, надо заглянуть одновременно въ глубину бездны жизни, и эту бездну открываетъ намъ Стефаникъ. Для того, кто ищетъ лишь удовлетворенія своихъ чисто эстетическихъ потребностей, произведенія Стефаника дадутъ немного, но они дадутъ очень много тому, кто ищетъ удовлетворенія своихъ художественныхъ запросовъ, кто черезъ призму психики писателя хочетъ смотрѣть въ души другихъ людей и стремится къ созерцательному ихъ познанію.

Для насъ же, украинцевъ, произведенія Стефаника цѣнны еще и тѣмъ, что позволяютъ намъ оглянуться на ту огромную эволюцію, которую пережила Галицкая Украина въ продолженіе послѣднихъ 10—20 лѣтъ. Упадокъ сельскаго хозяйства въ Галиціи вмѣстѣ съ грандіозной эмиграціей вызвалъ и разслоеніе села на классы, и борьбу между ними. Начало этой борьбы описано и въ нѣкоторыхъ разсказахъ Стефаника,—напримѣръ, „Засѣданіе“, „Судъ“, „Палій“ и т. д. Но мѣсто стихійныхъ вспышекъ отчаянія, описанныхъ въ двухъ послѣднихъ разсказахъ, заступаетъ уже организованная борьба. Послѣдняя грандіозная стачка крестьянъ Восточной Галиціи доказываетъ уже несомнѣнное присутствіе здѣсь земледѣльческаго пролетаріата; первымъ ласточкамъ грядущаго капитализма въ Галиціи посвященъ разсказъ „Синяя книжка“, „Палій“ и нѣкоторые другіе. Но, и касаясь начинающейся борьбы, Стефаникъ остается вѣрнымъ себѣ и ограничивается главнымъ образомъ описаніями страданій человѣческаго духа. Таковъ, напримѣръ, разсказъ „Письмо“. Онъ посвященъ политическимъ арестантамъ-крестьянамъ и ихъ переживаніямъ въ сочельникъ, когда стремившійся искоренить неправду Ѳедоръ пишетъ изъ тюрьмы брату Василію и матери о своей тоскѣ по дому. Въ этомъ и немногихъ другихъ разсказахъ Стефаника слышны нотки личнаго протеста, обыкновенно же Стефаникъ остается безмѣрно чуткимъ, но эпически-спокойнымъ разсказчикомъ о недавно-прошедшемъ тяжеломъ житьѣ-бытьѣ украинскаго крестьянина въ Галиціи.

Еще нескоро мрачная дѣйствительность, описанная Стефаникомъ, превратится въ свою антитезу, но во всякомъ случаѣ предѣлъ скорби уже перейденъ, худшія времена уже прожиты. На мѣстѣ индивидуализма несчастныхъ, такъ художественно описаннаго Стефаникомъ, развивается многообразная кооперація, ставшая теперь основою настоящаго, а еще въ большей степени будущаго благосостоянія украинскаго крестьянина въ Галиціи.

Недавній мракъ невѣжества и безграмотности хотя и медленно, но неуклонно исчезаетъ, и картинка дѣвочки, учащей крестьянъ подписывать свои имена („Подпись“), отходитъ все болѣе въ глубину преданій. Исчезаетъ мало-по-малу преклоненіе передъ войтомъ и прочимъ сельскимъ начальствомъ („Палій“, „Засѣданіе“, „Судъ“, „Май“), и вырабатывается организован-

ный, сознающій свои права крестьянинъ. Интеллектуальный горизонтъ этого крестьянина значительно расширенъ по сравненію съ ограниченностью его отцовъ. Времена, описанныя въ разсказѣ „Каменный крестъ“, миновали, хотя и недавно, но, надо надѣяться, безвозвратно. Испытанный въ бѣдахъ украинскій крестьянинъ обнаруживаетъ теперь смышленность, предпріимчивость и выносливость иногда гораздо большія, чѣмъ его нѣмецкій коллега въ Тиролѣ, опутанный до потери сознанія клерикалами. Гнетъ соціальный и національный выработали у украинскаго крестьянина упорный характеръ, обезпечивающій ему будущность чешскаго народа. Произведенія Стефаника соотвѣтствуютъ теперь въ гораздо большей степени печальной дѣйствительности жизни украинскаго крестьянина въ Россіи, чѣмъ въ Австріи, и съ тѣмъ большимъ интересомъ будутъ прочитаны произведенія Стефаника народомъ на Украинѣ россійской.

Такія произведенія національной культуры, какъ высоко-художественные разсказы Стефаника, служатъ наиболѣе крѣпкою національною связью между отдѣльными частями украинскаго народа.

М. Данько.

Къ вопросу объ изученіи украинскаго права

(Законы Гражданскіе (Св. Зак. т. X, ч. I). Практическій и теоретическій Комментарій подъ редакціей А. Э. Вормса и проф. В. Б. Ельяшевича).

Недавно вышелъ первый выпускъ практическаго и теоретическаго комментарія къ Законамъ Гражданскимъ (Св. Зак. т. X, ч. I, стт. 1—130) подъ редакціей А. Э. Вормса и проф. В. Б. Ельяшевича, при участіи лучшихъ русскихъ цивилистовъ, какъ то: М. М. Винавера, проф. бар. А. Э. Нольде, проф. М. Я. Пергамента и др.

Въ юридическихъ кругахъ уже давно ощущалась настоятельная потребность въ такомъ полномъ и детальномъ комментаріи, который помогъ бы выясненію и разрѣшенію многихъ спорныхъ и запутанныхъ вопросовъ русскаго гражданскаго права, и настоящій Комментарій, несомнѣнно, удовлетворитъ этой жгучей потребности. Отличительными особенностями его служатъ ясное научное освѣщеніе юридическихъ вопросовъ, связанныхъ съ толкованіемъ нормъ гражданскаго права, богатый сравнительно историческій матеріалъ, приведенный подъ многими статьями, и широкое использованіе сенатской практики и западно-европейскаго законодательства.

Но помимо своей общеюридической цѣнности Комментарій имѣетъ для насъ, украинцевъ, особый спеціальный интересъ и значеніе, ибо онъ выдвигаетъ на порядокъ дня серьезную и важную проблему нашей національной культуры,—проблему, которая до самаго послѣдняго времени оставалась какъ бы на задворкахъ нашего національнаго возрожденія. Я говорю въ данномъ случаѣ о правѣ не только въ его историческомъ научномъ изученіи, не только, какъ объ остаткахъ славнаго юридическаго прошлаго Украины, которые еще сохранились въ немногихъ нормахъ дѣйствующаго гражданскаго права, но и въ болѣе широкомъ значеніи,—какъ объ одномъ изъ крупныхъ факторовъ соціальной жизни.

Нельзя отрицать того факта, что развитіе нашей національной культуры совершается какъ-будто нѣсколько

односторонне, безъ надлежащей полноты и широты. Возьмемъ хотя бы научную работу въ области украиновѣдѣнія—въ ней право замѣтно отстало отъ другихъ научныхъ отраслей, къ которымъ по преимуществу приливали творческая энергія и научная инціатива. Наиболѣе счастливыми въ этомъ отношеніи оказались исторія и этнографія. Здѣсь достигнуты цѣнные результаты и сдѣланы полезныя изслѣдованія. Можетъ быть, причиною указанныхъ явленій являются тѣ пути и формы, въ какія выливалось наше національное развитіе: первымъ толчкомъ къ пробужденію національнаго самосознанія служили исторія и этнографія. Сыграли въ этомъ случаѣ свою роль и личныя склонности и влеченія первыхъ дѣятелей украинскаго возрожденія, обусловленныя той соціальной средой, въ которой они жили и воспитывались.

Что касается разработки юридическаго прошлаго Украины, то наиболѣе виднымъ піонеромъ ея явился извѣстный криминалистъ профессоръ кіевскаго университета А. Ѳ. Кистяковскій, значеніе котораго въ этой области не оцѣнено и до настоящаго времени по заслугамъ. Онъ издалъ результаты трудовъ кодификаціонной комиссіи XVIII вѣка въ видѣ извѣстнаго сборника „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ“ (Кіевъ, 1879). Въ предисловіи къ этому сборнику перу проф. Кистяковскаго принадлежитъ прекрасная и обстоятельная статья, излагающая ходъ кодификаціонныхъ работъ XVIII вѣка.

Въ сферѣ обычнаго права богатые, но, къ сожалѣнію, мало использованные матеріалы находятся въ трудахъ юго-западнаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, собранныхъ экспедиціею въ Юго-западный край, подъ руководствомъ П. П. Чубинскаго [1]).

Въ настоящее же время, если оставить въ сторонѣ цѣнныя историческія изслѣдованія проф. М. С. Грушевскаго и Ор. Левицкаго, только попутно бросающія свѣтъ на ту или иную область украинскаго права, то нужно признать, что научная разработка права россійской Украины стоитъ на довольно низкомъ уровнѣ. Между тѣмъ изслѣдованіе хотя бы права позднѣйшаго, XVII—XVIII вв., по справедливому замѣчанію проф. М. Грушевскаго, могло бы

[1]) Записки Импер. Русскаго Географическаго Общества по отд. этнографіи, тт. I—II. Очеркъ народныхъ юрид. обычаевъ и понятій въ Малороссіи П. Чубинскаго.

представить значительный интересъ не только для украинца, но и для всякаго историка-соціолога или юриста [1]).

Устанавливая сравнительную скудость научной разработки юридическаго прошлаго Украины, мы, однако, не можемъ отрицать, что извѣстную долю вниманія русскіе юристы удѣляли украинскому праву давно. Необходимо указать, напримѣръ, изслѣдованія Даневскаго, „Объ исторіи мѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ", 1857; Михайлова, „Лекціи мѣстныхъ законовъ", Спб., 1860; Квачевскаго, „Законы Черниговской и Полтавской губ.", „Журн. Гражд. и Угол. Права", 1875 г.; Боровиковскаго, „Объ особенностяхъ гражд. права Черниговской и Полтавской губ.", „Журн. Мин. Юстиціи", 1867 г., и др. Особое вниманіе ученыхъ юристовъ привлекала та вѣтвь украинскаго права, которая примыкаетъ къ законодательнымъ памятникамъ литовско-польскаго права; въ этой области возникла цѣлая школа историковъ права во главѣ съ проф. Владимірскимъ-Будановымъ. Изъ цѣнныхъ трудовъ недавняго времени необходимо отмѣтить книгу проф. бар. А. Э. Нольде „Очерки по исторіи кодификаціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ при графѣ Сперанскомъ. Попытка кодификаціи литовско-польскаго права", Спб., 1906.

Книга проф. Нольде на основаніи богатыхъ архивныхъ данныхъ воспроизводитъ одну любопытную страницу изъ исторіи украинскаго права, когда при Императорѣ Николаѣ I была предпринята попытка дать отдѣльный кодексъ для Украины. Въ украинской прессѣ книга эта была отмѣчена въ статьѣ П. Кравцова „Проект окремих законів для України за часи ц. Миколи І", „Літер.-Науковий Вістник", 1908, кн. 12.

Такой, въ общемъ невысокій, уровень научной разработки украинскаго права побуждаетъ встрѣчать съ особымъ интересомъ всякій новый опытъ, вносящій что-либо цѣнное въ эту малоразработанную сферу. Вотъ почему нужно привѣтствовать стремленія упомянутаго Комментарія пролить свѣтъ и на спорные вопросы украинскаго права хотя бы въ сферѣ немногихъ нормъ, сохранившихся въ дѣйствующемъ законодательствѣ.

---

[1]) Проф. Мих. Грушевскій. Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ. СПБ., 1907, стр. 163—164.

Исторіи кодификаціи этого права посвященъ здѣсь сжатый, превосходно написанный очеркъ проф. А. Э. Нольде „Статьи, дѣйствующія въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской"; имъ же подробно комментирована статья 111, регулирующая имущественныя отношенія супруговъ въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, затѣмъ статья 118, опредѣляющая особыя условія недѣйствительности брака и имущественныя послѣдствія, отсюда вытекающія.

Эти немногіе жалкіе остатки когда-то дѣйствовавшаго на Украинѣ права, нынѣ механически втиснутые въ общую систему гражданскихъ законовъ, имѣютъ въ своемъ прошломъ крайне интересную и поучительную исторію, къ изложенію которой мы и перейдемъ въ дальнѣйшемъ, пользуясь свѣдѣніями, сообщенными въ статьѣ проф. А. Э. Нольде и соотвѣтственно дополняя ихъ.

За формальной, сухой кодификаціонной работой, которая предшествовала ихъ настоящему положенію, скрывается цѣлая тяжелая и упорная борьба между стремленіями со стороны центральнаго правительства уничтожить всякія „отмѣнности" въ области права и судебной организаціи и борьбой Украины за свой автономный строй.

Какъ бы ни разсматривать, съ точки зрѣнія юридической, тѣ отношенія, какія создались во время присоединенія Украины къ Московскому государству (1654 г.), смотрѣть ли на нихъ какъ на личную унію[1]), или же характеризовать ихъ какъ вассальныя отношенія (послѣдній взглядъ проводитъ В. А. Мякотинъ въ своей работѣ „Очерки соціальной исторіи Малороссіи")[2]), все-же нельзя отрицать въ томъ и другомъ случаѣ извѣстной юридической связанности участниковъ уніи или сюзерена съ вассаломъ, выраженной нѣкоторымъ минимумомъ правовыхъ нормъ, устанавливающихъ взаимныя права и обязанности договаривающихся сторонъ[3]).

---

[1]) Проф. Сергѣевичъ „Лекціи и изслѣдов. по древней исторіи русскаго права", 1903, с. 106—7.

[2]) „Русск. Бог." кн. 8, 1912 г., стр. 166 и сл.

[3]) Нѣсколько иначе смотритъ *Д. Сиромаха.* Соединеніе Украины съ Москвою. „Укр. Ж.", 1912, № 2, стр. 55—68. „Тогдашняя Украина, съ точки зрѣнія современной правовой науки, какъ утверждаетъ авторъ послѣ обстоятельнаго анализа источниковъ, на основаніи даже не всегда точныхъ и безпристрастныхъ московскихъ источниковъ, являлась самостоятельнымъ государствомъ послѣ трактата 1654 г., возобновляя, какъ самостоятельная въ договорѣ страна, этотъ трактатъ, измѣняя и дополняя его".

Но законодательство, какъ говоритъ извѣстный юристъ Антонъ Менгеръ, есть не что иное, какъ „мячъ въ игрѣ соціальныхъ силъ“, и потому перевѣсъ въ этой взаимной борьбѣ въ концѣ-концовъ остался за болѣе сильной стороной—московскимъ правительствомъ.

Правда, многократно дѣлались со стороны Украины попытки гарантировать всякое вмѣшательство во внутреннюю сферу ея автономнаго строя. Изъ такихъ попытокъ укажемъ на актъ избранія въ запорожскіе гетманы Юрія Хмельницкаго въ 1659 г. (окт. 17, П. С. З., № 262, т. I, стр. 493), гдѣ въ первомъ же пунктѣ выговорено: „Чтобы Царское Величество пожаловать изволилъ подтвердить права и вольности войсковыя, какъ издавна бывало въ войскѣ запорожскомъ; чтобы своими правами судились и вольности свои имѣли въ добрахъ и въ судахъ, чтобъ въ тѣ ихъ суда войсковые ни бояринъ, ни воевода или стольникъ не вступался, но отъ старшихъ своихъ чтобы товарищества сужены были: гдѣ три человѣка казаковъ, тогда два третьяго должны судить“ [1]).

Несмотря на неоднократныя подтвержденія этихъ основъ правового строя Украины, централизаціонныя стремленія московскаго правительства брали все больше верхъ, и весь XVIII вѣкъ можно характеризовать какъ рядъ непрекращающихся попытокъ „привести къ единообразію“ и уничтожить всякія права и вольности украинскія. Тогда какъ прежде эти ассимиляціонныя тенденціи центральнаго правительства ограничивались исключительно областью административнаго и финансоваго устройства и управленія, въ XVIII вѣкѣ онѣ коснулись и сферы права гражданскаго.

Уже въ 1728 году въ Глуховѣ была созвана особая комиссія, которой предстояла задача кодифицировать мѣстное право. Комиссія выполнила эту задачу, изготовивъ переводъ Литовскаго Статута редакціи 1588 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ она перевела частные сборники Гроицкаго и Щербича, замѣнявшіе на Украинѣ официальный текстъ. Кромѣ того комиссіей былъ переведенъ сборникъ Яскера (1535 г.), содержавшій въ себѣ магдебургскія права, которыя играли значительную роль на Украинѣ, начиная съ XVI вѣка.

---

[1]) Проф. А. Э. Нольде. Очерки по исторіи кодификаціи мѣстныхъ законовъ при гр. Сперанскомъ. Вып. I. СПБ. 1906. Стр. 11.

На основаніи такого обширнаго матеріала комиссіей и былъ составленъ сводъ, получившій названіе: „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ“, но не дождавшійся утвержденія центральнаго правительства, хотя онъ и былъ представленъ тогдашнимъ (1744 г.) правителемъ Украины генераломъ Бибиковымъ въ сенатъ.

Тамъ сводъ долго оставался безъ всякаго движенія и только въ 1756 году былъ отосланъ при указѣ къ гетману Разумовскому. Для исполненія указа была созвана комиссія въ 1758 г., но отъ дѣятельности ея не сохранилось никакихъ результатовъ. Этотъ сводъ былъ изданъ, какъ уже было сказано выше, лишь въ 1879 г. проф. А. Ѳ. Кистяковскимъ.

Всѣ указанныя перипетіи и мытарства со сводомъ мѣстныхъ законовъ, долженствовавшихъ упорядочить правовой хаосъ, который царилъ въ соціальныхъ отношеніяхъ Украины того времени, ясно обнаруживаютъ истинныя намѣренія россійскаго правительства. Преслѣдуя централизаціонную политику объединенія и скорѣйшей руссификаціи, правительство, какъ на это совершенно основательно указываетъ проф. Кистяковскій, было заинтересовано въ томъ, чтобы о „Правахъ“ скорѣе забыли [1]).

Однако, такое воззрѣніе правительства на задачи его политики по отношенію къ присоединеннымъ окраинамъ, не устраняло чисто-практической необходимости сведенія въ одно цѣлое мѣстныхъ правъ, тѣмъ болѣе, что тогдашняя власть не отваживалась внезапно ввести чужой строй и уничтожить всякія права и привилегіи окраинъ. Эта нерѣшительность ясно проглядывала, напр., въ инструкціи, данной Екатериной II генералъ-прокурору кн. Вяземскому, гдѣ она писала, что „нарушить оныя (привилегіи) отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма не пристойно было бъ“...

Въ дальнѣйшемъ ходѣ кодификаціонныхъ попытокъ центральнаго правительства мѣстнымъ законамъ Украины суждено было сыграть довольно неожиданную роль, какъ-будто противорѣчащую основнымъ взглядамъ правительства на мѣстныя особенности. Эта роль вытекала изъ самаго существа кодификаціонной работы, выполнявшейся Сперанскимъ. Разъ ему было поручено составить не уложеніе,

---

[1]) „Права, по которымъ судится малоросс. народъ“. 1879, стр. 27.

не стройную единую систему права, а сводъ дѣйствующаго права, то вполнѣ естественно, что вниманіе Сперанскаго привлекло къ себѣ, въ качествѣ составного элемента общеимперскаго законодательства, упорядоченіе мѣстнаго права, дѣйствовавшаго въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, обычно носившихъ названіе „западныхъ".

Нуженъ былъ человѣкъ, близко и основательно знакомый съ мѣстнымъ правомъ Западнаго края. Такой человѣкъ и явился въ лицѣ профессора харьковскаго университета Игнатія Николаевича Даниловича, и онъ въ 1830 г. былъ приглашенъ для работъ во второе отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи.

„Даниловичъ,—какъ говоритъ проф. А. Э. Нольде,—обладалъ всѣми данными для выполненія порученнаго ему дѣла. Въ 1830 году, съ полнымъ основаніемъ, его можно было считать самымъ выдающимся знатокомъ литовскаго права вообще, а въ частности—Статута" [1]).

И Даниловичъ съ успѣхомъ исполнилъ возложенное на него дѣло. Ему, ученому чистѣйшей воды, принадлежитъ крупная заслуга въ дѣлѣ научной разработки литовскаго права, къ каковой онъ былъ уже ранѣе подготовленъ своими научными занятіями въ сферѣ мѣстнаго права. Въ 1833 году имъ была закончена работа по составленію первоначальнаго проекта Западнаго Свода съ текстомъ на польскомъ языкѣ. Этотъ проектъ затѣмъ былъ переведенъ на русскій языкъ и въ 1837 г. напечатанъ въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ.

Почти одновременно съ составленіемъ Западнаго Свода Даниловичу пришлось внести свою долю и въ разработку магдебургскаго права. Послѣднее къ тому времени уже стало терять на территоріи Украины свое прежнее значеніе, что въ концѣ-концовъ повело и къ его формальной отмѣнѣ. Замѣтимъ кстати, что поводомъ къ такой отмѣнѣ послужилъ чрезвычайно характерный для судовъ того времени казусъ, когда полтавскій генеральный судъ по тяжбѣ мѣщанина Вовнянка съ купцомъ Калабуховымъ, на предложеніе сената примѣнить къ дѣлу не Литовскій Статутъ, а магдебургское право, отвѣтилъ, что послѣдняго не могъ отыскать нигдѣ: ни въ повѣтовыхъ судахъ, ни въ магистратахъ и ратушахъ [2]).

[1]) Баронъ А. Э. Нольде, указ. соч. стр. 88.
[2]) Бар. А. Э. Нольде, указ. сочин. стр. 261.

Такая „потеря“ закона въ судебныхъ инстанціяхъ повела къ тому, что вслѣдствіе указа сената 1824 года объ обязательности руководствоваться магдебургскимъ правомъ, пріостановились всѣ дѣла мѣщанъ, въ примѣненіи къ которымъ судъ не имѣлъ права пользоваться Литовскимъ Статутомъ. Необходимо было найти тотъ или иной выходъ, и вотъ комитетъ министровъ передалъ дѣло объ „отысканіи“ закона во II отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи. Здѣсь и было поручено Даниловичу составить записку о магдебургскомъ правѣ, долженствовавшую выяснить не только историческое развитіе его на Украинѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніе и объемъ современнаго его дѣйствія. Въ результатѣ работъ Даниловича, какъ говоритъ г. Нольде, первымъ вполнѣ научнымъ трактатомъ о магдебургскомъ правѣ въ Малороссіи явилась эта его записка, представленная имъ Сперанскому 28-го декабря 1830 г.[1]). Уже закономъ 31-го ноября 1831 г. дѣйствіе магдебургскаго права въ малыхъ городахъ Украины было формально отмѣнено.

Мы остановились на этомъ интересномъ эпизодѣ изъ исторіи права Украины, уклоняясь въ сторону отъ изложенія дальнѣйшаго хода кодификаціонныхъ работъ, чтобы на живомъ примѣрѣ показать ту роль, какую Даниловичу, человѣку науки, далекому отъ всякихъ бюрократическихъ замысловъ, пришлось играть въ отмѣнѣ послѣднихъ, хотя и архаичныхъ особенностей строя Украины.

Дальнѣйшій ходъ кодификаціи принялъ совершенно не то направленіе, какое имѣлъ въ виду Сперанскій. Западному Своду не суждено было получить силу дѣйствующаго права. Уже къ тому моменту, когда заканчивалась работа надъ его составленіемъ, стали поступать новыя и настойчивыя представленія отъ кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова о необходимости объединить мѣстные законы съ общими. Еще раньше этого почву для непріязненнаго отношенія къ идеѣ особыхъ мѣстныхъ законовъ подготовилъ извѣстный Муравьевъ своей запиской, поданной императору, гдѣ онъ указывалъ на необходимость созданія сильной власти на мѣстахъ и уничтоженія разнообразныхъ особенностей мѣстной жизни. И судьба Западнаго Свода была предрѣшена: его передали на разсмотрѣніе Западнаго Комитета, который былъ

[1] Бар. А. Э. Нольде, указ. сочин., стр. 263.

организованъ съ цѣлью сдѣлать невозможнымъ повтореніе польскихъ событій 1830 и 1831 гг. Мнѣнія въ Западномъ Комитетѣ раздѣлились; одно теченіе стояло за уничтоженіе всякихъ мѣстныхъ правъ, другое же, во главѣ съ извѣстнымъ въ исторіи россійской кодификаціи графомъ Блудовымъ, держалось той мысли, что сразу уничтожить прошлое невозможно, а нужно сдѣлать это постепенно. Верхъ взяло среднее теченіе, которое предложило выбрать все наиболѣе необходимое и размѣстить въ Общемъ Сводѣ, распространивъ его дѣйствіе и на Западный край.

25-го іюня 1840 года былъ подписанъ указъ о распространеніи на западныя губерніи дѣйствія Общаго Свода Законовъ. Политическія соображенія заставили правительство отказаться отъ мысли дать отдѣльный Сводъ Законовъ для правобережной Украины, но добросовѣстный трудъ Даниловича все-же получилъ практическое примѣненіе: Западный Сводъ былъ использованъ при составленіи мѣстныхъ законовъ для Лѣвобережной Украины,— такъ-называемыхъ „малороссійскихъ“ губерній, — Полтавской и Черниговской,—ибо указъ 1840 г. не распространялся на эту территорію.

Составленіе отдѣльнаго свода законовъ для указанной территоріи послѣдовало вскорѣ послѣ указа 1840 года. Еще раньше во время работъ надъ Западнымъ Сводомъ предполагалось составить особый сводъ для Черниговской и Полтавской губерній, собравъ въ немъ мѣстное право, поскольку оно здѣсь еще сохраняло свою силу. Въ виду того, что общеимперское законодательство оказало довольно сильное, ассимилирующее вліяніе на правовой строй, этихъ губерній и, съ другой стороны, дѣйствовавшее на ихъ территоріи право не отразило на себѣ того вліянія, какое оказали на Правобережную Украину сеймовыя конституціи польскаго государства и, слѣдовательно, Западный Сводъ въ цѣломъ не могъ найти здѣсь примѣненія, то, согласно докладу главноуправляющаго II отдѣленіемъ Блудова, было рѣшено мѣстные законы Черниговщины и Полтавщины собрать воедино и размѣстить въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ X тома, такъ какъ считали неудобнымъ распространить на губерніи Черниговскую и Полтавскую дѣйствіе Западнаго Свода въ полномъ объемѣ и безъ измѣненій.

Послѣ цѣлаго ряда подготовительныхъ работъ, положивъ въ основу проектъ Западнаго Свода, былъ составленъ проектъ редакціи статей для Черниговской и Полтавской губерній, который и былъ представленъ въ Государственный Совѣтъ вмѣстѣ съ исторической справкой о малороссійскомъ законодательствѣ и объяснительными записками, изъ которыхъ самая обширная касалась вопроса объ отмѣнѣ существовавшаго въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской порядка судопроизводства. Остальныя записки относятся всецѣло къ праву матеріальному.

Въ результатѣ такой половинчатой и непослѣдовательной правовой политики, мы и находимъ въ дѣйствующемъ гражданскомъ сводѣ рядъ статей регулирующихъ особенности и изъятія для губерній Черниговской и Полтавской, и со стороны стройности и единства системы гражданскаго права, представляющихъ правовую аномалію.

Въ настоящемъ выпускѣ Комментарія имѣется обстоятельный анализъ бар. А. Э. Нольде нѣсколькихъ статей, относящихся къ правамъ и обязанностямъ семейственнымъ, на оцѣнкѣ котораго мы не станемъ останавливаться, ибо онъ болѣе умѣстенъ въ спеціальномъ органѣ. Несомнѣнно, для практика-юриста, имѣющаго дѣло съ правовыми нормами указанной территоріи, Комментарій станетъ полезнымъ и цѣннымъ руководствомъ, для юриста же теоретика онъ поставитъ рядъ новыхъ проблемъ, важныхъ и цѣнныхъ не только ихъ научной квалификаціей, но и съ точки зрѣнія правовой политики. Въ самомъ дѣлѣ, разсматриваемыя съ точки зрѣнія политики гражданскаго права, эти положенія не всегда являются совершенно архаическими и непригодными для современныхъ соціальныхъ отношеній. Кое-что въ нихъ представляется цѣннымъ и для нынѣшняго уровня правового развитія. Яркимъ показателемъ этого является, напр., заимствованіе проектомъ Гражданскаго Уложенія, ст. 194, нормъ о такъ-называемыхъ улиточныхъ записяхъ, предоставляющихъ наслѣднику возможность передачи своихъ правъ на открывшееся наслѣдство или на отыскиваніе его постороннему лицу.

И не стремленія украинцевъ къ мнимому партикуляризму заставляютъ поднимать вопросъ объ изученіи какъ кодифицированныхъ нормъ украинскаго права, такъ и правовыхъ основъ прошлаго Украины. Интересъ этого изученія лежитъ не въ одной только чисто-научной пло-

скости. По справедливому замѣчанію проф. М. Грушевскаго, „какъ оригинальнымъ, сильнымъ, колоритнымъ явленіемъ было все движеніе XVII вѣка, такъ чрезвычайно интересенъ и этотъ процессъ творчества, которымъ общество, народъ, вытолкнутый изъ старой, проторенной колеи силой великаго соціальнаго переворота, наскоро, экспромтомъ творилъ формы государственной и общественной организаціи, комбинировалъ и приспособлялъ къ потребностямъ новой жизни, частной и общественной, элементы обычнаго права, традиціи стараго права и вліянія чужихъ, новѣйшихъ правовыхъ системъ“ [1]).

Теперь же, когда волею историческаго рока Украина вытолкнута на арену негосударственныхъ націй, основательное изученіе юридическаго прошлаго должно заложить фундаментъ для созданія права будущаго. Знакомство съ правовыми институтами прошлаго дало бы прочный культурно-историческій базисъ для будущаго, ибо право, какъ особое психическое переживаніе, несомнѣнно, должно считаться со своеобразнымъ укладомъ національной психики, съ цѣлымъ рядомъ такихъ проявленій соціально-психической жизни, какъ языкъ, привычныя правовыя воззрѣнія и т. п. „Попытка ввести одно гражданское право,—говоритъ проф. Л. І. Петражицкій,—въ такихъ имперіяхъ, какъ Англія или Россія, была бы не только жестокостью и преступленіемъ противъ разныхъ народностей и племенъ, но и неудачнымъ преступленіемъ, покушеніемъ на неисполнимое въ виду психическаго сопротивленія, радикально иного интуитивнаго права, иныхъ священныхъ обычаевъ предковъ, сакральнаго права разныхъ этнографическихъ элементовъ и т. д.“ [2]).

Правда, современные кодексы стремятся идти инымъ путемъ, — путемъ игнорированія національныхъ потребностей, не приспособляясь къ различному состоянію и уровню національной психики. Въ этомъ стремленіи, несомнѣнно, отражаются старыя централизаціонныя традиціи правовой политики.

Нынѣ повсемѣстно совершающійся могучій процессъ возрожденія неисторическихъ націй, совершенно преображающій внутренній строй въ средѣ культурныхъ народовъ

---

[1]) Проф. Мих. Грушевскій. Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ СПБ., 1907, стр. 164.

Европы, повлечетъ за собою и измѣненіе правовой политики по отношенію къ недержавнымъ націямъ. Уже можно наблюдать подобный процессъ дифференціаціи права, по крайней мѣрѣ права публичнаго, въ странѣ съ высокимъ уровнемъ государственной и соціальной жизни—въ Англіи; тамъ,—по словамъ проф. Корфа,—„постепенно угасаютъ всѣ надежды на установленіе единаго общебританскаго права для всего конгломерата—имперіи[1]).

Однако этотъ прогнозъ, болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, не долженъ отвлекать насъ отъ первоначальной задачи—поставить на порядокъ дня вопросъ о научной разработкѣ украинскаго права. Стимуломъ, побуждающимъ украинцевъ къ такой разработкѣ, несомнѣнно, долженъ послужить добросовѣстно и со знаніемъ дѣла изложенный въ первомъ выпускѣ Комментарія матеріалъ, относящійся къ нормамъ, дѣйствующимъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, пока въ небольшомъ количествѣ.

Въ заключеніе настоящей нашей замѣтки объ интересной книгѣ русскихъ цивилистовъ мы не можемъ не отмѣтить того страннаго и совершенно непонятнаго несоотвѣтствія или, вѣрнѣе, противорѣчія, какое невольно проглядываетъ между комментированіемъ статей, относящихся къ украинскому праву и содержаніемъ предисловія, которое, какъ обычно, указываетъ основныя задачи, намѣчаетъ pia desideria и даетъ, такъ сказать, руководящій тонъ всему изданію. Указывая на недостатки нынѣ дѣйствующихъ „Законовъ Гражданскихъ“, на многіе спорные и запутанные вопросы въ сферѣ гражданско-правовыхъ отношеній, на неполноту и неразработанность цѣлаго круга вопросовъ, предисловіе, сознательно или безсознательно, не обмолвилось ни единымъ словомъ о томъ, что такая же неразработанность и недостаточное освѣщеніе многихъ спорныхъ вопросовъ существуетъ и въ цѣлой сферѣ нормъ украинскаго права, насильственно втиснутыхъ въ общую систему „Законовъ Гражданскихъ“. И у сознательнаго украинца, чутко реагирующаго на всякое замалчиваніе и игнорированіе его національныхъ формъ, невольно возникаетъ мысль, не есть ли такое умолчаніе старая привычка мыслить все украинское, выходящее за рамки обыч-

---

[1]) „Право“, 1912, № 49, стр. 2769.

[2]) Проф. С. А. Корфъ, „Государственный строй Канады“, 1911.

наго шаблона, уже настолько слитымъ со всѣмъ великорусскимъ, что нѣтъ особой надобности въ указаніи на существованіе того или иного явленія въ сферѣ національной жизни? Почтенныя имена ученыхъ, редактировавшихъ Комментарій, казалось бы, должны были гарантировать этотъ трудъ отъ проявленія того великорусскаго партикуляризма, который уже успѣлъ свить себѣ прочное гнѣздо въ нѣкоторыхъ кругахъ великорусской интеллигенціи.

И. Лебединскій.

Украинское духовенство въ Галиціи

(Изъ впечатлѣній туриста).

Какъ извѣстно, духовнымъ главою галицкихъ и американскихъ украинцевъ греко-католической вѣры является въ настоящее время графъ Андрей Шептицкій, митрополитъ львовскій.

Фамилія Шептицкихъ никогда не пользовалась симпатіей не только дѣятелей русскаго православія, но и украинскаго, кіевскаго православія временъ Речи Посполитой. Въ теченіе послѣднихъ столѣтій, въ разное время, львовскую и каменецъ-подольскую греко-католическую (уніатскую) митрополичью каѳедру занимали представители этой фамиліи: епископы Варлаамъ, Левъ и Аѳанасій Шептицкіе были предшественниками графа Андрея, и дѣятельность ихъ, какъ церковная, такъ и общественно-политическая, отличалась обычнымъ для прежней уніи характеромъ, т.-е. направлена была большею частью въ сторону латинизаціи и полонизаціи западно-украинскихъ народныхъ массъ. Какъ и большинство тогдашнихъ украинскихъ вельможъ, эти представители соединенныхъ церквей, измѣнивъ, по обычаямъ того времени, своей „хлопской" народности и восточному церковному обряду, стремились исподволь да исподтишка превратить новую греко-католическую церковь въ римскій костелъ, священника новой церкви—въ римскаго ксендза, а прихожанина ея, украинскаго хлопа,—въ польскаго хлопа. Это такъ. Но совершенно инымъ характеромъ отличается дѣятельность теперешняго Шептицкаго, графа-митрополита Андрея. И въ области церковной и въ сферѣ національно-политической онъ занимаетъ совсѣмъ новую, совершенно противоположную своимъ предкамъ-предшественникамъ позицію.

Убѣжденный католикъ, но восточнаго обряда, уніатъ въ духѣ Влад. Соловьева,—митрополитъ Андрей въ то же время искренній патріотъ своего народа и сознательный (свідомий) сынъ Украины-Руси. Очищая восточный церковный обрядъ отъ латинскихъ наслоеній и нововведе-

ній временъ Варлаама, Льва и особенно Аѳанасія, а также ихъ предшественниковъ и послѣдователей, исправляя церковный обрядъ въ духѣ кіевской старины и одинаково оберегая его отъ латинскихъ вліяній, — митрополитъ Андрей полагаетъ, что этой новой, самобытной уніи суждено свершить великое дѣло объединенія разновѣрной массы украинскаго народа.

Но теоріей. митрополитъ Андрей не ограничивается.

Прежде всего о немъ лично. Титулованный дворянинъ, богатый помѣщикъ, докторъ юридическихъ и филологическихъ наукъ, онъ, во имя своихъ идей, отказался отъ блестящей карьеры, изучилъ богословіе и, промѣнявъ гусарскій мундиръ на рясу, вопреки желанію родителей, особенно матери, польки по происхожденію (и шовинистки), вступилъ въ ряды уніатскаго духовенства. Пройдя всѣ степени священническаго и монашескаго служенія, въ 1900 году онъ получилъ каѳедру митрополита львовскаго и всей Галицкой Руси.

Съ тѣхъ поръ не было случая, чтобы какое-либо украинское культурно-общественное начинаніе въ Австріи и Америкѣ не пользовалось его матеріальной помощью, его нравственной поддержкой и покровительствомъ. Въ послѣднее время митрополитъ Андрей пожертвовалъ крупную сумму на украинскій университетъ, а состоя постояннымъ членомъ Верхней палаты австрійскаго парламента, всегда защищалъ и защищаетъ интересы украинства. Въ теченіе своего двѣнадцатилѣтняго служенія въ качествѣ главы австрійскихъ и американскихъ уніатовъ, украинцевъ и южныхъ славянъ, митрополитъ Андрей успѣлъ пріобрѣсти немало единомышленниковъ и поклонниковъ какъ среди свѣтскихъ людей, такъ и среди уніатскаго и даже римско-католическаго духовенства. Помимо того, что почти всѣ галицко-украинскіе священники (за исключеніемъ небольшой горсти рутинеровъ, а также „матеріалистовъ“, тяготѣющихъ къ Антонію Волынскому) являются ревностнѣйшими послѣдователями своего архипастыря, извѣстны случаи перехода въ унію изъ римо-католичества, и не только свѣтскихъ людей, но даже и ксендзовъ,—впрочемъ отнюдь не польскихъ, такъ какъ послѣдніе и до сихъ поръ не могутъ отрѣшиться отъ давней прекрасной иллюзіи, что унія есть не что иное, какъ мостъ изъ Украины въ Польшу и параллельно—изъ „хлопской вѣры въ панскую вѣру“. Еди-

номышленниками митрополита являются главнымъ образомъ римско-католическіе священники глубокаго Запада, французы и бельгійцы: спеціально изучивъ украинскій и украино-церковно-славянскій языкъ, а также уставъ и практику восточнаго богослуженія, уроженцы Бретани и Льежа „переймают руський обряд“, послѣ чего отправляются большею частью къ уніатамъ С. Штатовъ, Канады и Бразиліи, гдѣ священническое служеніе среди украинцевъ, разбросанныхъ по рудникамъ и пріискамъ, отличается особенною трудностью. Что же касается галицко-украинскаго духовенства,. то оно, слѣдуя примѣру своего митрополита всецѣло поглощено дѣломъ новаго церковнаго, національнаго и культурно-экономическаго строительства у себя дома

По мнѣнію митрополита Андрея, въ основѣ дѣятельности подвластнаго ему священника должны лежать начала широкаго и искренняго демократизма. Въ одномъ изъ своихъ пастырскихъ посланій духовенству, въ 1901 году, митрополитъ указываетъ, что священникъ, кромѣ обычнаго требоисправленія и проповѣдничества, обязанъ хорошо знать, сколько зарабатываетъ каждый изъ его прихожанъ, какъ зарабатываетъ, чѣмъ живетъ и питается, каковы его развлеченія, каковы радости и горести, и въ соотвѣтствіи съ этимъ долженъ помогать своему прихожанину не только словомъ, но дѣломъ, своимъ вліяніемъ и всѣми имѣющимися у него средствами.

Любовью, полной доступностью и самопожертвованіемъ священникъ долженъ уничтожать („засипувати“) классовую пропасть, раздѣляющую прихожанина и пастыря.

Священникъ долженъ руководить всѣми культурно-экономическими стремленіями, какія только возникаютъ среди его прихожанъ. Не должно быть ни одного прихода, гдѣ бы не было нѣсколькихъ хорошо грамотныхъ людей, которые, сорганизовавшись въ тѣсный кружокъ, составили бы центръ сельскаго внѣшкольнаго просвѣщенія. Иниціатива такой организаціи, а также потребительскихъ лавокъ, ссудо-сберегательныхъ товариществъ, общественныхъ магазиновъ и прочихъ сельскихъ кооперативныхъ учрежденій, является столь же важной функціей священническаго служенія, какъ и выполненіе прямыхъ его обязанностей, а кто не согласенъ съ этимъ, тотъ, по выраженію пастырскаго посланія, „хай ліпше священником не буде“ (пусть лучше не будетъ священникомъ).

Въ выполненіи подобныхъ функцій митрополитъ подаетъ примѣръ духовенству лично: хлопочетъ передъ правительствомъ за своихъ единоплеменниковъ; домъ и столъ его всегда открыты для подчиненнаго духовенства и украинской учащейся молодежи; состоитъ онъ почетнымъ президентомъ украинскаго взаимно-страхового общества „Карпатия"; основываетъ на собственныя средства спеціально-украинскій историко-этнографическій музей; основываетъ въ одномъ изъ своихъ имѣній такъ-называемый „Каникулярный домъ", гдѣ проводитъ каникулы масса бѣдныхъ дѣтей, учащихся въ среднихъ и низшихъ львовскихъ украинскихъ школахъ; участвуетъ въ основаніи львовскаго украинскаго ученическаго интерната, жертвуетъ на будущій украинскій университетъ и т. д.

Пишущему эти строки удалось лично видѣть п л о д ы „пастырскихъ посланій" митрополита Андрея въ галицко-украинскомъ приходѣ.

Лѣтомъ текущаго года, возвращаясь изъ-за границы по линіи Вѣна—Краковъ, я рѣшилъ нѣсколько измѣнить свой маршрутъ и черезъ какихъ-нибудь восемь—девять часовъ очутился въ Восточной (Украинской) Галиціи. Въ окнѣ вагона смѣняются обычные южно-русскіе, подольско-волынскіе, ландшафты; холмистыя поля съ желтой озимью, бѣлой гречихой и льномъ; заливные луга и лужайки по обоимъ берегамъ небольшой рѣчонки, окаймленной густымъ лозняком; чернолѣсье или темно-зеленая хвоя,—обыкновенно на бѣлѣющемъ издали песчаномъ бугрѣ; наконецъ, деревня, „с э л о", съ неизмѣнной вишней и тополями, съ бѣлѣющими изъ-подъ стрѣхъ хатами, съ трехкупольной зеленой церковью и, конечно, барскимъ „пàлацомъ" на горѣ среди кудряваго парка, надъ рѣкой или большимъ блестящимъ прудомъ.

Захотѣлось мнѣ во что бы то ни стало побывать тамъ, въ этомъ „заграничномъ", но такомъ знакомомъ и родномъ селѣ, подлѣ зеленой церковки, подъ сѣнью осокорей, и желаніе свое я постарался осуществить.

Побывавъ во Львовѣ, „в столиці краю", и осмотрѣвъ тамъ все, что можно было осмотрѣть,—отъ „Наукового Товариства імени Шевченка" до „галицко-русскаго Общества имени Качковскаго",—я отправился въ захолустье, имѣя въ боковомъ карманѣ визитную карточку одного изъ льво-

вянъ, съ которымъ познакомился, осматривая украинскія учрежденія на углу Рынка и Сыкстуской. Онъ направилъ меня съ своею рекомендаціею къ настоятелю одного уѣзднаго собора и благочинному, прибывъ къ которому, я встрѣтилъ радушный пріемъ и полную возможность осмотрѣть его приходъ самымъ детальнымъ образомъ. Но такъ какъ уѣздный городъ, въ родѣ нашего Проскурова или Острога, интересовалъ меня значительно меньше, чѣмъ деревня, то старичокъ-благочинный охотно снабдилъ меня новою визитною карточкой, которая, удостовѣряя полную благонадежность моей личности, давала мнѣ возможность осмотрѣть хоть всѣ приходы его деканата. Я отправился въ самый отдаленный изъ нихъ, расположенный въ 30 верстахъ отъ города и желѣзной дороги и въ пяти—шести верстахъ отъ русской границы. Послѣднее обстоятельство дѣлало мое путешествіе нѣсколько затруднительнымъ, такъ какъ пограничная Австрія зорко слѣдитъ за всѣми вновь прибывающими туда лицами, боясь русскихъ топографовъ, и старичокъ-деканъ съ искреннимъ сокрушеніемъ разсказалъ мнѣ о томъ, какъ недавно сельскій жандармъ арестовалъ одного почтеннаго русскаго ученаго-археолога, принявъ его за шпіона. Пришлось употребить все деканское вліяніе для освобожденія ученаго, поднять на ноги весь уѣздъ,—пана старосту (исправника), пана судью и прочія власти,—чтобы тотчасъ же, вечеромъ въ день ареста, устроить судебное засѣданіе и вынести оправдательный приговоръ, не допустивъ такимъ образомъ, чтобы ни въ чемъ неповинный археологъ провелъ ночь въ уѣздной тюрьмѣ: „скандал для цілої Австриі!“.

Мысленно нарисовавъ себѣ картину освобожденія русскимъ соборнымъ протоіереемъ австрійскаго археолога и параллельно картину суда въ день ареста въ Проскуровѣ или въ Острогѣ, я крѣпко пожалъ руку декана и, ощупавъ въ карманѣ его карточку, велѣлъ моему кучеру трогать. Часа черезъ три мы были въ Люшневкѣ, у осокорей, подлѣ зеленой церковки.

— А гдѣ у васъ живетъ егóмосць (батюшка)?—спросилъ кучеръ встрѣчнаго.

— Пáрохъ (настоятель) или сотрудникъ (викарій)?

— Парохъ.

— Нашъ парохъ живетъ въ собственномъ домѣ, но если вамъ нужно къ нему по дѣлу, тогда поѣзжайте въ пле-

банію (въ церковный домъ), вотъ здѣсь, направо: въ плебаніи канцелярія пароха и касса (ссудо-сберегательное товарищество), и парохъ тамъ всегда „сидятъ".

Мы поѣхали въ плебанію.

Послѣ соотвѣтствующаго доклада навстрѣчу ко мнѣ вышелъ бритый (какъ большинство уніатскихъ священниковъ) господинъ, въ длинномъ лѣтнемъ люстриновомъ сюртукѣ, съ привѣтливой улыбкой на лицѣ. Весьма элегантно полунаклонивши голову и указывая на дверь въ канцелярію, парохъ произнесъ обычное въ украинской Галиціи:

— Прóшу дуже (прошу покорно).

Узнавъ о томъ, что я „з Рóсиї", а также о причинѣ моего пріѣзда въ Люшневку, парохъ немедленно пригласилъ меня къ себѣ, а когда я пытался показать карточку декана, онъ, казалось, запротестовалъ всѣмъ своимъ существомъ:

— Ахъ, помилуйте! Какъ можно!.. Зачѣмъ? Такой дорогой гость, изъ Россіи, изъ Украины... Дуже красно, дуже красно зробили-йсте, що приїхали (хорошо, очень хорошо сдѣлали, что пріѣхали).

Придя въ домъ пароха, я поразился, увидѣвъ въ обширной гостиной и на террасѣ многочисленное общество дѣвицъ и молодыхъ людей. Рояль и фисгармонія были открыты; граммофонъ только-что окончилъ пластинку; шумъ, смѣхъ, веселье... Не на праздникъ ли, не на именины ли попалъ я? Оказалось, что дѣвицы—дочери пароха, а молодые люди—сыновья люшневскихъ крестьянъ, въ настоящее время—каникулирующіе львовскіе и вѣнскіе академики (студенты). Того или другого изъ нихъ можно встрѣтить въ домѣ пароха ежедневно, но въ воскресеніе или въ праздникъ обыкновенно „жáден не минáэ плебаниї" (ни одинъ не проходитъ мимо дома священника).

— Все мои воспитанники! — шопотомъ хвастаетъ парохъ.—Самолично тянулъ изъ народной школы въ гимназію, изъ гимназіи въ университетъ; мои мужички всѣ, прихожане... будущіе люди, упованіе Украины-Руси.

— А скажите, отецъ, каково ваше мнѣніе: останутся ли они и впредь вашими и чьими бы то ни было прихожанами, или, быть-можетъ...

— О, это ихъ личное дѣло, но ни одинъ изъ нихъ не пройдетъ со мною или съ другимъ священникомъ мимо церкви, не „перекрестивши л(о)ба".

И я вспомнилъ, какъ мой львовскій знакомый, отправляя меня къ своему дядѣ, дѣлалъ тонкіе намеки на то, чтобы, если разговоръ нашъ случайно коснется вопросовъ религіи, быть осторожнымъ и корректнымъ: старый, молъ, человѣкъ,—не слѣдуетъ нарушать его душевнаго (католическаго) равновѣсія.

Въ Люшневкѣ и сосѣднихъ приходахъ я пробылъ нѣсколько дней? Буквально Южная Россія: бѣлыя мазанки съ плетнями и садочками, бритые „дядьки“ въ длинныхъ усахъ и прическѣ „під макитру“ (въ скобку); длиннополые деревенскіе евреи и корчмы, обозы съ круторогими бычками или низкорослыми крестьянскими лошаденками, точно на Волыни или въ Подоліи; только шоссейныя дороги да вездѣсущій сельскій „жáндармъ“ въ куцой австрійкѣ и кепи напоминали, что я не въ Россіи.

Мимо насъ съ парохомъ проѣзжаетъ возъ, наполненный снопами ржи. Наверху, на снопахъ, сидитъ сѣренькій русинъ. Кланяется намъ. „Нашъ панъ директоръ,—объясняетъ мнѣ парохъ.—Директоръ сельской кассы, бывшій депутатъ и отличный ораторъ; во время послѣднихъ выборовъ сбилъ съ толку всѣхъ поляковъ; патріотъ, какихъ мало“...

Жниво. Рядъ женщинъ, бабъ и дѣвушекъ валятъ серпами колосья. При нашемъ появленіи дружно привѣтствуютъ насъ: „Слава Богу!“ Затѣмъ нѣкоторыя подходятъ къ „егомосци“ подъ благословеніе. Съ двумя изъ подошедшихъ парохъ начинаетъ разговоръ, ничего общаго съ копнами и снопами не имѣющій. Представляетъ имъ меня: „Гость з Украïни“. Женщины, одна пожилая, другая лѣтъ 30, привѣтствуютъ меня и забрасываютъ приблизительно слѣдующими вопросами: какъ живутъ на Украинѣ „наші“ люди, всѣ ли грамотны, читаютъ ли украинскія книги, есть ли въ селахъ „просвіт“-ы, правда ли, что „москалі“ запрещаютъ людямъ учиться на родномъ языкѣ, много ли въ Кіевѣ выходитъ украинскихъ газетъ и т. п. Какъ оказалось впослѣдствіи, эти жницы играютъ значительную роль въ провинціальномъ отдѣленіи львовскаго общества „Просвіта“.

Большая свѣтлая комната съ рѣшетчатой перегородкой, какъ въ деревенскихъ почтовыхъ конторахъ. За перегородкой столы, сундуки, несгораемый шкафъ. На стѣнѣ

большой портретъ митрополита Андрея. Скрипятъ перья, щелкаютъ счеты. Пока парохъ, сидя за секретарскимъ столомъ, исполняетъ какое-то дѣло, кассиръ, громадный русинъ въ сюртукѣ изъ сѣраго крестьянскаго сукна, бесѣдуя со мной, восторгается при мысли, что на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей звучитъ такая же, какъ и въ Галиціи, украинская рѣчь: „Боже мой, Боже! Гдѣ только нѣтъ нашей Руси: и въ Карпатахъ, и на Кавказѣ, и въ Сибири... А вотъ!..“ И кассиръ ведетъ меня въ смежную комнату, гдѣ своимъ твердымъ, какъ деревяшка, мозолистымъ перстомъ путешествуетъ по картѣ С. Штатовъ и Канады, отыскивая и тамъ Украину-Русь...

Пососѣдству съ „кассой“ — комната, имѣющая видъ мастерской, наполненная запахомъ молочныхъ продуктовъ. Сепараторы, ведра, бочки, подлѣ которыхъ работаетъ нѣсколько женщинъ. Тутъ же контора для пріема и записи приносимаго крестьянками молока.

Это—„молочарня“, общественная молочная ферма, продукты которой доставляются въ лучшіе молочные магазины Вѣны, Праги и Львова, частью же потребляются на мѣстѣ, напр., во время праздниковъ Рождества, Пасхи, Масленицы и т. п. Членами „молочарни“ могутъ быть всѣ крестьяне даннаго общества, а участіе въ ней, всегда являясь значительнымъ подспорьемъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, кромѣ этого, даетъ возможность потреблять у себя дома образцово приготовленные чистые молочные продукты. Руководитъ „молочарней“, какъ и „кассой“, какъ и общественной потребительской лавкой, приходскій парохъ. Ему же принадлежитъ руководство читальней „Просвіты“ и групирующимися подлѣ нея сельскими политическими кружками, объединяющимися большею частью на почвѣ національно-демократической партіи или же болѣе правой, такъ-называемой „христіянсько-суспильной“. Органъ первой „Діло“ или второй „Русланъ“, помимо мелкихъ и спеціально-народныхъ изданій, можно найти въ томъ или другомъ селѣ въ количествѣ нѣсколькихъ экземпляровъ. Кромѣ этого деревня получаетъ органы и крайнихъ лѣвыхъ украинскихъ партій, радикальной и соціалистической, послѣдователи которыхъ, тоже сѣренькіе русины, съ перваго взгляда забитые и безграмотные, высказываютъ удивительныя для русскаго путешественника мысли. Однако и они „не проходятъ мимо церкви, не перекрестивши л(о)ба“,

и къ пароху-украинцу относятся съ полнымъ уваженіемъ, хотя бы потому, что „вони наших дітей виводять в люди“ (онъ нашихъ дѣтей ставитъ на ноги).

Что касается школы, то мнѣ не удалось осмотрѣть ее въ дѣйствующемъ, такъ сказать, видѣ, потому что время было каникулярное (ферії), школа не функціонировала, а учителя разъѣхались. Впрочемъ, всѣ почти парохи, съ которыми я познакомился, охотно провожая васъ въ „кассу“, „молочарню“, „Нашу Вигоду“ (потребительскую лавку), „читальню Просвіт“-ы и проч., какъ-будто стараются пройти мимо школы, какъ-то молчатъ о ней. Это понятно: школа—больное мѣсто пароха, яблоко раздора въ галицкихъ польско-украинскихъ отношеніяхъ. Школьное начальство—большею частью поляки; въ иной школѣ полякъ и учитель, въ школѣ звучитъ еще польская рѣчь, и парохъ чувствуетъ себя виноватымъ.

Въ данной области по всей линіи, отъ университета до начальной школы, идетъ упорная борьба, и одинъ крестьянинъ, везшій меня въ сосѣднее село, очень добродушный человѣкъ и большой юмористъ, когда нашъ разговоръ коснулся этого вопроса, злобно ткнулъ кнутовищемъ въ пространство и повышеннымъ тономъ произнесъ: „А проте в Львові стане нашъ ніверситет! Цисар звеліли; въоо!“ (тѣмъ не менѣе въ Львовѣ будетъ украинскій университетъ! Императоръ приказалъ). Вообще парохъ какъ-будто отвѣчаетъ передъ вами за національное и экономическое состояніе села: встрѣтится ли дорожный столбъ съ надписью по-польски, парохъ конфузится; встрѣтится ли запущенный мужичокъ, очевидно, болѣе другихъ голодный и обездоленный, парохъ чувствуетъ себя очень неловко. Съ другой стороны, крестьяне на вопросъ о парохѣ всегда почти отвѣчаютъ въ такомъ духѣ, что, молъ, „егомосць у насъ геть скризь голова: і в церкви і по-за церквою“ (батюшка у насъ вездѣ рѣшительно голова: и въ церкви, и внѣ церкви).

Въ заключеніе — о церкви. Снаружи она обыкновенно ничѣмъ не отличается отъ южно-русскаго, главнымъ образомъ подольско-волынскаго, деревенскаго храма болѣе давней постройки, лишенной сѣверно-русскихъ вліяній. Это большею частью однокупольный крестообразный византійскій или же продолговатый, кораблеобразный, съ тремя мачтами-куполами, украинскій храмъ, колокольня — съ фронтовой стороны, обыкновенно выше купола, а из-

рѣдка—отдѣльно отъ церкви, въ видѣ трехъ—четырехъ каменныхъ столбовъ подъ желѣзнымъ навѣсомъ. Внутри то же, что и въ каждой православной церкви: пятиярусный высокій иконостасъ, четыреугольный престолъ среди алтаря и пр., но въ придѣлахъ правой и лѣвой стороны крестообразія по три или по пяти длинныхъ скамей для сидѣнья („для людей старшого віку", какъ объясняютъ парохи). Здѣсь же, въ придѣлахъ противъ скамей, рядомъ съ иконостасомъ—католическіе, придвинутые къ стѣнамъ, „олтарики", на которыхъ совершается литургія безъ пѣнія ежедневно въ будни. Какъ олтарики, такъ и литургію безъ пѣнія, заимствованные у латинянъ, парохи очень защищаютъ на томъ основаніи, что-де весьма цѣлесообразно имѣть алтарь парадный и будничный, а также читать литургію, когда нѣтъ хора и долженъ тянуть одинъ дьячокъ. Въ праздничные и воскресные дни, когда крестьяне свободны и поэтому возможны хоры, литургію всегда поютъ. Органы въ церкви не допускаются. Богослужебный языкъ — украино-церковно-славянскій, т.-е. церковный языкъ Кіевской Руси до Петра Великаго: ѣ—какъ и, е въ срединѣ слова—какъ э, е въ концѣ слова—какъ е, і въ концѣ слова—большею частью какъ ы („Хлиб нашъ насущный даждь нам днэсь", „Чаю воскрэсэныя мэртвых" и т. п.). Чинъ богослуженія строго-восточный, уставъ выполняется истово, — напр., на „співаних службах" (на богослуженіяхъ, которыя поются) никогда не читается то, что по уставу нужно пѣть. На-ряду съ этимъ однако нужно отмѣтить и отрицательныя явленія: въ соборѣ св. Юра во Львовѣ опрятность не блестящая, а церковные хоры, не исключая и львовскаго монастыря оо. Василіанъ, большого впечатлѣнія не производятъ. Впрочемъ, отлично, просто и съ большимъ воодушевленіемъ поютъ въ семинарской церкви. Говорятъ, что тамъ часто исполняются русскіе церковные композиторы: Бортнянскій, Турчаниновъ, Ведель, запрещенный въ русской церкви Чайковскій и другіе.

Всѣ почти пастыри Галицкой Украины—убѣжденные католики восточнаго обряда. „Мы не измѣнники православія,—говорятъ они:—нѣтъ, мы ищемъ истины и свободы". Старикъ-деканъ разсказывалъ мнѣ между прочимъ о томъ, какъ его младшій дьячокъ (псаломщики въ Галиціи вольнонаемные), господинъ весьма ограниченный и не вполнѣ трезвый, благодаря недурному голосу достигъ у Антонія

Волынскаго іерейскаго сана. Старикъ никакъ не могъ себѣ представить, какимъ образомъ его „бідний дячисько“, окончившій только начальную школу, управляетъ теперь приходомъ подлѣ Почаева. Вѣдь для того, чтобы управлять приходомъ въ Галиціи, чтобы быть здѣсь пароxомъ, необходимо пройти курсъ гимназіи, получить „матуру“ (аттестатъ зрѣлости), потомъ шесть лѣтъ учиться въ университетѣ на богословскомъ факультетѣ и одновременно шесть лѣтъ готовиться къ сану въ стѣнахъ духовной семинаріи. Рукоположенный по окончаніи этихъ учебныхъ заведеній, молодой священникъ назначается сперва помощникомъ какого-либо пароха (сотрудникомъ) и, лишь пройдя minimum двухлѣтній „сотрудническій“ стажъ, получаетъ самостоятельный приходъ. Неудивительно поэтому, если церковные порядки, допускающіе къ управленію приходомъ „біднаго дячиська“, такъ поражаютъ галицкихъ уніатовъ. Необходимо впрочемъ замѣтить, что галицко-украинскій парохъ болѣе, чѣмъ синодальный батюшка, матеріально обезпеченъ, и это, какъ говорится, развязываетъ ему руки. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обезпеченъ нравственно, поддержкой своего высшаго церковнаго начальства: митрополитъ Андрей и украинское духовенство Галиціи и на службѣ, и дома составляютъ одно неразрывное цѣлое. „Вы мои друзья-товарищи,—говоритъ митрополитъ въ посланіи къ священникамъ Галиціи,—за истинное счастье почитаю я считаться другомъ каждой священнической семьи“.

Такова въ общихъ чертахъ пограничная съ Россіей галицко-украинская деревня, если взглянуть на нее ближе, чѣмъ изъ окна вагона. Нельзя, конечно, утверждать, что все видѣнное и слышанное мною въ галицко-украинскомъ захолустьѣ, весьма необычное и, несомнѣнно, отрадное, есть результатъ иниціативы и вліянія исключительно митрополита Андрея. Культурно-просвѣтительная работа въ галицко-украинской деревнѣ началась давно, вслѣдъ за національнымъ пробужденіемъ страны, и, конечно, успѣла уже создать немало славныхъ именъ. Однако не будетъ преувеличеніемъ сказать, что среди этихъ именъ графу А. Шептицкому принадлежитъ одно изъ почетныхъ мѣстъ.

Юр. Стрыжавскій.

На текущія темы.

Къ итогамъ и перспективамъ.—Обычная и сверхсмѣтная порціи.—О неисправимомъ оптимизмѣ и объ одномъ доносѣ.—Въ раздумьи.—Хватитъ!

Еще одинъ годъ канулъ въ вѣчность. Въ быстрой смѣнѣ событій и впечатлѣній, привлекающихъ вниманіе человѣчества, это былъ годъ не совсѣмъ обычнаго калибра. И во всемірной исторіи, и въ частной жизни отдѣльныхъ народовъ онъ, навѣрное, займетъ извѣстное мѣсто, если и не самостоятельное, то по крайней мѣрѣ какъ предтеча и провозвѣстникъ чего-то новаго въ національномъ вопросѣ, что постепенно вырисовывается изъ туманной дали. Пробужденіе „недвижнаго Китая", кровопролитное столкновеніе на Балканахъ, которому предшествовало соглашеніе славянскихъ и греческаго государствъ, поманившее призракомъ давно жданной федераціи; всеобщее напряженіе въ Европѣ, до сихъ поръ не разрѣшившееся,—таковы общеизвѣстные факты изъ интересующей насъ области національныхъ отношеній, которые даютъ истекшему году право на извѣстное вниманіе къ себѣ исторіи. Изъ болѣе близкихъ къ намъ явленій отмѣтимъ общее оживленіе украинской жизни, можетъ быть, мало замѣтное въ непрерывной цѣпи самихъ событій, но несомнѣнное въ нѣкоторой перспективѣ. Да, оживленіе...

Что бы ни говорили враги украинскаго возрожденія, оживленіе въ украинской жизни несомнѣнно наблюдается, выражаясь массой, можетъ быть, мелкихъ, но характерныхъ черточекъ у насъ, на Украинѣ, россійской, и болѣе широкимъ размахомъ событій на Украинѣ зарубежной. Темпъ жизни на нашихъ очахъ ускоряется, пріобрѣтая ту быстроту, которая начинаетъ захватывать и втягивать въ себя слои, еще недавно стоявшіе неподвижно. Есть еще нѣкоторая, быть можетъ, неувѣренность, есть несогласованность въ движеніи обѣихъ частей Украины, сказывающаяся хотя бы на хроникѣ нашего журнала обиліемъ мелочей изъ жизни нашей Украины и постановкой кардинальныхъ вопросовъ національнаго бытія въ жизни закордонной. Это,

конечно, такъ, но относительно самого движенія впередъ сомнѣній быть не можетъ. Украинская жизнь, еще недавно игнорировавшаяся или даже подвергавшаяся сомнѣніямъ, теперь течетъ если и не полной рѣкой, то, по крайней мѣрѣ, массой веселыхъ журчащихъ ручейковъ, стремящихся въ своемъ объединеніи образовать могучее русло настоящей полноводной рѣки. И даже обиліе репрессій и невзгодъ въ истекшемъ году не можетъ уничтожить этого бодрящаго впечатлѣнія жизненности. Если хотите, даже напротивъ: оно именно и является доказательствомъ жизненности, ибо ручейкамъ въ ихъ стремленіи къ многоводнымъ бассейнамъ всегда вѣдь приходится натыкаться на камни, на груды всяческаго хлама, на препятствія, воздвигнутыя и природой, и рукой чоловѣка, обходить ихъ или иначе съ ними справляться.

То же и въ жизни, въ которой также немало и естественныхъ преградъ, и искусственныхъ барьеровъ.

Послѣдніе виднѣе. Винтъ репрессій въ истекшемъ году сдѣлалъ полный поворотъ, еще сильнѣе зажавъ въ своихъ тискахъ украинское движеніе. Еще неистовѣе и разнообразнѣе были нападки и отъ болѣе многочисленныхъ общественныхъ группъ онѣ исходили. Но продолжаетъ играть „младая жизнь“, шутя сбрасывающая преграды и обходящая барьеры... Вотъ почему самая многочисленность послѣднихъ не на однѣ грустныя мысли способна наводить; есть въ нихъ и кое-что утѣшительное. На кладбищѣ, среди мирнаго покоя и сонной тишины, барьеры вѣдь не нужны, и само присутствіе ихъ является уже отрицаніемъ кладбищенства, сна и застоя. А для насъ, въ періодѣ роста и накопленія силъ, это отрицаніе въ особенности драгоцѣнно.

Не дай спати ходячому,
Серцем замірати
І гнилою колодою
По світу валятись,—

этого гнилостнаго прозябанія мы пока не знаемъ. Если бы кто въ этомъ сомнѣвался, то вотъ и доказательства налицо: винтъ репрессій повернулся, а жизнь между тѣмъ забила сильнѣе.

Говоря объ украинской жизни, мы всегда должны начинать съ репрессій, составляющихъ неотъемлемую и традиціонную принадлежность украинскаго движенія съ давнихъ временъ. Этого обычнаго, весьма надоѣдливаго спутника не

удалось намъ избѣжать на своемъ пути и въ истекшемъ году; донималъ онъ насъ и шаблонными, изъ года въ годъ повторяющимися, средствами, и даже кое-какія новыя изобрѣлъ. Изъ старыхъ, испытанныхъ способовъ первое мѣсто занимаютъ, конечно, гоненія на украинскій языкъ во всякихъ видахъ, формахъ и проявленіяхъ. Преслѣдованія украинской печати вплоть до запрещеній подписчикамъ получать оплаченныя изданія, запрещеніе украинскихъ объявленій и даже надписей на похоронныхъ лентахъ, стѣсненіе всякихъ публичныхъ оказательствъ, даже неофиціальнаго характера, какъ елки, вечера и т. п.,—все это уже давнымъ-давно испытано, пережито, и всякія новыя сообщенія на такія или подобныя темы уже почти не вызываютъ реакціи, какъ слишкомъ ужъ обычное, „бытовое", явленіе. Съ этой стороны все, повидимому, обстояло въ полномъ порядкѣ... Изъ обычнаго порядка не выходило и то, что министерство внутреннихъ дѣлъ, по сообщенію газетъ, вдругъ опять проявило повышенный интересъ къ обществамъ, употребляющимъ украинскій языкъ въ домашнемъ дѣлопроизводствѣ. Результаты этого интереса также не замедлили сказаться: ревизія заподозрѣнныхъ обществъ полиціей и... конечно, закрытіе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Наиболѣе пока значительной жертвой указаннаго интереса слѣдуетъ считать кіевскій украинскій клубъ, пострадавшій за слабую попытку основать собственную библіотеку. Попытка, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, не вышла изъ круга приготовленій, тѣмъ не менѣе кучка разрозненныхъ книгъ при ревизіи получила громкое названіе библіотеки, а затѣмъ уже, установивъ это ужасное обстоятельство, губернское по дѣламъ объ обществахъ присутствіе, поторопилось закрыть клубъ, не вникнувъ даже въ сущность обвиненія. Кромѣ того надъ совѣтомъ старшинъ тяготѣетъ еще и судебное преслѣдованіе, возбужденное за разрѣшенную иностранной цензурой газету. Чѣмъ это парадоксальное дѣло окончится пока неизвѣстно,—во всякомъ случаѣ оно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ лѣтописяхъ нашей капризной дѣйствительности, выработавшей, какъ извѣстно, яркое правило: „отъ сумы да отъ тюрьмы не зарекайся"...

Но въ эту обычную порцію репрессій, отпускаемыхъ украинству ежегодно съ завидной правильностью, привходятъ съ недавняго времени и нѣкоторыя новыя—въ родѣ, такъ сказать, сверхсмѣтной надбавки. Осенью, главнымъ об-

разомъ въ Кіевѣ, пронеслась цѣлая полоса самыхъ настоящихъ погромовъ, которымъ подверглись украинскія учрежденія. Разгромлены книжные магазины, редакціи, помѣщеніе одного изъ клубовъ, давшаго пріютъ людямъ, желавшимъ почтить память Н. В. Лисенка. Неуловимая кучка погромщиковъ долгое время оперировала совершенно безнаказанно, пока, наконецъ, не была обнаружена при содѣйствіи потерявшей терпѣніе публики. Извлеченные изъ сорныхъ ящиковъ „герои", конечно, не испугались и въ присутствіи полиціи продолжали хвастать своими подвигами. Одинъ изъ нихъ, Шевченко (правда, интересное совпаденіе?), въ свой активъ поставилъ между прочимъ то, что ему принадлежитъ заслуга по облитію чернилами „морды батьку Тарасу"... Расчетъ „героевъ чернильнаго пятна" на безнаказанность былъ вполнѣ вѣрный, и, подвергнутые заключенію въ административномъ порядкѣ, они черезъ нѣсколько дней были, разумѣется, „амнистированы". Къ сожалѣнію, хулиганскіе подвиги не ограничиваются предѣлами общественнаго „дна" и не только между его беззастѣнчивыми обитателями находили своихъ исполнителей. Варшавское, напримѣръ, студенчество, столь доблестно ополчившееся не только противъ портрета украинскаго поэта, но и противъ украинскаго борща (ему милостиво разрѣшено именоваться впредь „малороссійскимъ, но не мазепинскимъ"!), показали, что оно не далеко ушло отъ кіевскаго Шевченка. Характерно, что въ послѣднемъ случаѣ хулиганскіе поступки являются уже подъ флагомъ своеобразнаго „прогрессизма", борьбы съ „малороссійскимъ засильемъ", но это не мѣняетъ сущности побѣды, одержанной варшавскими „прогрессистами" по образу и подобію кіевскихъ подонковъ.

Подобная же эволюція, движеніе снизу къ верхамъ, происходитъ и въ прессѣ. Раньше только реакціоннымъ органамъ принадлежало печальное преимущество давать на своихъ столбцахъ пріютъ украинофобскимъ заявленіямъ, травлѣ и клеветничеству. Въ прошломъ году этотъ грязный потокъ опять-таки поднялся выше. Извѣстныя выступленія „Утра Россіи" обладаютъ уже всѣми признаками патентованнаго украиноѣдства, культивировавшагося до сихъ поръ только въ непристойныхъ мѣстахъ печати. Отъ весьма двусмысленной позиціи въ украинскомъ вопросѣ не удержались даже такія безусловно порядочныя изданія, какъ

„Русская Мысль". По крайней мѣрѣ, извѣстный призывъ г. Струве къ борьбѣ съ украинствомъ „безъ всякихъ двусмысленностей и поблажекъ" встрѣченъ очень сочувственными откликами въ низахъ печатнаго слова и использованъ здѣсь въ цѣляхъ, которыхъ, навѣрное, и не предполагалъ почтенный авторъ такъ ко двору пришедшагося лозунга. Небезызвѣстный, напримѣръ, авторъ уже вполнѣ откровенныхъ донесеній, г. Щеголевъ, въ своей недавно вышедшей книгѣ объявляетъ „прекрасные тезисы" г-на Струве „въ сущности безсознательной апологіей ограниченій 1876 и 1881 гг."! Изъ построеній кабинетнаго мыслителя практическіе дѣльцы сдѣлали свои, не совсѣмъ, быть можетъ, невѣрные выводы, отъ которыхъ не такъ-то легко отмахнуться горделивымъ презрѣніемъ къ доносителямъ по ремеслу. Ибо логика вѣдь обязываетъ...

Не разсчитывая, конечно, исчерпать неисчерпаемый арсеналъ репрессій, вражды и недомыслія, проявленнаго въ истекшемъ году самыми различными сферами въ отношеніи украинскаго вопроса, отмѣчу здѣсь въ отдѣльности такіе крупные факты, какъ судъ надъ холмскими украинцами въ Государственной Думѣ, судъ надъ украинскимъ языкомъ въ Государственномъ Совѣтѣ, судъ надъ Шевченкомъ въ сенатѣ, судъ надъ украинской школой въ синодѣ... Разумѣется, всѣ эти „суды" и, конечно, осужденія безсильны измѣнить что-либо въ дѣйствительной жизни, но тѣмъ не менѣе какіе яркіе образчики отношенія къ украинству со стороны „сильныхъ міра сего" они даютъ! Всѣ эти „правительствующія" мѣста, каждое въ своей области, оказались на высотѣ положенія, требуемой „государственными соображеніями". Ну, а объ остальномъ можно и не заботиться: оно само собой придетъ...

И приходитъ... Несмотря на обиліе судей, превращающихъ украинскую жизнь въ сплошное судьбище, она все-таки, смѣемъ увѣрить, идетъ впередъ, не опасаясь каждодневныхъ осужденій. По крайней мѣрѣ годичные отчеты въ украинскихъ изданіяхъ вовсе не страдаютъ пессимистической окраской, какой естественно было бы ожидать въ виду столь многочисленныхъ „осужденій". Совсѣмъ даже наоборотъ. Отмѣчаютъ общее оживленіе въ украинскихъ кругахъ, показателями котораго была и выборная кампанія, и широко проявленное сочувствіе къ борьбѣ галицкихъ земляковъ за свой очагъ просвѣщенія, и единогласныя за-

явленія педагогическихъ курсовъ и съѣздовъ въ пользу украинской школы, и то невидное на первый взглядъ, но несомнѣнно крѣпнущее и бодрящее настроеніе, которое зависитъ отъ постепеннаго проникновенія самой украинской идеи въ ширь и въ глубь общественныхъ слоевъ. Отмѣчаютъ развитіе и обогащеніе новыми органами украинской прессы. Отмѣчаютъ бодрую работу въ литературѣ. Отмѣчаютъ признаки жизни даже въ полузадушенныхъ обществахъ, какія по какому-то чуду „досуществовали“ до нашего времени. И даже—неисправимые оптимисты!—видятъ кое-что утѣшительное въ самой многочисленности и интенсивности репрессій, въ тѣхъ безпрерывныхъ „осужденіяхъ“, благодаря которымъ жизнь превращается въ сплошное судьбище... И этотъ немолкнущій трепетъ жизни чувствуется уже и нашими врагами.

Въ самомъ дѣлѣ,—вотъ передъ нами нѣкое „литературное произведеніе“ упомянутаго сейчасъ г. Щеголева, къ которому намъ придется еще, вѣроятно, вернуться. Несмотря на свою совершенно очевидную цѣль, несмотря на бездну сознательной и хорошо автору извѣстной лжи, клеветы и самыхъ безсовѣстныхъ передержекъ, несмотря на плохо симмулированное пренебреженіе къ украинству, этотъ господинъ не можетъ скрыть нѣкоторой тревоги передъ перспективами, ожидающими ненавистное движеніе. Эта тревога ясно чувствуется въ его безграмотномъ и хаотическомъ доносѣ, составившемъ, однако, большой томъ, около 600 страницъ, но далеко не исчерпавшемъ предмета. Старательный, но,—увы!—бездарный доносчикъ, вѣроятно, и самъ смутно догадывается, что трудъ его можетъ произвести—на безпристрастнаго, разумѣется, читателя—впечатлѣніе, совершенно обратное тому, какого онъ съ потерей остатковъ стыда добивается. Доносу о дѣятельности „кучки людей“ за послѣдніе только годы, и то далеко не полной, посвященъ большой томъ; это ли еще не признаніе—невольное, можетъ быть,—значенія этой „кучки“! Но мѣстами, противъ собственной, конечно, воли, авторъ даетъ картину, которая невольно вызываетъ вопросъ: да точно ли о „кучкѣ“ идетъ рѣчь, а не о большомъ, массовомъ движеніи, о стихійномъ процессѣ, поражающемъ своими размѣрами именно при обстановкѣ „судьбища“? И какимъ тогда мизернымъ кажется и самъ разбухшій на сотни страницъ доносъ, и его авторъ со своими поползновеніями задержать подобными средствами стихій-

ный процессъ массоваго возрожденія! И, несмотря на все омерзеніе, возбуждаемое „произведеніемъ“ этого услужливаго и безъ лести преданнаго господина, несмотря на весь вздоръ и даже практическій вредъ (а онъ, несомнѣнно, уже сказывается и будетъ долго еще сказываться: не забудьте, что мы въ атмосферѣ „судьбища“), его книга служитъ доказательствомъ отъ противнаго—въ пользу оклеветаннаго и оболганнаго. И кое-кто изъ вражескаго стана уже останавливается въ раздумьи...

Вотъ г. Шульгинъ остановился—„тотъ самый“ г. Шульгинъ и въ „томъ самомъ“ „Кіевлянинѣ“. „Что же касается самостоятельной роли такъ-называемаго мазепинскаго движенія,—пишетъ этотъ призадумавшійся соратникъ г. Щеголева, характеризуя „естественные революціонные очаги“,—то, намъ думается, что оно, конечно, можетъ быть источникомъ очень непріятныхъ осложненій. Но грознымъ оно станетъ въ ту минуту, когда мазепинцамъ удастся создать свою мазепинскую культуру“. Удастся ли,—г. Шульгинъ не знаетъ. „Но,—продолжаетъ онъ,—если Провидѣніемъ суждено, чтобы малороссійское нарѣчіе выросло въ дѣйствительно-литературный и культурный языкъ, то вопросъ будетъ рѣшенъ самъ собою... И вопросъ рѣшится не филологическими и историческими спорами, а просто живой культурной энергіей, которую выставятъ обѣ стороны. Конечно, пока всей русской литературѣ противопоставляютъ одного Шевченка, хотя и безусловно даровитаго, но все-же полуграмотнаго алкоголика, обработаннаго Кулишомъ, когда всей русской наукѣ противопоставляется одинъ Грушевскій, всей русской музыкѣ—Лисенко,—мазепинцы имѣютъ мало шансовъ на побѣду. Но кто знаетъ, что сулитъ будущее? Если мазепинскихъ силъ хватитъ для созданія украинской культуры, то репрессіями этого дѣла не остановить“ [1]).

Хватитъ,—будьте покойны!.. Уже хватило, уже репрессіи недѣйствительны, и приходится задумываться объ ихъ цѣлесообразности, уже объемистые доносы возбуждаютъ не только страхъ и гадливость, но и бодрящее настроеніе, ибо, говорятъ, „и злакъ на пользу человѣку“, а „на добрий камінь що ни дай, то змеле“. На жерновахъ „живой культур-

[1]) «Кіевлянинъ» 1913 г., № 10.

ной энергіи“ многое уже „перемололъ“ украинскій народъ за послѣднія 250 лѣтъ своего горемычнаго существованія, и если запасы этой энергіи не истощились до сихъ поръ, то это значитъ, что они вообще неистощимы. По крайней мѣрѣ на нашъ съ г. Шульгинымъ вѣкъ ихъ, навѣрное, хватитъ, а тамъ уже послѣдующія поколѣнія сами увидятъ, что и какъ имъ дѣлать...

С. Ефремовъ.

Объ украинскомъ архитектурномъ стилѣ*).

(По поводу статьи А. Л. „Украинскій архитектурный стиль“).

Лѣтъ десять тому назадъ благодаря трудамъ нѣкоторыхъ ревностныхъ изслѣдователей старины стали извѣстными памятники стараго южно-русскаго зодчества, теперь уже довольно рѣдкіе и разсѣянные какъ у насъ на Украинѣ и въ юго-западныхъ губерніяхъ, такъ и въ пограничныхъ зарубежныхъ областяхъ съ украинскимъ населеніемъ. Памятники эти своеобразною красотою своею возбудили немалый и съ теченіемъ времени возрастающій интересъ, какъ источникъ новыхъ характерныхъ архитектурныхъ формъ. Интересъ этотъ, постепенно повышаясь, породилъ желаніе и попытки ввести въ современную строительную практику черты этого забытаго древне-украинскаго стиля. Подобныя попытки, далеко не безуспѣшныя, повторяются теперь все чаще и чаще, и въ послѣднее время уже ощущается потребность въ такомъ трудѣ, гдѣ, на основаніи обзора наличнаго матеріала, была бы дана возможно полная характеристика украинскаго стиля. Такой трудъ значительно облегчилъ бы какъ ознакомленіе со стилемъ, такъ и примѣненіе его спеціалистами къ современному строительству. Вотъ почему теперь каждая книжка, каждая статья объ украинскомъ стилѣ встрѣчаются съ нѣкоторымъ вожделѣніемъ и надеждою получить если не полное, то хоть нѣкоторое удовлетвореніе назрѣвшей потребности. Посмотримъ, насколько отвѣтила на такіе запросы статья г-на А. Л. „Украинскій архитектурный стиль“, помѣщенная въ № 9 „Украинской Жизни“ за 1912 годъ.

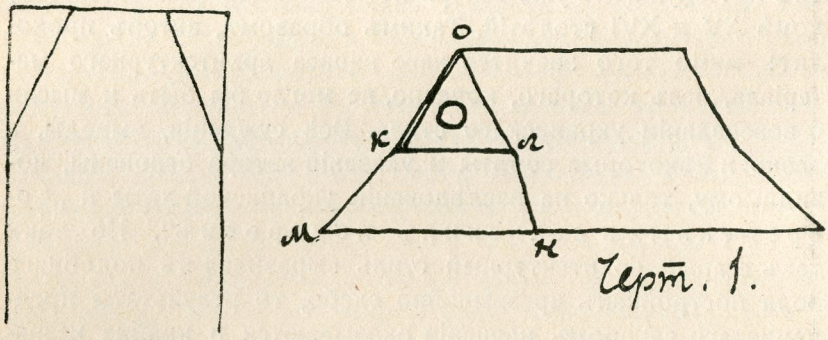
---

*) Статья эта была предметомъ доклада въ Украинскомъ Художественно-Архитектурномъ Отдѣлѣ Харьковскаго Литературно-Художественнаго Кружка. Редакція даетъ ей мѣсто въ виду несомнѣннаго интереса, который представляютъ нѣкоторыя сужденія автора. Вопросъ объ украинскомъ архитектурномъ стилѣ едва начатъ разработкою, и всякое серьезное слово въ этой области обладаетъ своею цѣнностью. *Ред.*

Статья г-на А. Л. состоитъ изъ двухъ частей, озаглавленныхъ: первая—„Основная форма“, вторая—„Симметрическій канонъ“. Въ первой части авторъ, отмѣтивъ попытки современныхъ зодчихъ возсоздать „старый украинскій архитектурный стиль“, поскольку онъ сохранился въ памятникахъ украинской архитектуры“, приступаетъ къ „изученію возсоздаваемаго стиля“. Здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что „изученіе“ это, на протяженіи всей статьи, идетъ такъ странно, что древнія украинскія церкви, извѣстныя теперь уже въ достаточномъ количествѣ и, конечно, принадлежащія къ памятникамъ украинской архитектуры, остаются безъ разсмотрѣнія; ничего также не упоминается объ уцѣлѣвшихъ еще до сего времени кое-гдѣ на Украинѣ очень старыхъ, деревянныхъ синагогахъ, которыя брали себѣ за образецъ свѣтскія постройки и могутъ дать понятіе объ исчезнувшемъ уже теперь помѣщичьемъ (шляхетскомъ) домѣ XV и XVI столѣтій. Такимъ образомъ, авторъ проходитъ мимо того значительнаго запаса архитектурнаго матеріала, безъ котораго, конечно, не могло бы быть и мысли о возсозданіи украинскаго стиля. Всѣ сужденія, выводы, а равно и нѣкоторые совѣты и указанія автора основаны, повидимому, только на изслѣдованіи украинской хаты и „современныхъ сельскихъ построекъ“. Но такъ какъ старый архитектурный стиль выразился въ подобнаго рода постройкахъ чрезвычайно слабо, то результаты предпринятаго авторомъ изученія оказываются и крайне незначительными, и большею частью ошибочными.

Одинъ изъ главнѣйшихъ признаковъ стиля онъ видитъ въ оригинальной формѣ оконныхъ и дверныхъ отверстій новѣйшихъ построекъ. Впрочемъ, другихъ признаковъ или особенностей формъ стиля, кромѣ развѣ упоминаемаго дальше стремленія къ симметріи, въ статьѣ не указывается. Послѣ нѣкоторыхъ теоретическихъ соображеній и разъясненій, заимствованныхъ изъ исторіи возникновенія архитектурныхъ формъ вообще, авторъ окончательно утверждается на мысли, что форма перекрытія оконныхъ и дверныхъ пролетовъ, напоминающая форму трапеціи, есть оригинальная украинская форма, не имѣющая за себя „никакихъ техническихъ оправданій“, созданная не техническимъ расчетомъ, а исключительно эстетическими соображеніями. Эта форма, по мнѣнію автора, и есть „основная форма“ украинскаго стиля.

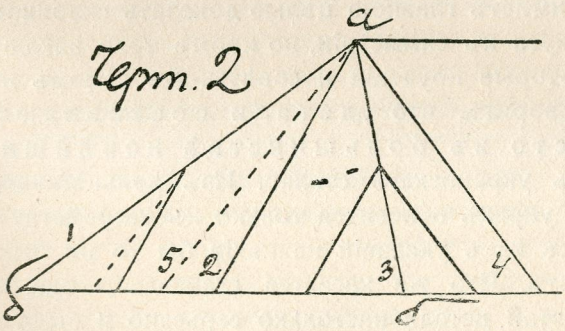
Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію доказательствъ того, что эта форма есть „основная“, скажемъ нѣсколько словъ о самой формѣ, которой здѣсь стараются придать столь важное значеніе. Форма эта дѣйствительно часто встрѣчается въ памятникахъ стариннаго зодчества Украины, преимущественно въ обработкѣ дверныхъ отверстій, иногда въ галлереяхъ „опасанья“ и верхнихъ галлерейкахъ колоколенъ; окна старыхъ украинскихъ церквей такого очертанія не имѣютъ. Можно вполнѣ согласиться съ авторомъ, что это есть одна изъ характерныхъ деталей украинскаго стиля, вѣроятно, не строго оригинальная, но очень давно вошедшая въ обиходъ южно-русскихъ строителей. Нельзя считать ее вполнѣ оригинальной, потому что она замѣчается въ деревянныхъ постройкахъ и другихъ странъ,—напримѣръ, Финляндіи и Норвегіи. Форма эта конструктивна—это есть

Черт. 1.

перекладина, подпертая двумя подкосами,—такъ что создать ее могли не одни эстетическія, а и техническія соображенія. Вотъ все, что о ней можно сказать, и форма эта должна быть поставлена на подобающее ей мѣсто: это—не болѣе какъ деталь; видѣть же въ ней основную форму стиля, полагать, что она не только часто встрѣчается въ деталяхъ, но и отражается на общемъ видѣ зданія, было бы заблужденіемъ. Частаго повторенія ея въ деталяхъ авторъ такъ и не показываетъ, но обращаетъ вниманіе читателя на крышу украинской постройки—неизвѣстно какой; по всей вѣроятности, хата—и задаетъ вопросъ: почему лицевой и задній скаты крыши не доводятся до конька, а срѣзываются нѣсколько ниже, благодаря чему получаютъ форму не треугольника, а трапеціи? (Черт. 1). Слѣдуетъ отвѣтъ: „никакихъ техническихъ мотивовъ придумать нельзя. И здѣсь мы имѣемъ

дѣло съ чисто эстетическими побужденіями... Народный геній отыскиваетъ свою любимую форму". Авторъ ошибается. Въ данномъ случаѣ исключительно техническія соображенія создали такую форму крыши. Если довести лицевой (или задній) скатъ до конька, т.-е. образовать полную вальму (Черт. 2 а б б), то въ точкѣ *а*, встрѣчи трехъ скатовъ на конькѣ, придется соединить пять бревенъ, что, конечно, затруднительнѣе, чѣмъ связать два бревна, и для того, чтобы врубки были прочны, пришлось бы, можетъ быть, брать болѣе толстый лѣсъ и прибѣгать къ желѣзнымъ скрѣпамъ, при этомъ на діагональныя стропильныя ноги (нарожники; на черт. 2 а б) потребовались бы болѣе длинныя штуки, которыя вслѣдствіе своей длины и нагрузки упирающимися въ нихъ полустропилами, потребовали бы лишнихъ под-

поръ. Все это устраняется, если сдѣлана полу-вальма (Черт. 1 к л м н.), о которой говоритъ авторъ, да кромѣ того является возможность удобно освѣтить чердакъ окошечками въ треугольныхъ отрѣзкахъ, поверхъ полу-вальмъ. Только на основаніи вышеизложенныхъ разсужденій о крышѣ выводится слѣдующее заключеніе: „такимъ образомъ она (форма) облекаетъ собою зданіе со всѣхъ сторонъ, подчиняя своему режиму не только детали, но и общія линіи и расположеніе архитектурныхъ массъ".

При чтеніи этого мѣста напрашивается досадная мысль: слѣдовательно, всякая шатровая крыша, перекрывающая прямоугольный планъ, отвѣчаетъ требованіямъ украинскаго стиля, потому что въ ней есть двѣ трапеціи.

Въ заключеніе этой главы авторъ еще разъ напоминаетъ о серьезной заслугѣ строителей, извлекшихъ характерную народную форму изъ забвенія: „гдѣ ей грозитъ близкая гибель".

Таково содержаніе первой части статьи,—части, трактующей о формахъ или, правильнѣе сказать, объ одной изъ формъ деталей стиля. Нечего и говорить, что сказаннаго здѣсь совершенно недостаточно для того, чтобы дать хоть самое поверхностное понятіе о стилѣ. Нѣтъ ни малѣйшаго намека на свойственное стилю расположеніе архитектурныхъ массъ, если не принимать во вниманіе ошибочнаго мнѣнія о доминирующемъ значеніи трапеціи. А между тѣмъ въ новѣйшихъ работахъ украинскихъ зодчихъ нельзя не замѣтить стремленія подойти къ этой главнѣйшей особенности стиля, стремленія дать массамъ стильную группировку. Умолчаніе о такихъ достойныхъ всякой похвалы исканіяхъ составляетъ серьезный пробѣлъ въ статьѣ объ украинскомъ архитектурномъ стилѣ.

Вторая часть разсматриваемой статьи („Симметрическій канонъ") имѣетъ главною цѣлью доказать склонность украинскаго вкуса къ симметріи, но кромѣ того заключаетъ въ себѣ нѣкоторые поученія и совѣты. Въ самомъ началѣ ея авторъ говоритъ, что „детали составляютъ слабое мѣсто въ большинствѣ новѣйшихъ построекъ украинскаго стиля". Изъ дальнѣйшаго видно, что этотъ упрекъ относится только къ устройству главнаго входа, такъ какъ указаній на какія бы то ни было другія детали нѣтъ. Что же касается главнаго входа, то отношеніе къ этой детали настолько серьезно и строго, что ни одно изъ существующихъ устройствъ автора не удовлетворяетъ. По его мнѣнію: „входъ составляетъ самую слабую, наименѣе разработанную часть украинскаго стиля, и все будущее этого стиля зависитъ отъ того, насколько успѣшно будетъ разработана эта часть". Не придавая даже разработкѣ входа столь важнаго значенія для судьбы украинскаго стиля, все-таки нельзя не пожалѣть, что авторъ не даетъ дальше никакихъ указаній, кромѣ безусловнаго требованія располагать главный входъ посреди зданія. Впрочемъ онъ даетъ еще такой совѣтъ: „Современныя постройки въ мѣстностяхъ съ украинскимъ населеніемъ, свидѣтельствуя о вкусѣ и потребностяхъ населенія, даютъ указанія на то, въ какомъ направленіи должна производиться разработка входа". Въ мѣстностяхъ съ украинскимъ насе-

леніемъ теперь можно видѣть постройки всевозможныхъ стилей, до стиля модернъ включительно, вкусы и потребности также модернизованы; что же можетъ дать все это для „стараго украинскаго стиля, поскольку онъ сохранился въ памятникахъ украинской архитектуры"? Частныя замѣчанія относительно нѣкоторыхъ новѣйшихъ построекъ малоцѣнны, потому что общаго значенія имѣть не могутъ. Напримѣръ, въ домѣ полтавскаго земства входъ найденъ „мало развитымъ", и для того, чтобы все зданіе выиграло не только въ красотѣ, но и въ стильности, надо было, по мнѣнію автора, нишу, въ которой помѣщается дверь, углубить, поднять выше и раскрыть шире. При столь опредѣленныхъ совѣтахъ слѣдовало бы пояснить, какими чертами или формами стиля они вызываются; иначе получается впечатлѣніе, что это — требованія не украинскаго стиля, а личнаго вкуса автора. Такое же впечатлѣніе производятъ и замѣчанія относительно входовъ въ домѣ г. Бойко, въ Харьковѣ и въ зданіи школы имени Котляревскаго въ Полтавѣ, постройка котораго ошибочно приписана В. Кричевскому.

Возвращаясь къ цитированному выше сужденію о разработкѣ входа въ современныхъ проектахъ и о вліяніи разработки этой детали на дальнѣйшую судьбу украинскаго стиля, слѣдуетъ замѣтить, что сужденіе это поражаетъ какъ своею рѣшительностью, такъ и неосновательностью. Во-первыхъ, во всѣхъ новыхъ постройкахъ, о которыхъ говорится въ статьѣ, нельзя не видѣть, что на обработку главнаго входа, какъ одной изъ видныхъ деталей, затрачено вниманія и труда ничуть не меньше, чѣмъ на другія детали, и полученные результаты можно признать и интересными, и оригинальными, и непротиворѣчащими стилю; затѣмъ совершенно не понятно, на чемъ можетъ быть основана та роковая связь, которую авторъ такъ рѣшительно устанавливаетъ между разработкою входа и разработкою стиля, который есть цѣлая совокупность архитектурныхъ особенностей общаго вида, деталей и орнаментаціи.—Упомянутое выше единственное указаніе относительно расположенія главнаго входа посрединѣ есть результатъ изслѣдованія украинской хаты. Разсмотрѣвъ деревенскую украинскую хату и расположеніе ея относительно улицы, авторъ выводитъ слѣдующія „безусловныя требованія украинскаго стиля

относительно жилыхъ построекъ: 1) помѣщеніе ихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ улицы, подъ прикрытіемъ зелени и 2) центральное положеніе главнаго входа съ приспособленіемъ его въ качествѣ веранды". Оставляя первое изъ этихъ безусловныхъ требованій въ сторонѣ, какъ не имѣющее ничего общаго съ архитектурою, скажемъ, что расположеніе входа строго посреди̇нѣ въ украинской хатѣ не встрѣчается, а если и бываетъ, то случайно. Однако на этомъ обстоятельствѣ авторъ основываетъ свое мнѣніе о склонности украинскаго вкуса къ симметріи. Онъ говоритъ: „центральное положеніе главнаго входа, естественно ведя къ симметрическому развитію по его бокамъ двухъ крыльевъ, установляетъ простѣйшій архитектурный канонъ, всякое отступленіе отъ котораго наноситъ ущербъ стилю".

Въ современной украинской хатѣ симметріи нѣтъ, но въ старинныхъ зданіяхъ она дѣйствительно встрѣчается. Въ старыхъ украинскихъ церквахъ можно, вѣроятно, указать столько же симметрическихъ расположеній, сколько и несимметрическихъ. Но церкви, это—зданія общественнаго назначенія, гдѣ примѣненіе симметріи могло быть вызвано желаніемъ придать постройкѣ характеръ болѣе серьезный и внушительный. Отсюда еще нельзя заключить, что симметрія свойственна украинскому стилю. Изъ разсмотрѣнія образчиковъ старинной украинской архитектуры скорѣе можно вынести впечатлѣніе, что строгая симметрія въ расположеніи главныхъ частей и строгая тождественность повторяющихся въ постройкѣ формъ были одинаково непріятны вкусу старыхъ украинскихъ строителей. Тамъ, гдѣ наблюдается симметрическое расположеніе главныхъ массъ строенія, эту симметрію старались ослабить неодинаковою трактовкою деталей, несимметрическимъ размѣщеніемъ оконъ различной формы, галлереей опасанья или какою-нибудь постройкою съ одной стороны. Если въ нѣкоторыхъ современныхъ постройкахъ съ украинскимъ характеромъ и есть строгая симметрія, то она—вынужденная. Архитектору, проектировавшему домъ полтавскаго земства, предъявленъ былъ не только готовый планъ, который, можетъ быть, удалось бы нѣсколько измѣнить, а заложенный уже въ землю

фундаментъ. При проектированіи фасада строящагося нынѣ харьковскаго художественнаго училища конкуррентамъ данъ былъ утвержденный симметрическій планъ, и отступленій отъ него почти не допускалось. Во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія стиля, симметрическое расположеніе въ этихъ двухъ зданіяхъ нельзя отнести къ особымъ ихъ достоинствамъ. Въ фасадѣ полтавскаго дома, имѣющемъ вообще немало хорошаго, длинныя, строго симметрически расположенныя крылья прямо вредятъ стильности постройки.

Такимъ образомъ, вторая часть разсматриваемой статьи, не давая никакихъ полезныхъ свѣдѣній интересующимся украинскимъ стилемъ, представляетъ даже этотъ стиль въ нѣсколько превратномъ видѣ, стараясь заключить его въ предѣлы симметрическаго канона,—тотъ стиль, отъ котораго, по словамъ профессора Павлуцкаго, вѣетъ такимъ „упрямымъ, несокрушимымъ своеобразіемъ“.

А. Вар—ъ.

На Украинѣ и внѣ ея.

За мѣсяцъ.

Третій конкурсъ на памятникъ Т. Г. Шевченку. 21-го декабря въ кіевской городской управѣ состоялось засѣданіе жюри по разсмотрѣнію проектовъ памятника Т. Г. Шевченку, представленныхъ на третій международный конкурсъ. Послѣ детальнаго осмотра каждаго изъ 36 представленныхъ проектовъ жюри приняло слѣдующую резолюцію: «Жюри, разсмотрѣвъ всѣ представленные на конкурсъ проекты памятника Т. Г. Шевченку, пришло къ единогласному заключенію, что ни одинъ изъ проектовъ въ представленномъ видѣ не можетъ быть премированъ и приведенъ въ исполненіе. При этомъ жюри находитъ необходимымъ рекомендовать комитету объявить въ будущемъ именной конкурсъ, такъ какъ если будетъ объявленъ еще одинъ конкурсъ на тѣхъ же условіяхъ, то онъ также не достигнетъ цѣли». Резолюція эта была положена объединенному комитету по сооруженію памятника Т. Г. Шевченку въ засѣданіи его 23-го декабря. Комитетъ утвердилъ постановленіе жюри и избралъ комиссію для разработки вопроса о новомъ именномъ конкурсѣ. Въ составъ комиссіи вошли: Н. Ф. Бѣляшевскій, Л. Н. Жебуневъ и С. А. Лаврентьевъ. Комиссіи предоставлено право кооптаціи свѣдущихъ лицъ.

Памяти Н. В. Лисенка. 2-го декабря, въ сороковой день смерти Н. В. Лисенка, въ Кіевѣ отслужены были панихиды въ Маріино-Благовѣщенской церкви и на кладбищѣ, надъ могилой покойнаго композитора. Къ могилѣ собрались семья покойнаго, его друзья и почитатели, представители украинской науки, прессы и искусства. Вся могила была покрыта вѣнками и букетами изъ живыхъ цвѣтовъ. Передъ панихидой освященъ былъ временный деревянный крестъ съ лаконической надписью: «Микола Лисенко».

3-го декабря въ Кіевѣ состоялось собраніе украинскаго Наукового Товарищества, посвященное памяти Н. В. Лисенка. Собраніе открылось рѣчью проф. М. С. Грушевскаго, охарактеризовавшаго значеніе музыкальной дѣятельности покойнаго для украинства. Послѣ проф. Грушевскаго подѣлилась своими воспоминаніями о покойномъ О. П. Косачъ, сообщившая много интересныхъ подробностей о жизни Лисенка въ связи съ развитіемъ украинства. Третій ораторъ, А. А. Русовъ, началъ свой докладъ съ воспоминанія о совмѣстной съ Лисенкомъ поѣздкѣ въ славянскія земли, во время которой Лисенко записалъ массу пѣсенъ различныхъ славянскихъ народовъ, гармонизировалъ ихъ такъ, что въ каждой пѣснѣ ярко вырисовывались національныя особенности той или иной народности.

До Лисенка только Сѣровъ правильно гармонизировалъ украинскія пѣсни; другіе же авторы, какъ Рубецъ, Прачъ, Едличка, основывались на законахъ, свойственныхъ пѣсни великорусской. Своимъ изученіемъ думъ и пѣсенъ кобзаря Вересая Лисенко показалъ, что украинская пѣсня построена не на діатонической гаммѣ, какъ великорусская, а имѣетъ свой хроматизмъ.

Въ тотъ же день, когда въ Кіевѣ состоялось засѣданіе Наукового Товарищества въ память Лисенка, въ Львовѣ Товариществомъ имени Лисенка также устроена была «академія», т.-е., торжественное засѣданіе, посвященное памяти покойнаго. Референтами выступили: проф. В. Шухевичъ и проф. Ф. Колесса, охарактеризовавшіе въ своихъ рѣчахъ музыкальную дѣятельность покойнаго и значеніе ея для украинства. Въ промежуткахъ исполнялись музыкальныя произведенія Лисенка, которыми характеризовались различныя отрасли творчества.

15 и 16 декабря въ кіевскомъ общественномъ собраніи «Родина» поставлено было послѣднее произведеніе Лисенка—одноактная миніатюра-опера «Nocturno» (либретто Л. М. Старицкой-Черняховской).

— 16 декабря въ г. Прилукахъ (Полтавской губ.) устроенъ былъ концертъ памяти Лисенка. Въ качествѣ солистовъ приглашены были кіевскій артистъ Карлашовъ и Тихальскій. Концертъ имѣлъ огромный успѣхъ, несмотря на то, что дня за три до концерта расклеенныя по городу афиши были кѣмъ-то сорваны или испорчены.

— Семьей Н. В. Лисенка получены выраженія сочувствія отъ Лейпцигской консерваторіи, въ которой онъ получилъ музыкальное образованіе, и ряда другихъ учрежденій. Между прочимъ выразила свое сочувствіе семьѣ харьковская городская дума. Полтавское губернское земское собраніе, въ засѣданіи 16-го декабря, почтивъ вставаніемъ память Лисенка, ассигновало 300 руб. на стипендію въ кіевскомъ музыкальномъ училищѣ имени Лисенка для уроженца Золотоношскаго уѣзда.

М. Горькій о Н. В. Лисенко. Украинскій писатель М. М. Коцюбинскій получилъ съ Капри отъ М. Горькаго письмо по поводу похоронъ Н. В. Лисенка. «Смерть Лисенка,—пишетъ М. Горькій,—понимаю какъ огромную потерю, но, читая описаніе его похоронъ,—извините меня за странное, м. г., слово!—ощущаю какую-то дрожь радости въ сердцѣ: какъ любитъ народъ своего человѣка! Какъ глубоко поучительна эта печальная, но такая могучая, прекрасная церемонія проводовъ отслужившаго своему дѣлу человѣка и какъ ясно чувствуешь, что народъ понялъ величіе его труда! Прекрасна и смерть, когда она влечетъ за собою такое возбужденіе жизни, такой пламенный расцвѣтъ чувства любви и почтенія къ усопшему».

Конкурсъ на памятникъ Н. В. Лисенку. Украинскій художественно-архитектурный отдѣлъ харьковскаго Литературно-художественнаго Кружка, желая почтить память умершаго украинскаго композитора Н. В. Лисенко, постановилъ сдѣлать все

отъ него зависящее для того, чтобы доставить безвозмездно лицамъ, взявшимъ на себя постановку памятника на могилѣ покойнаго, проектъ надгробнаго памятника надлежащаго художественнаго достоинства и по стоимости отвѣчающаго имѣющимся для этой цѣли средствамъ. Полагая, что украинскій характеръ будетъ наиболѣе умѣстнымъ въ памятникѣ покойному композитору, всю свою жизнь посвятившему Украинѣ и украинскому искусству, отдѣлъ объявляетъ конкурсъ на составленіе эскизнаго проекта надгробнаго памятника въ украинскомъ стилѣ на могилѣ композитора Н. В. Лисенко, на Байковомъ кладбищѣ въ г. Кіевѣ. За относительно лучшіе проекты будутъ выданы три преміи—100, 75 и 30 рублей. Срокъ представленія проектовъ 31-го марта 1913 года. Подробныя условія конкурса можно получать въ помѣщеніи харьковскаго Литературно-художественнаго Кружка (Харьковъ, улица Гоголя, Польскій домъ, № 4).

Освященіе памятника П. И. Житецкаго. 23-го декабря въ Кіевѣ, на Байковомъ кладбищѣ, состоялось освященіе памятника на могилѣ извѣстнаго дѣятеля украинскаго возрожденія Пав. Игн. Житецкаго. Памятникъ воздвигнутъ на средства, собранныя бывшими учениками покойнаго, совмѣстно съ семьей покойнаго. Памятникъ представляетъ аналой чернаго шведскаго гранита съ крестомъ; аналой поставленъ на темныхъ плитахъ, и на немъ раскрытое Евангеліе съ текстомъ на украинскомъ языкѣ изъ Л у к и г л. X: «Жниво велике, а женців мало; такъ благайте Господа жнива, щоб вислав робітників на жниво свое». На переднемъ фасѣ старинными буквами украинскаго пересопницкаго евангелія XVI в. высѣчены имя, отчество и фамилія покойнаго и даты его рожденія и смерти, а на заднемъ фасѣ помѣщена надпись: «Дорогому учителю—ученики и семья».

Дѣло о «Кобзарѣ». 18-го декабря въ сенатѣ разсмотрѣна была апелляціонная жалоба прис. пов. Грузенберга по дѣлу о запрещеніи пяти изданій полнаго «Кобзаря» Т. Г. Шевченка, выпущенныхъ въ 1908 г. «Благотворительнымъ обществомъ изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» и въ 1911 г. книгоиздательствомъ В. И. Яковенка. По постановленію петербургской судебной палаты уничтожены были напечатанныя въ «Кобзарѣ» поэмы: «Марія, «Юродивий», «Кавказъ» и «Царь Саулъ» и вырѣзаны изъ 21 стихотворенія отдѣльныя фразы. Въ качествѣ повѣреннаго упомянутыхъ выше издательствъ О. О. Грузенбергъ въ своей жалобѣ доказывалъ, что уничтоженныя мѣста не содержатъ ничего противозаконнаго и просилъ разрѣшить ихъ къ печати, за исключеніемъ развѣ изъ осторожности нѣсколькихъ строкъ съ болѣе рѣзкими выраженіями. Дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ, въ присутствіи лишь лицъ, близко стоявшихъ къ инкриминируемымъ изданіямъ. Въ засѣданіи участвовали сенаторы Чебышевъ и Шульгинъ, предсѣдательствовалъ сенаторъ Лутковскій, докладывалъ Позенъ. Прис. пов. Грузенбергъ произнесъ блестящую рѣчь. Послѣ продолжительнаго совѣщанія сенатъ, однако, утвердилъ постановленіе судебной палаты.

Къ сбору пожертвованій на памятникъ Шевченка. Управляющій кіевскимъ учебнымъ округомъ сообщилъ городскому головѣ, что, въ виду отсутствія соотвѣтственнаго разрѣшенія со стороны министерства народнаго просвѣщенія, онъ не находитъ возможнымъ удовлетворить ходатайство городского головы о разрѣшеніи представителямъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній кіевскаго учебнаго округа принять участіе въ сборѣ пожертвованій на устройство памятника Т. Г. Шевченку въ Кіевѣ.

— Отъ одного изъ священниковъ Черниговской губерніи, гдѣ все время ведется административный походъ противъ сборовъ на памятникъ Шевченку, объединеннымъ комитетомъ по сооруженію памятника получено сообщеніе, что «по распоряженію уѣздной полиціи всѣ подписные листы отобрали полицейскіе урядники у всѣхъ священниковъ на томъ основаніи, что сборъ денегъ на памятникъ не разрѣшенъ черниговскимъ губернаторомъ».

Къ ликвидаціи кіевскаго украинскаго клуба. Ликвидаціонная комиссія закрытаго въ Кіевѣ украинскаго клуба закончила свои работы и представила губернатору отчетъ о ликвидаціи дѣлъ клуба.

Походъ противъ подольской «Просвіты». Въ Каменецъ-Подольскѣ 4 декабря неизвѣстно кѣмъ сорваны были съ парадныхъ дверей мѣстной «Просвіты» двѣ таблички—одна съ надписью: «Подільське українське товариство «Просвіта», а другая—съ правилами пользованія библіотекой-читальней. На слѣдующій день въ «Подольскихъ Извѣстіяхъ» появилось объ этомъ сообщеніе подъ заголовкомъ «По-кіевски», а затѣмъ замѣтка съ очень прозрачными намеками на идейныхъ виновниковъ этой хулиганской выходки съ указаніемъ, что-де въ редакціи «Подолянина» (мѣстная черносотенная газета) въ этотъ день было, надо полагать, великое ликованіе. «Подолянинъ» давно уже ведетъ кампанію противъ «Просвіты» и прямо указывалъ на ея опасность, такъ какъ здѣсь легче всего можетъ свить гнѣздо австрофильство; вѣдь до границы всего 20 верстъ. На одномъ изъ вечеровъ въ «Просвітѣ» былъ самъ редакторъ «Подолянина» г. Кононенко, осматривалъ всѣ углы и остановилъ особенное вниманіе н.. выставленныхъ для продажи книгахъ. Наконецъ, 7 и 8 декабря помощникъ полицеймейстера производилъ, по распоряженію губернатора, ревизію дѣлопроизводства, библіотеки и торговли «Просвіты». Ничего незаконнаго, однако, ревизіею не обнаружено. По словамъ «Рады», изъ нѣкоторыхъ подробностей можно было заключить, что ревизія производилась на основаніи чьего-то доноса или же данныхъ, приведенныхъ въ недавно вышедшей книгѣ кіевскаго цензора г. Щеголева «Украинское движеніе».

На памятникъ Т. Г. Шевченку на 1-е декабря собрано было пожертвованій при полтавскомъ земствѣ 45,746 р. 15 к., въ золотоношскомъ земствѣ—5,000 р., при кіевской городской управѣ—66,631 р. 20 к., а всего 116,877 р. 35 к.

Запретный языкъ. На состоявшемся въ Полтавѣ при губернскомъ земствѣ агрономическомъ совѣщаніи при разсмотрѣніи темъ для конкурса на популярныя брошюры и плакаты по сельскому хозяйству постановлено было принимать на конкурсъ только брошюры и плакаты, написанные на русскомъ (а не на украинскомъ) языкѣ. Интересно отмѣтить, что § 2 правилъ конкурса гласитъ: «Языкъ и слогъ брошюръ и плакатовъ долженъ быть таковъ, чтобы его легко понимали полтавскіе хлѣборобы».

Въ декабрьскую сессію полтавскаго губернскаго земства гласный Пирятинскаго уѣзда П. В. Кочубей выступилъ съ заявленіемъ, что въ пояснительной брошюрѣ къ геологической коллекціи, существующей при земскомъ музеѣ, на-ряду съ русскимъ текстомъ напечатанъ и украинскій, и требовалъ воспретить управѣ пользоваться украинскимъ языкомъ. Собраніе возмутилось этой выходкой. Предсѣдатель управы замѣтилъ, что тогда остается разрушить и самое зданіе земства съ украинскими надписями. На сторонѣ Кочубея оказался только переяславскій предводитель дворянства Стороженко. Подавляющее большинство собранія отказалось принять участіе въ баллотировкѣ предложенія, какъ не отвѣчающаго здравому смыслу.

— Рекордъ по части украинобоязни побилъ все-таки Черниговъ. «Утро Россіи» сообщаетъ о слѣдующемъ курьезѣ. Въ Черниговѣ на базарѣ была лавка нѣкоего Танкина съ вывѣской: «Оце Танкина торговля». Черниговская администрація усмотрѣла въ этой «малороссійской вывѣскѣ» крамолу и приказала замѣнить вывѣску русскою.

Противъ Мазепы. Изяславское земство (Волынской губ.) постановило переименовать с. Мазепинцы въ с. Романовское.

Неутвержденіе въ должности. Херсонскій губернаторъ не утвердилъ въ должности бухгалтера овидіопольскаго городского банка Ф. Г. Булата, виновнаго только въ томъ, что онъ—сознательный украинецъ.

Литературное дѣло. Въ 1905—6 г. И. И. Самоненко издалъ въ Кіевѣ литературный сборникъ украинскій декламаторъ «Розвага» въ двухъ томахъ. Спустя 5—6 лѣтъ—въ 1911 г.—временный комитетъ по дѣламъ печати наложилъ арестъ на 1-й томъ сборника во второмъ его изданіи и на 2-й томъ—въ первомъ изданіи. Палата этотъ арестъ утвердила, и противъ И. И. Самоненка возбуждено было преслѣдованіе по 74, 128 и 129 ст. Уг. Ул. Дѣло слушалось въ кіевской палатѣ въ декабрьскую сессію при закрытыхъ дверяхъ. Палата вынесла Самоненку оправдательный приговоръ.

Гибель украинской старины. Въ с. Василевкѣ Брацлавскаго уѣзда Подольской губ. будетъ разобрана старинная козацкая церковь, интересная какъ памятникъ украинской архитектуры, и вмѣсто нея поставлена будетъ новая церковь обычнаго синодальнаго типа.

— Въ Кіевѣ приспособляется подъ женскую гимназію Батцель старинный домъ въ усадьбѣ, принадлежавшей Мазепѣ (уголъ Суворовской ул. и Буташевск. пер., противъ 5-й гимназіи). Стѣны дома необычайно толсты. Подъ домомъ цѣлый лабиринтъ подвальныхъ ходовъ. Около ста лѣтъ назадъ на одноэтажномъ каменномъ домѣ поставленъ былъ второй этажъ, деревянный. Теперь, послѣ передѣлки, отъ мазепинскаго дворца останутся въ прежнемъ видѣ только подвалы и двѣ комнаты.

Музей при «Украінскомъ Науковомъ Товариствѣ» въ Кіевѣ заключаетъ въ себѣ въ настоящее время до 600 предметовъ. Останавливаетъ вниманіе лѣтній костюмъ Шевченка. Интересна огромная трубка изъ могилы около с. Богушевская слобода (Золотоношскаго уѣзда).

Новый кружокъ. Въ г. Севастополѣ 10-го января текущаго года градоначальникомъ утвержденъ уставъ вновь возникающаго музыкально-драматическаго кружка «Украінський Кобзарь».

Реставрація дворца Разумовскаго. Предпринятая въ 1911 году гр. Камиломъ Разумовскимъ реставрація дворца въ Батуринѣ его предка, послѣдняго гетмана Украины, гр. К. Г. Разумовскаго, подвигается впередъ. Дворецъ покрытъ желѣзомъ и надъ нимъ устроены два купола, какъ это было раньше. Возстанавливаются колонны и производится внутренній ремонтъ. На ремонтъ затрачено уже 20 тыс. руб.

Борьба за украинскій университетъ. Вопросъ объ украинскомъ университетѣ остается попрежнему важнѣйшимъ вопросомъ украинской жизни въ Галичинѣ. Несмотря на желаніе намѣстника Галичины Бобржинскаго, опирающагося на консерваторовъ, и предсѣдателя коло Лео съ демократами уладить вопросъ, пути къ соглашенію намѣчены только въ послѣднее время. Украинцы проявили въ университетскомъ вопросѣ, по признанію вѣнской печати, чрезвычайную уступчивость, соглашаясь даже на то, чтобы мѣсто для университета не было опредѣлено заранѣе. Но и это не удовлетворило вшехполяковъ, къ которымъ примкнули и народники «людовцы». Они настаивали на томъ, чтобы въ императорскомъ рескриптѣ по вопросу объ украинскомъ университетѣ было упомянуто о «польскомъ университетѣ во Львовѣ»,—иными словами, чтобы существующій нынѣ утраквистическій университетъ признанъ былъ теперь же, до основанія украинскаго университета, польскимъ. Украинскій парламентскій союзъ, конечно, не могъ согласиться на такое требованіе. Эта тактика, которую львовское «Діло» правильно назвало обструкціонной, заставило украинскій союзъ принять въ декабрѣ постановленіе—начать обструкцію въ бюджетной комиссіи, затягивая принятіе временнаго бюджета.

Члены бюджетной комиссіи Днѣстрянскій, Будзиновскій и Василько, удачно воспользовавшись обструкціей словинцевъ и хорватъ, повели дѣло такъ, что бюджетный вопросъ не былъ улаженъ до Рождества (по нов. стилю), и его пришлось пере-

нести на небывалый въ парламентской практикѣ срокъ—27 декабря. Надо отмѣтить, что общественное мнѣніе Вѣны было на сторонѣ украинцевъ. И вѣнская пресса, и парламентскія партіи прямо заявили, что украинская обструкція имѣетъ моральныя основанія. Передъ Рождествомъ выяснилось, что въ переговорахъ объ украинскомъ университетѣ наступило улучшеніе, и обструкція была прекращена. Заявляя 21 декабря (н. ст.) о прекращеніи обструкціи въ комиссіи, деп. Василько прибавилъ, однако, что украинцы оставляютъ за собой свободу дѣйствій въ пленумѣ. И, такъ какъ соглашенія по университетскому вопросу все-таки не удалось добиться, обструкція была возобновлена при обсужденіи бюджета 27 и 28 декабря.

Между тѣмъ, какъ гр. Штюргкъ предложилъ представителямъ украинскаго союза и польскаго кола новый (по счету пятый) проектъ императорскаго рескрипта.

Основные пункты этого проекта сводятся къ слѣдующему: Украинскій университетъ имѣетъ быть основанъ не позднѣе 1916 г. законодательнымъ актомъ, который долженъ опредѣлить также и мѣсто для университета. До основанія украинскаго университета въ теперешнемъ львовскомъ университетѣ долженъ быть сохраненъ status quo въ отношеніи національныхъ правъ поляковъ и украинцевъ. Если бы законъ объ основаніи украинскаго университета, который правительство имѣетъ внести въ теченіе 1914 г., не былъ принятъ до 1 іюля 1916 г., то съ 1 октября 1916 г., т.-е., съ начала учебнаго года, украинскія каѳедры теперешняго львовскаго университета должны быть административнымъ путемъ выдѣлены во временное университетское учрежденіе (Hochschulanstalt) съ украинскимъ языкомъ въ преподаваніи и управленіи. Съ момента основанія украинскаго университета или университетскаго учрежденія всѣ постановленія о правахъ украинскаго языка въ теперешнемъ львовскомъ университетѣ теряютъ силу, и университетъ этотъ становится чисто польскимъ. Украинскій союзъ согласился на этотъ проектъ.

Коло обсуждало проектъ весь день 28 декабря (н. ст.), а въ парламентѣ въ то же время Будзиновскій и Днѣстрянскій затягивали длинными рѣчами обсужденіе бюджета, чтобы, въ случаѣ несогласія кола, приступить къ обструкціи. Поздно вечеромъ гр. Штюргкъ заявилъ, что коло приняло проектъ. Днѣстрянскій, говорившій въ это время длинную рѣчь, прекратилъ обструкцію. Заявленіе Штюргка оказалось, однако, не вполнѣ точнымъ, такъ какъ резолюція кола серьезно разнится въ деталяхъ отъ предложеннаго гр. Штюргкомъ и принятаго украинскимъ союзомъ проекта. Такимъ образомъ, украинцы, въ сущности, ничего опредѣленнаго не добились обструкціей. Вопросъ все еще не рѣшенъ, и нѣкоторые органы украинской прессы, какъ, напримѣръ, радикальный «Громадський Голос» прямо обвиняютъ гр. Штюргка въ томъ, что онъ обманулъ украинцевъ сообщеніемъ о принятіи коломъ проекта письма съ цѣлью заставить ихъ прекратить обструкцію.

4 января (н. ст.) въ Вѣнѣ состоялась у министра просвѣщенія Гуссарека секретная конференція представителей союза и кола по

университетскому вопросу. Конференція обсуждала проектъ рескрипта и по основнымъ вопросамъ пришла къ соглашенію. Однако, слѣдующее засѣданіе конференціи, назначенное на 9 января, не состоялось и было отложено на неопредѣленное время.

Вшехполяки развили усиленную агитацію противъ украинскаго университета. Они устраиваютъ митинги, на которыхъ выносятся резолюціи съ требованіемъ, чтобы коло согласилось только на такой проектъ императорскаго письма, въ которомъ львовскій университетъ теперь же будетъ признанъ польскимъ, и будетъ опредѣленно указано, что украинскій университетъ не можетъ быть основанъ во Львовѣ.

Къ вшехполякамъ примыкаетъ и польская профессура львовскаго университета, принявшая на собраніи въ университетѣ резолюцію, вполнѣ совпадающую съ требованіями вшехполяковъ. А проф. С. Грабскій не постѣснялся на одномъ изъ собраній прямо угрожать, что, если украинскій университетъ будетъ основанъ во Львовѣ, то повторятся событія, какія были въ Инсбрукѣ, гдѣ нѣмецкіе студенты, подъ предводительствомъ нѣмецкихъ профессоровъ и при участіи нѣмецкой уличной толпы, разгромили помѣщеніе итальянскаго юридическаго факультета.

Избирательная реформа въ галицкій сеймъ. Во время своего пребыванія въ Вѣнѣ, намѣстникъ Галичины Бобржинскій имѣлъ рядъ совѣщаній съ польскими и украинскими политиками по вопросу объ избирательной реформѣ въ галицкій сеймъ. Какъ отмѣчаетъ «Діло», между заинтересованными сторонами наступило значительное сближеніе и есть тенденція уладить вопросъ въ ближайшемъ времени. О томъ, на какихъ основаніяхъ возможно улаженіе вопроса, можно судить по сообщенію «Neue Fr. Press» о предполагаемомъ составѣ галицкаго сейма. Сеймъ будетъ состоять изъ 227 членовъ, среди коихъ украинцы получаютъ 62 мѣста. Вирилистовъ (членовъ по должности) предположено 13, въ томъ числѣ 4 украинца (3 епископа и ректоръ будущаго украинскаго университета), депутатовъ отъ крупнаго землевладѣнія—45, изъ нихъ 1 украинецъ, отъ средняго землевладѣнія 7 (4 украинца), отъ сельскихъ обществъ 100 (45 украинцевъ), отъ городовъ—43 (5 украинцевъ), отъ общей городской куріи 12 (3 украинца), отъ торгово-промышленныхъ палатъ 5 и отъ ремесленныхъ палатъ во Львовѣ и Краковѣ—2 депутата.

Вполнѣ ли это сообщеніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, нельзя сказать, такъ какъ совѣщанія были тайныя.

Дополнительные выборы въ галиційскій сеймъ. Вслѣдствіе смерти гр. С. Бадени, гр. Я. Шептицкаго и д-ра О. Ганчаковскаго, являвшихся представителями въ галицкомъ сеймѣ отъ трехъ восточныхъ уѣздовъ Галичины (Каменка, Струмилова, Яворовъ и Турка), на 30-е (нов. ст.) января назначены выборы въ этихъ мѣстностяхъ по сельской куріи. Хотя изъ трехъ умершихъ депутатовъ двое (гр. Бадени и гр. Шептицкій) были крупными собственниками и членами польскихъ правыхъ пар-

тій, а третій (Ганчаковскій) принадлежалъ къ москвофиламъ, всѣ они прошли въ 1908 г. по сельской куріи въ мѣстностяхъ, населенныхъ украинскимъ народомъ. Это было результатомъ тѣхъ выборныхъ насилій и злоупотребленій, которыя усиленно культивировалъ въ Галичинѣ намѣстникъ гр. А. Потоцкій, убитый, какъ извѣстно, Сичинскимъ «за обиды украинскаго народа». Теперь украинцы хотятъ воспользоваться возможностью хотя отчасти исправить результаты выборовъ 1908 г., когда польско-москвофильское соглашеніе привело къ тому, что въ Бучацкомъ повѣтѣ, въ интересахъ польскаго кандидата, сына покойнаго гр. С. Бадени, была пролита кровь крестьянина-украинца Каганца, а въ Бродскомъ повѣтѣ поляки голосовали за извѣстнаго москвофила Дудыкевича. Украинскія партіи начали усиленную предвыборную агитацію. Состоялись собранія мѣстныхъ политическихъ организацій для обсужденія кандидатуръ на освободившіеся мандаты. На основаніи соглашенія съ повѣтовыми организаціями, главное управленіе украинской націоналъ-демократической партіи «Народный Комітет» выставилъ своихъ кандидатовъ во всѣхъ трехъ повѣтахъ. Два изъ нихъ, Кохановскій и Рожанковскій, предсѣдатели повѣтовыхъ судовъ, третій, С. Баранъ, адвокатъ.

Городскіе выборы во Львовѣ. Львовское городское самоуправленіе, какъ извѣстно, находится въ рукахъ поляковъ и ополяченныхъ евреевъ. Въ львовской городской Радѣ («Думѣ») нѣтъ ни одного украинца, и учрежденіе это всегда занимаетъ въ отношеніи къ украинскому народу самую непримиримую позицію. Поляки считаютъ Львовъ, эту столицу галицкихъ князей, историческій украинскій городъ и центръ восточной Галичины, населенной украинцами, «своимъ» городомъ. Надо признать, впрочемъ, что большинство населенія Львова состоитъ, дѣствительно, изъ поляковъ. Но за послѣднія десятилѣтія Львовъ постепенно украинизируется, и польское населеніе уступаетъ мѣсто украинскому. Даже польская печать признаетъ этотъ фактъ, въ подтвержденіе котораго заимствуемъ изъ польскихъ источниковъ слѣдующія цифры, наглядно характеризующія движеніе львовскаго населенія по вѣроисповѣдному признаку, совпадающему, въ общемъ, съ признакомъ національнымъ, съ 1880 по 1910 г. (въ процентахъ):

ГОДЫ:	уніаты (украинцы)	католики (поляки)	евреи	другіе.
1880	15,9	53.4	28,2	2,5
1890	17,6	52,6	28,2	2,1
1900	18,3	51.7	27,7	2,3
1910	19,1	51,2	27,8	1,9

Насколько быстро растетъ украинское населеніе Львова, можно видѣть изъ того, что въ то время, какъ украинскаго населенія за періодъ 1881—1910 гг. прибыло (въ процентахъ) 124,7, польскаго населенія прибыло 80,0, а еврейскаго—85,4.

И хотя выборы въ львовскую раду, состоявшіеся 16 (нов. ст.) января, и проходившіе, какъ и ранѣе, подъ девизомъ: «Въ польскомъ Львовѣ польская рада», не могли имѣть благопріятнаго для украинцевъ исхода, они выступили въ выборной кампаніи какъ самостоятельная организація, помня, что только борьбою завоевывается признаніе права.

Какъ и слѣдовало ожидать, побѣда оказалась на сторонѣ реакціонныхъ народовыхъ партій, получившихъ 8,088 голосовъ, значительно больше абсолютнаго большинства, необходимаго для избранія (5,727). Украинцы получили 544 голоса, т.-е. 4,75% всѣхъ поданныхъ голосовъ. Такое незначительное количество украинскихъ голосовъ, свидѣтельствующее объ абсентеизмѣ украинскихъ избирателей, дало поводъ украинской прессѣ обрушиться на украинское общество Львова съ горькимъ укоромъ.

Партійные съѣзды въ Галичинѣ. 25 и 26 декабря (нов. ст.) во Львовѣ состоялся рядъ съѣздовъ украинскихъ политическихъ партій Галичины. Самымъ многолюднымъ и импонирующимъ былъ съѣздъ наиболѣе значительной по численности и вліянію изъ украинскихъ партій—національно-демократической. На этотъ «Народний З'ізд» собралось 468 представителей повѣтовыхъ націоналъ-демократическихъ организацій, а также рядъ украинскихъ депутатовъ парламента и галицкаго сейма. Предсѣдатель украинскаго парламентскаго союза Кость Левицкій представилъ съѣзду отчетъ о дѣятельности союза въ 1912 г. Въ отчетѣ этомъ онъ между прочимъ отмѣтилъ, что въ истекшемъ году украинскій вопросъ въ Австріи пересталъ быть домашнимъ вопросомъ галицкихъ поляковъ и выступилъ какъ вопросъ государственный, привлекая къ себѣ вниманіе не только въ Австріи, но и за ея границами. «Правда,—говорилъ К. Левицкій,—это освободительное движеніе украинскаго народа въ Австріи вызвало еще большія репрессіи въ закардонной Украинѣ, но, съ другой стороны, украинскій народъ сдѣлался объектомъ международнаго соперничества Австріи и Россіи, а тѣмъ самымъ и стимуломъ не только во внутренней, но и въ иностранной политикѣ австрійскаго государства». Вопросъ о политической позиціи галицкаго украинства представленъ былъ въ докладѣ Л. Цегельскаго, который находилъ, что въ случаѣ вооруженнаго столкновенія между Австріей и Россіей національные украинскіе интересы заставляютъ галицкихъ украинцевъ стоять на сторонѣ Австріи.

Съѣздъ одобрилъ дѣятельность украинскихъ представителей въ парламентѣ и сеймѣ и принялъ рядъ резолюцій. По университетскому вопросу съѣздъ постановилъ добиваться основанія въ ближайшемъ времени украинскаго университета во Львовѣ путемъ раздѣленія существующаго университета на польскій и украинскій. По поводу избирательной реформы въ галицкій сеймъ съѣздъ отстаивалъ требованіе 30 проц. сеймовыхъ мандатовъ для украинскаго народа и протестовалъ противъ созданія новой куріи, такъ-называемаго средняго землевладѣнія. По вопросу о позиціи галицкаго украинства въ связи съ международной ситуаціей, съѣздъ

принялъ рядъ резолюцій, въ направленіи, намѣченномъ въ докладѣ Цегельскаго.

Одновременно съ съѣздомъ націоналъ-демократовъ происходилъ съѣздъ украинской радикальной партіи, на который собралось около 100 делегатовъ, преимущественно крестьянъ. Истекшій годъ былъ тяжелою для галицкаго крестьянства годиной. Дожди сгноили хлѣбъ на поляхъ, крестьяне принуждены обратиться за помощью къ ростовщикамъ, а впереди имъ грозятъ голодъ и война. Эти условія неблагопріятно отразились и на дѣятельности радикальной партіи,—крестьянской по преимуществу,— и на ея бюджетѣ. На съѣздѣ, кромѣ обычныхъ отчетовъ о дѣятельности радикальныхъ депутатовъ въ парламентѣ и сеймѣ, поднятъ былъ вопросъ о полной реорганизаціи партіи на основѣ новой программы. Вопросъ этотъ рѣшено передать на обсужденіе правленія партіи. Кромѣ ряда резолюцій по вопросамъ внутренней политики,—каковы: требованіе 31 проц. сеймовыхъ мандатовъ, протестъ противъ куріи средняго землевладѣнія и т. д.,—съѣздъ принялъ рѣзкую резолюцію въ связи съ международнымъ положеніемъ, сходную въ основѣ съ резолюціей національно-демократическаго съѣзда. Самымъ интереснымъ моментомъ съѣзда было выступленіе извѣстнаго украинскаго писателя Василя Стефаника съ рѣчью о положеніи галицкаго крестьянства. Его талантъ психолога-бытописателя сказался и въ этой рѣчи. Стефаникъ указывалъ, что даже эмиграція на заработки въ Пруссію и Америку не приноситъ крестьянамъ почти ничего, такъ какъ деньги уходятъ на уплату ростовщикамъ. Крестьяне долго жили въ кредитъ, пока не нашли, безъ всякой помощи со стороны, эту «дыру» для выхода изъ своего безотраднаго положенія, которая, однако, не является выходомъ. Измѣнилась и душа крестьянина. Онъ уже не тотъ, какимъ былъ, когда партія начинала свою дѣятельность. Изъ нѣмецкихъ копей и фермъ и американскихъ фабрикъ на него повѣяло инымъ духомъ. Духъ этотъ каждый день приноситъ въ галицкія села почта. Душа народа измѣнилась.

Трогательное отношеніе къ партіи проявили крестьяне-делегаты, жертвовавшіе свои трудовые гроши на пополненіе бюджета...

26 декабря состоялось собраніе клерикальнаго «христіянсько-суспільнаго союза» (союза христіанскихъ соціалистовъ), на которомъ также обсуждался вопросъ о международномъ положеніи.

Странное впечатлѣніе оставляетъ сообщеніе «Прикарпатской Руси» о собраніи организацій москвофиловъ изъ лагеря Дудыкевича—«Народнаго Совѣта» и «Русской Рады». «Народный Совѣтъ», напр., увѣрялъ, будто «русское крестьянство» Галиціи готово, въ связи съ репрессіями противъ «русскаго національнаго движенія», къ бунту, но «Нар. Совѣтъ» удерживаетъ крестьянъ, убѣждая ихъ сохранять «невозмутимое хладнокровіе». Постановленія «Нар. Совѣта» оставлены почему-то въ секретѣ.

Украинскій архитектурно-художественный отдѣлъ при Харьковскомъ Литературно-Художественномъ кружкѣ. При открытомъ въ Харьковѣ «Литературно-Художественномъ Кружкѣ» недавно сорганизовался украинскій архитектурно-художественный отдѣлъ, который ставитъ цѣлью возможно широкое распространеніе украинскаго стиля и украинскаго искусства вообще. Во главѣ этого отдѣла сталъ извѣстный украинскій художникъ С. И. Васильковскій, который и сгруппировалъ вокругъ себя почти всѣ мѣстныя украинскія архитектурныя и художественныя силы. Между прочимъ, сюда вошли архитекторы С. П. Тимашенко, К. Н. Жуковъ и О. У. Линникъ, работы которыхъ въ украинскомъ стилѣ извѣстны харьковцамъ по постройкѣ дома г. Бойко (проектъ г. Тимошенка) и по фасаду «Городского художественнаго училища» (первая премія по конкурсу—работа г. Жукова).

На первое время отдѣлъ довольно оживленно началъ свою дѣятельность: ему пришлось выдержать споръ съ причтомъ Христо-Рождественской церкви, который занялся передѣлкой церковныхъ куполовъ. Церковь представляетъ собою прекрасный примѣръ старинной украинской архитектуры, и было бы очень печально, если бы, благодаря невѣжеству причта, купола были передѣланы. Споръ между украинскимъ отдѣломъ «Литературно-Художественнаго Кружка» и причтомъ не ограничился обмѣномъ писемъ въ мѣстныхъ газетахъ, а дошелъ даже до Императорскаго археологическаго общества. Послѣднее всецѣло стало на сторону желаній отдѣла и черезъ мѣстнаго архіерея содѣйствовало реставраціи уже испорченной церкви.

Первый успѣхъ отдѣла долженъ придать энергію и бодрость для дальнѣйшей полезной работы его на пользу родного искусства, а работа предстоитъ отдѣлу большая, ибо жизнь требуетъ указаній на этомъ новомъ пути. Такъ, напримѣръ, намъ извѣстно, что полтавская земская управа обратилась къ отдѣлу за совѣтомъ, какъ лучше организовать украинскую рисовальную школу для кустарей. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій украинскій отдѣлъ выработалъ программу наукъ въ этой школѣ, приспособленную къ потребностямъ простого кустаря, желая содѣйствовать развитію родного искусства. Вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣлъ исчислилъ и смѣту денежныхъ расходовъ, необходимыхъ для организаціи такой рисовальной школы. Небольшая сумма связанныхъ съ этимъ расходовъ позволяетъ надѣяться на скорое осуществленіе этого чрезвычайно полезнаго намѣренія полтавскаго земства. Далѣе, волчанское земство поручило члену отдѣла г. Жукову постройку народной аудиторіи въ украинскомъ стилѣ. Мѣстное украинское общество ожидаетъ отъ отдѣла докладовъ объ украинскомъ стилѣ и т. п.

Наконецъ, интересно упомянуть, что возникновеніе этого чрезвычайно желательнаго украинскаго отдѣла произошло всецѣло благодаря россійской организаціи «Литературно-Художественнаго Кружка», которая охотно пошла навстрѣчу организаторамъ дѣла

и дала возможность начать дѣятельность отдѣла. Это тѣмъ болѣе любопытно, что мысль о необходимости такого отдѣла первоначально возникла въ средѣ членовъ «Литературно-художественно-этнографическаго общества имени Квитки-Основьяненка», но встрѣтила тамъ совершенно-непонятныя препятствія со стороны совѣта общества, которыя закончились выходомъ изъ общества цѣлой группы членовъ.

Украинскіе артисты за границей. I—Соломея Крушельницька. Извѣстная оперная пѣвица Соломея Крушельницкая, украинка по происхожденію и по идейнымъ симпатіямъ, не перестаетъ обращать на себя вниманіе музыкальнаго міра. Вотъ что пишетъ, между прочимъ, о ней нѣмецкій музыкальный критикъ C. Droste въ одномъ изъ послѣднихъ №№ „Neue Music-Zeitung“: «Всѣ друзья музыки, вѣроятно, помнятъ, какъ въ свое время извѣстная опера Рихарда Штрауса «Саломея» обошла въ продолженіе короткаго срока и съ большимъ успѣхомъ нѣмецкія сцены и какъ послѣ этой оперы и съ такимъ же успѣхомъ была поставлена «Электра» того же композитора. Въ то время до насъ долетѣла вѣсть, что самый большой итальянскій оперный театръ «Скаля» рѣшилъ поставить эти оперы на своей сценѣ, въ итальянскомъ переводѣ съ помощью итальянскихъ артистовъ. И дѣйствительно, въ непродолжительномъ времени на сценѣ упомянутой оперы были поставлены «Саломея» и «Электра». Обѣ онѣ понравились публикѣ, хотя передъ постановкой и возникли сомнѣнія на этотъ счетъ. Успѣхъ обоихъ оперъ безспорно долженъ быть приписанъ исключительному исполненію главныхъ ролей Соломеей Крушельницкой. Правда, еще раньше она пріобрѣла извѣстность и славу какъ исполнительница вагнеровскихъ оперъ, главнымъ образомъ ролей Брунгильды и Изольды, но въ исполненіи трудныхъ женскихъ персонажей оперъ Штрауса Крушельницька переросла самое себя. Соломея Крушельницька, какъ показываетъ и ея фамилія,—славянка по происхожденію, но современемъ благодаря ассимиляціи въ способахъ мышленія и чувства, а главнымъ образомъ какъ артистка стала итальянкой. Родилась она въ австрійской Польшѣ (sic!), во Львовѣ, и происходитъ изъ старинной украинской семьи, издавна культивировавшей музыку. Уже въ десятилѣтнемъ возрастѣ обратила на себя вниманіе необычными способностями въ игрѣ на фортепіано, а на двадцатомъ году стала выступать на благотворительныхъ спектакляхъ. При поддержкѣ семьи Крушельницька поступила во львовскую консерваторію, которую и окончила, послѣ трехлѣтняго пребыванія, съ двумя знаками отличія по классу игры на фортепіано и пѣнія. Стремясь закончить свое музыкальное образованіе, Крушельницька уѣхала въ Миланъ, и въ 1898 г. дебютировала въ Кремонѣ и Пармѣ съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Съ этого времени начинается правильная артистическая дѣятель-

ность молодой артистки. Она выступаетъ не только на сценѣ большихъ оперныхъ театровъ Италіи, но собираетъ лавры во время своего артистическаго турнэ въ Одессѣ, Петербургѣ, Варшавѣ, Вѣнѣ и др. городахъ. Обладая знаніемъ всѣхъ почти европейскихъ языковъ, Крушельницька въ продолженіе короткаго времени стала международной оперной артисткой, выступая на гастроляхъ въ Испаніи, Португаліи, Аргентинѣ и т. д. Въ 1903 г. она возвращается въ Италію, гдѣ выступаетъ въ Неаполѣ, въ театрѣ Санъ-Карло, въ «Богемѣ» (опера Пучини) и ораторіи «Моисей» (Пероси). Черезъ годъ несравненнымъ исполненіемъ роли «Madam Butterfly» (опера Пучини) Крушельницька еще болѣе укрѣпляетъ за собой славу крупной артистки. Изъ другихъ выдающихся партій ея репертуара слѣдуетъ упомянуть о вагнеровскихъ роляхъ Эльзы и Елизаветы, потомъ Аиды, Валентины, Джіоконды, Льорелiи, Маргариты и мн. др. Послѣ всего сказаннаго выше мы не ошибемся, если назовемъ Крушельницьку самой крупной современной пѣвицей Италіи. Ея голосовой органъ завоевываетъ слушателя своеобразнымъ тембромъ, очаровывая его природной привлекательностью. Голосовая техника пѣвицы стоитъ выше похвалъ, и, благодаря этому, Крушельницька отваживается создавать самыя разнообразныя артистическія задачи (какъ, напр., Мими—Изольда—Саломея). Точно также и ея индивидуальность и стиль ея игры даютъ ей возможность при различныхъ условіяхъ создавать всегда нѣчто новое, отличное, своеобразное. Творческія возможности Крушельницькой кажутся неограниченными, а огонь ея «артистической страсти приковываетъ къ себѣ слушателей». Украинское «Жіноче Діло», откуда мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, къ статьѣ г. Дросте, изобилующей нѣкоторыми неточностями и ошибками, дѣлаетъ съ своей стороны поправки и дополненія, касающіяся біографіи и артистической дѣятельности украинской артистки. Согласно этимъ поправкамъ, Крушельницька родилась не во Львовѣ, а въ с. Билявенцяхъ Бучацького уѣзда (Галиція), гдѣ ея отецъ, очень музыкальный человѣкъ, былъ священникомъ. Первые уроки теоріи музыки и игры на фортепіано онъ-то и преподалъ своей дочери, послѣ чего Соломея беретъ уроки музыки и пѣнія у проф. Вшелячинського въ Тернополѣ, выступая одновременно солисткой въ тернопільскихъ хоровыхъ концертахъ. Въ 1892 г. она поступаетъ во львовскую консерваторію, откуда черезъ два года уѣзжаетъ въ Миланъ. Въ Галиціи Крушельницька выступаетъ впервые въ 1893 г. въ оперѣ Доницетти «Фаворитка» и Масканьи «Сельская честь». Послѣ этого возвращается снова въ Италію, гдѣ продолжаетъ свое музыкальное образованіе и выступаетъ на итальянской оперной сценѣ, пріобрѣтая крупную извѣстность и славу. Слѣдуетъ отмѣтить, что, хотя С. Крушельницька получила образованіе въ Италіи и прониклась духомъ итальянской музыки, но осталась искренней, сознательной украинкой, интересующейся судьбами своей родины и принимающей посильное участіе въ ея національномъ и культурномъ развитіи. Во время своихъ пріѣздовъ на родину Крушельницька

охотно выступаетъ въ украинскихъ концертахъ и вечерахъ, устраиваемыхъ съ національно-культурными цѣлями.

Къ юбилею І. Франка. Въ нынѣшнемъ году, какъ извѣстно, исполняется сорокалѣтній юбилей литературной дѣятельности украинскаго писателя, ученаго и общественнаго дѣятеля Івана Франка. Украинцы хотятъ должнымъ образомъ ознаменовать это событіе въ жизни выдающагося дѣятеля новѣйшей украинской исторіи. Одною изъ формъ этого ознаменованія является идея о національномъ дарѣ І. Франку. Съ цѣлью привлечь къ участію въ немъ возможно болѣе широкіе круги украинскаго общества, виднѣйшія украинскія учрежденія издали въ Галиціи слѣдующее воззваніе къ обществу:

«Въ 1913 году исполняется сорокъ лѣтъ со времени выступленія на литературную ниву самаго замѣчательнаго писателя Галицкой Украины Івана Франка. На протяженіи этихъ лѣтъ изъ-подъ его неутомимаго пера выходили многочисленныя поэтическія произведенія,—драмы, разсказы, повѣсти, научныя изслѣдованія, критическія и публицистическія статьи,—словомъ, онъ развилъ такую широкую и многостороннюю литературную дѣятельность, какъ никто другой ни до, ни послѣ него. Кромѣ этого онъ является однимъ изъ творцовъ политическаго движенія среди народныхъ массъ. И никто другой съ большимъ правомъ не можетъ сказать, что всю свою жизнь, всѣ знанія, весь трудъ посвятилъ исключительно родному народу. Ни недовѣріе земляковъ, ни преслѣдованія чужихъ его не страшили; не гнался онъ ни за карьерою, ни за положеніемъ въ обществѣ, ни за состояніемъ и никогда не укорялъ общество въ томъ, что оно не доставило ему всего этого. Если же когда-либо и вырывались у него укоры, бросались слова горькой правды и боли, то всегда и вездѣ по мотивамъ идеальнымъ, какъ выраженіе любви къ народу.

Свою писательскую службу народу началъ онъ въ то время, когда украинская національная мысль только лишь выпускала первые робкіе ростки. Вслѣдствіе этого его дѣятельность носила боевой революціонный характеръ и вмѣстѣ съ этимъ была сопряжена съ самопожертвованіемъ и отреченіемъ отъ тѣхъ матеріальныхъ благъ, какія выпадаютъ на долю писателямъ подобной величины у культурныхъ народовъ.

Намъ, дѣтямъ нынѣшняго дня, трудно представить себѣ все величіе заслугъ Івана Франка въ національной жизни нашего народа; лишь только при свѣтѣ исторической перспективы можемъ мы увидѣть и понять, какую огромную часть нашего нынѣшняго міровоззрѣнія, нашей національной культуры и силы получили мы отъ Івана Франка. Было время, когда все то, что въ нашемъ національномъ пріобрѣтеніи могло носить имя самосознанія, культуры, прогресса, гуманности, демократизма,—все это ограничивалось небольшимъ кружкомъ единицъ съ Иваномъ

Франкомъ во главѣ. Сопоставимъ украинскую литературу до 70-хъ гг. съ нынѣшней, измѣримъ разстояніе между ними—и мы получимъ критерій для оцѣнки Ивана Франка, какъ поэта; сравнимъ научный багажъ тогдашней Украины съ нынѣшнимъ—и мы поймемъ Ивана Франка, какъ ученаго, выяснимъ себѣ разницу нашей общественной жизни въ началѣ и концѣ этого сорокалѣтія—увидимъ Франка, какъ общественнаго дѣятеля!

Понявъ это, мы почувствуемъ, какая національная обязанность лежитъ на нашемъ обществѣ во время его сорокалѣтняго юбилея. Мы должны выразить уваженіе и благодарность ему не только лишь на словахъ, въ статьяхъ и юбилейныхъ торжествахъ; мы должны теперь дать то, чего не въ состояніи были дать раньше, т.-е. избавить его, хотя бы къ старости, отъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ. А эта забота теперь еще больше давитъ его измученную голову, чѣмъ когда бы то ни было раньше.

Не въ силахъ мы были доставить нашему великому писателю ни университетской каѳедры, ни какого-либо другого достойнаго ему мѣста, а равно и возможности получать доходы отъ своихъ твореній. Теперь же пусть будетъ ю б и л е й н ы й д а р ъ отъ всего украинскаго общества хоть частичной оплатой его трудовъ. На протяженіи 1913 года пусть поплывутъ денежныя жертвы съ цѣлой Украины отъ богатыхъ и бѣдныхъ, отъ интеллигентовъ, крестьянъ и рабочихъ, пусть явится доказательство того, что украинцы умѣютъ цѣнить своихъ заслуженныхъ людей не только по смерти ихъ, но и при жизни».

Помѣщая настоящее воззваніе, мы съ своей стороны горячо поддерживаемъ идею національнаго дара нашему яркому и неутомимому національному дѣятелю. Желая ознакомить читателей «Украинской Жизни» болѣе обстоятельно съ многочисленными заслугами Франка въ возрожденіи Украины, редакція предполагаетъ дать въ 1913 г. рядъ статей о немъ.

Концертъ «Просвіти» въ Екатеринославѣ. Въ «Южной Зарѣ» находимъ описаніе интереснаго вечера, устроеннаго въ Екатеринославѣ «Просвітою». Не часто приходится видѣть такое единодушное выраженіе искренняго удовольствія, какое замѣчалось на вечерѣ,—говоритъ сотрудникъ мѣстной газеты.

Съ большимъ интересомъ была прослушана предшествовавшая концерту лекція Д. И. Дорошенка о происхожденіи, исторіи и значеніи колядокъ. Колядки—римскія «календы»—пришли на Кіевскую Русь съ христіанствомъ и торговлей изъ Византіи, куда онѣ были занесены изъ Рима. У славянъ колядныя празднованія нашли благодарную почву въ празднованіяхъ языческо-земледѣльческаго культа солнца, съ которыми они совпадали и по времени, и по смыслу. Въ теченіе девятисотъ лѣтъ

колядки подвергались гоненіямъ и преслѣдованіямъ со стороны духовенства и административной власти, вслѣдствіе явно выраженнаго языческаго жизнерадостнаго содержанія ихъ. Болѣе дальновидное теченіе въ духовенствѣ пыталось примирить существующій обычай съ обычаями христіанства, и такимъ образомъ создался новый циклъ колядокъ, въ которомъ есть указаніе на міропониманіе христіанское. Помимо рожденія Христа, темами колядокъ чаще всего являются ожиданіе хорошаго года и призываніе счастья и добра на домъ прославляемаго хозяина дома. Въ нѣкоторыхъ колядкахъ сохранилось воспоминаніе о дружинно-княжескомъ періодѣ; такъ, въ двухъ приведенныхъ лекторомъ дословно колядкахъ говорится о томъ, какъ собирается дружина, идетъ на Дунай, беретъ богатую добычу и потомъ ее дѣлитъ. Затѣмъ лекторъ предложилъ прослушать самыя колядки, и на сцену выступилъ хоръ изъ 60-ти человѣкъ подъ управленіемъ В. Е. Петрушевскаго.

Первые аккорды, родные, съ дѣтства знакомые, но полузабытые въ городской, «европейской» сутолокѣ, производятъ впечатлѣніе потрясающее... Весь залъ замеръ, обратившись въ слухъ. Пропѣли пять колядокъ: «Добрий вечір тобі», «Нова радость стала», «Святий вечір», «Що то за предиво» и «Ой сивая та і зозуленька».

Начиная со второй изъ нихъ, публика требуетъ повторенія каждаго номера. И не напрасно: музыка колядокъ замѣчательно красива и исполненіе вполнѣ соотвѣтствовало ей.

Очень симпатичное впечатлѣніе произвелъ и сельскій оркестръ, составленный г. Динабургскимъ; онъ состоялъ изъ трехъ скрипокъ, двухъ сопілокъ, баса и бубна. Очень мило сыграли колядку «Ой хто, хто Миколая любить», «Де згода въ семействі», дуэтъ на сопілкахъ «Я бачив, як вітер» и красиво составленное попури изъ украинскихъ пѣсенъ. Сопілки въ струнномъ окрестрѣ звучатъ очень красиво.

Затѣмъ снова выступилъ хоръ и исполнилъ «Вечерниці» Нищинскаго. Исполненіе безукоризненное, ничѣмъ не уступающее исполненію оперныхъ хоровъ. «По синьому морю» въ исполненіи такого сильнаго и красиваго тенора, какъ г. Казачковскій, было положительно великолѣпно.

— Надо,—добавляетъ авторъ отчета М. Новицкій,—отдать должное регентско-организаторскому таланту преподавателя 1-го коммерческаго училища В. Е. Петрушевскаго, который въ восемь репетицій создалъ такое прекрасное хоровое исполненіе. Если еще принять во вниманіе, что организацію хора «Просвіти» г. Петрушевскій взялъ на себя безвозмездно, то становится очевиднымъ, что въ лицѣ его и его хора «Просвіта» пріобрѣтаетъ драгоцѣнныхъ сотрудниковъ, которые дадутъ «Просвітѣ» возможность провести въ жизнь одну изъ насущнѣйшихъ задачъ своихъ: популяризировать самое красивое и драгоцѣнное въ нашемъ народномъ творчествѣ—пѣсню народа.

Изъ жизни украинской колоніи въ Москвѣ. Всѣ черты, свойственныя жизни національныхъ колоній вообще, съ особенной силой сказались и въ средѣ московской украинской колоніи въ истекшемъ осеннемъ сезонѣ 1912 года.

Всѣ черты, свойственныя жизни національныхъ колоній вообще, съ особенной силой сказались и въ средѣ московской украинской колоніи въ истекшемъ осеннемъ сезонѣ 1912 года.

Тотъ же разношерстный по соціальному положенію составъ, та же разъединенность и отчужденность между членами, то же взаимное непониманіе между стариками и молодыми, то же отсутствіе стройной планомѣрной работы въ дѣлѣ развитія національнаго сознанія среди живущихъ иной культурой и иными запросами представителей колоніи.

Конечно, жаловаться особенно на такое положеніе вещей не приходится, такъ какъ организаціи, дѣйствующія въ колоніи, все-же производятъ нѣкоторый минимумъ культурной работы и пытаются хоть немного удовлетворить духовнымъ запросамъ своихъ сочленовъ.

Въ украинской секціи, кромѣ докладовъ А. Ѳ. Саликовскаго и И. Я. Стеллецкаго, о чемъ уже писалось въ «Укр. Ж.», 29-го ноября состоялось собраніе, на которомъ И. В. Поповымъ былъ прочитанъ докладъ на тему: «Два періода въ творчествѣ В. Винниченка». Докладчикъ сопоставлялъ два момента въ развитіи творчества Винниченка: первый заключалъ въ себѣ проповѣдь коллективизма, которая въ дальнѣйшемъ перешла въ проповѣдь индивидуализма. Разборомъ такихъ произведеній Винниченка, какъ «Шаблі життя», «Честность съ собою» и др., г. Поповъ доказывалъ то, что Винниченко, считая себя соціалистомъ, сталъ на совершенно иную почву; его призывъ къ честности съ самимъ собою, къ созданію новой, лучшей морали,—это та же проповѣдь стать на четвереньки.

Музыкаьно-драматическій кружокъ «Кобзарь» продолжалъ все ту же работу, въ большинствѣ случаевъ недалеко идущую въ направленіи національно-сознательной жизни, а большею частью ограничивающуюся чисто музыкальной стороной дѣла.

Правда, среди ряда вечеринокъ, устроенныхъ «Кобзаремъ», двѣ изъ нихъ носили совершенно иной, изъ ряда вонъ выходящій характеръ.

Такъ, на одной изъ нихъ, 11-го ноября, г. С. В. Петлюрою былъ прочитанъ рефератъ на тему: «Іван Франко, як поет національной чести і національного сорому». Содержаніе этого реферата будетъ воспроизведено въ одной изъ послѣдующихъ книжекъ «Украинской Жизни». Интереснымъ дополненіемъ къ реферату служили музыкальныя иллюстраціи на слова Франка, превосходно исполненныя хоромъ подъ управленіемъ Б. В. Подгорѣцкаго, артисткою г. Миллеръ и др.

15-го декабря также была устроена вечеринка, посвященная украинской народной музыкѣ. А. Л. Масловъ прочиталъ докладъ

на эту тему, использовавъ въ качествѣ матеріала для иллюстраціи своихъ положеній записи народныхъ пѣсенъ, сдѣланныя экспедиціей музыкально-этнографической комиссіи при московскомъ Обществѣ любителей естествознанія, антропологіи и географіи. Интересное содержаніе доклада, напечатаннаго въ 12-й книжкѣ «Украинской Жизни», а также исполненіе оригинальныхъ и своеобразныхъ записей хоромъ подъ управленіемъ Б. В. Подгорѣцкаго имѣли у собравшейся публики вполнѣ заслуженный успѣхъ.

Библіографія.

Венгерскій трудъ по національному вопросу.

Нигдѣ національный вопросъ не поставленъ на порядокъ дня въ болѣе острой и злободневной формѣ, чѣмъ въ Венгріи, ибо нигдѣ—даже въ славящейся своей политической національфагіей Габсбургской монархіи — національный шовнизмъ не дошелъ до такого государственно-національстическаго delirium tremens, какъ здѣсь. Мадьяризація многочисленнаго и весьма неоднороднаго «инородческаго» населенія стала въ буквальномъ смыслѣ государственной религіей руководящихъ венгерскихъ сферъ. „Magyar állam észme“ (мадьярская государственная идея)—это главный догматъ упомянутой религіи, можно сказать—idée fixe мадьярскихъ шовинистовъ, не только мечтающихъ о полнѣйшей національной унификаціи Венгріи, но,—что особенно поразительно,—глубоко убѣжденныхъ въ наличности факта національнаго единства транслейтанской части Габсбургскаго государства. Относительно національнаго вопроса почти всѣ мадьяры, за исключеніемъ соціалистическаго пролетаріата и незначительной группы молодой венгерской демократіи, придерживаются одной и той же идеологіи, крайне шовинистической и мадьяризаторской по своимъ тенденціямъ.

Въ послѣднее время упомянутая мадьярская демократія объединилась для совмѣстной планомѣрной и систематической работы въ области практической политики и соціологіи. Общественнымъ центромъ ея дѣятельности является извѣстное венгерское «Соціологическое Общество» (Társa dalomtudományi Társaság). Теоретическимъ ея выразителемъ служитъ журналъ „Huszadik Szazad“ («Двадцатое Столѣтіе»), редактируемый выдающимся венгерскимъ соціологомъ и однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ представителей демократическаго теченія въ мадьярскомъ обществѣ, проф. Оскаромъ Яси (Oskár Jászi).

Вполнѣ естественно, что названное демократическое теченіе среди мадьяръ особенно много удѣляетъ вниманія національной проблемѣ, являющейся осью венгерской внутренней политической жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросомъ политическаго бытія Венгріи.

Въ прошломъ (1912) году въ Будапештѣ появился большой трудъ O. Jászi, спеціально посвященный соціологически-научному изслѣдованію національнаго вопроса. Я имѣю въ виду его монографію „A nemzeti állomok kialakulása és a nemzeti segi kérdes“ (Будапештъ, 1912, стр. 544, цѣна 9 кронъ), т.-е. «Развитіе національныхъ государствъ и національнаго вопроса». Объ этомъ трудѣ въ словацкомъ журналѣ „Prúdy“ (1912 г., №№ 9—10) появился

довольно подробный отчетъ, послужившій источникомъ для настоящей замѣтки.

Работа венгерскаго соціолога является выраженіемъ взгляда мадьярской прогрессивной демократіи на національный вопросъ въ Венгріи. Однако въ работѣ этой національная проблема изслѣдована и представлена въ болѣе широкомъ масштабѣ, а именно въ полномъ, хотя и сжато очерченномъ, объемѣ своей исторической эволюціи. Задачей названнаго труда авторъ поставилъ изслѣдованіе слѣдующихъ вопросовъ: какъ возникли національные государства и національныя стремленія? чѣмъ отличается современное развитіе государствъ отъ минувшихъ государственныхъ формъ? какъ возникло въ нихъ ассимиляціонное стремленіе и каково его направленіе? каково скрытое содержаніе конфликта между національной идеей и національнымъ (въ смыслѣ государственно-политическомъ) движеніемъ?

Авторъ различаетъ термины: національность и нація. Второй онъ употребляетъ въ смыслѣ государственномъ для обозначенія народовъ, не имѣющихъ самостоятельнаго политическаго и государственнаго бытія. Напримѣръ, по терминологіи O. Jászi, въ Россіи націей можно назвать только воликорусскій народъ, всѣ же русскіе «инородцы»—въ томъ числѣ поляки и финляндцы—являются «народностями». Современная форма государства построена на принципѣ всесторонняго гражданскаго равноправія. Полнѣйшую его противоположность составляетъ государство феодальное. Національная форма государства смѣняетъ феодальную, разрушая эту послѣднюю. «Національная проблема,—говоритъ авторъ,—во всемъ мірѣ возникаетъ какъ физическая потребность лишь тогда, когда государство переходитъ изъ феодальной формы въ современную... и если при этомъ... сталкивается съ неоднородными, въ смыслѣ языка, массами, т.-е. народностями». «Національнымъ вопросомъ,—говоритъ Jászi въ другомъ мѣстѣ своего труда,—называемъ мы ту борьбу, которую національные элементы ведутъ съ господствующей народностью (т.-е. народомъ)».

Венгерскій ученый отрицательно относится къ насильственной ассимиляціи, т.-е. принудительной денаціонализаціи, считая ее безцѣльной. Естественная, мирная ассимиляція возможна (Америка), однако только до тѣхъ поръ, пока негосударственныя народности не доразвились еще до сознанія своей національной самобытности. Если же въ Европѣ повсюду распространена насильственная ассимиляція (Россія, Германія), то это свидѣтельствуетъ о томъ, что европейскія государства являются и до сихъ поръ государствами феодальными, которыя зиждутся на принципѣ политическаго насилія.

Вполнѣ понятно, что венгерскій соціологъ удѣляетъ въ своей монографіи спеціальное мѣсто изслѣдованію вопроса о происхожденіи идеи мадьярскаго національнаго единства. Не менѣе понятно, что авторъ при этомъ вполнѣ отвергаетъ общепринятыя въ мадьярскомъ обществѣ теоріи офиціальныхъ историковъ, пытающихся доказать и утверждающихъ, что венгерское государство съ самаго своего начала въ національномъ отношеніи было

однородно. По мнѣнію автора, венгерская революція 1848—49 гг. была подавлена какъ-разъ потому, что тогдашніе мадьярскіе революціонные круги не попытались привлечь къ своему дѣлу «инородческую» массу и только въ послѣднемъ критическомъ моментѣ попытались это сдѣлать, провозгласивъ 21-го іюля 1849 г. принципъ національной равноправности. Однако, эта попытка была сдѣлана слишкомъ поздно, когда предотвратить пораженіе революціи было уже невозможно. Впослѣдствіи, въ 1868 г., послѣ введенія въ Венгріи конституціи, была сдѣлана попытка рѣшенія національнаго вопроса: былъ изданъ спеціальный законъ о національной равноправности, далеко не полной и ограничивающей развитіе національнаго партикуляризма. Въ основу этого закона (64 § венгерскаго основнаго законодательства) была положена извѣстная теорія венгерскаго политика Eötvös'a, рѣшающая національный вопросъ абстрактно и абсолютно, чуть ли не pour tous les temps Интереснѣе всего то обстоятельство, что упомянутый такъ-называемый національный законъ систематически игнорируется венгерскимъ правительствомъ и властями, какъ-будто его совершенно не существуетъ.

Мадьярскій національный шовинизмъ развился и былъ выработанъ въ систему и специфическую націоналистическую доктрину Miagyar àllam észme" только послѣ 1867 года. Какъ и почему такъ случилось, O. Jaszi объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Послѣ 1867 г. бразды правленія Венгріей очутились въ рукахъ мадьярской „gentry",—этого своеобразнаго недоношеннаго венгерскаго „tiers état". Экономически разоренная, культурно мало развитая, она бросилась на путь политическаго карьеризма. И вотъ, чтобы избавиться отъ конкурренціи со стороны «инородческой» интеллигенціи, она создаетъ теорію объ инородческомъ засиліи и опасности, и постепенно приходитъ къ идеѣ національнаго единства Венгріи, какъ conditio sine qua non ея политическаго бытія. Извѣстно, что appetit vient en mangéant—; у мадьярской „gentry" и властей онъ разыгрался до національнаго каннибализма и въ этомъ отношеніи превзошелъ всѣ извѣстныя формы національнаго человѣконенавистничества—австрійскую націофагію и прусскій гакатизмъ, не говоря уже о нашемъ доморощенномъ казенно-черносотенномъ патріотизмѣ.

Вернемся, однако, къ книгѣ венгерскаго соціолога. Шестая ея глава посвящена статистическому освѣщенію національныхъ взаимоотношеній въ Венгріи. За время 1787—1900 гг. 2.800,000 немадьярскаго населенія Венгріи влилось въ мадьярское море. Влилось, а отнюдь не всецѣло было поглощено имъ. Рѣшающую роль при этомъ играла, по мнѣнію автора, не только правительственная мадьяризація, но и до извѣстной степени и добровольная ассимиляція, особенно отсталаго инородческаго населенія, естественно тяготѣющаго къ экономически и культурно болѣе сильному мадьярскому населенію. O. Jaszi статистически доказываетъ, что мадьяры составляютъ въ Венгріи наиболѣе культурный элементъ. Они главнымъ образомъ образуютъ городское населеніе (76.9%), пополняютъ ряды интеллигенціи (77.1%), въ ихъ ру-

кахъ крупная промышленность (82%), торговля (66%), наконецъ,—огромныя финансовыя предпріятія. Инородцы же представляютъ почти повсемѣстно сельское населеніе, экономически и культурно обездоленное.

Въ послѣдней главѣ своего труда авторъ дѣлаетъ общій обзоръ національной проблемы и излагаетъ свои заключительные выводы. Соціально въ Венгріи одинаково эксплоатируется какъ народъ, принадлежащій къ господствующей націи, такъ и инородцы. Но инородцы, кромѣ этого, испытываютъ еще и національный гнетъ. Для устраненія этого авторъ предлагаетъ слѣдующую программу, которую считаетъ естественно вытекающей изъ идей демократизма и являющейся выраженіемъ минимальныхъ требованій: 1) инородческое населеніе должно получить школу, судъ и управленіе на родномъ языкѣ, 2) ему должно стать доступнымъ развитіе своей культуры на своемъ языкѣ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе новаго венгерскаго труда о національномъ вопросѣ. Изъ изложеннаго не трудно видѣть, что хотя книга проф. О. Яси написана главнымъ образомъ для Венгріи и о Венгріи, но имѣетъ, несомнѣнно, и болѣе широкое значеніе. Въ настоящее время, когда національная проблема постепенно обрисовывается во весь свой ростъ и во всей своей многогранности, эта книга, можно сказать, представляетъ общеевропейскій интересъ. Можно высказать поэтому желаніе, чтобы въ ближайшемъ будущемъ трудъ венгерскаго ученаго появился въ переводѣ на какой-нибудь изъ международныхъ европейскихъ языковъ, такъ какъ въ оригиналѣ благодаря полнѣйшей обособленности венгерскаго языка этотъ трудъ почти совершенно недоступенъ не только для читающей публики, но и для спеціалистовъ-соціологовъ.

И. А. Бочковскій.

Б. Гринченко. *На безпросвѣтномъ пути (объ украинской школѣ). Видавництво „Вік". Изданіе 3-е. К. 1912. Ц. 25.*

Книжка Б. Гринченка объ украинской школѣ вышла третьимъ изданіемъ. Это уже само по себѣ говоритъ какъ о признанныхъ качествахъ этой книги, такъ и о непрекращающемся интересѣ къ тому живому вопросу, который она затрогиваетъ. Здѣсь вскрывается одна изъ наиболѣе тяжкихъ язвъ на организмѣ украинскаго народа, указывается на то глубоко-ненормальное положеніе, въ какое поставлена на Украинѣ народная школа, обратившаяся изъ органа просвѣщенія массы въ орудіе ея затемнѣнія. Школѣ навязана здѣсь совершенно чуждая ей политическая миссія обрусѣнія, и вотъ въ результатѣ она и по языку, и по характеру, и кругу сообщаемыхъ ею знаній, и вообще по всему своему строю совершенно оторвана отъ жизни украинскаго населенія, интересамъ котораго она должна служить. «Если такая школа не пуститъ корней въ народную жизнь,—говорилъ Ушинскій объ украинской народной школѣ,—то чему здѣсь удивляться?» И она не пустила

здѣсь корней, осталась безпочвенной и тѣмъ задержала естественный ростъ духовнаго и экономическаго развитія народа, ростъ его общественнаго самосознанія.

Съ тѣхъ поръ, какъ работа Гринченко появилась впервые въ концѣ 1905 г. на страницахъ «Русскаго Богатства», положеніе украинской школы съ формальной стороны не измѣнилось; родной элементъ не получилъ въ ней права гражданства и даже въ переживаемое нами общественное лихолѣтье искореняется здѣсь особенно усердно. Но моральныя позиціи противниковъ украинской школы въ значительной мѣрѣ сданы и если формально удерживаются еще въ цѣпкихъ рукахъ нынѣшнихъ ея хозяевъ, то лишь силами чисто внѣшняго свойства. «Множество заявленій различныхъ общественныхъ группъ,—говоритъ авторъ въ предисловіи къ книгѣ,—и, между прочимъ, учительскихъ съѣздовъ, съ требованіями украинской школы; охватившая довольно широкіе слои населенія агитація за украинскія каѳедры въ университетѣ; первыя попытки чтенія этихъ лекцій и многое другое хотя пока еще не измѣнили положенія украинскаго языка по отношенію къ школѣ, но все-же ясно показали глубину, ширину и жизненность движенія и приблизили, въ извѣстной степени, благопріятное практическое разрѣшеніе вопроса». Это съ наглядностью обнаружилось въ дебатахъ, какіе велись по поводу украинской школы, въ законодательныхъ учрежденіяхъ и какіе обнаружили, что идея украинской школы успѣла сдѣлать широкія завоеванія. И для бо́льшаго успѣха этой идеи мы горячо рекомендуемъ нашимъ читателямъ разсматриваемую книгу, въ которой опытный педагогъ собралъ все существенное по вопросу объ украинской школѣ.

О. Б.

Дм. Донцов. *Модерне москвофильство. Київ, 1913, накладом автора. 30 ср., ц. 10 к.*

Эта маленькая брошюра заслуживаетъ большого вниманія: она не только затрагиваетъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ украинскаго національнаго движенія, но и отражаетъ въ себѣ настроенія и взгляды, начинающіе пріобрѣтать многочисленныхъ сторонниковъ въ средѣ нашей интеллигенціи, особенно зарубежной.

Какъ хорошо знаютъ наши читатели, въ зарубежной Украинѣ существуетъ совершенно ненормальное съ точки зрѣнія національной москвофильское теченіе. Возникнувъ, съ одной стороны, вслѣдствіе разнузданной политики австрійской и польской по отношенію къ украинскому населенію Габсбургской монархіи, а съ другой—подъ вліяніемъ инспираций, идущихъ изъ официальныхъ и официозныхъ русскихъ круговъ, оно въ послѣднее время приняло въ свое русло особенно много мути вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ темными фондами. Это движеніе реакціонное, приносящее въ жертву національные украинскіе интересы обрусительнымъ аппетитамъ гр. Бобринскаго и его идейныхъ единомышленниковъ—русскихъ націоналистовъ столыпинской школы.

Въ россійской Украинѣ существуетъ теченіе, которое, не переоцѣнивая слабыхъ еще силъ украинской демократіи и состоя въ идейномъ родствѣ съ демократіей великорусской, особенно съ ея народническимъ крыломъ, видитъ въ этой демократіи свою естественную союзницу въ борьбѣ съ тѣми именно политическими и общественными элементами, которымъ близко и дорого москвофильство. Предъ нами въ этомъ случаѣ явленіе несомнѣнно прогресссивное, чуждое какихъ бы-то ни было ассимиляціонныхъ задачъ и глубоко проникнутое интересами украинскаго національнаго возрожденія, о которомъ въ свое время были написаны прекрасныя слова родоначальника русскаго народничества: «Развяжемте имъ (украинцамъ) руки, развяжемте имъ языкъ; пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна, и тогда пусть они скажутъ свое слово, перешагнутъ черезъ кнутъ къ намъ, черезъ папежъ къ вамъ (полякамъ), или, если они умны, протянутъ намъ обоимъ руки на братскій союзъ и на независимость отъ обоихъ. Вотъ потому-то я такъ высоко цѣню федерализмъ. Федеральныя части связаны общимъ дѣломъ, и никто никому не принадлежитъ (А. Хатченко. Герценъ и Украина. «Укр. Жзинь», 1912 г., кн. 4, стр. 25).

Оба указанныя теченія по существу прямо противоположны, по возрасту же почти одинаково стары. Смѣшивать или хотя бы только сближать ихъ имѣется столько же основаній, какъ и для отождествленія офиціальной Россіи съ демократической, Столыпина и Бобринскаго—съ Михайловскимъ и Горькимъ.

Г. Донцовъ далекъ отъ подобнаго отождествленія и оговариваетъ это въ своей брошюрѣ, но онъ, какъ намъ кажется, избралъ все-же очень неудачную терминологію для обозначенія того общественнаго явленія, о которомъ говоритъ, и мы боимся, что эта терминологія, въ связи съ нѣкоторыми другими особенностями изложенія автора, въ родѣ кивковъ въ сторону пресловутой «буржуазности» («міщаньство»), можетъ породить въ читателѣ совершенно неправильное отношеніе къ предмету.

Второй упрекъ, который приходится сдѣлать автору, это упрекъ въ неправильной оцѣнкѣ, съ объективной точки зрѣнія, того фактическаго матеріала, который былъ въ его распоряженіи. Матеріалъ этотъ, почерпнутый главнымъ образомъ изъ сужденій «Рады», «Літ.-Наук. Вістника» и нашего журнала, свидѣтельствуетъ, что украинское культурное движеніе далеко не окрѣпло и слишкомъ часто еще обращается къ позаимствованіямъ изъ ближайшаго источника—великорусскихъ культурныхъ богатствъ. Эта слабость и односторонность нашего національнаго движенія представляетъ вполнѣ естественный фактъ историческаго характера, и самъ г. Донцовъ находитъ для него вполнѣ удовлетворительное объясненіе (28 стр); но объясненіе,—говоритъ онъ,—не есть оправданіе. Онъ предпочелъ бы, чтобы украинцы отдавали предпочтеніе позаимствованіямъ изъ западно-европейскихъ и, въ частности, польскихъ культурныхъ сокровищъ. При этомъ г. Донцовъ волнуется и взываетъ къ энергичному противодѣйствію тѣмъ, кого онъ окрестилъ «модерними москвофилами» (29 стр.).

Мы вмѣстѣ съ цитированнымъ уже русскимъ писателемъ думаемъ, что «бранить или хвалить какой-нибудь всеобщій историческій фактъ дѣло совершенно праздное, извиняемое только благороднымъ увлеченіемъ». Подобные факты нужно изучать, не отрѣшаясь отъ законовъ исторической перспективы, и на основаніи только такого изученія опредѣлять тѣ условія, которыя должны и могутъ быть созданы для укрѣпленія и роста національнаго дѣла въ желательномъ направленіи. Такой путь, правильный вообще, былъ бы, на мой взглядъ, особенно умѣстенъ на страницахъ брошюры г. Донцова, гдѣ отрицаются, какъ проявленія политической безграмотности, не только этическіе элементы въ политикѣ, но даже эмоціональные, и все опредѣляется «объективнымъ ходомъ вещей» на почвѣ интересовъ и только ихъ однихъ (24 стр. и др.).

Вполнѣ раздѣляя pia desideria автора о желательномъ пріобщеніи украинскаго движенія къ западно-европейской культурѣ, а еще болѣе о развитіи собственныхъ культурныхъ особенностей и оригинальныхъ чертъ, — чему г. Донцовъ удѣляетъ очень мало вниманія,—я, однако, не могу не отмѣтить, что страницы брошюры, на которыхъ авторъ стремится дискредитировать русскую культуру и въ особенности литературу великорусскаго народа, не отвѣчаютъ значительности затронутаго предмета. На протяженіи чуть ли не нѣсколькихъ строкъ г. Донцовъ, призвавъ на помощь столь достойныхъ сотрудниковъ, какъ гг. вѣхисты и проф. Здзѣховскій, расправляется съ Львомъ Толстымъ, М. Горькимъ и со всею русскою интеллигенціей. Какъ на одну изъ деталей, укажу на характеристику народническаго теченія русской художественной литературы, которое г. Донцовъ называетъ слащаво-сантиментальнымъ и оскорбительнымъ для народа. Это сказано о той литературѣ, которая числитъ въ своихъ рядахъ Тургенева («Записки охотника»), Гл. Успенскаго, Некрасова и Короленка. Полагаю, что защищать ихъ отъ взведенной на нихъ напраслины отъ меня не потребуется.

Вообще отдѣльныя замѣчанія автора даютъ обильный матеріалъ для возраженій, но въ предѣлахъ библіографической замѣтки я не могу подробно останавливаться на частностяхъ. Позволю себѣ возразить лишь на замѣчаніе, касающееся цитаты, взятой изъ моей собственной статьи. Г. Донцовъ въ числѣ матеріаловъ, свидѣтельствующихъ объ украинскомъ москвофильствѣ приводитъ слѣдующія принадлежащія мнѣ строки: «Мнѣ всегда казалась несообразною мысль о совмѣщеніи въ одной и той же душѣ русскаго интеллигента непріязни къ украинскому національному дѣлу со стойкой защитой интересовъ Польши и Финляндіи» («Укр. Жизнь», II, стр. 23). Такое замѣчаніе мое г. Донцовъ считаетъ... попыткой найти чисто мистическія (sic) причины для выясненія позиціи россійскаго либерализма (?) въ украинскомъ вопросѣ.

Увы,—я думаю какъ-разъ наоборотъ. Именно вѣра въ мистическія начала могла бы примирять съ кореннымъ и необъяснимымъ противорѣчіемъ во внутреннихъ свойствахъ того или иного лица, той или иной общественной группы. Менѣе всего я скло-

ненъ питать подобную вѣру и менѣе всего способенъ отрицать значеніе интересовъ въ общественномъ поведеніи отдѣльныхъ группъ; но я также далекъ и отъ отрицанія этическихъ и эмоціональныхъ моментовъ въ этомъ поведеніи. Интеллигенты, становящіеся идеологами пролетаріата, полагаю, хорошо извѣстны г. Донцову, и руководствуются они въ своемъ поведеніи, надо думать, не только интересами (прибавлю: чьими?), но и общественными идеалами. Дѣйствія, совершаемыя отдѣльными лицами или общественными группами подъ вліяніемъ любви къ родинѣ, преданности своему народу или симпатіи къ народу родственному, дружественному или близкому, тоже, думается мнѣ, не голыми интересами объясняются.

Г. Донцовъ, повидимому, полагаетъ, что интересы русской демократіи, совпадая съ интересами польскаго и финскаго народовъ, не согласуются съ интересами народа украинскаго Я считаю такое утвержденіе совершенно произвольнымъ и думаю, что нѣтъ надобности слѣдовать совѣту г. Донцова и обращаться къ психіатру, чтобы постигнуть, почему программы извѣстныхъ демократическихъ группъ совпадаютъ съ требованіями соціальной, политической и національной справедливости. Это не случайное совпаденіе разныхъ явленій, это—разныя стороны одного и того же факта, и отсутствіе такой согласованности лишило бы программу внутренней стройности, жизненности, а слѣдовательно и императивности. Политическая грамотность состоитъ, конечно, не въ эмпиризмѣ, и политически безграмотной была бы, напримѣръ, та программа автономистовъ-федералистовъ, которая, признавая автономію для Финляндіи, отвергала бы ее для Польши или Украины и наоборотъ. А я именно и имѣлъ въ виду ту часть прогрессивной русской интеллигенціи, которая стоитъ на сторонѣ политической автономіи отдѣльныхъ національностей.

Само собою разумѣется, что мои разногласія съ авторомъ, нисколько не мѣшаютъ мнѣ признать его брошюру очень интересной попыткой освѣтить слабыя стороны нашего національнаго возрожденія. Въ ней найдется немало справедливыхъ замѣчаній, а главное—она насквозь проникнута пытливостью мысли, будящей и толкающей также мысль читателя, если, конечно, онъ не принадлежитъ къ той безнадежной породѣ, которая принимаетъ на вѣру всякое печатное слово.

Ал. Саликовскій.

Ioachim Bartoszewicz. *Polski stan posiadania na Rusi (Kraj. Ludnosc. Zaemia). Kijow, 1912.*

Небольшая книжка г. Бартошевича, посвященная вопросу о земельныхъ отношеніяхъ въ Юго-западномъ краѣ, въ частности—вопросу о роли польскаго землевладѣнія въ немъ, при крайне бѣдной литературѣ по экономикѣ правобережной Украины, заслуживаетъ того, чтобы быть отмѣченной.

Въ книжкѣ совмѣщаются два элемента, въ зависимости отъ тѣхъ двухъ задачъ, которыя ставилъ себѣ авторъ. Г. Бартошевичъ посвящаетъ рядъ страницъ статистико-экономическому обзору края и земельныхъ отношеній въ немъ, и въ этой части чувствуется интересъ автора къ статистико-экономическимъ проблемамъ края, какъ таковымъ, видно стремленіе къ безпристрастному и объективному анализу имѣющихся фактовъ. Но во второй, значительно большей части книжки, изслѣдователя смѣняетъ публицистъ, имѣющій свои опредѣленные взгляды на край и стремящійся доказать ихъ правильность во что бы то ни стало и какимъ бы то ни было путемъ.

Совмѣщеніе такихъ противорѣчивыхъ элементовъ должно было дать въ результатѣ неизбѣжные дефекты. И дѣйствительно, научная объективность книжки жестоко пострадала; интересъ изслѣдователя отступилъ на задній планъ передъ темпераментомъ и предвзятыми видами публициста.

Въ ущербъ содержательности книги авторъ не использовалъ очень многое изъ имѣющихся статистическихъ матеріаловъ, и поэтому часть, посвященная общеэкономическому обзору края, вышла непропорціонально краткой. Въ цѣляхъ публицистическихъ сплошь и рядомъ дѣлаются на основаніи завѣдомо недостаточныхъ данныхъ выводы при научной объективности и добросовѣстности недопустимые. Такъ, оригинальные съ научной точки зрѣнія, пріемы употребляетъ г. Бартошевичъ при вычисленіи процентнаго отношенія поляковъ къ населенію края. Онъ въ опредѣленіи этого процента безъ дальнѣйшей критики принимаетъ цифру католиковъ въ краѣ, которую приводитъ календарь луцко-житомірской католической епархіи; между тѣмъ какъ эта цифра, приводимая заинтересованной стороною и притомъ едва ли полученная посредствомъ тѣхъ методовъ, которыхъ требуетъ статистическая техника, въ такой критикѣ очень и очень нуждается. Непріемлемымъ также для объективнаго изслѣдованія является отождествленіе вѣроисповѣданія и національности и зачисленіе всѣхъ католиковъ въ число поляковъ. Дальнѣйшія разсужденія автора по этому поводу на тему о сознательныхъ и несознательныхъ полякахъ, какъ относящіяся къ области политической публицистики, мы оставляемъ въ сторонѣ. Едва ли допустимымъ затѣмъ съ научной точки зрѣнія при анализѣ земельныхъ отношеній является почти полное устраненіе изъ поля изслѣдованія автора надѣльныхъ земель, которое можетъ быть объяснено исключительно подчиненіемъ научныхъ интересовъ интересамъ публицистики.

Эти и подобные имъ пріемы значительно понижаютъ цѣнность книги г. Бартошевича съ научной стороны, но все-таки при бѣдности литературы матеріалъ этой книги, если отнестись къ нему съ надлежащею критикой, можетъ быть использованъ.

Значительно большій интересъ представляетъ публицистическая часть книжки Бартошевича, являющаяся страстнымъ агитаціоннымъ призывомъ къ колонизаціи края, но останавливаться на немъ не входитъ въ наши задачи, тѣмъ болѣе, что эта сто-

рона памфлета г. Бартошевича уже была въ достаточной мѣрѣ оцѣнена на страницахъ «Украинской Жизни» (см. въ кн. 12 за 1912 г. статью В. Правобережца).

В. С.

М. Чернявскій. *Богови Невідомому. Оповідання. Кіевъ—Львовъ, 1913 г. Виданнє Українсько-Руськоі Видавничоі Спілки, 190 стр., ц. 70 к.*

Въ подлинномъ искусствѣ не возникаетъ никогда вопроса «зачѣмъ», ибо для искусства нѣтъ ничего мелкаго и ничтожнаго, ничего неинтереснаго. Гдѣ совершается таинство творчества, тамъ раскрывается тайна вещей, тайна души человѣческой или по крайней мѣрѣ хоть слегка приподнимается уголочекъ завѣсы, скрывающей эти тайны. Но тамъ, гдѣ не зажигается жертвенный огонь, втунѣ будутъ лежать «матеріи важныя» и «наводненіе словъ» не дастъ никакихъ «разоблаченій» тайнъ, волнующихъ умъ и чувство человѣка. Достаточно пронестись творческому дыханію, чтобы сталъ неумѣстенъ вопросъ «зачѣмъ». Не спрашиваютъ, зачѣмъ свѣтитъ солнце, зачѣмъ расцвѣтаютъ цвѣты: такъ же, какъ солнце и цвѣты р а д у ю т ъ произведенія искусства, и даже больше, ибо радость искусства—м у д р а я радость... Если шевельнется вопросъ «зачѣмъ», значитъ, не сошелъ жертвенный огонь—и нѣтъ ни радости, ни мудрости, нѣтъ произведенія искусства. И сколь бы ни важны были тогда «матеріи», занимающія автора, сколь бы ни былъ онъ пропитанъ гуманными и гражданскими чувствами и идеалами,—его житейскія наблюденія, даже вѣрныя дѣйствительности съ фотографической точностью, останутся мертвыми membra dessecta, не соединяющимися въ цѣлое и цѣльное, запечатлѣнное той красотой, которая сильнѣе смерти.

Звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ, различны и художники размѣрами таланта, количествомъ того дарящаго солнца, какое сверкаетъ въ ихъ созданіяхъ. Но какъ «любовь равняетъ всѣхъ» и «червякъ подъ глыбой дерна, любя, въ своей любви какъ богъ великъ» (Шелли), такъ «равняетъ» творчество, и каждый подлинный художникъ является продолжателемъ шести дней творенья...

Чернявскій—не изъ ихъ числа. Недурной разсказчикъ, онъ живо ведетъ разсказъ, регистрирующій поверхностныя житейскія наблюденія. Манера письма у него достаточно монотонная и тусклая, но все-же его можно читать безъ особенной скуки. Только страница за страницей все настойчивѣе и настойчивѣе встаетъ вопросъ: «зачѣмъ» это? Жертвенный огонь не снизошелъ, творческое дыханіе не повѣяло... Даже въ разсказѣ, давшемъ заглавіе всему сборнику,—«Богови Невідомому», не чувствуется присутствіе божества, заставляющее воскликнуть «procul, o procul este profani!» Нелѣпая затѣя какого-то чудака-степняка воздвигнуть въ степи гору-могилу, какъ памятникъ Невѣдомому Богу, такъ и воспринимается читателемъ какъ несуразность. Авторскій лиризмъ остается на поверхности, несвязаннымъ съ разсказомъ органически. Вся орнаментика, долженствующая возвести предпріятіе на сту-

пень «подвига жизни», въ основѣ котораго лежитъ глубокая философская концепція, безвкусна и недѣйственна... Болѣе удаются Чернявскому безпритязательныя «картинки жизни»,—картинки напоминающія моментальную фотографію. Даже большіе разсказы кажутся непомѣрно растянутыми эскизами (Темрява). Его художественные образы, если позволительно все-таки употребить въ отношеніи произведеній Чернявскаго это большое слово, — анемичны, безкрасочны, не захватываютъ глубоко-жизненныхъ явленій. Чувство природы не вполнѣ чуждо писателю, но красота искусства для него... весьма относительна. Достаточно сказать, что видъ развалинъ батуринскаго дворца, золотимаго заходящимъ солнцемъ, видъ гибнущаго замѣчательнѣйшаго созданія зодчества— пробуждаетъ въ немъ одну мысль, какъ «много золота и труда народнаго п о г у б л е н о (курсивъ мой) на его постройку»... («Вода прибувае»). Форма произведеній Чернявскаго въ духѣ вульгаризированнаго сухого реализма. Стиль устарѣлый, тягучій. Затративъ цѣлую страницу на описаніе захолустнаго городка осенью и зданія тюрьмы, «украшающаго» городокъ, Чернявскій пишетъ уже слово «тюрьма» и все-же добавляетъ, «ибо это была она». («На волю»). Читатель и безъ подчеркнутыхъ словъ давно догадался, что рѣчь идетъ о тюрьмѣ, наконецъ, авторъ употребилъ уже слово «тюрьма» и все же добавляетъ, «ибо это была она». Безвкусіе такого стиля ему не претитъ...

Въ активъ Чернявскому надо поставить хорошій украинскій языкъ, а издательству—изящную простоту изданія.

Мих. Могилянскій.

Литературная лѣтопись.

— На русскомъ языкѣ вышло научное изслѣдованіе проф. М. Грушевскаго «Исторія украинскаго козачества до соединенія съ Московскимъ государствомъ», т. I до начала XVII вѣка. Спб. 1913 г., ц. 2 р. 50 к.

— Въ библіографическомъ листкѣ «Вѣстника Европы» за январь 1913 г. помѣщена краткая замѣтка о появившейся на русскомъ языкѣ новой книгѣ проф. М. Грушевскаго «Исторія украинскаго козачества до соединенія съ Московскимъ государствомъ». «Для лицъ,—читаемъ мы въ этой замѣткѣ,—не умѣющихъ читать по-украински или не привыкшихъ къ пользованію украинской литературой, появившаяся книга является большой цѣнностью, открывающей новыя перспективы въ исторіи козачества; благодаря легкому языку, и популярности и яркости изложенія, книгу можно рекомендовать и неспеціалистамъ». — Отзывъ о новомъ трудѣ почтеннаго украинскаго ученаго мы дадимъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашего журн.

— Въ «Дѣтскомъ Мірѣ» (№ 14—15), помѣщено въ переводѣ Арк. Полонскаго на р у с с к і й языкъ «Къ морю»—стихотвореніе украинскаго поэта О. Олеся.

— Въ журналѣ «Новое Слово» напечатана статья г. Евтихіева «Отоманскіе казаки и Садыкъ-Махметъ-паша», посвященная описанію жизни бывшихъ запорожцевъ, оставшихся въ Турціи послѣ возвращенія въ Россію О. Гладкаго.

— Въ седьмомъ выпускѣ «Голоса Политехника» за 1912 г., имѣется замѣтка о дѣятельности Украинской Громады при петербургскомъ политехническомъ институтѣ.

— Въ новогоднемъ № «Кубанска-

го Курьера» (№ 1256) напечатано по-украински стихотвореніе Олекси Кирія «На Новий рік!»

— Въ № 2 «Спутника Чиновника» напечатанъ переводъ разсказа М. Левицкаго «Законникъ».

— Въ № 2 бѣлорусской «Нашей Нивы» помѣщенъ разсказъ А. Тесленка «Що з його було б».

— За истекшій мѣсяцъ отмѣтимъ слѣдующія статьи въ русской прессѣ, имѣющія отношеніе къ Украинѣ: а) въ «Русскомъ Словѣ» (Москва), корреспонденцію изъ Вѣны г. Соколовскаго, посвященную объективному изложенію вопроса о положеніи украинцевъ въ Австріи, объ отношеніи вѣнскаго правительства къ украинскому парламентскому клубу и т. д.; б) въ «Кіевской Мысли» (№ 21/XII, 1912), рецензію Н. Василенко на «Иллюстрированную Исторію Украины» проф. Мих. Грушевскаго, отмѣчающую научныя достоинства труда украинскаго ученаго, и статью В. Чаговца «Вокругъ Шевченка», посвященную вопросу о третьемъ конкурсѣ на сооруженіе памятника поэту; в) въ «Одесскомъ Листкѣ» (№ 1 1913 г.), помѣщена замѣтка г. Украинофила «Украинская жизнь», представляющая изъ себя сжатый обзоръ главнѣйшихъ событій изъ жизни украинскаго общества и подчеркивающая «сдвигъ» въ отношеніи русскаго общества къ недержавнымъ націямъ Россіи, въ томъ числѣ и къ украинцамъ; г) въ петербургской газетѣ «День», № 5 (1913), статья Мих. Могилянскаго, представляющая собою обзоръ и характеристику главнѣйшихъ событій украинской жизни за минувшій годъ. Авторъ отмѣчаетъ между прочимъ «поразительное незнаніе, распространенное въ русскомъ обществѣ, украинской жизни, о внутреннихъ процессахъ, характеризующихъ ея современную эволюцію, о фактахъ и явленіяхъ, отражающихъ національное самоопредѣленіе украинскаго народа»; д) въ «Одесскихъ Новостяхъ» (5 янв. 1913 г. № 8914), *Ан. Яриновичъ* знакомитъ съ главнѣйшими пріобрѣтеніями украинской литературы за минувшій годъ и, характеризуя отдѣльныя произведенія украинскихъ писателей прошлогодней продукціи, высказываетъ мысль, что «минувшій годъ въ области художественной литературы принесъ весьма утѣшительные результаты. Въ средѣ украинскихъ писателей рѣзко выдѣлилась группа авторовъ, которые уже идутъ по вполнѣ установленному и опредѣленному пути художественнаго творчества, которые стоятъ на высотѣ современнаго европейскаго развитія и въ своихъ произведеніяхъ отражаютъ вопросы высшей культуры человѣческой личности». Иллюстрируетъ эту мысль авторъ статьи краткой оцѣнкой произведеній Коцюбинскаго, Винниченка, Леси Украинки, Филянскаго, Чупринки и новаго талантливаго беллетриста Г. Васьковскаго. е) въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 306), статью Л. Козловскаго «Какъ назвать», посвященную книгѣ С. Щеголева: авторъ вскрываетъ нечистоплотные пріемы «изобличителя» украинства и даетъ должную оцѣнку книги - доноса. Статья г. Козловскаго въ переводѣ на украинскій языкъ перепечатана «Радой» въ № 3 за этотъ годъ.

— Въ *Bibliotheque Universelle, Revue Suisse* за январь 1913 г. небольшая замѣтка посвящена смерти Н. В. Лисенка, авторъ которой говоритъ между прочимъ, что Лисенко создалъ основы украинской оперы, которая, къ сожалѣнію, мало извѣстна не только въ Европѣ, но и въ Россіи. Въ частности оперу «Утоплена» онъ называетъ «національной». «Духъ воли и искренности, которымъ она проникнута, привлекаетъ и очаровываетъ. Въ ней чувствуешь душу народа, который страдалъ подъ ярмомъ и рвется къ освобожденію».

— Интересъ англійской прессы къ украинскому вопросу. Лондонская *The Economist* напечатала въ одномъ изъ послѣднихъ №№ редакціонную статью, посвященную украинскому вопросу, обнаруживъ при этомъ вполнѣ правильное пониманіе его. — Мѣсячный журналъ *The Russian Review* (издается въ Ливерпулѣ), въ № за ноябрь напечатала на ту же тему обширную статью проф. Хв. Еовка.— «Въ консервативномъ еженедѣльникѣ „*The Spectator*“ помѣщена статья, выясняющая религіозныя отношенія украинскаго народа въ Галиціи.

— Въ нѣмецкой „Czernowitzer Allgemeine Zeitung“ въ рождественскомъ приложеніи помѣщена обстоятельная

статья В. Гнатюка подъ названіемъ „Ueber die Ukrainern" представляющая изъ себя часть вступленія „Das Geschlechtsleben des ukrainischen Baurnvolkes in Oesterreich Ungarn, вышедшій въ этомъ году въ Лейпцигѣ.

— Въ нѣмецкой газетѣ „*Wiener Zeit*" помѣщена библіографическая замѣтка проф. *Л. Шредера* по поводу недавно вышедшаго перевода на нѣмецкій языкъ автобіографическаго произведенія Шевченка „Художникъ".

Авторъ рецензіи привѣтствуетъ появленіе этого перевода, какъ интереснаго документа изъ исторіи русской культуры. То былъ періодъ, когда въ сферѣ искусства безраздѣльно царилъ К. П. Брюлловъ, а въ области музыки—идеалистъ Жуковскій.

Ни однимъ словомъ не упоминая о значеніи Шевченка для національнаго развитія его родной страны, проф. Шредеръ ограничивается только указаніемъ на то, что онъ былъ малороссъ (Kleinrusse); далѣе онъ указываетъ на невѣроятно тяжелыя жизненныя условія, среди которыхъ Шевченку пришлось работать, чтобы сдѣлаться впослѣдствіи свободнымъ человѣкомъ и художникомъ.

Привлекательный видъ приложеннаго при изданіи портрета Шевченко вызываетъ у автора пожеланіе, чтобы репродукціи этого портрета сдѣлали личность поэта еще болѣе близкой и понятной.

— Въ чешскомъ журналѣ „Slowansky Przehled" №3) напечатано продолженіе статьи Dz. Ant. Bohác'a "Volné kapitoly ze Statistiky Slowanstwa" 2. Poláci a Ukrajinci и Н. Бочковскаго некрологъ (съ портретомъ) Н. В. Лисенка.

— По свѣдѣніямъ львовской «Неділі», въ скоромъ времени появятся въ переводѣ Кароля Гендзеля, на чешскій языкъ произведенія украинскихъ писателей. Н. Липи, Н. Кобринской, Б Лепкого, О. Маковея, П. Мырного и М. Черемшины.

— Въ переводѣ на латышскій языкъ, какъ сообщаетъ «Маякъ» и въ изданіи М. Тіллера і А. Предиша, (Рига), появились украинскіе разсказы *В. Винниченка.*

— Новыя украинскія книги: 1) Новое издательство «Волосожар», выпустило обстоятельную работу М. Вороного: «Театръ і драма» (Збірник критичних статей з обсягу театрального мистецтва і драматичної літератури). Новое издательство ставитъ своею цѣлью изданіе книгъ, посвященныхъ теоріи искусства и литературно-художественной критикѣ. 2) «Модерне москофільство» Дм. Донцова — объ этой книжкѣ, принадлежащей перу нашего сотрудника, данъ отзывъ А. Саликовскаго въ настоящей книжкѣ журнала. 3) Михайла Возняка «Життэ і значенне Івана Франка»—посвящена выясненію заслугъ крупнаго украинскаго писателя и общественнаго дѣятеля по поводу его 40-лѣтней литературной дѣятельности. Книга написана хорошо и вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію. 4) Д-р Василь Щурат. Літературні начерки (Львовъ), стр. 105. Среди очерковъ цѣлый рядъ посвященъ Шевченку и его отдѣльнымъ произведеніямъ.

5. В. Винниченко Твори. (Кн. томъ V). Въ этотъ томъ вошли: а) Історія Якимового будинку б) Промінь сонця в) Федько-Халамидник г) Маленька рисозчка (виривок з споминів) д) Чеконач е) Таємність ж) Виривок з „Споминів"). 6) Богдан Лепкий. Начерк історії українські літератури (Книжка друга—Від нападів татар до козаччини). 7) Володимир Антонович. Коротка історія козаччини. (про козацькі часи на Україні) з критичними замітками Кордуби. Съ біографіей Антоновича и массой иллюстрацій къ тексту.

— Новая драма «Боярыня» талантливой украинской писательницы Леси Украинки начнется печатаніемъ съ новаго года въ журналѣ «Рідний Край». Дѣйствіе драмы происходитъ въ XVII вѣкѣ. Героиня драмы—укринка-козачка

Вышелъ изъ печати „Збірник медичної секціи Українського Наукового товариства в Київі (т. 2-й) съ такимъ содержаніемъ: Клінічний причинок до пізнанія впливу крови перед сітківку (Haemarrhagia praeretiulis) Змалюнками. Д-ръ Михайло Кос. — Доказуістики піддіафрагмальних абецесів Д-ръ Э. Черняхівский.—Організація медичної запомоги вічної доби у Київі Д-р. Ф. Лукенів.—Гоіння гнойних процесів роивки антідітерійного сирваткаго. Д-р. П. Блоцкій—Амебоізм та плястичність неврона 3) (таблицею Д-р. К. Черняхівський.—Situs Visaerum inbersus totalis (3) ренгенограмою) Д-р. Лукасевич,—Жіночий тип расположенія волоса на tuberculum publicum у чоловіків. Д-р. М. Вашерко,

Содержаніе украинскихъ журналовъ.

Записки Украінського Наукового Товариства у Київі. кн. X. В. Щербина Памяти Якова Шульгина (з портретомъ).—*Мих. Грушевський.* Сучасна вірша про неволю Вишневецького.—*С. Гаєвський.* Київські списки повісти „Александрія". — *Л. Добровольський.* Варіянт пісні 18-го віку про земляні роботи. — *Ор. Левицький.* Церковні справи на Запоріжі в XVIII в.—*М. Петров.* Пасхальна вірша говорена ніби запорозцями св ємy гетьманові р 1795, по рукописному списку Київо-Печерської Лавр і. — *С. Драгоманів.* Дрібне землеволодіннє на Полтавщині. — *М. Порш.* Робітництво Украіни (нарис по статистиці праці) Хроніка за 1911 рік.

Світло 4-я кн.). *Я. Чепіга.* Брехливість у справі виховання.—*С. Русова.* Націоналізація дошкільного виховання.— *М. Пилипович.* Де що про сучасну стадію розвитку вкраінської літературної мови.—*Священник П. Д.* Історія церкви.—*А. Вихрова.* Руські вчителя на Украіні. З біжучого життя: 1) Нові правила про народні бібліотеки *С. С рополко*; 2) Педагогичні журнали в Галичині. *Я. З—ч.*; 3) М. Г. Халецький. М. Z.—Шкільна хроніка. Критика й бібліографія.—

Українська Хата (№ 11--12 1912 г.). *Ол. Неприцький - Г'рановський.* Біла лілея (казка). З циклю „Осінні узори".— *Я Мамонтов.* Безсилле —*Гнат Хоткевич.* З циклю „Гірські акварелі".— *Ф. Петруненко,* Романс.—*А. Худоба,* Буває час.—*А. Кудрицька.* У Великій Тиши (Нарис.).—*Олена Журлива.* Зімою—*Надія Кібальчич* В старих палатах (оповіданнє) — *М. Коваленко.* Весняноій ночи. *М. С.* Листки з лісу (шкіц). *Вас. Алешко.* Весняна вода.— *Іоаганес Линанкоски.* Ознака кохання. Перек. з фінського. Мих. Могилянського.—*Н. Трикулевська.* Памяти М. В. Лисенко. М. Євшан. Поезія Грицька Чупринки.—*М. Сріблянський.* Гіпноз єдности (фантазія). — *Ол. Авратинський.* Художні враженія.—*М. С—кий.* Критичні уваги. *А. Товкачевський*—то же.—*Як. Стоколос.* Театральні замітки.—*Гн. Хоткевич.* До переписки з д Садовським.—Бібліографія.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченко. (Львов) кн. V. 1912. Студіі над організаціею львівської ставропігії від кінця XVI до пол. XVIIст. *Федір Срібний.*—Студії над украінськими народніми піснями *Іван Франко*— Чуднівська компанія 1660 р. *Василь Герасимчук.* Критичні замітки до тексту поезій Шевченка. *Юліян Романчук.*— Григорій Илькевич як етнограф. *Андрій Франко.* Miscellanea: З зарання украінської пресси в Галичині. *М. Возняк.*— Наукова Хроніка. Західний погляд на східню европу. *М. Федюшка.* Бібліографія.

Сяйво. Кн. I. 1913 г. До наших читачів —*Микола Вороний* з циклу Ad astra. — *Максим Рильський* Ж. ворон ок.—В. О.'Конор-Вілінська. Споайгади про М. В. Лисенка.—Людмила Старицька - Черняківська Nocturno. — *Іван Стешенко.* З історіі украінської драми XIX в.—*Софія Русова.* Драматичні твори С. Черкасенка.—*В. Борецький.* Новини украінської музики—*Петро Чайка.* Де що про архітектуру— Marmalis „Вистава Зачароване коло" в театрі М. Садовського.—Хроніка.— Всячина.

Ukrainische Rundschau. № 11—12. 1912. In ernster Stunde. Von W. Kuschnir. — Die österreichische Politik gegen die Ruthenen. (Ein Appell an die öffentliche Meinung Oesterreichs vom ukrainischen Klub des Reichsrates.)— Die politische Wiedergeburt des ukrainischen Volkes in Russland —Vier Reden. Von—r.—Ein weisser Rabe. Von D. Donzow—Die arretierten Kränze. (Ein Brief aus Kijew.)— Das Verhältniss des Kapitalismus zur nationalen Bewegung in der Ukraine. Von Dr. A. H.—Umschau: Mykola Lyssenko †. — Antiukrainische Hetze. - Der staatsgefährliche Geselligkeitsklub Ein nüchterndes Urteil.— Die austeilende Gerechtigkeit der Polen.— Russifizierung auf Landeskosten.— Dichtung und Wahrheit.

Книги, поступившія въ редакцію.

Вол. Дорошенко. Систематичний покажчик до „Київської Старини" і „Украіни". Критична оцінка, поправка й доповнення. Львів—Київ. 1912.

О. Любченко. Культура бавовняника на Украіні. Киів. 1912.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Т. 110. Р 1912, кн. IV Львів.

Этнографічний Збірник. Видає Етногр. Комісія Наукового Товариства імени Шевченка. Т. XXXI—XXXII. У Львові. 1912.

Хроніка Наукового Товариства імени Шевченка у Львові. Вип III ч. 51, Р. 1912.

Chronik der ukrainischen Ševčenko—Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg. Bericht für das Iahr 1910, Heft I. Nr. 45. Jahrgang 1911.

А. Доброхотовъ Пѣсни воли и тоски 1900—1911. Цѣна 1 р. 50 к. Москва. 1913.

Микола Чернявський. Богови Невідомому. Оповідання. Київ — Львів. 1913. Ц. 70 коп.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи. Ноябрь 1912.

Л. Глібов. Байки. З малюнкми Ів. Бурячка. Видавництво «Лан». Київ. 1913. Ц. 25 к.

В. Гауф. Казки кн. II перекл. О. Олеся. Київ. 1913. Ц. 25.

О. Синявській. Про що співають Кобзарі. Харьків. 1912. Ц. 10 к.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Т. III. Р. 1912, кн. V. Львів.

Chronik der ukrainischen Sevčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemb erg. Heft 1, 2, 3, 4. 1912.

І. Щоголів. Як позбутися осельні. Бібліотека «Села», № 3. Київ. 1912.

Донцов Дм. Модерне москвофільство. Київ. 1913. Ц. 10 к.

Беларускі календар. Год 1913. Вільня. Цэна 15 к.

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета. Декабрь. 12 книга. 1912.

П. Сеница. Музичні твори. *Пісня сліпих. Душа моя—пустка. Погасло сонце. Місяць закоханий в ніч. До слів О. Олеся.* Москва. 1912.

Земскій сборникъ Черниговской губерніи. Декабрь 1912.

Бібліотека наукового товариства імени ШЕВЧЕНКА.

ОПЕЧАТКА.

Въ 12 кн. „Украинской Жизни“ въ статьѣ *А. Брама* „Къ выборамъ въ Холмщинѣ“ вкрался важный пропускъ:

напечатано.	*слѣдуетъ читать:*
стр. 114, строка 5 сверху	
понизить ихъ о/о всего лишь съ 16,4о/о.	понизить ихъ о/о всего лишь съ 16,4о/о до 13,1о/о.

Редакторъ-издатель **Я. А. Шеремецинскій.**

Приймаеть ся передплату нп 1913 р. на велику двотижневу газету

„ІЛЮСТРОВАНА УКРАІНА.

«Ілюстрована Україна» буде виходити від 1. січня 1913 р. що другої суботи у Львови на взір великих европейських ілюстрованих журналів. Часопись присьвячена найважнійшимъ справам украіньскоі літератури, штуці, театрови, музиці, науці, культурнимъ інституціямъ. Ілюстрациі з соліднимъ викінченемъ будуть давати всесторонний обрав житя цілої України. Крім знимок з України будуть також ілюстрації до всіх важнійших подій в сьвіті. Напрям безпартійний, всеукраінський.

Всіх Українців просимо присилати вже тепер фотографіі з украінського житя як: знимки з артистичних творів, краевидів, украінських домів, театральних вистав і дружин, з січового та сокільського житя, всяких курсів, фестів, прогульок і т. д.

Передплата виносить річно: в Австріі 8 кор., Росіі 5 карб., Німеччині 8 марок,, Америці 3 доляри. Поодиноке число коштуэ у Львові 32 сот.

Адресъ редакції і адміністрації: «Ілюстрована Україна» у Львові, ул. Сербська ч. 15. П. поверх. Відвічальний редактор: **д-р Іван Крипякевич.**

„ДЗВІН“

новий літературно-науково-артистичний журнал-місячник, виходить у Київі.

«ДЗВІН» є журналом демократичним і обстоює інтереси робітничих верств; містить твори красного письменства, статі наукового змісту з історіі, литературы і природничих наук, критику і бібліографію, огляди наукового, літературного і громадського житя в Росіі і за кордоном, хронику і переписку редакції; при нагоді містить і люстрації і на окремих листах і в тексті.

«ДЗВІН» виходить при участи такихъ співробітників: Алчевська, Х., Антонович, Д., Бачинській, Ю., Безпалко, О., Богун, М., Бувший, П., Винниченко, В., Вороний, М., Гадячанин, С., Гилька, І., Дніпрова-Чайка, Донцов, Д., Дятловъ П., Коцюбинській, М., Лазаревскій, Б., Левинський, Е., Леся Украінка, Личко, Д., Лозенко, К., Луначарський, А., Миргородський, К., Назаріів, О., Петлюра, С., Понятенко, П., Романович, Н., Садовський, В., Сергієнко, Д., Сірий Юр., Скоропис, О., Степанюк, В., Хвиля, М., Черкасенко, С., Чумак, В., Чупринка, Г., Юркевич, Л., и ин.

Рукописи надсилати і в справах редакційних просять тимчасово звертатись по такій адресі: Київ, Жилянська, 20, редакція журнала «Дзвін».

Передплата на «ДЗВІН» коштує: в Россіі на рік 3 карб., на пів року 1 карб. 75 коп., на чверть року 1 карб.; въ Австріи: на рік 6 корон, на пів року 3 корони, на чверть року 1 корона 70 сотиків; в Німеччині на рік 6 марок, на пів року 3 марки; въ Америці на рік 2 доляри, на пів-року 1 доляр.

Передплату с Австріі, Німеччини, Америки і з всіх наших країв належить посилати на таку адресу:

Іорфиръ Буняк, у Львові, ул. Різбарска, ч. 5, для «Дзвону». (Lemberg, Anstria).

І-го березіля (марта) 1913 року має вийти № 1 неперіодичного органу.

„Украінський Студент“.

Який ставить своєю метою об єднувати украінську студенську молодь на трунті культурно-просвітної работи. Він міститиме въ собі слідуючі розділи: 1) Історія украінського студенського руху. 2) Сучасне життя украінської молоді. 3) Украінська, молодь та наукові потреби, 4) Украинська молодь і громадянство, 5) Бібліографія.

(Редакция прохаэ видавців і авторів надсилати завчасу свої книжки для рецензій). Рукописи приймаються лише написані читко і на єдномъ боці листа. Редакція залишае за собою право іх зміни. Проспекти надсилаються по першому вимаганню.

Адреса редакціи і контори: С.-Петербургъ, Лѣсной, 2-й Муринскій, д. 53, кв. 9.

„МАЯК“

Приймається передплата на рік 1913-й на новий популярний літературно-громадський **тижневик „Маяк“** буде обслуговувати культурно-національні потреби української сельської й міської інтелігенції й буде освітлювати всі значніші події в політичному й культурному житті України. **„Маяк“** матиме широкий програм, даватиме місце літературним і художнім творам, звертатиме увагу на громадське життя краю. Поруч з політичними питаннями будуть розглядатися справи економичні и кооперативні. До участи в „Маякові“ запрошуються найкращі автори. Журнал буде добре ілюстрований. **Ціна „Маякові“** на рік—3 руб., 1/2 року—1 руб. 75 коп. Адреса редакції: **Київ**, Тургенівська, 9.

Редактор-Видавець **З. Шевченко.**

Приймається передплата на 1912—1913 шкільний рік

НА УКРАІНСЬКИЙ ПЕДАГОГИЧНИЙ ЖУРНАЛ

„СВІТЛО“

третій рік видання.

Журнал призначається для семї і школи і виходить раз на місяць (всього 9 книжок, кожна розм. од 4 до 5 аркушів) по такій програмі:

1) Статті що до теорії виховання і народньої освіти. 2) Ознайомлення з усякими питаннями виховання і практичне пристосування їх до шкільного і семйового життя. 3) Значіння художнього розвитку в справі виховання і освіти. 4) Сьогочасне становище народньої освіти. школи і н роднього учительства на Україні. 5) Хроніка діяльности всяких просвітніх, педагогичних і наукових товариств. 6) Огляди педагогичних російських і закордонних журналів. 7) Твори красного письменства. 8) Бібліографія. Въ журналі „Світло“ за перший й другий рік взяли участь своїми писаннями такі співробітники: Х. Алчевська, Батько, С. Бердяевъ, Бія-кий, Ан. Василько, С. Васильченко, С. Волох, П. Воронін, М. Грінченко (Загірня), Я. З—кевич, Дн прова Чайка, Д. Дорошенко, С. Єфремов, Д. З. Бір, Т. Згор льський, П. Капельгородський, Н. Кибальчич, А. Курилас, В. Куц, Людомир П., Гр. Михайлець, З. Мірна, Он. Мусієнко, Гр. Наш, Гр. Неборак, М. Невада, К. Оберучев, Ол. Он—ко, О. Она, Сергій Павленко, П. Понятенко, В. Поточний, Педагог, Д. Пісочинець. Провінціал, Я. Савченко, Гр. Сьогобочній, М. Рубакин, Ол. Русов, С. Русова, Ю. Сірий, Ю. Стражавський, С. Сіропольо, Слюсар, В. Снілка, Ів. Стешенко, Я. Стороженко, М. Ткаченко, П. Є. Т—ро, С. Титаренко, Ф. Тусін, Є. Чарнолуська. Чепелянець ий, Я. Чеміга, С. Черкасенко, Л. Чулий, Св. К. Шар—кий, С. Шелухін, С. Шохоръ-Троцький.

Журнал „Світло“ виходить з сентября. Передплата на рік 4 карб. На пів року 2 карб 50 к. За кордон 5 карб, Передплата приймається в конторі „СВІТЛА“, у Київі, В.-Володимирська. 93 Передплачувати „Світло“ можна ще у Київі: 1) в Українській книгарні, Бєзак вська, 8; 2) в книгарні Л.-Н Вістника, В.-Волод мирська, 28; 3) в Крамниці „Час“ Вел. Волод. 53, въ Харькові, в Українській книгарні, Рибна. 25, в Полтаві в „Українській книгарні“ Петровська ул., будинок Ворожейкина, поруч з європейским готелем; в Одесі: въ книгарніи „Діло“, Преображенська, 11, риг. Лисаветинської, в Катериподарі, Красна ул. Книгарня Запорожця.

Принимается подписка на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„ОГНИ“

издающійся въ Кіевѣ О П. Прохаско.

Третій годъ изданія.

Подписная цѣна на еженедѣльный журналъ **«Огни»** съ доставкой и пересылкой: въ Россіи: на годъ—**2** р., на полгода—1 р., на 3 мѣсяца —**50** к.; за границу: на годъ—**3** р., на полгода—**1** р. **50** к., на 3 мѣсяца—**75** коп.

Адресъ редакціи и конторы: Кіевъ, Фундуклеевская ул., 26.

Вже приймається передплата на **богато-ілюстрований літературно-мистецький місячник**

„СЯЙВО".

Місячник, маючи на меті задовольнити естетичні потреби нашого громадянства, заручився згодою на участь кращих українських поетів, письменників, критиків, етнографів, артистів, малярів, різбярів, музиків, будівничих та инш.

Місячник виходитиме по такій програмі: 1) Від редакції. 2) Мистецькі твори. 3) Твори з історії та теорії штуки. 4) Твори з етнографії України. 5) З життя діячів письменства та штуки. 6) Театр та музика. 7) Огляд письменства та штуки. 8) Хроніка. 9) Усячина. 10) Оповістки.

Ціна на рік 3 карб. з пересилкою.

Адреса редакції: **Київ, Бульварно-Кудрявська, 31, кв. 1.**

Редактор-видавець О. КОРОЛЬЧУК.

8-ы год выданьня.

„НАША НІВА"

Прымаецца падпіска на першую беларускую газэту

У 1913 гаду **«Наша Ніва»** пойдзе па тэй дарозе, па якой ішла сем гадоу, і будзе далей жывым люстрам жаданьнёу і патрэб беларускаго народу.

«Наша Ніва» будзе працаваць над адраджэньнем національным, грамадзянскім і людзкім беларусоу, шануючы правы другіх націй нашаго краю і цьвёрда паказываючы граніцы, перэхадзіць каторые непавінна ні адна нація, каб не было школы ішным.

Гадавым падпісчыкам і поугадавым высылаецца дарма «Беларускі календар» на 1913 г.

Падпіска на 1 год—2 руб. 50 кап., на 6 мес.—1 руб. 25 к., на 3 мес.—65 кап.

Принимается подписка на 1913 годъ на ежемѣсячный журналъ Черниговскаго Губернскаго Земства

„Земскій сборникъ Черниговской губ."

издаваемый по слѣдующей программѣ: отдѣлъ I. Постановленія и распоряженія правительства. Отдѣлъ II. Земское и городское хозяйство. Земскія извѣстія и обзоры земскихъ и городскихъ учрежденій Черниговской губерніи. Отдѣлъ III. Монографіи, матеріалы и свѣдѣнія по археологіи, исторіи, этнографіи, народному образованію, какъ теоретическаго, такъ и чисто практическаго, мѣстнаго характера и пр. Отдѣлъ IV. Мѣстная хроника. Сообщенія, отчеты и обзоры дѣятельности мѣстныхъ правительственныхъ, общественныхъ и сословныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ. Отдѣлъ V. Общая хроника.—Обзоръ главнѣйшихъ событій, фактовъ и проектовъ внутренней и внѣшней жизни Россіи.

Отдѣлъ VI. Разныя свѣдѣнія и корреспонденціи изъ уѣздовъ Черниговской губерніи. Отдѣлъ VII. Судебная хроника, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній, по дѣламъ, касающимся земскихъ интересовъ. Отдѣлъ VIII. Общая библіографія, со включеніемъ обзора иностранной агрономической литературы. Отдѣлъ IX. Вопросы и отвѣты по экономическимъ, земскимъ и другимъ вопросамъ. Отдѣлъ X. Справочныя извѣстія и объявленія.

Подписная плата съ пересылкою: на годъ—2 руб., на полгода—1 р.; на 3 мѣс.—50 к.; на 1 мѣс.—20 коп.

Подписка принимается въ г. Черниговѣ, въ Губернской Земской Управѣ.

Открыта подписка на 1913 г. на журналы:

1) „ЮНАЯ РОССІЯ“ (Дѣтское чтеніе), ежемѣсячный иллюстрирован. журналъ для семьи и школы. Сорокъ пятый годъ изданія. На годъ 4 р. 50 к. безъ пересылки. 5 руб. съ пересылкой. За границу 7 руб. Журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ городскія, по Положенію 1872 г., училища и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. Въ 1913 г. журналъ «Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») дастъ всѣмъ подписчикамъ: 12 ежемѣсячныхъ книжекъ, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, разсказы и сказки; б) стихотворенія, в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки; съ портретовъ замѣчательныхъ людей, съ картинъ извѣстныхъ художниковъ и пр. Ее платныя приложенія къ журналу «Юная Россія» на 1913 годъ: I.) Ч. Робертсъ. Разсказы: 1) Сѣрый атаманъ. 2) Послѣдняя охота Сѣраго. 3) Черная дебрь. Переводъ съ англ. В. Гатцука. Съ рисунками. II. Исторія одной жизни (Томасъ Эдисонъ). Н. Каринцева III. Путешествія Н. М. Пржевальскаго. Г. Е. и М. Е. Грумъ-Гржимайло. С. Покровскаго. IV. Сборникъ избранныхъ стихотвореній А. М. Жемчужникова, С. Я. Надсона, И. З. Сурикова, К. М. Фофанова, Н. В. Жадовской, В. Л. Величко, С. Д. Дрожжина и др., подъ редакціей Д. И. Тихомирова.

2) „Педагогическій Листокъ“, журналъ для воспитателей и народныхъ учителей. Сорокъ пятый годъ изданія, Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками до 5 листовъ. 1 р. 75 к. безъ пересылки; 2 р. съ пересылкой. За границу 3 р. Подписная цѣна на оба журнала 6 руб. на годъ съ пересылкой, безъ пересылки 5 руб. Адресъ редакціи: Москва, Б. Молчановка, д. № 18. Подписка принимается и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Книгопродавцамъ уступка 5%. Плата за объявленія въ журналахъ «Юная Россія» и «Педагогическій Листокъ»: за страницу 40 руб., за 1/2 стр. 20 руб., за 1/4 стр. 10 руб., за 1/8 стр. 5 руб. Издатель-ница Е. Н. Тихомирова. Редакторъ Д. И. Тихомировъ. При журналѣ «Юная Россія» и «Педагогическій Листокъ» организованъ книжный складъ изданій Д. И. Тихомирова: 1) Библіотека для семьи и школы; 2) Учительская библіотека; 3) Учебники Д. И. Тихомирова. Каталогъ высылается безплатно по первому требованію.

Редактор-Вѣдавецъ **Л. ШЕРСТЮК**

„Народный Учитель“. Открыта подписка на 1913 годъ на еженедѣльный профессіональный и общественно-педагогическій журналъ. Съ 1912 г. журналъ выходитъ еженедѣльно, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Въ журналѣ участвуютъ видные дѣятели по народному образованію. Въ составъ сотрудниковъ вошли: И. С. Абрамовъ, В. А. Анзимировъ, А. Н. Ачкасовъ, гр. Бобринская, И. П. Бѣлоконскій, В. П. и Э. О. Вахтеровы, А. Г. Вязловъ, А. Ф. Вознинъ, Д. И. Дорошенко, И. Я. Дрилихъ, Я. И. Душечкинъ, С. А. Ефремовъ, Ѳ. О. Жаровъ, Б. Н. Звонаревъ, Е. А. Звягинцевъ, Я. Ф. Зеленовичъ, С. А. Золотаревъ, В. Зельгеймъ, А. Е. Ивашкинъ, А. П. Иващенко, В. В. Кирьяковъ, В. С. Костромина, М. А. Орлова, К. Ф. Лебединцевъ, С. И. Лисенко, А. А. Локтинъ, Н. Д. Лубенецъ, Т. Г. Лубенецъ, Д. Е. Любченко, Н. А. Малиновскій, С. П. Мельгуновъ, Ф. П. Матушевскій, В. С. Мурзаевъ, А. Б.

Петрищевъ, А. Н. Пропперъ, д-ръ Г. И. Ростовцевъ, С. С. Раецкій, вр. М. П. Рашковичъ, Н. Е. Румянцевъ, Л. Н. Рутценъ, С. Ф. Русова, И. Н. Сахаровъ, Н. А. Скворцовъ, В. В. Симоновскій, Б. Е. Сыроѣчковскій, О. Н. Смирновъ, С. О. Сѣрополко, С. В. Хатунскій, Н. В. Чеховъ, Е. Г. Шольпъ, М. Л. Цитронъ и др. Въ 1913 г. всѣ годовые подписчики получатъ безплатно 3 приложенія: 1) 20 лекцій Н. Е. Румянцева по педагогической психологіи (въ 1-мъ полугодіи). 2) Календарь-справочникъ (2-ю часть—справочникъ 286 страницъ) при № 1. 3) Альбомъ (настѣнныхъ) портретовъ знаменитыхъ педагоговъ. Подписная цѣна—3 руб. со всѣми приложеніями. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб. и 1 руб. къ 1 апр, Адресъ редакціи. Москва, Тверская застава, Царскій, д. 4.

Редакторъ **О. Н. Смирновъ.** Издательница **Л. П. Смирнова.**

Открыта подписка на 1913 годъ на ежедневную газету

„Кіевская Мысль".

Еженедѣльно иллюстрированныя приложенія.

Въ газетѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Д. Я. Айзманъ, А. В. Амфитеатровъ, Антидъ-Ото, А. Н. Ачкасовъ, Е. А. Адамовъ, М. С. Балабановъ, С. И. Барщевскій, И. М. Билликъ, С. И. Бразуль-Брушковскій, М. Бразъ, Г. Г. Бурдановъ, В. В. Вакаръ, К. П. Василенко, Н. П. Василенко, П. А. Виленскій, Л. Н. Войтоловскій, В. И. Волоенштейнъ, А. Вороновъ, **Гарольдъ (И. М. Левинскій)**, Елена Гинзбургъ, Homunculus, Э. А. Гольденвейзеръ, И. В. Джонсонъ, А. М. Дмитровскій, С. З. Дижуръ, В. А. Дрелингъ, Дезесперанто, І. Г. Дроздовъ, А. Егоровъ, Д. І. Заславскій, проф. Д. К. Заболотный, Н. К. Ивановъ, М. О. Іоселевичъ, С. И. Казановскій, Н. В. Калишевичъ, Н. П. Козеренко, А. М. Козаринскій, П. И. Кореневскій, С. П. Ковальскій, Е. М. Кузьминъ, Н. Р. Кугель, Людвигъ Кржвицкій, А. Львовъ, А. М. Лебединскій, L. Mête, М. Д. Липманъ, Lolo, Ю. И. Лещъ, М. И. Лировъ, Р. К. Лубковскій, М. Р. Лубковскій, А. В. Луначарскій, А. К. Малашевскій, Д. М. Марголинъ, А. Л. Майзелисъ, М. С. Мильрудъ, Г. Наумовъ, Ф. П. Негоревъ, Л. М. Немановъ, А. Н. Николаевъ, В. А. Никитинъ, К. М. Оберучевъ, В. А. Ордынскій, Н. П. Омельченко, Н. Ф. Пономаревъ, Ф. Рехневскій, М. Б. Рабиновичъ, М. Б. Ратнеръ, В. Рудинъ, А. В. Свирскій, В. С. Илличъ-Свитычъ, А. К. Скрынниковъ, С. А. Соляковъ, П. А. Тулубъ, А. А. Хирьяковъ, Г. Христіанъ, В. А. Чаговецъ, Е. П. Чириковъ, Е. Г. Шольпъ, Петръ Шубинъ, С. А. Эвенсонъ, М. И. Эйшискинъ, Энзисъ, А. А. Яблоновскій, А. И. Ярошевичъ, П. М. Ярцевъ, С. Ястребовъ, и др.

Письма съ театра войны. Антидъ-Ото, А. Львовъ, Е. Н. Чириковъ. Письма изъ Петербурга: Е. Адамовъ, Л. Немановъ. Письма изъ Москвы:

Открыта подписка на 1913 годъ на ежедневную политическую, литературную и экономическую газету.

РѢЧЬ,

8-й годъ изданія,

издаваемую въ С.-Петебургѣ **В. Д. Набоковымъ и И. И. Петрункевичемъ** при ближайшемъ участіи **П. Н. Милюкова и Г. В. Гессена** и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ.

Подписчикамъ газеты **«Рѣчь»** на 1913 годъ, внесшимъ до 1-го февраля подписную плату не менѣе, чѣмъ за ½ года, будетъ, по примѣру этого года, разосланъ **безплатно.**

Ежегодникъ газеты „РѢЧЬ"

на 1913 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	12 м.	9 мѣс.	6 мѣс.	5 мѣс.	4 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Въ Россіи . Р.	12.—	9.—	6.—	5.10	4.15	3.15	1.15	1.10
Заграницу . Р.	20.—	15.75	11.—	9.50	7.45	6.—	4.—	2.—

Для сельскихъ священниковъ и учителей, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, фельдшеровъ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ при непосредственномъ обращеніи въ главную контору: на 12 м.— 9 р., 9 м.—6 р. 75 к., 6 м.—4 р. 50 к., 3 м.—2 р. 40 к., 1 м.—85 к.

Адресъ главной конторы газеты **«РѢчь»:** Спб., улица Жуковскаго, 21.

Пробные №№ газеты «РѢчь» для ознакомленія высылаются безплатно.

„ЗАВѢТЫ".

Въ ближайш. кн. 1913 г. будутъ напечатаны произведенія: гр. А. Н. Толстого (комедія въ 5 д. «Лѣнтяй»), Ю. Балтрушайтиса («Кочевники», поэма, «Искры и Звѣзды», «Шелестъ травъ» и др.), В. Винниченко («Федоръ Биланъ»), Бориса Зайцева («Грѣхъ»), А. И. Иванчина-Писарева (Изъ воспоминаній о «хожденіи въ народъ»), М. Пришвина («Въ слоновой долинѣ»), А. Ремизова («Сказъ и росказни», «Вещь темная» и «Свѣтъ немерцающій»), С. Сергѣева-Ценскаго («Лерикъ»), Ѳ. Сологуба (разсказы), И. Шмелева («Поденка») и др.

Статьи: А. Баха, С. А. Венгерова, Ф. Вольховскаго, А. Воронова, Н. Геккера, А. Гуковскаго, А. Дермана, С. Зака, Е. Звягинцева, Р. Иванова-Разумника, В. Лункевича, Г. Лягарделя, К. Качоровскаго, А. Керенскаго, С. Метальникова, Н. Морозова, С. Мстиславскаго, Н. Огановскаго, Н. Ракитникова, М. Ратнеръ, Н. Русанова (Н. Е. Кудрина), Скиѳа, Н. Суханова, Б. Берненкова, Виктора Чернова, Гр. Шрейдера и др.

Постоянные отдѣлы: «Историческіе матеріалы по литературѣ и общественному движенію»: о А. Герценѣ, Н. Михайловскомъ, Н. Чернышевскомъ, Г. Успенскомъ, И. С. Тургеневѣ, Петрашевцахъ, Каракозовѣ, М. Гоцѣ и др. Дѣла и дни—Я. Вѣчевъ (В. Черновъ). Литература и общественность—Р. Ивановъ-Разумникъ. По градамъ и весямъ—М. Пришвинъ. Свое и чужое (русск. жизнь)—С. Мстиславскій. Текущая жизнь.

Подписная цѣна: на 12 мѣс.—10 р.; на 6 мѣс.—5 р.; на 3 мѣс.— 2 р. 50 к., на 1 мѣс.—85 к. Отдѣльная книга 1 руб., съ налож. плат. 1 р. 20 к. За границу 13 р., 7 р. 50 к., 3 р. 25 к.

Подписавшіеся на весь 1913 годъ имѣютъ право получить комплектъ №№ 1912 года, вмѣсто 8 руб., за 5 руб. Въ виду ограниченнаго количества оставшихся №№ 1912 года, подписчики будутъ удовлетворяться въ порядкѣ послѣдовательности подписки.

Въ 1912 году напечатано: И. Бунина («Веселый дворъ»), В. Винниченко («Исторія Акимова зданія»), М. Горькаго («Рожденіе человѣка»), М. Пришвина («Иванъ-Осляничекъ»), А. Ремизова («Бисеръ малый»), В. Ропшина («То, чего не было»), С. Сергѣева-Ценскаго («Около моря»), И. Сургучева («Торговый домъ») и др.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ журнала, Косой пер., 11, уг. Соляного. Телеф. 193-27; въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія линіи), а также во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россіи по цѣнѣ редакціи, безъ доплаты за пересылку денегъ. Въ Москвѣ складъ журнала—кн. маг. «Наука», Б. Никитская.

Издательница **С. А. Иванчина-Писарева.** Редакторъ **П. П. Инфантьевъ.**

ПРИЙМАЄТЬСЯ ПЕРЕДПЛАТА
на 1913 рік
(РІК ВИДАННЯ ПЯТИЙ).

4 руб. на рік
і
2 р. 50 к. піврічно.

Українська Хата

ЛІТЕРАТУРНО-КРИТИЧНИЙ,
ГРОМАДСЬКИЙ
УКРАЇНСЬКИЙ МІСЯЧНИК

Завданіем журнала «Українська Хата» е—по можливости повне освітлюванне процесу ідейного духового життя Україні, беручи його пді розвагу національности. Література, як головний виразник його, розкриваючи ее житте въ його основі, займе перше і найповажніше місце на сторінках журнала. «Українська Хата» обслуговуючи інтереси українськоі інтелігенціі, буде відкликатися на всі важливіші громадські поді українського і світового життя, а також на розвій мистецтва въ ріжних його проявах.

Журнал «Українська Хата» буде мати відділи: а) художньо-літературний (поезіі, нариси, малюнки, оповідання, новели, повісти, романи, драми і т. н. орігінальні і перекладні); б) критичний (критичні статті, літературні огляди, характеристики письменників); в) науковий (теорія, історія і філософія литературы, псіхологія творчасти та ин.); г) публіцистичний (статті, въ которих обговорюватимуться ріжні події українського і світового життя); д) мистецький (статті про музику, театр, малярство, архитектуру та инше) і е) широко поставлена бібліографія.

Крім того з 1913 року при журналі «Українська Хатаі» вводиться слідуючі нові відділи: а) журналъ журналів. З маси друкованого в українській пресі буде вибиратись все, що найбільше цікавого для інтелігентного читача, таким чином нашъ журнал поставить його в курсі біжучих літературних і громадських справ; б) літературна хроніка буде занотовувати всі новини українських видань.

Виходитиме журнал въ кінці кожного місяці чепурними, розміром не меньше 64 сторінок набору, міцно зброшюрованими книжками в стильовій обгортці.

Працюють в журналі кращі сили. До сеі пори містили свои твори:

О. Авратинський, Христя Алчевська, Юр. Будяк, Ганна Барвінок, Л. Будай, П. Богацкий, В. Винниченко, М. Еороний, В. Гришинській, А. Діброва, М. Евшан, Ол. Журлива, Михайло Жук, Г. Журба, П. Карманський, Н. Кибльчичъ, Гр. Коваленко, Ольга Кобилянська, І. Кочіц, М. Коваленко, Богдан Лепкий, Іван Липа, Іван Личко, Я. Мамонтов, Майорский, Ол. Неприцький-Грановський, /О. Олесь, М. Піагірянка, Л. Пахаревський, С. Просвітянин, О. Плющ, С. Павленко, С. Русова, Одарка Романови, М. Рильський, Е. Самійленко, М. Сріблянський, Юр. Сірий, Евг. Стебновській, Я. Стоколос, С. Твердохліб, В. Тарноградський, Ан. Товкачевський, М. Филянський, Гнат. Хоткевич, А. Худоба, М. Чернявській, Гр. Чупринка, М. Шаповалъ, Гордій Юрич, Михайло Яцків і богато инш.

Передплата річна на «УКРАЇНСЬКУ ХАТУ» 4 руб. (за кордон. 12 корон.). **півроку 2 руб. 50 коп.. окрема книжка 35 коп.** (з перес. 40 коп.).

Хто пришле цілорічну передплату до 15-го січня 1913 р. той одержить при № 1 журнала безплатий додаток.—томъ 1-й віршів Ол. Неприцького-Грановського—«ПЕЛЮСТКИ НАДІЙ і далі: Юліуш Словацьмий«—БАТЬКО ЗАЧУМЛЕНИХ», поема в перекладі Сидорі Твердохліба .та великий юбілейный портретъ ІВАНА ФРАНКА.

Кто пришле цілорічну передплату до 15-го лютого 1913 р., той одержить два останні додатки, а всі инші рокові передплатники тільки портретъ ..Ивана Франка.

Редакторъ-видавець Павло Багацький.

Открыта подписка на 1913 г. (3-й г. изданія).

ШКОЛА и ЖИЗНЬ

Единственная еженедѣльная общественно-педагогическая газета съ ежемѣсячными приложеніями.

Задача газеты: тѣсное единеніе школы съ жизнью и семьи со школою; свободное развитіе всѣхъ видовъ школы, отъ высшей до низшей.

Въ число безплатныхъ приложеній на 1913 г., **не менѣе 80 печ. лист.,** входятъ, между прочимъ, трактатъ о воспитаніи **Джона Локка,** сборникъ статей самаго выдающагося представителя эксперим. психологіи **Стэнли Холла** и другія классическія произведенія, необходимыя не только каждому педагогу, но и всѣмъ интересующимся школой и воспитаніемъ.

Программа газеты: 1) Статьи по вопросамъ: а) организаціи школы и школьнаго законодательства, б) общепедагогической теоріи и практики. 2) Статьи по различнымъ вопросамъ образованія и воспитанія. 3) Фельетонъ, характеризующій по преимуществу внутреннюю жизнь школы или популяризующій различныя стороны знанія. 4) Обзоръ печати. 5) Хроника образованія; дѣятельность законодательныхъ учрежденій, правительства и т. д. 6) Хроника школьной жизни въ Россіи и за границей. 7) Обозрѣніе спеціальной литературы, русской и иностранной. 8) Объявленія.

Освѣщеніе всего, что касается умственнаго, нравственнаго и физическаго воспитанія, школьнаго и дошкольнаго, какъ въ Россіи, такъ и за границей, обезпечивается сотрудничествомъ профессоровъ, преподавателей средней и низшей школы, земск. и город. дѣятелей, членовъ Гос. Думы и Гос. Совѣта, дѣятелей разл. обществъ и родительскихъ организацій.

Въ газетѣ участвуютъ между прочимъ: проф. М. Алексѣенко, Х. Алчевская, акад. В. Бехтеревъ, проф. И. Боргманъ, И. Бѣлоконскій, проф. В. Багнеръ В. Вахтеровъ, акад. В. Вернадскій, В. Гердъ, проф. Н. Гредескулъ, проф. Д. Гриммъ, проф. В. Данилевскій, Я. Душечкинъ, Е. Звягинцевъ, проф. П. Каптеревъ, проф. М. Капустинъ, проф. Н. Карѣевъ, проф. А. Кизеветтеръ, проф. М. Ковалевскій, акад. А. Кони, проф. Н. Ланге, А. Липовскій, Н. Лубенецъ, проф. И. Лучицкій, проф. А. Мануйловъ, П. Милюковъ, Н. Михайловъ, проф. А. Нечаевъ, акад. Д. Овсянико-Куликовскій, Ф. Ольденбургъ, А. Острогорскій, проф. Л. Петражицкій, А. Петрищевъ, И. Петрункевичъ, проф. А. Посниковъ, А. Пругавинъ, Г. Россолимо, Н. Рубакинъ, М. Стаховичъ, І. Титовъ, Д. Тихомировъ, графъ И. Толстой, Н. Тулуповъ, проф. Г. Хлопинъ, В. Чарнолуский, проф. Г. Челпановъ, Н. Чеховъ, П. Шестаковъ, А. Шингаревъ, акад. И. Янжулъ и др. и изъ иностранныхъ ученыхъ: проф. Ренэ Вормсъ, Шарль Жидъ, извѣстный французскій педагогъ Бьюссонъ, де-Гревъ, Томассенъ и др.

Редакція газеты имѣетъ корреспондентовъ въ разныхъ городахъ имперіи и за границей и спеціальныхъ корреспондентовъ въ Гос. Совѣтѣ и Гос. Думѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой на годъ **6** р., на полгода **3** р., на 3 мѣс. **2** р.

Для учащихъ въ начальныхъ училищахъ допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб. и къ 1 февраля, 1 марту, 1 апрѣля и 1 мая по 1 рублю.

Подписка принимается: въ Главной конторѣ: **Петербургъ, Кабинетская, д. Губернскаго Земства, № 18,** во всѣхъ почт.-телегр. отдѣл. и въ солидн. книжн. магаз.

Объявленія: строка нонпарели впереди текста **60** коп., позади— **30** коп.

Редакторъ: **Г. А. Фальборкъ.** Издатели: **Н. В. Мѣшковъ** и **Г. А. Фальборкъ.**

„Dzieunik petersburski"

Единственная польская газета въ Имперіи.
Безпартійная, политическая, литературная и научная ежедневная газета. При непосредственномъ участіи А. Ф. Бабянскаго и А. Р. Ледницкаго. Собственные корреспонденты во всѣхъ центрахъ польской жизни: въ Варшавѣ, Краковѣ, Львовѣ, Познани, Вильнѣ, Кіевѣ, а также во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Имперіи, спеціальный отдѣлъ Москвы и Риги.

Издатель: **А. Бабянскій.** Секретарь Редакціи: **С. Гростернъ.**
Редакторъ: **І. Савицкій.**

Подписная плата въ годъ въ Петербургѣ: 6 руб., ½ года—3 руб., 3 мѣс.—1 руб. 50 коп., 1 мѣсяцъ—50 коп.; въ Имперіи: 1 годъ—8 руб., ½ года—4 руб., 3 мѣс.—2 руб., 1 мѣс.—70 коп.; за границей: 1 годъ—12 руб., ½ года—6 руб., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб.
Адресъ Редакціи и Главной Конторы: СПБ., Владимирскій пр., 13, телеф. 105-43.

(Славянское Обозрѣніе).

SLOVANSKY PREHLED

Ежемѣсячный всеславянскій журналъ, въ XV-мъ году изданія.
Будетъ издаваться по прежней программѣ. Журналъ выходитъ книжками въ 3 и больше листовъ, въ первую пятницу каждаго мѣсяца (исключая августъ и сентябрь), заключая въ себѣ статьи и корреспонденціи, касающіеся культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ; сверхъ того, будутъ печататься переводы стихотвореній славянскихъ поэтовъ на чешкомъ языкѣ, библіографическія извѣстія изъ всѣхъ славянскихъ литературъ, свѣдѣнія о славянскомъ искусствѣ и пр.
Подписная цѣна для Россіи 4 руб. 50 коп. въ годъ съ доставкой и пересылкой.
Подписка принимается въ конторѣ журнала «Slovansky Přéhled» въ Прагѣ Чешской (Адресъ: Nakladatelstoi F. Simàcekk, Praha, Ierusalemska ul, 11).
Издатель **Ф. Шимачекъ.** Редакторъ **А. Черны.**

Принимается подписка на 1912 годъ (7-й годъ изданія) на большую политическую, общественную и литературную газету

„ЮЖНАЯ ЗАРЯ"

(основана **П. Г. Гезе**), издающуюся въ гор. Екатеринославѣ подъ ред. **А. Я. ЕФИМОВИЧА**, изд. Т-во „Южная Заря".

Условія съ доставкой и пересылкой.

На 1 г. 6 руб., 11 мѣс. 5 р. 50 к., 10 мѣс. 5 р., 9 мѣс. 4 р. 50 к., 8 мѣс. 4 р., 7 мѣс. 3 р. 50 к., 6 мѣс. 3 р., 5 мѣс. 2 р. 60 к., 4 мѣс. 2 р. 10 к., 3 мѣс. 1 р. 70 к., 2 мѣс. 1 р. 20 к., 1 мѣс. 70 к.

Редакція и контора: Екатеринославъ, Упорная, д. Шабева.

Указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Украинской Жизни“ за 1912 г.

Приложенія: портреты М. П. Драгоманова и Н. В. Лисенка.

А—вичъ С. Объ украинизаціи средней и высшей школы . . . . . IV, 31—38

— **М. П.** Драгомановъ (Біографическая справка) . . . . . VI, 5—9

Арсеньевъ К. К. Отвѣтъ на анкету «Украинской Жизни» . . . . . XII, 57—58

Б. С. Обзоръ украинской жизни . . VI, 92—97; VII—VIII, 100—104

Бочковскій И. А. Ukraińica въ чешскомъ сборникѣ «Slovanstvo» . . . . . IX, 99—106

Брамъ А. Къ выборамъ въ Холмщинѣ. XII, 113—117

Буда С. А. Памятникъ Т. Г. Шевченку. III, 24—36

— Украинскій театръ . . . . . X, 68—77; XI, 56—63

Бѣлоусенко О. Гибель «Просвіт». . . I, 29—39

— Украинскіе моменты въ холмскомъ вопросѣ . . . . . III, 10—23

— Lex Piċhniana. . . . . V, 28—42

— Съ больной головы на здоровую. (Отвѣтъ члену Госуд. Думы А. Никольскому) . . . . . IX, 44—51

Василевскій Л. (Плохоцкій). Спорные вопросы въ области польско-украинскихъ отношеній . . . . X, 39—51

Василенко Н. П. Декабристъ объ Украинѣ (В. И. Масловъ. Литературная дѣятельность К. Ѳ. Рылѣева). III, 84—91

В. Н. Политическіе взгляды М. П. Драгоманова. . . . . VI, 36—55

Василько Ан. Къ холмскому вопросу. I, 53—59

— Украинская драматическая литература (по поводу кн. Комарова «До української драматургії») . VII—VIII, 134—138

Гордіенко М. Капитализмъ и русская культура на Украинѣ . . . . IX, 16—31

Горькій М. О русской интеллигенціи и національныхъ вопросахъ (Отвѣтъ на анкету «Украинской Жизни») . . . . . IX, 7—15
Грушевскій М. С. Проф. Украина и и украинство . . . . . I, 11—28
— Новое знамя націоналистовъ . . II, 16—21
Донцовъ Дм. Австрійская raison d'ètat въ Галиціи (Письмо изъ Галиціи) I, 81—87
— «Русская идея» въ Галиціи (письмо изъ Галиціи) . . . . . III, 64—74
— Русскій либерализмъ и украинское движеніе . . . . . V, 7—16
— За украинскій университетъ (Письмо изъ Галиціи) . . . . . VI, 66—81
— По поводу послѣдней парламентской сессіи (Письмо изъ Галиціи) VII—VIII, 65—72
— Еще о русскомъ либерализмѣ . . X, 84—85
— Украина въ новѣйшей европейской литературѣ . . . . . XI, 44—55
— Point des rèveries! (Письмо изъ Галиціи) . . . . . XII, 73—82
Дорошенко В. Украинская академія наукъ . . . . . X, 23—38
Е—мовъ С. Рыцарь долга (памяти Б. Д. Гринченка) . . . . . IV, 39—40
Ефремовъ С. А. Безнадежно запутавшійся . . . . . VII—VIII, 73—77
— По поводу опроверженія г. Щеголева . . . . . VII—VIII, 105—107
— На текущія темы:

Объ одномъ новогоднемъ пожеланіи. — Умиленія достойная картина. — Два циркуляра съ однимъ финаломъ. — Наслѣдіе Столыпина и господа наслѣдники.—О богдановцахъ безъ Богданова.—Какъ это называется? I, 88—96.

Недурное начало.—Идея примиренія наоборотъ и практическое ея осуществленіе.—Объ одномъ сенатскомъ разъясненіи и творческихъ порывахъ.—Военные и штатскіе миротворцы.—Объ „украинофильствѣ" и воинственномъ азартѣ г-на Струве.—На двухъ стульяхъ. II, 74—86.

Волчья тактика и чиновническое остроуміе.—Объ одномъ волченкѣ.—О вредѣ чрезмѣрной стремительности.—Своеобразная группировка. III, 75—83.

Особый читатель.—Человѣческій документъ.—Сепаратизмъ съ прописной буквы, или какъ иногда выполняются обѣщанія. — Маленькій Лыжинъ. — О человѣкѣ, который всегда правъ. IV, 51—68.

О свѣтѣ и гасителяхъ.—Трезвые практики и крѣпкіе лбы.—Новые опыты

на старыхъ основаніяхъ.—Изъ одной анкеты, или о неожиданныхъ путяхъ.—Чужая литература, чужбина и преслѣдованія, какъ источники самосознанія. V, 58—69.

Импровизированные арабы и увеличеніе доходности. — На знаменахъ и въ дѣйствительности.—Cui prodest?—„Съ петербургского Синая".—Злой геній современности и маленькая коллекція современныхъ анекдотовъ.—О безграмотности.—Невознаградимая затрата". VI. 82—91.

Избирательная кампанія и „никакихъ настроеній". — Съ средней позиціи.—Борьба съ „настроеніемъ".—Украинство въ Думѣ и на выборахъ.—Отъ настроенія къ дѣйствію. IX, 57—66.

— Что и требовалось доказать (Письмо изъ Кіева) . . . . . X, 89—92
— Передъ спущенной завѣсой . . . XI, 25—31
— На зарѣ возрожденія . . . . . XII, 83—90
Жаботинскій В. Е. О русскомъ либерализмѣ (Письмо въ «Украинскую Жизнь»). . . . . VII—VIII, 47—55
Жебуневъ Л. Н. Почему былъ бѣденъ украинскій отдѣлъ на выставкѣ печати . . . . . X, 52—59
Ж—ко М. Изъ украинской печати . VI, 98—103
Кистяковскій Б. А. М. П. Драгомановъ и «Вольное Слово». . . . I, 97—119
Коршъ Ѳ. Е. проф. Къ спору объ украинской культурѣ. . . . . II, 32—47
Л. А. Украинскій архитектурный стиль. Съ иллюстраціями . . . IX, 32—43
Ладыженко В. Національное искусство и задачи искусства на Украинѣ III, 46—56
Лебединскій И. В. Украинскій языкъ въ судѣ . . . . . XII, 37—47
Луначарскій А. Н. О націонализмѣ вообще и украинскомъ движеніи въ частности . . . . . X, 9—22
Масловъ А. Л. Украинская народная музыка. . . . . XII, 62—72
Могилянскій М. М. О культурномъ творчествѣ . . . . . IV, 7—16
— Коцюбинскій и Винниченко. . . VI, 56—65
Новицкій А. П. Къ вопросу объ украинскомъ стилѣ . . . . . XI, 71—72
Оберучевъ К. М. Къ вопросу объ экономическихъ отношеніяхъ Украины къ Великороссіи и Польшѣ. III, 37—45

Обнинскій Викторъ. Отвѣтъ на анкету «Украинской Жизни» . . . . . XII, 55—57
Олесницкій Е. д-ръ. Борьба за украинскій университетъ . . . . . VII—VIII, 20—37
Панкевичъ І. Указатель литературы для изученія украинскаго языка VII—VIII, 126—120
Петлюра С. В. Къ драмѣ жизни Шевченка (Къ (51-й годовщинѣ смерти II, 7—15
— Къ вопросу о культурномъ творчествѣ . . . . . VII—VIII, 7—19
— Украинскій отдѣлъ на выставкѣ произведеній печати . . . . . IX, 78—86
— Памяти Н. В. Лисенко. . . . . XI, 20—24
Погодинъ А. Л. проф. Соединеніе или разложеніе? . . . . . III, 7—9
— Необходимость украинской программы. . . . . XII, 91—93
Правобережецъ В. Политика польскихъ руководящихъ сферъ по отношенію къ Украинѣ. . . . . XII, 17—37
Русова С. Ф. Современная украинская лирика . . . . . IV, 40—50
V, 43—48
— Неотложное дѣло украинскихъ колоній. . . . . IX, 52—56
— Національный вопросъ въ европейскомъ освѣщеніи . . . . . X, 78—83
Русовъ А. А. Н. В. Лисенко (Вмѣсто некролога) . . . . . XI, 9—19
Садовскій В. В. Изъ земской жизни на Украинѣ (Націоналистическая теорія и «сепаратистическая» практика). . . . . I, 70—80
— Россійскіе марксисты объ украинскомъ движеніи . . . . . II, 69—73
— Изъ земской жизни на Украинѣ (Земская агрономія и украинское крестьянство) . . . . . III, 57—63
— Украинскій вопросъ въ третьей Думѣ . . . . . V, 17—27
— Изъ земской жизни на Украинѣ. (Районное обединеніе южныхъ земствъ) . . . . . VII—VIII, 78—87

Саликовскій А. Ѳ. Судьбы украинскаго слова . . . . . I, 60—69
— Больной вопросъ (Объ украинской идеѣ и русской интеллигенціи). II, 22, 31
— Польскій публицистъ объ украинствѣ . . . . . V, 49—57
— Одна изъ очередныхъ задачъ . . X, 60—67
— На поворотѣ . . . . . XII, 5—16
Сиромаха Д. Соединеніе Украины съ Москвою . . . . . II, 55—68
Смутокъ П. Украинская пресса . . . II, 48—54
Соплякъ К. Внѣ родной культуры (Голосъ крестьянина-украинца) . VII—VIII, 56—64
Старый Украинецъ. Украинскій книжный языкъ и общерусская культура . . . . . I, 40—52
Сумцовъ Н. Ф. проф. Украинскій этнографизмъ . . . . . IV, 17—21
Урусовъ С. Д. кн. Отвѣтъ на анкету «Украинской Жизни» . . . . . XII, 57—61
Хатченко А. Герценъ и Украина . . IV, 22—30
— М. П. Драгомановъ и вопросъ о самостоятельности украинской культуры. . . . . VI, 10—35
Хоменко О. Изъ русской печати . . VII—VIII, 88—99
IX, 67—77
Черкасенко С. Голосъ украинскихъ учителей . . . . . VII—VIII, 38—46
Чижевскій П. И. Украинцы среди политическихъ ссыльныхъ . . . . XI, 32—43
Что читать? (Къ вопросу объ украинской программѣ для самообразованія) . . . . . XII, 94—97
Щеголевъ Сергѣй. Опроверженіе. . . VI, 104—109
Шероцкій К. Мотивы украинскаго орнамента . . . . . XI, 64—70
Юристъ. Отвѣтъ на анкету «Украинской Жизни» . . . . . XII, 48—55
Янота. Ближайшія задачи украинскихъ ботаниковъ . . . . . VI, 117—122

На Украинѣ и внѣ ея.

стр.

I. Изъ прошлаго.—Въ Москвѣ.—Въ Одессѣ. 120

II. Какъ была встрѣчена „Украинская Жизнь“.—Изъ текущей украинской жизни. *Гр. Гетьманца.*—Памяти д-ра Е. С. Гребенюка. *С. П.*—Украинство, черносотенцы и г. Струве.—Отправленіе Т. Г. Шевченка въ ссылку (новые архивные документы). Художественныя произведенія Шевченка въ музеѣ украинскихъ древностей въ Черниковѣ. *Н. Степаненко.*—Въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи. *К. Оберучева.* 87

III. Изъ текущей жизни. *Гр. Гетьманца.*—Изъ текущей печати.—Диспутъ объ украинскомъ вопросѣ. *И. Л.*—Національная обязанность.—Шевченковскія поминки въ Москвѣ.—Е. С. Гребенюкъ. *С. П.*—Украинскія книги въ Москвѣ.—Изъ далекаго прошлаго.—*И.* 92

IV. Изъ украинской печати.—Изъ русской печати.—Съѣздъ кооператоровъ. *В. С.*—Опять „они не просятъ“. *Л. Жебунева*—Украинская платформа. Н. К. Пимоненко. *Е. Маковскаго*—Письмо Х. Д. Алчевской.—Библіотека Наук. Т-ва.—Поминки по Т. Г. Шевченко. *Гр. Г.*—Украинофобія *Г. Г.*—Спектакли и хоры *Г.*—Кобзари.—Украинцы и г. Пихно.—Изъ жизни Украинской колоніи въ Москвѣ 69

V. За мѣсяцъ.—Изъ русской печати.—Библіотеки на Полтавщинѣ. *С. О. Сѣрополко.* Въ Екатеринославщинѣ. *М. Ж.*—Изъ жизни петербургской украинской колоніи. *В. С.* —Къ выборамъ въ Одессѣ. *Ан. Яр.*—„Правда“ г р. В. Бобринскаго о Галиціи.—Перемѣны въ редакціи „Літер.-Наукового Вістника“.—Къ характеристикѣ цензурныхъ отношеній къ украинскому слову. *Гр. Гетьманца.*—Письмо ръ редакцію Маріи Гринченко 82

VI. За мѣсяцъ.—Кто основалъ львовскій университетъ.—По поводу статьи В. Кашкарова.—Къ вопросу объ украинскомъ балетѣ 110

VII—VIII. За два мѣсяца.—Новый трудъ по украиновѣдѣнію. *С. П—ры.*—Какъ расхищались гетманскія сокровища. П. П. С. объ украинскомъ университетѣ 108

IX. За мѣсяцъ.—Музыкальная этнографическая экспедиція на Украинѣ. *И. Л.* —Археологическо-этнографическій музей.—Просвѣщенное невѣжество. *Я. Чепиги*—В. Адлеръ и національный вопросъ. *И. Л.* 87

X. За мѣсяцъ—Смерть Н. В. Лисенко.—Университетскіе курсы на украинскомъ языкѣ.—Украинскіе высшіе народные курсы.—Лекція объ Украинѣ въ Лондонѣ.—Карты Украины въ британскомъ музеѣ.—Изъ жизни украинской колоніи въ Москвѣ 93

XI. За мѣсяцъ.—Областной музей имени А. Н. Поля въ Екатеринославѣ.—Изъ жизни украинской колоніи въ Москвѣ.—О фондѣ имени Карпенка-Карого (Письмо въ редакцію *А. Дмитріевой-Чернышевой*).—Смерть и погребеніе Н. В. Лисенка. 73

XII. За мѣсяцъ.—Отвѣтъ „Утру Россіи“ Л. Василевскаго (Плохоцкаго).—Изъ жизни петербургской украинской колоніи *В.* С.—Русскіе марксисты и національный вопросъ.—Уставъ Союза національностей 97

Библоіграфія.

Алчевська Христя. Туга за сонцем. Вишневий цвіт . . . . . X, 114—118

Бауэръ О. Условія національной ассимиляціи (Die Bedingungen der nationalen Assimilation Der Kampf. März 1912 г.) IV, 100—102

Бернгардъ Л. Борьба поляковъ за существованіе въ Пруссіи. Москва. 1912 г. IV, 106—108

Wasilewski Leon. Ukraina i sprawa ukrainska. Kraków. 1912. . . . . I, 131—133

Великая Россія. Сборникъ статей. Книга II. Москва. 1912. . . . . II, 109—110

Вѣстникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Выпускъ I. Харьковъ. 1911. . . . . III, 112—110

Грушевскій М. С. проф. Ілюстрована історія України. Київ—Львів. 1911 г. . I, 128—13

— Наша политика у Львові . . . . . IV, 104- 106

— Эпигоны Герцена. Л.-П. В. IV, 1192 . V, 118—120

— Про українську мову і українську школу. Київ. 1912 . . . . . VII—VIII, 138—140

— Культурно-національних рух на Україні в XVI—XVII віці. Київ—Львів. 1912 IX, 106—109

— Иллюстрированная исторія Украины. СПБ. Изд-во „Просвѣщеніе“. 1913 . XII, 118—119

Ежегодникъ газеты „Рѣчь“ на 1912 г. . II, 111

Дорошенко Вол. Систематичний покажчик до „Київської Старіни“ і „України“. Львів—Київ. 1912. . . . . XII, 123—124

Житецкій Павелъ Игнатьевичъ. (1836 — 1911). Кіевъ. 1912 . . . . . V, 123—124

Z dziejow Ukrainy. Księga pamiastkowa pod redakcya Wacława Lipinskiego. Kijów. MCMXII. . . . . X, 103—110

Записки Українського Наукового Товариства в Київі. Кн. IX. 1912 . . . . IV, 109—110

Ковалевскій П. И. проф. Исторія Малороссіи. СПБ. 1912 . . . . . XII, 119—121
Кони А. Ѳ. На жизненномъ пути. Т. I. СПБ. 1912. . . . . X, 118—120
Kulczycki Ludwig. 1) Ugoda polsko ruska, Lwów. 1912; 2) Doką didziemy. Lwòw. 1912 . . . . . VII—VIII, 129—134
Лозиньскій М. Духовенство і національна культура. Львів. 1912. . . . . VII—VIII, 140—142
— Общерусская культура и украинскій вопросъ (Діло № 43—77) . . . . . IV, 103—104
Лохвицкое Слово. Еженед. газета, № 1—8, 1912 . . . . . IV, 110—111
Мазепа. Историческая библіотека № 8. Книгоиздательство „Дѣло". Москва. 1912 . . . . . IX, 113—114
Матеріяли до украинської бібліографії. Уложив Іван Левицькій. У Львові. 1909—1911 . . . . . XI, 89—90
Михайлюк К. Молочарські спілки. Київ. 1911, и *Гехтер М.* Селянські заробітки. Кіив. 1911. . . . . III, 115—116
Націоналистъ. Ежемѣс. литер. и общ. журн. Львов. 1912. № 1, 2, 3—4 . . . . V, 122—123
Nowy Prąd. Tygodnik polityczny, ekonomiczny, spoleczny, naukowi i literacki. Lwòw. 1912. № 1, 2, 3, 4. . . . . X, 112—113
Павловскій И. Ф. Краткій біографическій словарь ученыхъ и писателей Полтавской губ. съ половины XVIII вѣка. Полтава. 1912 . . . . . VII—VIII, 142—143
Peasant ort in Russia. Special autumn, number of „The Studio". London. 1912. X, 110—112
Понятенко П. Культура, національність та асиміляція в їх взаемних стосунках. Київ. 1912. . . . . III, 111—112
Рубакинъ Н. А. Среди книгъ. Опытъ обзора русскихъ книжныхъ богатствъ. Т. I, изд. 2. Москва. 1911. . . . . I, 133—135
Русова С. Малорусская литература. Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній. Т. VII. М. 1911 . I, 137—138

— Одно слово правди за евреів (Судові ритуальні еврейські справи). 1912 . V, 125—126

Сборникъ, посвященный памяти Тараса Григорьевича Шевченко. Москва. 1912 III, 107—110

Сидоровъ А. А. Инородческій вопросъ и идея федерализма въ Россіи. Москва. 1912 . . . . . V, 124—125

Систематическій указатель журнала „Кіевская Старина" (1882—1906). Изд. Полтавск. Ученой Архивной Комиссіи. Полтаваск. 1911 . . . . . II, 104—107

Slovanstvo obraz jeho minulosti a pitomnosti. U Praze. 1912 . . . . . II, 107—108

Статистическій справочникъ по югу Россіи. Изд. Статистическаго Бюро Полтавскаго Губернскаго Земства. Полтава. 1910. . . . . I, 138

Стороженко А. В. Происхожденіе и сущность украинофильства. Кіевъ. 1912 V, 120—122

Строгановъ Викторъ. Русскій національнизмъ, его сущность, исторія и задачи. СПБ. 1912 . . . . . XI, 95—97

Студії з поля суспільних наук і статистики. Т. I и II. Львів. 1909, 1910. II, 108—109

Студії з поля суспільних наук і статистики. Т. III. 1912 . . . . . VII—VIII, 143—144

Тесленко А. з книги життя. Оповідання. Видавн. Вік. Київ. 1912 . . . . . XI, 86—88

Тихоновичъ К. З. Рай и адъ въ поэзіи Т. Г. Шевченко. Варшава. 1912 . . XI, 90—92

Третья Государственная Дума. Фракція народной свободы въ періодъ 15 октября 1911 г.—9 іюня 1912 г. Отчеты и рѣчи депутатовъ. СПБ. 1912 . . IX, 112—113

Труды XIV археологическаго съѣзда въ Черниговѣ 1908 г. М. 1911 . . . . . I, 135—137

Указатель журнальной литературы. Сост. Н. А. Ульяновъ. Москва. 1912 . . . IV, 111—114

Систематическій Указатель литературы за 1911 г. подъ ред. И. В. Владиславлева. Москва. 1912.

Указатель статей, помѣщенныхъ въ журналѣ „Русское Богатство“. СПБ. 1911 VII—VIII, 145—146

Украина. Сборникъ повѣстей и разсказовъ малороссійскихъ писателей въ переводахъ на русскій языкъ Н. Шадурскаго 1911—1912 . . . . . III, 113—115

Украинская драматическая литература (По поводу кн. М. Комарова „До української драматургії) . . . . . VII—VIII, 134—138

Украинская педагогическая литература. (По поводу учебныхъ книгъ на украинскомъ языкѣ) . . . . . V, 114—117

Філянський М. Calendarium. Москва. 1911 IV, 114—116

Чеховъ Н. В. Народное образованіе въ Россіи съ 60-хъ годовъ XIX. Москва. 1912 . . . . . IX, 109—112

Чистому серцем. Памяти Василя Доманицького. Упорядкував Сергій Ефремовъ. Кіив. 1912. . . . . XI, 94—95

Юркевич Лев. Національна справа і робітництво. Київ. 1913 . . . . . XII, 121—123

Ярошевичъ А. И. Очерки экономической жизни Юго-западнаго Края. Вып. II. Кіевъ. 1911 . . . . . III, 116—117

— Очеркъ хуторскихъ хозяйствъ Кіевской губ. Кіевъ. 1911 . . . . . XI, 92—94

Приймається предплата на 1913 рік

на українську газету „РАДА“ рік видання восьмий

Газета політична, економична і літературна.

Виходить у Київі що дня оприч понеділків і днів після великих свят.

«Рада» має широку програму, як звичайні великі політичні газети: дає огляди життя політичнаго, громадського, економичного на Вкраіні, в Росії і за-границею: друкує фельєтони, а також статті критичні і твори красного письменства.

«Рада» зостаючись і надалі непартійною газетою, обстоюватиме змагання до поширення прав суспільства й органів громадського самоврядування.

«Рада» звертатиме як найбільшу увагу на справу **народньої просвіти** шкільної й по-за шкільної, на **потреби** нашого **вчительства та на питання культурно-просвітного характеру**—і буде змагатися за найкраще розвязання цих справ для всього українського люду

«Рада» вважає, що поліпшення матеріяльного добробуту людности,—економичний розцвіт країни—є основным грунтом для зросту національної культури. Визнаючи це, „Рада“ буде обстоювати **кооперативну справу** на Вкраіні в усяких її формах: поширення сельсько-господарських товариств, товариств споживчих, продукційних то-що і подаватиме докладні статті, дописи та звістки про кооперативну справу взагалі, а на Україні особливо.

«Рада» буде подавати звістки і статті про **життя культурне, економичне і політичне**, про здобутки і втрати, яких зазнає український люд **за кордоном Росії**: въ Галичині, на Буковині, в далеких колоніях: в Канаді, в Сполучених Штатах, в Бразилії... Доля та життя наших **переселенців** в Сібірі, на Кавказі—знайдуть тако-ж освітлення на сторінках „Ради“.

ДО СПІВРОБІТНИЦТВА в «РАДІ» запрошено визначніші літературні и наукові сили.

«Рада» має ВЛАСНИХ **кореспондентів** в Державній Думі, в Державній „Раді“, а також в **політичних центрах Європи, в Лондоні, в Парижі, в Римі, у Відні, в Празі, у Львові, в Чернівцях** і в усіх визначніших містах України по цей і по той бік кордону.

В 1913 році „РАДА“ друкуватиметься виразним и стислим шріфтомъ і матеріалу буде входить в кождий № значно більше.

Ціна „РАДИ“ з доставкою і пересилкою в Россії:

на рік	на 11 м.	на 10 м.	на 9 м.	на 8 м.	на 7 м.	на 6 м.	на 5 м.	на 4 м.	на 3 м.	на 2 м.	на 1м.
6	5. 70.	5. 25.	4. 75.	4. 25.	3. 75.	3. 25.	2. 75.	2. 25.	1. 75.	1. 25.	65

Передплату на рік можна виплачувати частками в такі строки: на 1 янв. 3 карб. і на 1 апр. 3 карб.; в 3 строки: на 1 янв. 2 карб., на 1 марта 2 карб. і на 1 мая 2 карб., або по 1 карб. що місяця впродовж першого півріччя.

Кождий переплатник може одержати з к-ри „Рада“ за 6 карбованців

„СЛОВНИК української мови“

Зібраний редакцією журн. „Кіевская Старина“, премірований Рос. Акад. Наук і виданий под редакцією і з доповненнями Б. ГРІНЧЕНКА, **в 4-х великих томах. В книгарнях словник цей продається по 8 карб., без пересилки.**

ЗМІНА АДРЕСИ—30 коп., **артистам і учням всіх шкіл**—БЕЗПЛАТНО.

Адреса редакції і головної контори: у Київі, Велика-Підвальна вул., д. 6, біля Золотих Воріт. Телефон 1458.

Передплата на„ Раду“ на таких-же самих умовах, що і в конторі, приймається у **Київі:** 1) в „Укр.інській книгарні“, Безаківська, 8, 2) в книгарні „Л. Н. В“ Б.-Володимирська, 28), 3) въ Книгарні Череповського, Фундуклеівська 4; і 4) в крамниці „Час“, В. Володимирська 53; в **Одесі** „Дѣло“, Конна, 11, в **Катеринославі**—Книгарня Лозинської, Проспект: в **Полтаві** — Книгарня Маркевича бульвар Котляревського і в „Українській Книгарні“ Петровська ул.; в **Петербурзі**—Книгарня Вольф і „Украинська Книгарня і Базар“ В. О. 3 линія № 24, въ **Харькові**—„Українська Книгарня“, Петровський пер. 18.

Редактор в. ЯНОВСЬКИЙ. **Видавець Є. ЧИКАЛЕНКО.**

При 12 кн. „Укр. Жизни“ за 1912 г. былъ приложенъ проспектъ журнала „Завѣты“. Лишъ, не получившихъ такового, просимъ обращаться въ ред. журн. „Завѣты“—С.П.Б. Косой 11.

ДО РОКОВИН

ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

КУПУЙТЕ

ШЕВЧЕНКІВСЬКИЙ ЗБІРНИК

Видання Комітету по упорядкуванню Шевченківських свят в Москві.

Організації і приватні особи, що схотять вшанувати пам'ять великого письменника, найдут у збірнику багато цінного матеріалу.

ЗМІСТ.

Част. I. Шевченківські дні в Москві—С. Хвостова; Шевченко—народний поэт—прив. доц. гр. Де-ла-Барта; Шевченко серед поетів славянства—академіка Х. Корша; Мотіви творчости Т. Г. Шевченка—А. Калишевського; Шевченко, як маляр—О. Новицького: Шевченківські дні в Москві в 1891 р.—проф. А. Кримського. Згадка про старшого боярина Тараса Шевченка—Ганни Барвінок (Куліш). Висока могила—Х. Коломійченко. Бібліографія—І. Білоусова.

Част. II. Адреси, привітання, листи, телеграмми і т. и. повний текст. Грошовий одчет по упорядкуванню Шевченківських свят в Москві.

Ціна збірника 1 р. 50 коп.

Увесь чистий прибуток піде на збудування памятника Т. Г. Шевченка у Київі.

Склад видання: в Москві в конторі „Украінской Жизни“—Б. Дмитровка, 14, кв. 1.

Продаж: в Москві в магаз.: 1) Карбасникова—Моховая; 2) Вольф—Кузнецкій Мост и 3) Нов. Время—Неглинный проѣзд; в Петербурзі в книгарні Вольф; у Київі в „Украінський книгарні“, Безаківська, 8; в книгарні „Літ.-Наук. Вістн.“; в Одесі в „Украінський книгарні“ „Діло“ Конна, 11; в Харькові в „Украінській книгарні“—Рибна 25.

Тип. П. П. Рябушинскаго, Москва.

Цѣна 60 коп.

22027

УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ

№ 2.
ФЕВРАЛЬ 1913 г.

Москва.

Годъ изданія второй.

28027

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.

Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. **Украинцы и Австрія.** *Проф. Ѳ. Е. Корша.* 5
II. **Воспоминанія** (Продолженіе). *Б. С. Познанскаго* . 10
III. **Русскій имперіализмъ и украинство.** *Дм. Донцова.* . 27
IV. **Шевченко и украинское общество 60-хъ годовъ.** *С. Ф. Русовой.* 35
V. **К. Брюлловъ и Шевченко.** *К. Ш.* 54
VI. **О будущемъ украинской архитектуры.** *Н. Г. Филянскаго.* 60
VII. **Подземная Украина.** *И. Я. Стеллецкаго.* 70
VIII. **Украинцы и поляки** (Программа анкеты). 82
IX. **Благородный освѣдомитель** (С. Н. Щеголевъ. „Украинское движеніе, какъ современный этапъ южно-русскаго сепаратизма“). *С. А. Ефремова.* . 85
X. **На Украинѣ и внѣ ея.**—За мѣсяцъ.—Слова и дѣла россійскихъ с.-д.—Въ обществѣ любителей изученія Кубанской области. 99
XI. **Библіографія.**—І. Нечуй Левицкій Криве дзеркало украіньскіі слова. *С. Е—мовъ.*—Ілюстрована Украіна. *С. Петлюры.*—„Наша Кооперація“. *В. Садовскаго.*—„Новая Жизнь“. *Дм. Донцова.* 105
XII. Литературная лѣтопись.—Книги, поступившія въ редакцію 114
XIII. Объявленія . . . . . .

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ

на ежемѣсячный журналъ

„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ".

(Второй годъ изданія).

Журналъ издается на русскомъ языкѣ и ставитъ своею цѣлью ознакомленіе общества съ состояніемъ, ростомъ и задачами украинскаго національнаго движенія и вообще съ жизнью, потребностями и запросами 30-милліоннаго украинскаго народа.

Въ теченіе 1912 года въ „Украинской Жизни" были напечатаны, въ числѣ другихъ, слѣдующія статьи.

Проф. М. С. Грушевскій. Украина и украинство.—**Его же.** Новое знамя націоналистовъ.—**О. Бѣлоусенко.** Гибель „Просвіт".—**Его же.** Украинскіе моменты въ холмскомъ вопросѣ.—**Его же.** Lex Pichniana.—**Старый Украинецъ.** Украинскій книжный языкъ и общерусская культура.—**Ан. Василько.** Къ холмскому вопросу.—**А. Ѳ. Саликовскій.** Судьбы украинскаго слова.—**Его же.** Больной вопросъ.—**Его же.** Одна изъ очередныхъ задачъ.—**Б. А. Кистяковскій.** М. П. Драгомановъ и „Вольное Слово".—**С. В. Петлюра.** Къ драмѣ жизни Шевченка.—**Его же.** Къ вопросу о культурномъ творчествѣ.—**Проф. Ѳ. Е. Коршъ.** Къ спору объ украинской культурѣ.—**Д. Сиромаха.** Соединеніе Украины съ Москвою.—**Проф. А. Л. Погодинъ.** Соединеніе или разложеніе?—**С. Буда.** Памятникъ Т. Г. Шевченку.—**Его же.** Украинскій театръ.—**К. М. Оберучевъ.** Къ вопросу объ экономическихъ отношеніяхъ Украины къ Великороссіи и Польшѣ.—**В. Ладыженко.** Національное искусство и задача искусства на Украинѣ.—**Ник. Василенко.** Декабристъ объ Украинѣ.—**Н. В.** Политическіе взгляды М. П. Драгоманова.—**М. М. Могилянскій.** О культурномъ творчествѣ.—**Его же.** Коцюбинскій и Винниченко.—**Проф. Н. Ф. Сумцовъ.** Украинскій этнографизмъ.—**А. Хатченко.** Герценъ и Украина.—**Его же.** М. П. Драгомановъ и вопросъ о самостоятельности украинской культуры.—**С. Ф. Русова.** Современная украинская лирика.—**Ея же.** Національный вопросъ въ европейскомъ освѣщеніи.—**Дм. Донцовъ.** Русскій либерализмъ и украинское движеніе.—**Его же.** Украина въ новѣйшей европейской литературѣ.—**Его же.** Письма изъ Галиціи.—**В. Садовскій.** Украинскій вопросъ въ третьей Думѣ.—**Е. Олесницкій** (деп. рейхсрата). Борьба за украинскій университетъ.—**Вл. Жаботинскій.** О русскомъ либерализмѣ.—**М. Горькій.** О русской интеллигенціи и національныхъ вопросахъ.—**М. Гордіенко.** Капитализмъ и русская культура на Украинѣ.—**А. Л.** Украинскій архитектурный стиль.—**А. В. Луначарскій.** О національномъ вообще и украинскомъ движеніи въ частности.—**Л. Н. Жебуневъ.** Почему былъ бѣденъ украинскій отдѣлъ на выставкѣ печати.—**Л. Василевскій** (Плохоцкій). Спорные вопросы въ области польско-украинскихъ отношеній.—**С. А. Ефремовъ.** Предъ спущенной завѣсою.—**Его же.** На зарѣ возрожденія.—**А. А. Русовъ.** Н. В. Лисенко.—**А. Л. Масловъ.** Украинская народная музыка.—**П. И. Чижевскій.** Украинцы среди политическихъ ссыльныхъ.—**К. Е. Шероцкій.** Мотивы украинскаго орнамента.—**В. Дорошенко.** Украинская академія наукъ.

Кромѣ того въ вышедшихъ книжкахъ напечатанъ рядъ статей **С. А. Ефремова**—На текущія темы; **В. В. Садовскаго**—Изъ земской жизни на Украинѣ; **С. Б.**—Обзоры украинской жизни; **М. Ж—ка**—Изъ украинской печати; **О. Хоменка**—Изъ русской печати.

Въ каждой книгѣ—отдѣлы: **„На Украинѣ и внѣ ея"** (извѣстія, замѣтки сообщенія и т. д.) и **„Библіографія"**.

На складѣ въ конторѣ редакціи „Украинской Жизни“ продаются слѣдующія изданія.

Б. А. Кистяковскій. „Страницы прошлаго“, Москва, 1912. Ц. 1 р.

Шевченківський Збірник. Видання комітету по упорядкуванню Шевченківських свят у Москві. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

А. Л. Украинскій архитектурный стиль. Изд. „Украинской Жизни“. 1912 г. Ц. 15 к.

Здѣсь же принимается подписка на изданія Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°“: **„Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ“**, подъ редакціей проф. Ѳ. К. Волкова, проф. М. С. Грушевскаго, проф. М. М. Ковалевскаго, акад. Ѳ. Е. Корша, проф. А. Е. Крымскаго, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго и акад. А. А. Шахматова.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

Желательно, чтобы размѣръ предлагаемыхъ для напечатанія въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ статей по возможности согласовался съ объемомъ журнала и не превышалъ 1—1½ печатныхъ листовъ.

Въ случаѣ надобности статьи подлежатъ сокращеніямъ и измѣненіямъ редакціоннаго характера. При неуказаніи размѣра гонорара уплата за напечатанныя статьи производится по усмотрѣнію редакціи.

Рукописи непринятыхъ статей хранятся въ редакціи въ теченіе 6 мѣс. и возвращаются лишь по полученіи марокъ на пересылку ихъ заказною бандеролью.

По поводу непринятыхъ статей редакція въ переписку не входитъ.

Мелкія замѣтки и сообщенія, не принятыя для напечатанія, уничтожаются.

Украинская Жизнь

Ежемѣсячный научно-литературный и общественно-политическій журналъ.

№ 2.

Годъ изданія второй.

Москва.—1913 г.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульваръ, собств. домъ.
1913.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.

Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. **Украинцы и Австрія.** *Проф. Ѳ. Е. Корша.* 5

II. **Воспоминанія** (Продолженіе). *Б. С. Познанскаго* . 10

III. **Русскій имперіализмъ и украинство.** *Дм. Донцова.* . 27

IV. **Шевченко и украинское общество 60-хъ годовъ.** *С. Ф. Русовой.* 35

V. **К. Брюлловъ и Шевченко.** *К. Ш.* 54

VI. **О будущемъ украинской архитектуры.** *Н. Г. Филянскаго.* 60

VII. **Подземная Украина.** *И. Я. Стеллецкаго.* 70

VIII. **Украинцы и поляки** (Программа анкеты). 82

IX. **Благородный освѣдомитель** (С. Н. Щеголевъ. „Украинское движеніе, какъ современный этапъ южно-русскаго сепаратизма“). *С. А. Ефремова.* . 85

X. **На Украинѣ и внѣ ея.**—За мѣсяцъ.—Слова и дѣла россійскихъ с.-д.—Въ обществѣ любителей изученія Кубанской области. 99

XI. **Библіографія.**—І. Нечуй Левицкій Криве дзеркало украіньскіі слова. *С. Е—мовъ.*—Ілюстрована Украіна. *С. Петлюры.*—„Наша Кооперація“. *В. Садовскаго.*—„Новая Жизнь“. *Дм. Донцова.* 105

XII. Литературная лѣтопись.—Книги, поступившія въ редакцію 114

XIII. Объявленія . . . . . .

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Оставшіеся въ ограниченномъ количествѣ комплекты „Украинской Жизни" за 1912 годъ (кромѣ январской и февральской книгъ) можно выписывать изъ конторы журнала по слѣдующей цѣнѣ: для подписчиковъ „Украинской Жизни"—2 рубля и для постороннихъ лицъ—3 рубля безъ пересылки. За пересылку уплачивается: въ предѣлахъ Европейской Россіи—50 коп., за предѣлами ея—1 рубль.

Украинцы и Австрія [1]).

Мы, великороссы, должны денно и нощно благодарить Бога за то, что состоимъ всѣ, за единственнымъ исключеніемъ эмигрантовъ, членами одного и того же государства, такъ какъ мы избавлены этимъ по крайней мѣрѣ отъ той непріятности, чтобы лояльность одной части нашего племени могла быть поставлена въ вину другой части, принадлежащей къ другому государству. Но такое выгодное положеніе обязываетъ насъ не только къ благодарности, а и къ пониманію щекотливости положенія народовъ, которые такъ или иначе подверглись раздѣлу между двумя или тремя державами. А вѣдь положеніе этихъ народовъ, осо-

---

[1]) Эта статья является здѣсь, лишь съ незначительными измѣненіями въ томъ видѣ, въ какомъ она мѣсяца два тому назадъ была написана для помѣщенія въ одной изъ московскихъ газетъ. Однако оказалось, что для нея нѣтъ мѣста ни въ одной изъ нихъ, но не потому, чтобы она противорѣчила духу и направленію всей нашей ежедневной печати, а исключительно вслѣдствіе тѣхъ своеобразныхъ отношеній, которыя установились у насъ между различными теченіями политической мысли, особенно въ вопросахъ національныхъ. Націонализмъ намъ нечуждъ, какъ и всѣмъ сколько-нибудь сознательнымъ народамъ, но тотъ націонализмъ, который наиболѣе распространенъ между нами вслѣдствіе своей общедоступной элементарности и нѣкоторыхъ внѣшнихъ поощреній, отличается рѣзкимъ и въ то же время страннымъ партійнымъ характеромъ, какъ-то соединяющимъ крайній великорусскій фанатизмъ съ участіемъ многихъ лицъ не великорусскаго и даже не русскаго происхожденія. Однимъ изъ прискорбныхъ послѣдствій наличности такого націонализма, не чисто національнаго, но не признающаго другихъ націонализмовъ, является то, что даже чистѣйшіе великороссы, однако признающіе право и другихъ народностей Россійскаго государства, относятся боязливо ко всему, на основаніи чего ихъ было бы можно заподозрѣть въ сочувствіи этому патентованному націонализму, и мнительность въ этомъ направленіи доводитъ ихъ иногда почти до полнаго воздержанія отъ прикосновенности къ вопросу о національностяхъ. Такова причина, по которой предлагаемая здѣсь съ большимъ опозданіемъ статья, хотя была уже набрана въ двухъ газетахъ, не могла появиться ни въ надлежащемъ мѣстѣ, ни въ надлежащее время. Если она тѣмъ не менѣе выплываетъ теперь на свѣтъ Божій, то это потому, что предметъ ея самъ по себѣ, помимо полемики съ г. Л. Волковымъ, не только не сошелъ съ очереди, а еще можетъ обратить на себя несравненно большее вниманіе, чѣмъ то, которымъ онъ пользуется со стороны нашихъ присяжныхъ и добровольныхъ политиковъ. *Ѳ. К.*

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ К- 85688

бенно при нѣкоторой натянутости отношеній между подѣлившими ихъ государствами, можно назвать трагическимъ въ полноъм смыслѣ слова, такъ какъ здѣсь на-лицо и трагическій конфликтъ: съ одной стороны національное чувство соединяетъ ихъ нерасторжимыми узами, съ другой—гражданскій долгъ вмѣняетъ въ обязанность усвоеніе себѣ интересовъ тѣхъ державъ, въ составъ которыхъ они входятъ. Трагичность положенія еще обостряется въ томъ случаѣ, если одинъ и тотъ же народъ поставленъ въ одномъ государствѣ лучше, нежели въ другихъ, какъ поляки и, за послѣднее время, украинцы въ Австріи (но не въ Венгріи). Что касается поляковъ, то ихъ „инородчество“ у насъ не подвергается сомнѣнію, а потому не такъ ужъ возмущаетъ насъ и ихъ „австрофильство“ (совершенно понятное, но и сильно преувеличенное — отчасти, можетъ быть, чѣмъ-то въ родѣ упрековъ совѣсти). Но положеніе украинцевъ у насъ еще того хуже, потому что въ нашихъ глазахъ они—„ни мышенокъ, ни лягушка“, однако и то, и другое вмѣстѣ: мышь они, правда, не простая, а летучая, которую люди, не свѣдущіе въ зоологіи, причисляютъ то къ звѣрямъ, то къ птицамъ; а что на лягушку-то они смахиваютъ, такъ это вѣрно: какъ не приравнять къ амфибіи того, кто корову такъ и называетъ коровой, а вотъ утку—ужь по-польски: „качка“? Потому ихъ и официально относятъ то къ „инородцамъ“, то къ „русскимъ“, смотря по тому, какія ихъ права подлежатъ разсмотрѣнію: вообще ли національныя или только школьныя—невозбранная возможность употребленія „мѣстнаго“ языка въ преподаваніи. А къ „русскимъ“ можно ихъ причислять, сколько угодно, потому что, какъ доказалъ ихъ же историкъ, профессоръ М. С. Грушевскій, Русью и называлась первоначально только нынѣшняя Украина, да и теперь они сами себя и поляки ихъ называютъ русскими. Такъ же зовутъ себя и слывутъ у поляковъ бѣлоруссы. Словомъ, весь тотъ отдѣлъ славянскихъ племенъ, который въ наукѣ называется восточнымъ, носитъ одно имя—„Русь“, въ противоположность отдѣламъ западному и южному, развѣтвленія которыхъ означаются особыми названіями.

Единство названія цѣлыхъ трехъ племенъ — да вѣдь это залогъ братскаго единенія и счастья всѣхъ трехъ! Казалось бы такъ, но на дѣлѣ замѣчается непозволительное злоупотребленіе этимъ единствомъ со стороны сильнѣйшаго

изъ трехъ восточно-славянскихъ племенъ: всякій называющійся русскимъ долженъ быть великороссомъ. Мало того: по мнѣнію приверженцевъ „великорусской идеи", онъ и есть въ сущности великороссъ, потому что, хотя бы и назывался малороссомъ, ничѣмъ не отличается отъ великоросса и въ силу своего тождества съ нимъ не имѣетъ ничего общаго съ „украинцемъ". Правда, такое разсужденіе не высказывается никакими націоналистами прямо, но оно несомнѣнно лежитъ въ основѣ, напримѣръ, такого заявленія, заключающаго собою статью г. Л. Волкова „Австрія и украинцы" въ № 299 „Московскихъ Вѣдомостей": „Австрійская власть... преслѣдуетъ тѣхъ галицкихъ малороссовъ, которымъ совѣсть не позволяетъ отрекаться отъ своей родной народности". Отъ какой такой „родной народности"? Очевидно, отъ малорусской. Въ пользу какой иной народности? нѣмецкой? польской? Нѣтъ, „украинской". Но вѣдь украинцами называютъ себя малороссы же. Стало быть, тѣ галицкіе малороссы, „которымъ совѣсть и т. д.", и не вынуждаются никѣмъ отрекаться отъ малорусской народности.

А въ дѣйствительности дѣло обстоитъ такъ, что тѣ совѣстливые галицкіе малороссы, которыхъ прикровенно разумѣетъ г. Л. Волковъ, отрекаются отъ своей „родной", т.-е. малорусской или украинской, народности въ пользу чуждой имъ великорусской: это партія такъ-называемыхъ москвофиловъ, возникшая въ тѣ времена, когда австрійскіе „русскіе", т.-е. малороссы или украинцы, въ политическомъ отношеніи не пользовались почти никакими правами, а въ культурномъ должны были всецѣло подчиняться нѣмцамъ, полякамъ или великороссамъ. Вотъ этотъ-то національно-культурный пережитокъ наши націоналисты и выдаютъ за подлинныхъ русскихъ въ Австріи, а всю ту часть галицко-русской интеллигенціи, которая въ основу своей культуры полагаетъ свою въ самомъ дѣлѣ „родную народность" и, дорожа дарованными ей въ Австріи правами, не тяготѣетъ къ Россіи, обзываютъ мазепинцами, т.-е. какъ-будто измѣнниками Россіи. Тѣмъ чаще эта кличка примѣняется кое-кѣмъ изъ насъ къ нашимъ украинскимъ націоналистамъ. По мнѣнію (или по словамъ) г. Л. Волкова, украинство и въ Россіи „создано и вырощено австрійскою политикой". Такъ ли это или не такъ, зависитъ отъ того, что мы будемъ разумѣть подъ словомъ „украинство". Въ смыслѣ сознательной любви къ малорусской народности украинство—отнюдь не австрій-

ское издѣліе, а возникло у насъ почти одновременно съ великорусскимъ „народничествомъ“ и даже въ нѣкоторой связи съ нимъ, такъ какъ „украинцы“—поголовно демократы. Въ Австрію украинство перекинулось во второй половинѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, когда преслѣдованія, воздвигнутыя у насъ на все украинское, заставили нашихъ украинцевъ искать убѣжища для своей національно-культурной дѣятельности гдѣ-нибудь за предѣлами родного края. Такимъ образомъ, украинство, не только въ Россіи, а и въ Австріи, есть произведеніе вполнѣ русское, отчасти даже государственно-россійское. Что оно пригодилось австрійскому правительству въ его борьбѣ съ поляками и съ россійскимъ вліяніемъ, это вполнѣ естественно; но въ такомъ прискорбномъ оборотѣ благопріятнаго намъ процесса виноваты мы сами со своимъ узкимъ, подозрительнымъ государственнымъ націонализмомъ. Лишь крайняя политическая подозрительность могла внушить г. Л. Волкову слѣдующее бездоказательное соображеніе: „Судя по примѣрамъ прошлаго и зная тактику руководителей „украинцевъ“, можно быть увѣреннымъ, что ими заключены секретныя соглашенія съ австрійскими политиками“. А каковы эти примѣры и что это за тактика, предполагается какъ бы извѣстнымъ читателю, который однако едва ли что знаетъ объ этомъ дѣлѣ и потому долженъ вѣрить автору на-слово. Далѣе ставится уже вопросъ о цѣнѣ, какою „мазепинцы окончательно запродали себя Австріи“. Но гдѣ же хоть что-либо похожее на фактъ этой запродажи? Все одни подозрѣнія, для обоснованія которыхъ приходится вылавливать данныя изъ весьма сомнительныхъ источниковъ. Но вѣдь изъ источниковъ такого разбора, только съ австрійской стороны, легко добыть свѣдѣнія о россійскихъ агентахъ въ Галиціи, ведущихъ между тамошнимъ малорусскимъ крестьянствомъ посредствомъ обмановъ и подкуповъ дѣятельную пропаганду великороссійской идеи и православія. Иное дѣло обмѣнъ мыслей между россійскими и австрійскими украинцами: это—явленіе безусловно естественное, и, если оно оказывается не всегда благопріятнымъ для насъ, въ этомъ виновата все та же наша внутренняя національная политика; а повернуть эти сношенія въ нашу пользу зависитъ отъ насъ. За это и теперь можно ручаться, тѣмъ болѣе, что, судя по слухамъ, идущимъ изъ Галиціи, тамъ возникаетъ новая партія, отнюдь не москво-

фильская, но тѣмъ не менѣе проповѣдующая не отторженіе россійской Украины къ Австріи, а присоединеніе Галиціи къ россійской Украинѣ, гдѣ украинцевъ разъ въ шесть больше, чѣмъ въ Австріи.

Теперь мы находимся, можетъ быть, наканунѣ войны съ Австріей; каково же при этомъ положеніе поляковъ и украинцевъ, которымъ предстоитъ, чего добраго, рѣзаться со своими братьями? И вотъ въ эту-то поистинѣ трагическую минуту г. Л. Волковъ приглашаетъ „русскихъ украинцевъ“ торжественно протестовать противъ заявленія галицкаго украинца Цегельскаго, который въ „Neue Freie Presse“ отъ лица украинскаго партійнаго съѣзда оповѣстилъ, кому вѣдать надлежитъ, что въ случаѣ войны не только австрійскіе, но и россійскіе украинцы станутъ на сторону Австріи! А почему Цегельскій вслѣдъ за тѣмъ въ той же газетѣ пояснилъ, что его заявленіе не касается россійскихъ украинцевъ? Откуда это внезапное публичное признаніе своихъ единомышленниковъ политическими Хлестаковыми? Это могло произойти только вслѣдствіе настойчиваго протеста со стороны россійскихъ украинцевъ. Но г. Л. Волковъ требуетъ, чтобы этотъ протестъ былъ обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе. Легко сказать! А каково нашимъ украинцамъ собственноручно вырыть пропасть между собою и той самой частью того же народа, у которой въ годы безпощадныхъ гоненій они нашли пристанище для своихъ духовныхъ потребностей и которой сами они своими мыслями, знаніями и деньгами помогли подняться на значительную національно-культурную высоту, составляющую предметъ ихъ тщетныхъ воздыханій?

Прекратимъ эти воздыханія не обычнымъ пріемомъ зажатія ртовъ, а удовлетвореніемъ законныхъ желаній нашихъ украинцевъ—и тогда, только тогда мы получимъ право на требованіе, чтобы они громогласно протестовали противъ малѣйшаго намека на возможность ихъ симпатій къ чужому государству. Но тогда они выступятъ съ такимъ протестомъ и безъ нашего требованія.

Ѳ. Коршъ.

Воспоминанія

(Продолженіе [1]).

Еще съ шестого класса въ моемъ, нашемъ міросозерцаніи маячилъ впереди восхищавшій насъ типъ-студентъ. На святкахъ, на каникулахъ стали появляться у насъ пріѣзжіе и проѣзжіе студенты. Трудно теперь обрисовать этотъ дорогой для насъ типъ того ловкаго, удалого юноши въ сюртукѣ съ синимъ воротникомъ, въ фуражкѣ съ такимъ же синимъ околышемъ. Это не былъ студентъ временъ пледа, высокихъ ботфортовъ и широкополой шляпы, вѣчно диспутующій, загадочный, вскормленный на духовномъ млекѣ Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, все отрицающій, тургенево-базаровскій нигилистъ, какъ равно не былъ и нынѣшнимъ всѣми заподазрѣваемымъ, крайне озабочивающимъ полицію и инспекцію со стороны своей неблагонамѣренности, типомъ сѣрой тужурки, исполосанной казацкою нагайкой, хорошо ознакомленнымъ съ режимомъ тюрьмы и въ своемъ эволюціонированіи дошедшимъ до карьеризма, подсказывающаго ему поднесеніе иконъ генераламъ. Нѣтъ, нашъ излюбленный типъ былъ юношей безусловно честнымъ, всѣми любимымъ, ловкимъ, удалымъ, просвѣщеннымъ, на все хорошее отзывчивымъ и, главное, полнымъ вѣры въ самого себя до полнѣйшаго отстраненія даже мысли о карьерѣ, о практическихъ результатахъ своего ученія. Даже присущность студенту временъ Бибикова желанной послѣднимъ наклонности къ разгулу и къ пьянству не затмевали въ нашихъ глазахъ этого идеализируемаго нами милаго образа (Ниже мнѣ придется говорить объ этихъ кутежахъ и разгулѣ, а теперь я только скажу, что эта поощряемая Бибиковымъ наклонность ради отвлеченія всякой политики студентовъ далеко не ко всѣмъ привилась и не всѣхъ увлекла).

При переходѣ нашемъ изъ шестого въ седьмой классъ гимназіи въ Кіевѣ случилась цѣлая исторія, еще болѣе обрисовывающая удаль студентовъ того времени. Это была

---

[1]) См. „Укр. Жизнь“, январь 1913 г.

расправа съ полковникомъ Бринкеномъ. Исторія эта запечатлѣлась въ моей памяти какъ изъ разсказовъ о ней въ публикѣ, такъ и изъ разсказовъ, слышанныхъ отъ самихъ дѣйствующихъ лицъ, и затѣмъ изъ описанія ея въ одной эпопеѣ, изложенной библейскимъ слогомъ на польскомъ языкѣ, „Бринкіады" (Brinkiada). Я забылъ фамилію автора. Дѣло было такъ.

На Страстной недѣлѣ 1857 года заучившійся студентъ-медикъ V-го курса Яроцкій прогуливался по одной изъ улицъ Липокъ (медики V-го курса обыкновенно переселялись съ Новаго Строенія—этого гнѣзда студенческихъ квартиръ—на Печерскъ, откуда имъ было ближе къ госпиталю, гдѣ сосредоточивалось ихъ ученіе). Во время прохожденія Яроцкаго по улицѣ Липокъ изъ одного парадnаго подъѣзда вышелъ подъ-руку съ женою полковникъ Бринкенъ (зять какого-то высокопоставленнаго лица). Бѣжавшая за этимъ супружествомъ собаченка взъѣлась на Яроцкаго и стала рвать его за полу шинели. Собачка, отброшенная сильнымъ ударомъ ноги, завизжала, барыня завопила, а полковникъ Бринкенъ, оставивъ жену, накинулся на тщедушнаго Яроцкаго съ бранью, съ угрожающими жестами и подбѣжавшимъ по его оклику слугамъ велѣлъ отвести Яроцкаго въ полицейскій участокъ. Въ полиціи, разумѣется, не нашли въ поступкѣ Яроцкаго предосудительнаго и записали его фамилію и по его требованію самый случай со словъ швейцара и еще другого слуги Бринкена, отпустили его. Товарищи Яроцкаго—студенты обратились къ генералъ-губернатору князю Васильчикову съ жалобой. Кн. Васильчиковъ, добрый, умный старикъ, понялъ всю неприглядность поступка Бринкена и поручилъ старшему полицеймейстеру уладить это дѣло, уговорить Бринкена извиниться передъ Яроцкимъ, но Бринкенъ наотрѣзъ отказался отъ всякаго извиненія „передъ мальчишками", которымъ, между прочимъ, стало извѣстно, что онъ, Бринкенъ, сейчасъ же послѣ праздниковъ Пасхи, къ концу Проводной недѣли долженъ выѣхать изъ Кіева на постъ губернатора въ одну изъ остзейскихъ губерній. На Святой недѣлѣ студенты собирательно повторили свою жалобу и, когда увидѣли, что власти стараются замять дѣло, очевидно, разсчитывая на скорый отъѣздъ Бринкена, порѣшили сами съ нимъ расправиться. Сейчасъ же былъ устроенъ тщательный надзоръ за нимъ. Узнали, что онъ во вторникъ на Про-

водной недѣлѣ будетъ въ театрѣ. Студентовъ было немного въ Кіевѣ, не успѣли еще съѣхаться всѣ разъѣзжавшіеся на праздникъ: по подсчету выходило не болѣе 300 человѣкъ (необходимо припомнить, что въ то время не уѣзжали цѣлыми вагонами, какъ теперь, а что ѣхать по весенней распутицѣ не всѣ могли). Условлено было, что кто можетъ, будутъ въ театрѣ, а остальные явятся въ указанное время къ театру и по оклику у подъѣзда: „извозчикъ номеръ первый" войдутъ въ фойэ театра. Къ концу спектакля по условленному сигналу студенты наполнили фойэ, полиція была поприжата толпою къ стѣнамъ, и выходившаго полковника Бринкена студентъ Сьонгайло со словами „наказывается полковникъ Бринкенъ за оскорбленіе чести студентовъ" сильнымъ ударомъ кулака сбилъ съ ногъ; не дали ему выхватить изъ кармана пистолета. Произошла кулачная расправа: всѣ, кто только могъ, ударили несчастнаго полковника. Хоть однимъ пальцемъ, а всякій ткнулъ его,—разсказывали,—и сейчасъ же разбѣжались. Полиціи не удалось ни одного изъ студентовъ задержать. Прискакали жандармы, рота пѣхоты, но все это уже въ пустой слѣдъ.

Но нѣсколько человѣкъ отправились въ Англійскую гостиницу на Крещатикѣ ужинать и тамъ были арестованы полиціей.

Началось дѣло. Правительство, разумѣется, не могло оставить безъ преслѣдованія такого публичнаго буйства. Появились извѣстія обо всемъ этомъ въ газетахъ. Въ „Колоколѣ" описана вся эта исторія. Сочувствіе общества было на сторонѣ студентовъ. Разслѣдованія дотянулись до августа, и кончилось тѣмъ, что только Сьонгайла, какъ казеннокоштнаго студента, перевели въ Казань. Государь Александръ Николаевичъ, посѣтивъ университетъ въ августѣ 1857 года, сказалъ: „Шалости одного лица могутъ быть прощаемы, но шалости массы—никогда". Этимъ и ограничился покойный добрый Государь.

Эта исторія Бринкена еще выше подняла въ нашихъ глазахъ престижъ студента. Мы завидовали нашимъ окончившимъ гимназію товарищамъ, поступившимъ въ университетъ..

Припомни себя въ ту пору твоей жизни, припомни тѣ порыванія наши въ университетъ, къ чему-то новому для насъ, дорогому, желанному, и ты не будешь нуждаться въ моей характеристикѣ того времени нашей юности.

Университетъ кіевскій былъ если не совсѣмъ, то въ громадномъ большинствѣ переполненъ поляками, кромѣ нашихъ украинскихъ, волыняковъ и подольскихъ еще литвинами и „коронярами", т.-е. изъ Царства Польскаго (koroniare)—короны. Вѣдь это, если не считать одесскаго лицея и гори-горецкаго агрономическаго института, единственное высшее учебное заведеніе въ той части Россіи. Заднѣпрянская молодежь, малороссы, частью отвлекались въ харьковскій университетъ, но были и у насъ. Студенты родомъ изъ трехъ юго-западныхъ губерній, губ. литовскихъ—Минской, Гродненской—и изъ Царства Польскаго давали окраску всему университету. Господствующимъ языкомъ былъ языкъ польскій, организація студенческихъ кружковъ была только польская, такъ какъ остальные или по своей малочисленности, или по какимъ-нибудь инымъ причинамъ не составляли кружковъ и жили вразбродъ. Бибиковъ, говорятъ, поощрялъ нравственную распущенность студентовъ, полагая, что это отвлекало ихъ отъ всякой политики, и я засталъ кіевскій университетъ при Ребиндерѣ съ Могилянскимъ и Юзефовичемъ, и при мнѣ явился славной памяти Пироговъ, при мнѣ же повѣяло чѣмъ-то новымъ, гуманнымъ.

Удаль и разгулъ студенчества, доходившіе въ бибиковскія времена до разрушенія цѣлаго дома терпимости (на Андреевскомъ спускѣ—заведеніе Камбалы) и, наконецъ, завершившіеся Бринкіадою, вызвали реакцію: явилось сознаніе потребности другихъ формъ студенческой жизни, и, какъ всякая реакція, этотъ новый режимъ доходилъ до крайностей. Реакціонеры эти названы были пуристами, каковое названіе уже само собою указываетъ на сущность этого вѣянія. Разгулу противоставлялось крайнее воздержаніе въ пищѣ, полнѣйшее устраненіе пьянства, цѣломудренность и возможная скромность въ костюмѣ. Послѣднее доведено было до того, что многіе надѣли изъ сѣраго солдатскаго сукна штаны и изъ такого же чернаго сукна сюртуки. Буйству противоставлялась вѣжливость и скромность. Главарями и проповѣдниками пуризма были Антоновичъ (Владиміръ Бонифатіевичъ), окончившій къ тому времени медицинскій факультетъ въ угоду требовавшему этого своему отцу и перешедшій на историко-филологическій, и Загурскій, скоро какъ-то удалившійся изъ Кіева. Да и вообще пуризмъ какъ-то недолго продолжался въ универ-

ситетѣ, хотя послѣдствіемъ его долго оставалось пренебрежительное отношеніе къ студентамъ-франтамъ—т ы ф л е в ц а м ъ (тыфель—такъ назывался толстый драпъ, изъ котораго богатые панычи шили себѣ студенческіе сюртуки—даже особаго покроя—съ буфами на плечахъ, высокою пригнанной таліей и длинными полами; тыфлевецъ (tyflowiec) было равносильно бѣлоподкладочнику настоящаго времени) и возможное избѣганіе франтовства. Коричневое какого-то грязнаго цвѣта пальто Антоновича, кажется, до окончанія имъ всего курса, и вѣчная обтрепанность покойнаго Ѳаддея Рыльскаго долго оставались какъ слѣды пуристическаго отношенія къ внѣшней формѣ жизни. Полагаю, что пуризмъ повліялъ и на наше того времени уподобанье свитки и вообще простонароднаго костюма, но только отчасти, такъ какъ это наше уподобанье имѣло и другія болѣе существенныя причины, о чемъ ниже будетъ мною сказано.

Почти одновременно съ пуризмомъ появилась у насъ мысль объ организаціи кружковъ. Это были тѣ же землячества. Кружки такіе назывались гминами (гміні) и составлялись изъ студентовъ одной гимназіи. Такъ, были гмины: кіевская (обѣихъ кіевскихъ гимназій), житомірская, немировская, бѣлоцерковская, минская... Представители-студенты, которыхъ было изъ какой-либо гимназіи очень немного—одинъ, два три человѣка,—примыкали по своему выбору къ какой-либо установившейся гминѣ. Такъ, Антоновичъ, одинъ только изъ одесской гимназіи, примкнулъ къ бѣлоцерковской гминѣ. Особую гмину составляли короняры.

Гмины эти имѣли сначала чисто земляческій характеръ, представляли собою группы студентовъ-земляковъ одной гимназіи, скупчившихся ради взаимной нравственной и матеріальной поддержки, причемъ, разумѣется, само собою явился извѣстнаго рода взаимный контроль товарищескій надъ поведеніемъ отдѣльныхъ лицъ. Хотя, какъ всякая польская ассоціація того времени, гмины эти не могли отречься отъ традиціоннаго, присущаго каждому поляку, національно-политическаго настроенія, но въ гминахъ это настроеніе ничѣмъ особеннымъ не проявлялось. Какъ жидкости слабы тономъ своей краски въ малыхъ количествахъ и даютъ сгущенный, яркій отцвѣтъ въ болѣе толстыхъ слояхъ, такъ, полагаю, и люди одномастные въ своихъ вѣрѣ

и обычаяхъ, разобщенные, будутъ въ меньшей степени проявлять свои особенности національныя, чѣмъ въ большихъ скопленіяхъ этихъ единицъ, дающихъ уже густой тонъ національной окраскѣ. Такъ было и въ данномъ случаѣ въ гминахъ. Имѣя въ основѣ только потребность товарищеской взаимности, гмины были по названію уже своему и по личному ихъ составу ассоціаціями польскими съ присущей всему польскому политико-національной окраской.

Я особенно остановился на этой организаціи для того, чтобы припомнить тебѣ, мой друже, то, какъ эти гмины впослѣдствіи стали основой политической организаціи польскаго возстанія.

Вначалѣ же гмина озабочивалась товарищескою взаимопомощью, собиралась въ опредѣленныя мѣста, судили-рядили о своихъ дѣлахъ и даже устроили было общую столовую, которая не долго просуществовала вслѣдствіе неумѣлости распорядителей и уничтоженія основного фонда, доставлять каковой взялъ было на себя богатый панычъ Моргулецъ, взятый изъ университета внезапно появившимся отцомъ.

Между студентами были панычи-помѣщики, снабженные изъ дому прислугою, большею частью подростками-мальчиками. Надумались было учить этихъ мальчиковъ, и сего ради устроена была особая школа, гдѣ обучались грамотѣ дѣти, крѣпостные тогда еще слуги, добровольцами-студентами. Долженъ припомнить тебѣ, что эта школа была устроена раньше того, какъ стали открываться воскресныя школы. Въ школу эту, не особенно большую численнымъ составомъ, скоро стали опредѣлять и не крѣпостныхъ мальчиковъ-слугъ; она, эта школа, не переставала существовать и послѣ освобожденія крестьянъ и ухода гминниковъ въ польское возстаніе, а слѣдовательно и послѣ уничтоженія гминъ. Ты, можетъ быть, вспомнишь, какъ покойная Варвара Ивановна Антоновичъ изображала собою заботливую насѣдку съ этою школою, упрямо поддерживала дѣло школы до тѣхъ поръ, пока личный составъ ея самъ собою не разрушился, достигши чуть не совершеннолѣтія. Удаленный изъ милой родины, я мало могу сказать о дальнѣйшей судьбѣ нѣсколькихъ человѣкъ изъ этой школки, которыхъ уже не поляки, сошедшіе съ поля дѣятельности послѣ неудавшагося возстанія, а наши, украинцы, знаю, поддерживали въ жизни.

Какъ это я уже сказалъ, гмины продержались недолго и назывались к н е й п а м и (кнейпа — по-нѣмецки кабачки. Такъ у дерптскихъ студентовъ назывались излюбленныя пивныя). У насъ этимъ названіемъ обозначалось вообще собраніе гмины или гминъ. Приглашеніе н а к н е й п у означало приглашеніе прибыть въ собраніе. Основа землячества скоро замѣнилась основою политическою, о чемъ будетъ разсказано своевременно.

Но такъ или иначе, и эта земляческая организація съючивала молодежь, вызывала потребность собраній, преній, выдвигала впередъ тѣхъ или другихъ изъ своей среды, вырабатывала общее мнѣніе, общіе устои жизни студентовъ, опредѣляла общія цѣли стремленій. Въ средѣ студентовъ-поляковъ,—а таковыхъ было большинство въ кіевскомъ университетѣ,—этимъ организаціоннымъ строемъ поддерживались польскія національныя традиціи и, разумѣется, упованія на тему „Jeszcse Polska nie zginela“ etc.

Общія всей Россіи вѣянія конца 50-хъ годовъ и начала 60-хъ не могли обминуть и польскую молодежь того времени, но въ то время вѣянія эти не могли въ средѣ этой же молодежи не быть окрашены мѣстными красками польскости. Общеимперское осужденіе крѣпостного права само собою вполнѣ раздѣлялось и передовыми поляками, а таковыми, несомнѣнно, была учащаяся молодежь съ ея, можетъ быть, пересаливаніемъ, но тѣмъ не менѣе чисто гуманнымъ настроеніемъ. Поколѣніе старшее не могло отрѣшиться отъ выгодности въ матеріальномъ смыслѣ рабовладѣльчества и, само собою, всѣ эти толки объ общечеловѣческой равноправности, о предполагаемой эмансипаціи крестьянъ встрѣтило недружелюбно и въ отстаиваніи рабовладѣльчества—были случаи—выходило изъ границъ дебатированія и рѣшались на не совсѣмъ благовидные (способы) искать защиты отъ своихъ же дѣтей у мѣстной администраціи.

Молодежь того времени почти поголовно составляла передовую, либеральную часть общества, какъ равно отцы этой молодежи,—не дѣды этихъ, а непосредственно старшее поколѣніе,—стояли за принципы помѣщичьей власти и очень тупо подавались новымъ вѣяніямъ. Я долженъ при этомъ припомнить, что среди польскаго, а слѣдовательно шляхетскаго общества и въ прежнія времена появлялся либерализмъ по отношенію общественнаго строя и осужденіе

рабовладѣльческихъ принциповъ. На это намъ указываетъ осмѣиваніе шляхты въ „Брукованыхъ Вѣдомостяхъ“ (Den butos chamos-swinos-kabanos-obderyskuros). Ретроградовъ начала 60-хъ годовъ въ средѣ шляхетско-польской молодежи называли общимъ именемъ м о ш р а д з ѣ и (мосци-добродзѣю—сокращено въ рѣчи такъ, какъ сокращается милостивый государь, че-екъ и т. п.).

Литература польская того времени вся была на сторонѣ новыхъ вѣяній, и въ романахъ, повѣстяхъ, поэмахъ и драматическихъ произведеніяхъ выявлялись симпатіи къ угнетенному рабу и осужденіе его владѣльца. Въ соотвѣтствіе клички мошрадзѣй появилась кличка всѣхъ заступниковъ народа х л о п о м а н а м и. Хотя, собственно говоря, эта кличка присваивалась болѣе тѣсной группѣ молодежи. Мошрадзѣемъ былъ каждый помѣщикъ консервативнаго направленія,—хлопоманами называли небольшой кружокъ крайнихъ демократовъ и заступниковъ народныхъ. Но такъ какъ у насъ на мѣстѣ, въ Кіевѣ, такъ и во всемъ Юго-западномъ краѣ почти только полякъ былъ паномъ, а украинецъ-малороссъ былъ исключительнымъ хлопомъ, то, понятно, мошрадзѣями были исключительно поляки, а хлопоманы должны были рано или поздно сдѣлаться хохломанами, хохлофилами. И такъ бы оно и было, если бы естественному ходу развитія этой идеи не помѣшало польское возстаніе 1863 года, черною тучею съ окраской кроваваго зарева покрывшее собою все духовно-нравственное движеніе польской интеллигенціи.

Украинофильство въ средѣ мѣстныхъ поляковъ стало уже давно проявляться въ ощущаемыхъ и видимыхъ формахъ жизненнаго строя и, разумѣется, въ литературѣ. Украинофильство это было польское, да вѣдь оно и не могло быть инымъ. Несомнѣнно, что эта любовь къ бытовымъ формамъ украинской жизни у поляковъ современныхъ и даже у поляковъ 40—50 годовъ была остаткомъ любви къ своему родному старорусскому, теряемому по мѣрѣ ополяченія русиновъ. Ритуалъ обыденной жизни, какъ результатъ мѣстныхъ условій быта, не такъ легко поддавался измѣненію. Русинъ-украинецъ, ставши п о л я к о м ъ, по принятіи навязанной ему уніи и католичества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и языка, не могъ сразу усвоить себѣ всѣ пріемы обыденной жизни поляковъ и сохранилъ даже до послѣдняго времени свое старое—старорусское. Несмотря на то, что

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА АН УРСР Ф II- 85 688

Иваненко, Бугай, Хмель, Ярмоленко, Ярышъ по принятіи католицизма и по пріобщеніи ихъ къ современной польской культурѣ стали Ивановскими, Бугаевскими, Хмѣлевскими, Ярмолинскими, Ярошинскими и т. д., все-таки продолжали ѣсть борщъ, лемишку, варе́ники, варить кутью и узваръ на Богатый вечеръ, названный вюзіей, зажаривать къ Пасхѣ поросенка съ хрѣномъ въ зубахъ, замѣняющаго „baranka". Такъ же, какъ и прежде, цѣловались, христосуясь, и на привѣтствіе «Христосъ воскресе!» украинца-хлопа отвѣчали „Воистину воскресе" по-украински, потому что въ польской рѣчи нѣтъ подходящаго отвѣта. Такъ же, какъ и въ старину, усматривали въ извѣстныхъ созвѣздіяхъ на своемъ родномъ небѣ, оставшемся неополяченнымъ, подобіе „воза", „квочки з курчатами" и такъ же орали землю круторогымы воламы, косили степъ (какого не было въ Польшѣ). Такъ же олицетворяли удаль, проворство въ типѣ украинскаго козака, такъ же, какъ и ихъ далекіе предки въ отдаленной Варшавѣ или Парижѣ, тосковали по Украинѣ, ея бѣлыхъ хатахъ въ тѣни вишневыхъ садовъ, по ея голубому небу и задушевнымъ мотивамъ пѣсенъ.

Всего этого, мною сказаннаго, думаю, не станутъ опровергать поляки вообще, а какъ на подтвержденіе всего этого я укажу на цѣлый циклъ литературныхъ произведеній, назову писателей-поляковъ: Вицентій Поль, Богданъ Залѣсскій, Чайковскій, Крашевскій, Томасъ, Ежъ, даже Сырокомля, Мальчевскій... (Нужно поименовать самыя сочиненія) [1]). Что же можно сказать про эти всѣ произведенія? Что они полны любви къ Украинѣ? Несомнѣнно, что любовь эта была своекорыстная, что поляки-паны или ополяченный русинъ-панъ любили въ Украинѣ свой добробытъ, въ украинцѣ—своего раба. Но до извѣстной эпохи любовь съ такимъ оттѣнкомъ къ крестьянину, къ народу, была одинаково присуща какъ рабовладѣльцу-поляку, такъ и своему же помѣщику, малороссу, такъ и помѣстному барину центральной Россіи.

Но хлопоманъ начала 60-хъ годовъ, студентъ кіевскаго университета, былъ совершенно чуждъ этой своекорыстности, а, напротивъ, его любовь къ народу—къ украинцу—ссорила его съ ближайшими родными, подвергала его гоненію не только властей предержащихъ, но и всѣхъ ком-

[1]) Примѣчаніе автора.

патріотовъ-единомышленниковъ. Не надвинься на Украину эта подлинная напасть, польское возстаніе 1863 года, со всѣми его послѣдствіями, отъ которыхъ ничуть не поздоровилось развитію украинскаго національнзма, можетъ быть, мы имѣли бы не одного Рыльскаго съ его яснымъ пониманіемъ духа народнаго, съ его безграничной любовью къ Украинѣ. Въ числѣ погибшихъ въ этомъ возстаніи хлопомановъ я могъ бы указать на одного изъ нихъ, полнаго такой же любви къ Украинѣ и способности беззавѣтно отдаваться идейному дѣлу, увлекшей ихъ въ эту пагубу — возстаніе.

Вотъ въ этомъ нарушеніи правильнаго хода умственнаго развитія исторической жизни Украины и заключается причина моего недружелюбнаго отношенія къ польскому возстанію на Украинѣ, увлекшему много моихъ хорошихъ товарищей въ эту пагубу, вызванную непониманіемъ общественнаго національнаго склада Украины у вожаковъ возстанія.

Помню, мнѣ пришлось читать въ одной изъ многихъ циркулирующихъ между поляками того времени брошюркѣ—чуть ли не въ повстанскомъ катехизисѣ—такого рода наставленіе Мѣрославскаго (разумѣется, сохраняя общій смыслъ, я не въ состояніи цитировать дословно): „Партію хлопомановъ-малороссовъ, состоящую, какъ извѣстно, изъ недовольныхъ мѣстныхъ мелкихъ чиновниковъ, слѣдуетъ имѣть въ виду и направить ихъ дѣятельность на IV (лѣвую) сторону Днѣпра“.

Мерзавецъ, ровно ничего не понимающій и въ то же время полный апломба въ своей рѣшительности!

Да, друже мой! Я, горькими слезами оплакавшій гибель многихъ хорошихъ молодыхъ людей, между которыми были мои искренне любимые друзья, имѣю право посылать такое ругательство по адресу эксцитаторовъ (?) . . . . . *) этого пагубнаго возстанія. Не будь этого возстанія, у насъ былъ бы, повторяю, не одинъ Рыльскій!

Приступаю къ дальнѣйшему разсказу о времени, когда на насъ, студентовъ, молодежь, надвигалась эта черная хмара, это возстаніе.

Въ 1859—60 годахъ какъ-то особенно много нахлынуло въ нашъ кіевскій университетъ и вообще Кіевскую губернію молодежи изъ Царства Польскаго. Въ университетѣ это

*) Пропускъ въ рукописи.

были студенты „koroniarzy", которые прежде обучались въ Москвѣ и Петербургѣ, а теперь нахлынули къ намъ; вообще въ польской средѣ это—агрономы и фабричные техники изъ ogopy", изъ Царства Польскаго, изъ Галиціи. Мы не особенно благоволили къ этимъ полякамъ. Нельзя было не сознаться, что „koroniary" были развитѣе нашихъ поляковъ. Не говоря уже о языкѣ, отмѣнномъ отъ польской рѣчи нашихъ поляковъ, они говорили лощенымъ варшавскимъ языкомъ и уже вполнѣ корректурно (po prawnie), но и такъ въ общихъ пріемахъ жизни короняры были вполнѣ горожанами, европейцами, между тѣмъ какъ наши украинскіе, волынскіе и подольскіе поляки и въ рѣчи, и въ обиходѣ еще не совсѣмъ отрѣшились отъ своего оставленнаго ими, но не отстающаго отъ нихъ русинизма и отсвѣчивали селомъ съ его упрощенными формами жизни. Короняры были какъ-то эгоистичнѣе, суше, черствѣе нашихъ поляковъ. Притомъ всѣ они отличались столичнымъ лоскомъ и франтовствомъ, чего далеко нельзя было сказать про нашихъ, особенно во времена пуризма. Коронярь тратилъ послѣднюю копѣйку на то, чтобы пріодѣтымъ въ тыфльовскій сюртукъ, съ искусно вырѣзанными воротничками (тогда еще не было въ продажѣ бумажныхъ воротничковъ и манжетъ) и въ перчаткахъ появиться въ партерѣ театра, на гуляньи и т. п. Они какъ-то изворачивались въ своихъ бюджетныхъ дѣлахъ, закладывали, что можно, выкупали, опять закладывали. Карманные часы у нихъ такъ и назывались: „закладъ". „Который часъ на твоемъ закладѣ?"—обычная и между ними вполнѣ понятная фраза. Но такіе франты при невозможности устроиться по своему вкусу способны были на разнаго рода неблаговидные поступки. Въ то время мы знали ихъ—эти ихъ фокусы, доходившіе до дѣяній, трактуемыхъ Уложеніемъ о наказаніяхъ. Немало между ними просвѣчивало того, что послѣ стало называться „червонными валетами". Очень можетъ быть, что въ глуши Великопольской или въ трущобѣ Мазовецкой, въ к.-н. Куявахъ или Сендзѣвищахъ пребывали въ то время такіе же, какъ и у насъ, почтенные типы пановъ-помѣщиковъ мошрадзѣевъ, но эти валеты, къ намъ прибывшіе короняры, были далеко не симпатичны. Это я высказываю не только моя личное мнѣніе, но такъ же смотрѣло на нихъ и большинство моихъ товарищей. Полагаю, что домогательство въ древности старыхъ русиновъ вмѣстѣ съ литвинами, соединившихся съ

Польшею, о томъ, чтобы при переѣздѣ территоріальной границы польскіе короли не брали съ собою чиновныхъ поляковъ, имѣло, кромѣ политическихъ основаній, еще и тѣ особенности коренныхъ поляковъ, какія и намъ бросились въ глаза въ современныхъ намъ типахъ поляковъ-коронярей. Вѣдь вотъ же мы съ литвинами ладили и уважали этихъ диковатыхъ, но всегда прямыхъ и честныхъ потомковъ Вейстута и Лездейка, или огилянской шляхты, носившей на одной ногѣ сапогъ со шпорой въ знакъ готовности служить въ конной дружинѣ князя, а на другой лапоть, какъ эмблему пѣхотной службы. Чванство и хвастовство присущи были не только современнымъ коронярамъ, но эти недостатки, можно сказать, національные, подмѣчаются еще въ типахъ польскихъ, рисуемыхъ Яномъ Хризостомомъ Паскомъ (Pamiętniki Jana Chryzostoma Paska) въ его хроникѣ временъ XVI и начала XVII столѣтій. Оказывается, что и тогда отмѣнено было чванство поляковъ-коронярей, простодушность литвиновъ и ихъ взаимный антагонизмъ.

Прости мнѣ, друже, всѣ эти пространныя отступленія, но я считаю ихъ необходимыми для полноты припоминаемой мною Тебѣ картины, фона, на которомъ придется ретушировать вызываемыя въ памяти изображенія.

Этотъ наплывъ коронярей, какъ я уже сказалъ, въ нашъ Кіевскій край и особенно въ университетъ начался съ 1859 г.

На одной общестуденческой сходкѣ особенно это стало замѣтно. Случилось такъ: садовники университетскаго ботаническаго сада, замѣтивъ пропажу цвѣточныхъ плошекъ въ саду, стали слѣдить и убѣдились, что цвѣты воруетъ студентъ: проходитъ мимо одѣтый въ длинную шинель, схватитъ и унесетъ. Главный садовникъ приказалъ задержать вора и отнять похищенное. Сторожа-садовники такъ и сдѣлали: у калитки сада остановили вора-студента и отобрали отъ него двѣ плошки съ цвѣтами, которыя онъ несъ подъ шинелью.

Въ этомъ изобличеніи кражи, задержаніи и отнятіи похищеннаго публично, въ присутствіи гулявшихъ въ саду, многіе изъ студентовъ усмотрѣли оскорбленіе чести мундира, и, несмотря на то, что было много иначе смотрѣвшихъ на это воровство, нѣкоему Титу Далькевичу удалось собрать цѣлую толпу фуксовъ (такъ назывались студенты-новички первыхъ курсовъ. Футурусъ, фуксъ, альтеръ фуксъ, буршъ

и альтеръ буршъ—клички, взятыя изъ нѣмецкихъ университетовъ), отправился съ ними въ ботаническій садъ и тамъ настоялъ на томъ, что три садовника взаимно себя высѣкли.

Дѣло было передано почему-то (кажется, по желанію Н. И. Пирогова) на судъ самихъ студентовъ, и Далькевичъ былъ по рѣшенію студентовъ исключенъ на годъ изъ университета (Этого Тита Далькевича придется тебѣ, друже, еще разъ встрѣтить въ этихъ моихъ воспоминаніяхъ. По-польски его звали Tytus. Товарищи во вниманіе къ его сумасбродству весьма удачно передѣлали его имя на Typhus (тифъ). Въ самомъ дѣлѣ, это былъ какой-то сумасшедшій человѣкъ, старавшійся изо всѣхъ силъ быть оригинальнымъ, замѣтнымъ. Онъ немало причинился къ вызову обличеній кіевскихъ студентовъ въ демагогичной пропагандѣ. На сходкахъ по поводу этой дикой расправы съ садовниками (вызванной отчасти памятью бринкенской исторіи) короняры особенно снисходительно относились къ этому Тыфусу, и только благодаря ихъ настояніямъ его исключили изъ университета на годъ, а не навсегда. Совсѣмъ иначе они отнеслись къ тому же Тыфусу годъ спустя, когда его обвиняли въ ультра-демагогической пропагандѣ (Но объ этомъ послѣ, чтобы не прерывать послѣдовательности разсказа). Гминамъ, собственно говоря, дѣлать было нечего. Добываніе возможныхъ средствъ для вспомоществованія мало или ничего не имущихъ товарищей ограничивалось устроеніемъ любительскихъ спектаклей (что почему-то попало исключительно въ руки коронярей) и не было дѣломъ, могущимъ удовлетворить жажду къ публицистикѣ по взаимовозбужденію. Обученіе студентскихъ мальчиковъ не могло дать работу всѣмъ; попытки создать свою столовую сначала какъ-то не удавались, а когда въ 1860 году столовая и устроилась, то скоро сама собою прекратила свое существованіе вслѣдствіе, какъ я уже сказалъ выше, увоза изъ Кіева главнаго содержателя этой столовой, студента Моргулеца его отцомъ. Но жизнь шла своимъ чередомъ, и люди всегда найдутъ, куда дѣвать избытокъ силъ своихъ. Пѣшеходное путешествіе компаніи студентовъ, въ числѣ которыхъ были Владиміръ Бонифатьевичъ Антоновичъ и Ѳаддей Розеславовичъ Рыльскій, лѣтомъ въ 1859 году потревожило на молодежь взирающихъ мошрадзѣевъ, и они начали распускать самые нелѣпые слухи объ этихъ путешественникахъ. Во-первыхъ, въ этой экспедиціи была усмотрѣна исключительная за-

дача—демагогическая пропаганда. Нелѣпѣйшая выдумка: можно ли было вести какую бы то ни было пропаганду 4—5 человѣкамъ, путешествующимъ на телѣжкѣ, запряженной одной лошадью и вовсе не скрывающимся, всегда готовымъ предъявить свои виды и билеты. Но путешественники эти казались опасными гг. мошрадзѣямъ, встревоженнымъ носившимся слухомъ о „волѣ", уже по тому самому, что если они, путешественники, и ничему не научатъ и никому ничего не внушатъ, то зато, искрещивая Украину въ разныхъ направленіяхъ, общась въ этомъ путешествіи съ народомъ, они много кое-чего услыхали и узнали, не совсѣмъ лестнаго для мошрадзѣевъ. Узнали о томъ, что крѣпостническіе пріемы обращенія пановъ и ихъ ржондзъ и экономовъ съ „хлопами" далеко не похожи на тѣ, какими ихъ изображаютъ мошрадзѣи, корясь наружно современнымъ вѣяніямъ. И они, мошрадзѣи, не взлюбили этихъ нескромныхъ спознавателей ихъ жизни, ихъ отношеній къ своимъ тогда еще подданнымъ, слѣдили за ними и всякое самомалѣйшее отступленіе отъ принятыхъ нормъ обыденной жизни истолковывали въ желанномъ имъ смыслѣ. Изъ этого выходило, что студенты-„хлопоманы" предприняли это путешествіе съ цѣлью пропагандировать возстаніе крестьянъ противу своихъ помѣщиковъ. Всякія остановки путешественниковъ для отдыха у какого-нибудь пруда, гдѣ можно было развести огонекъ и сварить дорожную кашу, и всякій разговоръ съ подошедшими къ костерку крестьянами сейчасъ вызывалъ самое тщательное разслѣдованіе того, о чемъ говорили, что разспрашивали и что проповѣдывали.

Толки про это путешествіе и про отношенія къ нему гг. мошрадзѣевъ давали много темъ для дебатовъ и обсужденій положенія сельской помѣщичьей и крестьянской жизни, и, разумѣется, наши симпатіи всегда ложились на сторону угнетаемыхъ, а не угнетателей. Въ средѣ студенческой были извѣстны дѣянія мошрадзѣевъ уже по тому самому, что въ Кіевѣ были студенты изъ различныхъ мѣстностей, и всѣ эти дѣянія обсуждались, осуждались и такимъ образомъ оглашались. Устанавливалось общественное мнѣніе, каковое хотя-не-хотя было противу мошрадзѣевъ и за угнетаемыхъ, согласно вѣянію. Мошрадзѣю пришлось оправдываться, хотя и неискренно, но заявлять себя чуждымъ угнетенія крестьянъ. Я помню, какъ одинъ мошрадзѣй,

отецъ моихъ товарищей, мнѣ лично говорилъ, что у него крестьянамъ живется хорошо, такъ какъ онъ ихъ не угнетаетъ, а, напротивъ, всегда помогаетъ и заботится объ ихъ добробытѣ, что съ этой стороны безъ страха предстанетъ на Судъ праведный и что, если и водятся за нимъ какіе грѣхи, то они должны быть ему извиняемы въ виду болѣзни его жены, лишающей ее возможности дѣлить съ нимъ брачное ложе... „U mnie jesli i ją grzechy to tylko dzuirkowawe“ (Если и есть за мной грѣхи, то только дыряв ы е). Въ послѣднемъ словѣ заключался грязнаго свойства екивокъ, свидѣтельствующій о панской распущенности.

При случаяхъ паны хвалились передъ молодежью своими хорошими отношеніями къ своимъ крестьянамъ и заявляли себя ихъ покровителями и друзьями, далеко не противниками освобожденія ихъ, хотя многіе говорили:

— Ихъ (крестьянъ) сначала слѣдовало образовать (?), а тогда уже дать волю.

Уже самыя эти оправданія свидѣтельствовали о томъ, что общественное мнѣніе польско-шляхетскаго общества было за освобожденіе крестьянъ, о чемъ уже вездѣ поговаривали. За крестьянъ ратовало молодое поколѣніе въ лицѣ студентовъ и въ то время стояла литература, какъ представительница новыхъ вѣяній. Въ сочиненіяхъ передовыхъ того времени писателей, не говоря уже про Вильконьскаго, яркія сатиры котораго въ его „Ramoły oVamatki“ (?) (непереводимыя (не разобрано), выраженія—что-то въ родѣ дещы-ця) бичевали помѣщичью власть и сословное выдѣленіе, исключительно сатирическій юмористическій журналъ Woliu Zarty язвили всячески рабовладѣльцевъ и ихъ агентовъ ржондзъ и экономовъ, но и въ повѣстяхъ кульминирующаго тогда Крашевскаго, Корженевскаго, въ поэтическихъ произведеніяхъ Кондратовича (Syrokmly), ядовитыхъ повѣстяхъ Томаша Ежа, въ драмахъ и операхъ—вездѣ осуждался старый строй, бичевалось рабовладѣльчество вообще.

Нужно было имѣть много гражданскаго мужества, или быть малоразвитымъ человѣкомъ, чтобы сдѣлать то, что сдѣлали отцы двухъ нашихъ товарищей, Моргулецъ и Рыльскій. Первый лично явился въ Кіевъ и забралъ изъ университета сына, другой поданнымъ на имя генералъ-губернатора прошеніемъ просилъ обратить вниманіе на зловредную пропаганду сына (покойнаго Ѳаддея Рыльскаго) и цѣлой

компаніи студентовъ и удалить его, своего сына (sic), куда-нибудь въ ссылку изъ Кіева.

Эти демонстративныя выходки, разумѣется, были осуждаемы большинствомъ мѣстнаго шляхетскаго панскаго общества, но тѣмъ не менѣе вызвали сочувствіе у тѣхъ, кто неохотно поддался было уже общему въ то время настроенію. Результаты этого сказались въ появленіи въ средѣ помѣщиковъ самыхъ невѣроятныхъ разсказовъ о демагогической дѣятельности студентовъ-„хлопомановъ", главою которыхъ называли Антоновича, Владиміра Бонифатьевича. По этимъ сплетнямъ выходило, что въ средѣ студентовъ имѣется строго организованный кружокъ, систематически ведущій пропаганду между крестьянами, крайняя цѣль каковой пропаганды есть поголовное истребленіе пановъ. Вспоминая это чуть не полстолѣтія уже минувшее время, удивляешься нелѣпости всего этого измышленія. Вырѣзать всѣхъ пановъ—вотъ конечная цѣль пропаганды воображаемаго кружка. Что должно быть результатомъ этого поголовнаго истребленія, какой строй общественной жизни долженъ установиться послѣ этого истребленія? Кого именно слѣдуетъ зачесть въ число намѣченныхъ къ уничтоженію? Какъ будетъ относиться правительство къ этому факту? Все это вопросы, которые сами собою возникаютъ при оглядкѣ на то прошлое. Но тогда ничего такого не обсуждалось: имѣлись въ виду только давно минувшія возстанія Украины и, очевидно, сознаніе за собою такихъ рабовладѣльческихъ квалификацій, которыя по справедливости заслуживаютъ и могли вызвать такое возмездіе.

А между прочимъ несмотря на нелѣпость, сплетни эти не унимались и вызвали даже объясненіе губернскаго предводителя дворянства Хорвата съ генералъ-губернаторомъ княземъ Васильчиковымъ.

По самымъ тщательнымъ разслѣдованіямъ правительство убѣдилось, что никакой такой демагогической организаціи не существуетъ, а имѣется на-лицо группа молодежи, излюбившая малорусскій народъ и его бытъ, и... организація польская патріотическая, имѣющая прочную связь съ никогда не уничтожавшеюся организаціею въ Царствѣ Польскомъ.

Наплывъ коронярей въ Кіевщину былъ, какъ оказалось, не только результатомъ пробудившейся жажды молодежи къ просвѣщенію и недостаткомъ высшихъ учебныхъ заве-

деній въ Царствѣ Польскомъ, а также необходимостью подъема сельскохозяйственной культуры, для чего потребовалось много агрономовъ и техниковъ. Нѣтъ! Очевидно, землевладѣльческое общество Царства Польскаго, во главѣ котораго стоялъ знаменитый графъ Андрей Замойскій, обратило свое вниманіе на „край забраный“ и на наличность въ этомъ краѣ польскаго элемента, который предполагалось использовать въ исподволь подготовляемомъ возстаніи, и направило къ намъ въ Украину возможное количество молодежи—и въ университетъ, и въ крупныя имѣнія польскихъ магнатовъ, гдѣ они находили занятія и въ высшей культуры сельскомъ хозяйствѣ, и фабрикахъ сахарныхъ по всему краю, въ мануфактурныхъ въ Таганчѣ, Славутѣ и другихъ.

Б. С. Познанскій.

(*Продолженіе въ слѣд. книжкѣ*).

Русскій имперіализмъ и украинство.

Теперь уже ясно, что русскій либерализмъ гораздо національнѣе и, если живое отстаиваніе національнаго быта во всей его полнотѣ мы условимся называть націонализмомъ, гораздо націоналистичнѣе реакціи.

П. Струве („Patriotica").

Программа современнаго украинства нуждается въ пересмотрѣ. Каждый годъ, каждый мѣсяцъ русской политической жизни дѣлаетъ такой пересмотръ все болѣе настоятельнымъ и необходимымъ. Конечно, ни отъ какой программы нельзя желать, чтобы она была, по словамъ проф. Погодина, выраженіемъ „дѣйствительныхъ требованій массъ", потому что, въ такомъ случаѣ, русскимъ либераламъ, пришлось бы, напр., выбросить изъ своей программы требованіе всеобщаго обязательнаго обученія. Поэтому, говоря о пересмотрѣ программы, приходится имѣть въ виду не приниженіе ея до хаотическаго національнаго сознанія широкихъ украинскихъ массъ, а нѣчто совсѣмъ иное. Я врядъ ли ошибусь, если скажу, что еще со временъ Драгоманова и до сихъ поръ главная и самая важная часть политической программы украинства совершенно совпадала съ программою русскаго освободительнаго движенія. Настолько совпадала, что даже Драгомановъ старался облечь украинскія національныя требованія въ общероссійскій мундиръ, совѣтуя, напр., бороться за автономію „на почвѣ не національной [1]), а государственно-административной".

Вѣра украинца въ русское освободительное движеніе была еще сильнѣе, пожалуй, чѣмъ у некрасовскаго мужика въ своего барина:

„Вотъ пріѣдетъ баринъ,
„Баринъ насъ разсудитъ",—

говорилъ некрасовскій мужикъ. „Получите конституцію, а остальное приложится", — утѣшали и утѣшаютъ украинцевъ русскіе, и долгое время противъ этого собственно

[1]) См. „Чудацькі думки про українську національну справу". Львів. 1892 (стр. 253).

возражать не приходилось. Теперь, правда, пока еще спутанную по рукамъ и ногамъ, съ задернутымъ вуалью лицомъ,—но мы уже видимъ ее, мы уже можемъ различить черты грядущей, новой Россіи, мы уже слышимъ ея еще неувѣренные шаги.

Кое-что объ этой „прекрасной незнакомкѣ“ мнѣ пришлось говоритъ въ № 5-мъ „Укр. Жизни“ за прошлый годъ. Въ настоящей статьѣ я хочу сказанное дополнить. И хочу остановиться надъ явленіемъ, которому, быть-можетъ, придется заполнить еще не одну главу русской исторіи. Имѣю въ виду имперіалистическій либерализмъ, блеснувшій такимъ яркимъ фейерверкомъ въ только-что минувшемъ году.

Громкіе апплодисменты оппозиціи, привѣтствовавшей въ Думѣ слова премьера, пугавшаго „интернаціональными осложненіями“ тѣ державы, которыя посмѣютъ выступить со своими „второстепенными интересами“ на Балканахъ, заявленіе депутата Госуд. Думы г. Маклакова, что онъ „не боится войны“, хотя и не желаетъ ея, наконецъ, хвалебный тонъ всей либерально-оппозиціонной прессы, обсуждавшей слова декларацiи о внѣшней политикѣ,—недвусмысленно вскрыли имперіалистическія тенденціи русскаго либерализма. Если бы у кого-нибудь и послѣ этого осталось сомнѣніе относительно подобныхъ тенденцій, тотъ пусть прочитаетъ статьи г. Дорошевича, писавшаго въ „Русскомъ Словѣ“ цѣлые акаѳисты „Богу войны“, тотъ пусть прочитаетъ „Утро Россіи“, объявлявшее, что „духъ славянства, а съ нимъ вмѣстѣ и русскій духъ—за войну!“ [1]). Если бы и этого показалось мало, то стоитъ лишь вспомнить подозрительное и упорное молчаніе либеральной прессы о русской политикѣ въ Персіи, Монголіи и въ осо-

[1]) Справедливое замѣчаніе о наличности въ русскомъ либерализмѣ довольно сильнаго имперіалистскаго теченія авторъ, къ сожалѣнію, подкрѣпляетъ иллюстраціями, не лишенными спорности. Ни за одной изъ названныхъ имъ газетъ нельзя, конечно, признать руководящаго значенія и даже постоянства мнѣній; отношеніе же думской оппозиціи къ извѣстному мѣсту декларацiи, имѣвшему, безъ сомнѣнія, въ виду Австрію и ея попытки лишить Сербію нѣкоторыхъ плодовъ войны, едва ли можно поставить въ прямую связь съ имперіалистическими вожделѣніями русскихъ націоналъ-либераловъ. Къ слову сказать, и международный націоналистическій конгрессъ въ Базелѣ призналъ, что соціалисты Австріи должны продолжать оппозицію противъ стремленія дунайской монархіи напасть на Сербію („Р. Б.“, XII, стр. 246).

Ред.

бенности въ турецкой Арменіи. Политика капиталистической (и притомъ не всегда мирной) экспанзіи становится политикой русскаго либерализма, причемъ послѣ столкновенія съ Японіей и разложенія Турціи цѣль этой политики опять переносится на Ближній Востокъ. Въ настоящій моментъ „западную цивилизацію“ на Балканахъ представляетъ Австрія (и отчасти Италія), поэтому кн. Бисмаркъ, собственно говоря, повторялъ лишь извѣстную мысль Маркса, утверждая, что „дорога Россіи въ Константинополь лежитъ черезъ Вѣну“. Подобныя же идеи проповѣдывалъ одинъ изъ піонеровъ панславизма, ген. Г. Фадѣевъ, еще въ 60-хъ годахъ минувшаго столѣтія. Теперь онѣ стали азбукой неославистовъ,—я хочу сказать: настоящихъ неославистовъ, а не дилеттантовъ въ родѣ д-ра Крамаржа. При такомъ пониманіи задачъ внѣшней политики „славянская солидарность“ совершенно естественно стала главнымъ козыремъ воинствующаго націонализма.

„Братья-славяне“ стали внезапно въ центрѣ вниманія почти всего русскаго общества, пророкъ „великой Россіи“ началъ писать о „скрѣпленіи естественной связи съ славянствомъ вообще и съ западнымъ въ частности“, „Русское Слово“ выкапываетъ изъ забвенія старый проектъ ген. Скобелева, рекомендующаго воевать съ Австріей не полками, а политической національной славянской пропагандой. Задачи внѣшней политики на-время объединили противоположные полюсы русской общественной жизни, связавъ прочнымъ „альянсомъ“ вчерашнихъ политическихъ противниковъ. Дебютъ новыхъ союзниковъ мы видѣли въ 1908 году. Нѣкоторыя разногласія, наступившія позже между членами труппы, удалось впослѣдствіи примирить г. Сазонову, и, какъ мы могли убѣдиться въ послѣдніе мѣсяцы, міру и согласію въ средѣ новыхъ союзниковъ ничто почти уже не угрожаетъ.

Какое же значеніе имѣетъ все это для украинцевъ?

Очень большое.

Передъ Россіей лежатъ двѣ дороги, если она хочетъ преслѣдовать, въ цѣляхъ ослабленія своего конкуррента на Ближнемъ Востокѣ, „славянскую политику“. Для того, чтобы эта политика имѣла хоть какіе-нибудь осязательные результаты, мало представлять себя славянскою державою

pro foro externo. Необходимо радикальное измѣненіе основныхъ принциповъ внутренней національной политики. Наиближайшими объектами славянской политики, симпатіи которыхъ желательно было бы имѣть за собою русскимъ имперіалистамъ всякихъ направленій, - являются австрійскіе украинцы и поляки. Первою дорогою для пріобрѣтенія ихъ симпатій было бы полное равноправіе всѣхъ населяющихъ Россійскую имперію національностей, а значитъ и украинцевъ. Однако, именно послѣдняя возможность и является нѣсколько проблематической. Проф. Погодинъ въ послѣдней книжкѣ „Укр. Ж." заявилъ, что ему „дорого національное единство русскаго народа". Еще дороже оно для г. Струве и для „Утра Россіи", потому что для политики имперіализма, любящаго прикрывать свои интересы интересами націи, наиболѣе удобной формой государства является національное государство. Уже это обстоятельство заставляетъ многихъ русскихъ имперіалистовъ, хотя бы и либеральнаго толка, съ нѣкоторою недоброжелательностью смотрѣть на попытки — хотя бы только въ культурномъ отношеніи—„расколоть русскій народъ". Еще другое соображеніе препятствуетъ русскому національ-либерализму поставить во всей его широтѣ украинскій вопросъ въ Россіи (а только такая постановка этого вопроса могла бы создать изъ Россіи притягательный центръ для болѣе взыскательныхъ въ національномъ отношеніи галицкихъ украинцевъ). Казалось бы, что удовлетвореніе минимальныхъ желаній украинцевъ въ Россіи—единственный способъ избавиться отъ иногда довольно неудобной украинской оппозиціи неославянскому движенію. Однако вступить на этотъ путь русскимъ либераламъ значитъ порвать съ правыми элементами въ неославизмѣ, т.-е., другими словами, отказаться отъ активнаго участія въ международной политикѣ. На это гг. Милюковы не пойдутъ. Они скорѣе „условятся" считать украинцевъ несуществующей націей, чѣмъ расторгнуть союзъ съ гр. Бобринскимъ, что они и доказали на пражскомъ съѣздѣ пять лѣтъ тому назадъ. Просто психологически невозможно брататься за границей съ Дудалевичами и поддерживать ихъ враговъ у себя дома. Если кадеты начнутъ дѣятельно поддерживать русскихъ украинцевъ, то какъ они будутъ „цѣловаться" въ Прагѣ съ Глибовіцкими, какъ „единственными

представителями" галицко-украинскаго народа? Двойная игра, навѣрное, оказалась бы мало полезною кадетамъ, а усидѣть между двумя стульями имъ такъ же мало удалось бы, не компрометтируя себя, какъ и галицкимъ полякамъ. Рѣшительно же стать на сторону украинцевъ это значитъ сказать adieu и октябристамъ, и правымъ, и, какъ увидимъ ниже, полякамъ. Къ тому же такому шагу помѣшало бы традиціонное недовѣріе либераловъ къ силѣ украинскаго движенія.

Они еще слишкомъ мало вѣрятъ въ украинское движеніе, чтобы стараться привлечь его на свою сторону. Необходимость союза съ правыми элементами неославизма отнюдь не исчезнетъ даже и въ либеральной Россіи. Тонъ въ украинской политикѣ всегда будутъ задавать даже не кадеты, а скорѣе лѣвые октябристы, близкіе къ графу Бобринскому. Ихъ воля, ихъ взгляды на украинскій вопросъ будутъ massgelend какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ. Такъ же, какъ и теперь, кадеты, гонимые необходимостью итти съ ними въ ногу въ своей заграничной „славянской политикѣ", попадутъ и во внутренней украинской политикѣ въ зависимость отъ нихъ.

Я забылъ сказать еще объ одномъ важномъ, третьемъ моментѣ, опредѣляющемъ отношеніе русскихъ имперіалистовъ къ украинцамъ. Это—поляки. Мнѣ приходилось уже говорить въ „Укр. Жизни" о тенденціяхъ, замѣчаемыхъ въ русскомъ обществѣ, къ соглашенію съ поляками. Эти стремленія можно смѣло назвать господствующими во всѣхъ вліятельныхъ и „дѣлающихъ политику" кругахъ русскаго общества. О необходимости русско-польскаго соглашенія пишетъ „Русская Молва", г. Столыпинъ въ „Нов. Вр.", Баянъ въ „Русскомъ Словѣ", г. Вергунъ въ „Голосѣ Москвы", Кашкаровъ въ „Утрѣ Россіи", о немъ пишутъ г. Струве, Евреиновъ, писалъ ген. Скобелевъ. Необходимость привлеченія симпатій поляковъ—въ цѣляхъ успѣшности внѣшней политики Россіи—стала положительно общимъ мѣстомъ въ русскомъ обществѣ. А такое „привлеченіе симпатій поляковъ", въ особенности галицкихъ, совершенно немыслимо при поддержкѣ украинскаго движенія. Вѣдь если поляки и идутъ на услуги гг. неославистамъ, то только лишь постольку, поскольку новое движеніе несетъ имъ помощь съ одной стороны противъ Пруссіи, съ другой—противъ „прусской интриги"—украин-

скаго движенія. Поддерживая украинство. Россія оттолкнула бы отъ себя галицкихъ вшехполяковъ и подоляковъ и потеряла бы всякую аттракціонную силу для польской Галиціи. Эта послѣдняя причина увеличиваетъ собою число остальныхъ, препятствующихъ русскимъ либеральнымъ имперіалистамъ безусловно стать на сторону украинцевъ: поляки представляются имъ гораздо болѣе цѣннымъ объективомъ славянской политики.

Такимъ образомъ, три причины, обусловливаемыя имперіалистическими тенденціями русскаго либерализма: необходимость національнаго государства, поддержки правыхъ имперіалистическихъ элементовъ и заграничныхъ поляковъ вызываетъ индифферентное, если не враждебное, отношеніе къ украинцамъ русскаго націоналъ-либерализма. Вотъ чѣмъ грозенъ для насъ либеральный русскій имперіализмъ, высоко поднявшій свою голову въ послѣднія пять—шесть лѣтъ!

Вообще послѣдніе годы, когда русскій либерализмъ выступилъ въ качествѣ активной силы на политическую арену, принесли Украинѣ много разочарованій. Лѣтомъ минувшаго года г. Меньшиковъ открылъ довольно трагическіе гороскопы передъ Россіею, если она „не проявитъ какого-нибудь еще неслыханнаго искусства власти“ надъ покоренными ею народами („Нов. Вр.“, 4/III).

Я не вѣрю въ астрологію, ни въ гороскопы, но я думаю, что врядъ ли либеральная Россія можетъ думать о блестящемъ будущемъ, если въ своей національной политикѣ начнетъ съ того, что уже показало свою практическую непригодность въ Австріи: съ политики подраздѣленія націй на привилегированныя и націи „второго сорта“. По крайней мѣрѣ попытки найти какую-нибудь новую формулу національной политики либеральная Россія до сихъ поръ не обнаружила. Потому что нельзя назвать новою рекомендуемую для всѣхъ (кромѣ польской) націй Россіи формулу чисто отрицательнаго характера: уничтоженіе ограниченій, тяготѣющихъ надъ нерусскими національностями. А дальше этой программы, въ особенности по отношенію къ украинству, русскій либерализмъ не идетъ. Причемъ не признается даже за украинствомъ права самостоятельнаго политическаго фактора хотя бы въ борьбѣ съ крайнимъ націонализмомъ. Не признаетъ этого права г. Юристъ (см. декабрьскую книжку

„Укр. Ж.“), считающій національныя политическія партіи „ненормальнымъ явленіемъ“ [1], не признаетъ этого, права и г. Изгоевъ изъ „Руск. Мысли“, не признаетъ этого, въ сущности, и проф. Погодинъ, требующій, чтобы украинскіе дѣятели заручились сперва (путемъ плебесцита, что ли?) согласіемъ народныхъ массъ съ ихъ программой.

Два десятка лѣтъ тому назадъ, когда Драгомановъ писалъ свою программу въ „Чудацкихъ думкахъ“, можно еще было принимать какъ догматъ, что украинцы найдутъ себѣ вѣрныхъ союзниковъ въ русскихъ либералахъ. Тогда либеральная Россія была совершенно terra incognita, а зародыши организацій русскихъ либераловъ (земства)—на темномъ фонѣ тогдашней жизни—были такими яркими звѣздами, что даже трезвыхъ людей, какъ Драгомановъ, вводили въ заблужденіе относительно ихъ настоящей политической физіономіи. Теперь не то. Теперь „національное лицо“ либеральной Россіи стало ясное. Правда, эксперименты въ соціологіи невозможны, но возможны предположенія и догадки. Какъ математикъ, знающій формулу отношенія между постоянной и перемѣнной, можетъ предсказать величину этой послѣдней въ зависимости отъ измѣненія первой, такъ и мы, слѣдя за тенденціями, развиваемыми русскимъ либерализмомъ теперь, можемъ представить себѣ его отношеніе къ украинству въ будущемъ.

Соглашеніе съ поляками, такъ-называемый „общественный націонализмъ“ (о чемъ я уже говорилъ въ пятой книжкѣ журнала) и, наконецъ, либеральный имперіализмъ со всѣми его для насъ послѣдствіями,—вотъ тѣ „постоянныя“, функціональную зависимость отъ которыхъ украинской политики русскаго либерализма можно прослѣдить даже въ настоящее время.

Эти тенденціи либерализма русскаго, можетъ-быть, нельзя было предугадать двадцать лѣтъ тому назадъ (развѣ по аналогіи съ другими государствами), но теперь ихъ увидитъ даже невооруженный глазъ. Это-то и является, по-моему, главной побудительной причиной для пересмотра

[1]) Здѣсь авторомъ допущена существенная неточность. Г. Юристъ въ своемъ отвѣтѣ вовсе не отрицаетъ права украинцевъ образовать политическія партіи; онъ отрицаетъ только—правильно или нѣтъ, это другой вопросъ—цѣлесообразность образованія такихъ партій при современныхъ политическихъ условіяхъ въ Россіи.

Ред.

украинской программы, опирающейся, примѣняя уже разъ употребленное мною выраженіе, на безусловную и непоколебимую вѣру въ „барина“.

Въ настоящей статьѣ я не думаю давать хотя бы и общихъ только принциповъ новой программы (для этого необходимо бы было болѣе основательное изслѣдованіе политическихъ отношеній въ Россіи и внѣ ея). Я хотѣлъ лишь обратить вниманіе украинскаго (и русскаго) общества на необходимость поискать новыхъ, болѣе соотвѣтствующихъ дѣйствительнымъ потребностямъ украинской націи, формулъ. Я хотѣлъ лишь указать на то, что если измѣнились тѣ предпосылки, на которыхъ опиралъ свою программу Драгомановъ, то должна измѣниться и сама программа. Какою будетъ эта программа, въ значительной степени зависитъ отъ самого русскаго общества. Какъ замѣтилъ одинъ изъ участниковъ анкеты, опубликованной въ декабрьской книжкѣ „Укр. Жизни“, „недовѣріе среди украинцевъ уже посѣяно“. Его возбуждаютъ какъ тѣ, которые выступаютъ аггрессивно противъ минимальныхъ украинскихъ требованій, такъ и тѣ, которые упорно не хотятъ обращать на нихъ никакого вниманія. Въ меньшей степени, но все-же несутъ нѣкоторую отвѣтственность за это „недовѣріе“ и тѣ изъ русскихъ общественныхъ дѣятелей, которые видятъ разрѣшеніе украинскаго вопроса исключительно въ отмѣнѣ ограниченій, тяготѣющихъ надъ украинскимъ словомъ или въ освобожденіи отъ полицейской опеки частичныхъ проявленій иниціативы украинскаго общества. Не такими программами, не такими формулами пріобрѣтаются симпатіи угнетенныхъ націй.

Во всякомъ случаѣ украинскій вопросъ — въ интересахъ самого русскаго общества — нуждается въ болѣе внимательномъ къ нему отношеніи со стороны русской политической мысли.

Я окончу статью пожеланіемъ, чтобы русское общество ближе и серьезнѣе ознакомилось съ украинскимъ движеніемъ, постаралось понять его и его движущія причины такъ же глубоко и ясно, какъ это удалось кн. С. Д. Урусову въ его отвѣтѣ, помѣщенномъ въ 12-й книжкѣ „Укр. Жизни“ за прошлый годъ.

Можетъ-быть, тогда русское общество перестало бы смотрѣть на украинцевъ какъ на „энтузіастовъ“ и съ бо́льшимъ вниманіемъ отнеслось бы къ ихъ нуждамъ.

Дм. Донцовъ.

Шевченко и украинское общество 60-хъ годовъ.

I.

Каждый великій поэтъ кладетъ свой отпечатокъ на общество, среди котораго онъ жилъ; его вліяніе тѣмъ продолжительнѣе, чѣмъ геніальнѣе его творчество, оно тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе затронуто поэтомъ не однихъ эстетическихъ, а и гуманныхъ переживаній. Празднованіе въ 1911 году юбилея Шевченка очень ярко показало, что за 50 лѣтъ, исполнившихся послѣ его кончины, украинское общество не переставало жить подъ обаяніемъ великаго Кобзаря; въ немъ оно черпало руководящія начала своей сознательной національной жизни; въ немъ находило силу вѣры въ лучшее будущее. Поэтъ-гражданинъ далъ національному возрожденію своей родины прочное основаніе, которое обезпечиваетъ и грандіозную постройку будущаго уклада украинской народной жизни. Не довелось Шевченку дожить до перваго начальнаго момента этой перестройки, до великаго момента освобожденія милліоновъ рабовъ, горькую долю которыхъ онъ воспѣлъ съ такимъ художественнымъ лиризмомъ. Но никто, какъ онъ, создалъ то предварительное настроеніе, въ какомъ его друзья-почитатели принялись въ знаменательные для всей Россіи 60-е годы за самую нужную для народа работу. За десять лѣтъ, проведенныхъ Шевченкомъ въ ссылкѣ, Россія много пережила,—пережила 1847—1857 годы, періодъ, важный для развитія ея общественной мысли. Эти десять лѣтъ великій украинскій поэтъ прожилъ въ казармѣ съ запретомъ писать и рисовать; творческая мысль его была пресѣчена, до него не доходили книги и газеты. И однако, вернувшись въ Петербургъ, Шевченко сразу становится путеводной звѣздой украинцевъ, онъ принимаетъ участіе въ самыхъ передовыхъ русскихъ кружкахъ того времени. Мысль о возможности, о близости уничтоженія ненавистнаго ему крѣпостного права всецѣло овладѣваетъ имъ. Его поэтическое вдохновеніе уже предвкушало радость этого мгновенія. „Сонце иде,—писалъ онъ,—і за собою день веде“.

Жадно ожидая раскрѣпощенія народа, Шевченко понималъ, что на интеллигенціи лежала обязанность удовлетворить первую потребность освобожденной массы — помочь ей выйти изъ мрака невѣжества, дать ей школу, книжку. Всю свою жизнь Т. Г. отличался страстной любознательностью; науку, знаніе, просвѣщеніе онъ ставилъ очень высоко и понималъ ихъ значеніе для народной массы. Онъ зналъ, что среди родного ему украинскаго народа существуетъ стремленіе къ свѣту, оно получило въ „Кобзарѣ" свое отраженіе, матери въ его поэмахъ вездѣ стараются научить свое дитя грамотѣ, вездѣ звучитъ его завѣтъ: „учися, серденько, колись з нас будут люде!" („Доля"). Но чтобы ученіе дѣйствительно дѣлало учащихся „людьми", Шевченко завѣщаетъ и какъ надо учиться въ своемъ „Посланіи до мертвих і живих і ненарожденних земляків". Въ концѣ этого посланія и заключается завѣтъ поэта:

Учитеся, брати моі,
Думайте, читайте
І чужому научайтесь
И свого не цурайтесь,
Бо хто матір забуває,
Того Бог карає.

Совершенно естественно, что чуть заговорили про „волю", Шевченко становится дѣятельнымъ членомъ того кружка украинцевъ, который въ 1860 году въ Петербургѣ принялся за изданіе первыхъ популярныхъ книжекъ на украинскомъ языкѣ. Въ кружокъ этотъ входили Кулішъ, Костомаровъ, Бѣлозерскій и др. Но душой его былъ Шевченко. Онъ самъ принялся за составленіе украинскаго „Букваря". Такъ какъ въ немъ были помѣщены нѣсколько молитвъ, то этотъ „Букварь" долженъ былъ пройти двѣ цензуры—свѣтскую и духовную—и едва не погибъ въ послѣдней. Совсѣмъ больной Т. Г. отправился однако лично къ митрополиту петербургскому и просилъ его разрѣшить его „Букварь". Едва получилось разрѣшеніе, Т. Г. хлопочетъ о распространеніи этого „Букваря". Онъ пишетъ Чалому въ Кіевъ: „Я и слышалъ, и читалъ, что митрополитъ Арсеній очень возревновалъ о сельскихъ школахъ и сожалѣетъ, что нѣтъ дешевыхъ букварей. Покажите ему мой „Букварь"; если одобритъ, я вышлю ему 3,000 экземпляровъ, конечно, за деньги, потому что это достояніе бѣдныхъ нашихъ воскресныхъ школъ". Вмѣстѣ съ этимъ Шев-

ченко шлетъ Чалому 10,000 экземпл. своего букваря для распространенія въ сельскихъ школахъ. Его мучитъ неувѣренность, что въ этихъ первыхъ школахъ обученіе сразу не будетъ вестись самымъ естественнымъ способомъ—на родномъ языкѣ населенія. На его столикѣ, у кровати, лежали всякія украинскія книжки, и его „Букварь“ и украинская „Граматка“ Стронина. Больной, уже при смерти, онъ волновался этимъ вопросомъ: „Скажите, для кого написана эта книга?—говорилъ онъ, отбрасывая раздраженно „Граматку“,—я не знаю, для кого, но не для тѣхъ, кого надо учить“... Шевченко продолжалъ настаивать на изданіи первоначальныхъ украинскихъ учебниковъ — ариѳметики не дороже 3 коп., исторіи Украины въ 10 к., этнографіи и географію Украины и т. д. Всѣ предсмертныя думы поэта обращены на это дѣло. Смерть не дала ему продолжать его, но завѣтъ поэта глубоко запалъ въ сознаніе украинскаго общества.

II.

Можно собственно сказать, что до 60-хъ годовъ не было украинскаго общества: были литературные кружки, были отдѣльныя семьи и личности, проникнутыя національными симпатіями. Похороны Шевченка — вотъ первый фактъ общественной національной жизни въ Украинѣ. Уже погребеніе его въ Петербургѣ сразу объединило украинцевъ: слишкомъ велика была утрата, она дѣйствительно отозвалась по всей Украинѣ—и въ бѣдныхъ хатахъ его родной Кіевщины, и въ богатыхъ усадьбахъ украинскихъ помѣщиковъ. Одинъ изъ свидѣтелей погребенія Т. Г., временно на Смоленскомъ кладбищѣ, Терпигоревъ, писалъ потомъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“: „Изо всѣхъ похоронъ, которыя мнѣ съ того времени случалось видѣть, ни однѣ не имѣли на себѣ такого отпечатка и характера искренности и простоты, какія имѣли похороны Шевченка. Онѣ были чисты отъ всякой театральности [1]). Похороны же Шевченка подъ Каневомъ имѣли грандіозный характеръ и были выраженіемъ той скорби, того горя передъ смертью великаго человѣка, которое пробуждаетъ и воспитываетъ общественное сознаніе.

До Шевченка былъ національный романтизмъ, была этнографія. Шевченко подошелъ сразу къ самому больному вопросу: онъ громко, смѣло воспѣлъ страданія народа, его

[1]) „Истор. Вѣстн.“, 1896, кн. VI, стр. 57.

неволю, униженіе, его одиночество. По иниціативѣ Костомарова украинская національная идея была поставлена на политическую почву. Кирилло-меѳодіевское братство соединило украинскій вопросъ съ одной стороны съ необходимостью освобожденія крѣпостныхъ, а съ другой—съ національнымъ освобожденіемъ всѣхъ славянскихъ народовъ на началахъ демократическаго самоуправленія. Безъ „Кобзаря“ Шевченка идеи этого тайнаго, скоро извнѣ разбитаго кружка не получили бы такого широкаго распространенія; въ „Кобзарѣ“ впервые на украинскомъ языкѣ зазвучали завѣты братской любви народовъ, федерализма, еще пока выраженнаго чувствомъ, горячимъ участіемъ къ взаимнымъ страданіямъ, уваженіемъ святынь каждаго народа. Безъ „Кобзаря“ окрѣпло ли бы въ украинскомъ обществѣ сознаніе обязательности національно-культурной работы для возрожденія многомилліонной массы, утвердилась ли бы такъ украинская идея на народномъ фундаментѣ? Конечно, послѣ Шевченка были и другіе писатели и общественные дѣятели на Украинѣ, продолжавшіе традицію Кирилло-меѳодіевскаго братства, но велика, неизмѣрима была власть надъ украинской мыслью вдохновеннаго слова поэта.

Къ 1861 г. въ Украинѣ уже намѣтилась такая группировка силъ, которая могла сознательно взяться за работу, какая въ то время стояла на первой очереди,—работу просвѣтительную. Все, что смутно, неопредѣленно звучало въ самыхъ раннихъ литературныхъ произведеніяхъ возрожденной Котляревскимъ украинской литературы, все, надъ чѣмъ работали первые украинскіе ученые въ Харьковѣ и въ Кіевѣ въ первую половину XIX в.,—демократизмъ, страстная любовь къ родинѣ, горячій интересъ къ изученію ея исторіи и этнографіи,—все это, ярко выраженное вдохновеннымъ словомъ поэта, облагороженное его высокимъ гуманизмомъ, къ 60-мъ годамъ отлилось въ опредѣленное общественно-литературное теченіе, извнѣ получившее названіе „украинофильства“. Органомъ этого теченія, его выразителемъ былъ журналъ „Основа“, печатавшій свои статьи и на украинскомъ, и на русскомъ языкахъ. Вся программа журнала, его направленіе опредѣлились еще при участіи Шевченка, умершаго вслѣдъ за выходомъ 1-й книжки. Редактировали „Основу“ бывшіе члены Кирилло-меѳодіевскаго кружка и главнымъ образомъ Кулишъ и Костомаровъ. Но время было другое, выступили новые вопросы жизни, при-

ковывавшіе вниманіе молодого украинскаго органа, и теоретическія начала 40-хъ годовъ хотя и развиваются въ „Основѣ“, но она вся посвящена болѣе конкретнымъ вопросамъ: изученію Украины, развитію украинской литературы, выясненію отношеній украинофиловъ къ народамъ, находящимся въ тѣснѣйшемъ общеніи съ Украиной, къ великороссамъ и къ полякамъ, указанію главныхъ задачъ народнаго просвѣщенія. Костомаровъ историко-публицистическими статьями устанавливалъ особенность южно-русскаго народа. Житецкій разъяснялъ жизненность литературной обработки украинскаго языка; Антоновичъ и Рыльскій давали руководящія начала для правильныхъ отношеній къ полякамъ Правобережной Украины. Такимъ образомъ, національный вопросъ разсматривался разносторонне и велась оживленная полемика на два фланга, если можно такъ выразиться: съ черезчуръ гордыми поляками, желавшими видѣть въ юго-западной Украинѣ часть Польши, и съ излишне подозрительными русскими органами („День“), которые въ самомъ развитіи украинскаго языка видѣли измѣну государственной цѣлости Россіи. Имъ возражалъ Костомаровъ, подтверждая историческими данными двойственность и разнохарактерность великорусской и украинской народности,—двойственность, не препятствующую ихъ общей исторической жизни, но требующей свободы, развитія особенностей каждой изъ нихъ; затѣмъ Кулишъ доказываетъ естественность развитія украинской самобытной литературы: „Одинъ языкъ,—говоритъ онъ,—не можетъ замѣнить другого, какъ бы повидимому онъ ни былъ близокъ: всякая произвольная замѣна одного другимъ въ видахъ единообразія и удобства лишаетъ языкъ логической гармоніи частей и даже удобопонятности. Украинскій литературный языкъ, выросшій непосредственно изъ языка живого народнаго, болѣе доступенъ пониманію соплеменниковъ. ...Крайняя централизація въ языкѣ была бы губительной помѣхой общему благосостоянію и образованію, единообразіе у насъ производитъ уродство или сородство... Искусственное направленіе литературнаго языка несомнѣнно отдалило бы благотворное сближеніе образованной части общества съ народомъ и замедлило бы распространеніе просвѣщенія“ [1]).

[1]) См. Отвѣтъ „Русскому Вѣстн.“, „Основа“, 1861, 2.

Съ другой стороны, „Основѣ“ приходилось писать возраженія противъ польской газеты „Czas“ и даже французской „Revue Contemporaine“, гдѣ поляки доказывали, что Руси не существуетъ, а какъ въ Варшавѣ, такъ и въ Кіевѣ существуетъ Польша. Костомаровъ, обличая ложность такихъ ненаучныхъ положеній, старается однако остаться вѣрнымъ своимъ федеративно-братскимъ отношеніямъ ко всѣмъ сосѣдямъ и заканчиваетъ свое возраженіе примирительными словами: „Для насъ ничего не можетъ быть желаннѣе изгнанія изъ сердца старинныхъ печальныхъ воспоминаній и утвержденія братской любви и духовнаго согласія съ поляками; но пусть же они возлюбятъ и уразумѣютъ историческую истину, не оправдываютъ унію, не восхваляютъ былого господства надъ нашимъ народомъ“ [1]).

Приходилось „Основѣ“ отвѣчать и на запросы евреевъ, которые упрекали журналъ въ употребленіи слова „жидъ“. Имъ тоже дается отвѣтъ, что „если украинскій народъ слишкомъ непосредственно реагируетъ противъ экономическаго господства евреевъ, то литераторы украинскіе вполнѣ ясно сознаютъ, что эти недоразумѣнія исчезнутъ при расширеніи гражданскихъ правъ евреевъ и развитіи просвѣщенія“.

Такъ ставился впервые въ „Основѣ“ открыто украинскій вопросъ, и, повидимому, постановка эта удовлетворяла складывавшееся тогда украинское общественное сознаніе. Въ „Основу“ начинаютъ присылать корреспонденціи изъ самыхъ далекихъ угловъ Украины, число писателей растетъ, къ ней обращаются и русскіе художники, интересующіеся Украиной,—Жемчужниковъ, Сѣровъ, давшій прекрасную статью (съ нотами) про украинскую народную пѣснь. Въ „Основѣ“ же находятъ отраженіе и тѣ сознательныя группировки общественныхъ силъ вокругъ украинскаго національнаго дѣла, какія образовались въ двухъ исторически раздѣленныхъ частяхъ Украины—лѣвобережной и правобережной, до сихъ поръ различающихся мѣстными условіями жизни. Въ Лѣвобережной Украинѣ выразителемъ украинскаго теченія является теперь уже покойный выдающійся ученый филологъ, тогда еще студентъ П. И. Житецкій [2]). Въ своей статьѣ „Русскій патріотизмъ“ онъ отвѣ-

[1]) Тамъ же.

[2]) П. И. Житецкій, авторъ многихъ цѣнныхъ историко-филологическихъ трудовъ по украинскому языку, скончался 5-го марта 1912 года въ Кіевѣ.

чаетъ на статьи проф. Ламанскаго въ „Днѣ“ и доказываетъ ему, что развивать украинскій языкъ вовсе не значитъ отказываться отъ великорусскаго языка и литературы; также и общерусскій патріотизмъ,—говоритъ Житецкій,— „вовсе не обязываетъ, закрывши глаза, однимъ почеркомъ пера, вычеркнуть изъ общерусскаго организма такую духовную силу, которая такъ ярко, такъ свѣжо засіяла въ творчествѣ Шевченка. Жизнь нельзя втиснуть въ тѣ или иныя рамки, нельзя ни замкнуть ее въ безвыходную область индивидуальности, ни лишить ее вовсе всякаго индивидуальнаго характера: пусть лучше жизнь сама себя проявляетъ и раскрывается изнутри. Вопросъ о томъ, что малорусская литература возьметъ у русской науки и у русской образованности, можетъ практично быть разрѣшенъ только самимъ украинскимъ народомъ, а вовсе не тѣмъ или инымъ трибуналомъ русскихъ патріотовъ, которые даже не представляютъ себѣ русскихъ интересовъ, выраженныхъ на какомъ-либо другомъ языкѣ, кромѣ великорусскаго, и такой исключительностью нарушаютъ равновѣсіе интересовъ всего русскаго племени. Эти проповѣдники просвѣщенія, насаждающіе его подъ флагомъ своей народности, забываютъ, что народъ отъ своихъ просвѣтителей прежде всего требуетъ уваженія его собственнаго міровоззрѣнія, выработавшагося помимо школы, и что это его міросозерцаніе и служитъ ему точкой опоры для его духовнаго развитія. Оторвать народъ отъ этой почвы все равно, что раздвоить его существо, навсегда закрѣпить существованіе двухъ категорій — общества и народа! [1]).

Такъ, въ Лѣвобережной Украинѣ украинофилы безъ всякой политической задней мысли отстаивали отъ централистическихъ посягательствъ права своего родного языка на литературное развитіе, права употребленія его въ школѣ. Въ украинофильствѣ не заключалось никакого начала сепаратизма.

Нѣсколько иначе обстояло дѣло въ Правобережной Украинѣ, такъ долго остававшейся частью польскаго государства. Тамъ интеллигентные классы состояли изъ природныхъ поляковъ или изъ ополячившихся давно украинцевъ. Этнографическія работы украинскихъ ученыхъ 30—40-хъ

[1]) См. „Записки Укр. Наук. Товар. въ Кіивѣ“, кн. II. Стешенко, „Укр. шестидесятники“, стр. 76.

годовъ, обнаружившія такое богатство народнаго творчества, заинтересовали и польскихъ писателей, и поэтовъ, образовалась та украинская школа литературная, которую Пыпинъ совершенно правильно называетъ однимъ изъ любопытнѣйшихъ междуплеменныхъ явленій славянской литературы [1]). Лучшіе ея представители Богданъ Залѣсскій, Семенъ Рощинскій и др. на польскомъ языкѣ воспѣвали украинскую природу, ея исторію, ея народность, т.-е. тѣхъ самыхъ хлоповъ, къ которымъ польское панство относилось съ такимъ презрѣніемъ, называло ихъ „бидломъ".

Однако нельзя не признать за лучшими поэтами этой школы искренняго увлеченія героической стариной народа, съ которымъ исторія такъ долго соединяла судьбы Польши. Одновременно съ этимъ среди поляковъ появились и такіе, которые сами пробовали писать на народномъ мѣстномъ языкѣ—на украинскомъ языкѣ, но польскимъ шрифтомъ, какъ это дѣлалъ извѣстный Ѳома Падурра. Это литературное движеніе, а также неудавшееся польское возстаніе въ 1830 году не могли не заставить поляковъ нашего такъ-называемаго Юго-западнаго края задуматься надъ своими отношеніями къ украинскому населенію, хотя и находившагося отъ нихъ въ полной зависимости, но не скрывавшаго своей странной ненависти ко всему „ясновельможному панству". Объ этомъ пишетъ польскій эмигрантъ Яворскій. „Народъ Украины,—говоритъ онъ,—Волыни, Подоліи ненавидитъ своихъ пановъ за угнетеніе и совершенно справедливо; у него всегда готовъ ножъ для мщенія. Прискорбно сказать, что на Украинѣ чрезвычайно мало число нравственныхъ и честныхъ помѣщиковъ, почти всѣ „тиранны". Вотъ, чтобы обезопасить себя отъ этого „всегда готоваго мщенія хлопа" и чтобы подготовить въ средѣ хлоповъ сочувственную атмосферу, поляки начинаютъ приближаться къ населенію. Зная, что украинскій народъ можно привести въ движеніе только во имя свободы, они начали сулить ее въ будущемъ своимъ рабамъ. Начиналось то же демократическое движеніе, сначала болѣе внѣшнее, подъ видомъ казакофильства—подвиги извѣстнаго Садыкъ Паши (Чайковскаго)—и балагульства. Это послѣднее выразилось въ намѣренно-грубой жизни, простонародной одеждой, кутежами, фратернизаціей съ тѣми самыми хлопами, какихъ они притѣсняли не хуже другихъ помѣщиковъ.

1) См. Пыпинъ, Малорусск. этногр., стр. 251 и др.

Подъ вліяніемъ украинско-польской литературы цинизмъ этого лже-демократическаго движенія оттолкнулъ отъ него наиболѣе искреннихъ и вдумчивыхъ демократовъ, и скоро польская молодежь Правобережной Украины группируется въ новое такъ-называемое хлопоманское движеніе; оно уже не ограничивалось внѣшней формой, оно искало разрѣшенія такъ сложившихся отношеній между господствующей народностью, представляющей небольшой контингентъ, и многомилліонной массой коренного населенія. Они видѣли необходимость сближенія съ этой народной массой, но такъ какъ хлопоманы оставались польскими патріотами, такъ какъ ихъ главной задачей было возстановленіе Польши въ старыхъ ея предѣлахъ, то и сближеніе съ украинскимъ народомъ являлось однимъ изъ способовъ для успѣшнаго достиженія своей польской цѣли. Этимъ хлопоманство діаметрально различалось отъ украинофильства; хлопоманія была національно-политическимъ движеніемъ, украинофильство—національно-культурнымъ. Задача украинофиловъ—развитіе, просвѣщеніе народа путемъ его же родного языка, освобожденіе этого народа отъ крѣпостной зависимости. Украинофилы по мѣрѣ силъ работали для народной массы во имя ея массовыхъ интересовъ. Хлопоманы брались за работу, чтобы завоевать довѣріе украинскаго населенія для своихъ польскихъ задачъ. Несмотря на противоположность цѣлей для русскихъ и то, и другое движеніе представлялось одинаково опаснымъ, одинаково порожденнымъ такъ-называемой „польской интригой“. Тщетно „Основа“ разъясняла ту пропасть, какая раздѣляла украинофила отъ хлопомана,—смѣшеніе происходило. Иногда хлопоманы держали себя съ украинцами такъ аггрессивно, что доводили молодежь до открытыхъ непріязненныхъ манифестацій въ кіевскомъ университетѣ. Не могъ не высказываться противъ полонизаторскихъ стремленій и петербургскій украинскій кружокъ. Члены его искренно сочувствовали идеѣ возрожденія Польши, они признавали ея право стремиться къ этому, но не захватывая въ это будущее свое государство земель украинскаго народа. Пока этотъ народъ не имѣлъ возможности самъ громко высказаться и о своихъ правахъ, и о своихъ симпатіяхъ, поляки старались привлечь къ себѣ сочувствіе всей Европы. Въ отвѣтъ на это нѣсколько выдающихся писателей русскихъ и украинскихъ рѣшили выяснить истинное положеніе ве-

щей въ какой-либо французской газетѣ. Въ составленіи такого письма-памфлета принимали участіе Костомаровъ, Сухомлиновъ, Данилевскій, Щербина (поэтъ), Бѣлозерскій, Лазаревскій, Олатовичъ и др. Памфлетъ подъ заглавіемъ „Малорусская національность рядомъ съ польскою“ не появился на страницахъ тогдашней заграничной прессы, но онъ воспроизведенъ съ небольшими пропусками въ „Кіевской Старинѣ“ по рукописи, сохранившейся у покойнаго Сокальскаго.

Послѣ длиннаго историческаго вступленія, разъясняющаго отношенія Украины къ Польшѣ и къ Россіи, составители памфлета излагаютъ, чего же они собственно хотятъ:

„Мы, лица, сознающія себя членами малорусской національности, чувствуемъ на себѣ нравственный долгъ при настоящемъ моментѣ развитія польскаго вопроса, заявить передъ лицомъ общественнаго мнѣнія Европы и Россіи:

1) Малорусская національность, какъ одна изъ личностей въ общемъ хорѣ народовъ, считаетъ законнымъ правомъ своимъ сохранить и защищать эту личность отъ всякихъ насильственныхъ попытокъ съ чьей бы то ни было стороны стереть ее съ лица земли и исторіи.

2) Мы глубоко сочувствуемъ и высоко уважаемъ благородное и геройское стремленіе поляковъ завоевать свою національную независимость. Въ этихъ стремленіяхъ всѣ народы и національности—родные братья между собой.

3) Въ нашихъ воззрѣніяхъ мы исключаемъ всякія враждебныя отношенія между различными національностями и полагаемъ, что только въ свободномъ развитіи ихъ и уваженіи заключаются основы для прочнаго міра, любви и братства народовъ. Итакъ, въ отношеніи нашей національности мы принимаемъ только оборонительное положеніе; требуемъ, чтобы ея не смѣшивали съ другими и не приносили ея, по невѣдѣнію, въ жертву политическимъ соображеніямъ. Національный вопросъ мы отдѣляемъ отъ политическаго.

4) Страданія свои южноруссы раздѣляютъ съ остальнымъ русскимъ народомъ. Они роднятся съ остальной Русью по вѣрѣ. Экономическіе интересы, развитіе промышленности, распредѣленіе бассейновъ рѣкъ и дорогъ,—все это естественно связываетъ Южную Русь съ Сѣверной въ одно государственное цѣлое.

5) Мы заявляемъ, что справедливость требуетъ, чтобы судьбами южноруссовъ и землею, политою кровью столькихъ поколѣній южноруссовъ, не распоряжался никто помимо воли самого народа. Онъ одинъ можетъ знать, что ему нужно и что ему любо. Всякое вмѣшательство въ его судьбы будетъ дѣломъ насилія. Каждый народъ стремится всѣми силами души къ разумной политической жизни и желалъ бы поскорѣе видѣть на своемъ знамени лозунгъ—политическая и національная свобода.

6) Историческая роль Южной Руси въ судьбахъ Европы обозначена уже нами въ бѣгломъ историческомъ эскизѣ. Южная Русь дала на востокѣ Европы отпоръ мусульманству и монгольству, шедшимъ съ востока на западъ и отпоръ католичеству и іезуитизму, шедшимъ съ запада на востокъ. Такимъ образомъ Южная Русь попала между двухъ огней и вслѣдствіе постоянной напряженной борьбы и періодическихъ опустошеній не успѣла выработать прочнаго государственнаго уклада. Но это не помѣшало южноруссамъ не только сохранить, но и укрѣпить и развить свои національныя черты. Характеръ, нравы, внутренній семейный бытъ, интеллектуальный складъ и особенности хозяйственной жизни рѣзко выдѣляютъ южноруссовъ среди другихъ славянскихъ народностей. Южнорусское нарѣчіе, по изслѣдованію филологовъ, есть такое же самостоятельное славянское нарѣчіе, какъ и великорусское, сербское, чешское и такъ далѣе".

Этотъ памфлетъ, который напечатанъ былъ только въ 1905 г. на страницахъ „Кіевской Старины", какъ „матеріалъ къ исторіи національнаго движенія 60-хъ годовъ прошлаго вѣка" (см. „Кіевск. Ст.", 1905 г., № 2), интересенъ какъ одно изъ немногихъ заявленій украинофильства, разъясняющее его теоретическую обоснову. Если украинофилы были въ своемъ правѣ, ограждая украинскій народъ отъ посягательствъ на его территорію со стороны поляковъ, то, съ другой стороны, нельзя огульно приписывать хлопоманамъ одни аггрессивныя стремленія по отношенію къ тому населенію, къ которому многіе изъ нихъ шли съ открытой братской душой. Въ архивѣ покойнаго Д. Л. Мордовцева, переданномъ теперь въ черниговскій музей, находится одна изъ тѣхъ такъ-называемыхъ „золотыхъ грамотъ", какими нѣкоторыя группы хлопомановъ старались привлечь на свою сторону украинское населеніе Украины—Волыни, По-

доліи и Кіевщины. Это—своего рода конституція, основы новаго и политическаго, и экономическаго строя, о какомъ мечтали польскіе демократы, забывая исторію, которая осталась въ памяти народа страшными угнетеніями, перенесенными имъ отъ поляковъ-пановъ; и въ этихъ жгучихъ воспоминаніяхъ такъ перемѣшаны были соціальныя, религіозныя и національныя причины, что никакія обѣщанія со стороны „пановъ“ не могли поколебать недовѣрія „хлоповъ“. Эта золотая грамота была написана хорошимъ украинскимъ языкомъ, на толстой бумагѣ золотыми славянскими буквами. Наверху былъ нарисованъ Богъ въ облакахъ „з державою“, благословляющій рукой читателя; внизу—оттискъ печати съ польскимъ гербомъ. Мы приведемъ эту грамоту цѣликомъ въ переводѣ, чтобы ею ярче охарактеризовать разницу между хлопоманіей и украинофильствомъ.

Грамота сельскому народу.

Поднявшись вмѣстѣ съ Польшей и Литвой противъ московскаго владычества, чтобы добыть вѣчную свободу и счастье всему нашему краю, мы заявляемъ передъ Богомъ, всѣмъ міромъ и народомъ, что мы не желаемъ для нашего дорогого края иного счастья и не ждемъ его ни въ чемъ другомъ, какъ въ свободѣ, равенствѣ и счастіи всѣхъ мірянъ, какой бы они вѣры и сословія ни были. А посему, желая наибольшаго счастья навсегда сельскому люду, мы постановляемъ:

а) Сельское населеніе въ селахъ и хуторахъ панскихъ, казенные крестьяне, однодворцы, чиншевики и т. д. съ сего дня вольны свободны и равны въ правахъ съ другими мѣстными обывателями.

б) Они могутъ и имѣютъ право переходить съ мѣста на мѣсто по желанію, и никто въ этомъ препятствовать не можетъ.

в) Они могутъ и имѣютъ право учиться по всякимъ школамъ и занимать въ краѣ должности, какъ и другіе его обыватели.

г) Вмѣстѣ съ другими они имѣютъ право выбирать изъ своей среды выборныхъ въ суды, во всѣ сельскія, уѣздныя земскія и высшія народныя собранія.

д) Они будутъ управляемы и судимы какъ и всѣ остальные жители, только своими судами и „властями“, выборными, обязанными соблюдать святую справедливость, законъ и неприкосновенность лица и имущества каждаго.

е) Подати народныя, земскія повинности и военная повинность будутъ выполняться только за постановленіемъ и разрѣшеніемъ высшаго областного собранія, состоящаго изъ выборныхъ отъ населенія всего края.

ж) Пахотныя земли, сѣнокосы и усадьбы, какими панскіе и казенные крестьяне пользовались за чиншъ или за отработки, или за выкупъ, перейдутъ безплатно съ сего дня навѣки въ собственность каждаго хозяина. Владѣльцы-помѣщики получатъ за эти земли плату изъ народнаго казначейства.

з) О надѣленіи землею сельскихъ людей, бывшихъ донынѣ безземельными, каковы „будники", „бобыли", „халупники", „дворовые" и т. д., въ свое время сдѣлаетъ постановленіе областное высшее собраніе.

и) Однодворцы и чиншевая шляхта получатъ въ вѣчную собственность наравнѣ съ крестьянами полевую и усадебную землю изъ панской земли тамъ, гдѣ ее много, за плату изъ народной казны или изъ отобранныхъ земель.

і) Сельскимъ священникамъ, кромѣ ружной земли, назначаемъ жалованье, чтобы они не брали съ народа платы за духовныя требы, какое жалованье опредѣлитъ областное народное собраніе.

к) Кромѣ всего вышесказаннаго, каждому, кто вмѣстѣ съ нами подниметъ оружіе противъ московскаго владычества и при этомъ будетъ раненъ или даже если онъ останется невредимъ, получитъ отъ насъ по 6 морговъ земли и усадьбу изъ государственныхъ земель или будетъ получать пожизненный пенсіонъ изъ народной казны.

л) Давая сельскому люду вышеперечисленныя права и вольности, гражданское равноправіе всѣхъ, ручаемся и навѣки обѣщаемъ свободу правъ, вѣры, какую кто исповѣдуетъ, употребленіе народнаго языка въ школахъ, судахъ и другихъ земскихъ учрежденіяхъ.

Все вышенаписанное объявляемъ сельскому населенію Подоліи, Волыни и Украины и огражденіе всѣхъ правъ, даваемыхъ этой грамотой, скрѣпляемъ присягою передъ всѣмъ народомъ, всѣмъ міромъ и Богомъ Всемогущимъ.— Отдавая въ Божьи руки судьбу народа, которому желаемъ вѣчнаго добра, передаемъ эту грамоту въ каждую волость въ волостное правленіе.

Временная народная старшина [1]).

[1]) См. журн. „Украина", сентябрь, 1907 г., стр 309.

Какъ ни привлекательны были эти обѣщанія, населеніе осталось къ нимъ равнодушно. Возстаніе 1863 г. открыло глаза многимъ полякамъ на истинное положеніе дѣла, и хлопоманія потеряла свой raison d'être. Но еще раньше лучшіе люди изъ этой партіи открыто переходили къ украинофиламъ, видя въ нихъ дѣйствительныхъ народниковъ, преданныхъ интересамъ народной массы. Всѣмъ извѣстно выступленіе Антоновича и Рыльскаго, надѣлавшее въ то время такъ много шуму. Начавъ свою сознательную работу ознакомленія съ народной массой еще въ качествѣ хлопомановъ, они, присмотрѣвшись къ положенію украинскаго населенія въ Юго-западномъ краѣ, невольно стали въ очень острыя отношенія къ польскимъ панамъ. Понимая національный вопросъ въ чисто-демократическомъ видѣ, они ушли изъ среды поработителей и всей душой присоединились къ украинскому народу. Антоновичъ сразу сталъ въ ряды украинофиловъ, какъ самый преданный, дѣятельный и даровитый работникъ въ сферѣ національной украинской культуры. Это показываетъ, что въ 60-е годы украинофильство уже вполнѣ опредѣлилось какъ народническое просвѣтительное движеніе, совершенно естественно добивавшееся признанія правъ украинскаго языка и свободы національнаго самоопредѣленія въ краѣ, гдѣ украинская народность, при всей своей ярко выраженной самобытности, пользовалась гораздо меньшими правами, чѣмъ живущія съ ней совмѣстно польская и великорусская.

III.

Украинофильство 60-хъ годовъ не ограничивало себя одной литературно-принципіальной работой, оно ретиво бралось и за непосредственное практическое дѣло—за народное просвѣщеніе. Украинскій народъ въ самыя отдаленныя времена отличался безграничной любознательностью и стремленіемъ къ наукѣ. Кирилло-меѳодіевскіе братчики включали народное просвѣщеніе въ свои требованія и задачи. Они даже видѣли въ немъ одинъ изъ способовъ постепеннаго освобожденія народа изъ крѣпостной зависимости: „Мы строили освобожденіе крѣпостныхъ на ихъ просвѣщеніи,—писалъ объ этомъ кружкѣ Кулишъ,—путемъ вольныхъ школъ, какія заводились бы по всѣмъ помѣщичьимъ усадьбамъ съ опредѣленной цѣлью—посредствомъ просвѣщенія хоть сколько-нибудь вознаградить нашъ на-

родъ, такъ страшно обиженный Екатериной II. Ученики этихъ школъ выходили бы на волю и, конечно, не безземельными пролетаріями, а хозяевами, такъ чтобы каждый изъ нихъ могъ примѣнить полученныя въ школѣ знанія на обработкѣ своего клочка земли и тѣмъ распространять среди своего брата крестьянина первоначальныя свѣдѣнія по земледѣлію". Конечно, этотъ планъ остался на бумагѣ. Но зато едва въ 1859 году начали открываться въ Украинѣ воскресныя школы, какъ украинцы приняли въ нихъ самое дѣятельное участіе, и вездѣ, гдѣ мѣстныя условія это дозволяли, они учатъ по-украински или, уча по-русски, пополняютъ развитіе учениковъ книжками на украинскомъ языкѣ. Петербургскимъ кружкомъ создается цѣлая литература прекрасно подобранныхъ и составленныхъ вполнѣ понятно, дешевыхъ книжечекъ, извѣстныхъ въ то время подъ именемъ „метеликовъ". Тутъ были и отдѣльные разсказы М. Вовчка, Мордовцева, Кулиша, и отдѣльныя поэмы Шевченка, и разсказы изъ священной исторіи священника Опатовича, и разсказы по міровѣдѣнію, „Де що про світ Божий" и т. д. Спросъ на эти книжки сразу оказался немалый; изъ одного отчета, напечатаннаго въ „Основѣ", видно, что за 8 мѣсяцевъ 1861 г. по 25 селамъ и городамъ Украины ихъ продано 12,195 экземпляровъ, цѣною 3—15 к. Ученики воскресныхъ школъ читали ихъ съ восторгомъ. Такъ, въ одной корреспонденціи изъ Хорола пишутъ въ „Основу": „7-го мая здѣсь открыта воскресная школа; сначала записалось 29 человѣкъ, а теперь уже записано 75. Хоть и мѣшаютъ ярмарки, полевыя работы, а солдатамъ—всякіе караулы, но ходитъ постоянно около 60 человѣкъ. „Щиро" принялся народъ за ученіе, кто раньше началъ ходить, уже начинаетъ читать Евангеліе и тѣ малюсенькія книжечки, которыя какъ „мотыльки" прилетаютъ къ намъ. Не знаю, какъ дальше будетъ, а теперь дѣло идетъ „какъ за водою": и кто учится, радъ, да и тѣ, кто учатъ, радуются". Изъ другихъ мѣстъ Полтавщины тоже пишутъ: „Много чего хорошаго произошло у насъ въ этомъ году: сыновья и дочери нашихъ помѣщиковъ неутомимо трудятся, учатъ дѣтей казаковъ и крѣпостныхъ въ воскресныхъ школахъ—на сердцѣ становится весело, какъ посмотришь кругомъ... Пробудились мы отъ сна!"

Въ „Основу" доходятъ извѣстія о воскресныхъ школахъ изъ Кіева, гдѣ онѣ особенно процвѣтали подъ покрови-

тельствомъ Пирогова, изъ Полтавы, гдѣ душею дѣла былъ украинецъ Стронинъ, изъ Могилева, Житоміра, Нѣжина, Новгородъ-Сѣверска, Смѣлы, Кременчуга, Переяслава, Лубенъ. Въ Харьковской губерніи онѣ тоже открывались, но о нихъ мало было извѣстно. Мало-по-малу заводились и ежедневныя сельскія школы, но онѣ были почти всецѣло въ рукахъ духовенства; да и пора было приниматься за народное просвѣщеніе, ужасенъ былъ мракъ невѣжества въ этой самой Украинѣ, которая еще во второй половинѣ XVIII вѣка имѣла столько своихъ полковыхъ школъ—почти въ каждомъ селѣ. Въ нѣкоторыхъ селахъ грамотный приходился на 130 жителей. Некому было „Положеніе“ прочитать. Къ тому же оно было написано русскимъ чисто офиціальнымъ языкомъ, который украинское населеніе съ трудомъ понимало, въ силу чего происходило много недоразумѣній. Начнетъ священникъ или писарь читать: „О с ѣ н и себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ“. Люди слушаютъ, затаивъ дыханіе, и безнадежно переглядываются: „Що воно там з а с і н о говориться?“

Необходимость дать населенію новый законодательный актъ, столь драгоцѣнный для него, въ возможно болѣе понятной формѣ хорошо сознавалась украинофилами, и редакція „Основы“ стала хлопотать о разрѣшеніи перевести „Положеніе о крестьянахъ“ на украинскій языкъ. 15-го марта 1861 года получено было Высочайшее разрѣшеніе на этотъ переводъ. Кулишъ со свойственнымъ ему рвеніемъ берется за работу, приглашая лучшихъ знатоковъ украинскаго языка—Маркевича, Костомарова, Бѣлозерскаго и другихъ земляковъ—помочь ему выработать точную юридическую терминологію. Къ апрѣлю 4 листа уже набраны такъ, что на лѣвой сторонѣ книги печатался русскій текстъ, а на правой его украинскій переводъ. И форматъ, и шрифтъ удержанъ былъ тотъ же, какъ и въ казенномъ изданіи. Корректура перевода просматривалась въ Государственномъ Совѣтѣ. Но уже въ маѣ мѣсяцѣ секретарь Государственнаго Совѣта увѣдомилъ, что въ правительственныхъ сферахъ недовольны языкомъ перевода, находятъ желательнымъ, чтобы онъ ближе подходилъ къ простонародному языку. Началась цѣлая переписка между Бутковымъ и Кулишемъ, придирались къ каждому слову, къ любому выраженію. Кулишъ былъ не изъ сдержанныхъ людей, и, какъ ни упрашивали его земляки идти на всякіе компро-

миссы, мѣнять слова, лишь бы довести важное дѣло до конца, онъ отказался продолжать работу. „Положеніе“ осталось не переведено на языкъ болѣе чѣмъ 20-милліоннаго народа. Листы перевода 114-ти параграфовъ не такъ давно были напечатаны на страницахъ „Кіевской Старины“ (въ 1905 г., кн. II и III). А сколько крупныхъ безпорядковъ было бы предупреждено при введеніи уставныхъ грамотъ, если бы населеніе лучше понимало самое „Положеніе“!

Просвѣтительная работа въ то время увлекала, можно сказать, всѣхъ сознательныхъ украинцевъ, студенты оставляли университеты и шли книгоношами въ села. Особенно типична въ этомъ отношеніи личность покойнаго этнографа доктора Носа. Еще будучи студентомъ кіевскаго университета (въ 1851 г.), онъ проявлялъ открыто свои украинско-народническія симпатіи: ходилъ въ народной одеждѣ, говорилъ исключительно по-украински. Онъ нанималъ небольшой домикъ, гдѣ жили вмѣстѣ человѣкъ 18 студентовъ-украинцевъ. Все у нихъ было общее, все свободное время они посвящали изученію украинской исторіи и строили общіе планы жизни, посвященной нуждамъ роднаго народа. Это сожительство такъ и было извѣстно подъ названіемъ „курінь“ Носа. Крѣпостное право они ненавидѣли. Носу еще въ дѣтствѣ довелось видѣть, какъ на ярмаркѣ въ Ромнахъ продавали красивую дівчину въ чей-то гаремъ, и это оставило въ его душѣ неизгладимое впечатлѣніе. Шестидесятые годы застаютъ Носа докторомъ въ Черниговѣ. Его квартира снова извѣстна подъ именемъ „куріня“, и каждый украинецъ, будь онъ простой крестьянинъ или панъ, въ немъ дорогой гость, его принимаютъ по запорожскому обычаю, послѣ сдѣланнаго имъ за дверьми обращенія: „Пугу, пугу, привітайте брата з Лугу!“ Въ куренѣ не допускается водка, здѣсь обширная прекрасная украинская библіотека, которою широко пользуются гости. Сюда сносятся на клочкахъ бумаги всякія этнографическія записи, тутъ продаются портреты историческихъ дѣятелей Украины, продаются украинскія книжки. При своихъ частыхъ поѣздкахъ по Полтавщинѣ и Черниговщинѣ Носъ организовалъ во многихъ селахъ и городахъ постоянную продажу украинскихъ книгъ; изъ одной записи въ его дневникѣ видно, насколько оживленно раскупались въ то время украинскія книги: „7-го декабря, Переяславъ, книжекъ дешевыхъ и дорогихъ 510 экз.“ Много также Носъ и даромъ распростра-

нялъ книжекъ украинскихъ; это былъ человѣкъ, беззавѣтно преданный своей Украинѣ и ея національной культурѣ [1]).

Въ эти же 60-е годы выступили въ Кіевѣ будущіе дѣятели украинскаго возрожденія—Драгомановъ, Антоновичъ, Житецкій, Чубинскій, Ефименко и др. Всѣ они воспитались на „Кобзарѣ“ Шевченко, начали свою литературную дѣятельность въ „Основѣ“, всѣ принимали участіе въ просвѣтительной дѣятельности своего края, пока Катковы и К° не вооружили администрацію противъ этого плодотворнаго культурно-національнаго движенія, выдвинувъ несуществующій въ намѣреніяхъ этихъ людей призракъ сепаратизма. Отдѣльные дѣятели были высланы, дѣло просвѣщенія народа грубо прервано: воскресныя школы закрыты, украинская книжка запрещена, родной языкъ народа изгнанъ изъ школы. Но украинское общество уже было достаточно скрѣплено, никакіе гоненія и запреты не могли поколебать его увѣренности въ правильности и плодотворности его національныхъ задачъ, не могли искоренить вѣры въ осуществленіе великихъ завѣтовъ свободы и братолюбія, оставленныхъ ему великимъ поэтомъ. Въ годы самыхъ ожесточенныхъ притѣсненій дни смерти и рожденія Шевченко объединяли по всей Украинѣ все сознательное украинство: часто приходилось сходиться тайно помянуть дорогого учителя въ квартиру какого-нибудь „незамѣченаго“ еще украинца, тамъ въ словахъ поэта, произносимыхъ передъ испытанными и вѣрными его почитателями, черпались новыя силы и для страданія, и для непрерывной работы. Дни Шевченко по всѣмъ угламъ Украины стали днями общественнаго самоанализа: подсчитывались утраты, усчитывалась сдѣланная за годъ работа и намѣчалась программа возможной, предстоящей въ новомъ году. Много было въ этихъ собраніяхъ теплоты, взаимной любви; не одно поколѣніе на этихъ кружковыхъ „роковинах“ (годовщинахъ) воспитало въ себѣ беззавѣтную преданность великимъ идеаламъ „Кобзаря“. Лѣтомъ сборнымъ пунктомъ

[1]) Отсутствіе какихъ-либо политическихъ цѣлей во всей культурно-этнографической дѣятельности доктора Носа не оградило его въ 1863 году отъ ссылки въ сѣверныя губерніи Россіи. Жестоко томился Носъ вдали отъ любимой родины, дорогого ему украинскаго языка. Вернулся онъ совершенно больной, обезсиленный. Послѣднія слова, занесенныя имъ въ свой дневникъ, относились къ родинѣ. „Народность,— писалъ онъ,—есть творчество Божіихъ силъ... Забвенна буди десница моя, аще забуду тебе, Іерусалиме“... См. «Кіевск. Стар.», 1901 г., т. LXXIV.

была могила Т. Г. Шевченко. Тамъ, въ этой живописной мѣстности, надъ Днѣпромъ, на горѣ, съ которой далеко видны и села, и степь, все пережитое поэтомъ и его родиной чувствовалось еще живѣе, но еще сильнѣе вѣрилось, что этотъ богатый край оживетъ, что его природныя богатства разовьются и „забудеться срамотня давняя година і світ правди, воли засіяе"...

Такъ, черезъ 50 лѣтъ украинское общество сохранило идеалы своего апостола правды и науки, оно работало и боролось со всѣми невзгодами: создалась прекрасная литература, съ которою теперь въ переводахъ уже знакомятся и Россія, и Германія, и Франція, составилась популярная литература, очень ясная, точная и разнообразная, выросла въ дни свободы пресса, честно стоящая на охранѣ народныхъ интересовъ. Только школы,—родной нормальной школы, въ которой чуждымъ языкомъ не калѣчилась бы душа учениковъ и ихъ мысль, а давалось знаніе, пониманіе окружающаго на своемъ народномъ прекрасномъ языкѣ,—только этого необходимаго органа умственной жизни не могутъ украинцы до сихъ поръ добиться для своего одареннаго народа, который благодаря неправильно поставленной школѣ по своей безграмотности стоитъ въ хвостѣ народностей, населяющихъ Россію.

Но украинцы помнятъ слова поэта: „Усе минется, одна правда останеться!" Они вѣрятъ, что Украина, давшая міру Шевченка, уже внесла свою лепту въ славянскую культуру и имѣетъ право на свою національно-культурную самобытность. Несмотря на всѣ внѣшнія препятствія, національное самосознаніе украинскаго общества сложилось за послѣднія 50 лѣтъ опредѣленно и прочно. Изъ предыдущаго ясно, что зародилось оно въ чистомъ гуманномъ поэтическомъ „Кобзарѣ", оно развивалось въ томъ направленіи, какое было указано сначала Шевченко и кирилломеѳодіевцами, а потомъ убѣжденными народниками, украинскими шестидесятниками. Всѣ они работали, одушевленные беззавѣтной любовью къ народу и вооруженные основательными научными знаніями. Они свято сберегли завѣты Шевченка и отдали свои силы національно-культурной работѣ. Въ ней никогда не звучало никакой вражды ни къ великороссамъ, ни къ полякамъ. Единеніе всѣхъ славянскихъ народовъ было ихъ любимой мечтой.

С. Русова.

К. Брюллов и Т. Шевченко.

Съ именемъ Карла Брюллова и его вліяніемъ связано лучшее время жизни Тараса Шевченка,—время образованія его эстетическихъ взглядовъ и основныхъ свойствъ его художественнаго и литературнаго творчества.

Судьба свела Шевченка съ Брюлловымъ въ очень молодыхъ лѣтахъ, когда мальчикъ Шевченко былъ еще крѣпостнымъ и жилъ въ Петербургѣ въ качествѣ подмастерья маляра Ширяева. Брюлловъ, обративъ вниманіе на художественныя способности Шевченка, содѣйствовалъ выкупу его у помѣщика и въ дальнѣйшее время заботился объ его умственномъ и художественномъ развитіи. Естественнымъ послѣдствіемъ такого отношенія Брюллова къ будущему украинскому художнику и поэту было увлеченіе Шевченка талантомъ своего учителя и чувство безпредѣльной любви къ нему за его человѣколюбіе.

Эти два чувства, связывавшія Шевченка съ Брюлловымъ и проглядывающія въ его дневникахъ, письмахъ и разныхъ художественныхъ работахъ (копіи и др.), усиливались еще отъ того, что имя Брюллова пользовалось въ свое время необычайной славой. Около него сплетались легенды и слова его заносились въ художественную лѣтопись, которой, по выраженію Бенуа, съ душевнымъ трепетомъ зачитывались цѣлыя поколѣнія художниковъ, а тѣмъ болѣе неожиданно попавшій въ его мастерскую бывшій малярскій подмастерье.

Шевченко всю свою жизнь хранилъ благодарность къ Брюллову, обращался съ его именемъ очень бережно, какъ съ святыней, и даже въ далекомъ изгнаніи память о встрѣчахъ съ Брюлловымъ дѣйствовала цѣлительнымъ образомъ на наболѣвшую душу поэта. Понятно отсюда, что Шевченко,—къ слову сказать, дающій въ своихъ сочиненіяхъ рядъ интересныхъ свѣдѣній о Брюлловѣ, не попавшихъ въ другіе источники,—перенимаетъ у него манеру письма и нѣкоторые художественные взгляды.

Послѣ выкупа Шевченка у помѣщика и поступленія въ академію художествъ Брюлловъ сталъ его ближайшимъ наставникомъ и другомъ-покровителемъ. Описывая свой образъ жизни въ это время, Шевченко разсказываетъ, что у Брюллова онъ проводилъ большую часть своего времени, помогалъ ему въ работѣ, посѣщалъ вмѣстѣ съ нимъ музеи и театры, нерѣдко вмѣстѣ уѣзжая и за городъ для изученія природы. Брюлловъ даже неоднократно предлагалъ Шевченку перейти къ нему на постоянное жительство. На такой неожиданный переходъ съ чердака грубаго мужика-маляра въ великолѣпную мастерскую величайшаго живописца начала XIX вѣка Шевченко смотрѣлъ какъ на какое-то чудо, и впослѣдствіи ему трудно было представить себѣ, какъ могъ онъ передъ дивными произведеніями Брюллова лелѣять въ своемъ сердцѣ образы украинскихъ гетмановъ, кобзарей и степи, усѣянной курганами (Соч., т. II, 177. Спб. 1911).

Указаніями и даже выговорами Брюллова Шевченко очень дорожилъ („Художникъ“, стр. 392). Онъ былъ безгранично счастливъ отъ поощреній своего учителя и въ этомъ состояніи счастья не замѣчалъ дурныхъ сторонъ характера Брюллова, замалчивая ихъ или даже оправдывая. Въ Брюлловѣ все подкупало Шевченка: ему казалось, что разносторонность воззрѣній, а слѣдовательно и безпристрастіе Брюллова безконечны, что онъ обладалъ необыкновенно отзывчивымъ сердцемъ; начитанность Брюллова представлялась ему безграничной: онъ изумлялся тому, что Брюлловъ требовалъ читать ему вслухъ во время работы научные трактаты. Выдающіяся событія въ жизни Брюллова, какъ, напримѣръ, его болѣзни или неудачная женитьба и разводъ, большія и мелкія художественныя работы, соперничество съ нимъ другихъ художниковъ (Брунсъ), Шевченка всегда сильно задѣвали. Особенно были дороги Шевченку демократическіе взгляды Брюллова и соотвѣтствующее имъ его поведеніе, а также восторженное отношеніе Брюллова къ Украинѣ, которой Шевченко жилъ и ради которой готовъ былъ „проклясть самого Господа“.

Сообщая о работахъ Брюллова, Шевченко отдѣльно останавливается на его „Послѣднемъ днѣ Помпеи“ (въ одномъ изъ персонажей этой картины ему хотѣлось видѣть портретъ автора), „Распятіи“, „Вознесеніи Богоматери“, „Осадѣ Пскова“, „Аѳинскомъ вечерѣ“, „Спящей красавицѣ“, „По-

сѣщеніи Рима Гензерихомъ", „Бахчисарайскомъ фонтанѣ", цѣломъ рядѣ портретовъ и работахъ въ Исаакіевскомъ соборѣ. Онъ также сообщаетъ о рядѣ неосуществленныхъ Брюлловымъ художественныхъ замысловъ и объ изготовленіи имъ копій съ картинъ западныхъ мастеровъ (Доминикино Цампіери др.), которыя казались ослѣпленному талантомъ Брюллова Шевченку болѣе совершенными, чѣмъ оригиналы.

Шевченка очень поражала обстановка, въ которой происходила работа Брюллова: его занятія сопровождались игрой музыкальнаго ящика, чтеніемъ вслухъ книгъ, устройствомъ особыхъ свѣтовыхъ эффектовъ. Шевченко, напримѣръ, выдаетъ секретъ Брюллова, при посредствѣ котораго тотъ писалъ свои фейерверки („Послѣдній день Помпеи"): для этого была придумана красная обстановка мастерской: „Все красное! Комната красная, диванъ красный, занавѣси у окна красныя, халатъ красный и рисунокъ красный!" („Художникъ", стр. 16). Другимъ художникамъ казалось, что Брюлловъ поступалъ совершенно вѣрно; поэтому и Шевченко превозносилъ его какъ мірового генія, къ картинамъ котораго слѣдовало паломничать изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей, вплоть до Китая. Но такъ какъ отсутствіе искренности въ искусствѣ Брюллова бросалось въ глаза само собою, то Шевченко считалъ нужнымъ объ этомъ не распространяться и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень осторожно задавалъ себѣ недоумѣнные вопросы: почему это, напримѣръ, Карлъ Павловичъ находитъ удовольствіе въ приторныхъ красавицахъ (литографа) Греводока, почему онъ самъ не беретъ и другимъ запрещаетъ брать сюжетъ изъ чего бы то ни было, кромѣ Библіи и древне-греческой и римской исторіи, или почему такъ опасна для искусства безнравственность и уродство средневѣковой исторіи?

Въ сочиненіяхъ Шевченка проходитъ цѣлая галлерея учениковъ Брюллова, каковы: Штернбергъ, Петровскій, Михайловъ, Яненко, Липинъ, Лукашевичъ, Сошенко, Мокрицкій, Іохимъ и др.

Шевченко сообщаетъ вообще (въ „Художникѣ", дневникахъ, письмахъ) очень многое о своемъ учителѣ и окружавшей его средѣ, и самъ онъ невольно тоже подпалъ подъ ея вліяніе. Находясь постоянно въ мастерской вмѣстѣ съ Брюлловымъ и будучи ближайшимъ его помощникомъ, Шев-

ченко естественно сдѣлался ревностнымъ послѣдователемъ Брюллова, чѣмъ послѣдній, по замѣчанію Шевченка, былъ очень доволенъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ выборѣ сюжетовъ и темъ для своихъ программныхъ и частныхъ работъ Шевченко постоянно руководился указаніями Брюллова. Постепенно Шевченко втягивался въ процессъ работы Брюллова до такой степени, что сталъ его копировать. Онъ пишетъ „Бахчисарайскій фонтанъ", „Итальянокъ у колодца", „Осаду Пскова", „Послѣдній день Помпеи", „Посѣщеніе Рима Гензерихомъ", „Вирсавію" и совѣтуетъ художникамъ каждый Божій день, какъ храмъ искусства, посѣщать мастерскую Брюллова.

Благодаря близкимъ отношеніямъ къ Брюллову, доставлявшему ему заработокъ, Шевченко пріобрѣлъ популярность хорошаго портретиста и даже, по его словамъ, чуть было не сдѣлался модной фигурой въ Петербургѣ. Понятно, что на всѣхъ работахъ Шевченка въ эту пору лежала самая яркая печать творчества Брюллова. Взять ли его иллюстраціи къ „Исторіи Суворова" Полевого, или ученическія работы, или портреты и даже самое содержаніе картинъ, писанныхъ до разлуки съ Брюлловымъ (Въ гаремѣ"),— вездѣ чувствуются композиція, краски и полуитальянское выраженіе лицъ персонажей Брюллова. Таковы портреты кн. Кейкуатовой, г. Горленко, дѣтей Рѣпниныхъ, Лукерьи (невѣста), изображеніе „Катерины", русалокъ, дівчатъ съ ведрами, сватовъ и т. п. Красками Шевченко владѣетъ совершенно, какъ итальянцы и Брюлловъ: на портретѣ дѣтей Рѣпнина онъ одѣваетъ дѣвочку въ розовый костюмъ съ голубой лентой и эту какофонію смягчаетъ зелеными тонами въ уборѣ изображеннаго рядомъ мальчика, а также темнымъ густымъ фономъ, на которомъ двумя свѣтлыми пятнами выдѣляются головки портретовъ.

Школа Брюллова привила Шевченку очень неестественную трактовку сюжета („Катерина"), неуклюжую композицію, предвзятое отношеніе ко всему, что не подходило къ художественному классическому канону академіи, гдѣ Брюлловъ былъ Богомъ. Могло ли все это благотворно дѣйствовать на талантливаго, но неопытнаго юношу?

Только впослѣдствіи, въ ссылкѣ, очутившись лицомъ къ лицу съ природой, и не имѣя подъ руками и надъ собой никакихъ указаній, подобныхъ тѣмъ, которыя онъ слышалъ въ академіи, Шевченко увидѣлъ всю ложь внушенныхъ ему

Брюлловымъ теоретическихъ художественныхъ построеній и вновь расширяетъ свой художественный кругозоръ независимо отъ академіи и Брюллова, который постарался къ тому же забыть его, но память о которомъ не покидала поэта до конца жизни.

Въ ссылкѣ Шевченко рисуетъ мертвую и живую природу такою, какою онъ ее видѣлъ безъ манекеновъ и безъ ломаній, а въ дѣйствительныхъ позахъ. Онъ протестуетъ здѣсь противъ односторонности школы и обращается къ жанру, исторіи, пейзажу, дѣйствуя согласно съ многосторонностью образовъ своей поэзіи. Солнце азіатскихъ пустынь пріучаетъ его къ правильной свѣтотѣни и бросаетъ его отъ цвѣтовыхъ задачъ Брюллова къ свѣтовымъ задачамъ, которыя указалъ Рембрандтъ въ своихъ поразительныхъ наблюденіяхъ надъ эффектами яркаго солнечнаго и всякаго другого освѣщенія.

Попытки не подчиняться навязываемымъ академическимъ указаніямъ собственно проглядывали у Шевченка и раньше, въ то время, напримѣръ, когда онъ увлекался Соколовымъ, а также во время первыхъ поѣздокъ на Украину, но въ ссылкѣ его искусство приняло совершенно обособленный характеръ, далекій отъ того міра, который культивировался въ Петербургѣ. Академія изъ Шевченка сдѣлала только хорошаго рисовальщика, ознакомивъ его съ гистологіей и мускульной анатоміей, и дала ему общее развитіе. Черезъ сообщество Брюллова, его учениковъ и друзей, въ средѣ которыхъ онъ ознакомился съ исторіей, линейной перспективой, литературой и искусствомъ живописцевъ и ваятелей предшествующаго времени.

Пребываніе въ Петербургѣ, такимъ образомъ, дало Шевченку общую подготовку къ дѣятельности на художественномъ и литературномъ поприщѣ, которое на первыхъ порахъ и было связано съ Брюлловымъ. Вслѣдствіе этого рисунки Шевченка для біографіи его имѣютъ весьма важное значеніе. Распредѣленные по годамъ, они обрисовываютъ художественныя стремленія Шевченка и составляютъ важную параллель къ его стихотвореніямъ. Въ общемъ же всю его дѣятельность слѣдуетъ раздѣлить на два періода: академическій, когда онъ по справедливости могъ бы быть отнесенъ къ брюлловской школѣ живописи, и изгнаннический, когда преклоненіе передъ Брюлловымъ, оставшееся на словахъ, на дѣлѣ было смѣнено свободнымъ подражаніемъ техникѣ Рем-

брандта, благодаря чему произведенія Шевченка въ этотъ періодъ могутъ быть отнесены къ школѣ Рембрандта въ Россіи, хотя какъ первая, такъ и вторая характеристики не отнимаютъ у Шевченка присущей ему самобытности, ибо онъ всю жизнь свою провелъ въ самостоятельныхъ художественныхъ исканіяхъ, и только неблагопріятныя условія жизни препятствовали ему сдѣлаться вполнѣ оригинальнымъ мастеромъ. При всемъ томъ заслуги Шевченка въ искусствѣ, особенно въ области гравюры, остаются немаловажными даже для нашего времени.

К. Ш.

Будущее украинской архитектуры.

Логика архитектурныхъ формъ, общіе законы, лежащіе въ основѣ этого искусства, являющагося надежнымъ и нерѣдко единственнымъ показателемъ культуры минувшихъ эпохъ, мало подвергались разработкѣ. Очарованіе ли, связанное съ созерцаніемъ величайшихъ памятниковъ зодчества, парализовало теоретическій подходъ, трудность ли самой темы, требующей рѣдкаго совмѣщенія—высокаго художественнаго чутья и чисто математическаго склада мышленія, заслоняла изученіе, но фактъ неисчерпанности ея въ этомъ смыслѣ является несомнѣннымъ. Въ силу этого и самый терминъ „стиль“ не является законченнымъ въ своемъ опредѣленіи.

Для классиковъ существуютъ только три великихъ стиля, совершеннѣйшимъ образомъ и навсегда разрѣшившихъ эстетическія проблемы зодчества.

Германскіе теоретики, во главѣ съ Шопенгауэромъ, давшимъ самый глубокій и никѣмъ не превзойденный ни до, ни послѣ анализъ архитектурныхъ формъ, обязательно прибавятъ къ тремъ великимъ стилямъ еще одинъ, но только одинъ—готику. Для французовъ формы, данныя эпохой короля-солнца, формы, такъ ясно воплотившія духъ своей эпохи, составляютъ свой стиль, которымъ гордится французскій историкъ, и для него Luis XV и XVI являются такими же великими эпохами зодчества, какими для Брунеллеско были формы расцвѣта Римской имперіи. Жизнь, практика установила цѣлый рядъ другихъ, новыхъ приложеній этого термина, и мы привыкли къ выраженіямъ: мексиканскій, египетскій, нормандскій, китайскій стиль и т. д. Наконецъ, Віоле де-Дюкъ говоритъ о „русскомъ стилѣ“, съ наличностью котораго долго не соглашались представители даже русскаго зодчества, воспитанные на Виньёл'ѣ. Только въ самое послѣднее время благодаря массѣ накопившихся изслѣдованій, установившихъ несомнѣнную наличность самостоятельныхъ формъ сѣверно-русскаго зодчества, усвоивается литературой и принимается жизнью и это выраженіе.

Отсюда мы видимъ, что отношеніе къ самому термину „стиль“ постепенно измѣнилось и привело къ толкованію, вызванному самой жизнью. Такимъ образомъ, жизнь сняла безповоротно приложеніе даннаго термина исключительно къ базису западно-европейскихъ архитектурныхъ формъ—классическому міру, и въ данное время мы понимаемъ стиль какъ кристаллизацію формъ народной жизни, въ какой бы области искусства онѣ ни нашли себѣ выраженіе. Если эта кристаллизація успѣла вылиться въ формы настолько ясныя, что явилась возможность вызвать гдѣ-либо подражательное теченіе, то мы имѣемъ дѣло не только съ явленіемъ, дающимъ право на гордость создавшаго его народа, но и съ фактомъ объективной цѣнности.

Изслѣдователю архитектурныхъ формъ сѣверной Россіи XVII и XVIII вѣка приходится отмѣчать типъ сооруженій, каковой не входитъ ни въ рамки опредѣленныхъ въ своей законченности стилей Западной Европы, ни въ рамки самобытныхъ формъ русскаго народнаго творчества. Даль, впервые ясно указавшій на обособленность этого типа, уяснилъ также и его подражательный характеръ. Оказалось, что для цѣлаго ряда церковныхъ памятниковъ сѣверной Россіи первоисточникомъ, питавшимъ сѣверное зодчество, были южно-русскіе церковные памятники, — не исконные памятники Византіи и не первичныя формы подражанія таковымъ, а памятники опредѣленной эпохи жизни украинскаго народа, уже давно ушедшіе отъ византійскихъ первообразовъ. Какъ самый яркій и несомнѣнный образецъ этой подражательности обыкновенно приводится московскій храмъ Рождества на Путинкахъ, общая конструкція котораго, основанная на планѣ трехкупольной церкви, является цѣликомъ перенесенной изъ Южной Россіи. Типъ южно-русскихъ церквей настолько привился и получилъ столь широкое распространеніе на сѣверѣ, что сталъ вытѣснять другія формы, и высшая духовная власть, увидѣвшая въ этомъ опасность для развитія исконныхъ сѣверно-русскихъ формъ, издала постановленіе, воспрещавшее дальнѣйшую постройку храмовъ указаннаго типа. Тотъ же Даль, желая въ свою очередь найти первоисточникъ формамъ Южной Россіи, растерялся въ поискахъ такового и, не имѣя ни-

какихъ документальныхъ источниковъ, отнесъ его къ Сиріи, не приведя однако въ пользу своихъ догадокъ ни одного сколько-нибудь убѣдительнаго соображенія. Послѣ Даля вопросъ о самостоятельности формъ украинскаго церковнаго зодчества возбуждался неоднократно, но первоисточникъ таковыхъ указанъ не былъ, и почти всѣ историки искусства, въ лицѣ своихъ виднѣйшихъ по этому вопросу изслѣдователей, остановились на главнѣйшихъ отличительныхъ признакахъ деревяннаго украинскаго строительства, какъ на самостоятельномъ продуктѣ мѣстнаго народнаго творчества.

Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ о первоисточникѣ украинскихъ архитектурныхъ формъ, составляющемъ самостоятельную задачу. Обратимъ вниманіе лишь на слѣдующее обстоятельство. Сѣверная Русь, въ тотъ періодъ, когда ея зодчіе обратились къ формамъ Южной Россіи, не только имѣла уже рядъ прекрасныхъ сооруженій, въ основѣ которыхъ были безсознательно положены самобытныя формы, но и была знакома съ пріемами эпохи Возрожденія, съ формами романской и готической эпохъ. Въ поискахъ за образцами русскимъ строителямъ не приходилось долго останавливаться: любой изъ упомянутыхъ стилей могъ дать самую благодарную канву; и тѣмъ не менѣе сѣверно-русскіе зодчіе обратились къ формамъ южно-русскимъ, стали развивать ихъ въ камнѣ и, давъ цѣлый рядъ сооруженій, создали цѣлый періодъ подражанія украинскимъ формамъ церковнаго строительства. Очевидно, архитектурныя формы Южной Россіи уже въ то время являли настолько ярко выраженную, законченную физіономію, что могли служить готовымъ образцомъ, источникомъ для подражанія,—иными словами: фактъ существованія украинскаго стиля въ положительномъ смыслѣ былъ разрѣшенъ самой жизнью 200 лѣтъ тому назадъ.

Имѣется ли въ прошломъ украинскаго стиля аналогія съ исторіей стилей западно-европейскихъ; вѣрно ли направлены наши шаги къ его изученію и что представляютъ собой тѣ первыя попытки возрожденія украинскаго стиля, свидѣтелями которыхъ мы являемся?

Сравнивая архитектурныя формы древнѣйшихъ народовъ съ формами народовъ Западной Европы, мы нахо-

димъ въ процессѣ и конечной формѣ ихъ развитія существенную разницу. У первыхъ наблюдается единство стиля, характеризующее весь путь ихъ исторической жизни. Величайшій и сложнѣйшій памятникъ ихъ архитектуры стоитъ въ непосредственной связи по своимъ пріемамъ съ предметами домашняго обихода. Дворецъ и хижина, храмъ и молельня, діадема и фибула, жезлъ и посохъ имѣютъ въ основѣ своихъ композицій одни и тѣ же элементы. Харсабадскій дворецъ есть обогащенный деталями скитъ халдейскаго отшельника. Порталъ Карнакскаго храма есть тотъ же входъ въ нильскую хижину, только обогащенный масштабомъ и разработкой деталей.

Совершенно иное видимъ мы въ странахъ новаго міра, гдѣ перекрещиваніе культурныхъ формъ совершалось безпрепятственно. Здѣсь искусство вообще, и въ частности развитіе архитектурныхъ формъ, всегда представляетъ двѣ параллельныхъ, ясно выраженныхъ струи: одна—верхняя, свободно воспринимающая вліяніе міровыхъ культурныхъ вѣяній, проносящихся надъ нею, а другая—нижняя, до которой онѣ не доходятъ, лежащая у самыхъ нѣдръ земли, у глубинъ народной жизни.

Точка соприкосновенія этихъ теченій даетъ переходныя формы, въ коихъ можно усмотрѣть связь обоихъ теченій, но въ своихъ полярныхъ фазахъ онѣ часто не имѣютъ на первый взглядъ ничего общаго. Василій Блаженный и московскій ампиръ, при всей противоположности своихъ формъ,—произведенія одного и того же народа. Готика и нѣмецкій ренессансъ уживаются вмѣстѣ. Но мы смѣло оперируемъ выраженіями: „русскій ампиръ“—потому, что, акклиматизировавшись въ Россіи, стиль Имперіи явилъ здѣсь свою особенную физіономію; „нѣмецкій ренессансъ“—потому, что эпоха Возрожденія, охватившая весь Западъ, принесла въ Германію и свои архитектурныя формы и послѣднія настолько измѣнили здѣсь свой характеръ, что утвердились въ исторіи архитектуры подъ именемъ нѣмецкаго ренессанса.

Переходя къ исторіи архитектурныхъ формъ Украины, мы видимъ полную аналогію хода ихъ и ихъ развитія съ только-что приведенными примѣрами эволюціи архитектурныхъ формъ нового міра.

Строительство Украины черпало свои формы одновременно изъ двухъ источниковъ. Одинъ изъ нихъ лежалъ

въ нѣдрахъ народнаго украинскаго творчества, другимъ служили западно-европейскія архитектурныя формы. Въ то время, какъ народъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ своемъ стремленіи украсить свой храмъ или жилище, оттѣнить обрядъ, отдаваясь свободно своей фантазіи, не прибѣгая къ готовымъ формамъ, создалъ свой санктуарій въ области архитектурнаго искусства, въ это время высшій кругъ, приходившій въ общеніе съ Западомъ, переносилъ къ намъ западныя формы и, не будучи въ силахъ отрѣшиться отъ вліяній окружающей жизни, усваивалъ ихъ, приноравливаясь къ послѣднимъ. Отсюда и на Украинѣ явилось два типа архитектурныхъ формъ: одинъ—развившійся на началахъ самобытнаго творчества, давшаго намъ оригинальные и, какъ мы сравнительно недавно убѣдились, высокой цѣнности мотивы деревяннаго церковнаго строительства, а также шитья, ткани, парчевой орнаментики, рѣзьбы, уборовъ и т. д.; и другой—развившійся на сліяніи самобытныхъ формъ съ западно-европейскими вліяніями. И подобно тому, какъ Василій Блаженный съ одной стороны и стиль Имперіи въ трактовкѣ Казакова, Баженова, Малахова и т. д. являются одинаково національными и другъ другу не уступающими въ своей художественной цѣнности; подобно тому, какъ примитивы французской готики и Людовиковъ XV и XVI являются стилями одинаково французскими, хотя и совершенно различными по своему внѣшнему виду, такъ и наши памятники каменнаго зодчества Черниговщины, Переяслава, Лютенки, Густыни и т. д., по глубокому недоразумѣнію почти брошенные нами какъ матеріалъ для изученія и дальнѣйшаго развитія, наравнѣ съ памятниками нашего деревяннаго зодчества—Погребняка Калношевскаго и цѣлаго ряда другихъ—являются памятниками, въ одинаковой степени долженствующими играть роль основъ въ развитіи украинскаго архитектурнаго стиля.

Судьбѣ было угодно рѣзко и, казалось, безповоротно прервать естественный ходъ украинской культуры и народнаго самосознанія. Болѣе двухъ сотъ лѣтъ Украина находилась въ ярмѣ условій, тяжестью своей подавлявшихъ каждый новый подъемъ, каждый молодой ростокъ; и время, казалось, уже успѣло стереть съ лица земли всякое воспоминаніе о прошломъ и всякое проявленіе творческаго духа. Но геній народа не угасъ. И мы, сыны современной

Украины, являемся радостными свидѣтелями первыхъ шаговъ возрожденія духовной жизни украинскаго народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его архитектурныхъ формъ.

Не прошло и десяти лѣтъ еще съ тѣхъ поръ, какъ были даны попытки первыхъ сооруженій въ „украинскомъ" стилѣ. Въ числѣ этихъ попытокъ первыми по времени явились: церковь Гадячскаго уѣзда, выполненная по замыслу и на средства, собранныя еп. Парѳеніемъ, поставившимъ московскому архитектору Кузнецову въ обязательное условіе украинскій стиль, зданіе полтавскаго губернскаго земства, и нѣсколько частныхъ построекъ въ Харьковѣ, Екатеринославѣ и другихъ мѣстахъ.

Первая изъ нихъ представляетъ почти точную копію ново-московскаго собора; зданіе же земства впервые подходитъ къ разрѣшенію данаго вопроса вполнѣ оригинально, являясь первымъ опытомъ синтеза деталей, взятыхъ изъ первоисточника—изъ формъ, данныхъ примитивами народнаго творчества.

Останавливаясь на анализѣ этого послѣдняго сооруженія и разбираясь въ немъ съ точки зрѣнія примитивной логики архитектурныхъ формъ, мы найдемъ цѣлый рядъ бросающихся въ глаза недочетовъ. Мы видимъ здѣсь пріемы обработки ткани, почти цѣликомъ перенесенные прямо на обработку камня. Мы видимъ пріемы деревянной рѣзьбы, разсыпанные по всему зданію и опять-таки примѣненные къ камню безъ измѣненій, соотвѣтствующихъ духу матеріала. Мы видимъ обработку внутреннихъ помѣщеній примитивами, взятыми изъ украинской народной орнаментики, превосходно компонованные какъ примитивы, но неумѣстно въ данномъ случаѣ приложенные, потому что мы давно ушли отъ нихъ и повтореніе ихъ цѣликомъ на плоскости стѣнъ нарушаетъ ихъ покой—главное условіе монументальности архитектурнаго цѣлаго. Въ обработкѣ деталей портала, оконъ и дверей мы видимъ пріемы, цѣликомъ взятые изъ деревянныхъ сооруженій и повторенные въ матеріалѣ, конструкція котораго имѣетъ свою логику, недопустимую въ деревѣ.

Правда, всѣ эти архитектурныя нелогичности скрадываются благодаря несомнѣнному таланту автора, В. Кричевскаго, въ значительной степени сумѣвшаго подойти къ примитиву съ мѣркой настоящаго художника. Въ общемъ зодчій далъ сооруженіе несомнѣнной художественной цѣн-

ности, стоящее особнякомъ на фонѣ окружающей его архитектурной пошлости; но фальшь, звучащая въ логикѣ самыхъ формъ, не можетъ быть замаскирована ласкающими глазъ красочными комбинаціями, на которыхъ главнымъ образомъ и играетъ строитель.

Откуда эти недостатки? Имѣютъ ли они характеръ случайности, объясняемой новизной попытки, или же несутъ въ себѣ начала ложнаго пути, и есть ли какая-либо гарантія того, что въ дальнѣйшемъ украинское зодчество найдетъ нормы, которыя обезпечатъ ему богатство и мощь его развитія?

Теперь никто не сомнѣвается въ богатствѣ національныхъ элементовъ сѣверно-русскаго зодчества, изслѣдуемаго и изучаемаго въ теченіе цѣлаго вѣка. Рядъ талантливѣйшихъ представителей русскаго искусства ставили своей задачей разрѣшеніе вопросовъ національнаго зодчества. Тщательно изучивъ внѣшнія детали деревянныхъ формъ, они положили добытый матеріалъ въ основу своихъ архитектурныхъ замысловъ. Появился одинъ за другимъ цѣлый рядъ монументальныхъ каменныхъ сооруженій, въ основу которыхъ былъ положенъ, если не исключительно, то главнымъ образомъ матеріалъ, данный деревянными формами, шитьемъ и рѣзьбой. Мы знаемъ, чѣмъ кончился этотъ періодъ русской архитектуры: въ своемъ искреннѣйшемъ желаніи разработать національныя формы русскіе зодчіе, въ лицѣ одного изъ характернѣйшихъ представителей этого періода русской архитектуры, Ропет'а, довели формы русскаго стиля до полнаго абсурда. Самый духъ народнаго творчества былъ утерянъ, комбинаціи приняли видъ безжизненныхъ, не согрѣтыхъ внутренней необходимостью схемъ, и создался тупикъ, откуда оставался единственный выходъ: дорога назадъ, что и было сдѣлано.

Фальшь, лежавшая въ одностороннемъ изученіи примитивовъ, была сознана; дальнѣйшее развитіе ропетовскихъ пріемовъ остановилось, и мы присутствуемъ сейчасъ при поучительномъ для насъ, украинцевъ, явленіи: русское зодчество оставило все то, что было создано трудами ярыхъ представителей націонализма,—представителей, для

которыхъ національнизмъ въ искусствѣ былъ прежде искусства. Окрестивъ весь этотъ періодъ исторіи русскаго зодчества періодомъ псевдо-русскаго стиля и навсегда отвернувшись отъ него, русское архитектурное искусство вновь обратилось къ изученію первоисточниковъ. И на своемъ новомъ пути оно штудируетъ камень для камня, и дерево для дерева; оно въ группировкѣ добытыхъ данныхъ руководствуется не желаніемъ во что бы то ни стало дать „русскій стиль“, а прежде всего достигнуть художественныхъ эффектовъ, цѣнности эстетической, зная, что все остальное приложится само собой.

Отрицательныя стороны нашего украинскаго зодчества выражаются въ двухъ направленіяхъ: въ утировкѣ формъ національнаго колорита—съ одной стороны, а съ другой—въ полномъ незнакомствѣ съ характеромъ и художественной цѣнностью памятниковъ нашего каменнаго зодчества.

Подъ утировкой національнаго колорита я разумѣю сугубое стремленіе нашихъ зодчихъ дать во что бы то ни стало и прежде всего произведеніе „національное“, шире выражаясь,—въ предпочтеніи національныхъ элементовъ эстетической, я бы сказалъ—творческой цѣнности.

Характеризуя весь укладъ современной украинской культуры, эта утировка находитъ себѣ выраженіе и въ другихъ формахъ жизни нашей и въ особенности въ жизни нашего искусства. Она суживаетъ горизонты критической мысли и накладываетъ оттѣнокъ провинціализма на самый характеръ представленій въ области творчества. Едва ли кто-либо изъ насъ пошлетъ упрекъ тѣмъ, кто, въ порывѣ искреннѣйшихъ чувствъ, не въ силахъ превозмочь національнаго ослѣпленія, ибо піонерамъ возрожденія обычно чужды опытъ прошлаго и даль исторической перспективы; но какъ бы ни были тяжелы условія нашего роста, у насъ уже имѣются основанія безъ боязни смотрѣть въ будущее и въ данный моментъ болѣе, чѣмъ когда-либо, мы въ правѣ относиться критически ко всѣмъ слагаемымъ нашихъ дальнѣйшихъ культурныхъ итоговъ, и если видимъ зодчаго, цѣликомъ переносящаго орнаментъ шитья на плоскость камня, мы упрекаемъ его въ отсутствіи логичности и архитектурной эрудиціи. Это отсутствіе эрудиціи на фонѣ тенденціознаго отношенія къ одной изъ высочайшихъ областей творчества, архитектуры, чревато всѣми тѣми

послѣдствіями, примѣръ которыхъ былъ данъ выше указаніемъ на исторію послѣднихъ дней сѣверно-русскаго зодчества. Слѣпо хватаясь за каждый штрихъ мѣстнаго колорита, не соображаясь съ логикой совмѣщенія матеріаловъ и формъ, мы придемъ и въ этой области,—области „созданія изъ камня и мечты“,—къ той же сантиментальной бутафоріи, которая такъ долго умиляла насъ, напр., въ области театральнаго искусства и др.

Мы замѣтили, что украинское архитектурное искусство въ своемъ развитіи шло двумя путями: одинъ пролагался въ нѣдрахъ народной жизни, и другой—внѣ ея путемъ воспріятія западно-европейскихъ формъ.

Первый нашелъ себѣ характерное выраженіе въ примитивныхъ образцахъ гражданской архитектуры — хатахъ и въ формахъ деревяннаго церковнаго строительства, отличающагося единствомъ, ясно выраженнымъ характеромъ, легкой уловимостью и доступностью его формъ. Во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ усматривается также конструктивная идея, рѣзко отличающаяся, какъ указано было выше, отъ исконнаго типа сѣверно-русскихъ памятниковъ деревяннаго зодчества.

Совершенно другое мы видимъ въ образцахъ нашего каменнаго строительства. Ихъ характерныя черты какъ въ общемъ планѣ, такъ и въ деталяхъ представляютъ собой результатъ совмѣщенія трехъ главныхъ вѣяній: западно-европейскихъ формъ—главнымъ образомъ ренессанса,—востока и мѣстныхъ элементовъ. Этотъ типъ церковной архитектуры далъ образцы, являющіе въ своемъ окончательномъ видѣ типъ рѣзко отличный отъ своихъ первоисточниковъ, нигдѣ не повторяемый и въ послѣднее время въ исторіи архитектурнаго искусства (къ нашему стыду, не украинскими изслѣдователями) выдѣленный.

Въ своемъ понятномъ увлеченіи національными тенденціями наши изслѣдователи обошли изученіе этихъ формъ, имѣющее первостепенное значеніе для камня. Упоминая о нихъ съ точки зрѣнія исключительно историко-археологической мы совершенно упустили изъ виду и обошли ихъ архитектурную цѣнность, какъ продуктъ цѣлой эпохи украинской жизни, представляющій благодарнѣйшій матеріалъ для его дальнѣйшаго развитія.

Имѣя въ виду въ недалекомъ будущемъ спеціально вернуться къ этому вопросу, укажу здѣсь пока лишь на то, что памятники Густыни, Переяслава, Чернигова, Лютеньки,

Лубенъ, Сорочинецъ, Кіева и цѣлый рядъ другихъ совершенно игнорированы нами какъ матеріалъ, ожидающій практическаго приложенія. Детали обработки стѣнъ, порталовъ, дверей, оконъ, перекрытій, то едва намѣченный и просящихъ разработки, то вылившихся въ законченный типъ (крестовыя окна лубенскаго монастыря, наличники лютенской церкви, перекрытія мазепинскихъ соборовъ), открывающій тому, кто имѣлъ случай детально остановиться на нихъ и имѣлъ данныя для сравнительной точки зрѣнія, цѣлый новый міръ, цѣлую область, поле которой не уступаетъ,—я говорю это, имѣя въ рукахъ данныя,—тѣмъ элементамъ, которые легли въ основу романской готической эпохи, эпохи Людовиковъ и т. д. Памятники нашего каменнаго церковнаго зодчества—это тѣ „Παρεργα“ и „Παραλυπομενα“, на которыхъ зодчій-творецъ можетъ развернуть во всей широтѣ фантазію, и нѣтъ сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ мы будемъ свидѣтелями новой „украинской архитектурной школы“. Въ основѣ этой школы будутъ положены формы нашихъ каменныхъ памятниковъ, развитіе которыхъ было прервано волею судьбы... На-ряду съ проявленіемъ чисто мѣстнаго народнаго творчества, освобожденныя отъ бутафоріи и нашедшія свою логику въ спокойномъ и нормальномъ развитіи формъ чисто мѣстнаго народнаго колорита, онѣ вытѣснятъ тотъ суррогатъ великаго искусства, который утвердился въ послѣднее время всюду и вездѣ въ жизни, приноравливаясь къ потребностямъ мѣщанъ духа и заглушая рѣдкіе случаи проявленія настоящаго творчества.

На Западѣ, пробужденномъ исканіями модернистовъ, съ Ольбрихомъ во главѣ, возникаетъ интересъ къ архитектурнымъ памятникамъ не только въ лицѣ отдѣльныхъ представителей искусства, но и въ широкихъ массахъ. Архитектура русская, какъ настоящее искусство, благодаря вліянію художниковъ петербургской школы, начинаетъ вновь завоевывать себѣ мѣсто въ жизни. Дружная работа нашихъ украинскихъ художниковъ, среди которыхъ уже намѣтились и силы и сознаніе роли зодчества, какъ культурнаго показателя, также должна отвѣтить своей эпохѣ. Для этого ей необходимо прежде всего освободиться отъ бутафорскихъ пріемовъ и подойти къ наслѣдію прошлаго во всемъ его объемѣ и не съ узко-археологическимъ масштабомъ, а съ глазами художника, ясно представляющаго отвѣтственность своихъ шаговъ. **Н. Филянскій.**

Подземная Украина.

У Гоголя въ повѣсти „Тарасъ Бульба“ есть характерный діалогъ.

Андрій спрашиваетъ татарку:

— Какъ ты прошла?

— Подземнымъ ходомъ.

— Развѣ есть подземный ходъ?

— Есть.

— Гдѣ?

— Спустясь въ яръ и перейдя протокъ, тамъ, гдѣ тростникъ.

— И выходитъ въ самый городъ?

— Прямо къ городскому монастырю.

Геніальный художникъ вѣрно подмѣтилъ и по достоинству оцѣнилъ то, чего до недавняго времени не замѣчали, или чему не придавали значенія археологи: важную историческую роль подземныхъ ходовъ.

Рисуя въ „Тарасѣ Бульбѣ“ грандіозную художественную картину историческаго прошлаго Украины, Гоголь остановился на детальной зарисовкѣ подземнаго хода подъ Дубно не случайно: подземные ходы составляютъ принадлежность большинства старинныхъ поселеній на Украинѣ.

Назначеніе указанныхъ сооруженій встарину было неодинаково: въ то время, какъ одни спеціально служили для бѣгства изъ города, для сношенія съ внѣшнимъ міромъ во время, осады, другія представляли собою убѣжища для жителей и хранилища для городского и частнаго имуществъ. Оба эти вида составляютъ преобладающій типъ подземныхъ сооруженій на Украинѣ. Такъ-называемыхъ „подземныхъ тюремъ“, столь обычныхъ въ Московской Руси, здѣсь, кажется, совсѣмъ не было. Свѣтлый, поэтическій Югъ не ощущалъ потребности въ тѣхъ мрачныхъ подземныхъ узилищахъ, безъ которыхъ не могла зачастую обходиться угрюмо-подозрительная Москва.

Различные украинскіе подземные ходы первой категоріи представляютъ, въ сущности, варіацію основного типа, художественно-законченное описаніе котораго дано

Гоголемъ въ упомянутой его повѣсти. Приводить здѣсь это описаніе мы не будемъ, такъ какъ оно, безъ сомнѣнія, хорошо памятно читателямъ. Замѣтимъ только, что описанный Гоголемъ тайникъ не индивидуаленъ. Это—идеальный типъ украинскаго подземнаго хода вообще, другими словами—красивый плодъ фантазіи поэта, сочетавшаго въ одно отличительныя черты хода для бѣгства, хода-убѣжища и хода-катакомбы. Несомнѣнно, Гоголь лично наблюдалъ подземные ходы въ разныхъ мѣстахъ на Украинѣ, какъ, повидимому, и подъ Дубно. За это говоритъ какъ серьезная, всесторонняя подготовка, предшествовавшая написанію повѣсти, такъ и многія детали въ описаніи подземнаго хода, какихъ ни измыслить, ни вычитать изъ книгъ нельзя.

Существованіе подъ г. Дубно подземной галлереи ни мало не стоитъ въ противорѣчіи съ исторіей города. Лѣтописный Дубно (1099 г.) былъ удѣломъ различныхъ южно-русскихъ князей до 1386 г., когда былъ отданъ Ягайло въ собственность кн. Острожскому. Укрѣпленъ былъ Дубно съ давнихъ поръ. Въ концѣ XV в. устроенъ здѣсь новый замокъ, котораго не удалось ни разу занять ни татарамъ, ни казакамъ. Описанная поэтомъ осада Дубно относится къ 30-мъ годамъ XVII в., къ эпохѣ, такъ сказать, расцвѣта подземной Украины, и пріурочивается къ поднятому Остраницей и Гуней казацкому возстанію, подавленному въ корнѣ Потоцкимъ. Въ это возстаніе, какъ упомянуто, г. Дубно не былъ взятъ казаками, какъ не былъ онъ взятъ и позже, въ 1651 и 1660 гг., въ эпоху грандіознаго казацкаго возстанія съ Хмѣльницкимъ во главѣ.

Въ связи съ этимъ возстаніемъ находится любопытная страничка изъ „подземной Украины“.

Когда поднялся грозный девятый валъ,—возстаніе Хмѣльницкаго,—сильно забезпокоился, сидя въ неприступномъ замкѣ, въ своей „столицѣ“ Лубнахъ, владыка необозримыхъ маетностей Лѣвобережныхъ Украины, знаменитый польскій магнатъ Іеремія Вишневецкій. Пышный, въ средневѣковомъ стилѣ, прекрасно укрѣпленный замокъ его гордо высился на крутизнахъ лубенскихъ, защищенный кольцомъ мощнаго вала, увѣнчаннаго деревянною стѣной. Сюда стекались къ Іереміи послы Турціи, Польши, Москвы. Казалось, никакое возстаніе „хлоповъ“ ему не было страшно. Тѣмъ не менѣе, предвидя возможность паденія замка, Іеремія

наскоро соорудилъ здѣсь новый подземный ходъ, спеціально на случай бѣгства изъ замка, къ р. Сулѣ.

Съ точки зрѣнія безопасности сооруженія, новый ходъ долженъ былъ бы залегать на глубинѣ по меньшей мѣрѣ восьмидесяти аршинъ отъ поверхности, въ виду почти трехсаженной мощности культурнаго слоя въ районѣ замка. Стѣны и сводъ подземелья, хотя бы не обложенные кирпичемъ, но продѣланные въ цѣлинной почвѣ на большой глубинѣ, дѣлаютъ подобное сооруженіе вѣчнымъ, но у Іереміи, по причинѣ быстро разлившагося на Украинѣ возстанія, не хватило на это ни времени, ни рабочихъ силъ. Подземный ходъ, длиною около десяти саженъ, былъ продѣланъ поэтому въ культурномъ, рыхломъ слоѣ, на глубинѣ всего около сажени отъ поверхности. Обшитый наскоро бревнами и досками, онъ представлялъ готовый костеръ. Выходъ изъ него приходился въ глубокій оврагъ, спускающійся прямо къ рѣкѣ.

Самъ Вишневецкій ходомъ не воспользовался: онъ заблаговременно бѣжалъ съ Гризельдой и частью сокровищъ въ Польшу, запрятавъ остальныя несмѣтныя богатства свои въ глубокіе каменные погреба и тайники за желѣзными дверями, сооруженные подъ замкомъ, въ лѣсу и въ окрестнымъ холмахъ. Потайныя кладовыя эти частью нащупаны и уже начаты ихъ раскопки.

Когда замокъ былъ взятъ отрядомъ казацкаго полковника Кривоноса, цѣлыя толпы замковой челяди, преимущественно женщинъ и дѣтей, устремились, ища спасенія, деревяннымъ ходомъ къ Сулѣ. Но для Кривоноса подземные тайники составляли уже секретъ полишинеля. Онъ успѣлъ пріобрѣсти опытъ и „набить руку“ по этой части въ Кременцѣ, гдѣ имъ передъ этимъ были „изслѣдованы“ всѣ подземные городскіе ходы, истреблены хранившіеся въ нихъ городскіе документы, а имущество расхищено.

Разыскавъ въ оврагѣ выходъ изъ подземелья, Кривоносъ поставилъ здѣсь стражу изъ казаковъ, поражавшую всякаго выбѣгавшаго въ оврагъ, а деревянную обшивку подземелья поджечь. Не беремся изобразить ужасъ, какой должны были пережить бѣглецы, очутившись въ подземномъ кострѣ.

Объятые пламенемъ, задыхаясь въ дыму, передніе тщетно стремились назадъ, откуда неудержимымъ потокомъ напирала толпа гонимыхъ казаками. Образовался

страшный водоворотъ человѣческихъ тѣлъ, въ которомъ сильные давили слабыхъ, карабкались другъ на друга, пока обгорѣвшія бревна потолка не рухнули и не повлекли грандіознаго обвала культурнаго слоя земли, похоронившаго несчастныхъ и сокрывшаго тайну подземной трагедіи на два съ половиною вѣка. Произведенными здѣсь раскопками обнаруженъ близъ выхода въ оврагъ, посрединѣ между двумя обуглившимися деревянными стѣнами, одинъ костякъ, лицомъ внизъ, головою къ выходу, съ неестественно подогнутой правой рукой. На сажень отступя—группа изъ трехъ костяковъ, двухъ мужскихъ и одного женскаго, одинъ на другомъ, головами къ выходу. Подъ однимъ, женскимъ, находился скелетъ ребенка, подъ другимъ подобраны желѣзныя скобы и скрѣпы,—повидимому, отъ деревянной, тоже сгорѣвшей, шкатулки. Нѣсколько въ сторонѣ лежалъ скелетъ маленькой собачки. Еще на сажень дальше какая-то невѣроятная мѣшанина изъ человѣческихъ костей и череповъ, старыхъ и молодыхъ, взрослыхъ и дѣтей. Широкій тазъ одного костяка закрывалъ собою глаза другому, обгорѣвшее бревно острымъ угломъ глубоко продавило високъ третьему. Нѣкоторые, скорчившись, судорожно, въ агоніи, закрывали лицо руками: фаланги пальцевъ или застряли въ глазницахъ, или зажаты въ зубахъ. Жаръ здѣсь былъ настолько силенъ, что земля на аршинъ въ глубину прокалилась до-красна. Части человѣческихъ тѣлъ, попавшія въ это адское горнило, сгорѣли до-тла съ костями. Погорѣвшія насквозь, обратившіяся въ гигантскіе куски угля, бревна боковыхъ стѣнъ хода отстали отъ стѣнъ земляныхъ и образовали широкую щель, уходившую куда-то значительно глубже сгорѣвшаго сооруженія, какъ бы въ другое, ниже лежащее, подземелье.

Предпринятая было попытка перерѣзать ходъ, отступивъ на двѣ сажени отъ раскопа, не увѣнчалась успѣхомъ: ходъ повернулъ куда-то въ сторону раньше. Зато поперечной траншеей, на глубинѣ около семи аршинъ, въ культурномъ слоѣ, была обнаружена толстая забученная стѣна и рядомъ гладкій полъ изъ кирпича въ пять рядовъ. Подъ нимъ—слой культурной земли неопредѣленной глубины: буравъ, опущенный аршина на три, не достигъ цѣлины. Ясно, что только капитальныя раскопки всей площади замковаго городища могутъ нарисовать исторически вѣрную картину жизни этой нѣкогда грозной польской твердыни.

Подземными ходами смѣшаннаго типа, т.-е. служившими убѣжищами и кладовыми, особенно богата Украина. Характерной особенностью этого рода сооруженій служитъ наличность боковыхъ отвѣтвленій отъ основной магистрали. Иногда, какъ въ Полтавѣ или Лубнахъ, можно констатировать существованіе цѣлаго подземнаго города.

Узломъ, гдѣ скрещиваются подземные тоннели въ Лубнахъ, служитъ возвышенность „Кулябщина". При Вишневецкомъ здѣсь стоялъ одинъ изъ бернардинскихъ костеловъ. Бернардины, выходцы изъ Польши, отпрыскъ французскаго средневѣкового ордена, появились въ Лубнахъ ранѣе Вишневецкихъ. Они принесли съ собой знакомство съ средневѣковой готикой. Въ готическомъ стилѣ были построены костелы и сооружены подъ ними и подъ городомъ подземные ходы.

Благодаря отчасти раскопкамъ, отчасти наблюдающимся нерѣдко на Кулябщинѣ и въ другихъ мѣстахъ города проваламъ почвы, удалось установить, что ходы отъ Кулябщины идутъ по направленію къ замку, подъ городъ, подъ бывшій бернардинскій монастырь и выходятъ за черту города, въ дальній оврагъ.

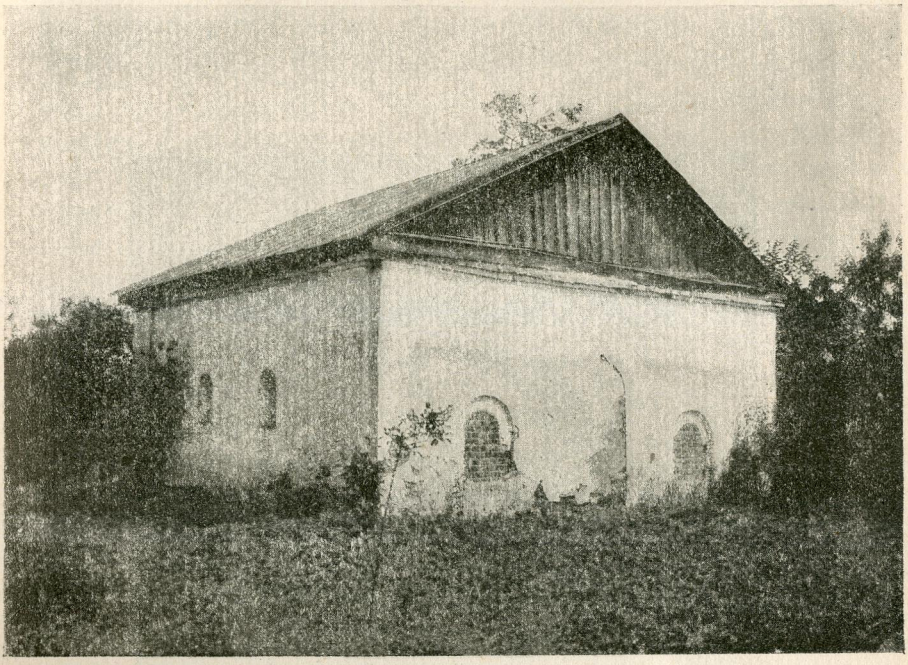
Подъ Кулябщиной находятся грандіозныя подземныя сооруженія, въ видѣ высокихъ круглыхъ комнатъ съ отвѣтвленіями. Въ нихъ были найдены различныя вещи домашняго обихода не древнѣе XVI—XVII вв., между прочимъ куча свеклы, разсыпавшейся отъ прикосновенія въ прахъ.

Тоннель, идущій отсюда подъ городъ, былъ обнаруженъ случайно близъ собора при проведеніи водопроводной трубы. Обслѣдованъ путемъ раскопки.

Ходъ оказался выложеннымъ большихъ размѣровъ кирпичемъ XV—XVI вв., на крѣпкомъ растворѣ, но обрушился вслѣдствіе нивеллировки соборной площади при прокладкѣ шоссе. Подземелье, видимо, ограблено, такъ какъ при раскопкахъ въ немъ найдены фрагменты разгромленной желѣзной двери и покрытая патиной мѣдная монета времени Екатерины II.

На мѣстѣ исчезнувшаго бернардинскаго монастыря нынѣ растетъ фруктовый садъ. По сохранившемуся единственному зданію (рис. 1) того времени можно судить о характерѣ монастырскихъ сооруженій бернардиновъ. Это зданіе, именуемое по преданію „казначействомъ", предоставлено владѣлицей усадьбы, г-жей Перепеловой, подъ учреждае-

мый въ Лубнахъ „Музей украинской старины“, куда уже начали поступить предметы мѣстной бытовой и первобытной археологіи.

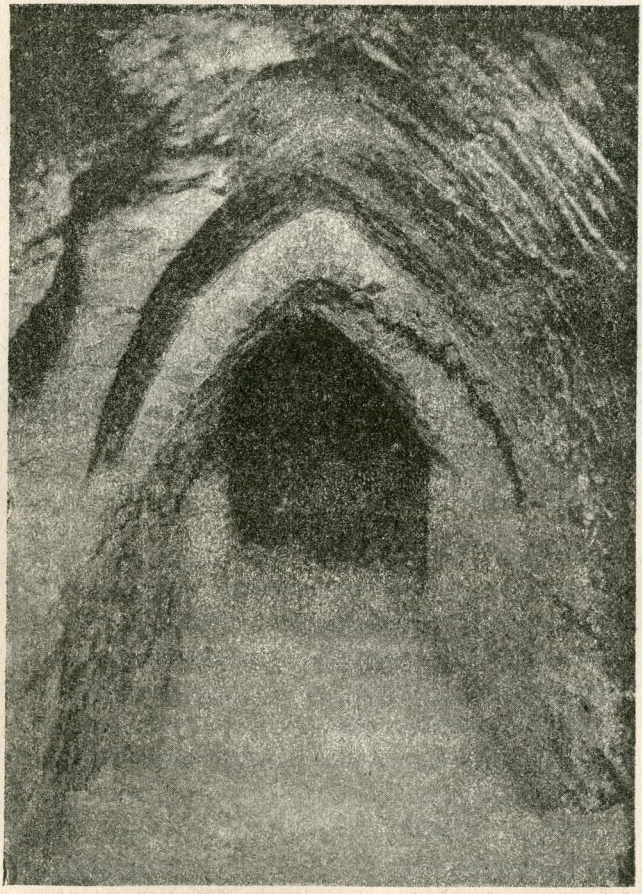

Изъ „казначейства“ шелъ подземный ходъ подъ площадью монастыря и выходилъ за городомъ въ оврагъ. Отъ главной магистрали шли боковые вѣтви и тупики, обращенные бернардинами частью въ винные погреба, частью въ казнохранилища. Три такихъ тупика въ районѣ древняго монастыря уже обслѣдованы.

Залегаютъ эти подземелья на глубинѣ шести—семи аршинъ отъ поверхности. Проникнуть въ первое изъ нихъ удалось путемъ раскопки давняго провала.

Подземелье образуетъ двѣ, подъ прямымъ угломъ, готическія галлереи, длиною около тридцати аршинъ каждая, съ готическими нишами по бокамъ въ шахматномъ порядкѣ. Сооруженіе это является чрезвычайно цѣннымъ памятникомъ старины, какъ единственный пока образчикъ подземной готики въ Россіи. Готика лубенскихъ подземелій носитъ явственно выраженные слѣды такъ-называемаго перпендикулярнаго или поздняго готическаго стиля, преобладавшаго въ XV—XVI вв. и отличавшагося пристра-

стіемъ къ прямымъ линіямъ. Размѣръ кирпича—5½×3×1½ в.—типиченъ для XIV—XV вв. Снимокъ прямой, сѣверной галлереи (рис. 2) достаточно наглядно передаетъ стиль поджены лишь боковые стѣнки отъ пола до уровня нишъ. Въ кирпичной обшивкѣ готическаго свода, изображенной на снимкѣ, обращаетъ вниманіе необычной толщины замковый шовъ.

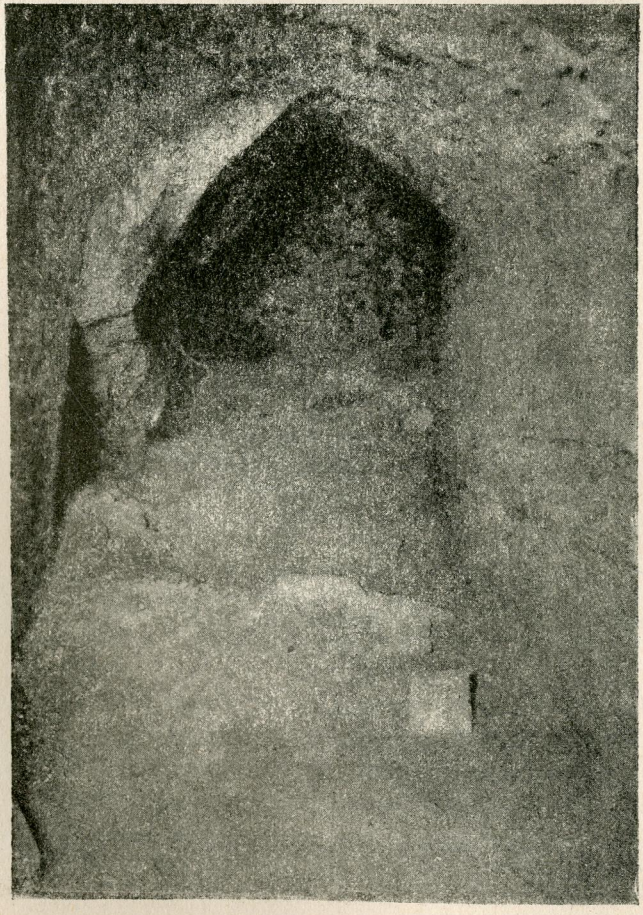

Близъ замыкавшей галлерею обрушившейся ниши, въ сводѣ, видно наклонно идущее кнаружи круглое отверстіе, или слухъ, удивительно искусно обтянутое внутри вложенными одно въ другое звеньями суживающейся кверху гончарной трубы.

Таинственно и тихо подъ землею. Ни единый звукъ сверху не нарушаетъ могильной тишины забытаго подзе-

мелья. Сырости нѣтъ, но прохладно. Откуда-то тянетъ холодкомъ: пламя свѣчи чуть-чуть колышется. Серебристые блики электрическаго фонаря, перебѣгая, озаряютъ то стрѣльчатую арку галлереи, то изогнутую стѣнку ниши съ бѣлыми по черному цифрами—номерами, то груды бѣлаго песку въ нишахъ, гдѣ выстаивались вѣками тончайшія вина монаховъ-эпикурейцевъ. Чудятся скользящія безшумно въ подземельяхъ молчаливыя тѣни бернардиновъ въ ихъ стильныхъ монашескихъ костюмахъ далекаго средневѣковья. Чары прошлаго живы донынѣ. Онѣ породили въ народѣ вѣру въ привидѣнія. Не разъ видѣли призраки черныхъ монаховъ въ вѣковыхъ липовыхъ аллеяхъ сада, почему и самое урочище именуется въ народѣ „Зачарованным містом“.

Перпендикулярно расположенная по отношенію къ сѣверной, боковая или западная галлерея сплошь выложена кирпичемъ (рис. 3). Здѣсь привлекаетъ вниманіе игра архи-

тектурныхъ стилей. Легкій готическій сводъ на четвертомъ аршинѣ отъ начала галлереи внезапно обрывается, смѣняясь тяжелымъ полукруглымъ и оставляя какъ бы висѣть въ воздухѣ огромную необдѣланную глыбу земли. Галлерею замыкала тоже обрушившаяся ниша. Подлѣ, въ сводѣ, четыреугольный косой слухъ.

Къ категоріи ходовъ-убѣжищъ нужно отнести и подземелье, обнаруженное весеннимъ проваломъ на Базарной площади въ Лубнахъ (рис. 4). Раскопки установили потай-

ной ходъ изъ стариннаго подвальнаго помѣщенія сосѣдняго дома. Часть хода, до поворота, была въ недавнее время отгорожена кирпичною стѣною и использована евреемъ-владѣльцемъ въ качествѣ погреба. Задача неизвѣстныхъ строителей этого потайного хода состояла въ томъ, чтобы на

небольшомъ участкѣ врыться глубоко подъ землю. Сильно покатый полъ подземелья былъ посединѣ перерѣзанъ крутою лѣстницей въ четыре каменныхъ ступени, покрытыхъ сверху полусгнившими досками, и заканчивался круглой ямой, служившей или колодцемъ, или спускомъ въ нижнее подземелье. Къ сожалѣнію, во время нашего осмотра надъ ямой непросыхающей лужей стояла вода, а полъ всего подземелья на три четверти высоты былъ затянутъ слоемъ ила, накопившимся отъ вѣками гдѣ-то просачивавшейся въ подземелье весенней воды. Вслѣдствіе дождливаго лѣта загадочный колодезь не удалось осушить, и подземелье было засыпано до новаго изслѣдованія. Своимъ относительнымъ успѣхомъ археологическія раскопки въ Лубнахъ обязаны также благожелательному содѣйствію лубенской городской управы въ лицѣ городского головы и нѣкоторыхъ членовъ хозяйственнаго комитета.

Сложный подземный лабиринтъ ходовъ-убѣжищъ открытъ также подъ Полтавой. Всѣ ходы здѣсь съ полукруглыми сводами, неодинаковыхъ размѣровъ; нѣкоторые выложены кирпичемъ или обложены бревнами. Изъ лабиринта обнаружено три выхода къ Ворсклѣ. Въ подземельяхъ найдены въ изобиліи фрагменты битой фаянсовой, фарфоровой и стеклянной посуды, штофъ съ наливкою, 50 закупоренныхъ бутылокъ съ какою-то жидкостью, мѣдныя удила, казацкія люльки, сосудъ съ дегтемъ и серія мѣдныхъ монетъ Анны Іоанновны и Петра III.

Рамки статьи не позволяютъ остановиться подробнѣе на полтавскихъ и подобныхъ имъ подземныхъ сооруженіяхъ, обнаруженныхъ въ м. Бѣликахъ, Великихъ Будищахъ и Опошнѣ Полтавской губ., въ Кіевѣ—на Старомъ городѣ и Подолѣ,—въ Кременцѣ и мн. др. Всѣ эти сооруженія представляютъ варіацію основного типа украинскихъ подземелій: ходовъ-убѣжищъ и ходовъ для вылазокъ или бѣгства.

Совсѣмъ особнякомъ стоятъ новооткрытыя въ лѣсистыхъ окрестностяхъ г. Лубенъ разбойничьи катакомбы.

Встарину на Украинѣ, когда лѣсовъ было много, а народу меньше, разбой на большихъ дорогахъ представлялъ бытовое явленіе, и преданія о разбойничьихъ кладахъ были весьма распространены. Тогдашнее правительство московское внимательно слѣдило за кладоискателями, само

разыскивало клады и систематически отбирало ихъ у находчиковъ, посылая за найденными кладами „съ площаднымъ подъячимъ 20 стрѣльцовъ и пушекъ". Въ XVII ст. гремѣла слава о „поклажахъ" героя разбойничьяго эпоса Кудеяра, воспѣтаго Костомаровымъ. Районом разбойничьихъ подвиговъ Кудеяра служила Курская губ., а также сѣверныя области нынѣшней Малороссіи.

Преданія о „Кудеяровыхъ поклажахъ" весьма типичны для украинскихъ преданій о разбойничьихъ кладахъ вообще. „Есть-де въ Курскомъ уѣздѣ, — говорится въ одномъ „розыскѣ" по поводу Кудеярова клада, — близко Ямской слободы погребъ съ Кудеяровымъ поклажіемъ, а въ томъ-де погребѣ двѣнадцать бочекъ серебряныхъ копеекъ, да четыре котла жемчугу насыпано, да лежитъ тысяча бердышей, да тысяча мушкетовъ, и книги, и евангеліе, и всякая церковная утварь и платья, да сабля булатная" (моск. архивъ мин. юстиціи. Приказн. стола ст. № 1581). Или: „Есть-де Кудеяровской поклажи погребъ, и въ томъ-де погребѣ поклажи число а у того-де погреба рѣшотка мѣдная, а у той рѣшотки три замка, и къ той-де рѣшоткѣ прибито письмо, написано на бѣломъ желѣзѣ". Закрытъ кладъ „на урочные годы, на 200 лѣтъ, и тѣ-де лѣты вышли" (ib.).

Подобнаго рода преданіями о разбойничьихъ погребахъ съ сокрытыми въ нихъ сокровищами полна Украина. Слѣдуя указаніямъ одного такого преданія, въ лѣсу Мгарскаго монастыря, въ трехъ верстахъ отъ г. Лубенъ, въ урочищѣ „Холодный Яръ", были произведены поиски, давшіе неожиданные результаты.

По преданію, въ Холодномъ Яру, подъ двумя дубами, лѣтъ 100—150 назадъ разбойниками были зарыты въ „лехѣ" (погребѣ) 40 тыс. золотыхъ и множество разнаго рода церковной утвари и драгоцѣнныхъ вещей.

Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ здѣсь дѣйствительно найдены были огромные пни двухъ дубовъ, по скату оврага, перерѣзала въ глинистой почвѣ удивительно своеобразные и почему-то необыкновенно тщательно засыпанные подземные ходы. Послѣднее обстоятельство, какъ можно догадываться, объясняется стремленіемъ затруднить доступъ къ подземной сокровищницѣ, скрытой гдѣ-нибудь подъ упомянутыми пнями. Планъ и болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ подземномъ лабиринтѣ, а также о находкахъ въ немъ можно найти въ московскомъ журналѣ „Жизнь" за 1912 г., № 3.

стыря, обнаружены двѣ подземныя галлереи. Одна, у подножія склона, высокая и извилистая, незакончена. Другая расположенная повыше, съ завалившимся небольшимъ входнымъ отверстіемъ, скрытымъ въ непроходимыхъ зарослях кустарника, представляетъ замѣчательное, съ боковыми отвѣтвленіями, подземное сооруженіе типа кіевскихъ пещеръ, изображенныхъ на рисункѣ 1651 года, приведенномъ въ книгѣ М. Грушевскаго „Ілюстрована історія України“, 1913, стр. 265. Можно думать, что это именно „пещеры“ извѣстнаго кіевскаго митр. Исаіи Копинскаго, о которомъ извѣстно, что въ бытность свою, въ санѣ епископа, въ Мгарскомъ монастырѣ онъ собственноручно „ископалъ пещеры по образцу кіевскихъ“.

И. Стеллецкій.

Бібліотека наукового товариства імени ШЕВЧЕНКА.

Украинцы и поляки

(Программа анкеты).

Въ началѣ прошлаго года редакція „Украинской Жизни“ предприняла анкету объ отношеніи разныхъ слоевъ и группъ прогрессивнаго русскаго общества къ украинскому національному движенію. Намъ казалось, что голосъ самихъ великороссовъ не можетъ быть игнорированъ при опредѣленіи и оцѣнкѣ взаимныхъ отношеній между двумя національностями, не только родственными, но и тѣсно связанными исторической судьбою.

Наша анкета вызвала нѣсколько десятковъ откликовъ, присланныхъ намъ видными политическими и общественными дѣятелями, учеными, писателями и т. д. Нѣкоторые изъ поступившихъ въ редакцію до сихъ поръ отвѣтовъ на анкету (М. Горькаго, А. В. Луначарскаго, Ѳ. Е. Корша, К. К. Арсеньева, В. П. Обнинскаго, кн. С. Д. Урусова и др.) были напечатаны въ „Украинской Жизни“, остальной же анкетный матеріалъ предполагается использовать въ видѣ особой сводной статьи.

Въ настоящее время мы приступаемъ къ новой анкетѣ, представляющей, на нашъ взглядъ, не меньшее значеніе, чѣмъ первая. Анкета эта имѣетъ въ виду помочь, въ возможныхъ предѣлахъ, выясненію отношеній къ украинскому національному вопросу представителей разныхъ группъ п о л ь с к а г о прогрессивнаго общества.

Не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ судьбы украинскаго и польскаго народовъ связаны тѣсными узами и въ своемъ дальнѣйшемъ ходѣ взаимно обусловлены. Немало трагическихъ моментовъ и кровавыхъ страницъ вписано въ минувшую лѣтопись этихъ отношеній, много жгучихъ вопросовъ выдвинула и выдвигаетъ въ этой области современность, немало, наконецъ, сложныхъ, но неизбѣжныхъ задачъ готовится поставить на очередь ближайшее будущее, особенно въ Галиціи и Правобережной Украинѣ. При такихъ условіяхъ редакція „Украинской Жизни“ съ величайшею признательностью приняла предло-

женіе нашего сотрудника, извѣстнаго польскаго публициста Леона Василевскаго (Плохоцкаго) о составленіи программы вопросовъ для упомянутой анкеты и ниже печатаетъ эту программу въ двухъ текстахъ: польскомъ и русскомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ редакція позволяетъ себѣ обратиться къ польскимъ политическимъ и общественнымъ дѣятелямъ, ученымъ, писателямъ и т. д., какъ бы ни относились они къ нашему національному дѣлу—дружественно или непріязненно, съ просьбою откликнуться на нашу анкету хотя бы въ тѣхъ предѣлахъ, въ коихъ откликнулись великороссы. Намъ думается, что опредѣленность и ясность позицій отвѣчаетъ взаимнымъ интересамъ, устраняя въ однихъ случаяхъ неосновательную подозрительность и недовѣріе, а въ другихъ — излишній самообманъ и безпочвенныя надежды.

Очень обяжутъ насъ тѣ польскія періодическія изданія, которыя перепечатаютъ нашу программу и укажутъ при этомъ адресъ редакціи „Украинской Жизни".

1. Знакомы ли Вы съ украинскимъ (русинскимъ, малорусскимъ) языкомъ, съ литературой и печатью на этомъ языкѣ? Знакомо ли Вамъ современное украинское національное движеніе? Изъ какихъ источниковъ почерпаете Вы свои свѣдѣнія объ этомъ движеніи?

2. Считаете ли Вы развитіе національнаго украинскаго движенія желательнымъ или нежелательнымъ и въ силу какихъ соображеній?

3. Какіе положительные или отрицательные моменты украинскаго національнаго движенія обращаютъ на себя спеціально Ваше вниманіе?

4. Каковы, по Вашему мнѣнію, шансы развитія украинскаго національнаго движенія въ Галиціи и въ Россіи и отъ чего они по-вашему зависятъ?

5. Считаете ли Вы желательнымъ сближеніе поляковъ съ

1. Czy zna Pan język ukraiński (ruski, rusiński, małoruski), literaturę i prasę w tym języku? Czy znany jest Panu współczesny narodowy ruch ukraiński? Z jakich źródeł czerpie Pan informacje o tym ruchu?

2. Czy uważa Pan roswoj narodowego ruchu ukraińskiego za pożądany, czy też nie—i z jakich powodów?

3. Co zwraca specyalnie uwagę Pana w ukraińskim ruchu narodowym—zarówno pod względem dodatnim, jak ujemnym?

4. Jakie, zdaniem Pańskiem, są szanse rozwoju narodowego ruchu ukraińskiego w Galicyi i w Rosyi i od czego Pan te szanse uzależnia?

5. Czy Pan uważa za pożądane zbliżenie się Polaków z Ukraińcami i na jakiej podstawie byłoby to zdaniem Pana możliwe?

украинцами и на какихъ основаніяхъ это было бы возможно?

6. Что, по вашему мнѣнію, содѣйствуетъ углубленію польско-украинскаго антагонизма въ Галиціи?

7. Что Вы считаете желательнымъ для устраненія этого спора?

8. Каково Ваше отношеніе къ москвофильской партіи и къ поддержкѣ ея нѣкоторыми польскими сферами въ Галиціи?

9. Считаете ли вы справедливымъ распространяющееся среди украинцевъ убѣжденіе, что поляки стремятся къ сближенію съ русскими для совмѣстной борьбы съ украинскимъ движеніемъ?

10. Чего, по Вашему мнѣнію, могутъ украинцы требовать отъ поляковъ, живущихъ на Украинѣ, и какія требованія могутъ ставить поляки, живущіе на Украинѣ, украинцамъ?

11. Какъ Вы представляете себѣ дальнѣйшее развитіе польско-украинскихъ отношеній въ интересахъ обѣихъ національностей?

12. Какъ Вы смотрите на вопросъ о такъ-называемыхъ „латынникахъ“ въ Галиціи и каково Ваше отношеніе къ пробуждающемуся національному движенію среди римско-католической интеллигенціи украинскаго происхожденія на Правобережной Украинѣ?

6. Co, zdaniem Pańskiem, przyczynie się do pogłębienia antagonizmu polsko-ukraińskiego w Galicyi?

7. Co uważa Pan za pożądane dla załagodzenia tego sporu?

8. Jaki jest stosunek Pański do partyi moskalofilskiej i do popierania jej przez pewne koła polskie w Galicyi?

9. Czy uważa Pan za słuszne szerzące się wśród Ukraińców przekonanie, że Polacy dążą do zbliżenia się z Rosjanami dla wspólnego swalczenia ruchu ukraińskiego?

10. Czego, zdaniem Pana, mogą Ukraińcy żądać od Polaków, mieszkających na Ukrainie, i jakie żądanie mają prawo stawiać Polacy, mieszkający na Ukrainie, Ukraińcom?

11. Jak Pan przedstawia sobie dalszy rozwój stosunków polsko-ukraińskich w interesach obydwóch tych narodowości.

12. Jak zapatruje się Pan na kwestyę t. zw. „łacinników“ w Galicyi i jaki jest stosunek Pana do budzącego się ruchu narodowego wśród inteligencjirzymsko-kato-o lickiej pochodzenia ukraińskieg na Ukrainie Prawobrzeżnej.

Благородный освѣдомитель.

С. Н. Щеголевъ. *Украинское движеніе, какъ современный этапъ южнорусскаго сепаратизма. Кіевъ, 1912.*

„Имѣя за этой (украинской) литературой, по характеру моей службы въ вѣдомствѣ по дѣламъ печати наблюденіе, я готовлю къ выпуску въ свѣтъ трудъ по характеристикѣ этого движенія"—это прошлогоднее обѣщаніе уже извѣстнаго читателямъ г. Щеголева не осталось пустой угрозой. „Трудъ", дѣйствительно, г. Щеголевымъ выпущенъ въ концѣ истекшаго года въ видѣ объемистой книги, заглавіе которой приведено выше. Свое грозное „иду на вы" г. Щеголевъ добросовѣстно выполнилъ.

О характерѣ названнаго „труда" можно было, конечно, судить уже по предварительнымъ выступленіямъ этого, съ позволенія сказать, врача, отъ медицины сохранившаго лишь страсть къ медицинскимъ терминамъ въ своихъ „литературныхъ" упражненіяхъ. Этимъ выступленіямъ я посвятилъ въ прошлогодней „Украинской Жизни" нѣсколько замѣчаній, охарактеризовавъ нынѣшнюю дѣятельность бывшаго врача, во что бы то ни стало стремящагося „переять славу" у пресловутаго Лыжина, который нынѣ самъ попалъ подъ врачебное наблюденіе „на предметъ" установленія нормальности его умственныхъ способностей. „Судя по началу,—писалъ я,—вполнѣ возможно допускать, что восходящая звѣзда въ непродолжительномъ времени затмитъ собою старыя свѣтила". Въ этомъ смыслѣ книга восходящей на націоналистическомъ небосклонѣ звѣзды дѣйствительно заслуживаетъ вниманія. Пріемы, которыми стяжалъ всероссійскую извѣстность Лыжинъ, здѣсь доведены до такой степени совершенства, за которой уже почти ничего не остается. Конечно, еще имѣются нѣкоторые дефекты,—такъ напр., къ длинному списку лицъ, уличенныхъ указующимъ перстомъ г. Щеголева во всевозможныхъ преступленіяхъ, можно бы еще съ удобствомъ присоединить и адреса, и отсутствіе послѣднихъ представляетъ несомнѣнный недостатокъ книги съ точки зрѣнія тѣхъ сферъ, для употребленія которымъ она предназначается. Но для автора,

въ виду новизны дѣла найдется и нѣкоторое извиненіе. Во-первыхъ, при современномъ развитіи въ „культурныхъ государствахъ“ сыскной техники отсутствіе адресовъ—зло вовсе ужъ не такъ большой руки... Во-вторыхъ, припоминается безсмертное изреченіе г-жи Простаковой на счетъ географіи. Этимъ изреченіемъ, замѣнивъ только извозчика адреснымъ столомъ, смѣло можетъ защитить себя и г. Щеголевъ въ томъ случаѣ, если соотвѣтственные органы сыска предъявятъ къ нему претензіи по поводу отсутствія въ его книгѣ точныхъ адресовъ. И разъ дано общее направленіе, то этимъ органамъ не такъ ужъ трудно будетъ своими средствами разыскать и изъять лицъ, подлежащихъ дѣйствію „профилактическихъ мѣръ“ и „дезинфекціонныхъ средствъ“, употребляя любимыя выраженія г. Щеголева, случайно еще завалявшіяся въ его головѣ отъ былой медицинской практики.

Но за всѣмъ этимъ, „трудъ“ г. Щеголева меня лично положительно разочаровалъ. Судя по предварительнымъ его выступленіямъ, по цвѣтикамъ его доносительной дѣятельности, я ожидалъ ягодокъ болѣе тонкой работы. Въ своей же книгѣ онъ буквально использовалъ наоборотъ извѣстный рецептъ: „тѣхъ же щей, да пожиже влей“ и приготовилъ щи такой необычной густоты, что они оказываются вовсе не съѣдобными: слишкомъ ужъ сгустилъ свою стряпню г. Щеголевъ. Конечно, для невзыскательнаго вкуса какого-нибудь провинціальнаго станового пристава и даже исправника и эта грубая пища можетъ пригодиться, и мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ею не брезгуютъ. Но вѣдь претензіи г. Щеголева простираются дальше и его гастрономическое честолюбіе не удовлетворяется вѣдь лаврами, пожинаемыми исключительно среди лицъ, занятыхъ обысками, выемками и прочими „профилактическими“ и „дезинфекціонными“ мѣрами. Нѣтъ, г. Щеголевъ забираетъ выше... Въ своемъ опроверженіи на мою статью о его книгѣ въ „Кіевской Мысли“ (этотъ „писатель“, кромѣ медицинскихъ терминовъ, большую также страсть имѣетъ къ опроверженіямъ), онъ вполнѣ откровенно высказалъ свои честолюбивыя мечтанія. „Не возражаю!—гордо пишетъ онъ,—это правда: я написалъ доносъ, а особа, для которой я его составлялъ,—читающая русская интеллигенція“ *). Г. Щеголевъ,

*) „Кіевская Мысль“ 1913 г., № 36.

какъ видно изъ этого горделиваго заявленія, полагаетъ, что его „трудъ“ сдѣлается настольной книгой для каждаго „читающаго“ интеллигента, въ родѣ популярной когда-то „Книги о книгахъ“. Имѣя въ виду вотъ эти, смѣло скажу, колоссальныя претензіи, нельзя не признать, что „трудъ“ г. Щеголева не удовлетворитъ самымъ скромнымъ требованіямъ, и если имъ кто и воспользуется, то, по преимуществу, это будетъ „нечитающая“ интеллигенція,—та самая, которая, подобно автору, тяготѣетъ не къ чтенію, а къ „профилактическимъ“ и инымъ мѣропріятіямъ. И въ качествѣ представителя именно „читающей интеллигенціи“, я долженъ повѣдать читателю о тѣхъ разочарованіяхъ, которыя испыталъ при чтеніи „труда“ г. Щеголвеа.

Погубило честолюбивыя мечтанія бывшаго врача не что иное, какъ его третья страсть. Когда-то у старика Крылова нѣкую почтенную особу спрашивали: „скажи, кума, что у тебя за страсть—куръ красть?“—и вотъ подобная же непреодолимая страсть, „влеченье—родъ недуга“, и у г. Щеголева имѣется. Конечно, я больше чѣмъ увѣренъ, что курами въ буквальномъ смыслѣ онъ не занимается, что ремесло „тайнаго похитителя индюковъ и куръ“ претитъ благородному освѣдомителю „нечитающей“ интеллигенціи. Но за то онъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти обращается съ чужой литературной собственностью, похищаетъ чужія мысли, крадетъ цитаты, и такъ какъ это не всегда преслѣдуется уголовными законами, то откровенно и сознается въ этомъ, сохраняя при семъ столь благородный видъ, какъ будто онъ еще одолженіе или даже благодѣяніе обокраденнымъ сдѣлалъ... Эта невинная страсть, приводящая, впрочемъ, къ весьма чувствительнымъ послѣдствіямъ, проистекаетъ, въ свою очередь, отъ желанія казаться человѣкомъ вполнѣ освѣдомленнымъ во всѣхъ тайнахъ бытія, энциклопедически образованнымъ. Думаю, поэтому, что ознакомленіе съ „трудомъ г. Щеголева слѣдуетъ начать съ его энциклопедичности.

Съ перваго взгляда, г. Щеголевъ, дѣйствительно, можетъ поразить своею всесторонней освѣдомленностью, съ ловкостью почти военнаго человѣка употребляя не только медицинскіе, но и филологическіе, философскіе и политическіе термины, касаясь всевозможныхъ вопросовъ, приводя массу матеріала изъ разнообразнѣйшихъ источниковъ и свыше всякой мѣры третируя при этомъ спеціалистовъ, занятыхъ

вплотную тѣми вопросами, на которые спорадически дѣлаетъ набѣги г. Щеголевъ. Однѣ ссылки на источники способны до умо-помраченія довести иного изъ „нечитающихъ“ читателей. И все-то онъ досконально знаетъ. О медицинѣ и сыскныхъ пріемахъ я уже не говорю. Но вотъ филологія—здѣсь г. Щеголевъ чувствуетъ себя какъ дома, и сколь жестоко достается онъ него, напр., какому-нибудь Потебнѣ или академику Коршу! Вотъ антропологія—о ней и говорить нечего: врачъ вѣдь, хотя бы изъ категоріи бывшихъ. Вотъ народовѣдѣніе, этнографія, исторія, современное положеніе всевозможныхъ народовъ на востокѣ и западѣ, сѣверѣ и югѣ—г. Щеголевъ и здѣсь держитъ себя съ видомъ полнаго хозяина. Вотъ украинская литература—и она вполнѣ въ рукахъ у г. Щеголева находится... Однимъ словомъ, все и вся, освѣдомленность прямо таки поразительная, съ ногъ сшибающая, при чемъ однѣхъ ссылокъ имѣется чуть ли не по доброй сотнѣ въ каждой главѣ, а ихъ въ книгѣ—восемнадцать, не считая приложеній! Не человѣкъ, а цѣлое, съ позволенія сказать, освѣдомительное бюро помѣщается въ особѣ г. Щеглова... Можете вообразить физіономію „нечитающаго читателя, когда ему преподнесутъ такую бездну всяческой премудрости!

Но читатель читающій, и притомъ внимательно, и притомъ нѣсколько знакомый съ главнымъ предметомъ „изслѣдованія“ г. Щеголева, и притомъ имѣющій возможность провѣрить его указанія—такой читатель уже съ первыхъ страницъ почувствуетъ нѣкоторую неловкость. Въ самомъ дѣлѣ, г. Щеголевъ на д е в я т и страницахъ разрѣшилъ всѣ филологическіе вопросы, а также антропологическіе, касающіеся „южнорусскаго племени“; призналъ это племя существующимъ (дѣло пока не въ названіи), разнесъ „печальной памяти“ Духинскаго за признаніе инородцами великороссовъ; укорилъ, по стопамъ того же Духинскаго, „южноруссовъ“ за неудачное „перевариванье степныхъ инородцевъ“, привившихъ имъ „ту, по меньшей мѣрѣ, нестойкость культуры, тотъ недостатокъ національнаго пепсина, которые могли дѣлать ассимиляцію склонной на компромиссы“; и закончилъ напечатанной фонетическимъ правописаніемъ схемой (по Флоринскому) отличій между великорусскимъ и украинскимъ языками, а также цитатой изъ написаннаго на „подгорскомъ діалектѣ революціоннаго гимна“, который при ближайшемъ разсмотрѣніи оказы-

вается почти на половину собственнымъ произведеніемъ г. Щеголева [1])... Какъ хотите, а на такомъ маломъ пространствѣ вмѣстить такую бездну учености и даже поэтическаго вдохновенія—слишкомъ подозрительно это. Но при дальнѣйшемъ чтеніи ларчикъ учености и прочихъ достоинствъ г. Щеголева очень даже просто открывается. Изъ провѣрки ссылокъ оказывается, во-первыхъ, наличность дутыхъ, а во-вторыхъ, подозрительное однообразіе и повторяемость остальныхъ. При внимательномъ чтеніи не трудно уже будетъ замѣтить, что вся ученость нашего автора, кромѣ такихъ мірового значенія ученыхъ, какъ Пантюховъ, г-жа де-Витте и др., и такихъ научныхъ органовъ, какъ „Кіевлянинъ“ и „Прикарпатская Русь“, опирается въ сущности на очень немногихъ источникахъ. Въ распоряженіи г. Щеголева находились: „Рада“ (преимущественно за 1911 г.), нѣсколько книжекъ журналовъ „Світло“, „Л.-Н. Вістник“ и „Украинская Жизнь“, одна-двѣ книги „Записокъ науковаго товариства“, конечно, „Энциклопедическій словарь“ и, можетъ быть, еще нѣсколько случайныхъ книгъ, которыя авторъ видѣлъ издали, но едва ли даже перелисталъ. Послѣднее, впрочемъ, не мѣшаетъ г. Щеголеву на нихъ ссылаться, при чемъ находимъ такія, напримѣръ, краснорѣчивыя ссылки: „Нольде. Очерки русск. государственнаго права. СПБ. 1911. См. также „Укр. Жизнь“. Москва. 1912. II. Стр. 63“, или: Современникъ, 1860. Мартъ. Цитирую по „Лит.-Наук. Вістн.“ 1911. Октябрь. 66“. Ссылки эти должны обозначать, что „Очерковъ“ Нольде г. Щеголевъ даже издали не видѣлъ, а Добролюбова изъ „Современника“ предпочитаетъ цитировать по украинскому переводу, переводя „обратно на русскій и безбожно обрабатывая при этомъ смыслъ цитируемаго. Но въ большинствѣ случаевъ похвальная откровенность г. Щеголева такъ далеко не простирается, и цитируя на самомъ дѣлѣ изъ указаныхъ выше случайныхъ источниковъ, г. Щеголевъ дѣлаетъ видъ, что онъ и съ подлинниками знакомъ, и только

---

[1]) Г. Щеголевъ „цитируетъ“(стр. 9) изъ Франка: „Не пора за *тирановъ пролить* свою кровь, и любити *того*, що нашъ людъ обдира. Подчеркнутыя слова г. Щеголевъ самъ сочинилъ. Вообще не везетъ ему съ этимъ „революціоннымъ гимномъ“. Въ прошлогоднемъ своемъ опроверженіи („Укр. Жизнь“, VI, 109) онъ долженъ былъ „охотно признать свою ошибку“ относительно злосчастнаго стихотворенія Франка, попавшаго въ Щеголевскую передѣлку, а теперь свою ошибку „исправляетъ“ новымъ сочинительствомъ.

прижатый къ стѣнкѣ, чистосердечно сознается, откуда на самомъ дѣлѣ „извлечено“ имъ то или иное свѣдѣніе. Въ этомъ отношеніи вышеупомянутый отвѣтъ мнѣ г. Щеголева въ „Кіевской Мысли“ содержитъ столь драгоцѣнныя указанія, что послѣ нихъ даже и „нечитающему“ читателю остается руками развести надъ удивительной страстью г-на освѣдомителя къ „извлеченіямъ“. Ужъ если въ такомъ невинномъ дѣлѣ, какъ ссылка на прочитанную или, лучше сказать, не прочитанную книгу, можетъ такъ много позволять себѣ человѣкъ, то что же онъ въ состояніи продѣлать съ содержаніемъ этой непрочитанной книги!..

Но такое заключеніе пока голословно. Можетъ быть, г. Щеголевъ усвоилъ, по крайней мѣрѣ,тѣ немногіе источники, которыми дѣйствительно пользовался, можетъ быть, ихъ онъ добросовѣстно передаетъ въ своемъ „трудѣ“? Обратимся къ фактамъ.

Вотъ, напр., кардинальный для автора вопросъ—объ украинскомъ языкѣ. Конечно, такого языка, по мнѣнію знаменитаго филолога г. Щеголева, не существуетъ; если лишь малорусское нарѣчіе, которымъ, какъ видно изъ того же отвѣта г. Щеголева въ „Кіевской Мысли“, не прочь иногда побаловаться и самъ знаменитый филологъ. Но, быть можетъ, вамъ угодно знать, въ какомъ отношеніи оно стоитъ къ великорусскому нарѣчію? Извольте, знаменитый филологъ представитъ вамъ сколько угодно отвѣтовъ: любой выбирайте. На стр. 5 книги г. Щеголева читаемъ: „Зарубежные южноруссы являются, по языку, одинаково близкими всему русскому народу, а не одной какой-либо его вѣтви“, на стр. 79: „съ нарѣчіемъ (малорусскаго народа) большинство діалектовъ Галицкой Руси весьма схожи“; на стр. 86 узнаемъ уже о „малорусскомъ нарѣчіи, довольно отличномъ отъ діалектовъ галицко-русскихъ“; на стр. 100—желая отдалить малороссовъ отъ великороссовъ, „львовскіе новаторы приналегли на червонорусское нарѣчіе“ и, наконецъ, на слѣдующей, 101 стр., г. Щеголевъ снова возвращается къ исходной своей точкѣ, свидѣтельствуя—„о поразительной близости червонорусскихъ мѣстныхъ нарѣчій къ общерусскому языку“. Къ довершенію эффекта, на стр. 241—246 г. Щеголевъ отчасти собственными силами, отчасти пользуясь помощью одного своего „пріятеля изъ „Кіевлянина“ тщится доказать, что украинскіе писатели пишутъ почти совсѣмъ по-русски, и такимъ образомъ опровергаетъ

свои же ламентаціи о непонятности „выдуманнаго украинскаго языка“. Если къ этому присоединить еще наивное хвастовство г. Щеголева о томъ, что ему „хорошо знакомъ волынско-подольскій народный діалектъ“ *), но что онъ затрудняется писать на немъ,—то получимъ полный и разнообразный букетъ мнѣній, изъ которыхъ каждое уничтожаетъ безъ остатка своего ближайшаго сосѣда, а всѣ вмѣстѣ краснорѣчиво обличаютъ тотъ кавардакъ, который происходитъ въ головѣ г. Щеголева. И это, повторяю, по кардинальному для г. Щеголева пункту, ибо вѣдь вся его книга построена на томъ, что „украинскій языкъ мало пригоденъ для созданія родной малороссамъ областной литературы“ (стр. 572)!..

Подобныхъ примѣровъ того, какъ переваривалъ г. Щеголевъ даже свои немногочисленные источники, можно бы приводить буквально до безконечности. На стр. 76 онъ пишетъ, что „называютъ себя галичане и буковинцы русинами“, а на стр. 231 уже оказывается, что „терминъ „русины“ или „рутены“ изобрѣтенъ поляками и нѣмцами“; на стр. 47 появленіе извѣстнаго письма Костомарова въ „Колоколѣ“ *1860* г. объясняется „вліяніемъ личныхъ счетовъ съ правительствомъ, возбранившимъ ему съ *1862* г. доступъ къ университетскимъ каѳедрамъ“; во многихъ мѣстахъ книги г. Щеголевъ характеризуетъ украинское движеніе, какъ радикально-прогрессивное и соціалистическое, и въ столь же многихъ, особенно подъ конецъ, когда автору уже трудно было удержать разгулявшуюся руку—объявляетъ его уже ультра-реакціоннымъ. Нѣкоторыя изъ этихъ противорѣчій

*) „Кіевская Мысль“, № 36. О степени этого знакомства дадутъ надлежащее понятіе нѣсколько иллюстрацій изъ книги г. Щеголева. Нашъ знатокъ думаетъ, напр., что „дѣепричастная форма несвойственна южно-русской рѣчи“ (стр. 287), смѣшавъ очевидно дѣепричастіе съ причастіемъ; что въ украинскомъ языкѣ существуютъ слова „мьод“ „льод“ (248), или же „тварь“ въ значеніи „грязь“ (вѣроятно, знатокъ и здѣсь смѣшалъ со словомъ „твань“,—стр. 237); отрицаетъ существованье словъ: „рурка“ (стр. 235) „іще“ (231), или множественное число словъ: „пороси“, „хазяі“ и „хазяіни“ і т. д. Столь же отмѣннымъ знатокомъ является г. Щеголевъ и въ своихъ замѣчаніяхъ орфографическаго характера; такъ онъ, очевидно, не предполагаетъ, что украинскія буквы: є, ї или ґ („вертикальный зубъ, какъ у носорога“—мило остритъ нашъ знатокъ) обязаны своимъ происхожденіемъ вовсе не „шалостямъ львовской фонетики“, а чему-то другому, находясь въ употребленіи уже много и много вѣковъ. Столь возмутившій напр. г. Щеголева „вертикальный зубъ“ появился въ употребленіи съ начала XVII в. а є или ї—и еще раньше; да и теперь г. Щеголевъ могъ бы увидѣть ихъ въ первой попавшейся церковнославянской книгѣ...

настолько забавны, что рѣшительно не знаешь, чему приписать ихъ. Такъ, на стр. 14, даже извинившись предъ читателями, г. Щегловъ желаетъ словами проф. Грушевскаго доказать „родство между южною и Московскою Русью“ и приводитъ цитату... о „воздѣйствіи“ украинской науки на культурную жизнь Москвы; на стр. 21 говорится о „національномъ ореолѣ, которымъ окружается имя Мазепы со стороны „украинскихъ сепаратистовъ“ и затѣмъ на двухъ страницахъ цитируются отзывы этихъ самыхъ „сепаратистовъ“, показывающіе, что никакого ореола въ дѣйствительности нѣтъ, а существуетъ лишь трезвое и вполнѣ критическое отношеніе къ Мазепѣ. Опять таки изъ множества примѣровъ беру, въ виду недостатка мѣста, лишь первые попавшіеся, оставляя открытымъ вопросъ, являются ли такія вопіющія противорѣчія слѣдствіемъ изумительной слабости логическаго аппарата, или же отзвукомъ безцеремоннаго издѣвательства надъ читателемъ.

Въ общемъ, трудно найти страницу въ книгѣ г. Щеголева, свободную отъ того или иного чисто фактическаго, не говоря уже о намѣренныхъ искаженіяхъ, промаха, ошибки, незнанія. „Освѣдомительное бюро“г. Щеголева въ сущности представляетъ изъ себя сплошное невѣжество, спекулирующее на предположеніи о слабомъ знакомствѣ читателя съ предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь. Но какое это вмѣстѣ съ тѣмъ самодовольное, самоувѣренное и въ то же время гордое и бранчивое невѣжество! Напримѣръ, на стр. 40 — 41 въ чрезвычайно развязномъ тонѣ г. Щеголевъ доказываетъ, что „всѣ литературные опыты Шевченка на русскомъ языкѣ написаны имъ до ссылки“, упрекая пишущаго эти строки въ „легкомысленномъ полемическомъ выпадѣ по этому вопросу“. Между тѣмъ, если даже признать правильными далеко не безукоризненныя соображенія г. Тиховскаго, на котораго въ данномъ случаѣ опирается г. Щеголевъ, то и то большую количественно часть русскихъ произведеній Шевченка придется отнести къ подневольному періоду жизни поэта („Художникъ“, „Музыкантъ“, „Прогулка“ и проч.). Между тѣмъ, извративъ слова источника, нашъ „изслѣдователь“ позволяетъ себѣ читать строгія нотаціи не по надлежащему адресу... Но это еще пустяки въ сравненіи съ тѣми бранными эпитетами, которые расточаетъ г. Щеголевъ по адресу противниковъ, даже давно умершихъ. Кирил-

ло-Меѳодіевское братство для него „эта компанія“, или просто „фруктъ“; Кулишъ — блудливъ и трусъ, онъ же еще и „польскій наймитъ“; Шевченко — „пасквилянтъ и грязный циникъ“, Сушкевичъ—„польскій блюдолизъ“, Франко — „не изъ лгуновъ“, Драгомановъ — „пасъ швейцарскихъ козъ и болгарскихъ телятъ“, Огоновскій — „Омелько“ (!), редакція „Кіевской Старины“ — „беззастѣнчивая редакціи“ и т. д., и т. д. Особенно пикантно то, что тотъ же г. Щеголевъ не прочь поскорбѣть о „неуваженіи къ признаннымъ научнымъ авторитетамъ“ (стр. 112) и, какъ видно изъ его позднѣйшаго отвѣта въ „Кіевской Мысли“, весьма щепетиленъ въ вопросахъ собственной амбиціи, обижаясь даже въ томъ случаѣ, если его пріемы назвать ихъ настоящимъ именемъ.

Но, конечно, не въ научномъ невѣжествѣ, а въ публицистической нечистоплотности заключается гвоздь разбираемаго „труда“. Эта сторона книги г. Щеголева вызвала уже должную оцѣнку какъ въ украинской, такъ и въ русской печати; мнѣ лично также пришлось уже коснуться ея въ другомъ мѣстѣ [1]). Типично доносительные пріемы г. Щеголева и вообще откровенно охранный характеръ его книги, облыжныя „указанія“ перстомъ на изданія, общественныя учрежденія и отдѣльныхъ лицъ, лживыя измышленія, перетолковываніи чужихъ словъ, извращеніе фактовъ, передержки, часто не только неумныя, но и совершенно безсмысленныя придирки къ несущественнымъ мелочамъ и возведеніе ихъ на степень тягчайшихъ преступленій—все это можетъ возбуждать лишь глубокое отвращеніе къ этому полицейскому руководству и энциклопедіи украиноѣдства. Я не буду здѣсь подробно останавливаться на указанной сейчасъ сторонѣ книги г. Щеголева, и къ уже приведеннымъ мною въ прежнихъ статьяхъ прибавлю лишь нѣсколько на удачу выбранныхъ примѣровъ. Такъ, характеристика „Украинской Жизни“ сдѣлана на основаніи нѣсколькихъ буквально таки придаточныхъ предложеній, выхваченныхъ безъ всякой связи съ цѣлымъ (стр. 190). Такъ, помѣщеніе этнографической карты на обложкѣ «Ukrainische Rundschau» объясняется желаніемъ возбудить среди нѣмцевъ „уваженіе къ будущей

---

1) „Кіевская Мысль“ №№ 19 и 37, „Рада“ № 16. См. также „Русскія Вѣдомости № 296 за 1912 г., и „Рѣчь“, № 14 (статьи г.г. Козловскаго и Яблоновскаго).

европейской государственной единицѣ“ (стр. 187). Такъ, совершенно отрицается г. Щеголевымъ стѣсненіе украинской беллетристики подъ давленіемъ акта 1876 г. (стр. 193). Такъ, приводятся лживыя и тенденціозно подобранныя указанія относительно дѣятельности „Просвіт“ [1]). Такъ, имѣющими „грозное (?!) значеніе“ объявлены сельскіе драматическіе кружки, съ подробнымъ перечисленіемъ мѣстностей, гдѣ они существуютъ (стр. 282). Такъ, обращено вниманіе на „таинственность“ (?!) украинскаго общества содѣйствія наукѣ, литературѣ и искусству (стр. 291). Такъ, первымъ періодическимъ изданіемъ на украинскомъ языкѣ объявленъ не существовавшій никогда „журналъ „Помыйница“, издававшійся (?!) въ Кіевѣ П. Житецкимъ въ 1860-хъ годахъ“, а выходившая въ 1907 г. газета „Наша Дума“ превращена въ „лейбъ-органъ украинской громады при первой Государственной Думѣ“ (стр. 157—158). Такъ, изъ двухъ легальныхъ изданій „Наше Дѣло“ и „Кіевскія Вѣсти“ сдѣланъ путемъ оригинальнаго сложенія и вычитанія „соціалъ-демократическій органъ „Наши вѣсти“ (стр. 275). Такъ, преподанъ „совѣтъ“ относительно „насильственнаго закрытія“ педагогическаго журнала „Світло“ (стр. 568) и т. д., и т. д. — буквально до безконечности. Доходитъ дѣло до того, что украинскому изданію вмѣняется въ вину даже скдика съ подписной платы несостоятельнымъ подписчикамъ или же самое невинное общеніе украинцевъ съ поляками, хотя самъ же г. Щеголевъ предлагаетъ льготы покупателямъ своей книги, а складъ ея устроилъ отнюдь не въ истинно-русскомъ книжномъ магазинѣ... Однимъ словомъ,

---

[1]) Эту лживость въ отношеніи Подольской „Просвіти“ разоблачилъ г. О—ко въ № 29 „Рады“. Вотъ общіе выводы г. О-ка: „Рапортъ о подольской „Просвітѣ“, какъ видимъ, не особенно большой, но... и въ 30 строкахъ рапортистъ ухитрился въ одномъ мѣстѣ исказить содержаніе цитируемаго, въ четырехъ случаяхъ сказать фактическую неправду и въ двухъ случаяхъ дать собственныя, злостныя и завѣдомо лживыя измышленія“. Интересную бытовую черточку сообщаетъ между прочимъ авторъ этого разоблаченія въ „Радѣ“. Недавній обыскъ въ подольской „Просвітѣ“ производился по указаніямъ, почерпнутымъ изъ книги г. Щеголева, при чемъ помощникъ полиціймейстера во время обыска имѣлъ въ рукахъ даже не всю книгу, а лишь вырѣзанныя изъ книги 274 и 275 стр.,—тѣ на которыхъ помѣщенъ лживый, какъ доказываетъ г. О—ко, доносъ на подольскую „Просвіту“. Очевидно, догадливые администраторы пользуются однимъ экземпляромъ доноса, лишь вырѣзая отдѣльныя страницы и разсылая по надлежащимъ мѣстамъ. Указатель въ концѣ книги дѣлаетъ ее особенно удобной для такого употребленія.

въ этой душной атмосферѣ лжи, клеветы и доноса мы имѣемъ столько краснорѣчивыхъ перловъ, что не обинуясь можемъ признать книгу г. Щеголева наиболѣе лживымъ и грязнымъ изо всего, что когда-либо появлялось на русскомъ языкѣ по украинскому вопросу. При всемъ этомъ авторъ даже не старается прикрыть свои нечистоплотныя манипуляціи и съ безграничной откровенностью, съ невѣроятнымъ цинизмомъ раскрываетъ свои карты, переходя къ практическимъ выводамъ, или же, по его медицинской терминологіи, къ профилактическимъ мѣрамъ и дезинфекціоннымъ средствамъ.

Эти послѣднія не отличаются, впрочемъ, ни оригинальностью, ни глубиною и не выходятъ за уровень пониманія тѣхъ читателей, для практическаго руководства которымъ предназначена, какъ мы видѣли, книга. Словами: карать, пресѣкать, не допускать, закрыть, не разрѣшать и т. п. пестрятъ страницы „труда“ г. Щеголева, посвященныя „профилактическимъ“ мѣрамъ, какъ будто классическими—„раззорю, не потерплю“. Авторъ такъ щедро и—скажу прямо—неразборчиво и нерасчетливо расточаетъ наказанія, что по ошибкѣ не пощадилъ даже... своей собственной персоны. На стр. 557 своей книги г. Щеголевъ настоятельно рекомендуетъ карать за „всякое стремленіе причислить это (малорусское) племя въ Россіи къ инородцамъ“. Когда же было разъяснено, что это является въ сущности камушкомъ въ огородъ Столыпина, то г. Щеголевъ спохватился и великодушно простилъ покойника, кивнувъ при этомъ на другого покойника, Духинскаго, и проф. Грушевскаго. Но кивая, г. Щеголевъ впопыхалъ забылъ, что и самъ онъ гораздо больше Духинскаго виноватъ въ инкриминируемомъ „стремленіи“. Защищая отъ Духинскаго великороссовъ, г. Щеголевъ между прочимъ съ обычной своей „освѣдомленностью“ пишетъ: „невольно напрашивается предположеніе, что переваріваніе степныхъ инородцевъ южно русскими не должно было пройти для послѣднихъ столь же гладко, какъ ассимироваціе великороссами финновъ на сѣверѣ. Уже переходъ русскихъ „бродниковъ“ и, вѣроятно, тиверцевъ на полукочевую жизнь обнаруживаетъ ту, по меньшей мѣрѣ, нестойкость культуры, тотъ недостатокъ національнаго пепсина (sic!), которые могли дѣлать ассимиляцію склонной на компромиссы. Могъ явиться про-

межуточный южно-русскій жаргонъ, который при позднѣйшихъ этнографическихъ сдвигахъ привелъ къ малорусскому нарѣчію, съ его удлиненными гласными, напоминающими протяжную рѣчь жителей Востока" (стр. 7). Выводъ изъ сказаннаго настолько ясный, что дѣйствительно напрашивается самъ собою, украинцы, по авторитетному мнѣнію г. Щеголева, несомнѣнные инородцы! А, значитъ... это значитъ только, что Щеголевъ можетъ даже себя высѣчь съ простой и непринужденностью по-истинѣ классическими,—даже на себя самого умѣетъ доносъ стряпать...

Тѣмъ съ большимъ усердіемъ и безпощадностью старается онъ сѣчь другихъ, не проводя даже ясныхъ градацій между „преступленіями", такъ какъ одинаковое отношеніе съ его стороны встрѣчаемъ и къ „проявленіямъ политическаго сепаратизма", и къ „употребленію сине-желтаго цвѣта", и къ фонетическому правописанію, которое, кстати, самъ г. Щеголевъ употребляетъ даже въ своей книгѣ, и къ дѣятельности „Просвіт", и къ украинскимъ чтеніямъ и т. д. Учителямъ на Украинѣ предлагается „подтвердить добровольно (!) и сознательно (въ письменной формѣ) свою солидарность со взглядами правительства на задачи южнорусской школы и на способъ педагогическаго выполненія этихъ задачъ" (стр. 563), а болѣе ревностнымъ обрусителямъ обѣщаются, кромѣ того, денежныя награды. Все это, конечно, не ново, уже было испробовано и нѣтъ въ арсеналѣ г. Щеголева не испытанныхъ и не доказавшихъ полной своей негодности средствъ. Испытано даже такое экстраординарное средство, какъ особый комитетъ для разсмотрѣнія произведеній украинской литературы, по мысли догадливаго автора долженствующій возникнуть „на Югѣ, гдѣ легче сдѣлать подборъ свѣдущихъ членовъ" (стр. 559), отъ нихъ же первый, конечно, есть г. Щеголевъ, хотя, впрочемъ, мы уже видѣли, въ какой мѣрѣ можно признать его свѣдущимъ. Даже предъ границами государствъ г. Щеголевъ не останавливается, и его пылкая мысль устремляется за предѣлы Россіи съ цѣлью „искорененія осинаго гнѣзда украинской партіи". Средства, которыя онъ для этого предлагаетъ, заслуживаютъ нѣкотораго вниманія. Онъ, который безъ злобной пѣны на устахъ не можетъ вспомнить о полякахъ, вездѣ и всюду подозрѣвая „польскую интригу", онъ въ этомъ случаѣ готовъ пойти на-мировую

съ традиціоннымъ врагомъ и даже первый протягиваетъ ему руку, видя въ немъ вожделѣннаго союзника въ дѣлѣ искорененія украинства. „Необходимо для этого,—пишетъ г. Щеголевъ въ заключительной главѣ своего „труда“,—установить прочное культурное размежеваніе съ поляками въ Россіи: дать привислинскимъ губерніямъ свободную національную школу, вознаградить за этнографическія урѣзки отъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній этнографической прирѣзкой трехъ западныхъ уѣздовъ Гродненской губерніи къ Привислинью и т. д. Во-вторую очередь, нужно выждать періода дипломатическаго сближенія съ Австріей, дать послѣдней прочныя гарантіи въ отсутствіи у насъ аггрессивныхъ плановъ и добиться, при дружескомъ содѣйствіи правящихъ польскихъ круговъ Галиціи, допущенія русскаго языка, въ качествѣ необязательнаго предмета во всѣ школы Восточной Галиціи“ (стр. 570). Вотъ какъ заговорилъ непримиримый г. Щеголевъ, когда пришлось искать союзниковъ противъ „общаго врага“! Думаю, впрочемъ, что протянутая рука г. Щеголева останется висѣть въ воздухѣ: польскіе его единомышленники, конечно, согласны продѣлать предлагаемые имъ эксперименты надъ украинскимъ народомъ, но только для себя лично, а не для гг. Щеголевыхъ будутъ они таскать каштаны изъ огня... Въ практическомъ смыслѣ планъ г. Щеголева использовать отрицательныя стороны польско-украинскихъ отношеній, разумѣется, ничего не стоитъ; но характеренъ уже самъ по себѣ этотъ актъ политическаго іезуитизма, и онъ можетъ служить достойнымъ завершеніемъ труда г. Щеголева и звучнымъ заключительнымъ аккордомъ всей его книги.

Такова эта смрадная куча, составленная при помощи грязныхъ пріемовъ изъ доноса, клеветы, фантастическихъ измышленій, фактическихъ извращеній и прямой лжи, часто настолько грубой и повидимому даже безцѣльной, что невольно возникаетъ вопросъ о какой-то маніи, которой, быть можетъ, одержимъ строитель грязной кучи, какъ уже выяснено это относительно Лыжина. Это или своего рода литературная клептоманія, не останавливающаяся ни предъ чѣмъ, или же безгранично-циническій расчетъ на то, что при настоящихъ условіяхъ „нечитающіе“ читатели и не будутъ доискиваться правды, а потому въ доносѣ все сойдетъ, все будетъ принято во вниманіе и за все пойдетъ

расплата чистоганомъ. Правда, г. Щеголевъ пытается встать въ опереточную позу и, признавая, содѣянное имъ—доносомъ, направить его по невѣрному адресу—по адресу, какъ мы уже знаемъ, просто читающей интеллигенціи. Отмѣченныя черты его книги избавляютъ насъ отъ необходимости считаться съ этой кощунственно-цинической позой. Единственное, что есть цѣннаго въ признаніи г. Щеголева—это фраза: „я написалъ доносъ". И единственное, что ему въ его положеніи можно было бы посовѣтовать, это—сдѣлать еще шагъ впередъ въ своей откровенности и заявить: „я написалъ л о ж н ы й доносъ". Правда, такого самоотверженія мы уже не въ правѣ отъ г. Щеголева требовать, ибо что же ему тогда со своей зловонной кучей дѣлать?..

С. Ефремовъ.

На Украинѣ и внѣ ея.

За мѣсяцъ.

Українське Наукове Товариство въ Кіевѣ. Въ январѣ состоялось общее годичное собраніе кіевскаго украинскаго Наукового Товарищества. Изъ доклада о дѣятельности за 1912 годъ (шестой годъ существованія общества) видно, что въ истекшемъ году членовъ о-ва было 98. Кромѣ текущихъ дѣлъ, совѣтомъ общества въ 1912 г. рѣшено было печатать отдѣльнымъ изданіемъ этнографическіе матеріалы, пріобрѣсти лиертатуру для работъ этнографической комиссіи, перевезти въ Кіевъ коллекцію съ раскопокъ проф. Ф. Волкова въ Мезени, предложить обмѣнъ изданіями университетамъ и духовнымъ академіямъ, принять мѣры къ собиранію народныхъ пѣсенъ и др. Научная дѣятельность общества выразилась въ устройствѣ публичныхъ засѣданій. Такихъ засѣданій было 9, на нихъ прочитано было 17 докладовъ (по исторической секціи 10, естественно-технической 2, статистико-экономической 1).

На произведенныхъ въ собраніи выборахъ товарищемъ предсѣдателя былъ избранъ И. М. Стешенко, членами совѣта—Н. Ф. Бѣляшевскій, А. В. Билинскій и А. Н. Корчакъ - Чепурковскій, кандидатами къ нимъ—Е. Г. Черняховскій и Д. И. Антоновичъ. Намѣчая планъ дѣятельности въ 1913 г., собраніе постановило продолжить дѣятельность общества изданіемъ этнографическихъ матеріаловъ и памятниковъ украинской старины.

Къ закрытію кіевскаго украинскаго клуба. Въ январѣ въ Кіевѣ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ А. Е. Пурикомъ начато слѣдствіе по дѣлу закрытаго кіевскаго украинскаго клуба. Произведенъ допросъ всѣхъ членовъ совѣта, старшинъ клуба и ряда свидѣтелей, въ томъ числѣ чиновъ полиціи, присутствовавшихъ при ревизіи читальни клуба, и др.

Судьба житомірской «Просвіт»-ы. «Рада» (№ 11) сообщаетъ подробности обстоятельствъ закрытія «Просіт»-ы въ Житомірѣ, не только не отличавшейся особой энергіей, но, наоборотъ, неоднократно вызывавшей нареканія въ прессѣ своею бездѣятельностью. Несмотря на то, что житомірская «Просвіта» была тише воды, ниже травы, противъ нея, съ перемѣнами въ мѣстной администраціи, съ начала 1912 г. начались репрессіи, и 28-го апрѣля она была закрыта. Главнымъ мотивомъ закрытія выставлена вредная дѣятельность, выразившаяся въ «развитіи украинофильства и соціалистическихъ идей». При энергичной помощи австрійскихъ «мазепинцевъ» и поляковъ украинофильство развивается и въ этомъ обществѣ, гдѣ объединились украинцы всѣхъ партій, до

соціалъ-демократовъ включительно,—доносила по начальству житомірская администрація. Далѣе ставятся такія обвиненія: «Придя къ выводу, что мѣстныхъ крестьянъ нельзя поднять проповѣдью соціалъ-демократическихъ идей и что легче овладѣть ими, рисуя имъ картины угнетеннаго, нѣкогда будто бы вольнаго, независимаго украинскаго народа, «Просвіта» на этой почвѣ старается дѣйствовать въ деревнѣ распространеніемъ въ ней спеціальной летучей библіотечки и внушеніемъ въ молодежи уваженія къ Мазепѣ и ненависти къ «москалямъ».—Послѣ такой рекомендаціи министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ мѣстной администраціи внимательнѣе слѣдить за этимъ обществомъ и при первомъ же случаѣ закрыть его. На основаніи этого распоряженія, начальникъ волынскіго жандармскаго управленія произвелъ свое разслѣдованіе и донесъ губернатору, что «украинское движеніе въ Житомірѣ процвѣтаетъ, свивъ гнѣздо своей пропаганды въ «Просвіт»-ѣ, и что «украинофилы» на Волыни имѣютъ тѣсныя связи съ австрійскими мазепинцами, которыхъ поддерживаетъ австрійское правительство «не только въ видахъ самообороны, но и въ активныхъ цѣляхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ жандармскія власти произвели обыски у 32 членовъ «Просвіт»-ы. Обыски не открыли ничего преступнаго, но тѣмъ не менѣе «Просвіта» по постановленію губернскаго объ обществахъ присутствія была закрыта. Совѣтъ общества принесъ жалобу на закрытіе въ сенатъ, указывая, что присутствіе, признавъ дѣятельность общества угрожающею общественному спокойствію и безопасности, не привело данныхъ, подтверждающихъ такіе выводы объ его дѣятельности. Вопреки ст. 37 правилъ 4-го марта 1906 г., присутствіе не увѣдомило совѣтъ общества о днѣ засѣданія по вопросу о закрытіи «Просіт»-ы, лишивъ этимъ представителей общества дать устныя поясненія по поводу выставленныхъ противъ нихъ обвиненій. Вопреки ст. 26 тѣхъ же правилъ, присутствіе не выдало копіи своего постановленія для обжалованія. Отмѣчая далѣе, что обыскъ въ помѣщеніи «Просвіт»-ы (въ февралѣ 1912 г.) не обнаружилъ среди книгъ и дѣлъ общества никакихъ недопущенныхъ изданій, жалоба указываетъ, что «Просвіта» ни отъ кого не скрывалась со своей дѣятельностью. Отчеты объ общихъ собраніяхъ и важнѣйшихъ событіяхъ въ жизни общества не разъ печатались на страницахъ житомірской и кіевской прессы. Въ дѣятельности своей общество всегда руководилось уставомъ, отъ котораго не отступало. За све время своего существованія, съ 6-го марта 1907 г., ни губернское присутствіе, ни мѣстная администрація не дѣлали ему никакихъ предостереженій (ст. 36 правилъ 4-го марта 1906 г.), такъ какъ не имѣли для этого никакихъ поводовъ. На эту жалобу присутствіе пояснило, что копіи своего постановленія о закрытіи «Просвіт»-ы не могло выдать, такъ какъ въ дѣлѣ имѣются данныя секретнаго характера, заявленіе жалобы о ненахожденіи ничего при обыскѣ противорѣчитъ донесеніямъ губернскаго жандармскаго управленія, что же касается вызова для объясненій при обсужденіи вопроса о закрытіи общества, то это на обязанности присутствія не лежитъ.

Въ январѣ жалоба на закрытіе житомірской «Просвіт»-ы была разсмотрѣна сенатомъ, который опредѣлилъ оставить постановленіе присутствія въ силѣ, обративъ его вниманіе на допущенныя неправильности.

Въ подольской «Просвіт»-ѣ. Въ Каменецъ-Подольскѣ полицеймейстеръ запретилъ «Просвіт»-ѣ устроить 8-го января спѣвку хора, хотя до сего спѣвки устраивались по два раза въ недѣлю безъ помѣхъ. Причины запрета неизвѣстны.

† К. Ф. Юнге. 20-го января скончалась К. Ф. Юнге, урожденная гр. Толстая, хорошо знавшая Шевченка и Костомарова. Отецъ покойной, гр. Толстой, много содѣйствовалъ освобожденію Шевченка изъ ссылки.

Поэма Я. Кухаренка. И. М. Стешенкомъ сдѣланъ докладъ въ Кіевскомъ Науковомъ Товариствѣ о рукописи поэмы «Харько, запорозький козак». На основаніи помѣтокъ, сдѣланныхъ украинскимъ историкомъ А. М. Лазаревскимъ, и нѣкоторыхъ другихъ соображеній, г. Стешенко призналъ поэму принадлежащею перу украинскаго писателя Я. Кухаренка, наказнаго атамана черноморскаго войска, друга Шевченка и Кулиша. Поэма написана подъ сильнымъ вліяніемъ «Энеиды» Котляревскаго; хотя она и полна анахронизмовъ, тѣмъ не менѣе ярко обрисовываетъ положеніе Украины въ XVII и XVIII вв.

Здоровье М. М. Коцюбинскаго. М. М. Коцюбинскій, являющійся однимъ изъ талантливѣйшихъ представителей современной украинской литературы, около 4 мѣсяцевъ лѣчился въ Кіевѣ, въ университетской клиникѣ проф. Образцова. Состояніе здоровья его однако мало улучшилось. Врчаи посылаютъ писателя на Югъ.

Новыя организаціи. Екатеринославское губ. по дѣламъ объ обществахъ присутствіе въ засѣданіи 21-го января разрѣшило екатеринославской «Просвіт»-ѣ открыть отдѣленія въ с. Діевкѣ и Гупаловкѣ.

— Въ Кіевѣ начало дѣйствовать товарищество на вѣрѣ «Наша Кооперація», имѣющее главной цѣлью изданіе на украинскомъ языкѣ органа, посвященнаго вопросамъ кооперації. Первый № «Нашей Кооперації» появился въ январѣ.

Отказъ украинской художественной выставкѣ. Попечитель кіевскаго учебнаго округа отказалъ въ просьбѣ кіевской городской управы о разрѣшеніи предоставить залъ школы имени Терещенка для выставки картинъ украинскихъ художниковъ, предполагавшейся съ 1-го февраля по 10-е марта. Организаторомъ выставки являлся П. И. Холоднай.

Одинъ изъ незамѣтныхъ дѣятелей. 30-го декабря въ Курскѣ умеръ на 27-мъ году жизни Антонъ Николаевичъ Глущенко, украинецъ, глубоко преданный идеѣ работы на родной почвѣ. Очень характерна судьба Глущенка. До 1905 г., онъ былъ сельскимъ учителемъ. Въ этомъ году онъ былъ сосланъ за участіе въ крестьянскомъ союзѣ въ Архангельскую губ., но бѣжалъ оттуда и по паспорту Семенова жилъ въ Петербургѣ, Кіевѣ, Курскѣ и др. городахъ. Арестованный въ Курскѣ въ 1910 г., онъ былъ сосланъ въ Печорскій край, гдѣ страшно бѣдствовалъ, но тѣмъ не менѣе

принималъ участіе въ жизни ссыльныхъ-украинцевъ. По возвращеніи изъ ссылки, онъ подъ собственной фамиліей служилъ въ Курскѣ, работая на украинской почвѣ. Покойный былъ образованнымъ человѣкомъ, хорошо зналъ русскую, польскую и нѣмецкую литературу и прекрасно былъ знакомъ съ литературой украинской. Послѣ него остался цѣнный дневникъ.

Профессіональная организація украинскихъ артистовъ. Въ украинской прессѣ поднятъ давно назрѣвшій вопросъ о профессіональной организаціи украинскихъ артистовъ. Толчкомъ къ появленію на сценѣ этого вопроса было самоубійство оставшагося безъ работы украинскаго актера Горового. Въ «Радѣ» напечатанъ рядъ статей, защищающихъ необходимость созданія въ ближайшемъ же времени союза украинскихъ артистовъ, для чего долженъ быть созванъ съѣздъ украинскихъ артистовъ и интересующихся дѣломъ представителей украинской интеллигенціи.

Необходимость въ такой организаціи уже использована частной иниціативой. Въ № 2-мъ «Сяйв»-а сообщается, что украинскій артистъ И. Е. Гончаровскій подалъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ заявленіе о разрѣшеніи основать въ Кіевѣ украинское театральное бюро, которое будетъ брать на себя хлопоты по найму театровъ, ангажементу артистовъ и т. д., а также давать на подержаніе пьесы, ноты, парики, костюмы и проч. Конечно, частное предпріятіе не можетъ вполнѣ замѣнить общественную организацію.

Слова и дѣла россійскихъ соціалъ-демократовъ. На эту тему въ ея отношеніи къ украинцамъ находимъ довольно яркую иллюстрацію въ статьѣ Т. Задніпрянца, помѣщенной въ № «Дніпрових Хвиль», органа екатеринославскихъ украинцевъ. «Екатеринославскіе украинцы, — сообщаетъ упомянутый авторъ, — во время избирательной кампаніи въ 4-ю Государственную Думу,—вошли въ блокъ съ прогрессистами и отдали свои голоса кандидату прогрессистовъ г. Александрову, который обѣщалъ поддерживать и украинскія культурно-національныя требованія, признавая за украинцами право на существованіе, какъ отдѣльной націи съ собственнымъ языкомъ, культурой и литературой.

Рабочіе Екатеринославской губерніи отдали свои голоса г. Петровскому, соціалъ-демократу, причемъ часть національно сознательныхъ рабочихъ-украинцевъ вручили г. Петровскому наказъ, въ которомъ также были формулированы культурно-національныя потребности украинцевъ. Г. Петровскій охотно принялъ наказъ, обѣщалъ прочесть его съ думской трибуны, а если представится возможность, то и опубликовать его въ печати. Затѣмъ просилъ доставлять ему всяческія свѣдѣнія, касающіяся украинскихъ дѣлъ, чтобы всегда имѣть въ рукахъ необходимый матеріалъ. Много хорошаго наговорилъ г. Петровскій украинскимъ рабочимъ, и послѣдніе, проводя его въ Гос. Думу, искренне распрощались съ нимъ, увѣренные въ томъ, что украинскій вопросъ будетъ оглашенъ съ думской трибуны, были увѣрены въ томъ, что объ украинскихъ назрѣвшихъ потребностяхъ будетъ освѣдомлено населеніе цѣлаго государства, что народный представи-

тель отъ рабочихъ, жившій среди украинскаго народа, хорошо знаетъ, какъ живетъ этотъ народъ и какъ ему необходима школа съ роднымъ языкомъ преподаванія, и тотъ же языкъ въ судѣ и церкви,—чтобы имѣть возможность развиваться подобно всѣмъ культурнымъ народамъ.

Но, очевидно, г. депутатъ обѣщалъ больше, чѣмъ могъ сдѣлать. Собралась Государственная Дума. Проходитъ время, а украинскій вопросъ не поднимается въ Гос. Думѣ. Ну,—думаютъ екатеринославскіе рабочіе-украинцы,—вѣроятно, еще не налажена думская работа, вѣроятно, г. Петровскій подготовляетъ почву, дабы потомъ поставить украинскій вопросъ во весь ростъ.

Наконецъ, на рождественскихъ святкахъ, пріѣхалъ въ Екатеринославъ и г. Петровскій.

Украинцы-рабочіе съ нетерпѣніемъ ожидали встрѣчи со своимъ избранникомъ. Насталъ этотъ часъ, но не на радость украинцамъ. Г. Петровскій въ отвѣтъ на запросъ о судьбѣ наказа отвѣтилъ, что соціалъ-демократическая фракція Гос. Думы потратила 18 часовъ на разсмотрѣніе этого наказа и пришла къ заключенію, что преждевременно поднимать въ Гос. Думѣ украинскій вопросъ, что во фракціи имѣются дѣла первостепенной важности, а украинскія нужды исполнятся сами собою, когда настанетъ подходящее время.

«Заботьтсь сами о своихъ дѣлахъ, — сказалъ на прощаніе г. Петровскій рабочимъ-украинцамъ,—а когда чего-либо добьетесь, тогда, быть можетъ, и соціалъ-демократическая фракція найдетъ возможность обратить вниманіе на ваши дѣла»...

Словомъ, изъ отвѣта депутата отъ рабочихъ не только рабочіе-украинцы Екатеринославщины, но и все украинское общество еще лишній разъ можетъ убѣдиться въ томъ, что надѣяться на кого бы то ни было, что вотъ, молъ, о насъ позаботяся, не слѣдуетъ, а нужно надѣяться только лишь на собственныя силы. Подтверждается на дѣлѣ, что всевозможные союзы съ «общероссами» не дадутъ результата до тѣхъ поръ, пока украинство не сдѣлается внушительной силой, съ которой придется считаться и русскимъ прогрессистамъ.

Въ о-вѣ любителей изученія Кубанской обл. 1-го февраля въ г. Екатеринодарѣ, какъ сообщаетъ мѣстная газета, состоялось общее собраніе членовъ о-ва.

Г. Мельниковъ прочиталъ докладъ на тему: «Я. Г. Кухаренко и Т. Г. Шевченко въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ». Докладъ представляетъ изъ себя обстоятельное историческое изслѣдованіе.

Генералъ Кухаренко родился въ 1798 году и является одной изъ выдающихся личностей среди черноморцевъ прошлаго времени. Его имя связано съ однимъ изъ историческихъ фактовъ—переселеніемъ черноморцевъ за Кубань. Докладчикъ по этому поводу разсказываетъ слѣдующее.

«Намѣстникъ на Кавказѣ князь А. И. Барятинскій рѣшилъ путемъ принудительнаго переселенія чуть ли не половины всего черноморскаго казачества заселить отвоеванныя у горцевъ обширныя пространства за Кубанью. Этимъ имѣлось въ виду

укрѣпить завоеванную территорію за нами и принудить горцевъ къ покорности. И рядовое казачество и дворянство черноморское единодушно возстали противъ этого мѣропріятія, являвшагося несправедливымъ и разорительнымъ. Простое казачество, среди котораго Кухаренко пользовался большой популярностью, обратилось къ нему за совѣтами. Генералъ заявилъ полную солидарность со своими земляками и въ этомъ смыслѣ далъ имъ нѣкоторые совѣты и указанія. Каково же было удивленіе и негодованіе широкихъ круговъ казачества—рядового и дворянства, когда оказалось, что старый атаманъ измѣнилъ свое первоначальное отношеніе къ этому дѣлу и не только всецѣло сталъ на сторону авторовъ проекта заселенія Закубанскаго края черноморцами, но даже принялъ назначеніе предсѣдателя комиссіи, составленной для приведенія въ исполненіе Высочайшей воли относительно заселенія Закубанья. Это назначеніе состоялось 3-го мая 1861 года, а за пять дней до этого, 28-го апрѣля 1861 г., онъ, состоявшій до сихъ поръ почти пять лѣтъ въ отставкѣ, назначается исполняющимъ должность начальника Нижне-Кубанской кордонной линіи. Сопоставляя эти два назначенія, недоброжелатели Кухаренко пришли къ заключенію, что расчитывая на большую популярность и авторитетность стараго генерала среди черноморцевъ, высшія власти задумали за предоставленіе ему должности начальника кордонной линіи получить его содѣйствіе въ задуманной имъ колонизаціи Закубанья черноморцами. Такъ ли это было или нѣтъ, но поведеніе Кухаренко во всемъ этомъ дѣлѣ дѣйствительно даетъ поводъ къ такимъ заключеніямъ. Болѣе того,—если признать за нимъ авторство одного доноса высшему начальству (графу Евдокимову) на небольшую группу прогрессивныхъ черноморскихъ офицеровъ, которыхъ онъ обвинялъ въ возбужденіи умовъ противъ принудительнаго переселенія черноморцевъ за Кубань, то поведеніе Кухаренко въ этомъ случаѣ кладетъ немалую тѣнь на его нравственный обликъ.

Среди рядового черноморскаго казачества роль Кухаренко въ вопросѣ о колонизаціи черноморцами Закубанья увѣковѣчена такою народною пѣснью:

«Зажурились Черноморці, що не рідна мати:
Эй, уселивсь вражий москаль—вигоняе з хати!
Ой, годі ж вам, Черноморці, худобу плодити,
Запрягайте воли в вози, йдіть за Кубань жити!
Йідут, йідут Черноморці, що аж лози гнуться,
Оглянуться в рідний край,—з очей слези льються.
Бодай тобі, Кухаренку, так легко здихати,
Як нам, бідним Черноморцям, свій край покідати,
Бодай тобі, Кухаренку, так легко служити,
Як нам, бідним Черноморцям, за Кубанью жити.

Въ сентябрѣ 1862 г. Кухаренко на пути въ Ставрополь былъ раненъ и взятъ горцами въ плѣнъ, а 26-го сентября умеръ отъ раны въ плѣну въ одномъ изъ ауловъ

Съ Т. Г. Шевченко, Кухаренко велъ дружескую переписку. Шевченко питалъ къ нему самыя добрыя чувства.

Бібліотека наукового товариства імени Шевченка

Библіографія.

Іван Нечуй-Левицький—*Криве дзеркало української мови. Стр. 96 in 8°. Київ, 1912.*

Не впервые г. Левицкій принимается за обличеніе украинскихъ писателей во всевозможныхъ грѣхахъ противъ родного слова. Но для того, чтобы эти обличенія были убѣдительными, чтобы они говорили что-нибудь уму и трогали сердце, автору нехватаетъ главнаго. Нехватаетъ прежде всего пониманія жизненныхъ условій, въ которыхъ приходится работать современнымъ дѣятелямъ пера, нехватаетъ любви къ тому, что защищаетъ г. Левицкій; зато слишкомъ много мелкой придирчивости, злобности и старческаго брюзжанія, которыя часто увлекаютъ автора за предѣлы справедливаго отношенія къ чужимъ грѣхамъ и недостаткамъ. Не помогаютъ здѣсь ни практическія знанія, ни большой опытъ г. Левицкаго въ украинскомъ писательскомъ дѣлѣ: безъ пониманія современности ве это пріобрѣтаетъ характеръ диллетантской самоувѣренности и мелочного словопренія изъ-за словъ и буквъ. Понять значитъ претить; вѣроятно, потому такъ и безпощаденъ авторъ къ своимъ товарищамъ по профессіи, что пониманіе условій ихъ дѣятельности давно отъ него отлетѣло и перестало связывать его живыми нитями съ родной литературой. Получилась поэтому желчная книга, полная несправедливыхъ упрековъ и обвиненія,—несправедливыхъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ безусловно правъ. Слишкомъ маленькая эта его правда и слишкомъ незначительной она выглядитъ по сравненію съ той большой неправдой, которой г. Левицкій незамѣтно для себя самого допустилъ полонить себя до такой степени, что утратилъ всякое чутье дѣйствительности.

Г. Левицкій увѣренъ, что все это для украинскаго языка идетъ изъ Галичины. Галичане, и въ частности проф. М. С. Грушевскій, проникліись вдругъ злостнымъ и совершенно необъяснимымъ намѣреніемъ испортить прекрасную украинскую рѣчь и привить ей галицкія формы и правописаніе. Для этого ни предъ какими кознями не останавливаются, коварныя интриги ихъ преслѣдуютъ г. Левицкаго на каждомъ шагу. Галичане овладѣли почти всѣми періодическими изданіями и книгоиздательствами на Украинѣ и безъ устали, не щадя средствъ и труда, ведутъ свою разрушительную, по мнѣнію г. Левицкаго, работу. Ему уже чудится въ ней прямое насиліе и даже «галицкая цензура» или нѣчто въ родѣ «великорусскаго обрусенія». Онъ вездѣ видитъ какую-то злостную тенденцію, какую-то скрытую политику, преслѣдующую одну цѣль—возможно болѣе приблизить украинскій языкъ къ галицкимъ

формамъ рѣчи. «Галицкіе органы въ Кіевѣ, — пишетъ г. Левицкій, — съ ихъ языкомъ и правописаніемъ принесли украинской литературѣ громадный вредъ, возможно, что непоправимый». Они испортили языкъ у нашихъ молодыхъ журналистовъ и отбиваютъ публику отъ украинскихъ изданій. «Украинская литература находится въ большой опасности,—провозглашаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, живописуя эту опасность слѣдующими краснорѣчивыми чертами:—Галицкая агитація не дремлетъ и вредитъ намъ сильнѣе прежней цензуры, такъ какъ копаетъ подъ нашей литературой такую яму, въ которой можно похоронить и погубить,—можетъ быть, надолго, — всю украинскую литературу; она вырываетъ самую почву изъ-подъ нашихъ ногъ, т.-е. народный языкъ».

Этой несложной и вполнѣ фантастической мысли г. Левицкій посвятилъ около сотни страницъ, иллюстрируя ее массой примѣровъ, не всегда, впрочемъ, удачныхъ. Но не въ нихъ, собственно говоря, дѣло. Дѣло въ томъ, что исходная точка г. Левицкаго совсѣмъ невѣрна, и подозрительность просто обманула автора, сыгравъ надъ нимъ довольно скверную шутку. Заговоръ противъ украинскаго языка, галицкая агитація и цензура, особенно политическая тенденція въ вопросахъ языка и правописанія, конечно, существуютъ лишь въ воображеніи автора. А если украинскій языкъ у современныхъ писателей, какъ совершенно правильно въ отдѣльныхъ случаяхъ указываетъ г. Левицкій, не блещетъ достоинствами, то отвѣтственность за это едва ли справедливо будетъ возлагать на галичанъ. Этому существуютъ особыя причины, въ которыхъ не только галичане неповинны, но даже тѣ авторы, обличенію которыхъ, такъ много полемическаго пыла, и совершенно напрасно, посвятилъ г. Левицкій. Языкъ, какъ и все на свѣтѣ, подчиненъ извѣстнымъ условіямъ развитія и, можетъ быть, особенно чутокъ къ той обстановкѣ, въ которой развивается, отражая на себѣ и ломку народной жизни, и индивидуальную психику, и общественныя отношенія. Что же удивительнаго въ томъ, что въ уродливыхъ условіяхъ нашей жизни онъ и развивается не вполнѣ желательнымъ образомъ? Особенно это нужно сказать объ языкѣ газетъ, которымъ наиболѣе достается отъ строгаго критика. Газеты всего міра и на всѣхъ языкахъ одинаково пишутся далеко не идеально, и очень часто какъ въ русской, такъ и въ польской, напр., прессѣ приходится встрѣчать болѣе или менѣе яростныя ламентаціи по поводу «засоренія языка газетчиками». Можетъ быть, это очень прискорбно, но едва ли есть какая-либо возможность помочь дѣлу жалобами, ламентаціями и яростными выпадами. Ибо больше газетчиковъ тутъ виноватой оказывается сама жизнь, которая не желаетъ ждать кабинетнаго разрѣшенія филологическихъ вопросовъ и споровъ, а предъявляетъ свои требованія, удовлетворять которыя надлежитъ немедленно. Не помогутъ дѣлу, конечно, и тѣ немногія практическія предложенія, которыя можно уловить среди безконечнаго потока водянистыхъ жалобъ г. Левицкаго. Исключеніе изъ языка словъ: «від», «ріжний», «окремий» и еще десятка другихъ, а также изгнаніе апострофа или і — это такой палліативъ, который будетъ въ состояніи удовлетворить развѣ заядлыхъ буквоѣдовъ и никого больше. И языку, конечно, онъ помочь не въ состояніи.

Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что писатели должны чрезвычайно бережно, заботливо и любовно относиться къ языку, должны изучать его и стараться по возможности держаться ближе къ народнымъ формамъ рѣчи, мы тѣмъ не менѣе не можемъ итти по стопамъ г. Левицкаго и бороться съ недостатками языка путемъ заклинаній, неостроумныхъ насмѣшекъ, фантастическихъ измышленій и озлобленнаго брюзжанія. Въ той стадіи развитія языка, на которой теперь мы находимся, въ немъ есть, конечно, и не можетъ не быть, весьма много ненормальнаго. Ту же стадію усиленнаго роста, когда потребности обгоняютъ средства къ ихъ удовлетворенію, пережили въ свое время всѣ культурные языки, всѣ переболѣли одной общей болѣзнью дѣтскаго, такъ сказать, періода въ развитіи. Долженъ переболѣть этой болѣзнью и украинскій языкъ, не составляя исключенія изъ общаго правила. Но въ живомъ потокѣ вѣчно движущейся жизни ненормальности отпадутъ сами собой, и ужъ во всякомъ случаѣ онѣ не даютъ основанія къ тѣмъ мрачнымъ ожиданіямъ и предсказаніямъ, которыми полна книга г. Левицкаго. Еще меньше онѣ могутъ оправдать тонъ ея, весьма далекій отъ самой элементарной справедливости и безпристрастія.

С. Е—мовъ.

„Ілюстрована Україна". 1913 г. № 1—4.

Среди новыхъ журналовъ, начавшихъ выходить на украинскомъ языкѣ съ новаго года, обращаетъ на себя вниманіе издающаяся во Львовѣ «Ілюстрована Україна». Такого журнала у насъ до сихъ поръ не было. Между тѣмъ потребность въ періодическомъ изданіи, отводящемъ на своихъ страницахъ достаточно мѣста иллюстраціямъ изъ минувшей и современной жизни украинскаго народа и озабоченномъ умѣлымъ подборомъ этихъ иллюстрацій, ощущалась давно. Правда, нѣкоторые украинскіе журналы, — напримѣръ, «Рідний Край», «Дніпрові Хвилі»,—по мѣрѣ возможности шли и теперь идутъ навстрѣчу этой потребности. Но, преслѣдуя нѣсколько иныя задачи, упомянутыя изданія не могли ее удовлетворить полностью. Расширеніе культурныхъ запросовъ украинскаго общества и учащеніе темпа его національно-культурной жизни, предполагающее развитіе въ немъ художественныхъ и артистическихъ интересовъ, властно требовали созданія спеціальнаго журнала, посвященнаго обслуживанію послѣднихъ и дальнѣйшаго ихъ—вширь и вглубь—развитія.

Нельзя, поэтому, не привѣтствовать появленія органа, осуществившаго, наконецъ, эту потребность.

Первые четыре номера «Ілюстрованної України» даютъ основаніе думать, что дѣло новаго изданія находится въ умѣлыхъ рукахъ и что редакціонный комитетъ журнала, руководимый молодымъ украинскимъ историкомъ г. И. Крипякевичемъ, будетъ съ успѣхомъ выполнять взятую на себя задачу. Наиболѣе цѣннымъ въ новомъ журналѣ являются фотографическіе снимки, многочисленныя иллюстраціи и художественныя репродукціи. Со-

держаніе ихъ—памятники старинной украинской культуры, художественные образцы освременнаго украинскаго зодчества, портреты украинскихъ современныхъ общественно-политическихъ литературныхъ и артистическихъ дѣятелей, снимки украинскихъ видовъ, образцы украинскаго художественнаго стиля, орнамента, снимки важнѣйшихъ событій европейской жизни, народнаго быта и т. п. Редакція стремится возможно полнѣе иллюстрировать украинскую культурно-общественную жизнь и очень своевременно дѣлаетъ, обращаясь въ послѣднемъ, 4-мъ номерѣ журнала съ призывомъ къ читателямъ и друзьямъ своимъ помочь ей въ этомъ дѣлѣ путемъ присылки фотографій, коллекцій съ объяснительнымъ текстомъ къ нимъ и т. п. Нельзя не пожелать, чтобы призывъ этотъ достигъ своего назначенія, ибо только такимъ путемъ и возможно достичь намѣченной редакціей цѣли, не говоря уже о созданіи и укрѣпленіи той связи, которая утверждается при этомъ между журналомъ и читателемъ.

Изъ снимковъ и художественныхъ репродукцій, помѣщенныхъ въ первыхъ четырехъ номерахъ «Ілюстрованої України», обращаетъ на себя вниманіе развалины Батуринскаго замка послѣдняго гетмана Украины гр. Разумовскаго, группы съ проекта памятника Шевченку въ Кіевѣ, принадлежащія талантливому молодому скульптору М. Гаврилко, эмигрировавшему за границу, интересные и стильные образцы украинскихъ «вышивокъ», снимки церквей въ украинскомъ стилѣ, рѣдкая фотографическая группа членовъ старой украинской Громады съ изображеніемъ на ней Антоновича, Рыльскаго, Познанскаго и др., отдѣльно портретъ Познанскаго, тождественный съ воспроизведеннымъ въ 1-й кн. нашего журнала, и нѣк. др. Помѣщены репродукціи нѣсколькихъ картинъ Беклина, кстати сказать, слишкомъ всѣмъ извѣстныя и нѣсколько пріѣвшіяся. Редакціи необходимо въ этомъ отношеніи слѣдить за современностью и давать иллюстраціи образцовъ новѣйшаго искусства и скульптуры, выбирая изъ нихъ наиболѣе яркое, талантливое, художественно воспитывающее и будящее къ жизни и бодрости, что такъ необходимо пробуждающемуся къ творческой жизни украинскому народу.

Вполнѣ умѣстнымъ является помѣщеніе портретовъ украинскихъ и европейскихъ дѣятелей, причемъ не менѣе умѣстнымъ будетъ высказать пожеланіе о томъ, чтобы подборъ этихъ портретовъ не носилъ въ себѣ характера исключительности и падалъ на тѣхъ лицъ, чья дѣятельность дѣйствительно близка по своимъ цѣлямъ и мотивамъ народнымъ украинскимъ массамъ и достойна памяти.

Въ отношеніи содержанія помѣщеннаго въ журналѣ матеріала слѣдуетъ сказать, что оно въ общемъ составлено интересно и разнообразно. Правда, цѣнность его не одинакова, но отдѣльныя шероховатости и недостатки статей покрываются живостью и разнообразіемъ ихъ. Не вездѣ редакція пользуется своимъ правомъ и даже обязанностью блюсти чистоту языка, его доступность для пониманія. Намъ, напримѣръ, кажется, что форма, въ которую облекаетъ сотрудникъ журнала г. М. Евшанъ свои

мысли по вопросамъ литературной критики, нѣсколько грузна, тяжеловата, полна неукраинскихъ словъ и оборотовъ и при желаніи редакціи могла бы быть исправлена. Редакція вообще заявила себя чуткой къ назрѣвающимъ потребностямъ нашей національной жизни; одною изъ такихъ, о которой такъ много теперь говорится въ украинской прессѣ и журналистикѣ и сводящейся къ чистотѣ украинскаго языка, пренебрегать не слѣдуетъ.

Совсѣмъ слабо представлена въ журналѣ хроника украинской жизни, въ особенности хроника культурной просвѣтительной жизни. Сжатыя свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ этой жизни, о дѣятельности научныхъ украинскихъ учрежденій, культурно-просвѣтительныхъ организацій и т. д., о выдающихся явленіяхъ литературы и искусства были бы не только умѣстны, но и вполнѣ необходимы на страницахъ «Ілюстрованої України», а потому нельзя не пожелать, чтобы редакція журнала завела спеціальный отдѣлъ, посвященный систематической регистраціи этихъ явленій за каждыя двѣ недѣли. Къ этому необходимо присоединить пожеланіе о расширеніи библіографическаго отдѣла, постановка котораго въ первыхъ четырехъ номерахъ журнала заставляетъ желать лучшаго.

Ограничиваясь пока высказанными пожеланіями, исходящими изъ сочувственнаго отношенія къ новому изданію, мы рекомендуемъ «Ілюстровану Україну», какъ изданіе безусловно цѣнное и необходимое каждому культурному украинцу.

С. Петлюра.

„Наша Кооперація“.—*Українськый двохтижневий кооперативний журнал. 1913 р. № 1. Коштом і заходом т-ва на вірі „Наша кооперація“ Київ, Ціна на рік 2 р. 50 к.*

Журналъ «Наша Кооперація» является первымъ кооперативнымъ изданіемъ на украинскомъ языкѣ. Потребность въ изданіи такого характера чувствовалась уже давно. Широко развившееся кооперативное движеніе на Украинѣ настойчиво требовало органа, который бы, будучи доступенъ массамъ по языку, вмѣстѣ съ тѣмъ выражалъ областные интересы движенія и формулировалъ его задачи. До сихъ поръ движеніе обслуживалось органами общей украинской прессы, гдѣ кооперації удѣлялось значительно больше вниманія, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ общихъ изданіяхъ русской прессы. Но широко развившагося движенія эти суррогаты не могли удовлетворить. Среди украинскихъ кооператоровъ все настойчивѣе пробиваетъ дорогу идея о необходимости украинскаго кооперативнаго журнала. Рядъ кооперативныхъ съѣздовъ на Украинѣ выноситъ резолюціи по этому поводу тождественнаго характера. Въ настоящее время движеніе въ пользу созданія журнала дало свои результаты.

Новый журналъ не является единоличнымъ предпріятіемъ; онъ издается товариществомъ объединившихся украинскихъ кооператоровъ «Наша Кооперація». Разумѣется, это увеличиваетъ зна-

ченіе и важность новаго журнала, какъ предпріятія, являющагося органомъ опредѣленной группы.

Стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній то обстоятельство, что появленіе украинскаго кооперативнаго журнала ускорили въ значительной степени тѣ централистическія и объединительныя тенденціи, которыя въ русской кооперації даютъ знать себя въ послѣднее время довольно интенсивно. Политика центральной кооперативной организаціи Россіи — Московскаго союза потребительныхъ обществъ,—ярко проявившагося въ его отношеніяхъ къ кіевскому союзу, сыграла здѣсь не послѣднюю роль. Подъ вліяніемъ яркой оппозиціи центра по отношенію къ областнымъ и федеративнымъ стремленіямъ украинскихъ кооператоровъ все опредѣленнѣе и интенсивнѣе чувствовалась потребность въ томъ изданіи, которое теперь начало выходить.

Въ редакціонной статьѣ новый журналъ формулируетъ свои задачи слѣдующимъ образомъ: «Мы помнимъ, что кооперація основывается на самодѣятельности и самопомощи народныхъ, трудовыхъ массъ. Поэтому мы будемъ противъ ограниченія этой самодѣятельности, какими бы мотивами это ограниченіе ни прикрывалось—хотя бы и идеей «объединенія кооперативныхъ силъ». Только тогда, когда кооперативное движеніе будетъ сильно не только въ центрѣ, но и на окраинахъ Россіи, сможетъ оно достигнуть наиболѣе значительнаго развитія».

Сообразно съ такой формулировкой задачъ журнала составленъ первый номеръ. Редакція считаетъ необходимымъ подчеркивать и выяснять тѣ вопросы, которые возникаютъ въ областномъ движеніи, не забывая, разумѣется, объ общихъ вопросахъ и задачахъ кооперативной жизни. Областнымъ вопросамъ посвящены статьи «Объ областныхъ банкахъ» и «По поводу перваго года дѣятельности московскаго народнаго банка». Въ нихъ развивается и обосновывается та точка зрѣнія, которая не разъ высказывалась и поддерживалась украинскими кооператорами, подчеркивается значеніе и необходимость областныхъ кооперативныхъ организацій. Общіе вопросы кооперативной жизни трактуются въ статьяхъ: «О районныхъ закупочныхъ союзахъ потребительныхъ обществъ», «Какъ мы построили кооперативную мельницу», «По какимъ цѣнамъ нужно продавать товаръ изъ лавокъ потребительныхъ обществъ», «Маслодѣльныя артели» и др. Какъ статьи, такъ и хроника въ первомъ номерѣ оставлены живо и интересно; статьи и замѣтки въ немъ, написанныя легкимъ и популярнымъ языкомъ, несомнѣнно, найдутъ среди украинскихъ кооперативныхъ массъ своихъ читателей, и журналъ среди нихъ встрѣтитъ необходимую поддержку.

В. Садовскій.

„**Новая Жизнь**“, *общественный и литературный журналъ. Львовъ. Январь 1913.*

«Новая Жизнь»—органъ москвофильскаго соціализма или соціалистическаго москвофильства (и такое бываетъ!). Какъ и прочія произведенія русской культуры въ «подъяремной Руси»—нѣчто

крайне убогое и жалкое, но тѣмъ не менѣе, чрезвычайно претенціозное. Какъ узнаемъ изъ передовой статьи, очень напоминающей гимназическія «упражненія»,—цѣль журнала служить дѣлу соціализма...

А такъ какъ «соціализмъ ставитъ себѣ цѣлью организовать человѣчество, а не разбивать его», то «слѣдовательно, намъ приходится (такъ сказать, volens-nolens!), быть врагами украинскаго «партикуляризма». Другою цѣлью піонеровъ «подъяремнаго» соціализма — «во имя успѣшнаго рѣшенія классовыхъ требованій нашего крестьянства, пріобщить его къ общечеловѣческой культурѣ посредствомъ созданной тысячелѣтними общими усиліями велико- и малороссовъ общерусской культуры». Притянувъ такимъ образомъ, «классовые интересы» въ оправданіе своего раболѣпства передъ «панскою» культурою, нашимъ «подъяремнымъ» соціалистамъ уже совершенно не трудно доказать, что обрусѣніе украинскаго народа лежитъ не только въ интересахъ соціализма, но и въ его же собственныхъ. Кромѣ этихъ «теоретическихъ» разсужденій находимъ въ журналѣ статью Герцена, двѣ замѣтки о москвофильскомъ обществѣ въ Галиціи и безъ всякаго смысла и толка собранную библіографію, гдѣ между прочимъ, помѣщены отзывы о появившихся шесть и больше лѣтъ тому назадъ брошюрахъ В. Чернова, Исаева и др. Если къ этому прибавить пару стихотвореній и одинъ «разсказъ», то этимъ будетъ исчерпанъ весь матеріалъ, преподносимый тощимъ (въ 23 стр.!) журнальчикомъ «для выработки здороваго, цѣльнаго и прочнаго міровоззрѣнія».

Какъ ни старались «подъяремные соціалисты спрятаться за «классовые интересы», ихъ симпатіи къ державной Руси, таки вылѣзли изъ мѣшка и, навѣрное, въ слѣдующихъ нумерахъ вылѣзутъ еще болѣе. Какое-то проклятіе виситъ надъ галицкими москвофилами: какъ только начинаютъ «пріобщаться» къ русской культурѣ, непремѣнно перенимаются если не націоналистической въ смыслѣ Меньшикова, то національной въ смыслѣ «Русск. Молвы» и Амфитеатрова идеологіей. Нечего и прибавлять, что для вопросовъ, волнующихъ широкія массы украинскаго народа въ Галиціи, (напр., сеймовая реформа) въ журналѣ не осталось мѣста.

О томъ, какое нравственное опустошеніе вызываетъ въ психикѣ каждаго галицкаго «русскаго» (хотя бы и «соціалиста») сидѣніе между двумя стульями, даетъ прекрасное понятіе довольно недурное стихотвореніе, помѣщенное въ «Н. Ж.». Вотъ отрывки изъ этого, написаннаго очень искренно, (потому что на родномъ языкѣ автора,—т.-е. по-украински), стихотворенія:

Я, Божа кара, все блудив,
Б и в ш л я х ч у ж и й, ч у ж і п о р о г і...
Втомивсь і зляг я серед нив:
Не стануть вже старечі ноги.
Як безхатній, я жебрак
Конаю тут! О дешій шлях?!
Костур мій де?—О лягно так!

Интуиція автора, какъ видимъ, протестуетъ и отказывается итти на тотъ «чужий шлях», на который хочетъ заманить читателей передовая статья журнала. Въ этой психической раздвоенности москвофильства и—что за этимъ слѣдуетъ—практической импотенціи и лежитъ его проклятіе...

Дм. Донцовъ.

Литературная лѣтопись.

— Ukrainica въ кіевскомъ художественномъ журналѣ „Искусство“ въ 1913 г. Редакція этого журнала, зарекомендовавшаго себя съ самой лучшей стороны въ дѣлѣ служенія художественнымъ цѣлямъ, въ новомъ году обѣщаетъ дать цѣлый рядъ статей и художественныхъ репродукцій на украинскія темы. Между прочимъ обѣщаны такія статьи: 1) г. Бурданова—Украинское стекло, 2) проф. С. Т. Голубева—Исторія Кіевскаго Книгопечатанія, 3) Е. М. Кузьмина—объ украинскомъ стилѣ, 4) О. М. Левицкаго—Г. К. Левицкій—кіевскій граверъ, 5) С. И. Маслова—издательская дѣятельность Павла Берынды, 6) В. Г. Мировича.—Кіевская Кириловская церковь и работы въ ней Врубеля, 7) К. В. Широцкаго. Художественное убранство украинскаго дома въ прошломъ и настоящемъ, 8) С. П. Яремича. Украинскіе портреты въ Кіевскомъ городскомъ музеѣ. Въ одномъ изъ ближайшихъ №№ напечатана будетъ также статья Г. Хоткевича „О портретахъ Богдана Хмельницкаго“. Кромѣ того въ журналѣ будутъ помѣщаемы репродукціи художественныхъ коллекцій такихъ городовъ, какъ: Кіевъ, Черниговъ, Полтава, Екатеринославъ, Каменецкъ-Подольскъ.—Рекомендуемъ кіевскій журналъ вниманію любителей украинской старины и художества.

— *Юбилейный выпускъ „Лѣтописи Екатеринославской Ученой Архивной Коммиссіи“*, по сообщенію „Днѣпровихъ Хвиль“ будетъ изданъ по поводу 10-лѣтія со дня открытія дѣятельности названной комиссіи. Въ этотъ выпускъ войдутъ между прочимъ слѣдующіе труды: И. Дворницкаго о Германѣ Сагайдачиномъ, Н. Быкова—Исторія прессы въ Екатеринославщинѣ, Д. Дорошенка—архивы въ Екатеринославщинѣ; кромѣ того изслѣдованія Я. Новицкаго, В. Бѣднова, В. Мащукова—посвященныя мѣстному краю.

— Въ № 3 общественно-педагогической газеты *„Школа и Жизнь“* (отъ 21 января с/г.), въ статьѣ „что читаютъ дѣти у славянскихъ народовъ“ сдѣланъ краткій обзоръ и украинской литературы для дѣтей, къ сожалѣнію слишкомъ краткій.

— Въ „Рѣчи“ (№ 27 отъ 28 янв.) *Мих. Могилянскій* въ статьѣ „Узоры лжи“, отмѣчая „спросъ на ложь“ по украинскому вопросу, приводитъ нѣсколько фактовъ, иллюстрирующихъ, беззастѣнчивое и лживое освѣщеніе событій украинской жизни со стороны русскихъ націоналистическихъ круговъ.—Тотъ же авторъ въ № 34 „Рѣчи“ помѣстилъ рецензію на *„Иллюстрированную исторію Украины“* (въ русскомъ переводѣ) *проф. М. Грушевскаго*, въ которой, указывая на высокія научныя достоинства труда украинскаго ученаго, говоритъ, что „русскій читатель, благодаря книгѣ г. Грушевскаго, получаетъ возможность не только познакомиться съ научнымъ изложеніемъ исторіи украинскаго народа въ ея цѣломъ, но и сознательнѣе отнестись къ украинскому вопросу, убѣдившись, что современное украинство не произвольное измышленіе какой-то кучки фантазеровъ, но органическій результатъ историческаго процесса.

— „Кіевская Мысль“ (19 янв. 1913 г.) посвящаетъ обстоятельный фельетонъ С. Ефремова разбору книги С. Щеголева „Украинское движеніе, какъ современный этапъ южно-русскаго сепаратизма“. Въ той же газетѣ № помѣщенъ краткій отзывъ о 1 кн. нашего журнала.

— Въ январской книжкѣ „Русской Мысли“ за этотъ годъ проф. С. Котляревскій помѣстилъ статью, посвященную нашему журналу подъ названіемъ „Органъ русскаго украинства“. Привѣтствуя изданіе на русскомъ языкѣ украинскаго журнала и указывая успѣшность работы редакціи по ознакомленію русскаго читателя съ экономической и культурной жизнью „Малороссіи“, авторъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ статей, помѣщенныхъ на страницахъ нашего журнала за минувшій годъ (кн. 1—11), которыя, по его мнѣ-

нію, способствовали познаванію читателемъ русскимъ жизни украинскаго народа. Говоря о политическихъ статьяхъ журнала проф. Котляревскій высказываетъ мысль, что цѣль, преслѣдуемая такими статьями, „гораздо лучше достигается раскрытіемъ культурныхъ потребностей края и положительныхъ органическихъ задачъ, которыя стоятъ передъ малорусскимъ обществомъ. Останавливаясь далѣе надъ реальнымъ содержаніемъ украинскаго вопроса и его требованіями, авторъ съ своей стороны готовъ пойти навстрѣчу украинцамъ въ отношеніи требованій ими народной школы на родномъ языкѣ. Вопросъ о средней школѣ съ украинскимъ языкомъ преподаванія разрѣшается авторомъ отрицательно, равно какъ и вопросъ объ употребленія украинскаго языка въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Аргументація автора, приводимая имъ въ доказательство своихъ выводовъ, насъ не убѣждаетъ. Не успокаиваетъ насъ и увѣреніе автора въ томъ „что русское общественное мнѣніе никогда не войдетъ въ русло воинствующаго національнзма, никогда не будетъ, стремиться къ подавленію культурной самобытности отдѣльныхъ народностей Россіи, къ ограниченію для нихъ благъ политической и гражданской свободы". Ибо, какъ ни скромны границы тѣхъ правъ, которыя готовъ признать за украинцами С. Котляревскій, даже и въ этихъ предѣлахъ онѣ оспариваются редакторомъ г. Струве, въ помѣщенной послѣ статьи С. Котляревскаго замѣткѣ „Нѣсколько словъ по украинскому вопросу". Здѣсь г. Струве снова ставитъ въ укоръ русскому обществу, крайне благодушное отношеніе и къ украинскому вопросу, призывая это общество къ тому, чтобы оно „твердо стояло на стражѣ единства (Россіи) противъ единственнаго его серьезнаго врага,— „партикуляризмовъ" внутри самаго русскаго народа". Къ украинскому вопросу г. Струве обѣщаетъ еще возвратиться, ибо въ немъ усмотрѣны между прочимъ серьезнѣйшіе международно-политическіе аспекты и весьма глубокая связь съ польскимъ и еврейскимъ вопросамъ, о которой наши полонофилы и артисемиты забываютъ, можно сказать, съ преступнымъ легкомысліемъ". Въ ожиданіи раскрытія редакторомъ „Русской Мысли" „международныхъ аспектовъ" и выясненія связи украинскаго вопроса съ польскимъ и еврейскимъ, мы все же должны отмѣтить, что все это уже предвосхищено русскими шовинистами, приносящими г-ну Струве глубокую благодарность за его призывъ къ борьбѣ съ украинствомъ „безъ всякихъ двусмысленностей и поблажекъ". Призывъ г-на Струве не остался гласомъ вопіющаго. Онъ уже нашелъ свой откликъ въ родственныхъ сердцахъ и практическихъ указаніяхъ касающихся способовъ борьбы in pleno, собранныхъ въ „Голубой книгѣ" г-на С. Щеголева. Къ свѣдѣнію г-на Струве, на котораго неоднократно ссылается С. Щеголевъ и которому онъ протягиваетъ, можно сказать, руку въ знакъ благодарности и единомыслія, можемъ сообщить, что книга эта пріобрѣла значеніе руководства у тѣхъ представителей русскаго общества, на обязанности которыхъ лежитъ отъ „словъ" г-на Струве, переходить къ „дѣлу": полиція съ листками книги г. Щеголева въ рукахъ дѣлаетъ обыски въ культурно-просвѣтительныхъ украинскихъ учрежденіяхъ которыя всѣ безъизъятій и исключеній, удостоены вниманія г-на Щеголева. Думается, что новыя „слова", касающіяся раскрытія международныхъ аспектовъ въ украинскомъ вопросѣ будутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ „дѣла" въ духѣ тѣхъ, на которыя сейчасъ было указано.

— Вторымъ изданіемъ въ переводѣ на *русскій языкъ* (издательство „Польза") вышла „Аристократка" и другіе разсказы О. Кобылянской. Переводъ П. Дятлова, подъ редакціей и съ предисловіемъ О. Назарьева.

— *„Славянскій вопросъ въ его современномъ значеніи"*—Подъ такимъ заглавіемъ сборникъ имѣетъ въ виду издать Славянское Общество научнаго объединенія. Въ сборникѣ будутъ, между прочимъ, помѣщены статьи академика Бехтерева, Члена Государственной Думы М. Александрова и др.

— Въ польскомъ журналѣ „Hsiat Slowianski" (2 кн. 1913 г.) напечатана статья извѣстнаго публициста *Леона Василевскаго*, посвященная ознакомленію польскаго общества съ біографіей и взглядами М. Драгоманова. Статья отличается объективностью и знаніемъ предмета. Въ той же книжкѣ *Ярославъ Лящинскій* въ библіографической замѣткѣ даетъ оцѣнку т. С. VII и. С. VIII, „Записокъ Наукового Товариства ім Шевченка.

Литературный конкурсъ. Объявленъ редакціей украинской газеты „Новини", издающейся въ Едмонтъ-Альберта (Канада) на слѣдующія темы: 1) 100 чего? за лучшуюповѣсть изъ жизни

украинскаго населенія Канады. Главные „характеры" повѣсти должны быть сильными, здоровыми и энергичными; не плакать и не жаловаться на судьбу должны, а наоборотъ бороться съ препятствіями и въ этой борьбѣ завоевать лучшую жизнь для себя и для другихъ, 2) 50— за изслѣдованіе, посвященное украинцамъ въ Канадѣ (территоріальное распредѣленіе украинскихъ эмигрантовъ Канады, экономическое и культурное благосостояніе, значеніе концентраціи въ колонизаціи). 3) 25—за брошюру, посвященную украинскому школьному дѣлу въ Канадѣ, 4) три преміи по 10 за лучшія статьи для „Новин", заключающія въ себѣ полезныя свѣдѣнія для украинскихъ канадскихъ фермеровъ.

— Редакція газеты „Рѣчь", помѣстившая въ прошлогоднемъ „Ежегодникѣ Рѣчи", обзоръ украинской жизни за 1911 г. въ новомъ „Ежегодникѣ" за 1912 такого обзора не включила.

— Интересной иллюстраціей къ статьѣ Н Филянскаго, напечатанной выше въ настоящей книжкѣ нашего журнала, и подтверждающей мнѣніе нашего сотрудника о вліяніи украинскаго архитектурнаго стиля на церковное строительство на сѣверѣ Россіи, является статья гражд. инженера *А. А. Каретникова.* „Деревянное строительство въ старину на сѣверѣ Россіи", помѣщенная въ послѣднемъ (№ 2-й) выпускѣ „*Извѣстій Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера*" за 1913 г. Говоря о „дальнѣйшемъ этапѣ развитія древнихъ храмовъ" въ 1716 г., Каретниковъ приходитъ къ выводу, что типичными для этого этапа являются „ярусныя церкви", такъ называемыя „четверикъ на четверикѣ". „Вліяніе на развитіе данной конструкціи въ церквахъ не сомнѣнно оказала Украина, занесено оно было богомольцами, ходившими на поклоненіе кіевскимъ угодникамъ или скорѣй всего вліяніемъ епископовъ--украинцевъ, которые были, напр., въ Холмогорахъ, въ первое четыредесятилѣтія XVIII вѣка. Они не могли порвать связи съ своей родиной и даже ихъ резолюціи полны такими выражаніями, какъ „шкода", „чимъ", „знамети вибилось", „зайшло въ забвеніе" и т. д. Отсюда одинъ шагъ до многихъ ярусныхъ храмовъ, которыми такъ полна Украина и которые по-своему хороши".

—Въ нѣмецкомъ альманахѣ Xenien Almanach" на 1913 г. помѣщена репродукція „Автопортрета Т. Шевченка". Издательство „Хепіен" выпустило въ минувшемъ году томъ избранныхъ стихотвореній Шевченка (Ausgewälnte Gedichte".

Книги, поступившія въ редакцію.

Опис рідного краю. *(Географія Украіни 3 ілюстр).* Видавництво „Все украінська библіотека". Львов, 1913. Ц. 40 с.

Бобырь-Бухановскій. Л. М. Бейсугскій подъѣздный путь. Москва. 1912.

Ів. Федорченко. Вавилон та зодаізен. Украінська русоке книгарство „Гассю" Киів. 1911. Ц. 15 к.

О. Островський. В сутіні ночі. Нариси й оповідання: Кіив. 1912.

Ів. Федорченко. Чотирі артикули. Киів. 1912. Ціна 25 коп.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ и комиссіонеровъ.

Контора редакціи „Украинской Жизни" обращаетъ вниманіе гг. подписчиковъ и комиссіонеровъ на то, что льготная подписка для народныхъ учителей, сельскаго духовенства и пр. допускается **только при непосредственномъ обращеніи въ редакцію.**

Правленіе Общества имени Т. Г. Шевченка для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ Южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С-Петербурга, проситъ лицъ, чтущихъ память поэта и сочувствующихъ цѣли и задачамъ Общества, основаннаго во имя поэта, пріобрѣсти сборникъ рисунковъ Т. Г. Шевченка подъ названіемъ „Малюнки Тараса Шевченка“. Въ вышедшемъ первомъ выпускѣ помѣщено 30 рисунковъ Шевченка, портретъ Шевченка работы профессора Матэ и статья г. Сластьона „Шевченко въ искусствѣ“. Стоитъ первый выпускъ, при выпускѣ изъ „Украинской Книгарни“ въ Петербургѣ (3 Линія Вас. Остр. 24) —3 р. 50 коп. (три рубля пятьдесятъ коп.) съ пересылкою.

ПРИИМАЄТЬСЯ ПЕРЕДПЛАТА

НА ІЛЮСТРОВАНИЙ ТИЖНЕВИК

„Вістник культури і життя“

при найближчій участи в редагованню Гната Хоткевича

ПРОГРАМА: Беллетристика оригінальна й перекладна. Вірші. Публицистичні статті. Новини в науці, техниці, артизмі, театрі. Вісти з життя чужих країв і рідного краю. Журнал журналів. Критика й библіографія. Хроніка. Спорт і авіятика. Задачі й загадки. Ілюстрації.

Задачею собі ставить журнал—стежити за поступом культурного життя цілого світа, приносити в українську семью відомости з останніх словах науки й артизму, а передовсім має на меті знайомити читачів з життям рідного краю й закордонних його частин—**Галичини, Буковини, Угорської Руси**, американської й иншої української еміграції. Об'йом—два аркуші тижнево, Передплата на рік 6 карб., на пів-року—3 карб. 10 коп., на три місяці—1 карб. 60 коп., на місяць—60 коп.

Адресъ редакції: Київ, Либедсько-Володимирська, 13.

Відповідальний редактор-видавець **П. Богацький.**

ДО РОКОВИН
ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

КУПУЙТЕ

ШЕВЧЕНКІВСЬКИЙ ЗБІРНИК

Видання Комітету по упорядкуванню Шевченківських свят в Москві.

Організації і приватні особи, що схотять вшанувати пам'ять великого письменника, найдут у збірнику багато цінного матеріалу.

ЗМІСТ.

Част. I. Шевченківські дні в Москві—С. Хвостова; Шевченко—народний поэт—прив. доц. гр. Де-ла-Барта; Шевченко серед поетів славянства—академіка Х. Корша; Мотіви творчости Т. Г. Шевченка—А. Калишевського; Шевченко, як маляр—О. Новицького: Шевченківські дні в Москві в 1891 р.—проф. А. Кримського. Згадка про старшого боярина Тараса Шевченка—Ганни Барвінок (Куліш). Висока могила—Х. Коломійченко. Бібліографія—І. Білоусова.

Част. II. Адреси, привітання, листи, телеграмми і т. и. повний текст. Грошовий одчет по упорядкуванню Шевченківських свят в Москві.

Ціна збірника 1 р. 50 коп.

Увесь чистий прибуток піде на збудування памятника Т. Г. Шевченка у Київі.

Склад видання: в Москві в конторі „Украінской Жизни"—Б. Дмитровка, 14, кв. 1.

Продаж: в Москві в магаз.: 1) Карбасникова—Моховая; 2) Вольф—Кузнецкій Мост и 3) Нов. Время—Неглинный проѣзд; в Петербурзі в книгарні Вольф; у Київі в „Украінський книгарні", Безаківська, 8; в книгарні „Літ.-Наук. Вістн."; в Одесі в „Украінський книгарні" „Діло" Конна, 11; в Харькові в „Украінській книгарні"—Рибна 25.

Тип. П. П. Рябушинскаго. Москва.

Приймається предплата на 1913 рік

на українську газету „РАДА“ рік видання восьмий

Газета політична, економична і літературна.

Виходить у Київі що дня оприч понеділків і днів після великих свят.

«Рада» має широку програму, як звичайні великі політичні газети: дає огляди життя політичнаго, громадського, економичного на Вкраіні, в Росії і за-границею: друкує фельетони, а також статті критичні і твори красного письменства.

«Рада» зостаючись і надалі непартійною газетою, обстоюватиме змагання до поширення прав суспільства й органів громадського самоврядування.

«Рада» звертатиме як найбільшу увагу на справу **народньої просвіти** шкільної й по-за шкільної, на **потреби** нашого **вчительства та на питання культурно-просвітнього характеру**—і буде змагатися за найкраще розвязання цих справ для всього украіньского люду

«Рада» вважає, що поліпшення матеріяльного добробуту людности,—економичний розцвіт країни—є основным грунтом для зросту національної культури. Визнаючи це, „Рада“ буде обстоювати **кооперативну справу** на Вкраіні в усяких її формах: поширення сельско-господарських товариств, товариств споживчих, продукційних то-що і подаватиме докладні статті, дописи та звістки про кооперативну справу взагалі, а на Украіні особливо.

«Рада» буде подавати звістки і статті про **життя культурне, економичне і політичне**, про здобутки і втрати, яких зазнає український люд **за кордоном Росії**: въ Галичині, на Буковині, в далеких колоніях: в Канаді, в Сполучених Штатах, в Бразилії... Доля та життя наших **переселенців** в Сібірі, на Кавказі—знайдуть тако-ж освітлення на сторінках „Ради“.

ДО СПІВРОБІТНИЦТВА в «РАДІ» запрошено визначніші літературні и наукові сили.

«Рада» має ВЛАСНИХ **кореспондентів** в Державній Думі, в Державній „Раді“, а також в **політичних центрах Європи, в Лондоні, в Парижі, в Римі, у Відні, в Празі, у Львові, в Чернівцях** і в усіх визначніших містах Украіни по цей і по той бік кордону.

В 1913 році „РАДА“ друкуватиметься виразним и стислим шріфтомъ і матеріалу буде входить в кождий № значно більше.

Ціна „РАДИ“ з доставкою і пересилкою в Россії:

на рік	на 11 м.	на 10 м.	на 9 м.	на 8 м.	на 7 м.	на 6 м.	на 5 м.	на 4 м.	на 3 м.	на 2 м.	на 1м.
6	5. 70.	5. 25.	4. 75.	4. 25.	3. 75.	3. 25.	2. 75.	2. 25.	1. 75.	1. 25.	65

Передплату на рік можна виплачувати частками в такі строки: на 1 янв. 3 карб. і на 1 апр. 3 карб.; в 3 строки: на 1 янв. 2 карб., на 1 марта 2 карб. на 1 мая 2 карб., або по 1 карб. що місяця впродовж першого півріччя.

Кождий переплатник може одержати з к-ри „Рада“ за 6 карбованців

„СЛОВНИК українськоі мови“

Зібраний редакцією журн. „Кіевская Старина“, премірований Рос. Акад. Наук і виданий под редакцією і з доповненнями Б. ГРІНЧЕНКА, **в 4-х великих томах. В книгарнях словник цей продається по 8 карб., без пересилки.**

ЗМІНА АДРЕСИ—30 коп., **артистам і учням всіх шкіл**—БЕЗПЛАТНО.

Адреса редакції і головної контори: у Київі, Велика-Підвальна вул., д. 6, біля Золотих Воріт. Телефон 1458.

Передплата на„ Раду“ на таких-же самих умовах, що і в конторі, приймається: у **Київі:** 1) в „Українській книгарні“, Безаківська, 8, 2) в книгарні „Л. Н. В“. Б.-Володимирська, 28), 3) въ Книгарні Череповського, Фундуклеівська 4; і 4) в. крамниці „Час“, В. Володимирська 53; в **Одесі** „Дѣло“, Конна, 11, в **Катеринославі**—Книгарня Лозинської, Проспект: в **Полтаві** — Книгарня Маркевича, бульвар Котляревського і в „Український Книгарні“ Петровська ул.; в **Петербурзі**—Книгарня Вольф і „Украинська Книгарня і Базар“ В. О. 3 линія № 24, въ **Харькові**—„Українська Книгарня“, Петровський пер. 18.

Редактор В. ЯНОВСЬКИЙ. **Видавець Є. ЧИКАЛЕНКО.**

„Ілюстрована Україна“

новий ілюстрований журнал посьвячений лїтературі, критиці, малярству, архитектурі, пластиці, народній штуці, театральним справам, музиці, українській минувшинї, етнографії і фізичному вихованю.

Містить також описи подорожий, житєписи, спомини, огляди українського життя, бібліографію і. т. п.

«ІЛЮСТРОВАНА УКРАІНА» ведена на взір великих ілюстрованих журналів Европи.

Редагує комітет під проводом

Др. Івана Крипякевича.

Виходить у Львові кождої другої суботи. Передплата виносить в Австриї річно 8. к. піврічно 4 к., поодиноке число коштує 32 сот., в Россії річно 5 карб. півріч. 2½ карб.

Адрес редакциї і адмінїстрациї:

„ІЛЮСТРОВАНА УКРАІНА“ ЛЬВІВ,

ул., Сербська ч. 15 II п. Чекове конто: 22.839.

В Росії приймає передплату на „Ілюстровану Україну“

В Київі: Книгарня Лїтературно-Наукового Вістника ул., В. Володимирська 28.

В Петербурзї: Українська книгарня Базар Вас. остр. 3 лїнїя. д. 24.

В Одессї: Українська книгарня „Діло“ ул., Преображенська 11.

В Полтавї: Українська книгарня ул. Малопетровська.

Цѣна на станціяхъ жел. дор. 75 к.

Тип. П. П. Рябушинскаго, Москва

23027

УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ

№ 3.
МАРТЪ 1913 г.

Москва.

Годъ изданія второй.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.
Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. **Перспективы русско-украинскихъ отношеній.** *П. Смутка* 5
II. **Воспоминанія** (Продолженіе). *Б. С. Познанскаго* . . 15
III. **По поводу принятія проекта о выдѣленіи Холмщины.** *Проф. Ѳ. Е. Корша* 25
V. **Къ вопросу объ украинскомъ сепаратизмѣ.** *М. Могилянскаго* 31
V. **Украинская трибуна въ Европѣ.** *М. Данька* . . . 36
VI. **Украинское ученое общество въ Кіевѣ.** *Д. Д—ка.* 45
VII. **По поводу изданій Медицинской секціи „Наукового Товариства“.** *Д-ра М. Шмигельскаго* 54
VIII. **Изъ украинской прессы.** 1. **Уроки Балканской войны.** *Проф. М. С. Грушевскаго.* 2. „Маякъ“, украинскій еженедѣльникъ для сельской и рабочей интеллигенціи. *В. С.* 61
IX. **Изъ русской печати.**—**„Русская мысль“** (III кн.). *С. В. Петлюры* 69
X. **На Украинѣ и внѣ ея.** — За мѣсяцъ. — Непонятное замедленіе.—Украинскіе артисты за границей. И.А. Алчевскій. *М. Ш.*—Старинные портреты украинскихъ общественныхъ дѣятелей въ Батуринѣ.—А. де-Губернатисъ и М. П. Драгомановъ.—Ревнители русскаго языка.—Изъ жизни украинской колоніи въ Прагѣ.—Изъ жизни украинской колоніи въ Москвѣ: I. Постановка „Nocturno“ Н. В. Лисенка. II. Чествованіе памяти Шевченка въ „Кобзарѣ“ 75
XI. **Библіографія.**—Фатальный компасъ. A. Jablonowski. Hystorya Rusi poludniovej. *М. Зализняка.*—Труды Полтавской Ученой Архивной Комиссіи. Вып. IX. *Д. Д—ка.*—С. Пригара. Од романтики до реалізму. *С. Е.* — Микола Вороний. Театр і драма. *С. Черкасенка.* 87
XII. Содержаніе украинскихъ журналовъ 108
XIII. Книги, поступившія въ редакцію. 109
XIV. Отъ редакціи.– Объявленія . . . . . .

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ

на ежемѣсячный журналъ

„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ".

(Второй годъ изданія).

Журналъ издается на русскомъ языкѣ и ставитъ своею цѣлью ознакомленіе общества съ состояніемъ, ростомъ и задачами украинскаго національнаго движенія и вообще съ жизнью, потребностями и запросами 30-милліоннаго украинскаго народа.

Въ теченіе 1912 года въ „Украинской Жизни" были напечатаны, въ числѣ другихъ, слѣдующія статьи.

Проф. М. С. Грушевскій. Украина и украинство.—**Его же.** Новое знамя націоналистовъ.—**О. Бѣлоусенко.** Гибель „Просвіт".—**Его же.** Украинскіе моменты въ холмскомъ вопросѣ.—**Его же.** Lex Pichniana.—**Старый Украинецъ.** Украинскій книжный языкъ и общерусская культура.—**Ан. Василько.** Къ холмскому вопросу.—**А. Ѳ. Саликовскій.** Судьбы украинскаго слова.—**Его же.** Больной вопросъ.—**Его же.** Одна изъ очередныхъ задачъ.—**Б. А. Кистяковскій.** М. П. Драгомановъ и „Вольное Слово".—**С. В. Петлюра.** Къ драмѣ жизни Шевченка.—**Его же.** Къ вопросу о культурномъ творчествѣ.—**Проф. Ѳ. Е. Коршъ.** Къ спору объ украинской культурѣ.—**Д. Сиромаха.** Соединеніе Украины съ Москвою.—**Проф. А. Л. Погодинъ.** Соединеніе или разложеніе?—**С. Буда.** Памятникъ Т. Г. Шевченку.—**Его же.** Украинскій театръ.—**К. М. Оберучевъ.** Къ вопросу объ экономическихъ отношеніяхъ Украины къ Великороссіи и Польшѣ.—**В. Ладыженко.** Національное искусство и задача искусства на Украинѣ.—**Ник. Василенко.** Декабристъ объ Украинѣ.—**Н. В.** Политическіе взгляды М. П. Драгоманова.—**М. М. Могилянскій.** О культурномъ творчествѣ.—**Его же.** Коцюбинскій и Винниченко.—**Проф. Н. Ф. Сумцовъ.** Украинскій этнографизмъ.—**А. Хатченко.** Герценъ и Украина.—**Его же.** М. П. Драгомановъ и вопросъ о самостоятельности украинской культуры.—**С. Ф. Русова.** Современная украинская лирика.—**Ея же.** Національный вопросъ въ европейскомъ освѣщеніи.—**Дм. Донцовъ.** Русскій либерализмъ и украинское движеніе.—**Его же.** Украина въ новѣйшей европейской литературѣ.—**Его же.** Письма изъ Галиціи.—**В. Садовскій.** Украинскій вопросъ въ третьей Думѣ.—**Е. Олесницкій** (деп. рейхсрата). Борьба за украинскій университетъ.—**Вл. Жаботинскій.** О русскомъ либерализмѣ.—**М. Горькій.** О русской интеллигенціи и національныхъ вопросахъ.—**М. Гордіенко.** Капитализмъ и русская культура на Украинѣ.—**А. Л.** Украинскій архитектурный стиль.—**А. В. Луначарскій.** О націонализмѣ вообще и украинскомъ движеніи въ частности.—**Л. Н. Жебуневъ.** Почему былъ бѣденъ украинскій отдѣлъ на выставкѣ печати.—**Л. Василевскій** (Плохоцкій). Спорные вопросы въ области польско-украинскихъ отношеній.—**С. А. Ефремовъ.** Предъ спущенной завѣсою.—**Его же.** На зарѣ возрожденія.—**А. А. Русовъ.** Н. В. Лисенко.—**А. Л. Масловъ.** Украинская народная музыка.—**П. И. Чижевскій.** Украинцы среди политическихъ ссыльныхъ.—**К. Е. Шероцкій.** Мотивы украинскаго орнамента.—**В. Дорошенко.** Украинская академія наукъ.

Кромѣ того въ вышедшихъ книжкахъ напечатанъ рядъ статей **С. А. Ефремова**—На текущія темы; **В. В. Садовскаго**—Изъ земской жизни на Украинѣ; **С. Б.**—Обзоры украинской жизни; **М. Ж—ка**—Изъ украинской печати; **О. Хоменка**—Изъ русской печати.

Въ каждой книгѣ—отдѣлы: „**На Украинѣ и внѣ ея**" (извѣстія, замѣтки сообщенія и т. д.) и „**Библіографія**".

Въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ" принимаютъ участіе слѣдующія лица:

С. П. Балабуха, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. А. Бочковскій, И. К. Брусиловскій, С. А. Буда, О. Бѣлоусенко, И. А. Бѣлоусовъ, Н. Ф. Бѣляшевскій, Leon Wasilewski, прив.-доц. Н. П. Василенко, Ан. Василько, В. В. Водовозовъ, проф. Ф. К. Волковъ, Гр. Гетьманецъ, прив.-доц. А. С. Грушевскій, проф. М. С. Грушевскій, М. Данько, Дм. Донцовъ, В. Дорошенко, Д. Дорошенко, С. А. Ефремовъ, В. Е. Жаботинскій, Л. Н. Жебуневъ, М. Зализнякъ, И. В. Ивановъ (Джонсонъ), Б. А. Кистяковскій, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, проф. Ѳ. Е. Коршъ, проф. А. Е. Крымскій, К. Ладыженко, И. В. Лебединскій, М. Ф. Левицкій, Н. В. Левитскій, Ор. Левицкій, В. Липинскій, М. Лозинскій, А. В. Луначарскій, проф. И. В. Лучицкій, Д. Марковичъ, Ф. П. Матушевскій, С. П. Мельгуновъ, Н. Б. Миркинъ, А. Михура, Мих. Могилянскій, В. П. Науменко, А. П. Новицкій, К. М. Оберучевъ, В. П. Обнинскій, деп. австр. парл. д-ръ Е. Олесницкій, И. А. Панкевичъ, С. В. Петлюра, проф. А. Л. Погодинъ, С. Подолянинъ, П. Понятенко, Н. Поршъ, С. Ф. Русова, проф. А. А. Русовъ, В. В. Садовскій, А. Ѳ. Саликовскій, Д. Сиромаха, М. А. Славинскій, П. Смутокъ, Н. Стасюкъ, И. Я. Стеллецкій, И. М. Стешенко, проф. Н. Ф. Сумцовъ, С. Сѣрополко, Н. Г. Филянскій, С. Чепига, С. Черкасенко, П. И. Чижевскій, проф. М. П. Чубинскій, С. П. Шелухинъ, Л. А. Яновская, А. И. Ярошевичъ и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Съ достав. и перес.	Годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Въ Россіи	6 р.	3 р.—к.	1 р. 50 к.	1 р. 10 к.	—р. 60 к.
За границу	8 р.	4 р.—к.	2 р.—к.	1 р. 50 к.	—р. 75 к.

Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, **при непосредственномъ обращеніи въ редакцію, ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА:** на годъ 5 руб., на 6 мѣс. 2 руб. 50 к. и на 3 мѣс. 1 р. 25 к. съ доставкою и пересылкою.

За перемѣну адреса взимается 30 коп., причемъ необходима присылка стараго адреса.

Цѣна отдѣльнаго номера въ книжныхъ магазинахъ 60 к., на станціяхъ жел. дор. 75 коп.

Подписка принимается въ конторѣ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ"
Москва, Б. Дмитровка, 14.—Телеф. № 308-79.

Такса за объявленія въ „Украинской Жизни“:

На обложкѣ:	за 1 страницу	40 руб.
„	за 1/2 страницы	20 руб.
„ „	за 1/4 страницы	10 руб.
Передъ текстомъ:	за 1 страницу	30 руб.
„ „	за 1/2 страницы	15 руб.
„ „	за 1/4 страницы	8 руб.
Послѣ текста:	за 1 страницу	20 руб.
„ „	за 1/2 страницы	10 руб.
„ „	за 1/4 страницы	5 руб.

Контора открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 12 до 5 час. дня. Редакція для личныхъ объясненій открыта по воскресеньямъ, отъ 1 до 2 час.

Кромѣ редакціи, принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала:

Въ Москвѣ: въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова, Моховая, 24; М. О. Вольфа; „Новаго Времени“; „Наука“.

Въ Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ Т-ва Сытина; „Українська Книгарня і Базар“ (Вас. О., 3 линія, д. 24).

Въ Кіевѣ—въ книжныхъ магазинахъ „Літературно-Наукового Вістника“; „Українській Книгарні“ (быв. „Кіевской Старины“); „Час“; Е. П. Череповскаго.

Въ Саратовѣ—въ маг. „Новаго Времени“.

Въ Екатеринославѣ—въ книжномъ магазинѣ М. К. Лозинской, Проспектъ, д. Вебера.

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ „Діло“, Преображенская 11.

Въ Харьковѣ—въ „Українській Книгарні“, Петровскій п., 18.

Въ Полтавѣ—въ кн. маг. Г. И. Маркевича, бульв. Котляревскаго, въ „Українській Книгарні“, д. Ворожейкина, противъ „Европейской“ гост.

Въ Каменецъ-Подольскѣ—въ „Просвітѣ“.

Кромѣ того продажа отдѣльныхъ книгъ „Украинской Жизни“ производится на желѣзнодорожныхъ станціяхъ Юга Россіи.

На складѣ въ конторѣ редакціи „Украинской Жизни“ продаются слѣдующія изданія.

Б. А. Кистяковскій. „Страницы прошлаго“, Москва, 1912. Ц. 1 р.

Шевченківський Збірник. Видання комітету по упорядкуванню Шевченківських свят у Москві. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

А. Л. Украинскій архитектурный стиль. Изд. „Украинской Жизни“. 1912 г. Ц. 15 к.

Здѣсь же принимается подписка на изданія Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К⁰“: **„Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ“**, подъ редакціей проф. Ѳ. К. Волкова, проф. М. С. Грушевскаго, проф. М. М. Ковалевскаго, акад. Ѳ. Е. Корша, проф. А. Е. Крымскаго, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго и акад. А. А. Шахматова.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

Желательно, чтобы размѣръ предлагаемыхъ для напечатанія въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ статей по возможности согласовался съ объемомъ журнала и не превышалъ 1—1½ печатныхъ листовъ.

Въ случаѣ надобности статьи подлежатъ сокращеніямъ и измѣненіямъ редакціоннаго характера. При неуказаніи размѣра гонорара уплата за напечатанныя статьи производится по усмотрѣнію редакціи.

Рукописи непринятыхъ статей хранятся въ редакціи въ теченіе 6 мѣс. и возвращаются лишь по полученіи марокъ на пересылку ихъ заказною бандеролью.

По поводу непринятыхъ статей редакція въ переписку не входитъ.

Мелкія замѣтки и сообщенія, не принятыя для напечатанія, уничтожаются.

Украинская Жизнь

Ежемѣсячный научно-литературный и общественно-политическій журналъ.

№ 3.

Бібліотека наукового товариства імені Шевченка

Годъ изданія второй.

Москва.—1913 г.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульваръ, собств. домъ.
1913.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.
Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. **Перспективы русско-украинскихъ отношеній.** *П. Смутка.* 5
II. **Воспоминанія.** (Продолженіе). 15
III. **По поводу принятія проекта о выдѣленіи Холмщины.** *Проф. Ѳ. Е. Корша* 25
V. **Къ вопросу объ украинскомъ сепаратизмѣ.** *М. М. Могилянскаго.* 31
V. **Украинская трибуна въ Европѣ.** *М. Данька.* . . . 36
VI. **Украинское ученое общество въ Кіевѣ.** *Д. Д—ка.* 45
VII. **По поводу изданій Медицинской секціи „Наукового Товариства“.** *Д—ра Шмигельскаго* 54
VIII. **Изъ украинской прессы.** 1. **Уроки Балканской войны.** *Проф. М. С. Грушевскаго.* 2. „Маякъ“. украинскій еженедѣльникъ для сельской и рабочей интеллигенціи. *В. С.* 61
IX. **Изъ русской печати.**—„Русская мысль“. (III кн.). *С. В. Петлюры* 69
X. **На Украинѣ и внѣ ея.** — За мѣсяцъ. — Непонятное замедленіе.—Украинскіе артисты за границей И. А. Алчевскій.—*М. Ш.* Старинные портреты украинскихъ общественныхъ дѣятелей въ Батуринѣ.—А. Де-Губернатисъ и М. П. Драгомановъ. — Ревнители русскаго языка.—Изъ жизни украинской колоніи въ Прагѣ.—Изъ жизни украинской колоніи въ Москвѣ.—Постановка „Nocturno“ Н. В. Лисенка.—Чествованіе памяти Шевченка въ „Кобзарѣ“ 75
XI. **Библіографія.**—Фатальный комасъ. A. Jablonowski. Hystorya Ausi poluaniovej. *М. Зализняка.*—Труды Полтавской Ученой Архивной Комиссіи. Вып. IX. *Д. Д—ка.*—С. Пригара. Од романтики до реалізму. *С. Е.* — Микола Вороній. Театрі Драма. *С. Черкасенка.* 87
XII. Содержаніе украинскихъ журналовъ 108
XIII. Книги, поступившія въ редакцію. 109
XIV. Отъ редакціи.– Объявленія . . . . . .

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Оставшіеся въ ограниченномъ количествѣ комплекты „Украинской Жизни“ за 1912 годъ (кромѣ январской и февральской книгъ) можно выписывать изъ конторы журнала по слѣдующей цѣнѣ: для подписчиковъ „Украинской Жизни“—2 рубля и для постороннихъ лицъ—3 рубля безъ пересылки. За пересылку уплачивается: въ предѣлахъ Европейской Россіи—50 коп., за предѣлами ея—1 рубль.

Бібліотека наукового товариства імени Шевченка.

Перспективы русско-украинскихъ отношеній.

Переживаемому нами времени суждено, повидимому, оставить замѣтный слѣдъ въ исторіи украинскаго вопроса. На нашихъ глазахъ проясняются и формулируются взгляды на этотъ вопросъ различныхъ общественныхъ группъ, назрѣваютъ, быть можетъ, серьезныя перемѣны во внутреннихъ отношеніяхъ русскаго общества для украинской интеллигенціи; не лишнее поэтому осмотрѣться въ создавшейся обстановкѣ и отдать себѣ отчетъ въ условіяхъ своей дальнѣйшей общественной работы.

Начнемъ съ правительственнаго режима, какъ основного фактора въ постановкѣ вопросовъ, связанныхъ съ внутреннею политикою. Если вспомнить, что восемь лѣтъ тому назадъ правительство открыто признало свои старые страхи предъ украинскимъ движеніемъ необоснованными, сняло съ украинской литературы тяготѣвшія на ней цензурныя ограниченія, предоставило синоду напечатать украинскій переводъ четвероевангелія, предлагало губернаторамъ въ Западномъ краѣ отмѣнить излишнія стѣсненія въ пользованіи мѣстными языками, въ томъ числѣ и украинскимъ,—то придется отмѣтить, что въ правительственной политикѣ съ того времени послѣдовалъ крутой поворотъ назадъ, къ дореформеннымъ точкамъ зрѣнія, къ великорусскому аггрессивному націонализму. Уже при Столыпинѣ высшіе органы государственнаго управленія, высказываясь по „инородческимъ“ вопросамъ, установили исходною точкою своихъ мѣропріятій „государственную идею объ ассимиляціи народностей, населяющихъ Россію“ съ господствующею „русскою“ народностью. Такъ какъ на практикѣ въ понятіе „русскаго“ вкладывалось содержаніе исключительно великорусское, то въ категорію „инородцевъ“, со всѣми проистекающими отсюда выводами, попала и третья часть русскаго племени—украинцы, съ этого времени вновь сдѣлавшіеся, послѣ непродолжительной передышки, объектомъ для примѣненія всевозможныхъ адми-

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА АН УРСР № К- 85688

нистративныхъ скорпіоновъ—не только по положенію объ усиленной охранѣ, но и на основаніи сенатскихъ указовъ (извѣстный указъ сената объ обществахъ). На примѣрахъ останавливаться не будемъ,—читатели нашего журнала съ ними достаточно знакомы. Добавимъ только, что въ послѣднее время проявленія административной нетерпимости къ украинскому движенію значительно обострились, на почвѣ новыхъ страховъ предъ призракомъ политическаго сепаратизма, вызванныхъ ростомъ украинскаго національнаго движенія въ Австріи. Въ этой области правительственная политика поддерживается и питается усиленною агитаціей правой, націоналистской прессы, которая и должна раздѣлить съ правительственными органами отвѣтственность за создаваемыя ихъ дѣйствіями внутреннія отношенія.

Въ данный моментъ официальная точка зрѣнія на украинскій вопросъ тѣсно сблизилась съ представленіемъ о немъ крайнихъ украинофобовъ,—націоналистовъ кіевлянинско-нововременскаго толка: все украинское движеніе, съ этой точки зрѣнія, не что иное, какъ иноземная—польско-австрійско-германская—интрига, направленная къ ослабленію мощи и нарушенію цѣлости русской державы; цѣль движенія—политическое обособленіе Украины съ переходомъ подъ власть Габсбурговъ; средства—культивированіе украинства въ Галиціи и пропаганда „мазепинства“ въ предѣлахъ Россіи, вплоть до народнаго возстанія противъ русскаго владычества...

Страховъ очень много, но пока они возникаютъ только въ горячемъ воображеніи Бобринскихъ и Савенокъ,—опасности еще нѣтъ никакой. Реальная опасность для Россіи начинается съ претворенія идеологіи Савенокъ въ основу внутренней политики правительства. И опасность эта идетъ вовсе не со стороны Галиціи или Австріи. Австрійская политика здѣсь не играетъ никакой роли. Мы не знаемъ, мечтаетъ ли дѣйствительно Австрія объ отторженіи Украины отъ Россіи и разсчитываетъ ли она при этомъ на поддержку „30 милліоновъ мазепинцевъ“. Если разсчитываетъ, то, думаемъ, она такъ же ошибется въ своихъ расчетахъ, какъ, съ другой стороны, ошибается экспансивный гр. Бобринскій въ расчетѣ на 3½ милліона „галицкихъ русскихъ“. Никакого „мазепинства“, стремящагося къ отдѣленію Украины отъ Россіи, нѣтъ. Но есть 35-милліонный народъ, десятки лѣтъ тщетно ждущій благопріят-

ныхъ условій для своего духовнаго развитія и получающій, въ области просвѣщенія и культуры, камень вмѣсто хлѣба. Политическій сепаратизмъ этому народу непонятенъ, ибо въ немъ нѣтъ сознанія себя какъ политическаго организма. Но что существующій режимъ систематически убиваетъ духовное „я“ этого народа, что въ данныхъ условіяхъ, безъ своей національной школы, онъ обреченъ на культурную отсталость, на матеріальное и духовное обнищаніе, — это онъ уже начинаетъ понимать. Враждебнаго чувства къ Россіи народъ этотъ не проявляетъ, ибо онъ давно привыкъ считать Россію своимъ отечествомъ. Но глухое недовольство существующимъ укладомъ въ немъ отрицать трудно, а это недовольство можетъ постепенно перейти въ равнодушіе къ русской государственности, не дающей удовлетворенія насущнымъ запросамъ народныхъ массъ... Вотъ въ чемъ реальная опасность для Россіи, но эта опасность отъ погони за несуществующимъ сепаратизмомъ можетъ только усилиться. Въ этомъ смыслѣ истинными сепаратистами приходится признать администраторовъ-украинофобовъ; украинцы жаждутъ мѣста въ семьѣ народовъ русскаго государства, но ихъ отталкиваютъ отъ этой семьи отрицаніемъ права на развитіе родной культуры, требованіемъ отреченія отъ своего національнаго „я“.

Послѣднее по времени офиціальное выраженіе правительственной политики по національнымъ вопросамъ даетъ декларація предсѣдателя совѣта министровъ въ четвертой Думѣ. Несмотря на мягкость формы декларації, въ провозглашенныхъ ею основахъ внутренней политики сквозитъ именно эта тенденція государственнаго сепаратизма: правительство обѣщаетъ свою благосклонность всѣмъ народностямъ, которыя „полагаютъ свое благополучіе и самое свое бытіе въ единеніи съ великою русскою народностью“. Но на какія блага эти народности могутъ разсчитывать при существующемъ режимѣ, декларація умалчиваетъ. Если для подвластныхъ Россіи народностей допускаемыя формы „бытія“ исчерпываются „единеніемъ“ съ народностью господствующей, то на дѣлѣ у насъ это обыкновенно обозначаетъ отсутствіе необходимыхъ для бытія условій... И представители такихъ народностей могли бы по праву отвѣтить автору декларації: „да, единеніе намъ очень дорого, но бытіе—все-таки дороже“.

Будемъ, однако справедливы: едва ли правительство успѣло бы, въ своемъ отношеніи къ національнымъ вопросамъ вообще и украинскому въ частности, уйти такъ далеко въ направленіи своихъ дореформенныхъ позицій, если бы оно не находило при этомъ достаточно твердой опоры въ неосвѣдомленности, равнодушіи или прямомъ сочувствіи русскаго общества... О единствѣ взглядовъ администраціи и воинствующихъ патріотовъ-централистовъ мы уже говорили; поддержка, оказываемая этими элементами правительству въ его анти-инородческой политикѣ, сама собою разумѣется и, въ сущности, лишена общественнаго значенія. Но бѣда въ томъ, что въ пониманіи украинскаго вопроса къ этимъ откровеннымъ мракобѣсамъ и реакціонерамъ примыкаютъ различныя общественныя группы съ совершенно иными основами міровоззрѣнія, и въ этомъ странномъ единеніи нельзя не видѣть общественнаго факта огромной важности, въ которомъ и заключается существо русско-украинскихъ отношеній... Если въ одномъ настроеніи сходятся правые монархисты, націоналистскій центръ, октябристы, правые кадеты типа Струве и, можетъ быть, даже немного лѣвѣе... то, очевидно, значительная часть русскаго общества оцѣниваетъ стремленія украинской интеллигенціи и потребности украинскаго народа съ особой, специфической точки зрѣнія, при которой основныя культурно-просвѣтительныя задачи украинскаго движенія вовсе не принимаются въ расчетъ...

Конечно, разница въ отношеніяхъ къ украинству различныхъ народныхъ группъ и теченій имѣется, но это—разница скорѣе количественная, чѣмъ качественная; она выражается въ оттѣнкахъ, діапазонѣ, напряженіи объединительныхъ тенденцій,—суть же ихъ все та же: существуетъ, молъ, одинъ русскій народъ, а потому малороссы должны довольствоваться великорусскою культурой... Логика въ этомъ выводѣ, очевидно, сильно страдаетъ, ибо она уступила свое мѣсто чувству: это какое-то органическое чувство непріязни къ украинскому движенію, быть можетъ, также чувство страха предъ возможными измѣненіями въ структурѣ общественнаго организма, но вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ чувствуется полное нежеланіе подойти къ данному общественному явленію ближе и отнестись къ нему какъ къ реальной величинѣ, какъ къ живому и естественному результату политической и культурной исторіи русскаго народа и государства...

Въ частности, слои, близкіе къ центру Государственной Думы — отъ лѣвыхъ націоналистовъ до октябристовъ, — въ своей оцѣнкѣ украинскаго движенія не прочь оперировать и „мазепинствомъ“, и „австрійскою интригою“, но уже пытаются, какъ мы видѣли въ статьяхъ Кашкарова и его единомышленниковъ, расчленять украинскую интеллигенцію на „политиковъ“ и „а-политиковъ“, понимая подъ послѣдними, повидимому, то же, что подразумѣвала правительственная декларація подъ народностями, „самое бытіе свое полагающими въ единеніи“... Въ согласіи съ правительствомъ и данныя общественныя группы относятся къ такимъ „а-политическимъ украинцамъ“ довольно милостиво, а фантастическихъ „мазепинцевъ“ трактуютъ какъ государственныхъ измѣнниковъ. Кромѣ того, въ представленіе этихъ круговъ объ украинствѣ, повидимому, приходитъ моментъ соціальный: одною изъ основъ міровоззрѣнія данныхъ общественныхъ группъ являются интересы крупнаго землевладѣнія,—украинское же движеніе имѣетъ въ виду главнымъ образомъ крестьянскія массы; такое совпаденіе границъ элементовъ національнаго и классоваго, естественно, не усиливаетъ симпатій къ украинскому вопросу со стороны привилегированныхъ классовъ въ украинскихъ губерніяхъ...

Объ отношеніи къ украинскому вопросу прогрессистовъ типа Струве въ нашемъ журналѣ говорилось достаточно. Въ ихъ взглядахъ не играетъ, конечно, роли классовый антагонизмъ, но тѣмъ опредѣленнѣе звучитъ нота великорусскаго централизма, вплоть до призыва къ общей борьбѣ противъ „украинскаго партикуляризма“, подъ знаменемъ единства на великорусской основѣ... Съ увѣренностью можно сказать, что въ русскомъ прогрессивномъ обществѣ идеологія Струве имѣетъ не такъ мало послѣдователей, какъ это кажется. Недаромъ статья Струве почти не встрѣтила возраженій въ прогрессивной печати, и недаромъ немногочисленные публицисты, выступившіе противъ Струве, защищали украинское движеніе такъ шатко и неувѣренно...

На враждебное отношеніе со стороны болѣе лѣвыхъ прогрессивныхъ теченій украинцы, конечно, пожаловаться не могутъ: всѣ партійныя программы этихъ общественныхъ группъ опредѣленно признаютъ культурное самоопредѣленіе національностей, не дѣлая исключенія для укра-

инцевъ, и время-отъ-времени въ подходящихъ случаяхъ подтверждаютъ свою позицію въ украинскомъ вопросѣ выступленіями въ защиту украинскихъ постулатовъ. Но... выступленія эти носятъ въ большинствѣ случаевъ формальный характеръ, — въ родѣ повторной присяги на вѣрность партійнымъ программамъ. По существу же, въ лѣвыхъ кругахъ еще очень явственны отзвуки старыхъ партійныхъ предубѣжденій противъ національной идеи вообще, на почвѣ которыхъ эти круги трактуютъ украинское движеніе какъ что-то выдуманное и въ общественномъ смыслѣ ненужное... Думскія партіи, не исключая и такихъ „реальныхъ политиковъ", какъ кадеты, не проявляютъ въ украинскомъ вопросѣ и малой доли той освѣдомленности, какою блещутъ ихъ лидеры въ вопросахъ польскомъ, финляндскомъ, еврейскомъ. И это—несмотря на то, что почти каждая думская сессія давала опредѣленныя заявленія о насущныхъ нуждахъ украинскаго населенія. Неудивительно, что эти нужды до сихъ поръ безуспѣшно вопіютъ о своемъ удовлетвореніи: благоустройство русской жизни много еще отмѣчаетъ зіяющихъ пробѣловъ. Удивительно то, что за семь лѣтъ активной парламентской работы русскіе прогрессисты не удосужились взвѣсить и оцѣнить весь обильный матеріалъ, собранный украинскою интеллигенціею, и все огромное значеніе указываемыхъ ею путей къ культурному подъему многомилліоннаго украинскаго крестьянства... Получается впечатлѣніе, что украинцы слишкомъ близки къ русскому прогрессивному обществу,—слишкомъ въ немъ „свои",—чтобы разсчитывать на вниманіе къ своимъ пожеланіямъ. Въ цѣлесообразность украинскихъ стремленій русское общество не вѣритъ, возникновеніемъ ихъ недовольно, развитія ихъ боится, а ближе съ ними познакомиться не хочетъ... Выходитъ, что, для успѣха украинской программы въ прогрессивныхъ кругахъ русскаго общества украинцамъ не мѣшало бы сдѣлаться по отношенію къ нему немножко болѣе далекими, болѣе чужими... Выводъ—вполнѣ аналогичный съ тѣми заключеніями, къ какимъ насъ привела антиукраинская правительственная политика...

При такихъ условіяхъ, какъ видитъ читатель, трудно, даже не будучи пессимистомъ, поставить въ данный моментъ благопріятный діагнозъ для будущаго русско-украинскихъ отношеній. Мы, очевидно, вступили въ полосу

враждебныхъ украинскому движенію настроеній, объединяющихъ элементы, довольно отдаленные другъ отъ друга по искусственно-политическимъ взглядамъ и позиціямъ, но въ большей или меньшей степени поддавшіеся вліянію идеи великорусскаго націонализма. На измѣненіе правительственной политики въ національномъ вопросѣ, повидимому, нѣтъ основаній разсчитывать: пока правительственная энергія будетъ направляться не столько на удовлетвореніе общественныхъ запросовъ, сколько на поддержаніе въ государствѣ внутренняго „status quo"; пока дореформенныя основы государственнаго строя будутъ находить поддержку въ обѣихъ палатахъ русскаго парламента, до тѣхъ поръ культурно-національныя стремленія народностей Россіи будутъ встрѣчать систематическое противодѣйствіе администраціи, а украинцы будутъ трактоваться какъ опасные „унутренніе враги" русской державы... Для крутой перемѣны внутренней политики въ этомъ вопросѣ нужны государственные люди такихъ талантовъ и такой широты взглядовъ, какихъ старый режимъ воспитать и выдвинуть не могъ...

Русское прогрессивное общество также, повидимому, еще не скоро найдетъ въ себѣ рѣшимость подойти къ украинскому вопросу безъ устарѣлыхъ предубѣжденій и признать въ немъ естественное и здоровое общественное явленіе. Въ данное время только въ отдѣльныхъ представителяхъ высшихъ культурныхъ слоевъ общества можно встрѣтить то широкое пониманіе украинскаго движенія и ту благожелательность къ нему, которыя хотѣлось бы видѣть въ основѣ русско-украинскихъ отношеній... Но даже и у этихъ друзей украинства прорываются иногда такія уклоненія мысли въ оцѣнкѣ украинскаго вопроса, которыя свидѣтельствуютъ о большой трудности для русскаго интеллигента совершенно отрѣшиться въ этомъ вопросѣ отъ аггрессивнаго великорусскаго націонализма. Чрезвычайно характерно въ этомъ смыслѣ недавнее выступленіе проф. Погодина (см. декабрьскую книжку „Укр. Жизни"), который потребовалъ отъ украинской интеллигенціи доказательствъ, что ея стремленія отвѣчаютъ желаніямъ украинскаго народа... Чѣмъ отличается это требованіе отъ знаменитаго выкрика графа Бобринскаго—„они не просятъ!",—брошеннаго имъ въ третьей Думѣ въ отвѣтъ оратору, отстаивавшему права украинскаго языка въ народной школѣ?

Между тѣмъ украинское движеніе, конечно, будетъ итти своимъ путемъ, не считаясь съ тѣмъ, въ какой мѣрѣ элементы, руководящіе русскою общественною жизнью, признаютъ его нецѣлесообразнымъ, несвоевременнымъ или вреднымъ. Украинская интеллигенція не можетъ отказаться отъ высокой задачи—культурнаго возрожденія родного народа, какъ этотъ народъ не можетъ удовольствоваться ролью удобренія для сосѣднихъ, хотя бы и родственныхъ, національныхъ культуръ—великорусской и польской. Наряду съ этимъ украинская интеллигенція готова, какъ и прежде, работать рука-объ-руку съ русскими прогрессистами для достиженія общихъ цѣлей, но на первомъ мѣстѣ въ украинской программѣ всегда будутъ стоять интересы родного края, родной культуры, украинскихъ народныхъ массъ. Если русское прогрессивное общество въ свою очередь не введетъ этихъ интересовъ въ свой кругозоръ и не усвоитъ взгляда на культурную работу украинской интеллигенціи какъ на выполненіе ея долга передъ своимъ народомъ, заслуживающее всякаго вниманія и дружественной поддержки, то единенію и взаимодѣйствію украинскихъ и русскихъ прогрессистовъ будетъ нанесенъ большой ущербъ...

Безъ удовлетворительнаго разрѣшенія окраинныхъ національныхъ вопросовъ—и въ томъ числѣ украинскаго—не можетъ правильно развиваться русская государственная и общественная жизнь. Если эти вопросы не получатъ правильнаго рѣшенія при данномъ режимѣ, то они опять потребуютъ къ себѣ вниманія—и тѣмъ съ большею силою—въ ту пору, когда будетъ на очереди дальнѣйшее развитіе нашего государственнаго строя въ сторону широкой децентрализаціи мѣстнаго управленія. Едва ли можно сомнѣваться, что Россія должна будетъ путемъ опыта прійти къ утвержденію идеи областного самоуправленія, какъ основы будущаго строя. Нашъ государственный организмъ захирѣлъ главнымъ образомъ отъ обезкровленія мѣстной жизни, и его обновленіе мыслимо лишь путемъ предоставленія мѣстнымъ общественнымъ силамъ свободы для культурной и экономической работы, независимой отъ директивъ центра. Россія затерялась въ необъятныхъ просторахъ собственныхъ владѣній, ея пространство поглотило и обезличило мѣстные интересы, обезцвѣтило мѣстную жизнь,

сгладило ея индивидуальныя черты. Когда, наконецъ, русское общество дождется воплощенія началъ манифеста 17-го октября въ реальную величину, ближайшимъ послѣдствіемъ политической свободы будетъ повышеніе тона мѣстной жизни, оживленіе провинціальныхъ центровъ, усиленіе областныхъ интересовъ. Постепенно эти интересы объединятся вокругъ мѣстныхъ органовъ общественнаго самоуправленія, а затѣмъ, неизбѣжно, въ руки этихъ органовъ перейдетъ и необходимая часть законодательныхъ правъ, въ силу передовѣрія, отъ центральныхъ учрежденій представительнаго строя. Ибо ясно, что нижняя палата на Шпалерной и верхняя на Маріинской площади—не смогутъ долго удовлетворять всѣ нужды и запросы провинціи, если бы даже парламентская сессія не прерывалась круглый годъ и если бы притомъ парламентская машина перерабатывала ежедневно по сотнѣ законовъ вермишельнаго типа. Россія, вѣдь въ сущности,—цѣлая часть свѣта, и для нея мало одной такой машины...

А съ освобожденіемъ областной жизни отъ путъ административнаго централизма откроется свободный выходъ и мѣстнымъ національнымъ стремленіямъ. Общественныя силы украинскихъ губерній тогда пойдутъ навстрѣчу духовнымъ запросамъ населенія, и мѣстная культурная жизнь, начиная со школы, естественно, приметъ украинскую національную окраску. Произойдетъ ли этотъ процессъ легко и безъ треній,—во многомъ будетъ зависѣть отъ тѣхъ отношеній, какія къ этому времени установятся между украинскими и русскими или обрусѣвшими элементами общества. Какъ видно изъ предыдущаго, для того, чтобы стать на украинскую точку зрѣнія, русскимъ прогрессивнымъ кругамъ необходимо еще пережить значительную эволюцію во взглядахъ... Украинцы всею душою желали бы скорѣйшаго завершенія этого внутренняго процесса въ русскомъ обществѣ, такъ какъ безъ этого условія недостижимо взаимное довѣріе и единство дѣйствій элементовъ, одинаково прогрессивно настроенныхъ, но раздѣляемыхъ національнымъ антагонизмомъ, какъ неизбѣжнымъ результатомъ націоналистской внутренней политики.

Только съ отрѣшеніемъ отъ великорусскаго націонализма, какъ руководящаго начала въ области внутреннихъ національныхъ отношеній, Россія станетъ дѣйствительно великою и крѣпкою, ибо тогда единеніемъ съ нею будетъ

обезпечиваться не только „бытіе“, но и „благополучіе““ входящихъ въ нее народностей. Тогда и тяготѣніе къ Россіи западныхъ родичей—славянъ приметъ иной, болѣе глубокій, смыслъ. Тогда не страшны будутъ Россіи „нѣмецкія“ интриги и сами собою развѣются нынѣшніе страхи передъ украинскимъ „сепаратизмомъ“, галицкимъ „мазепинствомъ“, львовскимъ украинскимъ университетомъ и тому подобными жупелами нашихъ патріотовъ-націоналистовъ.

П. Смутокъ.

Воспоминанія

(Продолженіе [1]).

Въ университетѣ сразу стало замѣтно вліяніе нахлынувшихъ въ него коронярей. Гминная земляческая (по гимназіямъ) организація молодежи замѣнилась организаціей провинціальною: вмѣсто гминъ Кіевской, Бѣлоцерковской, Каменецкой, Житомірской образовались гмины Украинская, Подольская, Волынская, Литовская и Коронная, соотвѣтствующія давнему дѣленію Польши, хотя съ нѣкіимъ измѣненіемъ, какъ мнѣ кажется, не безъ умысла. Давняя Польша дѣлилась такъ: Литва, Русь и Польша—величины равномѣрныя; гмины же были раздроблены на пять группъ, причемъ группа коронная оставалась одной и той же и при новой системѣ раздѣленія. На самомъ дѣлѣ гмина Коронная импонировала какъ численностью, такъ и своею сплоченностью и развитостью своихъ отдѣльныхъ лицъ.

Исторія сказалась, повторяю, и въ отношеніи гминъ между собою, и въ отношеніяхъ коронярей къ народу украинскому и крестьянству мѣстному. Антагонизмъ между потомками поляковъ временъ Ядвиги къ потомкамъ Руси и Литвы временъ Ягайла XV вѣка, окатоличенными и культурно ополяченными, проявлялся и до 60-хъ годовъ. Поляки Руси и Литвы не любили коронярей и не сходились съ ними. Короняры смотрѣли свысока на нихъ. Это сказывалось въ мелочахъ, во внѣшности, въ массѣ бытовыхъ отношеній. Если ихъ и сближало что, если и было у нихъ общее, то это была идея возстановленія давней Польши и ненависть къ Москвѣ. Наши поляки, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, были и патріоты, и въ то же время демократы-народники. Короняры были только политики-патріоты и къ народу Украины—вообще русину и литвину—они относились безучастно, чуть ли не такъ, какъ относятся представители европейскихъ націй къ аборигенамъ Африки. Патріотъ буръ, стойко ратующій за свою свободу съ англичанами, вопіющій о помощи и сочувствіи ко всему цивили-

---

[1]) См. „Укр. Жизнь“, февраль 1913 г.

зованному человѣчеству, ничто же сумняшеся, пробовалъ дальнобойность и мѣткость своей винтовки на какомъ-нибудь кафрѣ, бечуанѣ или бушменѣ. Полякъ короны, пропагандируя идею освобожденія и возстановленія Польши въ прежнихъ границахъ, ничуть не смущался отношеніями пана-помѣщика къ подданнымъ, и если въ золотыхъ грамотахъ онъ сулилъ этому рабу равноправность, то,—увы!—уже послѣ дарованія ему свободы русскимъ правительствомъ. Въ то время, когда наша молодежь-поляки всецѣло примкнули къ новымъ вѣяніямъ всей Россіи, возмущались обнаруженными фактами рабовладѣльческихъ эксцессовъ и стали ненавистны мошрадзѣямъ за свой демократизмъ и за свои симпатіи къ народу,—поляки-короняры не встрѣвали въ эти дѣла и вели только свою линію: какъ мошрадзѣю, такъ и хлопоману внушали о необходимости борьбы за освобожденіе Польши во всемъ ея прежнемъ составѣ, нашептывая, если такъ можно сказать, мошрадзѣю, что съ возстановленіемъ Польши поднимется и его заколебавшійся въ послѣднее время престижъ, а молодежь-хлопомановъ маня образами будущей сословной равноправности, парламентаризмомъ и въ возможности тогда въ свободной Польшѣ проведенія самыхъ либеральныхъ идей и затѣй.

Эти отношенія убѣжденій въ принципахъ не замедлили сказаться и вполнѣ обнаружиться и въ конкретахъ. Когда отецъ покойнаго Ѳаддея Рыльскаго обратился къ генералъ-губернатору съ обвиненіемъ на Ѳаддея въ демагогической пропагандѣ, мы, молодежь, страшно возмущались этимъ, а короняры возмущались не самимъ проявленіемъ этого антагонизма между сыномъ и отцомъ, между представителемъ хлопоманства и мошрадзѣйства, а только способомъ этого проявленія—обращеніемъ къ правительственной русской власти. Они требовали, чтобы возникавшія недоразумѣнія между отцами и дѣтьми отдавались на судъ университетской молодежи, на общее собраніе гминъ или ихъ представителей. Ловкіе дипломаты, они такимъ способомъ думали общимъ..... [1]) узаконить гминную организацію и поднять ея значеніе уже не какъ студенческой, но и общественной организаціи, совсѣмъ уже не интересуясь тѣмъ, кто изъ столкнувшихся представителей различныхъ вѣяній правъ и кто виноватъ.

---

[1]) Пропускъ въ рукописи.

Подвернулся такой случай.

Вышеупомянутый Титъ (Тифъ) Далькевичъ (tyfus), удаленный на годъ изъ университета за его исторію съ садовниками, отправился путешествовать. Побрелъ онъ въ Горы-Горки (Могилевской губ.), полагаю не безъ порученія провѣдать про настроеніе учащейся въ Горы-Горецкомъ институтѣ молодежи. Гдѣ-то на одномъ изъ ночлеговъ ему пришлось выслушать разсказы про неистовство мѣстнаго помѣщика (Тогда не трудно было во всякомъ мѣстѣ натолкнуться на такіе разсказы).

Тогда мы знали всѣ подробности слышаннаго Тифусомъ разсказа, теперь я не могу его повторить... Что-то было слишкомъ уже рѣзко выдающееся: и безпрерывная панщина и поборы, и пользованіе правомъ первой ночи (jus primae noctis), и безмѣрное сѣченіе, и истязанія, и, наконецъ, полнѣйшая беззащитность, такъ какъ куда ужъ ни обращались, гдѣ ужъ ни просили защиты угнетаемые крестьяне,—нигдѣ, ни откуда не могли добыть защиты. Слушая всѣ эти разсказы почему-то не одного лица, а цѣлой толпы (кажется, принявшей его за какое-то тайно посланное для развѣдки лицо), Далькевичъ сказалъ: „А вы-бъ его вотъ такъ“ и провелъ пальцемъ по горлу.

Фраза эта, очевидно, понравилась слушателямъ, была пересказываема и стала извѣстна не только непосредственно слушавшимъ ее крестьянамъ, но и, очень можетъ быть, съ опредѣленными прибавленіями, и панамъ. „Кіевскій студентъ“ сказалъ и пошелъ дальше. Нужно было разыскать его, узнать по крайней мѣрѣ, какъ его звать. Въ этихъ розыскахъ о томъ, кто онъ такой этотъ опасный пропагандистъ, дѣло дошло до Кіева, и короняры сейчасъ же смекнули, что это случай, дающій возможность поднятія престижа гминной организаціи, зарекомендовать ее панамъ-мошрадзѣямъ, и порѣшили дѣло это подвергнуть суду общаго собранія гминъ (Поляки настолько преобладали въ университетѣ, что на остальныхъ даже не обращали вниманія). Назначена была общая кнейпа въ домѣ Петынскихъ, на углу Бульварной (нынѣ Бибиковскій бульваръ) и Елизаветинской улицы, противъ угла университетской площади (тогда обширной и пустынной, какъ степь). Теперь отъ Елизаветинской улицы на части площади, обращенной нынѣ въ скверъ, застроился цѣлый кварталъ.

Собралось человѣкъ сто съ чѣмъ-то. Короняры пре-

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА АН УРСР № К- 85688
ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА АН УРСР № Ж 3360

вышали всѣхъ численностью. Изъ нихъ кто-то сдѣлалъ докладъ—разсказалъ про поступокъ Далькевича (онъ былъ исключенъ на прошедшій годъ за его исторію съ садовниками и вотъ, послѣ каникулъ только-что поступилъ опять въ университетъ)—въ такомъ-то мѣстѣ, выслушавъ жалобы крестьянъ на своего помѣщика, сказалъ:

— А вы бы его вотъ такъ! — и провелъ пальцемъ по шеѣ.

Фраза эта инкриминируется Далькевичу какъ возстанавливающая х л о п о в ъ мѣстныхъ противъ п о л я к о в ъ, и мы должны принять мѣры, дабы этого не повторялось, и показать п а н а м ъ, что мы осуждаемъ Далькевича и исключаемъ изъ своей среды. Мнѣ памятенъ, разумѣется, только общій смыслъ доклада и настаиваній коронярей. Въ туманной, пропитанной табачнымъ дымомъ, атмосферѣ двухъ плохо освѣщенныхъ свѣчами (тогда еще не было лампъ) комнатахъ, трудно было вести правильно засѣданіе, тѣмъ болѣе, что каѳедру ораторовъ замѣнялъ стулъ или—для Антоновича исключительно—окно, на которое устанавливали его два здоровенныхъ студента—Геншель и Врублевскій. Мы, украинцы, подоляне и волыняки, группировались около нашихъ вожаковъ и спикеровъ. Тамъ были Антоновичъ, Рыльскій, Сорочинскій Леонъ, Хамецъ, бр. Василевскіе, Вицусъ, Прждеднельскій, два брата Поповскіе (Ioziek i Iulek), Загурскій, вышеупомянутые Геншель (литвинъ) и Врублевскій, бр. Пытинскіе, Перетятковичъ, Антонъ Юрьевичъ (вольнослушатель), Мегердынъ (армянинъ—подольской гмины), Трахтенбергъ, Бернатовичъ, Панченко Ѳедоръ и еще кто-то, и еще кто-то. Сначала дебатировали вопросъ о томъ, составляла ли фраза, произнесенная Далькевичемъ въ минуту его душевнаго возбужденія всѣмъ слышаннымъ о какомъ-то жестокосердомъ мошрадзѣ именно возстановленіе вообще крестьянъ противъ помѣщиковъ, или это была отрывочная фраза, которая относилась лишь только къ этому случаю. Слышны были мнѣнія такого рода, что такихъ варваровъ, какъ этотъ помѣщикъ (почему-то извѣстна была эта личность многимъ студентамъ), слѣдовало бы вѣшать своимъ судомъ. Толковалось, что многіе изъ числа насъ, выслушавъ разсказы о жестокостяхъ такого пана, врядъ ли бы воздержались отъ произнесенія такой или подобной сказанной Далькевичемъ фразы. Были, разумѣется, и такіе, которые признавали фразу Далькевича, особенно въ то время, когда въ провинціи ходило столько

сплетенъ про студентовъ-демагоговъ, неумѣстною. Короняры подчеркивали въ своихъ рѣчахъ осужденіе Далькевича за возстановленіе мѣстныхъ хлоповъ противъ поляковъ-помѣщиковъ. Это подчеркиваніе было подмѣчено первымъ Ѳедоромъ Панченкомъ: онъ указалъ намъ на это. При дальнѣйшихъ дебатахъ, веденныхъ со свойственною такимъ собраніямъ безалаберностью, выяснилось, что коронярей занимаетъ это дѣло со стороны политической, со стороны, касающейся отношеній мѣстнаго населенія къ полякамъ-панамъ; насъ же остальныхъ дѣло это занимало по его значенію въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, называемымъ нами мошрадзѣями. На почвѣ этихъ отношеній къ дебатируемому вопросу возникъ новый вопросъ: на чью сторону мы станемъ въ случаѣ столкновенія интересовъ пановъ-поляковъ и мѣстнаго крестьянскаго населенія (подразумѣвалось—малорусскаго)? Я первый тогда сказалъ буквально вотъ что:

— Я пойду туда, куда пойдетъ мой народъ, а народъ этотъ украинскій.

(Ja pojde tam, ktovedy pojdzie moj lud, a lud ten moj ukrainski).

Никто мнѣ не возражалъ, только Ѳедоръ Панченко сказалъ: „Еге жъ, еге жъ!“, да Ѳаддей Рыльскій пожалъ мнѣ руку.

Вопросъ о Далькевичѣ кончился ничѣмъ. Правда, въ общемъ произнесеніе имъ той фразы было осуждено, но такъ какъ въ нашей гминной организаціи не было установлено способовъ выраженія такихъ резолюцій, то и вопросъ этотъ канулъ въ омутѣ новыхъ назрѣвшихъ и назрѣвающихъ вопросовъ. Моему confession de foi никто не придалъ никакого значенія, во-первыхъ, потому, что я былъ „схизматикъ“, а главное—потому, что не было поводовъ какъ къ подтвержденію этого моего заявленія, такъ и къ примѣненію его на дѣлѣ. Но кипучая душа Ѳаддея Рыльскаго поняла и восприняла мои слова. При встрѣчѣ въ „школѣ мальчиковъ“ Рыльскій, здороваясь со мною, сказалъ:

— А такъ! Куда народъ пойдетъ, туда слѣдуетъ итти!

Не могу припомнить, скоро ли послѣ этого, но случилось намъ, сойдясь, говорить объ общемъ собраніи. Антоновичъ тогда истолковалъ намъ обстоятельно все дѣло: онъ-то и указалъ намъ на характеръ настаиваній коронярей,

выяснилъ, что для нихъ все дѣло заключалось не въ осужденіи выходки Далькевича вообще, а въ возстановленіи литвиновъ (бѣлоруссовъ) противу поляковъ. Не всѣ мы въ суетѣ преній на сходкѣ успѣли разобраться, и только уразумѣли сущность дѣла по толкованію Антоновича, сразу понявшаго духъ домогательства коронярей. Рыльскій въ этотъ разъ еще повторилъ, что слѣдуетъ итти за своимъ народомъ.

Я квартировалъ тогда въ домѣ Петынскихъ, и въ моей комнатѣ были устроены антресоли, что-то въ родѣ полатей, на которыя вела особая лѣстница. Тамъ складывалось все лишнее въ комнатѣ, до грязнаго бѣлья включительно, тамъ же часто заночевывалъ кто-либо изъ запоздавшихъ коллегъ. Помѣщеніе тамъ было такое, что сидѣть, не говоря уже лежать, было свободно, но выпрямиться и встать на ноги нельзя было.

Однажды, возвратившись съ урока уже сумерками, я услыхалъ чей-то храпъ на антресоляхъ. Заглянувъ туда со свѣчкой, я увидѣлъ раскинувшагося и во-всю храпѣвшаго Готфрида Пржеднельскаго, порѣшилъ не будить его до того времени, пока мнѣ подадутъ самоваръ. Но разбуженный гость мой и самъ отказался пить чай, и мнѣ не далъ допить другого стакана и потащилъ меня на условленное собраніе на Жилянской ул., въ квартирѣ Ѳедора Панченка, для чего онъ и расположился у меня и проспалъ было.

Сходка оказалась весьма немногочисленной: Антоновичъ, Рыльскій, Вицусъ, Василевскій, самъ квартирный хозяинъ Ѳедоръ Панченко и мы двое—Пржеднельскій и я. Мы застали уже дебаты. Ѳедоръ Панченко уже доказывалъ Василевскому, что у него даже фамилія не польская, такъ какъ въ польской рѣчи нѣтъ Василія, а есть Базиль, а потому если бы предки его были поляки, то фамилія ихъ была бы Базилевскіе, а не Василевскіе, что такихъ ополячившихся украинцевъ большая часть между шляхтою... и т. д.

Поздоровались со всѣми и налили себѣ по стакану чаю изъ остывшаго самовара; мы съ Пржеднельскимъ сначала слушали молча. Оказалось, дебатировали весьма серьезный вопросъ: какой народъ мы должны считать своимъ. О Ѳедорѣ Тимоѳеевичѣ Панченко и рѣчи быть не могло: онъ былъ кореннымъ украинцемъ, крестьяниномъ села Черня-

хова Кіевскаго уѣзда, и его родные братья жили обычно крестьянскою жизнью, пахали землю и даже ходили чумаковать. Я, помню, завидовалъ такой чистокровности Ѳедора, хотя, по моему православію, мое заявленіе о причисленіи себя къ малорусской народности не вызвало возраженій.

По малочисленности собранія бесѣда велась въ порядкѣ, и мнѣнія выслушивались съ терпѣніемъ и вниманіемъ. Антоновичъ строго логичными выводами доказывалъ, что жить посреди украинскаго народа и не слиться съ нимъ, не проникнуться его національными интересами, значитъ быть тунеядцемъ, паразитомъ, что на Украинѣ, Подоліи и Волыни не можетъ быть рѣчи о препонденренціи поляковъ, большею частью ополяченныхъ русиновъ, какъ значительно меньшей части населенія, что нигдѣ такъ не совпадаетъ идея націонализма съ демократизмомъ, какъ на Украинѣ; быть демократомъ, стоять на сторонѣ народныхъ интересовъ и не быть патріотомъ-украинцемъ нельзя.

Какъ щели сузились глаза Ѳедора Панченко, Рыльскій характерно встряхивалъ головою, но Вицусъ и Готфридъ какъ-то насупились. Потирая цѣлою ладонью конецъ носа, что у него выражало возбужденность, Пржеднельскій остроумно замѣтилъ, что мы даже настоящіе дебаты ведемъ на польскомъ языкѣ. Кто-то на это замѣчаніе сказалъ, что это ничего не значитъ, что французскій языкъ принятъ за международный языкъ и на немъ ведутся дебаты на конгрессахъ и совѣщаніяхъ. Рыльскій со свойственной ему напыщенностью языка и массою иностранныхъ словъ повелъ рѣчь о томъ, что по мѣрѣ развитія украинцевъ и языкъ ихъ доразовьется до возможности употребленія его въ обсужденіи абстракцій; что предки наши виноваты въ недоразвитости украинской рѣчи... Панченко доказывалъ, что на малорусскомъ языкѣ и теперь имѣется возможность говорить о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ, что мы еще не знаемъ и не изучали этого языка, что слѣдовало бы употреблять его, какъ разговорный, между собою и въ семьяхъ.

Нѣтъ возможности воспроизвести въ точности все то, что тогда говорилось,—вѣдь это было болѣе 40 лѣтъ тому назадъ. Припомянутое здѣсь записываю потому, что имѣлъ возможность возобновить въ памяти моей кое-что изъ былого по моимъ разговорамъ объ этомъ у Ѳедора Панченка въ 1884 году. Мы цѣлой компаніей — Антоновичъ, Рыльскій и я—провели дня три у Панченка, въ его домѣ

на Жандармской (нынѣ Мар.-Благовѣщенской) улицѣ, и вспоминали то хорошее прошлое, взаимно возстановляли другъ другу въ памяти. М. В. Лысенко первый, а ты, друже, слѣдомъ за нимъ—бѣжали вы отъ насъ, напуганные затѣяннымъ кутежомъ. Ты хоть побывалъ съ ними у Мезера, гдѣ мы снялись группою, а Мыкола забѣжалъ ажъ на Боярку, гдѣ уже мы его нашли на его дачѣ, послѣ окончанія празднества нашего свиданія. Вотъ тогда-то, въ этой компаніи мы и вспоминали это наше давнее, хорошее, молодое прошлое.

Такъ было сказано, произнесено первое слово о нашемъ единеніи съ украинскимъ народомъ, о признаніи себя самихъ украинцами.

Когда читаешь о томъ времени, о событіяхъ, имѣвшихъ тогда же, не говоря о послѣдствіяхъ, важное значеніе, то даже у такого безпристрастнаго историка, какимъ есть Пыпинъ, эти стадіи нашего развитія—пуризмъ, хлопоманія и, наконецъ, выдѣленіе изъ рядовъ хлопоманіи людей, сознавшихъ себя по націи украинцами,—то выходитъ, что то или другое явленіе было дѣломъ партіи, болѣе или менѣе многочисленной. Ничего подобнаго не было. Говоря теперь объ этихъ пуристахъ, хлопоманахъ, народникахъ, націоналистахъ, я въ памяти моей еле могу набрать десятокъ, другой фамилій исповѣдниковъ того или другого направленія, людей, которые могли формулировать свои вѣрованія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрованія эти осуществлять въ жизни. А между тѣмъ, каждая изъ того времени доктринъ обращала на себя вниманіе современниковъ и такъ или иначе заставляла ихъ высказывать свои симпатіи къ той или другой вѣрѣ.

Пуризмъ—это реакціонное явленіе того времени, когда поощряемый Бибиковымъ разгулъ университетской молодежи дошелъ до крайняго предѣла, выразившагося, напримѣръ, такимъ безобразіемъ, какъ разрушеніе цѣлаго лупанарія Камбулы на Андреевской горѣ, гдѣ тогда помѣщалось это заведеніе, или похожденіями извѣстнаго кутилы того времени студента Быковскаго, который, благодаря своей непомѣрной тушѣ, симулировалъ родильницу, къ которой была приглашена акушерка, и т. п. Лучшіе люди въ студенческой средѣ, очевидно, поняли всю неприглядность такого поведенія своихъ товарищей, осуждали это безобразіе и, наконецъ, рѣшили бороться съ

этимъ зломъ. Послѣдовала реакція, тоже зашедшая въ своемъ проявленіи до крайнихъ предѣловъ. Пуристы отрицали всѣ удобства культурной обстановки, носили самую грубую одежду, отличались нравственностью, воздержанностью, скромностью... Но спроси, припомни, сколько ихъ было, этихъ пуристовъ, выразителей этого новаго направленія, и ты не сочтешь десяти фамилій: Антоновичъ, Загурскій, Вицусъ, Василевскій, Ролле, Паулинъ Свенцицкій... и... и... больше не вспомнишь, если не считать насъ, появившихся въ студенческой средѣ, когда уже пуризмъ ослабѣвалъ и когда мы увлеклись другимъ—хлопоманіею.

То же почти самое можно сказать и о хлопоманіи. Было общее вѣяніе (но вѣдь это и по всей Россіи) проявившагося чувства справедливости и любви къ народу, была та же реакція суроваго крѣпостничества. Хлопоманами были, значитъ, и всѣ дѣятели по эмансипаціи народа, и первымъ изъ нихъ былъ тотъ, имя котораго на-вѣки связано съ этимъ высокознаменательнымъ актомъ человѣколюбія,—государь Александръ II. Хлопоманія—это было охватившее тогда всю Россію вѣяніе освободительныхъ идей, только на мѣстной почвѣ, гдѣ объектъ порожденнаго этимъ вѣяніемъ вниманія и любви назывался не мужикомъ, а хлопомъ. Естественнымъ результатомъ хлопоманіи, какъ вѣянія, было сближеніе съ „хлопомъ“, а изъ сего сближенія по мѣсту дѣйствія возникало и сознаніе его, этого хлопа, національности и затѣмъ сопричисленія себя всецѣло къ этой національности.

Національнизмъ этотъ нашелъ поддержку сейчасъ же въ возрожденіи малорусскихъ тенденцій созданія своей литературы, появленіи въ печати произведеній Т. Шевченка, Записокъ о южной Руси Кулиша, новыхъ повѣстей Марко-Вовчка и, старыхъ уже тогда, оповиданій Квитки-Основьяненка (Да, эта барыня до мозга костей Маркевичка — Марко-Вовчокъ — и старый аристократъ Квітка-Основьяненко не были ли это аристократы чистой воды?!). Наконецъ, какъ это сказано выше, самый народъ, къ которому мы приблизились, омаялъ насъ своею прелестью и тѣмъ, что мы надѣялись въ немъ найти послѣ того, когда онъ станетъ свободнымъ гражданиномъ.

Польское возстаніе увлекло къ себѣ (тоже поэзіей героизма борьбы) много такихъ изъ нашихъ товарищей,

которые, не будь этого возстанія, навѣрное, многое бы сдѣлали для той же Украины, ихъ родины, при ихъ несомнѣнной трудоспособности,—у многихъ талантливости,—потраченныхъ ими въ „Польской справѣ".

Послѣ этихъ мимовольныхъ, навѣянныхъ разъясненій возвращаюсь къ разсказу.

Б. С. Познанскій.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

По поводу принятія проекта о выдѣленіи Холмщины.

Не безполезно ли вновь поднимать этотъ надоѣвшій всѣмъ вопросъ, когда, по слухамъ, на мѣстѣ ужъ принимаются такія мѣры, которыя какъ-будто свидѣтельствуютъ о близости развязки въ положительномъ смыслѣ? Однако точно ли эта развязка такъ близка? Вѣдь стоитъ только хоть немного вдуматься въ настоящія политическія обстоятельства, чтобы прежнія опасенія за послѣдствія этого административнаго переворота представились воображенію съ большею, чѣмъ когда-либо, яркостью. Какъ бы то ни было, мы стоимъ, повидимому, передъ совершившимся фактомъ: проектъ образованія Холмской губерніи, принятый Государственною Думою, принятъ и Государственнымъ Совѣтомъ. Но принятъ онъ такъ, какъ у насъ принимаются законы, исходящіе не отъ правительства, какъ такового, а лишь отъ одной партіи или одного сословія, т.-е. съ яснымъ сознаніемъ незрѣлости и неполноты предложеннаго нововведенія, на основаніи какой-то неопредѣленной надежды на то, что недодѣланное додѣлается само собою,—надежды шаткой, сомнительной, можетъ быть, для самихъ виновниковъ мѣропріятія, которые заботятся только о томъ, чтобы ихъ желаніе такъ или иначе осуществилось, а дальше—„что Богъ пошлетъ“ или „пусть другіе расхлебываютъ, какъ знаютъ“. Партійно-сословное происхожденіе проекта выдѣленія Холмской губерніи не подлежитъ никакому сомнѣнію: оно доказывается какъ обстоятельствами, среди которыхъ онъ возникъ или, точнѣе, былъ возобновленъ, такъ отчасти и доводами его вчинателей и поборниковъ.

Вопросъ о выдѣленіи Холмщины изъ состава Царства Польскаго былъ поднятъ впервые черезъ два года послѣ польскаго возстанія, въ 1865 году, изъ-за православной части населенія, которая тогда исчислялась во 138,000 на 421,798 жителей всей территоріи Люблинской и Сѣдлецкой губерній. Съ тѣхъ поръ до 1905 г. этотъ вопросъ по тѣмъ же причинамъ выдвигался не менѣе пяти разъ и каждый разъ бывалъ отвергнутъ во вниманіе къ вѣскимъ возраженіямъ тѣхъ или другихъ органовъ

правительства, подкрѣпленнымъ доказательствами чисто государственнаго характера — политическими, стратегическими, правовыми, административными и экономическими, безъ примѣси злоупотребленія религіей и народностью, этого клейма мѣръ партійно-сословныхъ. Желающіе ознакомиться съ подробностями этихъ попытокъ (числомъ 7) и съ оффиціальными возраженіями на нихъ найдутъ всѣ нужныя свѣдѣнія въ книгѣ, составленной сплошь на основаніи документовъ и отчасти изъ самыхъ документовъ, „Матеріалы къ вопросу объ образованіи Холмской губерніи, собранные А. З. Варшава. 1908 г." (стр. 1—11). Послѣдняя ихъ этихъ попытокъ, увѣнчавшаяся, наконецъ, повидимому, полнымъ успѣхомъ, принадлежитъ епископу Евлогію. Вызвана она была, какъ извѣстно, тѣмъ, что, когда послѣдовало провозглашеніе свободы вѣроисповѣданія, всѣ „калакуты", т.-е. „упорствующіе" изъ бывшихъ уніатовъ, по происхожденію русскихъ (украинцевъ), въ 1875 г. насильно „возсоединенныхъ съ православіемъ", и нѣкоторые изъ такихъ православныхъ,—всего не менѣе 200,000,—обратились въ католичество. А такъ какъ католичество въ тѣхъ мѣстахъ считается „панской", иначе польской, вѣрой въ противоположность уніатству, вѣрѣ „хлопской", т.-е. русской, переходъ въ католичество вездѣ, гдѣ господствуютъ поляки, равняется присоединенію къ польской народности, если, конечно, положеніе дѣлъ въ краѣ останется то же, какое сложилось мало-по-малу съ 1839 г., когда впервые уніаты были признаны „возсоединенными съ православной церковью", а уніатство—„несуществующимъ" (ср. тамъ же, стр. 49).

Отпаданіе весьма значительнаго числа „возсоединенныхъ", и уже не въ уніатство, нами уничтоженное, а прямо въ католичество, уничтожить которое мы не въ силахъ, могло показаться неожиданностью только людямъ, не имѣвшимъ никакого понятія о состояніи вѣроисповѣднаго вопроса въ Холмщинѣ, что было бы странно предположить относительно тамошняго православнаго духовенства: вѣдь самый фактъ существованія „упорствующихъ", тщательно избѣгавшихъ всякаго общенія съ православной церковью и замѣнившихъ привычное имъ, но запрещенное уніатство какою-то самодѣльной „краковской вѣрой" безъ духовенства и почти безъ обрядовъ, долженъ былъ показать нашему духовенству, что совершенно напрасно оно сочло себя въ правѣ успокоиться—если не на лаврахъ,

то на казенномъ содержаніи и на помощи свѣтской власти. Изъ этого спокойствія не было оно выведено и тѣмъ обстоятельствомъ, что съ 1875 г. число „упорствующихъ“ не уменьшалось, а непрестанно росло, какъ и число старцевъ и старицъ, самозванныхъ священнослужителей „краковской вѣры“. По крайней мѣрѣ проекты выдѣленія Холмщины до 1905 г. вносились не духовенствомъ. Исключеніе составляетъ чуть ли не одна записка Леонтія, архіепископа варшавскаго, поданная въ 1889 г., да и та посвящена была собственно вопросу о введеніи Юліанскаго календаря вмѣсто Грегоріанскаго, усвоеннаго холмщаками вмѣстѣ съ уніей и удержаннаго ими по „возсоединеніи“ или, какъ они говорили, „обрушеніи“, такъ какъ вся ихъ жизнь, и матеріальная и духовная, была распредѣлена по этому календарю. Дѣятельность холмскихъ представителей православной церкви за это время проявлялась почти только въ доносахъ на польскихъ епископовъ и священниковъ. Спохватилось наше тамошнее духовенство только въ 1905 г., когда переходъ десятковъ тысячъ его паствы въ католичество показалъ всѣмъ воочію, насколько православные священники уступаютъ ксендзамъ и въ искусствѣ, и въ усердіи. Отсюда ясно не государственное, а сословное происхожденіе послѣдняго проекта выдѣленія Холмщины. Но для того, чтобы привлечь къ этому проекту свѣтскіе слои общества съ правительствомъ во главѣ, понадобились не одни религіозные доводы, а также политическіе, или хоть имѣющіе видъ таковыхъ. Тогда-то и было указано на то, что измѣна православію, по тамошнимъ условіямъ, равносильна измѣнѣ русской народности.

Такимъ образомъ, вопросъ былъ поставленъ и на почву національнизма, притомъ не только великорусскаго, а и украинскаго, такъ какъ холмскіе русскіе—украинцы. Правда, національнизмъ россійскихъ и австрійскихъ украинцевъ едва ли имѣлся при этомъ въ виду, и большинство ихъ, повидимому, поняло, что образованіе Холмской губерніи съ причисленіемъ ея къ кіевскому генералъ-губернаторству еще менѣе обезпечиваетъ украинскую народность ея населенія, чѣмъ административная принадлежность его къ Царству Польскому; однако есть и такіе украинцы, которые отъ этой мѣры ожидаютъ сохраненія хоть остатковъ сѣверной вѣтви украинскаго племени, потому что великороссъ, какъ бы ни стремился къ распространенію своихъ языка, вѣры и образа мыслей, не выдумаетъ для того иной

мѣры кромѣ насилія, которое неукоснительно вызываетъ протестъ, а полякъ подчиняетъ другіе народы своему вліянію культурными средствами, дѣйствующими медленно, но вѣрно. Итакъ, за выдѣленіе Холмщины стоятъ мѣстное духовенство, мѣстные чиновники-великороссы, нѣкоторые украинцы и наши національсты въ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. не только объявившіе себя таковыми, но и всѣ тѣ, которые, не имѣя ни малѣйшаго понятія о предметѣ спора, легко попадаются на удочку націонализма, когда на нее насаженъ, въ видѣ наживки, таинственный „государственный интересъ". Само собою, разумѣется, что въ рядахъ этого немалочисленнаго войска попадаются и такіе ратоборцы, которые пристаютъ вездѣ, гдѣ чуютъ силу. Національно-политическая аргументація этихъ печальниковъ Холмскаго края, о которомъ до 1905 г. большинство и не слыхивало, такъ же проста, какъ и убѣдительна для патріотическихъ профановъ: Холмщина есть исконно-русская земля, а до историческихъ правъ на нее поляковъ намъ, русскимъ, нѣтъ никакого дѣла; слѣдовательно, надобно выдѣлить Холмскую Русь изъ состава Царства Польскаго для спасенія ея отъ польско-католическаго вліянія и для осуществленія принципа, содержащагося въ извѣстномъ изреченіи: „отторгнутая возвратихъ".

Такъ какъ признаніе чужихъ историческихъ правъ почитается теперь излишнимъ, остановимся только на первой части этого не-то наивнаго, не-то недобросовѣстнаго доказательства. Сколько ни говорили и ни писали свѣдущіе люди о народности коренного, нѣкогда православнаго, потомъ уніатскаго, позже — отчасти „возсоединеннаго", отчасти сбѣжавшаго въ католичество населенія Холмщины, выраженіе „русская земля" понимается большинствомъ — искренне или притворно—въ смыслѣ „великорусская земля". На самомъ дѣлѣ, какъ уже сказано выше, Холмщина населена малороссами или украинцами, такими, какіе живутъ, напримѣръ, въ Нѣжинскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи и въ Радомысльскомъ — Кіевской, а не такими, каковы, напримѣръ, харьковскіе, полтавскіе, кіевскіе (кромѣ названнаго уѣзда) или подольскіе. При этомъ холмщаки подверглись и въ языкѣ, и въ быту довольно сильному польскому вліянію. Что же касается вліянія великорусскаго, болѣе или менѣе замѣтнаго по всей Украинѣ, въ Холмщинѣ оно отразилось до нѣкоторой сте-

пени на интеллигенціи, въ тѣхъ мѣстахъ весьма немногочисленной, но въ крестьянствѣ говорить о немъ не приходится. Великороссы знакомы тамошнему простому люду только въ качествѣ священнослужителей, чиновниковъ и военныхъ, почти сплошь обрусителей, держащихъ себя господами, и кажутся ему чужими. При выборѣ между великороссамъ и полякамъ холмщакъ предпочтетъ скорѣе послѣдняго, потому что къ нему привыкъ, лучше понимаетъ его и видитъ въ немъ хоть и пана, но честнаго человѣка. Сверхъ того польскія насилія при введеніи уніи онъ давно забылъ, а „возсоединеніе“ помнитъ отчетливо и живо. Если бы въ Холмщинѣ появились теперь уніатскіе проповѣдники изъ Галичины, говорящіе на языкѣ, очень близкомъ къ языку холмскихъ русскихъ, многіе холмщаки, какъ „возсоединенные“, такъ и обратившіеся въ католичество, пожалуй, вернулись бы къ той вѣрѣ, которая была нѣкогда имъ навязана поляками, но, такъ какъ въ нее были обращены лишь русскіе, стала ихъ отличительною, національною вѣрою. Эту возможность, равно какъ и тяготѣніе къ ксендзамъ, зародившееся въ нихъ подъ вліяніемъ неловкихъ дѣйствій командированнаго къ нимъ великорусскаго духовенства, отнюдь не слѣдовало терять изъ виду тѣмъ, которые собираются запереть холмщаковъ въ великорусскій церковно-полицейскій загонъ, именуемый Холмской губерніей. Какъ бы крѣпко ни охранялись границы этой „православной“ губерніи, населенной преимущественно католиками, уберечь ее отъ внѣшнихъ вѣяній можно будетъ лишь съ той стороны, съ которой предполагается усиленно напускать ихъ,—съ восточной; а отъ польско-католическаго запада и украинско-уніатскаго юга отгородить ее не удастся никакой охранѣ. Эта задача затрудняется до крайности самымъ очертаніемъ новой губерніи, напоминающимъ Великобританію, но значительно вытянутую и сильно выщербленную заливами, къ которой вмѣсто Корнваллиса, на австрійской границѣ, прицѣплено подобіе извивающейся змѣи. Въ этомъ случаѣ фантазія нашихъ націоналистовъ далеко оставила за собою дѣйствіе океана на образованіе материковъ и острововъ. Къ неудобствамъ со стороны привычекъ и симпатій населенія и со стороны формы территоріи присоединяется административная черезполосица, такъ какъ эта губернія въ однихъ отношеніяхъ должна остаться частью Царства Польскаго, въ другихъ—отойти къ кіевскому генералъ-губернаторству, что,

по словамъ А. З., повлечетъ „за собою неминуемо полнѣйшій безпорядокъ, чуть ли не анархію при исполненіи служебныхъ обязанностей“ (тамъ же, стр. 46).

Итакъ, положеніе дѣла представляется въ слѣдующемъ видѣ: спасти коренное русское населеніе Холмщины отъ дальнѣйшаго ополяченія—съ русской точки зрѣнія—весьма желательно, но выдѣленіе его въ особую административную единицу фактически невозможно и политически вредно. Гдѣ же выходъ изъ этого тупика? На такой вопросъ г. В. Сватковскій, знатокъ нашей западной окраины, даетъ въ „Руси“, 1905 г. (см. стр. 66 книги А. З.), слѣдующій отвѣтъ: „Дайте всему малорусскому населенію, поддающемуся теперь ополяченію, культурныя средства національнаго развитія. Дайте ему школу, читальни съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ, возвратите ему церковь уніатскую, съ которой оно сроднилось, и вы увидите, что все то, что отпало въ этой малорусской мѣстности и лишь по недоразумѣнію причисляетъ себя къ полякамъ, возвратится весьма быстро къ своей народности“. Правда, авторъ считаетъ этотъ совѣтъ исполнимымъ лишь „въ южномъ углу Холмщины, гдѣ малорусское населеніе сознательно“, но только потому, что признаетъ другія части края въ этнографическомъ отношеніи безвозвратно потерянными. Полнаго вниманія заслуживаетъ и то замѣчаніе, которымъ авторъ указываетъ на основную ошибку поборниковъ выдѣленія Холмской Руси (стр. 66—67): „Но вы не хотите возвращенія малорусскаго населенія въ малороссы, вы не хотите сохраненія нѣсколькихъ малороссовъ, вы мечтаете сдѣлать изъ нихъ истинно-русскихъ московскихъ людей, промѣнявшихъ языкъ Шевченко на дутыя карамзинскія фразы... Вы все время трубили о Холмской Руси, наслѣдіи Владиміра Великаго, пытаясь обмануть общественное мнѣніе, будто она, эта Холмщина, русская въ смыслѣ великорусскомъ. И оттого ваши старанія осуждены напередъ на неудачу“. Почтенный авторъ безусловно правъ: давно пора нашимъ націоналистамъ понять, что какъ нѣтъ націонализма верхне-нѣмецкаго и нижне-нѣмецкаго, а есть только націонализмъ нѣмецкій, такъ и русскій націонализмъ имѣетъ право на существованіе лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ былъ русскимъ, а не великорусскимъ.

Ѳ. Коршъ.

Къ вопросу объ украинскомъ сепаратизмѣ.

Лѣтъ около четырехъ тому назадъ П. Б. Струве увѣрялъ: „Національное лицо“, о которомъ я заговорилъ, есть не медузова голова, а честное и доброе лицо русской національности, безъ которой не простоитъ и „россійское“ государство. Національный вопросъ въ Россіи еще Вл. Соловьевъ формулировалъ какъ вопросъ „не о существованіи, а о достойномъ существованіи“. Насколько правильныя проекціи изъ такой постановки національной проблемы мало обезпечены „честнымъ и добрымъ лицомъ русской національности“,—лучшій тому примѣръ нынѣшняя позиція самого Струве въ украинскомъ вопросѣ. Нынѣ для Струве уже и „проблема языка въ начальной школѣ не такъ проста даже съ педагогической точки зрѣнія, какъ кажется многимъ, ссылающимся на педагогику“. И, не оставляя читателей въ недоумѣніи, Струве сознается: „Чѣмъ больше я размышляю на эту тему, тѣмъ яснѣе мнѣ становится та роль, которую при всеобщемъ обученіи можетъ въ культурно-національномъ сплоченіи всѣхъ племенъ русскаго народа сыграть обученіе въ начальной школѣ на общерусскомъ языкѣ“ („Русская Мысль“, I кн. 1913 г.). Это признаніе интересуетъ насъ не тѣмъ, что является типичнымъ образчикомъ размышленія не на тему („размышляя“ на педагогическую тему, Струве приходитъ къ выводу, никакой связи съ вопросами педагогики не имѣющему). Мы цитировали признаніе Струве только потому, что изъ-за него выглядываетъ если не „медузова голова“, то традиціонная „точка зрѣнія“ эмпирической русской государственности, лицо которой трудно во всякомъ случаѣ квалифицировать какъ „честное и доброе“. Недаромъ такой „спеціалистъ“ по украинскому вопросу, какъ авторъ недавно вышедшаго изъ печати доноса объ „Украинскомъ движеніи, какъ современномъ этапѣ южно-русскаго сепаратизма“, признаетъ позицію Струве „безсознательной апологіей

ограниченій 1876—1881 гг.". Нѣтъ, „честность и доброта" лица русской національности, которыхъ мы не думаемъ отрицать, не должны примѣшиваться къ обсужденію и разрѣшенію національно-политической проблемы. Здѣсь должна идти рѣчь объ учрежденіяхъ. Развитіе въ Россіи свободы и права мыслимо только при сочетаніи общеимперской государственности съ такою публично-правовой организаціей областей, какая обезпечила бы имъ національно-автономное существованіе. Это единственное средство разрѣшенія въ Россіи національной проблемы, т.-е. вопроса „не о существованіи, а о достойномъ существованіи".

Такова точка зрѣнія недержавныхъ народностей, въ томъ числѣ и украинцевъ. „Въ объективномъ пониманіи украинской проблемы" Струве, по его словамъ, ближе къ „украинцамъ", чѣмъ тѣ русскіе либералы, которые въ украинскомъ вопросѣ не находятъ „опредѣленныхъ граней", полагая, что находить ихъ должны „здравый смыслъ и политическій тактъ украинскаго общества, иначе компрометтируются наиболѣе справедливыя его пожеланія" (С. Котляревскій, „Русск. Мысль", № 1 1913 г.). Осмѣливаемся признать это, не боясь „компрометтировать" въ глазахъ г. Котляревскаго тѣ украинскія „пожеланія", которыя и ему кажутся „наиболѣе справедливыми". Украинское движеніе стоитъ нынѣ на такой высотѣ и на такихъ теоретическихъ позиціяхъ, съ какихъ всѣ эти угрозы „не пугаютъ". Весьма мало убѣдительна ссылка Котляревскаго на работу бар. Нольде объ единствѣ и нераздѣльности Россіи, показывающую, какъ „растворились въ стихіи централистической государственности" элементы автономизма. На замѣчаніе: „можно оплакивать этотъ крупнѣйшій фактъ въ исторіи нашего мѣстнаго управленія, но нельзя съ нимъ не считаться"—слѣдуетъ возразить, что „классическій путь" отмѣны правъ и привилегій автономныхъ россійскихъ областей не внѣдряется въ современное сознаніе, какъ фатальная и непреоборимая „воля историческихъ судебъ". Государственная публично-правовая жизнь не должна неизбѣжно мыслиться въ видѣ окутаннаго громами и молніями „Синая", съ высоты котораго „изрекается воля великодержавнаго государства". „Патріотическая тревога" можетъ направляться не только въ сторону безпомощнаго страха за судьбу того „единства" централизующей бюро-

кратической машины, которое крѣпко главнымъ образомъ силой бронированнаго кулака, но и въ сторону созиданія того государственнаго устройства, которое сочетаніемъ общеимперской государственности съ автономнымъ самоуправленіемъ областей создаетъ органическое „единство", залогъ дѣйствительной государственной мощи.

Для „объективнаго пониманія украинской проблемы" въ настоящее время не надо никакихъ догадокъ: достаточно знакомства съ литературой предмета. Но знакомство съ предметомъ почему-то до сихъ поръ весьма мало распространено и по украинскому вопросу; о текущихъ явленіяхъ движенія не рѣдкость встрѣтить въ прогрессивной русской печати вещи, мало уступающія знаменитой „развѣсистой клюквѣ" изъ разсказовъ иностранца о Россіи. Примѣровъ тому можно бы привести множество... Знакомство съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей особенно желательно нынѣ, когда въ связи съ тѣмъ, что Струве называетъ „серьезнѣйшими международно-политическими аспектами" украинской проблемы, замѣтно вырастаетъ общественный интересъ къ послѣдней. Когда С. Котляревскій выражаетъ пожеланіе, чтобы „представители украинской интеллигенціи болѣе энергично отмежевались отъ всякихъ сепаратическихъ тенденцій" и дали „болѣе рѣшительный отпоръ" соотвѣтствующимъ голосамъ изъ Галиціи, онъ является виновникомъ опаснаго недоразумѣнія, будто бы „сепаратическія тенденціи" дѣйствительно живутъ въ украинскомъ обществѣ. Нельзя отмежевываться отъ несуществующаго или существующаго въ измышленіяхъ тенденціозной злонамѣренной лжи. Сепаратическихъ тенденцій въ украинскомъ обществѣ нѣтъ. Вѣдь какъ бы ни осуждалъ г. Котляревскій „съ точки зрѣнія здраваго смысла и политическаго такта" стремленія автономистическія, отождествить ихъ съ сепаратическими ему помѣшаетъ политическая грамотность. Что же касается „соотвѣтствующихъ голосовъ изъ Галиціи", то мы не знаемъ, о чемъ именно говоритъ г. Котляревскій, но думаемъ, что „голоса изъ Галиціи" могутъ характеризовать настроенія украинцевъ австрійскихъ, но не россійскихъ и что именно доказать должны послѣдніе своимъ „отпоромъ" голосамъ первыхъ, намъ совершенно не понятно. Во всякомъ случаѣ, поскольку рѣчь идетъ о современномъ обостреніи международныхъ отношеній и о возможности военнаго столкно-

венія Россіи съ Австріей, для насъ несомнѣнно, что и россійская, и австрійская части Украины не обнаружатъ никакихъ поползновеній къ нелояльному для каждой изъ нихъ образу дѣйствій. Оттого при близкомъ культурномъ взаимообмѣнѣ возможность войны особенно болѣзненно чувствуется въ обѣихъ частяхъ украинскаго населенія. Что касается австрійскихъ украинцевъ, то уже a priori было бы странно предположить ихъ политическое тяготѣніе къ нынѣшней Россіи, даже либеральные люди которой во имя фантома культурно-національнаго сплоченія всѣхъ русскихъ племенъ дошли до попранія требованій элементарной педагогики. Мои личныя наблюденія въ Галиціи приводятъ меня къ полному отрицанію возможности подобнаго предположенія. Экономическое положеніе галицкихъ крестьянъ тяжело (много ли лучше оно въ Россіи?), національная борьба въ краѣ остра и болѣзненна, религіозная терпимость оставляетъ желать многаго. Вообще я не склоненъ галицкія условія жизни видѣть въ розовомъ свѣтѣ. Но, не вдаваясь въ разсмотрѣніе вопроса почему, изъ близкаго знакомства съ различными слоями галицкой интеллигенціи (писателями, журналистами, педагогами, чиновниками, священниками, учащейся молодежью и пр.), я вынесъ полное убѣжденіе, что всякое предположеніе о возможности политическаго тяготѣнія къ Россіи для настоящаго момента здѣсь совершенно исключено [1]). Могу къ этому прибавить, что имя императора Франца-Іосифа въ широкихъ массахъ народа пользуется глубокимъ уваженіемъ и популярностью. „Наш батько Цісарь“,—говорятъ о немъ старики и юноши деревень, въ которыхъ мнѣ приходилось бывать и жить. Благодаря „темнымъ день-

[1]) На-ряду съ этимъ, а можетъ быть, именно потому здѣсь нѣтъ никакой вражды къ русской культурѣ и къ русскимъ идейнымъ вліяніямъ. Знакомство съ русскими наукой и литературой энергично насаждалъ среди галицкихъ украинцевъ Драгомановъ, и съ той поры русское вліяніе на нихъ не прекращается, не играя, однако, ни малѣйшей денаціонализирующей роли. Я не касаюсь вовсе воинствующаго галицкаго „москвофильства“, возникшаго отчасти подъ вліяніемъ гнета австро-польской системы управленія краемъ и искусственно питаемаго „темными деньгами“, чѣмъ движеніе въ послѣднее время окончательно скомпрометтировано. Культурно оно совершенно безпомощно, а громадное большинство его адептовъ говоритъ на такомъ „московскомъ“ (русскомъ) языкѣ, отъ котораго у знающихъ русскій языкъ животъ можетъ разболѣться, да и то прибѣгаетъ къ нему лишь въ „торжественныхъ случаяхъ“, въ обыденной жизни говоря по-украински.

гамъ“ и можетъ влачить существованіе „Прикарпатская Русь“, но въ такой обстановкѣ никакими деньгами сколько-нибудь серьезнаго руссофильскаго политическаго движенія создать нельзя.

Относительно Украины россійской не нужно ни свидѣтельствъ, ни наблюденій, чтобы утверждать, что всѣ обвиненія въ австрофильствѣ, мазепинствѣ и сепаратизмѣ насквозь и притомъ злонамѣренно лживы. Вздорность подобныхъ обвиненій слишкомъ воочію воспринимается всѣми пятью чувствами. А потому идейныя движенія среди украинской интеллигенціи должны разсматриваться sine ira et studio совсѣмъ въ другой плоскости и подъ иными углами зрѣнія. Ростъ украинскаго движенія въ послѣдніе годы породилъ настроенія и взгляды, которые мы назвали бы національнымъ радикализмомъ, взгляды и настроенія, окрашенные національной исключительностью. Они наложили свою печать на самыя различныя направленія, пріобрѣли своихъ адептовъ въ лагеряхъ, во всемъ иномъ между собой разномыслящихъ (правый въ соціально-политическомъ отношеніи еженедѣльникъ „Сніп“, модернистская „Українська Хата“, кое-кто изъ украинскихъ марксистовъ и др.); но здѣсь явственно ощущается не столько подлинная ненависть къ державной національности, сколько боязнь, страхъ утратить свою собственную національную оригинальность. Въ психологіи этого страха—ключъ къ объясненію новыхъ настроеній и взглядовъ, которыми характеризуется современное идейное броженіе среди украинской интеллигенціи. Онъ возникаетъ, несомнѣнно, на почвѣ растущаго національнаго движенія, стремящагося къ всестороннему и всеобъемлющему культурному творчеству. Можно думать, что эти настроенія и идеи являются неизбѣжнымъ фактомъ въ ненормальныхъ условіяхъ роста, и украинская интеллигенція скоро выйдетъ на торную дорогу пониманія того, что въ области культурнаго творчества плодотворно сотрудничество и безплодна, а потому и неумѣстна борьба на почвѣ непріязни. Способствовать этому пониманію долженъ успѣхъ борьбы за учрежденія, гарантирующія свободу національнаго самоопредѣленія, и не только сочувствіе, но и участіе въ этой борьбѣ демократическихъ слоевъ русскаго общества.

М. Могилянскій.

Украинская трибуна въ Европѣ.

Десять лѣтъ тому назадъ по порученію украинскаго галицкаго) національнаго комитета началъ издаваться на нѣмецкомъ языкѣ двухнедѣльный журналъ „Ruthenische Revue“. Руководить журналомъ взялись члены парламента В. Яворскій и А. Косъ вмѣстѣ съ Романомъ Сембратовичемъ (нынѣ покойнымъ уже), отвѣтственнымъ редакторомъ и главнымъ сотрудникомъ журнала. „Ruthenische Revue“, превратившійся впослѣдствіи въ ежемѣсячный журналъ и принявшій названіе „Ukrainische Rundschau“ издается и въ настоящее время въ Вѣнѣ подъ редакціей д-ра Владиміра Кушнира.

Для опредѣленія значенія „Ukr. Rund.“ въ національно-культурной и политической жизни украинскаго народа намъ важны не ограниченные краткимъ промежуткомъ времени непосредственные поводы начала изданія этого журнала, а тѣ длительно дѣйствующіе факторы національной жизни, которые дѣлали необходимымъ изданіе „Ukr. Rund.“ въ продолженіе десятка лѣтъ и которые побуждаютъ украинцевъ и теперь поддерживать существованіе этого журнала. „Ukr. Rund.“ — одно изъ проявленій стремленія современнаго украинства къ источнику культуры Западной Европы.

Органъ этотъ имѣетъ большое значеніе для украинцевъ въ сферѣ политическихъ отношеній. Продолжая информировать Европу о важнѣйшихъ фактахъ украинской національной культурной жизни, „Ukrain. Rund.“ по мѣрѣ своего развитія становится журналомъ по преимуществу политическимъ. Національный факторъ въ жизни политической единицы, такъ пренебрежительно третируемый авторитетами россійской внутренней и внѣшней политики, давно уже весьма правильно учтенъ на Западѣ. Послѣднія событія на „востокѣ“ лишь подчеркнули правильность европейской точки зрѣнія. Эта точка зрѣнія является отчасти и объясненіемъ того повышеннаго интереса, съ которымъ Европа слѣдитъ за борьбой украинскаго народа за свое существованіе. Интересъ Европы къ украинскому возро-

жденію весьма различенъ: если одни привѣтствуютъ лишь побѣду прогресса въ національномъ возрожденіи украинства и тѣсно связанной съ нимъ децентрализаціи Россіи, то другіе со злорадствомъ наблюдаютъ ослабленіе Россіи въ изнурительной борьбѣ центра съ окраинами. Національное возрожденіе россійской Украины принуждаетъ Европу съ большимъ вниманіемъ относиться и къ борьбѣ австрійскихъ украинцевъ; эти послѣдніе сами по себѣ заслуживали бы въ глазахъ Европы не больше вниманія, чѣмъ словинцы или словаки, въ качествѣ же представителей многомилліоннаго народа они заслуживаютъ того, чтобы ихъ усилія оцѣнивали не только съ точки зрѣнія настоящаго момента, но и въ исторической перспективѣ будущаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ національное развитіе австрійскихъ украинцевъ и самыя формы ихъ національной борьбы ставятъ передъ Европою вѣхи по пути будущаго развитія украинскаго народа въ Россіи и дѣлаютъ понятными для европейцевъ теперешнія стремленія россійскихъ украинцевъ.

Показателемъ интереса европейцевъ къ украинскому движенію служатъ между прочимъ многочисленныя перепечатки изъ „Ukr. Rund.“ въ европейской прессѣ и не только отдѣльныхъ замѣтокъ, но и цѣлыхъ статей. Какъ сотруднику „Ukr. Rund.“, мнѣ приходилось просматривать цѣлыя пачки такихъ перепечатокъ въ вырѣзкахъ изъ самыхъ разнообразныхъ газетъ и журналовъ Европы. Знакомство съ ними въ хронологическомъ порядкѣ приводитъ къ убѣжденію, что интересъ къ украинцамъ съ каждымъ годомъ неизмѣнно возрастаетъ. Въ особенности это надо сказать относительно прессы на нѣмецкомъ языкѣ.

Почти десять лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1904 году, редакція „Ruthenische Revue“ опубликовала анкету о положеніи украинцевъ въ Россіи, созданномъ системою указа 1876 года, и опубликовала отвѣты на нее по мѣрѣ поступленія ихъ въ редакцію. Эта анкета, имѣющая за собою почти десятилѣтнюю давность, произведенная въ то время, когда украинское движеніе въ Россіи было мало замѣтно на поверхности общественной жизни, интересна для насъ не сама по себѣ, но еще и потому, что мы можемъ сравнить ее съ анкетою „Украинской Жизни“. „Ruthenische Revue“ даетъ возможность читателю сравнить взгляды европейцевъ на украинскій вопросъ со взглядами россійскихъ общественныхъ

дѣятелей. На просьбу редакціи „Ruth. Revue“ любезно откликнулись представители почти всѣхъ культурныхъ странъ Европы, и я позволю себѣ привести здѣсь въ русскомъ переводѣ наиболѣе интересныя изъ высказанныхъ мнѣній.

Проф. Анатоль Леруа Болье пишетъ: „Въ журналѣ „L' Europeen“ я уже высказывалъ мой взглядъ на печальное положеніе украинцевъ, созданное императорскимъ указомъ 1876 года; какъ я уже заявилъ въ упомянутой статьѣ (№ 135), я никогда не переставалъ протестовать противъ гоненія на вашъ прекрасный языкъ. Уже въ 1877 году въ одномъ изъ нашихъ значительнѣйшихъ журналовъ, „Revue des Deux Mondes“ сдѣлалъ извѣстнымъ это мѣропріятіе русскаго правительства и высказалъ возмущеніе всѣхъ культурныхъ людей противъ этого нападенія на святѣйшее право народа свободно пользоваться своимъ роднымъ языкомъ.

Я повторяю, что всегда интересовался вашимъ народомъ. Защита его, которую я взялъ на себя въ 1877 году, способствовала моему знакомству съ профессоромъ Драгомановымъ, который часто посѣщалъ меня въ моемъ убѣжищѣ въ Viroflay.

Я читаю ваше „Ruthenische Revue“ съ тѣмъ большимъ интересомъ, что я знаю, что этотъ журналъ будитъ интересъ великаго народа къ дѣламъ украинцевъ. Я самъ напоминаю о нихъ безпрестанно моимъ ученикамъ въ „Ecole des Sciences politiques“ въ Парижѣ такъ настоятельно, что многіе изъ нихъ сдѣлали положеніе вашего народа предметомъ своихъ спеціальныхъ изслѣдованій“.

Бьернстерне Бьернсонъ (Aulestad, Норвегія):

„Русскій министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве высказалъ недавно мнѣніе, что Западная Европа не заботится объ украинцахъ и поэтому ихъ жалобы можно отложить въ сторону.

Я хочу стать на сторону тѣхъ, которые поднимаютъ протестъ. Всѣ тѣ, которые выступаютъ вмѣстѣ со мною, къ какой бы просвѣщенной націи они ни принадлежали, смотрятъ на попытку русскаго правительства лишить 24 милліона украинцевъ въ Россіи ихъ родного языка,—запрещая имъ печатать украинскія книги и газеты и получать таковыя изъ другихъ странъ, запрещая говорить по-украински на юбилейномъ празднествѣ въ честь великаго поэта,—я повторяю съ удареніемъ еще разъ, что всѣ

честные мужчины и женщины любой цивилизованной націи считаютъ эту попытку за нѣчто абсурднѣйшее, о чемъ можно лишь говорить, въ области духовной жизни.

Что я думаю объ этомъ еще, было бы лишнимъ говорить"...

Mr. Оскаръ Бровнингъ (профессоръ кэмбриджскаго университета):

„Я радъ, что имѣю случай выразить мое сочувствіе вашему дѣлу и мое сожалѣніе по поводу мѣропріятій русскаго правительства, направленныхъ къ подавленію украинскаго языка. Помимо своей несправедливости они мнѣ кажутся весьма близорукими. Это правда, что мы переживаемъ эпоху образованія великихъ имперій и великихъ политическихъ союзовъ, но, на мой взглядъ, это движеніе можетъ развиваться безопасно лишь при осторожномъ обереганіи небольшихъ политическихъ союзовъ ..... Исторія учитъ многократно, что тамъ слѣдуетъ ожидать несчастливыхъ результатовъ, гдѣ не обращаютъ вниманія на вышеуказанное обстоятельство"...

Надо признать, что для восточной Европы почтенный профессоръ является не только ученымъ, но и пророкомъ.

Далѣе профессоръ пишетъ объ украинскомъ языкѣ въ Россіи и заканчиваетъ такъ:

„...Всѣ интеллигентные и политически образованные люди должны употребить свой авторитетъ на то, чтобы бороться съ тѣми убійственными мѣропріятіями, противъ которыхъ вы стремитесь защититься".

Весьма типическій отвѣтъ на анкету далъ членъ шведскаго рейхстага Адольфъ Хединъ. Сравнивъ положеніе украинцевъ въ Россіи съ положеніемъ поляковъ въ Познани и скандинавцевъ въ Шлезвигѣ, онъ пишетъ:

„...Но русская система оглушенія духа и моральнаго удушенія поражаетъ насъ. Такая степень рафинованности неслыханна.

Это смѣшеніе языковъ, покоящееся на произвольномъ и абсурдномъ названіи („Klein-russisch"), имѣетъ своею цѣлью поставить украинскій языкъ и украинскую національность въ зависимость отъ великорусскаго (moskovitischen) народа".

Далѣе А. Хединъ указываетъ на цѣнные труды европейцевъ, стремящихся освѣтить украинскій вопросъ

(H. K. Delamarre, Paris, 1869, и Henri Martin, August Schleicher, 1861). Въ концѣ своей цѣнной замѣтки А. Хединъ пишетъ:

„Языкъ—это дыханіе націи. Задушить интеллектуальную и моральную независимую жизнь какой-либо національности—это значитъ отнять у прогресса силу, которую ему ничто не можетъ замѣнить".

Президентъ интернаціональнаго бюро мира въ Бернѣ, членъ датскаго рейхстага Фридрихъ Баеръ признаетъ мнѣніе А. Хедина настолько правильнымъ, что онъ лишь подписывается подъ нимъ.

Достойно всякаго вниманія также и своеобразное мнѣніе профессора политической экономіи копенгагенскаго университета N. E. Frideriksen. Говоря о преслѣдованіяхъ украинскаго языка, литературы и школы, онъ высказываетъ слѣдующую мысль:

„Я не понимаю, какъ возможна такая политика. Эта политика неумна... Если политика въ С.-Петербургѣ такова, то весьма понятно, что во время крымской войны относительно либеральные государственные люди,—въ Берлинѣ Бетманъ-Гольвеговскій кружокъ съ Бунзеномъ во главѣ, а въ Лондонѣ англійскіе государственные дѣятели, какъ принцъ Альбертъ,—могли носиться съ планомъ расширить Австрію до Чернаго моря.

Конечно, истинные русскіе патріоты должны отрѣшиться отъ своихъ собственныхъ націоналистическихъ предразсудковъ и положить конецъ отвратительному нѣмецкому централистическому бюрократизму въ С.-Петербургѣ".

Весьма интересное мнѣніе по украинскому вопросу высказалъ бывшій французскій министръ Ives Guyot.

Украинскій вопросъ въ Россіи, по его мнѣнію, кардинально отличается отъ бретонскаго или фламандскаго вопроса, „такъ какъ культура украинцевъ была гораздо выше культуры москвитянъ". Современная политическая организація Россіи представляется бывшему министру въ видѣ „громадной желатинообразной массы съ крошечнымъ нервнымъ аппаратомъ". Русское правительство должно дать финляндцамъ ихъ автономію, оно должно дать ее полякамъ такъ же, какъ и украинцамъ. То же самое должны получить и прочія націи".

Этимъ долженъ закончить и я мой пересказъ мнѣній виднѣйшихъ представителей культурной Европы въ укра-

инскомъ вопросѣ, хотя въ „Ruth. Rev.“ имѣется еще цѣлый рядъ весьма интересныхъ мнѣній, съ которыми я не могу познакомить читателей „Укр. Жизни“ за недостаткомъ мѣста.

Но и приведенныхъ отвѣтовъ на анкету вполнѣ достаточно, чтобы вполнѣ ясно опредѣлить мнѣніе культурной Европы въ украинскомъ вопросѣ и констатировать ея несомнѣнный интересъ къ судьбѣ украинцевъ, разбуженный и поддерживаемый между прочимъ и съ „украинской трибуны въ Европѣ“.

Это можетъ показаться парадоксомъ, но въ дѣйствительности является лишь горькой истиной, что всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ европейская пресса интересовалась украинскимъ вопросомъ гораздо больше, чѣмъ россійская.

Судьбой украинцевъ интересовались не только такіе выдающіеся умы, какъ Бьернсонъ, Г. Брандесъ, д-ръ Sergi, Герляхъ и т. д., но и рядовые публицисты. По украинскому вопросу пишутъ не только въ большихъ нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, скандинавскихъ и пр. газетахъ и журналахъ, но и португальская публицистика.

Pompeyus Gener пишетъ въ журналѣ „Joventut“ (Барцелона) статью „Els Ruthenis“ о положеніи украинскаго народа въ Россіи.

Положеніе же „Ukr. Rund.“ въ этомъ хорѣ голосовъ европейской прессы по украинскому вопросу очень вѣрно опредѣлилъ упомянутый уже извѣстный нѣмецкій политикъ Герляхъ.

„Нѣсколько выдающихся австрійскихъ украинцевъ, — пишетъ онъ въ „Berliner Zeitung“, —оказали большую услугу украинскому народу, начавъ издавать полтора года тому назадъ въ Вѣнѣ на нѣмецкомъ языкѣ журналъ „Ruthenische Revue“, который даетъ вѣрное представленіе о духовной жизни украинцевъ и о россійскихъ репрессіяхъ“.

Несомнѣнно, что интересъ Европы къ украинцамъ за послѣдніе годы сильно увеличился, но положеніе украинскаго народа въ Европѣ и отношенія „Ukr. Rund.“ къ европейской прессѣ несомнѣнно значительно измѣнились. Политическое развитіе галицкаго украинства и національное возрожденіе россійскихъ украинцевъ сдѣлали украинскій народъ политическимъ факторомъ, съ которымъ начинаютъ считаться въ международныхъ отношеніяхъ такъ же, какъ и съ прочими политическими факторами.

Свѣдѣнія, сообщаемыя европейской публикѣ „Ukr. Rund.“, тонутъ уже въ морѣ того, что пишутъ въ данный моментъ объ украинцахъ въ европейской прессѣ; вѣнская „Zeit“ помѣщаетъ обстоятельныя статьи по украинскому вопросу рядомъ съ передовицами; не отстаютъ отъ нея и „N. Freie Presse“ и остальныя большія вѣнскія газеты. Въ европейской прессѣ можно читать объ украинцахъ ежедневно; измѣнился и характеръ этихъ писаній: исчезли академическія статьи по украинскому вопросу. Какъ вопросъ политическій, украинскій вопросъ сталъ предметомъ партійныхъ споровъ; опредѣлилась извѣстная дифференціація мнѣній по украинскому вопросу: нѣмецкая, французская и англійская пресса пишутъ объ украинцахъ различно.

Пресса тройственнаго союза и тройственнаго соглашенія высказывается различно, анализируя съ различныхъ точекъ зрѣнія украинско-русскія отношенія и украинско-польскую борьбу. Обозначилась и соціальная дифференціація европейскихъ мнѣній въ украинскомъ вопросѣ: консерваторы и прогрессисты, демократы и плутократы имѣютъ особое сужденіе о грядущихъ судьбахъ украинскаго народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ усложнились и задачи „Ukr. Rund.“, Редакція журнала должна разобраться въ массѣ печатнаго матеріала по украинскому вопросу, строго различая истинныхъ друзей и враговъ украинскаго движенія въ Европѣ, словомъ, вести опредѣленную политику.

Само украинское общество, о которомъ приходится писать „Ukr. Rund.“, пережило въ послѣдніе годы огромную эволюцію. Развитіе формъ общественной жизни и разслоеніе украинскаго общества усложняетъ дѣло освѣдомленія Западной Европы о событіяхъ украинской жизни.

Оставаясь по существу органомъ всеукраинскимъ и демократическимъ, „Ukr. Rund.“ должно было имѣть опредѣленную политическую программу не столько для всей Европы, сколько для Австро-Венгріи. Политическая борьба украинцевъ съ поляками за университетъ и избирательную реформу приняла въ теченіе послѣднихъ лѣтъ такой напряженный характеръ и такія острыя формы, что „Ukr. Rund.“, конечно, не могъ оставаться въ сторонѣ отъ нея. И несомнѣнно, что этотъ единственный украинскій журналъ на нѣмецкомъ языкѣ, къ тому же находя-

щійся въ Вѣнѣ, за предѣлами досягаемости для польской цензуры, дѣлалъ свое дѣло въ борьбѣ съ польскими нѣздами и читался съ большимъ интересомъ также и въ украинскихъ политическихъ кругахъ Австріи. Украинская борьба до послѣдняго времени направлялась главнымъ образомъ противъ польскаго коло, по отношенію къ вѣнскому правительству украинцы были лишь оппозиціею, и это позволяло „Ukr. Rund." быть лояльнымъ по отношенію къ центральному правительству. Но поведеніе министра-президента Штюргка въ университетскомъ вопросѣ заставило украинцевъ въ вѣнскомъ парламентѣ принять болѣе рѣшительныя мѣры, и „Ukr. Rund." въ 1913 году перемѣнилъ свой прежній лояльный тонъ на оппозиціонный.

Политическое значеніе „Ukr. Rund." въ Австріи иллюстрируется между прочимъ безграничной ненавистью къ нему польскихъ шовинистовъ. Однимъ изъ плодовъ этой ненависти была и легенда о „прусскихъ маркахъ", созданная Раковскимъ и раздутая всей польскою прессою. Въ кругахъ украинской интеллигенціи Австріи „Ukr. Rund." пользуется заслуженною репутаціею. Нѣмецкій языкъ не является препятствіемъ для распространенія „Ukr. Rund." среди украинской интеллигенціи Австро-Венгріи, и многочисленные украинскіе подписчики изъ всѣхъ мѣстъ, куда лишь судьба забрасываетъ украинца, поддерживаютъ журналъ и даютъ возможность редакціи разсылать его болѣе значительнымъ культурнымъ учрежденіямъ Европы. Въ Россію идетъ относительно весьма незначительное количество экземпляровъ „Ukr. Rund". А между тѣмъ средствъ самихъ лишь австрійскихъ украинцевъ, обремененныхъ многочисленными жертвами на различныя патріотическія цѣли, для „Ukr. Rund." часто не хватаетъ, и это—одна изъ причинъ нерегулярнаго выхода „Ukr. Rund." Эти антракты въ изданіи „Ukr. Rund." —явленіе тѣмъ болѣе печальное, что украинское общество весьма нуждается въ органѣ для освѣдомленія Европы объ украинскихъ дѣлахъ. И для россійскихъ украинцевъ такой органъ гораздо болѣе необходимъ, чѣмъ для австрійскихъ, такъ какъ первые гораздо больше оторваны отъ Европы, чѣмъ послѣдніе. Для украинскаго общества въ Россіи въ высшей степени необходима возможность непосредственнаго сношенія съ культурными націями, хотя бы и при помощи соб-

ственнаго журнала въ Европѣ; противопоставленіе себя инымъ націямъ является однимъ изъ средствъ развитія національнаго сознанія.

Прогрессирующее значеніе національнаго фактора въ государствѣ и непрестанное развитіе украинскаго народа на всѣхъ поприщахъ соціально-политической жизни дѣлаютъ „украинскую трибуну въ Европѣ“ все болѣе необходимою, и хочется надѣяться, что россійскіе украинцы почувствуютъ и поймутъ это въ большей степени, чѣмъ до сихъ поръ.

М. Данько.

Украинское Ученое Общество въ Кіевѣ.

Первая проба организаціи украинской научной работы была сдѣлана въ началѣ 70-хъ годовъ въ Кіевѣ: здѣсь въ 1873 году былъ открытъ „Юго-западный Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества". Этотъ отдѣлъ собралъ вокругъ себя кружокъ выдающихся украинскихъ ученыхъ, литераторовъ и общественныхъ дѣятелей, оживилъ въ мѣстномъ обществѣ интересъ къ изученію украинской народности, много способствовалъ успѣху 3-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ 1874 г., привлекъ къ сотрудничеству много лицъ изъ россійской и закордонной Украины, намѣтилъ цѣлый рядъ изданій по украинскому фольклору. Въ двухъ томахъ „Записокъ" отдѣла помѣщено много цѣнныхъ статей такихъ крупныхъ представителей украинской науки, какъ В. Б. Антоновичъ, Ф. К. Волковъ, П. П. Чубинскій, А. А. Русовъ и др. Но Отдѣлъ просуществовалъ весьма недолго: въ 1876 году послѣдовалъ знаменитый указъ о воспрещеніи печатать что-либо на украинскомъ языкѣ, за исключеніемъ беллетристики (и то со всякими ограниченіями), а также исполнять публично украинскія пѣсни и театральныя пьесы; вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало распоряженіе о закрытіи Юго-Западнаго Отдѣла Географическаго Общества. Многіе изъ его наиболѣе дѣятельныхъ членовъ были высланы изъ предѣловъ Украины, какъ, напримѣръ, Чубинскій, Житецкій, другіе принуждены были эмигрировать за границу, какъ М. П. Драгомановъ и Ф. К. Волковъ. Намѣреніе руководителей тогдашней внутренней политики осуществить знаменитую формулу министра Валуева, гласившую, что „не было, нѣтъ и быть не можетъ малороссійскаго языка", естественно, должно было привести къ упраздненію и украинской науки, поскольку таковое могло быть достигнуто закрытіемъ чисто-научнаго учрежденія и разсѣяніемъ его дѣятелей. Но жизнь очень скоро показала всю призрачность бюрократической утопіи и заставила дѣлать одну за другою уступки въ системѣ запрещеній, долженствовавшихъ, казалось, упразднить всякіе проблески духовной жизни украинскаго общества.

Уже въ 1881 году были сняты нѣкоторыя ограниченія съ украинскаго слова въ области изящной литературы и театра, а въ 1882 году въ Кіевѣ начинаетъ выходить подъ редакціей Ѳ. Г. Лебединцева ежемѣсячный журналъ „Кіевская Старина", которому было суждено въ теченіе его 25-лѣтняго существованія сдѣлаться настоящимъ историко-филологическимъ факультетомъ украиновѣдѣнія. При всѣхъ строгостяхъ провинціальной цензуры, запрещавшей сотрудничество въ журналѣ заграничнымъ украинскимъ ученымъ, исключавшей цѣлыми страницами историческіе и этнографическіе матеріалы, при скудости средствъ „Кіевская Старина" сгруппировала старыхъ сотрудниковъ Юго-западнаго Отдѣла и новыхъ дѣятелей украинской науки и дала для изученія Украины столько цѣннаго и разнообразнаго матеріала, что теперь работа въ какой бы то ни было отрасли украиновѣдѣнія совершенно немыслима безъ знакомства съ книжками „Кіевской Старины". Однако, при всѣхъ своихъ заслугахъ и при всемъ своемъ научномъ значеніи „Кіевская Старина" не могла исполнять одной важной роли, какъ главнаго и единственнаго органа культурной украинской работы: она не могла служить дѣлу выработки книжной украинской рѣчи, ибо даже въ 1903 г. цензоръ вычеркивалъ еще изъ статьи о колядкахъ цѣлый рядъ текстовъ колядокъ на томъ основаніи, что получается впечатлѣніе „сплошной малорусской рѣчи". И органъ, посвященный интересамъ развитія украинской науки и литературы, долженъ былъ облекаться въ форму русской рѣчи, избѣгалъ даже слѣдовъ наиболѣе важнаго орудія духовной культуры украинскаго народа — его языка. Не говоримъ уже о томъ, что цѣлый рядъ темъ, цѣлыя эпохи украинской исторіи составляли предметъ запрета для научнаго изслѣдованія во времена изданія „Кіевской Старины". Все это побуждало украинцевъ искать пристанища для своей научной работы тамъ, куда не простиралась власть цензорскаго карандаша. Еще со временъ первыхъ систематическихъ гоненій противъ украинскаго слова, т.-е. съ начала 60-хъ годовъ, россійскіе украинцы начинаютъ обращать свои взоры на родственную Галицію и понемногу переносить туда свою литературную дѣятельность. Первыми показали примѣръ Кулишъ, Конисскій и Ив. Нечуй-Левицкій. Въ 1873 г. на средства россійскихъ украинцевъ основывается во Львовѣ „Товариство імени Шевченка", постави-

вшее себѣ цѣлью служить дѣлу развитія украинскаго языка и литературы. Драгомановъ настойчиво проповѣдывалъ идею перенесенія центра культурно-научной украинской работы за границу, въ болѣе свободныя условія, и подавалъ этому примѣръ, издавая въ Швейцаріи не только первый политическій украинскій журналъ „Громада“, но и матеріалы и изслѣдованія по укр. фольклору, а также произведенія украинской литературы (Шевченка, Мирного). Въ началѣ 90-хъ годовъ „Товариство імени Шевченка“ реформировалось въ ученое общество, и въ немъ съ того момента, когда во главѣ его сталъ профессоръ М. Грушевскій, закипѣла интенсивная научная дѣятельность, объединившая украинцевъ россійскихъ и галицкихъ, старшаго поколѣнія и молодыхъ. На страницахъ нашего журнала была уже дана оцѣнка дѣятельности этого общества, справедливо именуемаго украинской академіей наукъ [1]). Мы отмѣтимъ здѣсь только то, что всѣ изданія „Наукового товариства імени Шевченка“, даже собранія актовъ и памятниковъ церковной литературы XVI—XVII вѣковъ были относимы къ категоріи изданій „абсолютно запрещенныхъ“ въ Россіи. Нечего говорить, насколько такое положеніе вещей задерживало духовный обмѣнъ между Украиной россійской и Львовомъ и насколько пагубно отражалось оно на интересахъ развитія украинской науки вообще. Разсказывать о всѣхъ мытарствахъ, о всѣхъ преградахъ, щедро разставленныхъ на пути развитія украинской науки и ея языка за тридцатилѣтіе послѣ 1876 года,—это „infandum renovare dolorem“. Печальныя послѣдствія этой системы борьбы съ культурой слишкомъ глубоко чувствуются нами и до сихъ поръ...

Но все на свѣтѣ измѣняется! И тѣ же „Записки Наукового товариства імени Шевченка“, нахожденіе которыхъ у россійскаго обывателя влекло за собою послѣдствія, равнозначныя нахожденію какой-либо „Искры“ или „Революціонной Россіи“, въ 1906 году уже свободно получались изъ-за границы, а въ слѣдующемъ 1907 году почтенная „Кіевская Старина“ преобразовалась уже въ „Україну“. И когда авторъ этихъ строкъ препроводилъ было въ цензуру экземпляръ одной книги Драгоманова, намѣреваясь издать ее въ Кіевѣ, то недавно еще столь грозная въ своемъ

---

[1]) См. „Украинская Жизнь“ 1912 г., № 10, стр. 23—38.

величіи и могуществѣ цензура возвратила ему книгу въ сопровожденіи бумаги, въ которой скромно заявила о собственномъ упраздненіи. Для украинцевъ, привыкшихъ къ спеціально-цензурному гнету, это давало особенно яркій сюжетъ для размышленій на тему о тщетѣ всѣхъ человѣческихъ измышленій для угашенія духа.

Въ 1906 году уже подымался въ Кіевѣ вопросъ объ основаніи украинскаго ученаго общества, и въ томъ же году уставъ общества, подписанный профессорами В. Б. Антоновичемъ и И. В. Лучицкимъ, П. И. Житецкимъ и В. П. Науменкомъ, былъ утвержденъ администраціей. Въ 1907 году общество начало функціонировать, поставивъ себѣ задачей „организацію научной работы и популяризацію среди общества пріобрѣтеній современной науки". Предсѣдателемъ общества былъ избранъ проф. М. С. Грушевскій.

Прошло уже шесть лѣтъ со времени основанія общества (официально именуемаго: „Українське Наукове Товариство в Київі"), и мы можемъ подвести нѣкоторый итогъ его дѣятельности. Матеріаломъ для оцѣнки дѣятельности общества и его изданій служатъ хроника о-ва и изданія: 10 тт. „Записокъ", 2 т. „Збірника Техничної секціі", 2 т. „Медичного Збірника" и „Программа до збирання діалектичних одмін українськоі мови", составленная К. Михальчукомъ и Е. Тимченкомъ.

Въ настоящее время общество состоитъ изъ секцій филологической, исторической, естественно-технической, медицинской и статистической комиссіи. Труды секцій исторической и филологической, а также статистической комиссіи печатаются въ „Запискахъ", а секціи естественно-техническая и медицинская издаютъ свои „Збірники". Такимъ образомъ, „Записки" посвящены преимущественно украинской исторіи и филологіи и содержатъ въ себѣ преимущественно законченныя изслѣдованія и статьи; сырой матеріалъ печатается очень рѣдко, что, быть можетъ, стоитъ въ связи съ ограниченностью издательскихъ средствъ общества.

Въ своей статьѣ о ближайшихъ задачахъ изученія украинской литературы (т. I) одинъ изъ редакторовъ „Записокъ" и наиболѣе дѣятельныхъ членовъ общества, проф. В. Перетцъ, намѣтилъ цѣлый рядъ дезидератовъ въ этой области, разработка и выполненіе которыхъ, по его

мнѣнію, должны составить обязанность филологической секціи Украинскаго Ученаго Общества. Сюда входитъ составленіе каталога рукописныхъ памятниковъ украинскаго языка и литературы, украинская библіографія съ начала книгопечатанія, изданіе собранія „передмов“ къ старопечатнымъ книгамъ XVI—XVII вв., изданіе драматическихъ произведеній старой украинской литературы XVII—XVIII вв. и такового же сборника стихотворной литературы XVI—XVII вв., изданіе діалоговъ, панегириковъ, лирическихъ пѣсенъ и стихотвореній свѣтскаго характера, памятниковъ исторической литературы XVII—XVIII столѣтій, изданіе программы украинской діалектологіи и историческое изученіе діалектовъ украинскаго языка.

Разумѣется, для выполненія такой обширной программы нужны средства, время и цѣлая фаланга ученыхъ работниковъ. И если Украинское Ученое Общество, въ силу того, что оно всѣмъ этимъ располагало и располагаетъ сравнительно въ ограниченныхъ размѣрахъ, не могло осуществлять систематическаго выполненія программы проф. Перетца, то во всякомъ случаѣ однѣ работы самого проф. Перетца и его школы молодыхъ кіевскихъ филологовъ уже сдѣлали очень много для разработки отдѣльныхъ пунктовъ программы.

Старой украинской письменности кіевскаго періода посвящены въ „Записках“ статьи академика А. А. Шахматова „До питання про північні перекази за княгиню Ольгу“ (о Деревской землѣ, упоминаемой въ лѣтописныхъ преданіяхъ о княгинѣ Ольгѣ)—въ кн. II и Т. Сушицкаго „Допитання про літературну школу XII віку“—въ кн. IV (объ общихъ чертахъ твореній Кирилла Туровскаго и „Слова о полку Игоревѣ“). Средняго періода украинской литературы касается статья В. Адріановой „Київський уривок псалтиру XIV віку“, изслѣдовавшей этотъ памятникъ главнымъ образомъ со стороны языка. Очень много работъ въ „Записках“ посвящено XVI—XVII столѣтіямъ. Во II кн. проф. Н. И. Петровъ описываетъ „Український збірник XVII—XVIII ст.“; въ той же книгѣ изслѣдованіе С. Маслова о „Наукѣ в неділю перед Різдвом“ Л. Карповича, одного изъ выдающихся борцовъ за православіе въ нач. XVII в. О драмѣ имѣемъ статью В. Розова „Українська шкільна драма Успеніе Богородицы“,—произведеніе конца XVII в. Обстоятельное изслѣдованіе А. Грузинскаго (кн. IV) посвя-

щено латинскому стихотворенію Ѳеофана Прокоповича „Elegia Alexii". Проф. В. Перетцъ разбираетъ (кн. VI) панегирикъ „Вѣзерунокъ цнотъ", посвященный архимандриту Кіево-Печерской лавры Елисею Плетенецкому. Произведеніямъ апокрифической литературы, преимущественно въ памятникахъ XVII вѣка, посвящены работы: С. Шевченка „Елевтеріівська редакція Сказанія о 12 пятницахъ і український список Сказанія 1604 року" (кн. II); Ол. Назаревскаго „Хожденіе Богородицы по мукамъ в нових українських списках XVII—XVIII вв."; Ив. Франка „Молитва за своіх спискахъ XVII—XVIII вв."; Ив. Франка „Молитва за своіх ворогів"—по рукописи XVI в.,—памятникъ, который почтенный изслѣдователь не причисляетъ къ разряду апокрифическихъ. Наконецъ, повѣстямъ и сказаніямъ посвящены работы: проф. Перетца „Український список сказанія про Індійське царство" (кн. IX) и С. Гаевскаго „Київські списки повісти Александрія" (кн. X).

По исторіи украинскаго языка и его грамматическаго изученія въ „Записках" напечатанъ рядъ работъ извѣстныхъ украинскихъ ученыхъ—старыхъ и молодыхъ: К. Михальчука „До правопису деяких форм мякоі деклінаціі в українській мові (кн. II); Е. Тимченка „Причинки до українськоі діалектології"; Ів. Огіенка „Двійне число въ українській мові" (кн. VI); О. Требина „Матеріяли до історіі українськоі мові з рукописів XV в. кіивських бібліотек" (кн. VII). Въ приложеніяхъ къ „Запискамъ" печаталась „Программа до збирання діалектичних одмін українськоі мови" К. Михальчука и Е. Тимченка, составленная по порученію петербургской академіи наукъ и вышедшая затѣмъ отдѣльно. Ив. Огіенку принадлежатъ работы: „Історія українськоі грамматичноі терминологіі" (кн. I) и „Історичний словник українськоі грамматичноі терминологіі" (кн. IV).

Изслѣдованіе украинскаго фольклора нашло мѣсто въ статьяхъ проф. М. Грушевскаго „Байда-Вишневецький в поезіі і історіі" (кн. III), Б. Гринченка „Пісня про Сагайдачного і Дорошенка" (кн. I), И. Каманина „Ще до пісні про Сагайдачнаго" (II), Е. Тимченка „До питання про стосунок украіаських дум до південно-славянського епоса" (ibid.); Ив. Ерофеева „Українські думи і іх редакціі" (VI и VII).

По исторіи украинскаго искусства напечатаны статьи Н. Бѣляшевскаго и А. Новицкаго. Спеціально исторіи и

археологіи касаются статьи К. Ф. Волкова „О палеолетическихъ находкахъ въ с. Мезени, М. С. Грушевскаго—„Господарство польскаго магната на Задніпровю передъ Хмельнищиною“ (II); А. С. Грушевскаго—„З життя українськоі старшины XVIII вѣка“ (III), В. Е. Данилевича—„Новіматеріали для біографіі Івана Сігка“ (ibid.), В. Бучинскаго, рано скончавшагося молодого галицкаго ученаго — монографія „Змагання до уніі руськоі церкви з Римом въ роках 1498 — 1506“ (кн. IV, V, VI); М. Стадника—„Гадяцька Унія“ (VII—VIII), Ор. И. Левицкаго—„Церковні справи на Запоріжі в XVIII в. (X) и Н. П. Василенко—„Г. Тепловъ і його „Записка о непорядкахъ въ Малороссіи“. Нѣкоторые выпуски „Записокъ“ посвящены памяти выдающихся дѣятелей Украины и содержатъ статьи, характеризующія различныя стороны ихъ дѣятельности. Такъ, II книга посвящена П. Игн. Житецкому; характеристику его ученыхъ и общественныхъ заслугъ заключаютъ въ себѣ статьи проф. В. Перетца и Ив. Стешенка. III книга посвящена В. Б. Антоновичу, о немъ цѣлый рядъ статей: М. Грушевскаго—„В. Антонович, основні ідеіі його творчости і діятельности“; Г. Павлуцкаго—„Антонович як археолог“; А. Лободы—„Праці Антоновича по етнографіі та літературі“; Ив. Стешенка—„Антонович як суспільний діяч“. V книга посвящена Гоголю и содержитъ статьи о немъ А. Грушевскаго, П. Петровскаго и К. Невѣровой.

Кромѣ упомянутыхъ работъ въ „Запискахъ“ печатались еще статьи по разнымъ вопросамъ украинской старины и филологіи Л. Добровольскаго, Е. Антоновича-Мельникъ, проф. Н. Сумцова и др.

Какъ нами указано выше, на страницахъ „Записокъ“ помѣщаются и работы по вопросамъ экономики и статистики, такъ какъ статистическо-экономическая комиссія еще не имѣетъ пока своего органа. Изъ этихъ работъ отмѣтимъ: А. Ярошевича „Опис маетків, як джерело по економіці південно-західнаго краю“ (кн. IV), О. Королевой „Поділ укр. народа на групи дорослости по перепису 1897 року“, М. Стасюка „Економічні видносини України до Великороссіі і Польші“, кн. VIII и IX,—работа, основанная на данныхъ официальной статистики и заключающая выводы, что зависимость Украины отъ Великороссіи носитъ характеръ не экономическій, а лишь государственный; зависимость Великороссіи отъ Украины заключается вовсе не

въ томъ, что Украина поставляетъ ей продукты добывающей и обрабатывающей промышленности, а главнымъ образомъ въ томъ, что Украина является самымъ крупнымъ и самымъ выгоднымъ рынкомъ для произведеній великорусской обрабатывающей промышленности. Въ X кн. „Записокъ" помѣщены работы С. Драгоманова „Дрібне землеволодіння на Полтавщині" и Н. Порша „Робітництво України. Нарис по статистиці праці".

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе вышедшихъ до сихъ поръ десяти томовъ „Записокъ" Украинскаго Ученаго Общества. Конечно, въ нашу задачу не могла входить оцѣнка этого содержанія, ни даже,—за недостаткомъ мѣста,—сколько-нибудь подробное его изложеніе. Думаемъ, однако, что уже одинъ перечень именъ авторовъ, печатавшихъ свои труды на страницахъ „Записокъ", почтенныхъ ученыхъ, имѣющихъ крупное имя и въ русской наукѣ, краснорѣчиво говоритъ за себя.

Кромѣ „Записокъ" О-во выпустило по два тома „Збірника" медицинской и естественно-технической секцій. По отзывамъ спеціалистовъ, оба изданія сразу зарекомендовали себя съ весьма выгодной стороны, содержа много цѣнныхъ изслѣдованій и матеріаловъ. Въ медицинскомъ „Збірнику" [1]) принимаютъ участіе главнымъ образомъ врачи-практики. Въ ест.-техн. „Збірнику"—агрономы и инженеры изъ различныхъ мѣстъ Украины. Какъ отмѣчено рецензентами-спеціалистами, естеств.-технич. секція Украинскаго Ученаго Общества обращаетъ свое вниманіе преимущественно на вопросы практическаго характера, притомъ имѣетъ въ виду территорію Украины, что придаетъ работамъ секціи извѣстный національный колоритъ. Секція работаетъ также надъ составленіемъ словаря украинской технической терминологіи, печатая матеріалы къ ней въ своемъ „Збірнику". Работая въ области дисциплинъ, которыя до послѣдняго времени считались какъ бы заповѣдными для украинской науки, обѣ секціи практически разрѣшили вопросъ: возможна ли „національзація" такихъ наукъ, какъ медицина, естествознаніе? И если раньше теоретически можно было утверждать, что въ такомъ смыслѣ, какъ существуютъ русская, польская, чешская медицина или естествознаніе, мо-

[1]) По поводу трудовъ медицинской секціи Украинскаго Ученаго Общества см. ниже статью М. Шмигельскаго.

жетъ существовать и украинская медицина и прочія науки, то теперь самая постановка такихъ вопросовъ дѣлается излишней. Мало того,—обративъ вниманіе на спеціальныя индивидуальныя отличія украинской природы и на бытовыя условія жизни населенія, украинскіе естествоиспытатели избрали самый вѣрный путь для своей работы и тѣмъ обнаружили большой научный и житейскій тактъ.

Выше мы говорили, что Украинское Ученое Общество въ Кіевѣ преслѣдуетъ также и цѣли популяризаціи. Эти цѣли достигаются устройствомъ лекцій и главнымъ образомъ публичныхъ засѣданій, на которыя собирается всегда много публики для слушанія докладовъ и сообщеній членовъ Общества. При Обществѣ положено основаніе украинскаго національнаго музея, уже содержащаго немало цѣнныхъ и любопытныхъ предметовъ.

Вотъ, собственно, краткое резюме дѣятельности Общества за первыя пять лѣтъ его существованія, протекшихъ среди условій, которыя далеко не способствовали сколько-нибудь широкой и интенсивной работѣ. И все-же сдѣлано многое. Общество выдержало первую пробу организаціоннаго періода, доказало свою жизнеспособность и назрѣвшую необходимость для полноты украинскаго культурно-національнаго развитія: оно объединило во имя интересовъ украинской культуры старыхъ и молодыхъ украинскихъ научныхъ дѣятелей.

Д. Д—ко.

По поводу трудовъ „Медичної секції Українського Наукового Товариства у Київі".

Медицинская секція „Українського Наукового Товариства" въ Кіевѣ за два года (1910—1912) выпустила два сборника своихъ трудовъ на украинскомъ языкѣ. Въ нихъ помѣщены 15 оригинальныхъ, нигдѣ раньше не напечатанныхъ, статей и докладовъ, относящихся къ различнымъ отраслямъ научной медицины.

Конечно, на страницахъ неспеціальнаго медицинскаго журнала нѣтъ возможности входить въ оцѣнку этихъ трудовъ или даже передавать ихъ содержаніе. Упомянемъ только, что изъ напечатанныхъ статей двѣ посвящены анатоміи: Д-ръ Е. Лукасевичъ. Полный обратный типъ расположенія внутренностей (съ одной рентгенограммой). Сборн. II. Д-ръ М. Вашетко. О женскомъ типѣ роста волосъ на tuberculum pubis у мужчинъ. Сборн. II.

Къ гистологіи (микроскопич. анатоміи) относятся: Д-ръ О. Черняховскій. Амебоизмъ и пластичность неврона. Съ 1 табл. Сборн. II. Д-ръ О. Г. Черняховскій. О строеніи клѣтокъ центральной нервной системы. Сборн. I.

По общей патологіи: Д-ръ Е. Г. Черняховскій. Къ вопросу о существованіи дуоденальнаго діабета. Сб. II. Онъ же. Методика добыванія мочи отдѣльно изъ каждой почки. Съ 2 рисунками. Сборн. I.

По физіологіи: Д-ръ А. Ф. Каковскій. О вліяніи нѣкоторыхъ лекарствъ на вырѣзанное сердце. Сборн. I.

По хирургіи: Д-ръ М. А. Галинъ, прив.-доц., главный врачъ кіевскаго военнаго госпиталя, въ большой обстоятельной статьѣ трактуетъ вопросъ „о происхожденіи грыжъ, процентныя отношенія различныхъ типовъ и особенности ихъ". Сборн. I. Онъ же. Хирургическія наблюденія и замѣтки. Сб. I. Д-ръ Е. Черняховскій. Къ казуистикѣ поддіафрагмальныхъ абсцессовъ. Сборн. II.

По офтальмологіи: Д-ръ М. Косъ. Клиническія данныя для распознаванія предсѣтчатковаго кровоизліянія (Haemorrhagia praeretinalis): Съ 3 рисунками. Сборн. II. Д-ръ Блонскій. Леченіе нагноительныхъ процессовъ роговой оболочки глаза антидифтеритной сывороткой. Сборн. II.

По механотерапіи: Д-ръ М. Е. Шмигельскій. О леченіи хореи (Виттовой пляски) методической гимнастикой. Сборн. I.

По санитарнымъ вопросамъ: Д-ръ П. И. Блонскій. О дѣятельности летучихъ глазныхъ отрядовъ въ г. Калугѣ за 1908 и 1909 гг. Сборн. I. Д-ръ Ф. Лукьяновъ. Организація ночной медицинской помощи въ г. Кіевѣ (съ 4 таб.). Сборн. I.

Перечисленныя статьи, по новизнѣ и интересу затронутыхъ въ нихъ вопросовъ, а многія изъ нихъ по глубинѣ и оригинальности разработки темы, нашли бы мѣсто въ любомъ періодическомъ медицинскомъ журналѣ. На украинскомъ языкѣ пока нѣтъ такихъ журналовъ, вслѣдствіе новизны дѣла и недостаточной еще организаціи силъ.

До появленія этихъ двухъ сборниковъ „Наукового Товариства“ на украинскомъ языкѣ существовала, насколько намъ извѣстно по даннымъ россійской Украины, только довольно скудная популярная медицинская литература, въ видѣ небольшихъ брошюръ по отдѣльнымъ вопросамъ предохраненія и леченія отъ наиболѣе опасныхъ заразныхъ болѣзней [1]). Крайнюю необходимость проведенія въ народныя массы популярныхъ медицинскихъ знаній на вполнѣ доступномъ пониманію народа языкѣ (resp.—украинскомъ) никто оспаривать не станетъ, кромѣ тупыхъ обскурантовъ или недобросовѣстныхъ и лукавыхъ рыцарей пресловутаго „обрусенія“, составляющихъ себѣ карьеры на открытіяхъ „сепаратизмовъ“ среди всѣхъ инородцевъ, на всѣхъ русскихъ окраинахъ... Съ „мнѣніями“ этой особой породы людей, встрѣчавшейся, впрочемъ, во всѣ времена и въ другихъ странахъ, мы считаться не станемъ; равно не будемъ

[1]) Мы не говоримъ объ изданіяхъ Научнымъ Обществомъ имени Шевченка во Львовѣ Трудовъ „Математично-природописно лікарскої Секції“, выпустившей уже 15 томовъ, заключающихъ въ себѣ и статьи на украинскомъ языкѣ по медицинѣ, равно какъ и о спеціальныхъ медицинскихъ журналахъ на украинскомъ языкѣ, издаваемыхъ въ Галиціи.

останавливаться на той „mentalité“, которая порождаетъ нашихъ украиноѣдовъ.

Но могутъ послѣдовать возраженія и недоумѣнія, вполнѣ добросовѣстныя и искреннія, даже со стороны нашихъ земляковъ, усвоившихъ блага культуры и знанія на чужихъ нашему народу языкахъ. Скажутъ, пожалуй, что научная медицина даже на украинскомъ языкѣ недоступна народу, не назначается для широкой публики, а для врачей и спеціалистовъ совершенно излишня. Инымъ покажется, можетъ быть, страннымъ, даже тенденціознымъ стремленіе пользоваться для научныхъ медицинскихъ работъ языкомъ, не имѣвшимъ до сихъ поръ спеціальной терминологіи, которую приходится разрабатывать и создавать заново, часто искусственно, заимствуя изъ народной рѣчи подчасъ мало извѣстные корни и выраженія; словомъ, повторять тотъ процессъ творчества научной книжной рѣчи, который уже давно пройденъ русскимъ языкомъ. Сошлются, быть можетъ, на то, что въ наше время многоязычіе является тормазомъ для научнаго и культурнаго сближенія народовъ, а потому должно избѣгать, а не поощрять какую бы то ни было національзацію науки. Человѣчество ощущаетъ огромныя неудобства отъ неимѣнія общаго языка, объединяющаго всѣхъ образованныхъ людей. Ни одинъ изъ современныхъ міровыхъ культурныхъ языковъ, какъ англійскій, французскій или нѣмецкій, не можетъ стать всеобщимъ по причинѣ трудностей изученія или, вѣрнѣе, вслѣдствіе различныхъ національныхъ предразсудковъ, антипатій и соперничества. Стремленіе найти одинъ нейтральный языкъ привело въ недавнее время къ изобрѣтенію эсперанто, достигшаго значительнаго развитія и законченности и насчитывающаго много горячихъ приверженцевъ во всѣхъ странахъ. На этомъ простомъ и легкомъ языкѣ существуетъ уже довольно большая, преимущественно переводная литература и даже періодическая печать. Дѣлаются попытки вести на немъ коммерческія сношенія, пользоваться имъ на международныхъ конгрессахъ и пр. Однако много соображеній заставляетъ сомнѣваться, чтобы эсперанто сталъ когда-нибудь дѣйствительно живымъ орудіемъ тонкаго интеллектуальнаго общенія народовъ. Всякій искусственный языкъ неизбѣжно лишенъ гибкости и образности естественнаго народнаго, являясь только слабымъ подражаніемъ живой природной стихіи, и сверхъ ого непре

мѣнно будетъ отставать отъ жизни и ея вѣчнаго движенія, несмотря на всѣ усилія и коррективы его адептовъ на ихъ конгрессахъ. Цѣлый рядъ искусственныхъ языковъ, на которые возлагались большія надежды, на нашихъ глазахъ преданъ забвенію (воляпюкъ, языкъ Лауда, Липтея и пр.). По всей вѣроятности, такая же судьба постигнетъ и эсперанто: въ послѣднее время уже отмѣчаются признаки ослабленія интереса къ нему. Развитіе и распространеніе языка несомнѣнно подчиняется какому-то сложному закону, стоящему внѣ воли людей, выше всякихъ соглашеній, декретовъ и традицій.

Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ латинскій языкъ объединялъ всю культурную Европу. Уже въ Средніе вѣка онъ былъ языкомъ церковно-государственной жизни и схоластической мысли. Особеннаго расцвѣта латынь достигла въ эпоху Возрожденія, въ XV и далѣе въ XVI вѣкѣ, когда вся наука сводилась къ изученію греческихъ и римскихъ классиковъ. Несмотря на трудности латинскаго языка, его изучали тогда во всѣхъ странахъ весьма основательно, съ громаднымъ увлеченіемъ и жаромъ, не замѣчая и не жалуясь на трудности, какъ въ наше время. Латынь ожила, на ней заговорили образованные люди всѣхъ странъ Европы, въ Польшѣ и Украинѣ, какъ въ Германіи или Италіи. Она дѣйствительно стала тѣмъ всеобщимъ языкомъ, о которомъ мечтаютъ теперь. Такъ было, пока классическія сочиненія древнихъ заключали въ себѣ всю сумму знаній, доступныхъ образованнымъ людямъ. Но съ дальнѣйшимъ развитіемъ науки, съ появленіемъ новыхъ идей, знаній, стремленій окаменѣлыя формы латыни стали тѣсны и неудобны для ихъ выраженія, она начала фатально клониться къ упадку. Уже съ XVII столѣтія ученые и публицисты Запада переходятъ въ своихъ сочиненіяхъ на мѣстные народные языки. Въ XVIII вѣкѣ латынь въ наукѣ и литературѣ окончательно уступаетъ мѣсто живымъ языкамъ, сохраняясь лишь въ нѣкоторыхъ спеціальностяхъ, какъ пережитокъ и традиція, а въ первой половинѣ XIX вѣка безповоротно исчезаетъ подъ напоромъ жизни, совершенно преобразованной на новыхъ началахъ благодаря великимъ техническимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ.

Латинскій языкъ былъ вытѣсненъ новыми языками, лишился всякаго значенія какъ орудіе международнаго обмѣна идей, несмотря на то, что именно въ XIX вѣкѣ из-

ученіе грамматическихъ и стилистическихъ тонкостей его, благодаря обширнымъ и глубокимъ трудамъ особенно германскихъ ученыхъ, достигло своего апогея, и несмотря на всѣ усилія идеологовъ его сохранить за нимъ первенствующее значеніе въ среднихъ и высшихъ школахъ. Мертвый языкъ не могъ конкуррировать съ живыми языками, непрерывно черпающими свое содержаніе въ вѣчно обновляющейся жизни, съ которой они связаны безчисленными корнями.

Возрожденіе народныхъ языковъ и литературъ сыграло первостепенную роль въ національномъ подъемѣ многихъ европейскихъ народовъ XIX вѣка. Вѣдь душа народа, прежде всего и лучше всего выражается въ его языкѣ, составляя наиболѣе драгоцѣнное сокровище его. Почти одновременно съ германскимъ и итальянскимъ національнымъ движеніемъ происходило духовное возрожденіе чешскаго народа, начавшееся съ литературнаго культа родного языка. Блестящіе успѣхи чеховъ, отстоявшихъ себя отъ поглощенія нѣмецкимъ океаномъ и достигшихъ высокой культуры, давно привлекаютъ всеобщее вниманіе. Примѣръ ихъ убѣдительно доказываетъ, что широкія народныя массы могутъ быть успѣшно воспитаны и пріобщены къ благамъ культуры и знанія лишь на родномъ языкѣ. Маленькая Болгарія, по населенію равная нашей Кіевской губерніи (4 милл.), только 35 лѣтъ назадъ извлеченная Россіей изъ тягчайшаго рабства, достигла поражающей міръ мощи и развитія своей гражданской жизни, единственно благодаря упорной работѣ ея интеллигенціи надъ образованіемъ своего народа. Знанія, усвоенныя за границей на чужихъ языкахъ, эта интеллигенція несла въ свой народъ, создавая заново на живой основѣ родного языка еще не существовавшій болгарскій литературный языкъ. Не бѣда, что этотъ языкъ пока бѣденъ и пестритъ множествомъ неологизмовъ и заимствованій изъ иностранныхъ языковъ (особенно часто изъ русскаго). Все-же этотъ амальгамированный языкъ, близкій народу, далъ ему возможность быстро освоиться съ завоеваніями общечеловѣческой культуры и цивилизаціи. Въ Болгаріи существуетъ обширная популярная литература по всѣмъ отраслямъ знаній, включая и медицину. Высшее образованіе тамъ началось едва 25 лѣтъ назадъ основаніемъ софійскаго университета, въ которомъ трудился и нашъ М. П. Драго-

мановъ, такъ незаслуженно-жестоко удаленный изъ родной Украины.

Но медицинскаго факультета, наиболѣе дорого стоящаго по оборудованію, до сихъ поръ не было, и молодые врачи получали образованіе въ Россіи, Франціи, Бельгіи и Швейцаріи.

Отсутствіе своей объединяющей alma mater не мѣшаетъ, однако, болгарскимъ врачамъ сознавать долгъ предъ своимъ народомъ, писать и издавать на своемъ языкѣ, кромѣ популярныхъ брошюръ, научныя медицинскія книги и журналы. Мы, украинцы, должны вдохновляться примѣромъ нашихъ доблестныхъ болгарскихъ товарищей. Только тѣ врачи (какъ и вообще спеціалисты), которые начнутъ и привыкнутъ мыслить и писать о научныхъ медицинскихъ вопросахъ по-украински, овладѣютъ роднымъ языкомъ во всей его глубинѣ для разработки новыхъ научныхъ истинъ и смогутъ съ пользой взяться за популяризацію для украинскаго народа необходимыхъ ему медицинскихъ знаній.

Первые труды „Медичної секції Укр. Наук. Товариства“ являются весьма ободряющими. Они показываютъ, что наше національное пробужденіе растетъ и ширится во всѣхъ направленіяхъ научной мысли. Сформировалось ядро врачей-работниковъ, кладущихъ основы будущаго изученія и преподаванія медицины въ обширномъ краѣ на народномъ языкѣ. Много препятствій придется преодолѣть этимъ піонерамъ не столько по существу своей задачи, сколько внѣшняго характера. Ихъ ждутъ на первыхъ порахъ равнодушіе и непониманіе въ лучшемъ случаѣ, а въ худшемъ—враждебность, клевета, извращеніе ихъ цѣлей и побужденій. Но они непремѣнно побѣдятъ, какъ побѣдили въ свое время чехи, несмотря на упорную вражду, злословіе и угрозы нѣмцевъ, убѣжденныхъ или притворявшихся таковыми, будто только чрезъ нѣмецкую рѣчь наука можетъ и должна проникать въ головы чеховъ. Сплотившись дружной семьей, украинская медицинская секція,—мы увѣрены,—съ каждымъ годомъ будетъ привлекать къ себѣ все больше молодыхъ, свѣжихъ силъ, которыми изобилуетъ Украина; организуется правильно медицинская пресса, начнется планомѣрная, програмная работа вмѣсто случайныхъ сборниковъ. Мы желали бы увидѣть среди трудовъ секціи не только изслѣдованія изъ области научной клинической и экспериментальной медицины, какъ они ни важны. Намъ предстоитъ заняться также

почти нетронутымъ изученіемъ быта народныхъ массъ Украины въ санитарномъ отношеніи, вліяніемъ различныхъ отраслей труда на здоровье населенія, выработать мѣры защиты его отъ вырожденія вслѣдствіе сифилиса, алкоголизма и т. п., примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ. Если въ Лѣвобережной Украинѣ давно существующее земство уже сдѣлало кое-что въ этомъ отношеніи, то вся правая половина ея съ недавно испеченнымъ куцымъ земствомъ— еще совершенная terra incognita съ точки зрѣнія серьезной медицинской статистики.

Народная медицина должна также занять надлежащее мѣсто при изслѣдованіи украинскаго быта. Помимо спеціальнаго терапевтическаго интереса знакомство съ народной медициной ввело бы въ нашъ книжный оборотъ и въ спеціальную терминологію множество яркихъ образныхъ словъ и выраженій, близкихъ и понятныхъ народу. Мы не имѣемъ возможности въ настоящей бѣглой статьѣ входить подробнѣе въ предстоящія очередныя задачи украинскихъ товарищей, трудящихся среди своихъ земляковъ. Заранѣе привѣтствуемъ каждый ихъ шагъ впередъ.

Пусть каждый образованный и сознательный сынъ Украины содѣйствуетъ въ своей спеціальности созданію и усовершенствованію родного научнаго языка. Надо, чтобы это необходимое оружіе мысли было вполнѣ готово, когда для народа свободно распахнутся двери всѣхъ среднихъ и высшихъ школъ. Это, несомнѣнно, совпадетъ съ такимъ поворотомъ въ нашей жизни, когда всѣмъ станетъ ясно, что можно горячо любить свой украинскій народъ и его языкъ, не будучи сепаратистами и не имѣя побужденій мечтать объ отторженіи Украины отъ „Великой недѣлимой Россіи“.

Д-ръ **М. Шмигельскій.**

Изъ украинской прессы.

Уроки балканской войны [1]).

Балканская война заключаетъ въ себѣ интересный и поучительный урокъ для всякаго рода національныхъ и государственныхъ политиковъ. Неизвѣстно, успѣютъ ли сами оттоманскіе политики использовать этотъ урокъ и смогутъ ли они примѣнить его результаты къ уцѣлѣвшимъ послѣ недавняго погрома остаткамъ Оттоманской имперіи. Однако, для руководителей другихъ имперій народовъ есть надъ чѣмъ подумать, и я вижу, что и въ нашемъ любезномъ россійскомъ отечествѣ люди отчасти уже задумывались надъ этимъ. У меня подъ рукой имѣется вырѣзка изъ „С.-Петербургксихъ Вѣдомостей“ за октябрь прошлаго года.

„Разбита не турецкая армія, а турецкій режимъ... Разбиты политическіе блудодѣи, игравшіе на два фронта. Разбитъ политическій шантажъ, который, провозгласивъ въ Турціи гражданственность, надѣлъ цѣпи на покоренные народы и племена. Турецкіе октябристы рабски копировали поведеніе нашихъ. Вотъ почему въ устахъ столыпинцевъ. долженъ звенѣть стихъ изъ „Пиковой дамы“: „Сегодня я, а завтра ты“...

На октябристовъ теперь валятъ все какъ на мертвыхъ, тѣмъ не менѣе приводимый здѣсь упрекъ въ двойственности политики и турецкомъ октябризмѣ можно примѣнить,—взявъ за скобки довольно рѣзкія выраженія петербургскаго публициста,—и къ людямъ болѣе лѣвымъ, чѣмъ октябристы, такъ какъ и у нихъ малоподатливый централизмъ сидитъ подъ покровомъ всякихъ свободолюбивыхъ и прогрессивныхъ аттрибутовъ. Годъ тому назадъ мнѣ пришлось вести бесѣду съ однимъ изъ виднѣйшихъ лидеровъ партіи народной свободы, и эта бесѣда мнѣ часто вспоминается, когда я размышляю о послѣднихъ событіяхъ.

---

[1]) Настоящая статья представляетъ собою окончаніе статьи проф. М. Грушевскаго, напечатанной въ „Літературно-Науковому Вістнику“ (за январь 1913 г.) подъ заглавіемъ „В Балканскім антракті“. Вполнѣ раздѣляя мысли, высказанныя уважаемымъ авторомъ въ названной статьѣ, считаемъ нужнымъ познакомить съ ними и читателей нашего журнала. *Ред.*

Въ началѣ этой бесѣды рѣчь зашла о холмскомъ вопросѣ, который тогда стоялъ на очереди и, при всей своей практической малоцѣнности, имѣлъ важное принципіальное значеніе, какъ пробный камень для разнообразныхъ политическихъ настроеній и стремленій. Разговоръ исходилъ изъ моего замѣчанія, что ни одна политическая партія не должна бы имѣть ничего противъ принципа этнографическаго размежеванія, вполнѣ справедливаго и соотвѣтствующаго дѣйствительному положенію вещей. На это лидеръ мнѣ отвѣтилъ, что кадеты соблюдаютъ постановленія своей старой программы, согласно которой они чувствуютъ себя морально связанными по отношенію къ полякамъ; изъ программы же вытекаетъ, что измѣненіе границъ теперешняго „Царства Польскаго“ не можетъ произойти иначе, какъ послѣ полученія автономіи и установленія соглашенія между польскимъ и россійскимъ народнымъ представительствомъ.

Въ связи съ этимъ бесѣда наша перешла на болѣе общій вопросъ о понятіи „россійскій“, которое въ кадетскихъ кругахъ выдвигается какъ спеціально-государственный, междунаціональный терминъ. На мое замѣчаніе, что такое постановленіе или его толкованіе звучитъ какъ de nobis sine nobis: судьбу украинскаго народа Холмщины будутъ обсуждать и рѣшать польскіе представители вмѣстѣ съ великорусскими прогрессистами, предположимъ, кадетами,—я услышалъ изъ устъ кадетскаго лидера чрезвычайно интересную теорію „россійской націи“, которая буквально воспроизводила теорію „оттоманской націи“ младотурокъ, въ тотъ моментъ еще не потерпѣвшую такого краха, очевидцами котораго мы являемся въ данное время. Мой знакомый заявилъ, что кадетовъ не нужно считать представителями исключительно великорусскихъ прогрессивныхъ теченій, а вообще „россійской націи“—всѣхъ народностей Россійской имперіи (очевидно, за исключеніемъ поляковъ, которые не подходятъ подъ это понятіе россійской націи и, напротивъ, противопоставляются ей, какъ иная государственная нація).

Единство съ Россійской имперіей,—продолжалъ собесѣдникъ,—не можетъ и не должно ограничиваться чисто механической связью подданства: члены разнообразныхъ народностей должны чувствовать извѣстную моральную связь съ Россійской имперіей, и послѣдняя должна явиться

основою для понятія „россійской націи“, которое противопоставляется великорусскому націонализму, какъ реакціонному и несоотвѣтствующему политическому прогрессу.

Помню хорошо, что я тогда же обратилъ вниманіе этого политика, хорошаго знатока балканскихъ отношеній, на то, что такая кадетская „россійская нація“ близко напоминаетъ „оттоманскую націю“ младотурокъ и она можетъ сыграть въ исторіи Россіи такую же печальную роль, какую она играетъ теперь въ Турціи, разрушивъ, благодаря младотурецкому централизму, всякія связи между турецкими прогрессистами и представителями недержавныхъ народностей и бросивъ въ среду ихъ пламя внутренней борьбы. Этотъ примѣръ, кажется, былъ непріятенъ моему знакомому. Онъ ссылался на то, что въ разноплеменныхъ государствахъ вырабатывается такое же понятіе общей государственной націи, какъ, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Я отвѣтилъ на это, что Соединенные Штаты не могутъ служить примѣромъ, ибо они заключаютъ въ себѣ разбросанные и перемѣшанные атомы разныхъ народностей, лишенныхъ территоріи и тѣсной связи между собою; однако въ государствахъ съ опредѣленными и ясно обозначившимися національными территоріями и особенностями, какъ Россія, понятіе „россійской націи“ звучитъ такъ же неправдоподобно, какъ звучали бы слова: „швейцарская нація“, „великобританская нація“.

Мои аргументы, вѣроятно, не измѣнили убѣжденій моего знакомаго, ибо послѣдніе основывались не на его личныхъ взглядахъ, а на общемъ воззрѣніи партіи; наибольшее, что могли сдѣлать мои слова,—это заронить въ его душу сѣмя сомнѣнія. Долженъ признаться, что для меня впервые въ этой бесѣдѣ открылось во всей своей рѣзкости и непримиримости глубокое противорѣчіе между либеральнымъ кадетскимъ централизмомъ (собственно, извѣстной вліятельной частью кадетской партіи) и національными интересами негосударственныхъ народностей, и я убѣдился, что съ россійскими прогрессистами этого типа (а я повторяю, что говорилъ съ человѣкомъ очень вліятельнымъ въ своихъ кругахъ), мы будемъ говорить на разныхъ языкахъ,—пусть это буду я или представитель какой-либо иной недержавной народности (кромѣ польской). Для насъ, негосударственныхъ народностей, очевидно, что эта „россійская нація“, которую афишируютъ съ такой помпой,

какъ послѣднее слово великороссійскаго либерализма, представляетъ собою только передѣланный на либеральный толкъ старый россійскій централизмъ, „Великую Россію“ болѣе откровенныхъ великорусскихъ имперіалистовъ; она только перекрашена въ красноватый или красно-сѣрый цвѣтъ „отвѣтственной оппозиціи“.

И насъ заранѣе беретъ оторопь передъ тѣми жертвами, какія потребуютъ отъ насъ будущіе прогрессивные руководители во имя интересовъ этой вновь найденной „россійской націи“, тогда какъ наша же энергія къ совмѣстному дѣйствію, къ общей борьбѣ за обновленіе Россіи не можетъ не расхолаживаться подобными перспективами.

Представители оттоманскихъ народностей, во время переворота обнимавшіеся и братавшіеся съ младотурками, вскорѣ послѣ него испытали разочарованіе. Представители же недержавныхъ народностей Россіи уже по одному тому, что они видѣли на аренѣ Оттоманской имперіи, могутъ заранѣе учесть то разочарованіе, какое наступило бы у нихъ съ побѣдою россійскихъ прогрессистовъ такого централистическаго направленія—защитниковъ интересовъ „россійской націи“. И если справедливо, что только посредствомъ объединенія всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ можетъ быть достигнута побѣда надъ реакціонными теченіями, то всѣмъ сочувствующимъ такой побѣдѣ необходимо основательно и серьезно подумать надъ тѣмъ, чтобы это централистическое препятствіе было устранено съ пути, въ противномъ случаѣ рушатся всѣ надежды на объединеніе недержавныхъ народностей.

Съ этой точки зрѣнія, настоящій моментъ является очень важнымъ и навѣваетъ тревожныя думы. Когда читаешь недавнія заявленія прогрессивныхъ петербургскихъ профессоровъ, предостерегающихъ правительство передъ „обостреніемъ современнаго международнаго положенія“ и только въ виду этого считающихъ необходимымъ „поворотъ къ признанію права на культурно-національное самоопредѣленіе“ по отношенію къ тѣмъ недержавнымъ народностямъ, которыя „не имѣютъ исторической культуры, и въ качествѣ практическаго постулата выводящихъ отсюда потребность „немедленнаго поворота въ политикѣ правительства по отношенію къ польскому вопросу“, замалчивая всѣ остальные,—то трудно удержаться отъ вывода, что уроки, заключающіеся въ международныхъ лекціяхъ

національной политики, съ большимъ трудомъ усваиваются прогрессивными представителями россійской культуры.

Между тѣмъ это серьезно можетъ отозваться на интересахъ россійскаго прогресса еще раньше, нежели отразится на политическихъ интересахъ Россійской имперіи народовъ, какъ оно отразилось уже на Оттоманской имперіи.

Нельзя соединить дѣйствительную свободу съ сохраненіемъ централизма и національной нивелляціи, съ пережитками централистическаго режима и господства державной народности. Это очередной урокъ, какой данъ еще на нашихъ глазахъ турецкими событіями. За людьми, которые говорятъ только объ объединеніи въ интересахъ свободы и не добавляютъ ничего о гарантіяхъ автономной національной жизни, не могутъ итти люди, добивающіеся раскрѣпощенія не только отдѣльныхъ единицъ, но и цѣлыхъ народовъ.

Нужно же, наконецъ, понять это и руководителямъ россійскаго прогрессизма. Намъ трудно рѣшать, насколько отражаются ихъ собственныя убѣжденія и сколько имѣется „тактическихъ соображеній“, когда подъ флагомъ россійскаго обновленія хотятъ провести возможно большую дозу давнишняго всероссійскаго унитаризма и имперіализма.

Приходилось слышать не разъ, что нужна особая осторожность въ вопросахъ одноцѣльности и консолидаціи, точнѣе—„сплоченности“ Россіи, въ виду того, что реакція можетъ использовать пугало „расчлененія Россіи“, чтобы возстановить политически неразвитыя массы противъ программы политическаго обновленія и достиженія свободъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и младотурецкіе политики руководились такими же воззрѣніями и сами не различали ясно, гдѣ говорили у нихъ тактическія соображенія,—не дать повода врагамъ конституціи говорить, что конституціонный режимъ повлечетъ за собой разрушеніе государственной силы и могущества, ослабленіе связи провинцій, упадокъ государственной власти и имперіалистическаго престижа,—и гдѣ брали перевѣсъ ихъ собственные пережитки старой державной психики, турецкаго патріотизма, мечтавшаго о томъ, чтобы подъ защитою конституціоннаго знамени возродить прошлую турецкую мощь и значеніе. Для меня ясно, что и россійскіе прогрессисты не представляютъ себѣ, какъ

много лежитъ у нихъ, подъ покровомъ конституціи, подъ искренними стремленіями къ политической свободѣ, пережитковъ московскихъ и петербургскихъ временъ, традицій завоеваній и „славы купленной кровью“, и всякихъ „историческихъ задачъ“ и традицій.

Эти пережитки, очевидно, сильнѣе стремленій къ свободѣ, и только сознательною работою надъ собою и своимъ обществомъ имъ удастся уяснить прежде всего самимъ себѣ, а затѣмъ и обществу, что съ подобными традиціями нужно разстаться въ интересахъ развитія и прогресса ихъ собственной страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякихъ присоединенныхъ „царствъ и княженій“.

Результаты многовѣковаго насилія не могутъ быть задрапированы никакими красными матеріями, и, не жертвуя интересами свободы, нельзя оставить неприкосновенными старыя имперіалистическія традиціи и мечты,—точно такъ же, какъ для того, чтобы имѣть возможность вывести изъ темноты и экономическаго упадка голодный и обезсилѣвшій великороссійскій центръ—то самое историческое гнѣздо, которое вскормило и воспитало воликорусскую государственность и всѣ связанныя съ нею блага,—нужно прежде всего оставить въ покоѣ всякія имперіалистическія тенденціи къ расширенію политическихъ и экономическихъ вліяній, къ укрѣпленію преобладанія этой нищей и изголодавшейся державной народности надъ „окраинами и инородцами“.

Мертвымъ нужно оставить хоронить своихъ мертвецовъ; тѣмъ же, кто отправляется въ путь въ поискахъ обновленнаго государственнаго строя и раскрѣпощенія гражданъ и народовъ Россійской имперіи, не слѣдуетъ отягощать себя сумой и ризами стараго имперіалистическаго инвентаря. Нужно стряхнуть старые предразсудки централизма и имперіализма тѣмъ, кто хочетъ войти въ новую землю свободы. Это старая, однако, до сихъ поръ не пережитая правда, которую долго еще придется твердить даже признаннымъ великорусскимъ прогрессистамъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ разныя недавнія заявленія и признанія.

Теперешняя война, всколыхнувшая непредвидѣнными событіями уравновѣшенную, даже застоявшуюся поверхность россійской жизни, открыла въ ней много такого, судя по ходячимъ фразамъ, что уже считалось пережитымъ,

умершимъ и погребеннымъ. Однако, оно, какъ ни въ чемъ не бывало, живое и здоровое, лѣзетъ на насъ съ рогами и ногами. Не нужно упускать случая посмотрѣть прямо въ глаза всему этому звѣрю, котораго скрывали въ себѣ до сихъ поръ глубины россійской дѣйствительности, и посчитаться съ нимъ.

М. Грушевскій.

Маяк, *українська щотижнева газета для селянськоі і робітничоі інтелігенції. У Київі. Ціна на рік 3 кр. Рік видання перший, № 1—9.*

Новый годъ принесъ значительное оживленіе въ украинскую журналистику. Появился цѣлый рядъ новыхъ періодическихъ изданій,—явленіе, которое необходимо отмѣтить и подчеркнуть особенно потому, что появленіе новаго органа при украинскихъ отношеніяхъ представляется гораздо болѣе труднымъ и сложнымъ, чѣмъ при отношеніяхъ, существующихъ въ русской прессѣ.

Если каждому нарождающемуся украинскому органу предстоитъ нелегкое будущее, то для украинскаго народнаго изданія это будущее вдвойнѣ тяжело и путь его отнюдь не усыпанъ розами. Уже одно это обстоятельство заставляетъ отмѣтить появленіе новаго народнаго журнала-газеты «Маяк», который, зная и помня обо всемъ томъ, что ожидаетъ его въ будущемъ, тѣмъ не менѣе рѣшилъ еще разъ начать борьбу съ тѣми условіями, которыя стоятъ на пути развитія украинскаго народнаго издательства. Мы говоримъ: е щ е р а з ъ, такъ какъ попытка создать популярный народный органъ дѣлается въ украинской прессѣ не впервые. Изъ органовъ такого типа дольше всего продержалось «Слово», предназначенное преимущественно для украинскихъ рабочихъ. Смѣнившее его «Село» въ результатѣ усиленнаго административнаго вниманія должно было «само» закрыться. Такая же участь постигла и популярный «Засів». «Маяк», выходящій лишь только два мѣсяца, уже принужденъ былъ уплатить штрафъ въ 500 руб.

Вышедшіе номера новаго журнала указываютъ, что вокругъ изданія сгруппировался рядъ лицъ, которыя ясно представляютъ задачу народнаго журнала и умѣло ее выполняютъ. Въ общемъ и цѣломъ новый журналъ производитъ выгодное впечатлѣніе, и не подлежитъ сомнѣнію, что, если ему удастся преодолѣть административныя сциллы и харибды, онъ найдетъ своего читателя.

При общемъ благопріятномъ впечатлѣніи, производимомъ журналомъ, тѣмъ не менѣе, намъ казалось бы, въ немъ должны быть сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, которыя увеличили бы его содержательность, помогли бы новому органу еще болѣе успѣшно выполнить ту задачу, которую онъ имѣетъ въ виду. Надѣясь, что у «Маяка» будетъ возможность принять во вниманіе наши замѣчанія, что его не постигнетъ печальная судьба его предшественниковъ, мы хотимъ указать на то, что́ намъ казалось бы нужнымъ измѣнить въ журналѣ.

«Маякъ» хочетъ быть органомъ, предназначеннымъ не только для крестьянъ, но и для рабочихъ. Имѣя въ виду эту категорію читателей, намъ казалось бы, «Маякъ» долженъ удѣлять мѣсто статьямъ и извѣстіямъ, касающимся рабочей жизни и рабочаго движенія; теперь онъ посвящаетъ этимъ темамъ непропорціонально мало мѣста. Пока украинская пресса не имѣетъ отдѣльнаго рабочаго органа, журналъ, ставящій своею задачею обслуживаніе рабочихъ интересовъ, долженъ удѣлять имъ достаточно вниманія.

Въ интересахъ всей крестьянской и рабочей массы, для которой предназначенъ журналъ, «Маякъ» во всѣхъ своихъ статьяхъ и отдѣлахъ долженъ проводить послѣдовательную демократическую линію. Поэтому тѣ ноты и тѣ оттѣнки, которые встрѣчаются въ статьѣ г. Сріблянськаго «Не межі» въ № 6 «Маяка», намъ казалось бы, слѣдовало тщательно устранять.

Первые номера новаго журнала не могутъ не имѣть нѣкоторыхъ шероховатостей: къ нимъ мы относимъ не всегда вполнѣ удачно подобранную хронику и не совсѣмъ налаженный беллетристическій отдѣлъ.

Мы не сомнѣваемся, что устранить отмѣченные нами мелкіе недочеты вполнѣ по силамъ редакціи журнала: за это говорятъ тѣ положительныя стороны изданія, которыя мы отмѣтили выше.

Рекомендуя усиленно вниманію круговъ, близкихъ къ массамъ, новый журналъ, еще разъ желаемъ «Маяку» существованія, болѣе долгаго и счастливаго, чѣмъ у его предшественниковъ.

В. С.

Бібліотека
наукового товариства
імени Шевченка

Изъ русской печати.

„Русская Мысль“, кн. III.

„Русская Мысль“ снова посвятила украинскому вопросу статью. Вслѣдъ за г. Струве на борьбу съ украинствомъ теперь выступаетъ г. Староселькій. Такимъ образомъ, отнынѣ редакторъ журнала русскихъ либераловъ выступаетъ противъ украинства не одинъ: на подмогу приходятъ новые противники украинскихъ запросовъ. Мы готовы привѣтствовать все болѣе и болѣе выясняющееся размежеваніе различныхъ слоевъ русскаго либерализма въ его отношеніи къ украинцамъ. И чѣмъ скорѣе этотъ процессъ оформится, тѣмъ, конечно, лучше. Чѣмъ скорѣе русскіе либералы „найдутъ самихъ себя“ и опредѣлятъ яснѣе свою позицію въ украинскомъ вопросѣ, тѣмъ это выгоднѣе для самихъ же украинцевъ. Неясность существовавшихъ до сихъ поръ отношеній, несерьезность трактовки, часто принимавшая формы благодушія, порою ироніи, являлась тѣмъ алгебраическимъ неизвѣстнымъ, которое мѣшало правильному построенію формулы объ отношеніи къ украинскимъ запросамъ. Теперь эта неясность начинаетъ терять блѣдныя черты, уступая мѣсто болѣе выпуклымъ и рѣзче очерченнымъ. Въ намѣчающихся очертаніяхъ позиціи русскаго либерализма къ украинству нѣтъ единства и общности. Даже на страницахъ „Русской Мысли“ мы встрѣчаемся съ различными признаніями правъ украинскаго народа на его развитіе съ одной стороны и съ различными проектами ограниченія послѣднихъ съ другой стороны. Проф. Н. Котляревскій въ вопросѣ, напр., объ украинской школѣ не согласенъ съ редакторомъ журнала и высказывается за то, что украинцы имѣютъ право на низшую народную школу. Въ свою очередь г. Струве не согласенъ съ Котляревскимъ, а съ г. Украинцемъ и подавно, и убѣждаетъ не только великороссовъ, но и украинцевъ, что имъ этой школы не надо. Онъ поступаетъ до нѣкоторой степени здѣсь „по-евангельски“ и, слѣдуя апостольскому примѣру, „щупаетъ“ украинство, провѣряетъ украинцевъ, дѣлаетъ ревизію по всей линіи ихъ требованій. И въ частности по вопросу о народной школѣ. Если до

сихъ поръ въ этомъ вопросѣ извѣстную убѣдительность пріобрѣтала ссылка на голосъ народнаго учителя, который, конечно, лучше г. Струве знаетъ, хороша или дурна, полезна или вредна современная школа на Украинѣ съ великорусскимъ языкомъ преподаванія, то эта ссылка для Струве является мало убѣдительной, и для него, какъ заявляетъ онъ въ извѣстной статьѣ, еще вопросъ, насколько народная школа на украинскомъ языкѣ вызывается подлинными педагогическими соображеніями. Слѣдуя „невѣрному“ евангельскому апостолу, онъ хочетъ провѣрить „голосъ украинскаго учителя“, который, какъ извѣстно, и молилъ и просилъ родной школы и протестовалъ противъ ярма чужой. Мы пожелаемъ г. Струве всяческаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, но не можемъ не высказать сомнѣнія въ томъ, такъ ли ужъ необходима ему эта провѣрка и придаетъ ли онъ серьезное значеніе хотя бы педагогическимъ соображеніямъ въ вопросѣ о народной школѣ. Сильное, централизованное, спаянное имперіализмомъ государство для него стоитъ выше интересовъ гуманности, права и развитія. Гдѣ ужъ тутъ считаться съ педагогическими мотивами, съ голосомъ жизни—муки, когда интересы „Великой Россіи“ требуютъ нивелляціи народныхъ отличій, которыя должны быть принесены въ жертву фетишу государства? Что значатъ тутъ, предъ этой великой цѣлью и задачей новаго русскаго общества, какія-то претензіи на право жить народа, приговариваемаго къ „сноскѣ на уборъ“ и „удобренію“ въ интересахъ народа-держателя власти? Все это должно казаться убѣжденному имперіалисту,—а такимъ себя, безъ обиняковъ, называетъ г. Струве,—сущими пустяками, мимо которыхъ переходятъ къ порядку дня, или устарѣлыми пережитками, съ которыми нужно или бороться, или просто игнорировать ихъ. Такъ г. Струве и поступаетъ. Возраженія, высказанныя съ украинской стороны въ извѣстномъ спорѣ по вопросу объ украинской культурѣ, онъ оставилъ безъ вниманія, хотя они и базировали на сужденіяхъ, высказанныхъ полемистомъ. На аргументы, выяснившіе ошибочность и необоснованную аподиктичность формулированныхъ имъ положеній, не отвѣтилъ. Въ то же самое время онъ не переставалъ „огорашивать“ читателя „Русской Мысли“ всяческими ужасами и рисунками страшныхъ возможностей, таящихся въ украинскомъ вопросѣ, оставляя этого читателя въ невѣдѣніи, что же говорятъ по поводу этихъ ужасовъ тѣ, отъ кого они

должны исходить, и такое ли ужъ зло представляютъ они для русскаго государства. Читатель, конечно, помнитъ, что эти „огорашиванія“ и „терроризированіе“ увеличивались въ „мѣру размышленій“ г. Струве. Сперва эти размышленія привели его къ убѣжденію, что украинство вредно само по себѣ, какъ угрожающее раздвоенію русской культуры. Дальнѣйшія размышленія привели къ сознанію опасности украинства въ государственномъ отношеніи. А теперь, поразмысливъ еще, г. Струве открываетъ въ украинствѣ возможныя опасности уже болѣе важнаго значенія, ибо онѣ переходятъ границы россійскаго государства и пріобрѣтаютъ международныя черты. Противъ „чумы“ украинства, быть можетъ, будутъ изобрѣтены новыя профилактическія мѣры. Въ ожиданіи ихъ слѣдуетъ отмѣтить, что руководимая г. Струве „Русская Мысль“ охотно готова привѣтствовать и обратить вниманіе своего читателя и на тѣ, которыя уже изобрѣтены нашими отечественными предохранителями. Наиболѣе полное собраніе и изданіе этихъ мѣръ сдѣлано г. Щеголевымъ. Книга этого „украиноборца“ дѣйствительно большая и объемистая. Въ ней собрано все: не только то, что можетъ доказать ненужность, искусственность и государственный вредъ, отъ украинства проистекающій, но и то, что должно посрамить украинство въ глазахъ его адептовъ или неофитовъ и до конца дискредитировать. Книга эта написана такимъ языкомъ, въ такомъ духѣ и тонѣ, что у непосредственно реагировавшаго публициста „Русскихъ Вѣдомостей“ по прочтеніи ея и могло только вырваться восклицаніе: „Какъ назвать“ подобное произведеніе? Фельетонистъ „Рѣчи“ А. Яблоновскій нашелъ отвѣтъ на поставленный Л. Козловскимъ вопросъ и окрестилъ трудъ Щеголева, такъ сказать, „голубиной книгой“, предназначенной для самообразованія спеціальныхъ людей съ ихъ спеціальными цѣлями. „Русская Мысль“ имѣетъ въ составѣ своихъ сотрудниковъ болѣе „воспитанныхъ“ журналистовъ, которые не такъ непосредственно реагируютъ, какъ сотрудники „Русск. Вѣд.“, и не такъ рѣзки въ выраженіяхъ, какъ г. Яблоновскій. Устами г. А. Старосельскаго, помѣстившаго въ послѣдней книжкѣ этого журнала отзывъ, въ видѣ отдѣльной статьи, о произведеніи Щеголева, органъ русскихъ либераловъ квалифицируетъ послѣднее какъ „энциклопедію украинскаго движенія“. Такая оцѣнка скорѣе свидѣтельствуетъ о зыбкости основаній, о сомнительности критерія, изъ котораго г. Старосельскій исходитъ,

чѣмъ о дѣйствительномъ соотвѣтствіи книги г. Щеголева тѣмъ научнымъ требованіямъ, которыя предъявляются къ трудамъ энциклопедическаго содержанія. Мы имѣемъ нѣкоторое представленіе объ энциклопедіяхъ и убѣждены, что сравненіе съ ними труда г. Щеголева даже по чисто внѣшнимъ признакамъ не можетъ быть допустимо. Книга упоминаемаго автора лишена, не говоря уже о сомнительной и довольно путанной научности, объективности и безпристрастнаго отношенія къ темѣ. Она вся насыщена, выражаясь мягко, предвзятостью къ послѣдней, и эта предвзятость мѣшаетъ автору быть правдивымъ и этимъ располагать къ себѣ читателя. Г. Щеголевъ—не изъ тѣхъ идейныхъ противниковъ, съ которыми, несмотря на все различіе во взглядахъ, можно считаться, ко мнѣнію котораго, въ интересахъ истины, слѣдуетъ прислушиваться. Онъ заранѣе знаетъ тѣ выводы, къ которымъ придетъ въ итогѣ своего „изученія“ украинскаго вопроса, и къ нимъ, къ этимъ выводамъ подгоняетъ, искусственно и не совсѣмъ „красиво“, всю ту работу изслѣдователя, которая такъ импонируетъ рецензенту „Русской Мысли“. Потому-то книга г. Щеголева производитъ впечатлѣніе скроенной изъ лоскутовъ разной матеріи и различнаго цвѣта, перемѣшанныхъ и перепутанныхъ, собранныхъ для опредѣленной цѣли и расчитанныхъ на опредѣленный эффектъ. Если прибавить сюда то, что г. Старосельскій называетъ „довольно поверхностнымъ политическимъ ретроградствомъ автора“ и что, вѣрнѣе, должно быть названо хищническимъ національнымъ ассимиляторства, то мы думаемъ, что всего этого слишкомъ не достаточно было для того, чтобы называть книгу г. Щеголева энциклопедіей по украинскому вопросу. Этимъ легкомысленнымъ употребленіемъ терминологіи вводятъ читателей „Русской Мысли“ въ опасное и вредное для дѣла уясненія ими украинскаго вопроса заблужденіе. Называя книгу г. Щеголева „богатой содержаніемъ“ и раздѣляя „вѣрность основной мысли“ автора, г. Старосельскій тѣмъ не менѣе не скрываетъ отъ читателей, что она „встрѣтила дурной пріемъ въ печати“. Причину этого онъ усматриваетъ не въ специфическихъ пріемахъ литературнаго письма автора, для которыхъ иные русскіе журналисты не находятъ словъ,—такъ они возвышаются надъ всѣмъ, что мы знаемъ изъ области литературы, не удовлетворяющей требованіямъ литературной этики,—но въ томъ, „что русское общество все еще вынуждено вести войну съ русскимъ прави-

тельствомъ", а „русскому либерализму приходится проносить конституціонную идею сквозь строй реакціи при поддержкѣ окраинныхъ элементовъ". Поэтому онъ вынужденъ вѣрить тѣмъ, кто борется за „нашу и вашу свободу". Не касаясь вопроса, насколько высказанное здѣсь объясненіе „дурного пріема" книги Щеголева обосновано, мы не можемъ не отмѣтить умолчанія г. Старосельскимъ о личномъ отношеніи его, какъ сотрудника либеральнаго русскаго журнала, къ литературнымъ пріемамъ разбираемаго имъ автора. Это тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что такое же умолчаніе со стороны рецензента сопровождаетъ и то мѣсто его статьи, гдѣ онъ говоритъ о „системѣ цензурныхъ бичей и правительственныхъ скорпіоновъ", предлагаемой г. Щеголевымъ для искорененія украинства. Г. Старосельскій ограничивается здѣсь только тѣмъ, что „не раздѣляетъ... оптимизма въ этомъ отношеніи". Пожалуй, что пессимистическая точка зрѣнія въ вопросѣ о дѣйствительномъ вліяніи бичей и скорпіоновъ здѣсь болѣе умѣстна; по крайней мѣрѣ примѣненіе ихъ къ украинству до сихъ поръ не оказывало того дѣйствія, на которое были расчитаны эти „бичи и скорпіоны". Но все-же пессимизмъ г. Старосельскаго не является искупленіемъ и оправданіемъ той своеобразной эластичности и гибкости, которую онъ проявляетъ въ вопросахъ, гдѣ читатель ждетъ отъ автора болѣе опредѣленнаго отношенія къ этическимъ моментамъ, затронутымъ темой или, какъ въ даномъ случаѣ, самимъ же имъ введенной въ нее.

Русскій либерализмъ растерялъ достаточно своихъ былыхъ положительныхъ чертъ. „Русская Мысль" даетъ основаніе заподозрѣть его и въ отсутствіи чуткости или—на худой конецъ и это вѣрнѣе будетъ—въ безразличномъ отношеніи къ вопросамъ этики, яркую иллюстрацію къ чему даетъ г. Старосельскій съ его осторожностью въ обходѣ острыхъ угловъ литературно-этическаго порядка. И въ этомъ измѣненіи содержанія русскаго либерализма, въ потерѣ имъ былыхъ доблестей и заслугъ все выпуклѣе вырисовывается предъ нами, принадлежащими къ недержавнымъ націямъ, подлинное лицо его, перемигивающееся съ тѣми, кого еще онъ такъ недавно презиралъ и отъ кого открещивался. Все яснѣе и громче звучатъ въ напѣваемой имъ аріи хищно-призывныя ноты, бодрящія и поднимающія настроеніе въ лагерѣ тѣхъ, кто любитъ Россію какъ любятъ „дім, волы, коровы". Все ближе, тѣснѣе подходятъ

другъ къ другу, сближаясь въ мысляхъ, поддерживая взаимно въ дѣйствіяхъ, полярныя недавно группы и на почвѣ одинаковаго отношенія къ инородцамъ Россіи,—изъ нихъ же въ первую очередь выдвинуты украинцы, — подаютъ другъ другу руки.

Предъ нами совершающійся фактъ сдвига русскаго либерализма въ сторону великорусскаго національнализма, преслѣдующаго, совершенно не скрываясь, ясныя зоологическія цѣли. Объ этомъ надо помнить и изъ этого необходимо дѣлать опредѣленные выводы, которые должны расхолаживающимъ образомъ повліять на тѣхъ инородцевъ и въ частности украинцевъ, кто искренно до сихъ поръ заблуждался насчетъ природы русскаго либерализма. Мѣсто друга угнетенныхъ націй Герцена занимаетъ Струве, проповѣдующій угнетеніе ихъ и борьбу съ ними. Былое, „доброе лицо“ державной націи принимаетъ иной обликъ, а въ этомъ послѣднемъ вырисовываются острые зубы воинственной денаціонализаціи. Слова Струве и его новыхъ подголосковъ порождаютъ отклики, и люди изъ тѣхъ, къ кому принадлежитъ г. Щеголевъ, уже претворяютъ эти слова въ дѣла, переходя отъ призывовъ къ борьбѣ съ украинцами, къ созданію цѣлой системы и разработаннаго въ деталяхъ плана этой борьбы.

Мы привѣтствуемъ и эту концентрацію враждебныхъ намъ силъ и то творчество, которое ими проявляется при этомъ. Она будетъ содѣйствовать тому же и среди насъ.

Но все-же тѣмъ, кто начинаетъ эту борьбу, не слѣдовало бы забывать, что „всякое идейное движеніе проходитъ три ступени развитія: на первой изъ нихъ надъ нимъ смѣются, на второй—начинаютъ съ нимъ бороться, а затѣмъ доказываютъ вамъ, что вы ломитесь въ открытую дверь“ (Б. Зутнеръ). Въ примѣненіи этихъ ступеней къ украинству можно сказать, что имъ пройдена уже ступень смѣха, принимавшаго самые различные оттѣнки—отъ легкой, благодушной ироніи до явнаго издѣвательства; теперь эту пройденную ступень смѣнила та, на которой началась борьба съ нимъ. Мы—свидѣтели и участники ея. И отъ того, к а к ъ успѣшно мы будемъ проводить ее, зависитъ тотъ отвѣтъ, который услышитъ имѣющее смѣнить насъ поколѣніе, когда полнѣе и настойчивѣе предъявитъ свои права на національное развитіе: Вы ломитесь въ открытую дверь!..

С. Петлюра.

На Украинѣ и внѣ ея.

За мѣсяцъ.

Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка. 26-го февраля исполнилась 52-я годовщина со дня смерти кобзаря Украины Т. Г. Шевченка. Ежегодно украинское общество чествуетъ память великаго украинскаго поэта, приноровляя чествованіе ко дню его смерти. Въ Галиціи, гдѣ чествованіе носитъ характеръ всеобщаго національнаго торжества, въ февралѣ и мартѣ устраиваются собранія и концерты, посвященные памяти Шевченка. Какъ обычно, и въ текущемъ году галицкими украинскими просвѣтительными учрежденіями устроенъ былъ рядъ шевченковскихъ концертовъ. Въ Украинѣ россійской чествованіе «шевченковскихъ роковин» имѣетъ пока нѣсколько иной характеръ и проявляется главнымъ образомъ въ устройствѣ панихидъ. И въ этомъ году панихиды по Шевченку отслужены были въ рядѣ городовъ Украины, а также въ другихъ городахъ Россіи, гдѣ украинское общество живетъ болѣе или менѣе сплоченною жизнью. Сообщенія о панихидахъ до средины марта получены изъ Кіева, Петербурга, Полтавы, Чернигова, Екатеринодара, Николаева, Умани, Канева, Сумъ, Риги, Благовѣщенска и др. Почти всѣ эти сообщенія свидѣтельствуютъ о томъ, что украинское общество благоговѣйно чтитъ память своего кобзаря, и панихиды вездѣ проходятъ при большомъ стеченіи народа. Лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ приходится констатировать противоположное явленіе. Такъ, въ Екатеринодарѣ устроители панихиды не успѣли заблаговременно оповѣстить публику, и поэтому народа на панихиду собралось мало. Еще болѣе печальное явленіе имѣло мѣсто въ Каневѣ, гдѣ среди мѣстной интеллигенціи замѣчается отсутствіе общности и даже взаимная враждебность. До сихъ поръ представители каневской интеллигенціи устраивали панихиды по Шевченку на его могилѣ, куда и собирались почитатели его памяти. Въ настоящемъ же году панихида отслужена была въ городѣ, притомъ въ необычное время, въ 6 час. вечера, вслѣдствіе чего на панихидѣ присутствовало только нѣсколько человѣкъ устроителей. Тѣмъ большее вниманіе привлекаютъ панихиды, устроенныя крестьянами, — правда, въ немногихъ селахъ Украины. На эти крестьянскія панихиды народу вездѣ собиралось много, а въ с. Ковалевкѣ (Полтавской губ.) на панихиду явилось почти все село.

Кромѣ панихидъ, въ Кіевѣ устроенъ былъ въ народной аудиторіи общедоступный концертъ памяти Шевченка, имѣвшій большой успѣхъ. Въ Екатеринославѣ въ память Шевченка устроенъ былъ 9-го марта торжественный вечеръ мѣстною «Просвітою», а на

слѣдующій день состоялся шевченковскій вечеръ для рабочихъ въ екатеринославскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, устроенный обществомъ трезвости. Въ Харьковѣ 7-го марта состоялось торжественное засѣданіе о-ва имени Квитки-Основьяненка, посвященное памяти Шевченка.

Въ Шевченковскомъ комитетѣ. 8-го марта въ кіевской городской думѣ состоялось засѣданіе объединеннаго комитета по сооруженію памятника Шевченку для обсужденія вопроса объ избраніи жюри для разсмотрѣнія имѣющихъ быть представленными проектовъ памятника и о лицахъ, которымъ предположено поручить составленіе проекта. Въ жюри намѣчены гг. Фоминъ, Кричевскій, А. Бенуа, Тимошенко, Дьяковъ, Лизогубъ и Бѣляшевскій. По вопросу объ именномъ конкурсѣ принято во вниманіе предложеніе поручить исполненіе проекта скульптору Шервуду, но прежде того рѣшено дать возможность украинскимъ художникамъ высказать свои мысли по этому вопросу путемъ представленія на разсмотрѣніе комитета эскизовъ рисунковъ памятника великому поэту.

Новый украинскій клубъ. Полтавское губернское объ обществахъ и союзахъ присутствіе зарегистрировало уставъ украинскаго клуба въ Полтавѣ.

Новая «Просвіта». Въ с. Діевкѣ Екатеринославской губ. 3-го марта состоялось торжественное открытіе мѣстнаго отдѣленія екатеринославской «Просвіти». На открытіе прибыли члены совѣта екатеринославской «Просвіти», «просвітяне» изъ Мануиловки и гости изъ Запорожья-Камянскаго и Лоцманской Каменки. Многіе пришли пѣшкомъ за 10 верстъ. Новою «Просвітою» полученъ рядъ привѣтствій отъ украинскаго общества изъ различныхъ мѣстъ Украины, отъ нѣкоторыхъ украинскихъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ. На торжество открытія собралось почти все село. Помѣщеніе «Просвіти» было переполнено, и толпа стояла вокругъ зданія на улицѣ.

Въ память Н. В. Лисенка. Общее собраніе Чиновничьяго клуба въ Полтавѣ, почтило память Н. В. Лисенка вставаніемъ и постановило учредить въ полтавскомъ или кіевскомъ музыкальномъ училищѣ стипендію имени покойнаго.

Неразрѣшеніе украинскихъ обществъ. Кіевское губернское объ обществахъ и союзахъ присутствіе отказало въ регистраціи «украинскому художественному артистическому о-ву».

— Въ Одессѣ отказано въ регистраціи украинскому драматическому о-ву «Кобзарь».

Запрещеніе рефератовъ. Кіевскій губернаторъ дважды отклонилъ ходатайство кіевскаго общественнаго собранія «Родина» о разрѣшеніи рефератовъ г. Сѣдлецкаго на украинскомъ языкѣ о Бразиліи и о земледѣліи въ Америкѣ.

Конфискація украинскихъ иконъ. 26-го февраля въ Кіевѣ были конфискованы по распоряженію духовной цензуры въ книжныхъ

магазинахъ «Літературно-Науковаго Вістника» и «Час» художественныя репродукціи съ иконъ Спасителя и Богоматери, принадлежащихъ кисти галицкаго художника Куриласа. Иконы эти изданы въ Галиціи съ благословенія митрополита Шептицкаго и отъ обычныхъ иконъ русскаго изданія отличаются лишь тѣмъ, что одежды на нихъ украшены украинскими вышивками.

Литературное дѣло. Въ февралѣ кіевскій окружный судъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей разсмотрѣлъ дѣло завѣдующаго редакціей журнала «Літературно-Науковий Вістник» П. Ф. Лаврова, который выпустилъ въ отсутствіе редактора журнала С. Веселовскаго, но за его подписью, XII книжку журнала за 1910 г. Въ этой книжкѣ напечатана была поэма Леси Украинки «На полі крови», содержащая діалогъ Іуды Искаріота со старикомъ-прохожимъ богомольцемъ подъ стѣнами Іерусалима послѣ распятія Іисуса Христа. Прокурорскій надзоръ усмотрѣлъ въ словахъ Іуды хулу на Іисуса Христа и поношеніе Священнаго Писанія и таинства евхаристіи и предъявилъ Лаврову обвиненіе въ богохуленіи (2 ч. 73 ст. Уг. Ул.). Кромѣ того, Лаврову предъявлено было обвиненіе въ выпускѣ XII кн. журнала въ отсутствіе редактора безъ полученія на то соотвѣтствующаго свидѣтельства. Присяжные оправдали Лаврова по обвиненію въ богохульствѣ и признали виновнымъ въ выпускѣ журнала безъ разрѣшенія. Судъ приговорилъ его къ штрафу въ 100 р. съ замѣной ареста на 1 мѣс. Защищалъ прис. пов. И. Л. Шрагъ (изъ Чернигова).

Преслѣдованіе украинства. «Рада» сообщаетъ, что на ст. Полтава-городъ начальникъ ж.-дор. жандармскаго отдѣленія Бушенъ запретилъ продавать украинскія газеты, лично контролируетъ продавцовъ газетъ и, если находитъ украинскія изданія, отбираетъ ихъ, а продавца прогоняетъ со станціи.

— Въ м. Краснополѣ Житомирскаго уѣзда кружокъ украинской молодежи завелъ собственную библіотеку, устраивалъ вечера, подготовлялъ спектакли, но принужденъ былъ прекратить дѣятельность, такъ какъ посыпались доносы и изъ Житомира два раза пріѣзжали производить обыски,—впрочемъ оба раза безрезультатно.

— Директоръ семинаріи въ Александріи (Херсонск. губ.) Левицкій, объ украиноборческой дѣятельности котораго не разъ сообщалось въ украинской прессѣ, организовалъ систематическій походъ противъ украинской литературы, ревизуетъ квартиры учениковъ и отбираетъ находимыя у нихъ украинскія книжки. Какое представленіе этотъ педагогъ имѣетъ объ украинствѣ, можно судить по произнесенной имъ передъ учениками рѣчи, въ которой онъ между прочимъ говорилъ: «Меня, господа, крайне удивляетъ, что побуждаетъ васъ читать эту (т.-е. украинскую) литературу. Вѣдь вы достаточно знаете этотъ малорусскій языкъ; вы съ матернимъ молокомъ впитали его въ себя. Зачѣмъ вамъ стремиться къ большему? Этого достаточно для васъ въ домашнемъ обиходѣ. Эта литература и все украинофильское движеніе представляетъ изъ себя не болѣе, какъ результатъ болѣзненности

его представителей. Повѣрьте, я самъ нѣкогда увлекался и носилъ сѣрую шапку. Но теперь за одинъ вашъ отвратительный акцентъ я, увидите, сдѣлаю выпускъ въ три чловѣка. Прошу васъ, господа, еще разъ: бросьте этотъ языкъ—это хамство».

Музей въ украинскомъ стилѣ. Въ Петербургѣ среди студентовъ института гражданскихъ инженеровъ объявленъ былъ конкурсъ на проектъ музея въ украинскомъ стилѣ для каменецъ-подольскаго церковно-археологическаго о-ва. На конкурсъ представлено было семь проектовъ. Первую премію жюри выдало студ. Д. Дьяченко, вторую—студ. Ф. Шумову. Въ жюри, состоявшемъ изъ 9 чел., приняли участіе, кромѣ профссоровъ института, художники С. Васильковскій и Н. Самокишъ, а также проф. Ф. Волковъ и членъ Госуд. Думы свящ. Ф. Филоненко.

Непонятное замедленіе

(Вниманію гг. издателей „Украинскаго народа“).

Въ «Радѣ» помѣщена слѣдующая замѣтка, которую мы находимъ необходимымъ перепечатать и на страницахъ нашего журнала, вполнѣ раздѣляя высказанно названной редакціей недоумѣніе. «Уже нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилось первое извѣстіе, что одно изъ солидныхъ московскихъ издательствъ предпринимаетъ энциклопедическое изданіе, посвященное Украинѣ. Прошло много лѣтъ; никто, кромѣ людей, стоящихъ возлѣ этого дѣла, не зналъ ничего положительнаго, хотя въ газетахъ сообщалось имя редактора и сотрудниковъ этого интереснаго изданія. Такъ тянулось дѣло до половины прошлаго года, когда появились подробные проспекты издательства бр. Гранатъ съ призывомъ къ подпискѣ на «Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ» и съ обѣщаніемъ выпустить первый томъ изданія въ октябрѣ 1912 г. Прошелъ сентябрь, прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ,—обѣщанный томъ не вышелъ. Мало этого,—дѣло какъ-будто вернулось къ прежнему положенію: опять одни слухи, опять никто ничего вѣрнаго не знаетъ, хотя появилось много людей, интересующихся уже, какъ подписчики, судьбою изданія.

Мы не знаемъ причины такого замедленія, ни того, кто въ этомъ виноватъ, но во всякомъ случаѣ все это нехорошо отзывается прежде всего на самомъ изданіи, подрывая вѣру къ нему подписчиковъ. Въ нашу редакцію часто обращаются съ вопросами о томъ, когда выйдетъ «Украинскій народъ» или почему его до сихъ поръ нѣтъ, и съ жалобами по поводу этого. Мы, конечно, не можемъ удовлетворить эти претензіи, но должны еще разъ напомнить издателямъ, что время не ждетъ, что нужно же въ концѣ-концовъ выполнить обязанности передъ читателями и подписчиками. Такое долгое замедленіе, да еще по неизвѣстнымъ причинамъ, только мѣшаетъ дѣлу и вызываетъ недовѣріе, будетъ ли дѣло доведено до конца. А это не въ интересахъ изданія, не говоря уже объ интересахъ самого дѣла».

Украинцы-артисты за границей. И. А. Алчевскій. На страницахъ «Украинской Жизни» неоднократно упоминалось имя бывшаго артиста Императорскихъ театровъ И. А. Алчевскаго въ связи съ его дѣятельностью какъ предсѣдателя украинскаго музыкально-драматическаго кружка въ Москвѣ «Кобзарь». Успѣшнымъ развитіемъ своимъ «Кобзарь» во многомъ обязанъ г. Алчевскому, принимавшему большое организаціонное участіе въ дѣлахъ «Кобзаря» и украшавшему постоянно вечеринки и собранія его своимъ личнымъ участіемъ. Къ сожалѣнію, въ новомъ сезонѣ г. Алчевскій оставилъ сцену московской Большой оперы, уѣхавъ въ артистическое турнэ по Западной Европѣ. Намъ пріятно отмѣтить, что выдающійся успѣхъ сопровождаетъ украинца-артиста въ его выступленіяхъ на лучшихъ сценахъ европейскихъ театровъ и что г. Алчевскій, будемъ надѣяться, возвратится назадъ покрытый вполнѣ, впрочемъ, уже заслуженной имъ славой артиста съ европейскимъ именемъ. Намъ пишутъ изъ Парижа объ исключительной популярности, устойчивой и твердой, завоеванной здѣсь г. Алчевскимъ. Отзывы прессы, какъ общей, такъ и спеціальной, подтверждаютъ это сообщеніе. Для иллюстраціи изъ массы полученныхъ нами французскихъ газетъ приведемъ нѣсколько наиболѣе яркихъ газетныхъ отзывовъ. Журналъ «Comedia» (№ 1770) пишетъ: «Все въ немъ—Алчевскомъ—указываетъ на превосходное музыкальное дарованіе и на отличное знаніе искусства пѣть. Онъ владѣетъ полуоттѣнками рѣдкой красоты». Говоря о выступленіи артиставъ «Лоэнгринѣ», названный органъ (№ 1774) характеризуетъ его «превосходнымъ пѣвцомъ», который, обладая настоящимъ драматическимъ теноромъ, «пожалуй, еще лучше подходитъ къ ролямъ нѣжнымъ, плѣнительнымъ, чѣмъ драматическимъ. Каждый разъ, когда ему приходится «пѣть», т.-е. филировать звукъ, оттѣнять и т. д., слушать его становится прямо наслажденіемъ. Въ Лоэнгринѣ онъ достигалъ искусства высшаго порядка». «Figaro» считаетъ Алчевскаго «блестящимъ теноромъ», обладающимъ «счастливымъ музыкальнымъ и сценическимъ дарованіемъ». Марсельскій корреспондентъ упомянутой уже нами «Comedia», сообщая о выступленіи артиста на марсельской сценѣ, отмѣчаетъ, «что исполненіе Алчевскимъ партіи Самсона (въ операѣ «Самсонъ и Далила») окончательно причислило этого чуднаго артиста къ тому ряду теноровъ, гастроли которыхъ являлись событіемъ для Марселя. Между тѣмъ публика нашего города—второго, по значенію, во Франціи—имѣетъ заслуженную репутацію строгаго критика, такъ что даже артисты большой извѣстности опасаются ея». Оперный рецензентъ мѣстной «Le Petit Marseillais», давая отчетъ о постановкѣ «Гугенотовъ», называетъ выступленіе Алчевскаго въ этой операѣ «тріумфальнымъ», такъ какъ оно сопровождалось непрестанными вызовами, превратившимися въ 4-мъ дѣйствіи въ настоящій тріумфъ... Г. Алчевскій совершилъ въ этомъ дѣйствіи неслыханный доселѣ подвигъ, повторивъ труднѣйшую часть знаменитаго дуэта, исполнивъ, такимъ образомъ, два раза подъ-рядъ пассажъ, заключающій три si bemol и два верхнихъ re bemol'я. Нѣкоторые изъ нашихъ давнихъ оперныхъ завсегда-

таевъ увѣряли, что послѣ славной памяти Лефранка, они не слыхали ничего подобнаго. Это насъ нисколько не удивляетъ, такъ какъ съ своей стороны мы въ первый разъ видимъ подобную мощность въ соединеніи съ такою нѣжностью и гибкостью, а также такое совершенство въ пониманіи сложной роли Рауля». «Остается благодарить,—говоритъ та же газета, давая отчетъ о послѣдней гастроли артиста въ Марселѣ,—дирекцію оперы за знакомство съ этимъ артистомъ, который во всѣхъ роляхъ показалъ себя превосходнымъ артистомъ съ большимъ сценическимъ дарованіемъ и отличной музыкальностью».

Присоединяясь къ похваламъ по адресу г. Алчевскаго, спеціальная «Theatra» останавливается на качествахъ голоса и игры артиста: «Голосъ этого замѣчательнаго тенора дѣйствительно великолѣпенъ: въ медіумѣ широкій, чистый, превосходнаго теплаго тембра; въ верхахъ—свободный, гибкій, поразительной силы и красоты... умѣло пользуясь плѣнительными оттѣнками, которыми онъ владѣетъ въ совершенствѣ, артистъ придаетъ своему пѣнію большую нѣжность, сохраняя, однако, всю силу выраженія, требуемую замысломъ». Говоря о верхнихъ нотахъ въ голосѣ артиста, авторъ статьи высказывается, что онъ лично не придаетъ имъ самимъ по себѣ никакого значенія въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ «являются компенсаціей за посредственное исполненіе». «Но, съ другой стороны, онъ не можетъ не восторгаться ими, когда онѣ являются дополненіемъ къ таланту, столь совершенному, какъ талантъ г. Алчевскаго, особенно когда эти высокіе звуки расцвѣтаютъ на устахъ пѣвца съ легкостью, звонкостью и чистотой». «Сценическая сторона» въ пѣніи и игрѣ артиста можетъ быть названа тоже прекрасной: «Симпатичный артистъ вноситъ въ пониманіе роли и въ исполненіе ея много индивидуальнаго. Алчевскій имѣетъ возрастъ героя, его стремленія, его желанія; онъ выражаетъ его характеръ; его переживанія сопровождаются вѣрными положеніями и соотвѣтствующей мимикой... Итакъ, во всѣхъ сценахъ блестящій исполнитель Большой оперы, тѣсно приспособляясь къ моменту и обстоятельствамъ, достигаетъ всегда максимума правдивости и эффекта»... По мнѣнію «Petit Marseillais», всего болѣе поражаетъ въ г. Алчевскомъ то, что въ немъ талантъ пѣвца превосходитъ его сценическое дарованіе»... Говоря объ исполненіи г. Алчевскимъ отдѣльныхъ ролей, газеты отмѣчаютъ подкупающую своеобразность пониманія артистомъ этихъ ролей, что вмѣстѣ съ колоссальными вокальными средствами, которыми располагаетъ артистъ, и умѣло одухотвореннымъ расходованіемъ ихъ дѣлаетъ его дѣйствительно крупной величиной артистическаго міра.

Съ обычной французской картинностью описываетъ „Theatra“ выступленіе г. Алчевскаго въ «Гугенотахъ». «Быстро разнесся всюду слухъ о вокальныхъ подвигахъ г. Алчевскаго во время перваго представленія «Гугенотовъ». Потому вчера необыкновенно многочисленная толпа стояла у театра, все было заполнено до крайности, многіе принуждены были вернуться, не найдя ни одного свободнаго уголка. Зато тѣ, кто выдержалъ долгое и непріятное ожиданіе у кассы и у двери театра, были вполнѣ вознаграждены

за свое терпѣніе, такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, никогда не слыхали мы Рауля, подобнаго тому, котораго еще разъ намъ представилъ г. Алчевскій. Въ прошлый разъ я долго и подробно останавливался на достоинствахъ прекраснаго исполнителя. Я подчеркнулъ, насколько могъ, дивную красоту, тонкую гибкость и силу выраженія въ исполненіи. Не стану повторяться, хочу только отмѣтить сердечный пріемъ, полный энтузіазма, которымъ публика вознаградила превосходнаго артиста. При его появленіи со всѣхъ сторонъ раздались апплодисменты, первый куплетъ романса прерванъ шумнымъ выраженіемъ восторга, послѣ второго—всеобщіе крики «браво» и продолжительныя овацiи. Четыре вызова послѣ перваго акта. Во 2-мъ актѣ послѣ дуэта съ королевой Маргаритой громкія привѣтствія, какъ и послѣ знаменитаго септета. Но послѣ 4-го акта безпредѣльный энтузіазмъ публики вылился въ грандіознѣйшую манифестацію, которую когда-либо слышали. Послѣ настойчиво выраженныхъ требованій г. Алчевскій долженъ былъ повторить цѣликомъ знаменитый дуэтъ, который произвелъ дѣйствительно потрясающее впечатлѣніе. Въ концѣ акта всѣ зрители стоя, весь оркестръ во главѣ съ дирижеромъ, также стоя, восторженно привѣтствовали неутомимаго и прекраснаго артиста, устроивъ ему, такимъ образомъ, тріумфъ, можетъ быть, единственный въ лѣтописяхъ нашего театра, въ то время какъ занавѣсъ поднимался безчисленное множество разъ». Съ такимъ же успѣхомъ выступаетъ г. Алчевскій въ настоящее время и въ Парижѣ.

Намъ пріятно отмѣтить, что артистъ-украинецъ, выступая въ роляхъ мірового опернаго репертуара, пользуется случаемъ, чтобы продемонстрировать передъ европейской аудиторіей и лучшіе образцы украинскаго музыкальнаго творчества. Такъ, на лекціи въ Université des Annales на тему о „Восточной музыкѣ“ г. Алчевскій на-ряду съ произведеніями композиторовъ исполнялъ и украинскія пѣсни.

М. Ш.

Старинные портреты украинскихъ общественныхъ дѣятелей въ Батуринѣ. Въ Батуринѣ, бывшей столицѣ украинскихъ гетмановъ, осталось много цѣнныхъ и интересныхъ памятниковъ историческаго прошлаго Украины. Но по причинамъ, о которыхъ мы уже писали на страницахъ нашего журнала (см. «Украинская Жизнь», 1912 г., №№ 7—8, стр. 120—125), памятники эти гибнутъ здѣсь такъ, какъ нигдѣ больше на Украинѣ. Хлѣбопашецъ одну за другой распахиваетъ казацкія могилы вокругъ города и военные валы, оставшіеся еще со временъ Мазепы; мелкій торговецъ-мѣщанинъ за безцѣнокъ продаетъ еврею на сплавъ драгоцѣнную вещь, украденную изъ батуринскаго замка гетмана Разумовскаго; холодные вѣтры, частые осенніе дожди и иныя атмосферныя явленія также дѣлаютъ свое дѣло, медленно, но безостановочно разрыхляя и обращая въ песокъ кирпичъ и камень незащищенныхъ крѣпостныхъ стѣнъ и гетманскихъ строеній, а то, что не успѣютъ уничтожить ни всеразрушающая

рука батуринскаго вандала, ни атмосферическія явленія природы, докончитъ администрація, разбирая для конюшенъ каменныя стѣны и гетманскія постройки украинской архитектуры.

И гибнутъ, уничтожаются интересные и дорогіе намъ памятники украинскаго прошлаго.

Къ такимъ гибнущимъ памятникамъ принадлежатъ, какъ сообщаетъ «Ілюстрована Україна» (№ 5), откуда мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, и старинные портреты украинскихъ дѣятелей изъ батуринской картинной галлереи гетмана Разумовскаго, находящіеся нынѣ у батуринскаго трактирщика г. Ради.

«Когда въ половинѣ минувшаго столѣтія,—пишетъ «Ілюстрована Україна»,—батуринцы растаскивали гетманское имущество изъ дворца, то досталось между прочими и г. Ради 7 портретовъ изъ картинной галлереи гетмана и одна книжка изъ гетманской библіотеки. Болѣе практичные батуринцы свои книжки и рукописи употребили на подтопку печей, а г. Ради сберегъ свою добычу, разсудивъ своей коммерческой головой, что за нее можно получить деньги. Друзья г. Ради, прослышавъ, что за старинные портреты платятъ большія деньги, посовѣтовали ему дешево не продавать, и теперь г. Ради требуетъ ни болѣе, ни менѣе какъ по 100 руб. за каждый портретъ, тогда какъ лѣтъ 10 тому назадъ радъ былъ бы получить за нихъ рублей 5—10, лишь бы не валялись въ трактирѣ...

Это портреты гетмана Мазепы, генеральнаго писаря Филиппа Орлика, Полуботка, Семена Палія и Петра Дорошенка; кромѣ того два портрета библейскихъ Адама и Евы. Кромѣ этихъ былъ еще какой-то образъ античной миѳологіи, но онъ совершенно испорченъ, находясь во вредной для нѣжныхъ красокъ атмосферѣ табачнаго дыма и пьяныхъ мужиковъ. Размѣръ каждаго портрета приблизительно 85×50 ст., за исключеніемъ портрета Мазепы, немного большаго (1 м. 75 ст.), и Адама и Евы, немного меньшаго; лица на портретахъ рисовались въ натуральную величину, за исключеніемъ С. Палія; 2 изъ портретовъ (С. Палій и П. Дорошенко)—en profil, а остальные—en face.

Всѣ портреты носятъ слѣды многолѣтняго пребыванія въ трактирѣ, причемъ одни изъ нихъ пострадали больше, другіе—меньше. Нѣкогда яркія, свѣжія краски отъ табачнаго дыма и копоти, не выходящихъ изъ трактира ни днемъ, ни ночью, ослабѣли, почернѣли и во многихъ мѣстахъ совсѣмъ стушевались, а отъ неосторожнаго обращенія съ ними пьяницъ дали трещины и въ нижнихъ углахъ совсѣмъ порвались,—напримѣръ, портретъ П. Дорошенка. Съ этой стороны меньше всѣхъ потерпѣлъ портретъ Полуботка и отчасти Мазепы и Орлика.

Лучшій изъ портретовъ—портретъ гетмана Мазепы: въ немъ больше рельефности въ лицѣ, лучшая техника, и его яркія краски менѣе затушевались въ лицѣ, нежели на другихъ портретахъ (послѣ Полуботка). Комбинаціи красокъ, теперь уже во многихъ мѣстахъ потускнѣвшихъ и потемнѣвшихъ, даютъ возможность судить объ его первоначальномъ видѣ: кажется, осво-

бодите его отъ копоти, положите обновляющіе мазки, очистите химическими реактивами—и передъ вами живой человѣкъ».

А. де-Губернатисъ и М. Драгомановъ. Имя скончавшагося въ февралѣ итальянскаго ученаго и общественнаго дѣятеля А. де-Губернатиса должно быть съ благодарностью помянуто и украинцами, какъ редактора-издателя журнала, открывшаго свои страницы для освѣдомленія европейской публики по украинскому вопросу въ то время, когда послѣдній не пріобрѣлъ еще въ глазахъ Европы того интереса, съ какимъ она относится къ нему въ наше время. Въ журналѣ А. де-Губернатиса „Rivista Europea" напечатана была обстоятельная статья проф. М. Драгоманова подъ названіемъ „Je movimento litterario ruteno in Russia Gallizia"(1798—1872). Драгомановъ, эмигрировавъ въ Зап. Европу, нѣкоторое время, въ 1871—1873 гг., жилъ во Флоренціи, лично былъ знакомъ съ итальянскимъ ученымъ, который, стремясь создать изъ своего журнала международное изданіе, привлекъ къ участію въ немъ и украинскаго ученаго, не замедлившаго познакомить европейскую читающую публику съ судьбами и наиболѣе выдающимися произведеніями украинской литературы 1798—1872 гг. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Драгоманова и Губернатиса читатель можетъ найти въ работѣ М. Павлика, изданной въ 1911 г. «Науковим Товариством Ім. Шевченка у Львові, «Переписка Михайла Драгоманова з Мелітоном Бучинським 1861—1877 гг.».

Французскій рефератъ объ украинскомъ вопросѣ. 18-го февраля н/ст. Ярославъ Федорчукъ прочиталъ въ парижской школѣ высшихъ знаній (Ecole des Hautes Etudes Sociales) рефератъ на тему о возрожденіи Украины („La renaisansce de l'Ukraine"). Рефератъ г. Федорчука былъ очереднымъ изъ серіи объявленныхъ въ этомъ году рефератовъ подъ общимъ названіемъ „Les aspirations Autonomistes en Europe". Референтъ сжато охарактеризовалъ главнѣйшіе этапы въ исторіи возрожденія украинскаго народа, начиная съ Котляревскаго и оканчивая послѣдними фазисами борьбы за украинскій университетъ. Рефератъ г. Федорчука будетъ напечатанъ въ ежегодникѣ «Союза національностей».

Ревнители русскаго языка. Освѣдомленные въ положеніи дѣлъ на Украинѣ знаютъ тотъ любопытный фактъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ противниками украинскаго языка выступаютъ сами же крестьяне-украинцы. Такую ненормальную и противорѣчивую позицію иногда защищаютъ тѣ крестьяне, которые, пройдя русскую школу, потеряли чутье живого народнаго языка въ полной мѣрѣ. Ненормальность этой позиціи заключается въ томъ, что такіе ревнители русскаго языка въ большинствѣ случаевъ его все-таки не знаютъ. Утративъ чутье народнаго языка, они вмѣстѣ съ тѣмъ не усвоили чужого: стали въ буквальномъ смыслѣ людьми безъ языка.

Любопытная иллюстрація этого факта находится въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ кіевскаго кооперативнаго журнала

«Муравейникъ». Этотъ журналъ выходитъ на русскомъ и украинскомъ языкахъ, причемъ необходимо отмѣтить, что украинскій языкъ прошелъ главнымъ образомъ вслѣдствіе домогательствъ кооператоровъ-крестьянъ. По поводу украинскаго отдѣла журнала въ редакцію обратился съ письмомъ одинъ изъ его читателей, въ которомъ онъ высказывается противъ помѣщенія въ журналѣ украинскихъ статей. Аргументація его въ журналѣ приводится полностью. Приводимъ изъ нея болѣе яркія мѣста: «Не касаясь вообще оборотной рѣчи этого языка въ журналѣ—приходится высказаться, что языкъ этотъ такъ богатъ своимъ оборотомъ рѣчи, что послѣднимъ составляетъ исключительное самостоятельное явленіе въ каждомъ населенномъ пунктѣ, не согласующееся съ таковымъ же самаго ближайшаго смежнаго села, города или мѣстечка... Поэтому не представляется возможности вести письменную бесѣду въ журналѣ на малорусскомъ языкѣ, котораго населеніе читать и писать вполнѣ не можетъ».

До какого культурнаго одичанія доводитъ русская школа на Украинѣ, если она создаетъ людей, пользующихся такимъ quasi-русскимъ языкомъ и защищающихъ его преимущества передъ живой, народной рѣчью!

Изъ жизни украинской колоніи въ Прагѣ. Мѣстная «Украинская Громада» 23-го февраля устроила Шевченковскій вечеръ. Д-ръ Махаль, профессоръ славянскихъ литературъ въ чешскомъ университетѣ, прочелъ очень интересный рефератъ о характерѣ поэтическаго творчества Т. Г. Шевченка. Прежде всего референтъ сдѣлалъ общую, но очень удачную, характеристику возрожденія и развитія новѣйшей украинской литературы, затѣмъ отмѣтилъ, что благодаря Шевченку она заняла самостоятельное и своеобразное положеніе въ семьѣ славянскихъ литературъ. Переходя къ характеристикѣ великана украинской литературы, проф. Махаль обратилъ особенное вниманіе на три главнѣйшіе и руководящіе мотива, а именно: на его любовь къ своей отчизнѣ и народу, неустанное исканіе правды и любовь къ свободѣ, а какъ результатъ этого—безкомпромиссную борьбу со всякаго рода насиліями и неправдой. Умѣло подобранными цитатами изъ «Кобзаря» (въ переводѣ на чешскій, а нѣкоторыя и въ оригиналѣ) референтъ ярко иллюстрировалъ основной характеръ поэзіи Шевченка. Одновременно г. референтъ отмѣтилъ, что эти главныя, характерныя черты поэзіи автора «Кобзаря» являются типичными для новѣйшей украинской литературы вообще, даже больше—ихъ можно признать характерными для психической физіономіи украинскаго народа, особенно исканіе правды въ наиболѣе широкомъ смыслѣ этого слова. Какъ на примѣръ, подтверждающій эту мысль, г. референтъ указывалъ на основной характеръ ученія украинскаго народнаго философа Г. С. Сковороды. Въ концѣ своего интереснаго реферата проф. Махаль подчеркнулъ общечеловѣческое и міровое значеніе украинскаго генія, говоря, что, назвавъ Шевченка поэтомъ-апостоломъ народнаго возрожденія, еще нельзя постигнуть всю глубину его

значенія. Шевченко былъ національнымъ и міровымъ геніемъ-пророкомъ. Вторая половина вечера была посвящена декламаціи твореній Шевченка въ чешскомъ переводѣ. Декламировалъ г. Добровольскій, драматическій артистъ пражскаго народнаго театра. Декламація его отличалась художественностью и большимъ пониманіемъ поэзіи Шевченка. Особенно сильное впечатлѣніе произвела декламація «Перебенді» и нѣкоторыхъ отрывковъ изъ поэмы «Катерина». Одинъ изъ членовъ «Украинской Громады», г. Чижъ, выступилъ съ рѣчью о Шевченкѣ, какъ украинцѣ и славянинѣ. Хорошо подобранными цитатами изъ «Кобзаря» ораторъ выяснилъ гуманный и демократическій характеръ національнаго Шевченка и прогрессивно-демократическій характеръ его славянофильства, идеаломъ котораго была полная культурно-національная самостоятельность всѣхъ славянскихъ народовъ въ рамкахъ политическаго федерализма. Затѣмъ г. Коханый декламировалъ «Сонъ». Послѣ декламаціи г. Бочковскій говорилъ о женскихъ типахъ Шевченка. Онъ подчеркнулъ аболиціонистическій характеръ поэзіи Шевченка, его энергическую борьбу противъ порабощенія женщины, особенно во времена крѣпостного права. Референтъ познакомилъ слушателей съ главными твореніями поэта, гдѣ говорится о женской долѣ, и закончилъ свой докладъ констатированіемъ факта, что Шевченка, за его отношеніе къ удѣлу женщины, надо признать однимъ изъ главнѣйшихъ піонеровъ женской эмансипаціи. Закончился вечеръ декламаціей «Думы мои, думы мои», исполненной съ большимъ чувствомъ предсѣдателемъ «Укр. Громады». На вечерѣ, гдѣ присутствовало также много и чешской публики, собрано 30 кронъ на памятникъ Шевченку.

Изъ жизни украинской колоніи въ Москвѣ. Замѣтнымъ событіемъ въ жизни украинской колоніи въ Москвѣ слѣдуетъ назвать украинскій литературно-музыкально-вокальный вечеръ, устроенный «Кобзаремъ» въ роскошномъ помѣщеніи Купеческаго собранія 13-го марта. Правленіе «Кобзаря», руководимое Н. М. Дикимъ, проявило въ устройствѣ этого вечера достаточно труда, энергіи и похвальной иниціативы. Всяческаго признанія со стороны украинцевъ заслуживаетъ постановка «послѣдней лебединой пѣсни» умершаго Н. В. Лисенка, его оперной миніатюры «Nocturno».

Постановка этой вещи въ Москвѣ сопряжена была съ большими трудностями, тѣмъ болѣе намъ пріятно отмѣтить, что эти трудности, были одолѣны, и украинская колонія въ Москвѣ получила возможность высокаго музыкальнаго наслажденія, доставленнаго исполненіемъ „Nocturno“. Въ качествѣ исполнителей выступили замѣтныя силы Императорской оперы и оперы Зимина, какъ, напр., г-жи Г. Никитина (Вакханка) и Н. П. Кошицъ (Панночка). Пѣніе послѣдней въ особенности должно быть отмѣчено: артистка обладаетъ исключительно мелодичнымъ, задушевнымъ голосомъ и внесла въ исполненіе своей роли много мягкихъ чертъ, вполнѣ отвѣчающихъ психологіи персонажа. Общій ансамбль—удачный; то же слѣдуетъ сказать о декораціяхъ и балетѣ.

Пріемъ у публики постановка „Nocturno“ встрѣтила сердечный. Ознакомленіе украинской публики съ произведеніемъ покойнаго композитора значительно выиграло бы, если бы устроители ввели въ программу вечера хотя бы краткую характеристику музыкальнаго творчества его и выясненіе его значенія въ дѣлѣ созданія украинской національной музыки. Это тѣмъ болѣе было необходимо сдѣлать, что значительная часть публики на вечерѣ была не украинская и, по всей вѣроятности, мало знакомая съ тою громадною ролью, какую сыгралъ въ жизни украинскаго общества Лисенко. Послѣ „Nocturno“ исполнена была вокально-музыкальная часть вечера, въ которой приняли участіе артистки Императорской оперы Никитина, Калиновская-Докторъ, Попова, артистъ театра Незлобина Мартосъ, артистъ оперы Зимина Скуба, бандуристъ Кучугура-Кучеренко и большой, прекрасно поставленный хоръ «Кобзаря» подъ управленіемъ композитора Б. Подгорецкаго. Изъ №№, исполненныхъ хоромъ, слѣдуетъ отмѣтить оригинальную композицію г. Подгорецкого по музыкальному замыслу на слова Франка «Червоная калино, чого въ лузі гнешься».

Чествованіе памяти Шевченко въ «Кобзарѣ». Какъ и въ прежніе годы, московская украинская колонія посвятила памяти своего національнаго поэта литературно-музыкальный вечеръ, состоявшійся вечеромъ 26-го февраля въ музыкально-драматическомъ кружкѣ «Кобзарь» послѣ традиціонной дневной панихиды въ церкви Вознесенія, собравшей много народа.

На вечерѣ вступительное слово произнесъ С. В. Петлюра, который указалъ на неумирающее свойство Шевченка—служить свѣточемъ и стимуломъ къ дальнѣйшей работѣ на благо національнаго возрожденія, несмотря на то, что нѣкоторыя его поэтическія произведенія стали уже только достояніемъ исторіи.

Проф. Ѳ. Е. Коршъ въ своемъ обширномъ рефератѣ сдѣлалъ историческій очеркъ состоянія украинской литературы до Шевченка и указалъ на то новое и оригинальное, что поставило Шевченка выше его талантливыхъ предшественниковъ,—это его смѣлый протестъ противъ крѣпостного права, не прикрашенный демократизмъ, соединенный съ горячею любовью къ народу.

Послѣ докладовъ исполнялись вокальные номера и музыкальныя произведенія на слова Шевченка. Въ исполненіи принимали участіе лучшія артистическія силы «Кобзаря», а также хоръ подъ управленіемъ Б. В. Подгорецкаго.

Борьба за украинскій университетъ. Вопросъ объ украинскомъ университетѣ не только не подвинулся впередъ къ разрѣшенію, но еще болѣе обострился. Какъ извѣстно, польско-украинская конференція послѣ перваго засѣданія, давшаго, повидимому, нѣкоторые положительные результаты, прервала свои работы, такъ какъ поляки уклонились отъ назначеннаго на 9-е января (нов. ст.) совѣщанія, ссылаясь на необходимость еще разъ обсудить проектъ императорскаго рескрипта. Засѣданіе было перенесено на 20 января. Послѣ предварительныхъ совѣщаній украин-

скаго парламентскаго союза и польскаго кола 20-го января состоялась, наконецъ, конференція у министра народнаго просвѣщенія Гуссарека. Украинскіе представители указали на то, что проектъ рескрипта, обезпечивая полякамъ признаніе польскаго характера за львовскимъ университетомъ, не даетъ украинцамъ ничего реальнаго, ограничиваясь лишь обѣщаніями и даже не указывая мѣста основанія проектируемаго украинскаго университета. Въ виду этого они заявили, что считаютъ переговоры прерванными, предоставляя себѣ въ дальнѣйшемъ свободу дѣйствій.

Дѣйствительно, проектъ рескрипта очень мало отвѣчаетъ требованіямъ, формулированнымъ украинскимъ парламентскимъ союзомъ. Уже самое начало его содержитъ заявленіе о «полномъ охраненіи и обезпеченіи польскаго характера львовскаго университета». Украинцы же получаютъ обѣщаніе, что въ парламентъ будетъ въ 1914 г. внесенъ законопроектъ объ украинскомъ университетѣ и что этотъ законопроектъ долженъ быть принятъ до 1-го октября 1916 г., въ противномъ случаѣ будетъ образовано временное украинское университетское учрежденіе, которое потомъ превращено будетъ законодательнымъ путемъ въ украинскій университетъ. Никакой гарантіи исполненія такихъ обѣщаній проектъ не даетъ, а между тѣмъ поляки, несомнѣнно, употребятъ всѣ мѣры, чтобы затормазить въ парламентѣ законопроектъ объ украинскомъ университетѣ. Тогда всѣ выгоды остались бы на сторонѣ поляковъ: они получили бы признаніе польскаго характера за львовскимъ университетомъ и избавились бы съ 1-го октября 1916 г. отъ украинскихъ каѳедръ. Украинцы же могли бы потерять даже то немногое, что они имѣютъ теперь во львовскомъ университетѣ, такъ какъ проектъ не указываетъ мѣста для украинскаго университета или временнаго университетскаго учрежденія, ставя тѣмъ самымъ украинскія каѳедры въ положеніе учрежденія, висящаго въ воздухѣ. Такъ и опредѣляетъ, не безъ злорадства, положеніе дѣлъ вшехпольская „Rzeczpospolita“, заявляющая, что «въ 1916 году украинскія каѳедры, въ виду неуказанія мѣста и недостатка въ кредитѣ, окажутся висящими въ воздухѣ».

Отвергнувъ эти условія, украинскіе парламентаріи исправили свою ошибку, которую сдѣлали, согласившись прервать обструкцію за обѣщаніе учрежденія университета даже безъ указанія мѣста его пребыванія. На прекращеніе переговоровъ украинскіе студенты откликнулись заявленіемъ, напечатаннымъ въ украинскихъ газетахъ за подписью 22 представителей украинскихъ студенческихъ организацій. Въ этомъ заявленіи они протестуютъ противъ пренебрежительнаго отношенія правительства къ правамъ украинскаго народа, требуютъ самостоятельнаго украинскаго университета во Львовѣ и говорятъ, что каждый моментъ готовы встать на защиту своихъ правъ и рѣшительнымъ выступленіемъ воспрепятствовать ограниченію правъ украинскаго народа во львовскомъ университетѣ. «Ко всему украинскому обществу обращается украинская молодежь съ призывомъ, чтобы оно и на будущее время оберегало университетскій вопросъ,

какъ наше основное культурное требованіе, и чтобы за осуществленіе его готово было въ первый данный моментъ встать единодушно. Ибо лишь путемъ общей планомѣрной дѣятельности молодежи со всѣмъ народомъ придемъ къ дѣйствительному основанію самостоятельнаго украинскаго университета во Львовѣ!»— такъ заканчивается это заявленіе.

Вслѣдъ за прекращеніемъ переговоровъ украинскіе депутаты Будзыновскій, Голубовичъ и Лукашевичъ возобновили обструкцію въ финансовой комиссіи, затормазивъ ея работы. Въ одной изъ своихъ рѣчей Будзыновскій сказалъ: «Изъ усиленнаго лично-подоходнаго налога правительство будетъ окупать расходы на польскій университетъ и другія польскія школы. Пока мы не получимъ такихъ школъ, мы не можемъ согласиться, чтобы на украинскія деньги содержались высшія не украинскія школы». Вопросъ объ украинскомъ университетѣ поднятъ былъ и въ бюджетной комиссіи. Проф. Днѣстрянскій при обсужденіи закона объ учрежденіи итальянскаго факультета заявилъ, что украинцы должны прежде всего закрѣпить за собой свои права въ существующемъ львовскомъ университетѣ. Считая желательнымъ, чтобы императорскій рескриптъ выяснилъ вопросъ объ украинскомъ университетѣ, они въ то же время требуютъ, чтобы правительство въ ближайшее время представило въ парламентъ законъ объ учрежденіи самостоятельнаго украинскаго университета во Львовѣ.

Избирательная сеймовая реформа. Стремясь къ закрѣпленію своего господствующаго положенія въ Галичинѣ, поляки добиваются расширенія областной автономіи, которое предоставило бы галицкому сейму право принимать законы, въ настоящее время подлежащіе компетенціи общеимперскаго парламента. Въ виду того, что поляки составляютъ подавляющее большинство въ галицкомъ сеймѣ, такое положеніе вещей привело бы къ тому, что Галичина очутилась бы въ польскихъ рукахъ. Въ направленіи этой своекорыстной политики поляками выработанъ и проектъ сеймовой избирательной реформы, являющійся однимъ изъ предметовъ безконечныхъ переговоровъ между польскими и украинскими политиками. Хотя украинцы составляютъ 42 процента населенія Галичины, поляки соглашались дать имъ всего лишь 26,4 процента сеймовыхъ мандатовъ. Уже изъ этого можно видѣть, что проектъ осуждалъ украинцевъ на безсиліе въ сеймѣ и, очевидно, долженъ былъ встрѣтить со стороны ихъ оппозицію. Протестъ украинцевъ вылился въ шумной обструкціи, благодаря которой сеймъ уже три года неработоспособенъ. Украинцы требовали для себя 30 процентовъ сеймовыхъ мандатовъ и ряда другихъ правъ, обезпечивающихъ имъ независимость отъ польскаго большинства въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ вопросахъ національнаго характера. Поляки, усматривая въ этомъ начало національнаго раздѣленія сейма, на эти требованія не соглашались. Положеніе дѣлъ обострилось въ такой мѣрѣ, что если бы не состоялось соглашенія въ вопросѣ объ избирательной реформѣ, галицкій сеймъ не былъ бы созванъ. Впрочемъ, украинцы сдѣлали еще уступку, соглашаясь на 64 и даже

62 мандата изъ числа всѣхъ 226 сеймовыхъ мѣстъ, но поляки не согласились дать болѣе 60 мандатовъ. Особенное упорство проявили вшехполяки и консерваторы. Своимъ затягиваніемъ переговоровъ они вызвали крайнее недовольство людовцевъ, глава которыхъ, деп. Стапинскій, угрожалъ даже обструкціей въ галицкомъ сеймѣ при обсужденіи бюджета, если консерваторы будутъ медлить съ реформой. При такихъ условіяхъ возобновились 24-го (н. ст.) февраля переговоры украинскихъ и польскихъ поликовъ о сеймовой избирательной реформѣ. Переговоры шли довольно гладко, пока дѣло не дошло до одного изъ кардинальныхъ пунктовъ—вопроса о неизмѣнности организаціи повѣтовыхъ радъ, дающей полякамъ возможность почти безконтрольно хозяйничать въ краѣ. Противъ этого пункта, который усиленно защищали польскіе консерваторы, выступили не только украинцы, но и представители польскихъ демократическихъ партій. Оппозиція соглашалась оставить неизмѣнными основы выборовъ въ повѣтовыя рады и настаивала лишь на измѣненіи способа выборовъ. При голосованіи, однако, большинство комиссіи оказалось на сторонѣ консерваторовъ. Тогда украинцы отказались отъ участія въ совѣщаніи. Къ нимъ примкнули и поляки-демократы. Вслѣдъ за тѣмъ К. Левицкій выступилъ въ парламентѣ съ заявленіемъ, что украинцы возобновятъ обструкцію въ финансовой комиссіи и будутъ мѣшать проведенію финансоваго плана до тѣхъ поръ, пока не улаженъ вопросъ о сеймовой реформѣ. Штюргкъ, Бобринскій и министры-поляки, предвидя крупныя затрудненія въ парламентѣ и галицкомъ сеймѣ, сессіи котораго должны скоро начаться, приняли энергичныя мѣры воздѣйствія на польскихъ политиковъ и въ концѣ-концовъ несмотря на сопротивленіе консерваторовъ вшехполяковъ переговоры снова возобновились и 18-го (н. ст.) марта закончились соглашеніемъ, спорные пункты были улажены. Рѣшено увеличить число членовъ сейма съ 226 до 228, причемъ украинцы изъ этого числа получили 62 мѣста, что составляетъ 27,2 проц. Это, конечно, далеко не можетъ быть признано достаточнымъ представительствомъ для украинцевъ, но и оно даетъ имъ возможность вести болѣе успѣшную борьбу за свои національные интересы.

Распаденіе украинскаго парламентскаго союза. Объединявшій украинскихъ депутатовъ въ австрійскомъ парламентѣ украинскій парламентскій союзъ пересталъ существовать. Украинскихъ депутатовъ въ австрійскомъ парламентѣ въ настоящее время 29. Изъ нихъ 5 являются представителями Буковины, а 24—Галичины. Депутаты эти организовались въ три парламентскихъ клуба: одинъ составляютъ буковинцы (кромѣ Смаль-Стоцкаго, вышедшаго въ прошломъ году изъ состава клуба), другой—4 галицкихъ радикала и третій—19 галицкихъ національдемократовъ. Украинскій с.-д. депутатъ Витыкъ вошелъ какъ гость въ нѣмецкій соц.-дем. клубъ. Всѣ три украинскія парламентскія организаціи, не теряя своей самостоятельности, для веденія важнѣйшихъ общихъ дѣлъ соединились въ «Союз українських парламентарних послів» («Союзъ украинск. парламентскихъ депу-

татовъ»), постановленія котораго признаны были обязательными по опредѣленнымъ вопросамъ для всѣхъ членовъ союза. На эту организацію возлагалось очень много надеждъ, но на дѣлѣ она оказалась неудачной. Буковинцы, въ особенности глава ихъ деп. Василько, проявили крайній оппортунизмъ и въ оппортунистическомъ направленіи вліяли на дѣятельность союза. Благодаря этой тактикѣ украинцы проиграли въ университетскомъ вопросѣ, отступая подъ вліяніемъ Василька передъ рѣшительными дѣйствіями въ тѣ моменты, когда, какъ, напримѣръ, при обсужднии военнаго закона, они могли бы выиграть дѣло, если бы проявили больше рѣшительности и выдержки. Къ тому же Василько вызвалъ негодованіе галичанъ во время обструкціи въ финансовой комиссіи, заявивъ, что украинцы ведутъ обструкцію не противъ правительства, а чтобы добиться измѣненій въ податномъ законѣ. Между тѣмъ, галичане вели обструкцію именно противъ правительства, потому что оно не уладило университетскаго вопроса. Все это заставило галицкихъ націоналъ-демократовъ заявить о своемъ выходѣ изъ союза. Вслѣдъ за ними вышли изъ союза и галицкіе радикалы, и такимъ образомъ союзъ прекратилъ свое существованіе. Какъ отмѣчаетъ галицкая пресса, немалое вліяніе на распаденіе союза имѣла и дѣятельность Василька въ Буковинѣ, гдѣ онъ выступилъ въ качествѣ врага галичанъ, въ частности проф. Смаль-Стоцкаго. Какъ полагаютъ, украинское представительство въ парламентѣ должно будетъ реорганизоваться. Галицкіе націоналъ-демократы и радикалы образуютъ общій клубъ, къ которому примкнутъ буковинскіе депутаты Стоцкій и Семака. Этотъ клубъ, въ которомъ объединятся 25 членовъ, поведетъ болѣе опредѣленную и яркую политику.

Буковинское политиканство. Распаденіе украинскаго парламентскаго союза, главная вина въ чемъ падаетъ на буковинскаго депутата Василька, привлекаетъ вниманіе украинскаго общества къ той «буковинской» политикѣ, представителемъ которой является этотъ депутатъ. Основанная на узкомъ провинціальномъ патріотизмѣ политика Василька привела его и его единомышленниковъ къ настоящей травлѣ галичанъ, переселившихся въ Буковину, въ особенности же проф. Смаль-Стоцкаго, занявшаго видное мѣсто среди общественныхъ дѣятелей Буковины. Съ особой яростью накинулись на Стоцкаго Василько и его сторонники послѣ раскрытія минувшимъ лѣтомъ въ буковинскомъ союзѣ «Селянской кассы» («Крестьянскій банкъ») огромной растраты, совершенной директоромъ «Кассы» Когутомъ при содѣйствіи еврея-милліонера Айзенкрафта и чиновника Огродника. Стоцкій, стоявшій во главѣ «Кассы», былъ внѣ всякаго подозрѣнія въ этомъ дѣлѣ, но въ виду занятой по отношенію къ нему Васильком позиціи самъ отказался отъ должности вице-маршалка, которую онъ занималъ, и депутатскихъ полномочій въ буковинскомъ сеймѣ. Тѣмъ не менѣе Василько и его сторонники повели въ «Новой Буковинѣ», «Православной Буковинѣ» и «Народномъ Голосѣ» яростный походъ противъ Стоцкаго, а вмѣстѣ съ нимъ и вообще противъ «галицьких зайдів», обвиняя Стоцкаго въ «колонизаціонной системѣ», выра-

зившейся въ «колонизованіи» Буковины галичанами, а галичанъ въ томъ, что «они ни о чемъ не думаютъ, какъ только о томъ, какъ бы побольше обратить нашихъ людей (т.-е буковинцевъ) въ католичество» (!), да въ томъ, что они захватили въ свои руки всѣ «видныя мѣста». Особенно яростно стали нападать приверженцы Василька на галичанъ послѣ того, какъ стоящая на сторонѣ Стоцкаго буковинская газета «Украіна» провалила внесенный Васильком въ буковинскій сеймъ проектъ по вопросу о покрытіи убытковъ союза кассъ. Эта политика узкаго «буковинства» вызываетъ справедливое нареканіе со стороны безпристрастной украинской прессы, видящей опасный симптомъ въ разжиганіи вражды между населенными украинскимъ народомъ областями.

Новая партія въ Буковинѣ. Оппозиціонные буковинскіе элементы, сгруппировавшіеся возлѣ выходящаго въ Черновцахъ еженедѣльника «Украіна», рѣшили, какъ сообщаетъ «Діло», организоваться въ партію, принявъ названіе «Украінської народной партіи». О составѣ и программѣ новой партіи пока нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній, но она, несомнѣнно, будетъ противницей того узкаго партикуляризма, который проявляется въ политиканствѣ Василька и его приверженцевъ.

Украинскіе высшіе курсы. Въ началѣ года львовская «Просвіта» и «Товариство імени Петра Могили» открыли во Львовѣ украинскіе высшіе курсы по образцу датскихъ народныхъ университетовъ. На курсахъ преподается исторія литературы, всеобщая и украинская исторія, географія и естествознаніе, право, экономика, медицина и гигіена и т. д. Курсы разсчитаны на 10 недѣль. Лекторами выступаютъ профессора и представители украинской интеллигенціи. Для лучшаго ознакомленія съ преподаваемыми предметами слушатели курсовъ будутъ производить подъ руководствомъ лекторовъ осмотры музеевъ, выставокъ, фабрикъ, техническихъ учрежденій и т. п.

Одновременно открыты высшіе курсы для народа въ Кицмани (Буковина). Слушатели курсовъ — молодые люди изъ мѣстныхъ крестьянъ, окончившіе народныя школы. По просьбѣ ихъ занятія на курсахъ производятся только вечеромъ, такъ какъ дни посвящены обычной крестьянской работѣ. Слушатели относятся къ преподаванію съ большимъ интересомъ. Окончаніе курсовъ предполагается соединить съ чествованіемъ памяти Т. Шевченка.

Украинскія гимназіи. Въ вѣнскомъ офиціальномъ изданіи „Verordnungsblatt des Ministerium für Kultus und Unterricht“ приводятся данныя о количествѣ среднихъ школъ въ Австріи и, въ частности, о количествѣ украинскихъ гимназій. Какъ видно изъ этихъ данныхъ, количество учащихся въ украинскихъ гимназіяхъ распредѣляется слѣдующмъ образомъ:

А) Казенныя гимназіи:

Львовъ: академическая гимназія:	Число учащихся.	
а) главное учрежденіе	562	1.358
б) отдѣленіе	796	
Перемышль	857	
Тернополь	**703**	

Коломыя	615
Станиславъ	373
Выжныца (5 классовъ)	531
Кицмань	571
Черновцы	400

Б) Частныя гимназіи:

Рогатинъ (6 классовъ)	623
Яворовъ (5 классовъ)	318
Городенка (4 класса)	181
Львовъ, женская гимназія	152

Къ этому числу украинскихъ среднихъ школъ слѣдуетъ прибавить слѣдующія неполучившія еще полноправія украинскія среднія школы на основаніи данныхъ галицкаго педагогическаго журнала «Наша Школа», (кн. VI, 1912 г.):

	Число учащихся.
Копичинцы (5 классовъ)	236
Буськъ (3 кл.)	139
Збаражъ (3 кл.)	108
Долина (2 кл.)	93
Чортковъ (2 кл.)	76
Вашковцы (1 кл.)	50

Кромѣ того, въ Дрогобичѣ, Комарнѣ, Надвирнѣ и Зализцахъ существуютъ гимназическіе курсы.

Національный музей во Львовѣ, основанный въ 1904 г. галицкимъ митрополитомъ гр. Андреемъ Шептицкимъ, состоялъ въ январѣ текущаго года изъ 13,717 предметовъ, относящихся къ украинской археологіи, этнографіи и искусству. Въ 1912 г. музеемъ пріобрѣтено 2,825 новыхъ предметовъ. Изъ поступившихъ въ январѣ 1913 г. предметовъ слѣдуетъ отмѣтить 10 автографовъ Нечуя-Левицкаго, Конисскаго и Франка, подаренныхъ проф. К. Студинскимъ. Музей существуетъ и расширяется, благодаря щедрой поддержкѣ митрополита. Такъ, изъ 34 тыс. кронъ предположеннаго на 1913 г. бюджета митрополитъ взялъ на себя покрытіе 24 тыс. кронъ.

† **И. Е. Левицкій (1850—1913).** 30-го января (н. ст.) во Львовѣ умеръ Ив. Ем. Левицкій, пріобрѣвшій извѣстность трудами по библіографіи. Плодомъ его многолѣтнихъ изысканій была грандіозная работа: «Галицько-руська бібліографія XIX в.», первые два тома которой, обнимающіе періодъ съ 1880 по 1886 г., вышли съ 1888 и 1895 гг. въ изданіи составителя. Затѣмъ изданіе это взяло въ свои руки львовское Наукове Товариство ім. Шевченка. Въ «Записках» Товариства опубликована «Галицько-руська бібліографія за роки 1772—1800» (т. LII, 1903 г.), а затѣмъ изданы въ 1909—11 гг. три тома «Українськоі бібліографіі Австро-Угорщини» за 1887—93 гг. Покойный имѣлъ въ виду довести свою работу, отличающуюся замѣчательной солидностью и широтой плана, до 1900 г. и уже собралъ и подготовилъ матеріалъ для

дальнѣйшей разработки, но тяжелая болѣзнь не дала ему возможности окончить даже редактированіе очередного тома. Кромѣ этого обширнаго библіографическаго труда, И. Е. Левицкому принадлежитъ нѣсколько спеціальныхъ библіографическихъ работъ, а также библіографическій словарь украинскихъ дѣятелей Австро-Венгріи («Прикарпатская Русь въ XIX вѣцѣ»), котораго вышло въ 1898—901 г. четыре выпуска, хотя матеріалъ собранъ былъ полностью. Покойнымъ собранъ также обширный матеріалъ по исторіи украинской національно-культурной жизни въ XVIII и XIX вв., лишь отчасти использованный имъ въ спеціальныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Съ основанія въ 1909 г. при Науковомъ Товариствѣ библіографической комиссіи покойный безсмѣнно состоялъ предсѣдателемъ ея.

Бібліотека наукового товариства імени ШЕВЧЕНКА

Библіографія.

Фатальный компасъ.

A. Jablonowski.—*Historya Rusi południowej do upadku rzeczy-pospolitej polskiej. Краковъ, 1912 стр. I—XV+1—366. Изданіе краковской Академіи Наукъ.*

Націоналистическія польскія партіи, съ одной стороны, русскія—съ другой и до сихъ поръ еще въ своихъ заявленіяхъ ожесточенно оспариваютъ существованіе украинскаго народа, какъ отдѣльнаго цѣлаго, имѣвшаго свою самостоятельную исторію, создавшаго свою оригинальную культуру, жившаго своею собственною жизнью. Украинскаго народа, какъ такового, по ихъ словамъ, никогда не было, не существуетъ его и теперь. Есть лишь безсознательная этнографическая масса, которая должна современемъ стать польскою, какъ хотятъ поляки, которая издавна была, есть и должна остаться «русскою», какъ заявляютъ русскіе націоналисты. Да и одни ли только націоналисты? Современная русская интеллигенція, пользуясь плодами обрусительной политики по отношенію къ украинскому народу, воспитанная въ духѣ «россійскаго» централизма и безсознательно имъ пропитанная, до сихъ поръ еще въ своей дѣятельности слѣпо вращается въ кругѣ идей «единства» русскаго народа, привитыхъ ей русской школой и укрѣпленныхъ практикой современнаго централистическаго бюрократизма. Неудачныя попытки украинскаго народа скинуть съ себя чужое иго (припомнимъ возстаніе гетьмана Выговскаго, Брюховецкаго, Мазепы), побѣды надъ украинскими автономистами, совершенное уничтоженіе автономіи Украины и превращеніе ея въ рядъ «русскихъ» губерній, наконецъ, многовѣковая политика преслѣдованія всѣхъ проявленій украинскаго движенія,—все это въ концѣ-концовъ пріучило русскую интеллигенцію, даже прогрессивную, смотрѣть на Украину и ея народъ глазами офиціальныхъ представителей русскаго общественнаго мнѣнія.

Что касается польскаго общества, оно изъ своей собственной, такъ печально для него окончившейся исторіи, прекрасно знало и знаетъ, къ какимъ страшнымъ для всего польскаго народа результатамъ привело многовѣковое подавленіе украинскаго народа. Этотъ народъ, на полонизацію котораго были направлены всѣ силы и стремленія не только польской государственной власти, но также всего польскаго общества, утративъ надежду на возможность сколько-нибудь сноснаго существованія въ границахъ польскаго государства, кончилъ тѣмъ, что всѣ свои силы направилъ на уничтоженіе этой ненавистной государственности и

санкціонированнаго ею общественнаго устройства. И эта его борьба была «началомъ конца» для самостоятельнаго существованія Польши какъ государства.

Слишкомъ пятидесятилѣтняя практика политической жизни въ Австріи, а именно въ Галиціи, также убѣдила поляковъ, что украинскій народъ не имѣетъ никакого желанія признать себя лишь «вѣтвью» польскаго народа, а, напротивъ, съ необыкновеннымъ упорствомъ и самопожертвованіемъ борется не только за свою національно-культурную, но также и за національно-политическую и экономическую самостоятельность. Поляковъ, которые серьезно вѣрили бы въ то, что украинскій народъ есть вѣтвь польскаго или русскаго народа, въ настоящее время, думается намъ, не существуетъ. Тѣмъ яснѣе однако открываются для нихъ всѣ непріятныя послѣдствія, какія представляетъ для польскаго «stanu posiadania» развитіе украинскаго народа.

По подавленіи послѣдняго польскаго возстанія польское общество въ Галиціи рѣшительно провозгласило свою солидарность съ интересами австрійскаго государства и свою вѣрность династіи. А для осуществленія свой давней мечты, захвата всей политической власти въ Галиціи въ свои руки, для обезпеченія своего полнѣйшаго владычества надъ украинскимъ народомъ, котораго польское общество не въ состояніи было осуществить своими собственными силами, была пущена въ ходъ передъ правительственными вѣнскими сферами легенда о «стихійномъ», неудержимомъ стремленіи украинскаго населенія въ Галиціи къ россійской государственности, къ культурному и политическому сліянію съ русскимъ народомъ, помѣшать которому могли будто бы только вѣрные поляки. Эта легенда, нашедшая своихъ горячихъ пропагаторовъ среди выдающихся польско-австрійскихъ государственныхъ дѣятелей, а также близость интересовъ между польскою шляхтою и реакціонными вѣнскими кругами привели къ тому, что австрійское правительство отдало украинскій народъ въ Галиціи въ полное распоряженіе польскихъ сферъ. Долгое время тянулось такое положеніе вещей, и поляки воспользовались этимъ, не гнушаясь всего того арсенала средствъ, который къ нимъ самимъ примѣняется въ Пруссіи со стороны нѣмецкихъ «гакатистовъ». Однако имъ не удалось добиться своей цѣли, и національное украинское движеніе сдѣлало свое дѣло—превратило безсознательную и темную крестьянскую массу въ сознательный народъ, имѣющій свои высшіе классы, свою интеллигенцію. Это превращеніе ознаменовалось ожесточенной борьбой противъ польской гегемоніи во всѣхъ областяхъ жизни, начиная отъ культурно-національной и кончая экономической и политической.

Въ этой борьбѣ шагъ за шагомъ, постепенно, но неуклонно, украинскій народъ завоевывалъ все новыя и новыя позиціи, и въ концѣ-концовъ польскія правительственныя сферы очутились передъ альтернативой—или заключить на нѣкоторое время перемиріе съ украинскими политическими партіями цѣною новыхъ и значительныхъ уступокъ, или же продолжать безплодную борьбу

до крайности. Соглашаться на уступки полякамъ не хотѣлось,— у нихъ вѣдь давно утвердился взглядъ, что каждое пріобрѣтеніе украинцевъ является уменьшеніемъ польскаго «владѣнія»; продолжать борьбу до крайности было опасно, такъ какъ, съ одной стороны, украинскій элементъ грозилъ совершенно затормазить нормальную дѣятельность галицкаго сейма, а съ другой стороны— изъ Вѣны шли предостереженія, рекомендовавшія полякамъ, въ интересахъ ихъ самихъ и монархіи, заключить миръ съ украинцами.

Поляки попробовали найти выходъ въ воскрешеніи старой легенды о томъ, что украинскаго народа, какъ такового, не существуетъ и что имъ не съ кѣмъ заключать миръ. Украинскія народныя массы, дескать, по-прежнему тяготѣютъ къ Россіи, а украинскія политическія партіи слишкомъ слабы и ненадежны, чтобы съ ними стоило заключать договоръ.

Сначала-де украинцы должны опредѣлить себя, составляютъ ли они отдѣльный народъ или лишь вѣтвь русскаго народа, а уже потомъ только смогутъ поляки вступать съ ними въ переговоры. И какъ-разъ передъ началомъ теперешнихъ переговоровъ относительно основанія украинскаго университета и избирательной реформы въ польской прессѣ всевозможныхъ направленій и оттѣнковъ посыпался цѣлый дождь статей, замѣтокъ и даже «научныхъ» изслѣдованій на тему: являются ли украинцы народомъ, или нѣтъ. Причина появленія всѣхъ этихъ издѣлій домашней мудрости ясна, это—безсильная злоба. Цѣль ихъ— стремленіе затянуть переговоры, отголосокъ надежды, что, можетъ быть, снова удастся загипнотизировать Вѣну старой легендой и не допустить, такимъ образомъ, до уступокъ въ пользу украинцевъ.

Мы не будемъ разсматривать различныхъ произведеній польскихъ авторовъ на указанную тему. Остановимся лишь на недавно вышедшемъ трудѣ выдающагося польскаго историка А. Яблоновскаго «Historya Rusi południowej», изданномъ краковской академіей наукъ.

Мы не хотимъ утверждать, чтобы г. Яблоновскій въ своемъ дѣйствительно цѣнномъ и интересномъ трудѣ сознательно препарировалъ историческіе факты въ угоду господствующей въ польскомъ обществѣ официальной теоріи объ украинскомъ народѣ какъ о народѣ, неспособномъ къ самостоятельной жизни и такою жизнью никогда не жившемъ. Мы не желаемъ также обвинять его въ томъ, что онъ намѣренно старается своимъ научнымъ авторитетомъ придать вѣсъ утвержденіямъ различныхъ польскихъ публицистовъ. Но тѣмъ интереснѣе и важнѣе для насъ показать, что г. Яблоновскій въ своемъ трудѣ въ сущности недалеко ушелъ отъ ихъ взглядовъ на украинскій народъ и его исторію.

Читателямъ прекрасно извѣстна еще до сихъ поръ господствующая даже въ ученыхъ кругахъ схема «русской» исторіи: вначалѣ было русское кіевское государство, далѣе его преемницей явилась московская держава, которой и удалось въ концѣ-концовъ осуществить «собираніе» русскихъ земель и создать

Россійскую имперію. Въ этой схемѣ для украинскаго народа, какъ такового, совершенно нѣтъ мѣста. Его исторія эпизодически излагается лишь въ періодъ присоединенія Украины съ Богданомъ Хмельницкимъ во главѣ къ Московскому государству.

Г. Яблоновскій, какъ полякъ, не могъ принять этой схемы. Въ присоединеніи украинскаго народа къ Москвѣ онъ видитъ не возвращеніе къ родственной державѣ, какъ представляютъ дѣло русскіе историки, а отпаденіе отъ родного польскаго государства, несмотря на всѣ его заслуги для культурнаго развитія этого народа. Изъ этого основного взгляда вытекаетъ и оцѣнка г. Яблоновскимъ украинскаго казачества, которое представляется ему явленіемъ въ высшей степени вреднымъ. Самую большую ошибку польской государственной политики г. Яблоновскій видитъ въ томъ, что эта власть не сумѣла во-время уничтожить или сдѣлать безвреднымъ это движеніе.

Однако перейдемъ къ его схемѣ «исторіи южной Руси».

Эта схема не менѣе характерна, чѣмъ соотвѣтствующая схема русскихъ историковъ. Вотъ слова о ней самого автора: «Историкъ южной Руси при изслѣдованіи историческихъ судебъ ея минувшей жизни встрѣчается съ гораздо большими затрудненіями, нежели относительно всякой иной части Рѣчи Посполитой, всякой иной области, всякаго иного края, ибо области, извѣстныя подъ именемъ южной Руси, никогда не составляли, ни съ точки зрѣнія политической, ни съ точки зрѣнія этнографической, ни даже географической, чего-либо цѣлаго, закругленнаго, отмежеваннаго».

Да проститъ намъ авторъ, но, читая это его утвержденіе, мы не могли удержаться отъ улыбки. Въ свое время революціонная Франція видѣла свою естественную географическую границу въ теченіи Рейна и этимъ мотивировала свои завоеванія нѣмецкихъ земель на лѣвомъ берегу Рейна. Нѣмцы со времени раздѣла Польши и до сихъ поръ еще видятъ «географическую» границу Пруссіи въ теченіи Нѣмана—Вислы. Въ прошломъ году польскій профессоръ географіи львовскаго университета совершенно серьезно доказывалъ, что украинскій народъ не имѣетъ будущности, ибо его земли географически входятъ въ составъ польскихъ земель и поэтому должны принадлежать полякамъ, совершенно забывая, что съ такимъ же «научнымъ» основаніемъ, но съ гораздо большей фактической вѣроятностью Россія можетъ добиваться «округленія» своихъ «естественныхъ» границъ не только украинской частью Галиціи, но также и польской, съ Краковомъ во главѣ. Какъ видятъ читатели, «географія», какъ прислужница политики,—вещь очень опасная, и ужъ кому-кому, а полякамъ не слѣдовало бы выставлять ее какъ аргументъ противъ украинскаго движенія. А между тѣмъ именно такой характеръ и имѣетъ цитированное замѣчаніе г. Яблоновскаго. Что касается его утвержденія о неоднородности этнографическаго состава населенія земель «южной Руси», то невѣрность его очевидна сама собой.

Авторъ далѣе развиваетъ свое утвержденіе, что и политически украинскія земли не были никогда вмѣстѣ. «Онѣ никогда не со-

ставляли,—говоритъ онъ,—даже въ наиболѣе древнія времена, одного отдѣльнаго государства; не охватывали также въ своихъ границахъ всего этнографическаго элемента, составлявшаго тамъ основу населенія. Въ эпоху владѣнія Рюриковой династіи составляли онѣ нѣсколько группъ княжествъ одной большой всерусской федераціи, а потомъ, когда югъ началъ изъ нея выдѣляться, не сумѣли онѣ объединиться (если ужъ не около Кіева, такъ около Галича) въ одно политическое цѣлое. Далѣе, въ позднѣйшую эпоху, распадается безповоротно и эфемерное «русское королевство» Данила; Польша забираетъ Галичъ, а Литва—Владиміръ. Лишь люблинская унія соединяетъ южнорусскія области, какъ часть «Малопольской провинціи», и лишь съ этого времени становятся онѣ «Русскими землями» Речи Посполитой, собственно говоря, лишь Короны, такъ какъ Литва имѣла свои русскія земли. Лишь съ этого времени южная Русь, имѣя болѣе опредѣленныя границы со стороны Малопольши, Венгріи и Валахіи, пріобрѣтаетъ также, съ точки зрѣнія политико-географической, извѣстныя границы и со стороны великаго княжества Литовскаго, въ то время какъ ея степныя полосы—передъ и за Днѣпромъ—всегда были измѣнчивы».

«Такимъ образомъ, Южная Русь въ концѣ-концовъ становится передъ нами какъ русскія змли Речи Посполитой и въ качествѣ таковыхъ дѣлается предметомъ моего историческаго очерка. Въ такомъ лишь значеніи принимаемъ мы и имя Южная Русь. Правда, это имя такъ же условно, какъ иофиціальное названіе русскія земли, но оно болѣе соотвѣтствуетъ нашей задачѣ, чѣмъ названіе Малая Русь, носитъ болѣе этнографическій характеръ и является гораздо болѣе естественнымъ, чѣмъ искусственно созданное въ новѣйшее время имя Украина-Русь».

Итакъ, мы видимъ изъ этой схемы, что отъ почтеннаго автора, къ сожалѣнію, ускользнулъ тотъ объектъ историческаго изслѣдованія, который одинъ въ силахъ придать единство каждому историческому процессу,—народъ, творившій исторію. Насколько вся вышеприведенная аргументація автора не выдерживаетъ критики, насколько она является устарѣлой и давнымъ-давно сданной въ архивъ новѣйшими историками, видно изъ того, что, слѣдуя этой аргументаціи, нѣмецкіе, напримѣръ, историки также имѣли бы передъ собой не исторію нѣмецкаго народа, а безсвязную и запутанную исторію цѣлаго ряда областей, княжествъ и т. д., ибо «нѣмецкій народъ никогда, даже въ древнѣйшее время не составлялъ одного государства, границы его территоріи постоянно мѣнялись и т. д., и т. д.». То, что говоритъ тутъ объ украинскихъ земляхъ и украинской исторіи г. Яблоновскій, можно отнести также къ самой Польшѣ и вообще къ каждому изъ современныхъ народовъ Европы. Припомнимъ, что Италія объединилась въ одно государство лишь въ XIX столѣтіи, изъ чего однако совершенно не слѣдуетъ, что не было и не можетъ быть передъ этимъ временемъ исторіи итальянскаго народа; Франція также долгое время состояла изъ различныхъ княжествъ и областей, и

объединеніе наступило, собственно говоря, лишь во время великой французской революціи; нѣмцы и до сихъ поръ еще объединены въ федерацію державъ, что однако совершенно не мѣшаетъ имъ творить единый народъ, и т. д.

Къ чему же однако нужна г. Яблоновскому такая схема, которой онъ не приложилъ бы ни къ какому другому народу? Отвѣтъ простъ. Эта схема даетъ г. Яблоновскому возможность написать не украинскую исторію, а **исторію польскости на украинскихъ земляхъ** и, такимъ образомъ, на якобы научной основѣ показать всѣ права польскаго элемента на украинскія земли. И эта точка зрѣнія вполнѣ послѣдовательно проходитъ черезъ весь трудъ г. Яблоновскаго.

Онъ не искажаетъ фактовъ, и съ этой строны его трудъ заслуживаетъ всякаго вниманія, но онъ ихъ односторонне освѣщаетъ, а еще въ большей мѣрѣ односторонне подбираетъ.

Подкрѣпимъ это утвержденіе нѣсколькими примѣрами. Авторъ, говоря о скорой полонизаціи высшаго украинскаго общества послѣ уніи, приписываетъ это вліянію высшей польской культуры и довольно подробно говоритъ о расцвѣтѣ этой польской культуры на украинскихъ земляхъ, лишь вскользь и глухо упоминая о томъ, какими насильственными мѣрами государственной политики была приготовлена и вызвана эта побѣда польской культуры. Но, идя методомъ автора, мы можемъ утверждать, напримѣръ, что русская культура, какъ высшая, побѣдила польскую, и рисовать расцвѣтъ русской культуры на польскихъ земляхъ, говорить о культурномъ значеніи русскаго университета въ Варшавѣ, о томъ, что русскій языкъ господствуетъ въ судебныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ на польской землѣ, забывая лишь, какъ это и дѣлаетъ авторъ по отношенію къ украинскимъ землямъ, упомянуть о томъ, что весь этотъ расцвѣтъ русской культуры поддерживается цѣлою системой насильственныхъ мѣръ государственной власти, забывая упомянуть о проявленіяхъ самодѣятельности и оппозиціи самого польскаго общества.

Къ сожалѣнію, во всемъ своемъ трудѣ авторъ поступаетъ именно такимъ образомъ, и поэтому легко можно представить, какое громадное извращеніе и искаженіе исторической перспективы и историческихъ фактовъ получается въ концѣ-концовъ.

Особенно ярко это сказалось на изложеніи авторомъ эпохи, непосредственно предшествующей возстанію украинскаго народа въ 1648 г., и самого возстанія. О томъ національно-культурномъ движеніи среди украинскаго народа, которое предшествовало этому возстанію и безъ котораго, смѣемъ утверждать, это возстаніе никогда не приняло бы общенаціональнаго характера, оставшись лишь простой жакеріей, авторъ едва упоминаетъ. Немного лучше обстоитъ дѣло также съ выясненіемъ спеціально-экономическихъ причинъ возстанія, а ужъ совершенно плохо представленъ историческій процессъ, совершавшійся въ украинскихъ земляхъ въ XVIII столѣтіи.

Правда, авторъ говоритъ, какъ это дѣлаютъ весьма многіе

польскіе историки, что борьба украинскаго народа противъ польскаго владычества была вызвана «врожденной» дикостью украинскаго элемента, со стихійной силой ненавидѣвшаго и разрушавшаго всякую культуру, но тѣмъ не менѣе различные украинскіе историческіе дѣятели выступаютъ у него какъ маріонетки, ибо авторъ не умѣетъ или не хочетъ выяснить ихъ общественные и національно-политическіе идеалы, дѣлавшіе ихъ мучениками борьбы за національное освобожденіе своего народа.

Говоря о томъ, что по окончательномъ подавленіи украинскаго движенія на Правобережной Украинѣ все тамъ вновь пошло по-старому, а полонизація высшихъ слоевъ украинскаго народа достигла своего апогея, авторъ не скрываетъ, что этотъ общественный процессъ былъ въ высшей степени вреднымъ для государственнаго существованія Польши. Онъ показываетъ, что сполонизованная украинская шляхта внесла глубокую деморализацію въ организмъ Рѣчи Посполитой, подчеркиваетъ ея страшный консерватизмъ и узость, затормазившіе проведеніе необходимыхъ для существованія Польши реформъ, говоритъ также и о томъ, что именно эта шляхта предпочла для сохраненія своихъ соціальныхъ привилегій скорѣе перейти на сторону Россіи, нежели принести хотя бы малѣйшую жертву для своего отечества. Забываетъ авторъ лишь надлежащимъ образомъ освѣтить причины этого явленія. А причины эти имѣютъ первостепенную важность. Принявъ польскую культуру и національность, шляхта Правобережной Украины стала въ непримиримое противорѣчіе со своимъ народомъ, а это повело къ ея внутреннему разложенію, смертельно отразившемуся въ концѣ-концовъ на всемъ государственномъ организмѣ Польши. Иначе и быть не могло, и виною въ этомъ польская государственная и общественная политика, всѣ свои силы направившая на полонизацію и подавленіе украинскаго элемента.

Въ концѣ своего труда г. Яблоновскій утѣшаетъ своихъ читателей мыслью о томъ, что польскій элементъ на Украинѣ сохранилъ свою силу. Это правда. Но правдою является также и то, что украинскій народъ въ послѣднее время вновь начинаетъ вѣковую борьбу за свое освобожденіе, и весьма вѣроятно, что когда снова придетъ «Смутный часъ», польская шляхта на Украинѣ снова очутится въ томъ незавидномъ положеніи, въ какомъ она очутилась во время Богдана Хмельницкаго. Быть колонистомъ хорошо и выгодно лишь до поры, до времени, но горе колонистамъ, когда угнетенный народъ разбиваетъ свои цѣпи.

Въ предисловіи къ труду г. Яблоновскаго г. Смолька говоритъ между прочимъ, что этотъ трудъ является «цѣннымъ компасомъ» для оріентированія въ «украинскомъ вопросѣ», его прошедшемъ и настоящемъ состояніи. Съ этимъ утвержденіемъ нельзя согласиться, ибо работа написана въ томъ духѣ, что вызываетъ у читателя-поляка лишь сознаніе своихъ извѣчныхъ правъ на украинскую землю, а не показываетъ ему, какія фатальныя послѣдствія изъ этого получились.

Лишь совершенно объективная исторія украинскаго народа, исторія его культурно-національнаго и политическаго развитія,

исторія его борьбы за свою самостоятельность можетъ научить поляковъ, что этотъ народъ никогда не былъ и никогда не будетъ подходящимъ объектомъ для ихъ колонизаторскихъ и націонализаторскихъ стремленій и что для нихъ самихъ лучше бы было свою дѣятельность и силу обратить на работу надъ своимъ собственнымъ народомъ, а не на колоніальную экспансію.

«Исторія польскости на Украинѣ», которую, собственно говоря, далъ г. Яблоновскій, это компасъ не только ненадежный, но, по нашему мнѣнію, просто фатальный для польскаго общества.

Н. Зализнякъ.

Труды Полтавской Ученой Архивной Комиссіи. Выпускъ IX. Полтава. 1912 г. Стр. 206+72. Ц. 75 коп.

Губернскія ученыя архивныя комиссіи представляютъ изъ себя офиціальныя учрежденія, числящіяся въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, состоящія подъ непремѣннымъ попечительствомъ мѣстныхъ губернаторовъ и ставящія себѣ по «положенію» задачей «собираніе и приведеніе въ порядокъ архивныхъ дѣлъ и документовъ (правительственныхъ учрежденій), не требующихся для текущаго дѣлопроизводства, но болѣе или менѣе важныхъ въ историческомъ отношеніи». На-ряду съ этимъ комиссіи, «независимо отъ прямой своей обязанности, могутъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, включать въ кругъ своихъ занятій разысканіе, описаніе и объясненіе всякихъ другихъ памятниковъ старины». Обыкновенно комиссіи понимаютъ свои обязанности именно въ послѣднемъ, болѣе широкомъ смыслѣ и, по своей дѣятельности являются учеными учрежденіями съ довольно широкимъ культурнымъ значеніемъ: устраиваютъ музеи, организовываютъ публичныя чтенія, издаютъ печатные органы, охраняютъ памятники матеріальной старины, собираютъ и издаютъ памятники народнаго творчества. Конечно, офиціальныя лица, числящіяся въ составѣ комиссій въ качествѣ попечителей, предсѣдателей, почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, играютъ по большей части роль «патроновъ» учрежденія и представителей передъ высшими властями; фактически же работу комиссій несутъ на себѣ провинціальныя культурныя силы: преподаватели учебныхъ заведеній и мѣстные любители старины и ея изученія. Въ матеріальномъ отношеніи комиссіямъ почти всегда оказываютъ поддержку земскія и муниципальныя учрежденія.

На украинской территоріи существуютъ три архивныя комиссіи: черниговская, полтавская и екатеринославская. Отчасти на нашу территорію распространяется дѣятельность комиссій воронежской и таврической. Къ чести нашихъ комиссій, онѣ всѣ понимаютъ свои задачи вполнѣ правильно, удѣляя почти все вниманіе изученію мѣстной старины, народнаго быта и духовной

культуры народа, и въ этомъ отношеніи дѣятельность южныхъ архивныхъ комиссій имѣетъ гораздо больше связи съ мѣстнымъ краемъ, чѣмъ дѣятельность иныхъ высшихъ ученыхъ учрежденій, существующихъ на украинской территоріи (напримѣръ, нѣжинскій историко-филологическій институтъ съ его обществомъ).

Полтавская Архивная Комиссія, очередной выпускъ «Трудовъ» которой составляетъ предметъ разсмотрѣнія настоящей замѣтки, за девять лѣтъ своего существованія успѣла издать девять томовъ трудовъ, содержащихъ немало цѣнныхъ изслѣдованій и матеріаловъ, «Краткій біографическій словарь ученыхъ и писателей Полтавской губ.» И. Павловскаго, «Систематическій Указатель къ журналу «Кіевская Старина» (отзывъ о послѣднихъ двухъ книгахъ былъ данъ на страницахъ «Укр. Жизни») и приступила къ печатанію «Актовыхъ книгъ Полтавскаго городового уряда XVII в.»,—уже вышло два выпуска подъ редакціей В. Модзалевскаго. Настоящій IX в. «Трудовъ» по разнообразію и интересу матеріала оставляетъ за собою всѣ предшествующіе выпуски.

Статья почтеннаго полтавскаго историка И. Ф. Павловскаго «О мнимой агитаціи въ Южной Руси и объявленіи важныхъ тайнъ» помимо общаго интереса, какъ матеріалъ для исторіи отношеній русскаго правительства николаевской эпохи къ западнымъ вѣяніямъ и его страха передъ занесеніемъ революціонныхъ идей въ Россію, очень живо характеризуетъ украинское высшее общество 30-хъ и 40-хъ гг. и его реагированіе на эти самыя идеи. «Среди общества,—говоритъ г. Павловскій,—находилось въ то время немало лицъ, считавшихъ своимъ долгомъ идти навстрѣчу администраціи и помогать ей въ преслѣдованіи агитаторовъ (свѣдѣнія объ этихъ агитаторахъ, часто фантастическія, правительство сообщало мѣстной администраціи съ предписаніемъ установить за ними бдительный надзоръ. Д. Д.). Этимъ отличались отставные военные, проживавшіе въ своихъ помѣстьяхъ; ихъ было много, особенно въ Полтавской губерніи... Не всегда это дѣлалось изъ чувства патріотизма, бывали примѣры, что лица эти дѣлали доносы изъ корыстныхъ видовъ, изъ-за желанія получить награду» (стр. 12). Таковъ былъ капитанъ Бѣловодскій, донесшій о возмутительномъ воззваніи, «выдуманномъ поляками во время мятежа ихъ» и якобы распространявшемся ими въ Полтавской губерніи. Такова была и помѣщица Роменскаго уѣзда Валевская, «пріобрѣвшая печальную извѣстность жестокимъ обращеніемъ съ крестьянами» и за это выселенная было на-время изъ имѣнія и отданная подъ надзоръ. Тяготясь надзоромъ, Валевская въ 1833 г. отправляетъ шефу жандармовъ графу Бенкендорфу доносъ, гдѣ сообщаетъ о существованіи въ Малороссіи масонскихъ ложъ и о стремленіи малороссіянъ соединиться съ Польшею. Доносъ произвелъ впечатлѣніе и вызвалъ разслѣдованіе, съ обысками, арестами, которые, конечно, не привели къ раскрытію миѳическаго «заговора».

Отставной полковникъ Савичъ, проживавшій въ заштатномъ городѣ Глинскѣ Полтавской губерніи, донесъ въ 1848 г., что въ Роменскомъ уѣздѣ встрѣчаются люди, «которые въ заблужде-

ніяхъ своихъ претендуютъ на правительство и высказываютъ какія-то темныя ожиданія, удовлетворительныя для ихъ видовъ». Возникло дѣло. Администрація нарядила двухъ торговцевъ-евреевъ въ качествѣ тайныхъ агентовъ на храмовой праздникъ въ одно село, разсчитывая, что тамъ «сокровенные языки выскажутъ свои таинства». Евреи вызвали на откровенность одного казака Яхна, но послѣдній перехитрилъ доморощенныхъ агентовъ, припряталъ пять «свідків» и въ ихъ присутствіи началъ вести вольные разговоры. Когда евреи стали подговаривать «не слушать царя», скрытые пять свидѣтелей ворвались въ комнату съ крикомъ «Вы бунтовщики, васъ въ Сибирь!» и провокаторамъ пришлось перетерпѣть и «холодную», и тюрьму, едва потомъ сама администрація ихъ выручила. Дѣло дошло до самого Государя, который повелѣлъ сообщить губернатору, что чиновники, посылаемые для розысканія, не должны употреблять подобныхъ средствъ. Казаку Яхну повелѣно выдать денежную награду, какъ «поступившему съ полною ревностію и расторопностію».

Очень любопытны черточки, характеризующія извѣстныхъ пріятелей Шевченка, братьевъ Закревскихъ и графа де-Бальмена. «15-го апрѣля 1848 г. Закревскіе, богатые помѣщики Пирятинскаго уѣзда, были въ гостяхъ у богатой помѣщицы Вольховской [1]). За ужиномъ, когда подали шампанское, М. А. Закревскій поднялъ бокалъ, сказавъ: «Да здравствуетъ Французская республика!». Его поддержалъ родной братъ и крикнулъ «ура!»... Гости не поддержали этого тоста, а бывшій въ гостяхъ корнетъ Бруннетъ выразилъ негодованіе и удалился изъ дома Вольховской». Въ результатѣ—доносъ, арестъ братьевъ Закревскихъ и ихъ товарища графа Сергѣя де-Бальмена, отправленіе ихъ въ Петербургъ, слѣдствіе и обратная высылка домой подъ надзоръ. О «бунтовщикахъ» полиція собирала свѣдѣнія и дала такую ихъ характеристику: «М. Закревскій носилъ бороду и на всякомъ шагу обнаруживалъ демократическій образъ мыслей. М. Закревскій—кутила, графъ де-Бальменъ женатъ на простой и въ видахъ большаго сближенія съ народомъ, носитъ бороду и вмѣстѣ со всѣми упомянутыми Закревскими находится въ тѣсныхъ связяхъ съ извѣстнымъ Шевченкомъ, который долго проживалъ у него и у Закревскихъ. Де-Бальменъ хвастался передъ многими, что къ сочиненіямъ Шевченка между многими пасквилями нарисовалъ будто виньетку, въ которой изобразилъ, что вооруженные малороссійскіе казаки зажгли костеръ и привели къ нему въ цѣпяхъ закованнаго генералъ-губернатора кн. Долгорукаго и другого генерала» (ст. 27).

Большой интересъ представляетъ статья Гр. Коваленка «Нѣкоторыя черты украинскаго стиля въ связи съ вопросомъ о происхожденіи украинской хаты». Начиная съ того, что стиль ка-

[1]) Объ этой Вольховской разсказываетъ Аѳанасьевъ-Чужбинскій въ своихъ воспоминаніяхъ о Шевченкѣ.

ждаго народа обусловливается прежде всего условіями мѣстности, г. Коваленко отмѣчаетъ характерную черту стиля старыхъ украинскихъ церквей—стремленіе къ значительной высотѣ постройки, объясняемое безсознательнымъ влеченіемъ нарушить однообразіе горизонтальныхъ линій, побѣдить равнину, среди которой воздвигались храмы. Но по мѣрѣ приближенія къ горамъ на западѣ церкви становятся все ниже и ниже. Въ Карпатахъ украинскія церкви, при сохраненіи общей конструкціи, какъ бы придавлены, каждый этажъ становится ниже, и общая высота уменьшается. И это понятно: среди нихъ нѣтъ надобности преодолѣвать однообразіе горизонтальныхъ линій. Къ ландшафту мѣстной природы приноравливается и цвѣтъ построекъ: въ нашей черноземной странѣ естественно долженъ былъ привиться бѣлый цвѣтъ, какъ наиболѣе пріятный для глаза, выдѣляющійся яркимъ пятномъ среди чернаго фона почвы и зеленыхъ лѣсовъ. Не задаваясь цѣлью выясненія вообще вопроса о происхожденіи украинскаго архитектурнаго стиля, г. Коваленко останавливается спеціально на украинской хатѣ, ея происхожденіи, признакахъ и развитіи, пользуясь для этого матеріалами археологическихъ изслѣдованій и дѣлая филологическія сближенія, не всегда, правда, убѣдительныя. Въ древнихъ землянкахъ Трипольской культуры г. Коваленко видитъ уже зачатки современной хаты съ ея обмазкой и побѣлкой. Первыми жилищами населенія нашей мѣстности были пещеры, вырытыя въ лессѣ. Постепенно жилище выдвигалось изъ глубины: раскапывалась площадка и ставилась передняя стѣна, тогда какъ остальныя прислонялись къ горѣ. Въ передней стѣнѣ дѣлали окна и дверь, крышу покрывали хворостомъ или камышомъ. Съ теченіемъ времени жилище совершенно отдѣлилось отъ горы и превратилось въ современную хату съ 4-мя равными стѣнами, съ тѣмъ расположеніемъ печи, оконъ и дверей, какъ и въ древнѣйшихъ землянкахъ. Статья г. Коваленка иллюстрирована многочисленными снимками и чертежами.

Цѣнный историческій матеріалъ, извлеченный изъ южныхъ архивовъ, даютъ статьи М. Г. Астраба «Населеніе Малороссіи по ревизіямъ 1729—1764 гг.» молодого харьковскаго ученаго В. А. Барвинскаго «Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Миргородскаго полка 1729—1730 гг.»,—работа, позволяющая сдѣлать нѣкоторые выводы соціально-экономическаго характера, какъ, напримѣръ, слабое развитіе въ Миргородскомъ полку ранговаго владѣнія, совершенное отсутствіе такъ-называемыхъ ратушныхъ маетностей и т. п.

И. А. Зарецкій въ своей статьѣ, иллюстрированной многочисленными снимками, даетъ обстоятельное описаніе знаменитаго клада, найденнаго весной минувшаго года въ с. Малой-Перещепиной Полтавской губерніи.

Въ приложеніи печатаются этнографическіе матеріалы, собранные покойнымъ изслѣдователемъ народной жизни Полтавщины В. П. Милорадовичемъ: «Казки і оповидання, записані в Лубенщині». Матеріалы сопровождаются указаніемъ параллелей въ фольклорѣ другихъ народовъ и другими примѣчаніями.

Не указывая другихъ статей выпуска, какъ не имѣющихъ мѣстнаго интереса, думаемъ, можно съ полнымъ правомъ заключить, что «Труды Полтавской Архивной Комиссіи» являются безспорнымъ вкладомъ въ литературу украиновѣдѣнія.

Д. Д—ко.

С. Пригара. *Од романтики до реалізму. Одкритий лист до земляків. Стр. 24 in. 16⁰. У Київі, 1913.*

Открытое письмо къ читателямъ г. Пригары является въ нѣкоторомъ родѣ признакомъ времени, къ тому же признакомъ не особенно благопріятнымъ. Г. Пригара задался очень почтенною цѣлью—поставить на обсужденіе «вопросъ о принципахъ, методахъ и формальныхъ средствахъ» украинской національной политики. Исходитъ онъ изъ положенія о возникшей въ наше время коллизіи между громадной потенціальной силой украинской этнографической стихіи и пропорціонально незначительной кинетической силой активнаго украинства. Отмѣченная коллизія, по мнѣнію автора, влечетъ за собой кризисъ современнаго украинства и вслѣдствіе этого необходимость пересмотра основныхъ вопросовъ его теоріи и практики.

Обращаясь къ такому пересмотру, г. Пригара прежде всего отмѣчаетъ слишкомъ большую, на его взглядъ, теоретичность современнаго украинскаго движенія и пренебреженіе его къ тѣмъ реальнымъ средствамъ, которыя даются въ руки практическимъ положеніемъ дѣлъ. Украинство въ настоящее время больше якобы озабочено будущимъ, нежели настоящимъ, изъ-за чистоты принципа оставляя безъ вниманія и удовлетворенія насущныя потребности момента, предпочитая субботу человѣку. Вотъ почему средній человѣкъ, «малороссіянинъ», и стоитъ такъ далеко отъ заботъ и требованій, волнующихъ сердце «украинца», вотъ почему украинская идея оказывается безсильной пробить толщу «малороссіянизма». Чтобы достигнуть послѣдняго, нужно обратиться «отъ романтики къ реализму»—нужно пойти навстрѣчу этому среднему человѣку и использовать дѣйствительныя средства для завербованія «малороссовъ» въ ряды сознательнаго украинства. Для этого надлежитъ прежде всего обратиться къ культивированію «малороссійскаго жаргона, какъ живого, понятнаго языка малороссійской обыденщины». Собственно въ этомъ и состоитъ центральная идея обращенія г. Пригары къ читателямъ, и онъ набрасываетъ довольно подробную программу утилизаціи жаргона. Здѣсь найдемъ и серію спеціальныхъ учебниковъ и словарей, и двухтекстныя хрестоматіи, и юмористическіе сборники, и спеціальную жаргонную прессу какъ для народа, такъ и для интеллигенціи и т. п. Все это, по мнѣнію автора, должно служить той переходной ступенью, которой бы «Малороссіи легче было подняться до Украины».

Въ высшей степени странное, чтобы не сказать болѣе, впечатлѣніе производитъ это довольно-таки неумѣстное фантазированье, изложенное къ тому же необыкновенно тяжелымъ и путан-

нымъ языкомъ. Выставляя главнѣйшимъ требованіемъ современной жизни использованіе реальныхъ путей и способовъ, авторъ въ своемъ поступленіи прежде всего забываетъ объ этомъ требованіи.

Вслѣдствіе этого его надежды на жаргонъ и носителей этого жаргона, «Санчо-Пансъ реализма», совершенно неосновательны. Санчо-Пансо—онъ вѣдь хитрый и непремѣнно надуетъ: жаргонъ для него средство не приблизиться къ Украинѣ, а развѣ уйти отъ нея, и было бы слишкомъ наивнымъ пытаться удержать его при помощи жаргонной прессы, словарей и даже юмористическихъ сборниковъ. Кромѣ того, этотъ «малороссійскій курсъ» и теперь вѣдь нельзя сказать, чтобы былъ совершенно въ загонѣ: практика издателей въ родѣ Губанова, всевозможныхъ «русско-малорусскихъ труппъ», «малороссійскихъ кружковъ» и т. п. показываетъ, что онъ играетъ довольно значительную роль въ общемъ балансѣ нашей жизни. И,—что особенно должно быть неожиданнымъ для г. Пригары,—роль эта является чисто отрицательной, такъ какъ направляется не въ помощь украинству, а на борьбу съ нимъ, иногда довольно обостренную.

Итакъ, если надежды украинства, какъ полагаетъ авторъ открытаго письма, покоятся исключительно на «малороссійскомъ курсѣ», то дѣло наше проиграно безповоротно: эта карта бита. Къ счастью, дѣло не такъ ужъ плачевно обстоитъ и, кромѣ г. Пригары, никто и не думаетъ основываться на такой явно безнадежной и безплодной позиціи. Вопреки мнѣнію автора, украинство въ самомъ себѣ носитъ достаточно живой силы, чтобы справиться съ лежащими на его пути препятствіями и благополучно миновать критическій моментъ своего роста и развитія. Проектъ г. Пригары можетъ служить лишь недурной иллюстраціей къ тому упадочному настроенію, которое проявляется въ моменты апатіи и усталости и исчезаетъ безъ слѣда при первыхъ признакахъ общественнаго подъема.

С. Е.

Микола Вороний. *Театр і драма. Збірка критичних статей з обсягу театрального мистецтва і драматичної літератури. В-во „Волосожар". Київ. 1913. Стор. 167. Ціна 50 коп.*

Въ исторію украинскаго движенія украинскій театръ вписалъ не одну славную страницу. Живы еще многіе изъ свидѣтелей и очевидцевъ его пышнаго расцвѣта, живы и нѣкоторые изъ знаменитой плеяды дѣятелей этого блестящаго періода исторіи украинскаго театра. Но, какъ это ни странно, именно объ украинскомъ театрѣ мы имѣемъ особенно бѣдную литературу. Кромѣ оттиска изъ «Кіевской Старины» работы г-жи Л. Старицкой «25 лѣтъ украинскаго театра», воспоминаній артиста Н. Садовскаго «Мої театральні згадки» (еще не закончены), анонимной книжки «О корифеяхъ украинской сцены» да еще немногихъ статей и замѣтокъ, разбросанныхъ по повременнымъ изданіямъ, ничего существеннаго больше нѣтъ. Между тѣмъ никогда не чувствовалось такой потребности въ этой литературѣ, какъ въ настоящее

время, когда украинскій театръ переживаетъ, по общимъ отзывамъ, острый кризисъ.

Книга г. Вороного является такимъ образомъ очень кстати, тѣмъ болѣе, что предметомъ своимъ имѣетъ именно детальное изложеніе причинъ этого кризиса, изложеніе современнаго состоянія театральнаго искусства вообще и украинскаго въ частности, а также намѣчаетъ единственно возможные пути дальнѣйшаго развитія. Положенія автора «Театра і драми» въ краткой схемѣ сводятся къ слѣдующему. Современный европейскій театръ переживаетъ тяжелый длительный кризисъ, превратившись изъ храма чистаго искусства въ мелочное предпріятіе, служащее цѣлямъ пустого развлеченія для привилегированной, буржуазной публики. Но во всякомъ случаѣ положеніе это не безнадежно, и рано или поздно произойдетъ освобожденіе театральнаго искусства отъ вліянія буржуазныхъ вкусовъ черезъ вытѣсненіе ихъ свѣжими теченіями прогрессивнаго и здороваго демократизма. Состояніе украинскаго театра совершенно иное. Онъ также переживаетъ кризисъ, но не отъ истощенія, не отъ вырожденія нашего театральнаго искусства, въ которомъ такъ много еще сильныхъ зародышей, необходимыхъ для его развитія; причины кризиса лежатъ въ тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ, въ какихъ развивается вообще вся наша культурная и общественная жизнь. До сихъ поръ украинскій театръ былъ однимъ изъ двигателей украинской культуры; но для того, чтобы выйти на широкій европейскій путь и утвердиться на этой позиціи, онъ теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, нуждается въ помощи общества. Всякая нація имѣетъ такой театръ, какого она заслуживаетъ, а потому украинское общество должно приложить всѣ усилія, чтобы выдвинуть изъ своей среды идейныхъ руководителей театра, которые поставили бы его на должную высоту. Таковыхъ нѣтъ (если не считать г. Садовскаго, создавшаго единственную труппу, съ которой можно серьезно считаться), и вслѣдствіе этого украинскій театръ и не можетъ пока сдвинуться съ той мертвой точки, на какой остановился.

Книга г. Вороного дѣлится на нѣсколько частей. Авторъ, не сбиваясь почти нигдѣ съ объективнаго тона, подробно и критически излагаетъ свои взгляды на сущность театра, механизмъ его, на обязанности и творческую работу актера, режиссера, драматурга, на взаимоотношенія публики и театра. Заканчивается книга характеристикой новой драмы,—драмы живыхъ символовъ, къ каковой характеристикѣ, какъ иллюстрація, дается разборъ драмы В. Винниченка «Брехня», а также ея постановки въ театрѣ Садовскаго.

Для украинскаго читателя, въ массѣ своей мало знакомаго съ исторіей, теоріей и современнымъ состояніемъ театральнаго искусства, книга г. Вороного принесетъ, несомнѣнно, большую пользу: она обогатитъ его свѣдѣнія и пробудитъ въ немъ необходимое чувство здоровой творческой критики. Поэтому мы настойчиво рекомендуемъ эту новую книгу всѣмъ, кому дороги интересы и развитіе родного театра.

С. Черкасенко.

Содержаніе украинскихъ журналовъ.

Літературно-Науковий Вістник. Кн. 1. За січень. *О. Олесь.* М. Лисенкови (мініатюр). — *М. Коцюбинський.* На острові (кінець буде).—*Гр. Чупринка.* Привітаннє новорічне. — *Леся Українка.* Ізольда Білорука.—*О. Олесь.* 13 рік. — *Ор. Левицький.* Пашквіль (історичне оповіданнэ). *Олена Пчілка.* Микола Лисенко (спогади і думки).—*Леся Ясенко.* Поезії.—*Іван Стешенко.* М. В. Лисенко.—*М. Грушевський.* В балканськім антракті. — *Христя Алчевська.* Весняні сни (поезії). — *В. Велентій.* В полудневому Алтаі.—*Грицько Сумовитий.* Голодишині пироги.—*Софія Тобілевич.* Життє Івана Тобілевича (Карпенка-Карого).—*Антоніо Бельтрамелі.* Судна семи братів (Новеля). Переклала О. А. — Микола *Залізняк.* Сучасна індустрія і давніші способи продукції.—*М. Євшан.* Наш літературний білянс за 1912 рік.—*Ан. Ніковський.* Українська література в 1912 році.—*С. Черкасенко.* Українське життє в 1912 році.—*М. Данько.* 1912 рік в політичних відносинах Европи — *Бібліографія.*

Літературно-Науковий Вістник. Кн. II. За февраль. *О. Олесь.* Осінь (етюд).—*В. Леонтович.* Я заробив у мого Бога (оповіданнє). *Л. С.-Ч.* З Гейне (поезії) *Олена Пчілка.* Микола Лисенко (спагади і думки) (докінченнє).—*Філярет Колесса.* Народній напрям в творчости М. Лисенка. — *Д-р С. Людкевич.* М. В. Лисенко як творець українськоі національноі музики. — *О. Ремез.* Чайка (оповіданнє).— *О. Олесь.* Живу в якімсь чаду-тумані (поезія).—*С. Тобілевич.* Життє Івана Тобілевича (Карпенка-Карого) (дальше).—*Нат. Романович.* Мандрівниця (повість) (далі буде).—*Олена Журлива.* Хтось шепоче (поезії) — *Ничий.* Вічна,веснянаказка.—*М.Вороний.* Найдорожчий скарб (поезія). — *Ів. Стешенко.* Перед великим днем.—*М. Євшан.* Літературні замітки. —*А. Чекин.* Боротьба за виборче право жінок в Англіі (лист з Льондону).—*В. Дорошенко.* Науковий рух в 1912 році (далі буде).—*С. Черкасенко.* З українського життя.—*Л. Цегельський.* Місяць з'їздів та резолюцій. — Бібліографія. — Конкурс на проєкт надгробника М. В. Лисенку.

Літературно-Науковий Вістник. Книжка III. За март. *Орест Левицький.* Превелебний сват (історичне оповіданнє).—*В. О'Коннор Вілінська.* Візіт (ескіз).—*М. Чернявський.* Поезії— Невольник. Іванко. Царевич. — *Мих. Грушевський.* На українські теми: Батьки і діти.—*О. Олесь.* Коли лунає сміх і пісня.—*Нат. Романович.* Мандрівниця (повість, далі).—*Прохор Воронин.* Будьмо кращі (оповідання).—*В. Дорошенко.* Науковий рух в 1912 році (кінець). *С. Тобілевич.* Життє Івана Тобілевича (Карпенка-Карого). Далі. *М. Євшан.* Літературні замітки.—*Дж. Льондон.* Син Вовка (перекл. Нат Романович). — *Ignotus.* З австрійськоі України—Кілька підрахунків.—*С. Черкасенко.* З українського життя — *М. Данько.* На близькім і далекім Сході.— Бібліографія.—Від редакції.

Сяйво. Число 3 (за март). *Яків Мамонтов.* Пізно.—*Грицько Чупринка.* Сімфонія сонця. В нічку ясну. Передача.—*Микола Валуйко.* Кость Олексійович Трубовський та його творчість.—*Микола Біляшевський.* Де що про українську орнаментику. — *Іван Стешенко.* З історії української драми XIX віку.—*Проф. Микола Сумцов.* Українська ніч в картинах Куінджі.— *Benevolus.* Перед піднятою завісою.— *В. Борецький.* Новини української музики.—Хроніка.—Дописи.—Усячина.

Дзвін № 2, за февраль. *Гр. Чупринка*—„Самогубець". *Олесь Жихоренко* Переклади: з Гюго. з Конопніцкої. *Олена Журлива*—„Дві хвилини". *В. Винниченко*—„Олаф Стефензон". *Нат. Романович* — „Будиночок над кручею" (оповід.). *В. Винниченко*— „Фільозофія і етика Шевченка" *Д. Антонович*—„Справа пямятника Шевченкові у Київі". *П. Круть*—„Страхуваннє робітників". *Лев. Юркевич*„—Середні кляси і національне відрожденэ". *Г. Алексінський*—„Україна в Москві". *Я. Рій*—„Балканська війна". *В.Левинський* „Австрійські соціяльні демократи про балканську війну. *Ол. Мерклінг*—З історії чеського соціаль-демократичного руху. *Л. Рибалка*—Сістема Тайлор. *К, Миргородськиі* З робітничаго життя. *Дм. Донцов.*—З українського життя. *В. Садовський*—Біля Думи. *Бібліографія.*

Ukrainische Rundschau. № 1. 1913 10 Jahre „Ukrainische Rundschau", *Vom. Herausgeber.*—Die ominäse Stilistik. *Von* —r. Auf der Rückehr zum eigenen Volke. *Von. M. Joutchenko.*—Der grosse Moment und das schwache Geschlecht. *Von W. Kuschnir.*—Die IV Reichs - Duma und die Ukrainer. *Von. M. Danko.*— Mykola hyssenko. *Von Der. M. Woloschyn.*—Umschau: Näheres über die

Mission Kapnists in Berlin.—Oesterreich über alles, wenn es nur will.—Unser Standpunkt vom Jahre 1906.—Eine chinesische Mauer.—Anerkennung für ukrainische Gewerbetreibende und Vereine.—То со innego.—Buchbespechung.—

Книги, поступившія въ редакцію.

М. Горькій. Ярмарок в Голтві. Переклав М. Данько. Київ. 1913. Ціна 4 коп.

Звіт з діяльности товариства краєвий союз ревізийний. Львів. 1913. Ціна 5 кор.

Економіст. Місячник економічно-господарський. Орган краєваго союза ревізийнаго. Число 7—8, 9—10. Львів 1912.

Гр. Гетьманець. Хто такий Тарас Шевченко. Київ. 1913. Ц. 4 коп.

Извѣстія Одесскаго Библіографическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ. Томъ II, выпуски 1, 2.

Проф. И. А. Сикорскій. Психологическая борьба съ самоубійствомъ въ юные годы. Кіевъ 1913. Ц. 30 к.

Его же. Идеализація и матеріализація жизни. Кіевъ. 1913. Ц. 20 коп.

Его же. Русскіе и украинцы (Глава изъ этнологическаго катехизиса). Кіевъ 1913. Ц. 25 коп.

Христина Даниловна Алчевская. Полувѣковой юбилей (1862—1912).

Бібліотека наукового товариства імени Шевченка

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ февральской книжкѣ „Украинской Жизни“ въ статьѣ И. Я. Стелецкаго „Подземная Украина“ на страницѣ 81-й, въ началѣ ея, вслѣдствіе недосмотра, пропущена цѣлая строка, благодаря чему искаженъ смыслъ текста.

Нужно вставить:

„Въ лѣсистомъ обрывѣ къ р. Сулѣ, къ югу отъ монастыря“...

Редакторъ-издатель Я. А. Шеремецинскій

Приймається передплата на 1913 рік на Український місячник літератури науки й громадського життя

„ЛІТЕРАТУРНО-НАУКОВИЙ ВІСТНИК“

Виходить книжками по 12—15 аркушів великого формату. При близчій участи: В. Винниченка, М. Грушевського, М. Євшана, О. Кобилянської, М. Коцюбинського, О. Левицького, В. Леонтовича, Лесі Українки, О. Олеся, Ю. Сірого, Л. Старицької-Черняхівської, Л. Цегельського і инш.

Л.-Н. Вістник виходить при участи визначнійших письменників, ученых і публицистів України Російської і Австрійської та служить органом культурнаго житя цілої України. Л.-Н. Вістникъ подає багато оригінальної белєтристики; переважна більшість визначнихъ наших белєтристів постійно друкує к нім свої твори, а з визначнійших закордонних літературних творів даються переклади. Л.-Н. Вістник містить популярно наукові статі й огляди спеціалистів з української історії, літератури та суспільної економії, наук природних і техніки. Л.-Н. Вістник знайомить з поступами житя і культури української і всесвітної, з філософії і соціольогії, являється неминучо потрібним для всякого освіченого Українця органом всеукраїнського національнаго культурнаго житя.

Редакція і головна контора: Київ, В-Підвальна, 14, кв. 30.

На рік 8 руб.: за пів року 4 руб. 50 коп. для незаможних учнів, студентів, сельських учителів, низчих служащих, робітників і селян 6 руб., але тільки коли вони передлачують журнал просто з контори. Кому трудно відразу, нехай присилає на перше число кожного місяця по 1 руб. поки збереться повна передплата, а журнал посилається зараз. Комісіонерам 5% принятої ними передплати.

КОМПЛЕКТИ за попередні роки продаються по 8 руб.

Приймається передплата на 1912—1913 шкільний рік

НА УКРАЇНСЬКИЙ ПЕДАГОГИЧНИЙ ЖУРНАЛЪ

„СВІТЛО“

третій рік видання.

Журнал призначається для сем'ї і школи і виходить раз на місяць (всього 9 книжок, кожна розм. од 4 до 5 аркушів) по такій програмі:
1) Статті що до теорії виховання і народньої освіти. 2) Ознайомлення з усякими питаннями виховання і практичне пристосування їх до шкільного і семйового життя. 3) Значіння художнього розвитку в справі виховання і освіти. 4) Сьогочасне становище народньої освіти, школи і народнього учительства на Україні. 5) Хроніка діяльности всяких просвітніх, педагогичних і наукових товариств. 6) Огляди педагогичних російських і закордонних журналів. 7) Твори красного письменства. 8) Бібліографія. Въ журналі „Світло“ за перший й другий рік взяли участь своїми писаннями такі співробітники: Х. Алчевська, Батько, С. Бердяевъ, Бій-кий, Ан. Василько, С. Васильченко, С. Волох, П. Воронін, М. Грінченко (Загірня), Я. З—кевич, Дніпрова Чайка, Д. Дорошенко, С. Єфремов, Д. З. Бір, Т. Згральський, П. Капельгородський, Н. Кибальчич, А. Курилас, В. Куц, Людомир П., Гр. Михайлець, З. Мірна, Он. Мусієнко, Гр. Наш, Гр. Неборак, М. Невада, К. Оберучєв, Ол. Он—ко, О. Она, Сергій Павленко, П. Понятенко, В. Поточний, Педагог, Д. Пісочинець, Провінціал, Я. Савченко, Гр. Сьогобочній, М. Рубакин, Ол. Русов, С. Русова, Ю. Сірий, Ю. Стрижавський, С. Сірополко, Слюсар, В. Спілка, Ів. Стешенко, Я. Стороженко, М. Ткаченко, П. Є. Т—ро, С. Титаренко, Ф. Тусін, Є. Чарнолуська, Чепелянський, Я. Чепіга, С. Черкасенко, Л. Чулий, Св. К. Шар—кий, С. Шелухін, С. Шохоръ-Троцький.

Журнал „Світло“ виходять з сентября. Передплата на рік 4 карб. На пів року 2 карб. 50 к. За кордон 5 карб. Передплата приймається в конторі „СВІТЛА“, у Київі, В.-Володимирська. 93 Передплачувати „Світло“ можна ще у Київі: 1) в Українській книгарні, Безаківська, 8; 2) в книгарні Л.-Н. Вістника, В.-Володимирська, 28; 3) в Крамниці „Час“ Вел. Волод. 53, въ Харькові, в Укр. книгарні, Рибна, 25, в Полтаві в „Українській книгарні“ Петровська ул., будинок Ворожейкина, поруч з європейським готелем; в Одесі: въ книгарнін „Діло“, Преображенська, 11, риг. Лисаветинської, в Катеринодарі, Красна ул. Книгарня Запорожця.

„ДЗВІН“

новий літературно-науково-артистичний журнал-місячник, виходить у Київі.

«ДЗВІН» є журналом демократичним і обстоює інтереси робітничих верств; містить твори красного письменства, статі наукового змісту з історіі, литературы і природничих наук, критику і бібліографію, огляди наукового, літературного і громадського жития в Росіі і за кордоном, хронику і переписку редакції; при нагоді містить і люстрації і на окремих листах і в тексті.

«ДЗВІН» виходить при участи такихъ співробітників: Алчевська, Х., Антонович, Д., Бачинській, Ю., Безпалко, О., Богун, М., Бувший, П., Винниченко, В., Вороний, М., Гадячанин, С., Гилька, І., Дніпрова-Чайка, Донцов, Д., Дятловъ П., Коцюбинській, М., Лазаревскій, Б., Левинський, Е., Леся Українка, Личко, Д., Лозенко, К., Луначарський, А., Миргородський, К., Назаріів, О., Петлюра, С., Понятенко, П., Романович, Н., Садовський, В., Сергієнко, Д., Сірий Юр., Скоропис, О., Степанюк, В., Хвиля, М., Черкасенко, С., Чумак, В., Чупринка, Г., Юркевич, Л., и ин.

Рукописи надсилати і в справах редакційних просять тимчасово звертатись по такій адресі: Київ, Жилянська, 20, редакція журнала «Дзвін».

Передплата на «ДЗВІН» коштує: в Россіі на рік 3 карб., на пів року 1 карб. 75 коп., на чверть року 1 карб.; въ Австріи: на рік 6 корон, на пів року 3 корони, на чверть року 1 корона 70 сотиків; в Німеччині на рік 6 марок, на пів року 3 марки; въ Америці на рік 2 доляри, на пів-року 1 доляр.

Передплату с Австріі, Німеччини, Америки і з всіх наших країв належить посилати на таку адресу:

Порфиръ Буняк, у Львові, ул. Різбарска, ч. 5, для «Дзвону». (Lemberg, Anstria).

Открыта подписка на 1913 годъ на ежедневную политическую, литературную и экономическую газету.

РѢЧЬ,

8-й годъ изданія,

издаваемую въ С.-Петербургѣ **В. Д Набоковымъ** и **И. И. Петрункевичемъ,** при ближайшемъ участіи **П. Н. Милюкова** и **Г. В. Гессена** и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ

Подписчикамъ газеты **«Рѣчь»** на 1913 годъ, внесшимъ до 1-го февраля подписную плату не менѣе, чѣмъ за ½ года, будетъ, по примѣру этого года, разосланъ **безплатно.**

Ежегодникъ газеты „РѢЧЬ“

на 1913 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	12 м.	9 мѣс.	6 мѣс.	5 мѣс.	4 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Въ Россіи . Р.	12.—	9.—	6.—	5.10	4.15	3.15	1.15	1.10
Заграницу . Р.	20.—	15.75	11.—	9.50	7.45	6.—	4.—	2.—

Для сельскихъ священниковъ и учителей, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, фельдшеровъ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ при непосредственномъ обращеніи въ главную контору: на 12 м.—9 р., 9 м.—6 р. 75 к., 6 м.—4 р. 50 к., 3 м.—2 р. 40 к., 1 м.—85 к.

Адресъ главной конторы газеты **«Рѣчь»:** Спб., улица Жуковскаго, 21.

Пробные №№ газеты «Рѣчь» для ознакомленія высылаются безплатно.

Правленіе Общества имени Т. Г. Шевченка для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ Южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, проситъ лицъ, чтущихъ память поэта и сочувствующихъ цѣли и задачамъ Общества, основаннаго во имя поэта, пріобрѣсти сборникъ рисунковъ Т. Г. Шевченка подъ названіемъ „Малюнки Тараса Шевченка“. Въ вышедшемъ первомъ выпускѣ помѣщено 30 рисунковъ Шевченка, портретъ Шевченка работы профессора Матэ и статья г. Сластьона „Шевченко въ искусствѣ“. Стоитъ первый выпускъ, при выпускѣ изъ „Украинской Книгарни“ въ Петербургѣ (3 Линія Вас. Остр., 24) 3 р. 50 коп. (три рубля пятьдесятъ коп.) съ пересылкою.

Принимается подписка на 1913 годъ на ежемѣсячный журналъ Черниговскаго Губернскаго Земства

„Земскій сборникъ Черниговской губ.“

Издаваемый по слѣдующей программѣ: отдѣлъ I. Постановленія и распоряженія правительства. Отдѣлъ II. Земское и городское хозяйство. Земскія извѣстія и обзоры земскихъ и городскихъ учрежденій Черниговской губерніи. Отдѣлъ III. Монографіи, матеріалы и свѣдѣнія по археологіи, исторіи, этнографіи, народному образованію, какъ теоретическаго, такъ и чисто практическаго, мѣстнаго характера и пр. Отдѣлъ IV. Мѣстная хроника. Сообщенія, отчеты и обзоры дѣятельности мѣстныхъ правительственныхъ, общественныхъ и сословныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ. Отдѣлъ V. Общая хроника.—Обзоръ главнѣйшихъ событій, фактовъ и проектовъ внутренней и внѣшней жизни Россіи. Отдѣлъ VI. Разныя свѣдѣнія и корреспонденціи изъ уѣздовъ Черниговской губерніи. Отдѣлъ VII. Судебная хроника, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній, по дѣламъ, касающимся земскихъ интересовъ. Отдѣлъ VIII. Общая библіографія, со включеніемъ обзора иностранной агрономической литературы. Отдѣлъ IX. Вопросы и отвѣты по экономическимъ, земскимъ и другимъ вопросамъ. Отдѣлъ X. Справочныя извѣстія и объявленія.

Подписная плата съ пересылкою: на годъ—2 руб., на полгода—1 р.; на 3 мѣс.—50 к.; на 1 мѣс.—20 коп.

Подписка принимается въ г. Черниговѣ, въ Губернской Земской Управѣ.

Тип. П. П. Рябушинскаго. Москва.

Приймається предплата на 1913 рік

на українську газету „РАДА“ рік видання восьмий

Газета політична, економична і літературна.

Виходить у Київі що дня оприч понеділків і днів після великих свят.

«Рада» має широку програму, як звичайні великі політичні газети: дає огляди життя політичнаго, громадського, економичного на Вкраіні, в Росії і за-границею: друкує фельєтони, а також статті критичні і твори красного письменства.

«Рада» зостаючись і надалі непартійною газетою, обстоюватиме змагання до поширення прав суспільства й органів громадського самоврядування.

«Рада» звертатиме як найбільшу увагу на справу **народньої просвіти** шкільної й по-за шкільної, на **потреби** нашого **вчитательства та на питання культурно-просвітного характеру**—і буде змагатися за найкраще розвязання цих справ для всього українського люду

«Рада» вважає, що поліпшення матеріяльного добробуту людности,—економичний розцвіт країни—є основным грунтом для зросту національної культури. Визнаючи це, „Рада“ буде обстоювати **кооперативну справу** на Вкраіні в усяких ії формах: поширення сельсько-господарських товариств, товариств споживчих, продукційних то-що і подаватиме докладні статті, дописи та ззвістки про кооперативну справу взагалі, а на Україні особливо.

«Рада» буде подавати звістки і статті про **життя культурне, економичне і політичне**, про здобутки і втрати, яких зазнає український люд **за кордоном Росії**: въ Галичині, на Буковині, в далеких колоніях: в Канаді, в Сполучених Штатах, в Бразилії... Доля та життя наших **переселенців** в Сібірі, на Кавказі—знайдуть тако-ж освітлення на сторінках „Ради“.

ДО СПІВРОБІТНИЦТВА в «РАДІ» запрошено визначніші літературні и наукові сили.

«Рада» має ВЛАСНИХ **кореспондентів** в Державній Думі, в Державній „Раді“, а також в **політичних центрах Європи, в Лондоні, в Парижі, в Римі, у Відні, в Празі, у Львові, в Чернівцях** і в усіх визначніших містах України по цей і по той бік кордону.

В 1913 році „РАДА“ друкуватиметься виразним и стислим шріфтомъ і матеріалу буде входить в кождий № значно більше.

Ціна „РАДИ“ з доставкою і пересилкою в Россіі:

на рік	на 11 м.	на 10 м.	на 9 м.	на 8 м.	на 7 м.	на 6 м.	на 5 м.	на 4 м.	на 3 м.	на 2 м.	на 1м.
6	5. 70.	5. 25.	4. 75.	4. 25.	3. 75.	3. 25.	2. 75.	2. 25.	1. 75.	1. 25.	65

Передплату на рік можна виплачувати частками в такі строки: на 1 янв. 3 карб. і на 1 апр. 3 карб.; в 3 строки: на 1 янв. 2 карб., на 1 марта 2 карб. на 1 мая 2 карб., або по 1 карб. що місяця впродовж першого півріччя.

Кождий переплатник може одержати з к-ри „Рада“ за 6 карбованців

„СЛОВНИК української мови“

Зібраний редакцією журн. „Кіевская Старина“, премірований Рос. Акад. Наук і виданий под редакцією і з доповненнями Б. ГРІНЧЕНКА, **в 4-х великих томах. В книгарнях словник цей продається по 8 карб., без пересилки.**

ЗМІНА АДРЕСИ—30 коп., **артистам і учням всіх шкіл**—БЕЗПЛАТНО.

Адреса редакції і головної контори: у Київі, Велика-Підвальна вул., д. 6, біля Золотих Воріт. Телефон 1458.

Передплата на „ Раду“ на таких-же самих умовах, що і в конторі, приймається: у **Київі:** 1) в „Українській книгарні“, Безаківська, 8, 2) в книгарні „Л. Н. В“. Б.-Володимирська, 28), 3) въ Книгарні Череповського, Фундуклеівська 4; і 4) в. крамниці „Час“, В. Володимирська 53; в **Одесі** „Дѣло“, Конна, 11, в **Катеринославі**—Книгарня Лозинської, Проспект: в **Полтаві** — Книгарня Маркевича, бульвар Котляревського і в „Українській Книгарні“ Петровська ул.; в **Петербурзі**—Книгарня Вольф і „Украінська Книгарня і Базар“ В. О. 3 линія № 24, въ **Харькові**—„Українська Книгарня“, Петровський пер. 18.

Редактор В. ЯНОВСЬКИЙ. **Видавець Є. ЧИКАЛЕНКО.**

„Ілюстрована Україна“

новий ілюстрований журнал посьвячений лїтературі, критиці, малярству, архитектурі, пластиці, народній штуці, театральним справам, музиці, українській минувшин, етнографі і фізичному вихованю.

Містить також описи подорожий, житєписи, спомини, огляди украньского життя, бібліографію і. т. п.

«ІЛЮСТРОВАНА УКРАІНА» ведена на взір великих ілюстрованих журналів Европи.

Редагує комітет під проводом

Др. Івана Крипякевича.

Виходить у Львові кождої другої суботи. Передплата виносить в Австриї річно 8. к. піврічно 4 к., поодиноке число коштує 32 сот., в Россії річно 5 карб. піврічн. 2½ карб.

Адрес редакциї і адмінїстрациї:

„ІЛЮСТРОВАНА УКРАІНА“ ЛЬВІВ,

ул., Сербська ч. 15 II п. Чекове конто: 22.839

В Росії приймає передплату на „Ілюстровану Україну“

В Київі: Книгарня Лїтературно-Наукового Вістника ул., В. Володимирська 28.

В Петербурзї: Українська книгарня Базар Вас. остр. 3 лїнїя. д. 24.

В Одессї: Українська книгарня „Діло“ ул., Преображенська 11.

В Полтавї: Українська книгарня ул. Малопетровська.

Цѣна на станціяхъ жел. дор. 75 к.

Тип. П. П. Рябушинскаго. Москва